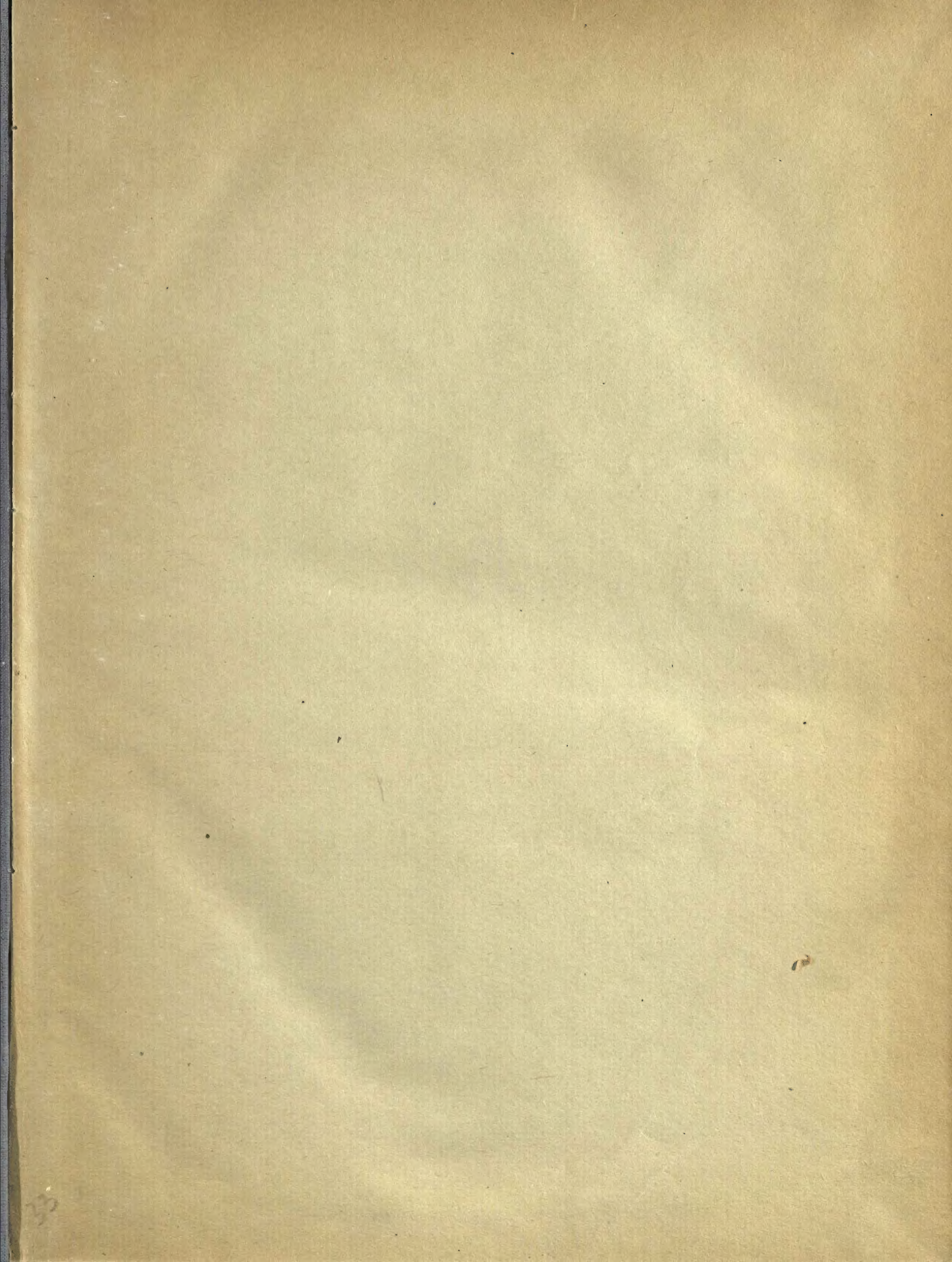

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА

ВЪ

РОССІИ.

ИЗДАНЫ

МИНИСТЕРСТВОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ТОМЪ VIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА

ВЪ РОССІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА

ВЪ

РОССІИ.

ИЗДАНЫ

МИНИСТЕРСТВОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ТОМЪ VIII.

ОПИСАНІЕ РЫБОЛОВСТВА НА ЧЕРНОМЪ И АЗОВСКОМЪ МОРЯХЪ.

СОСТАВЛЕНО

НАЧАЛЬНИКОМЪ ЭКСПЕДИЦІИ, ИНСПЕКТОРОМЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИМЪ.

СЪ АТЛАСОМЪ ЧЕРТЕЖЕЙ И РИСУНКОВЪ.

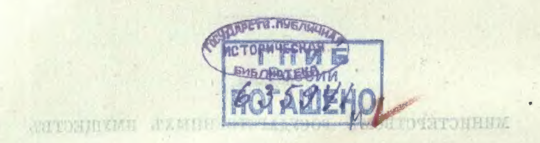
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

(Вас. Островъ, 8 линія, № 45.)

1871.

ГПИБ России
10056955

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГПИБ
ПОГАШЕНО

ОПИСАНІЕ

РЫБОЛОВСТВА НА ЧЕРНОМЪ И АЗОВСКОМЪ МОРЯХЪ.

ОТЧЕТЫ НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦІИ

ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ РЫБНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ НА АЗОВСКОМЪ И ЧЕРНОМЪ МОРЯХЪ.

ОТЧЕТЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ РЫБОЛОВСТВА ВЪ АЗОВСКОМЪ МОРѢ.

Предметъ отчета. Предметомъ настоящаго — перваго — и двухъ слѣдующихъ отчетовъ будетъ рыболовство, производимое вдоль всѣхъ береговъ Азовскаго моря, равно какъ и въ низовьяхъ впадающихъ въ него рѣкъ, за исключеніемъ лишь одного сельдянаго лова. Сельдяной промыслъ долженъ составить предметъ отдѣльнаго — четвертаго — отчета, потому что здѣшняя сельдь не составляетъ исключительной принадлежности Азовскаго моря, а переходитъ изъ него въ Черное, а также и изъ Чернаго въ Азовское, и на этомъ-то переходѣ основанъ главнѣйшій ловъ этой рыбы. Та же порода сельдей ловится близь устьевъ Днѣпра и Дуная. По всему этому все, относящееся до сельдянаго промысла, тогда только можетъ быть представлено въ совершенной полнотѣ и ясности, когда означенныя мѣстности будутъ осмотрѣны экспедиціей.

Краткій обзоръ поѣздокъ экспедиціи. Часть весны и почти все лѣто 1864 года было употреблено экспедиціею на изслѣдованіе азовскаго рыболовства, для чего я, вмѣстѣ съ гг. Межаковымъ и Никитинымъ, объѣхалъ вокругъ всего моря, начиная отъ Тамани — чрезъ Темрюкъ, Екатеринодаръ, Ачуевъ, Ейскъ, Ростовъ, Таганрогъ, Бердянскъ, Геническъ — до Арабата. При этомъ были посѣщены нами всѣ многочисленныя косы, какъ отдѣляющія расширенія устьевъ впадающихъ въ Азовское море рѣкъ (такъ наз. лиманы) отъ открытаго моря, такъ и впадающія въ него узкими полуостровами, на которыхъ главнѣйше производится здѣшнее рыболовство. Въ тоже время г. Гульельми былъ отправленъ въ Ростовъ и въ Новочеркаскъ для собиранія тамъ статистическихъ и другихъ свѣдѣній о рыболовствѣ въ Войскѣ Донскомъ. Съ этою же цѣлью г. Шульцъ объѣхалъ южный, западный, сѣверный берега и часть восточнаго берега Азовскаго моря отъ Ростова до Ейска и отъ Тамани до Темрюка, въ теченіи зимы. Въ октябрѣ 1863 г., во время поѣздки въ Керчь и его окрестности, съ спеціальною цѣлью изслѣдованія сельдянаго промысла, были мною и спутниками моими тоже собираемы

свѣдѣнія объ азовскомъ ловѣ, преимущественно въ южной части его отъ Арабата до Керчи. Наконецъ, для нѣкоторыхъ пополненій прежде собранныхъ свѣдѣній, а главное съ цѣлью посѣтить черноморское устье р. Кубани, которое хотя въ географическомъ смыслѣ и не принадлежитъ къ Азовскому морю, однако въ отношеніи къ рыболовству не можетъ быть отдѣлено отъ прочихъ мѣстностей кубанской дельты, я предпринялъ съ г. Никитинымъ, въ послѣдней половинѣ октября прошлаго года, поѣздку на Таманскій полуостровъ. Такимъ образомъ собраны были экспедиціею, въ разныя времена года, довольно полныя данныя объ азовскомъ рыболовствѣ, къ которымъ впослѣдствіи едва ли придется многое прибавить.

Значеніе азовскаго рыболовства и сравненіе его съ каспійскимъ. Эти подробныя и тщательныя наблюденія надъ азовскимъ рыболовствомъ привели экспедицію къ тому убѣжденію, что Азовское море, по количеству доставляемой имъ рыбы, занимаетъ рѣшительно первое мѣсто послѣ Каспійскаго моря, и если уступаетъ ему въ этомъ отношеніи, то единственно потому, что въ нѣсколько разъ меньше его. По выгодности же лова и по удобствамъ производства его, азовская рыбная промышленность нисколько не уступаетъ каспійской, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже превосходитъ ее, что между прочимъ доказывается тѣмъ, что многіе рыбопромышленники переходятъ съ Волги на Азовское море. Хотя это послѣднее обстоятельство и должно быть въ значительной мѣрѣ приписано тому, что воды вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря до сихъ поръ еще находятся въ рукахъ частныхъ лицъ или откупщиковъ, тогда какъ на Азовскомъ онѣ, по закону по крайней мѣрѣ, совершенно вольныя, — однако же, не смотря на то, легко доказать, что и самое рыбное богатство Азовскаго моря имѣетъ тутъ не малую долю вліянія (*). Для этого стоитъ только сравнить — съ одной стороны — пространство обоихъ морей, а съ другой—количество доставляемой ими рыбы. Поверхность Азовскаго моря (638 кв. м. съ Сивашемъ включительно) составляетъ около $^1/_{10}$ доли поверхности Каспійскаго (6,200 кв. м.). Количество рыбы, вылавливаемой изъ Каспійскаго моря, опредѣлено мною, въ V т. «Изслѣдованій о рыболовствѣ», среднимъ круглымъ числомъ въ 10,500,000 п.; по такому же приблизительному счету, (въ обоихъ случаяхъ скорѣе преуменьшенному, чѣмъ преувеличенному, и основанія котораго будутъ приведены ниже), средній уловъ Азовскаго моря опредѣляется въ 4,000,000 п.; слѣдовательно послѣдній только въ $2^1/_2$ раза уступаетъ каспійскому. Если принять, что ловъ въ обоихъ моряхъ производится съ одинаковою энергіею, т. е. что въ обоихъ случаяхъ вылавливается ежегодно одинаковая доля изъ рыбнаго запаса того и другаго морей, то должно бы заключить, что Азовское море въ 4 раза гуще населено рыбами, нежели Каспійское, потому что уловы на первомъ уступаютъ уловамъ на второмъ лишь въ $2^1/_2$ раза, тогда какъ поверхность одного въ 10 разъ меньше поверхности другаго. Но и такое отношеніе для густоты рыбнаго населенія можетъ на первый взглядъ показаться еще не достаточно выгоднымъ для Азовскаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, рыбы живутъ не только на поверхности моря, но и во всей массѣ составляющей его воды, и потому можетъ представиться вопросъ: для составленія болѣе вѣрнаго понятія о густотѣ воднаго населенія, не слѣдуетъ ли принять въ разсчетъ, вмѣсто величины поверхности, кубическую вмѣстимость водоема? При послѣднемъ предположеніи результатъ для Азовскаго моря былъ бы невѣроятно выгоденъ. Именно, вся масса воды, заключающейся въ Азовскомъ морѣ, не превосходитъ $^2/_3$ куб. мили (принимая 4 саж. за

(*) Послѣ того какъ писаны были эти строки, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 1866 году положенія о каспійскомъ рыболовствѣ, рыбный ловъ и въ Каспійскомъ морѣ объявленъ вольнымъ.

среднюю глубину моря); что же касается Каспійскаго моря, то хотя я и не имѣю теперь данныхъ для сколько нибудь приблизительнаго исчисленія вмѣстимости его, однако же повидимому не будетъ чрезмѣрнаго преувеличенія, если приму, что она разъ въ 300 превосходитъ вмѣстимость Азовскаго моря. Слѣдовательно, при одинаковомъ объемѣ воды, въ Азовскомъ морѣ заключается слишкомъ во сто разъ болѣе рыбы, чѣмъ въ Каспійскомъ.

Причины изобилія рыбы въ Азовскомъ морѣ:

1. *Его мелкость.* Впрочемъ нѣкоторое знакомство съ распредѣленіемъ живыхъ существъ въ моряхъ и вообще въ водахъ показываетъ намъ, что, при сравненіи количествъ органическихъ существъ въ различныхъ водахъ, нельзя относить этихъ количествъ къ кубической единицѣ мѣры, ибо съ увеличеніемъ глубины количество живыхъ существъ не только не увеличивается пропорціонально ей, но уменьшается. Это видно между прочимъ уже изъ того, что всѣ органическія вещества, вносимыя рѣками въ море, будутъ гораздо болѣе сконцентрированы въ томъ случаѣ, если принимающее ихъ море или озеро будетъ мелко. Равнымъ образомъ и тѣ органическія вещества, которыя, независимо отъ вносимыхъ рѣками, составляются изъ элементовъ морской воды и атмосферы, образуются преимущественно тамъ, гдѣ земля, вода и атмосфера находятся въ ближайшемъ соприкосновеніи, т. е. въ мѣстахъ мелкихъ. Поэтому-то мелкость Азовскаго моря должно считать однимъ изъ условій, благопріятствующихъ развитію въ немъ органической жизни. Этотъ взглядъ подтверждается вполнѣ, если обратимся для сравненія къ Каспійскому морю. Почти все количество добываемой изъ него рыбы ловится въ сѣверной части моря, (ограничиваемой линіею, проведенною отъ устьевъ Эмбы къ устьямъ Терека), гдѣ глубина рѣдко превосходитъ 7 или 8 саженъ. Необыкновенное богатство куринскаго рыболовства нисколько не опровергаетъ высказаннаго положенія, потому что тамошніе промыслы не столько замѣчательны по количеству доставляемыхъ ими продуктовъ, не превышающему 350,000 пудовъ, сколько по ихъ цѣнности, такъ какъ уловы тамошніе состоятъ почти исключительно изъ красной рыбы. Поэтому, чтобы быть совершенно безпристрастнымъ при сравненіи рыбнаго богатства Каспійскаго и Азовскаго морей, надо сравнивать однородное съ однороднымъ, т. е. вмѣсто того, чтобы относить уловы обоихъ морей къ кубической единицѣ вмѣстимости, надо сравнивать Азовское море не съ цѣлымъ пространствомъ Каспійскаго, а только съ сѣверною его третью. Тогда мы придемъ къ тому заключенію, что Азовское море и сѣверная часть Каспійскаго, превосходящая первое въ два или въ три раза, какъ пространствомъ, такъ и ежегодными уловами, — почти равны по своему относительному рыбному богатству. Впрочемъ, при болѣе точномъ сравненіи, т. е. если бы имѣлись достаточно точныя данныя, быть можетъ окажется нѣкоторый перевѣсъ въ пользу Азовскаго моря, потому что относительно равные уловы достигаются въ этомъ послѣднемъ менѣе систематическимъ и энергическимъ ловомъ, чѣмъ въ сѣверной части Каспійскаго моря.

2. *Малая соленость Азовскаго моря.* Мы видѣли, что мелкость Азовскаго моря составляетъ одну изъ причинъ его рыбности; другимъ благопріятствующимъ условіемъ должно считать малую соленость его (*). Содержаніе соли среди Азовскаго моря не превышаетъ одного процента; въ обширномъ же

(*) Почему малая соленость водоема составляетъ условіе благопріятное для густоты рыбнаго населенія, я здѣсь объяснять не буду, такъ какъ это уже было развито мною въ IV отчетѣ VI т. «Изслѣд. о сост. рыбол. въ Россіи». Стран. 166 и 167.

Таганрогскомъ или Донскомъ заливѣ оно не болѣе $^1/_{10}$ процента, такъ что начиная отъ Долгой косы скотъ охотно пьетъ морскую воду.

3. Изобиліе питательныхъ органическихъ веществъ. Оба названныя выгодныя условія Азовскаго моря сами по себѣ однако же имѣли бы очень мало значенія, если бы въ это море не вносилось огромнаго количества органическихъ веществъ, двумя впадающими въ него рѣками Дономъ и Кубанью и преимущественно послѣднею. Въ примѣръ того, какъ велика масса органическаго вещества, раствореннаго, или—лучше сказать—распредѣленнаго въ водахъ Азовскаго моря, приведу здѣсь одно наблюденіе, сдѣланное мною во время посѣщенія Донскаго залива. Вдоль всѣхъ косъ, вдающихся въ этотъ заливъ, до самой оконечности ихъ, отстоящей—напримѣръ—у Бѣлосарайской косы верстъ на 15 отъ берега, во второй половинѣ іюля вода была окрашена въ такой густой зеленый цвѣтъ, что походила на растворъ краски. Цвѣтъ этотъ происходилъ отъ такъ называемыхъ гонидій, т. е. служащихъ для размноженія, крупинокъ одной пузырчатой водоросли. Когда составляющіе ее зеленые прозрачные пузыри, (обыкновенно въ нѣсколько вершковъ длиною и въ палецъ толщиною), лопаются и выпускаютъ изъ себя наполнявшія ихъ крупинки, то онѣ, — на пространствѣ, какое только можетъ охватить глазъ, — въ такомъ количествѣ наполняютъ море, что зачерпнутая изъ него вода не можетъ протекать сквозь бумажную цѣдилку. Правда, эта масса органическихъ веществъ можетъ служить непосредственною пищею только рыбамъ изъ семейства сазановидныхъ, — одного изъ немногихъ отдѣловъ рыбъ, питающихся растеніями; но находясь въ мелкой и сильно нагрѣваемой водѣ, она должна питать и миріады мелкихъ животныхъ, и потому Азовское море не только изобилуетъ питательными веществами въ первоначальномъ — такъ сказать — видѣ, но въ немъ существуютъ и всѣ условія, нужныя для того, чтобы органическое вещество, при помощи превращеній, могло принять тѣ формы, которыя преимущественно приспособлены къ питанію большинства рыбъ. И дѣйствительно, количество мелкихъ ракообразныхъ животныхъ, (какъ — напримѣръ — морскихъ блохъ, Gamarus, а также тонкостѣнныхъ, двустворчатыхъ раковинъ, которыми преимущественно любятъ питаться севрюги), въ немъ изумительно велико. Такъ всѣ косы, идущія непрерывною грядою отъ Курчанскаго до Ясенскаго гирла, а также косы Камышеватая и Долгая, состоятъ исключительно изъ цѣльныхъ, битыхъ, или уже обратившихся въ песокъ раковинъ; въ косахъ же сѣвернаго берега моря эти раковины составляютъ по крайней мѣрѣ значительную примѣсь къ прочимъ матеріаламъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ. Какъ же велико должно быть количество этихъ животныхъ въ морѣ, дабы остатки ихъ могли образовать такіе наносы?

4. Выгодныя для размноженія рыбы условія въ низовьяхъ Кубани. Ко всему сказанному присоединяются еще необыкновенно выгодныя условія, представляемыя устьями Кубани для размноженія бѣлой рыбы, т. е. судака (по здѣшнему сулы), сома и нѣкоторыхъ породъ изъ семейства сазановидныхъ (Cyprinoidei), составляющихъ главное рыбное богатство Азовскаго моря. Условія эти можно сказать единственны въ своемъ родѣ; Кубанская дельта превосходитъ въ этомъ отношеніи даже самую дельту Волги, уступая ей только въ обширности. Объ этихъ условіяхъ я буду подробно говорить ниже, при спеціальномъ описаніи рыболовства у береговъ Черноморья.

Прѣсноводный характеръ азовскихъ рыбъ. Малая соленость Азовскаго моря оказываетъ вліяніе и въ другомъ отношеніи: населяющія это море рыбы имѣютъ прѣсноводный характеръ; всѣ, сколько нибудь важныя, въ промышленномъ отношеніи, азовскія рыбы идутъ для метанія икры на прѣсную

воду и могутъ даже проводить всю жизнь свою въ прѣсной водѣ. Обстоятельство это имѣетъ двоякое вліяніе на рыболовство:

1) Все почти рыболовство сосредоточивается въ самыхъ рѣкахъ, близь устьевъ ихъ, и въ прибрежной полосѣ, ширина которой въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до 20 или до 25 верстъ, такъ какъ гораздо выгоднѣе, удобнѣе и дешевле ожидать здѣсь рыбу, чѣмъ идти на встрѣчу ей въ открытое море.

2) Сравнительная легкость производства рыболовства на Азовскомъ, какъ и на большей части другихъ русскихъ морей, имѣетъ однако же, какъ все на свѣтѣ, и свои невыгодныя стороны, которыя обнаруживаются конечно не собственно на рыболовной промышленности, имѣющей, какъ и всякая другая, своею цѣлью достигать наивозможно большихъ результатовъ при наивозможно меньшихъ усиліяхъ, а на тѣхъ побочныхъ цѣляхъ, которыя иногда достигаются рыболовствомъ. Извѣстно, что рыболовство вездѣ считается лучшею подготовительною школою для моряковъ, такъ что когда, напримѣръ, во Франціи шелъ вопросъ о сбавкѣ пошлинъ съ иностранной рыбы, то защитники покровительственной системы, стараясь доказать необходимость удержанія пошлины на ввозимую рыбу, опирались не столько на экономическихъ, сколько политическихъ доводахъ, — именно, они утверждали, что съ ослабленіемъ рыболовства, какъ у береговъ Франціи, такъ и производимаго съ французскихъ судовъ на нью-фаундлендской банкѣ, оскудѣетъ источникъ, изъ котораго Франція почерпаетъ матросовъ для своего военнаго флота. Французское правительство такъ высоко цѣнило свойство морскаго рыболовства образовывать хорошихъ матросовъ, что считало нужнымъ, единственно изъ-за него, покровительствовать самымъ усиленнымъ образомъ нью-фаундлендской тресковой ловлѣ. Не смотря на семифранковую пошлину съ метрическаго кинтала (6 1/4 пудовъ), наложенную на ввозимую во Францію и въ ея колоніи треску, условія этой промышленности такъ неблагопріятно сложились для Франціи, что заставляли полагать, что ловля эта не въ состояніи выдерживать англійской и американской конкуренціи, и потому выдавали снарядителямъ судовъ значительныя денежныя преміи, какъ съ каждаго нанятаго ими матроса, такъ и съ каждаго метрическаго кинтала трески, вывозимой за границу. Въ 1830 году такихъ премій выплачивалось до 5,000,000 франковъ. Если бы и русское рыболовство оказывало такое же вліяніе на развитіе мореходныхъ способностей, то, такъ какъ размѣры нашего рыболовства по крайней мѣрѣ въ пятеро превосходятъ размѣры французскаго и даже вообще превышаютъ размѣры рыболовствъ всѣхъ другихъ европейскихъ или американскихъ государствъ, то мы должны бы имѣть, — не смотря на незначительность нашей активной морской торговли, изобильный разсадникъ опытныхъ матросовъ. Но характеръ нашего рыболовства, какъ въ Азовскомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ моряхъ, таковъ, что не можетъ въ сколько нибудь значительной степени оказывать этого вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, рыболовство можетъ служить школою для образованія опытныхъ, привычныхъ къ морю матросовъ лишь въ такомъ случаѣ, если для производства лова рыбаки должны предпринимать дальнія путешествія, (какъ напримѣръ, французы, американцы и англичане — къ Ньюфаундленду, голландцы — къ берегамъ Шотландіи, норвежцы съ разныхъ точекъ своего прибрежья — къ Лофоденамъ за треской и въ окрестности Бергена за сельдями), или, если и занимаются такъ называемымъ малымъ рыболовствомъ (petite pêche) вблизи своихъ береговъ, то все же должны выходить въ открытое море. Нѣчто подобное находимъ у насъ только на Мурманскомъ берегу; тутъ ловъ производится въ открытомъ глубокомъ морѣ, нерѣдко верстахъ въ тридцати отъ берега. И дѣйствительно, это рыболовство и образуетъ хорошихъ матросовъ; но и тутъ морская прак-

не держитъ свиней, и за то рѣдкій изъ тамошнихъ жителей станетъ ѣсть свинину, ветчину или колбасу, если онѣ ему попадутся внѣ его родины; и это не по религіозному предразсудку, а просто потому, что, какъ сами они говорятъ, мясо это имъ отъ непривычки противно. Самый разительный примѣръ такого вліянія привычки на народныя вкусы представляетъ то, что на Мезени имѣютъ величайшее отвращеніе отъ куръ и держатъ эту птицу, почитаемую поганою, только для яицъ.

Перечисленіе породъ азовскихъ рыбъ, имѣющихъ промышленное значеніе. Перечисленіе рыбъ азовскаго бассейна, имѣющихъ промышленное значеніе, подтвердитъ сказанное мною объ ихъ прѣсноводномъ характерѣ. При этомъ перечисленіи я буду дѣлать разныя замѣчанія, касающіяся преимущественно тѣхъ свойствъ, которыми породы азовской рыбы отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ каспійскихъ. Начну съ красной рыбы, которой въ Азовскомъ морѣ считается пять породъ.

1) *Бѣлуга* — Acipenser Huso (L.) — ловится въ большемъ или меньшемъ количествѣ вдоль всѣхъ береговъ Азовскаго моря; изъ рѣкъ же идетъ почти исключительно въ Донъ. Въ Кубани попадается лишь изрѣдка.

2) *Осетръ* — Acipenser Güldenstaedtii (Brandt.) — тамъ же гдѣ и бѣлуга, только въ нѣсколько большемъ количествѣ, хотя все еще довольно рѣдко идетъ въ Кубань.

3) *Шипъ* — Acipenser Schypa (Güldenst.) — тамъ же, гдѣ и осетръ, только несравненно рѣже.

4) *Севрюга*—Acipenser stillatus (Pall.)—var. donensis (Lowetzky). Эта рыба, какъ въ Азовскомъ, такъ и въ Каспійскомъ моряхъ, составляетъ самый многочисленный видъ осетроваго рода. Въ Азовскомъ морѣ преобладаніе ея еще значительнѣе, чѣмъ въ Каспійскомъ, такъ что она доставляетъ здѣсь болѣе мяса, икры, клею и вязиги, чѣмъ всѣ остальные виды взятые вмѣстѣ. Здѣшняя севрюга нѣсколько отличается своимъ наружнымъ видомъ отъ каспійской: носъ ея не только короче, но даже и нѣсколько иной формы. Это различіе замѣтилъ еще академикъ Ловецкій и принялъ поэтому азовскую севрюгу за самостоятельный видъ, назвавъ ее Acipenser donensis. Севрюга идетъ преимущественно въ Кубань. Такъ въ рѣкѣ Протокѣ, которую можно считать въ настоящее время главнѣйшимъ рукавомъ Кубани и близь устьевъ которой стоитъ знаменитый Ачуевскій заводъ, на 40,000 штукъ ежегодно, среднимъ числомъ, ловимой севрюги, попадаетъ не болѣе 200 штукъ осетра и 15 штукъ бѣлуги.

5) *Стерлядь*—Acipenser Ruthenus (L.)—можетъ считаться почти исключительно донскою рыбою, потому что ни въ открытомъ морѣ, ни въ Кубани почти никогда не попадается; если же довольно часто ловится въ Донскомъ заливѣ, то самъ заливъ можетъ считаться расширеннымъ устьемъ Дона, какъ бы донскимъ лиманомъ.

Замѣчанія объ особенностяхъ осетровыхъ породъ Азовскаго моря. Здѣсь умѣстно замѣтить, что между тѣмъ какъ всѣ прочія породы красной рыбы Азовскаго моря гораздо жирнѣе и вкуснѣе соотвѣтствующихъ имъ породъ Каспійскаго моря, донская стерлядь на столько хуже волжской, что даже трудно повѣрить, чтобы одна и таже рыба могла такъ сильно разнствовать во вкусѣ, смотря по ея мѣстообитанію. Объ этомъ различіи во вкусѣ стерлядей упоминаетъ уже Палласъ, говоря, что самыя вкусныя ловятся въ Енисеѣ и Камѣ, а худшія въ Оби и Иртышѣ; къ послѣднимъ надо причислить и донскихъ. Это различіе во вкусѣ сибирскихъ стерлядей весьма понятно, потому что подъ общимъ именемъ стерляди кажется смѣшивали тамъ самостоятельныя породы. Гораздо труднѣе объяснить это различіе во вкусѣ донскихъ стерлядей, которыя безъ сомнѣнія одного вида съ волжскими, и тѣмъ болѣе, что оно едва ли зависитъ отъ свойства воды и пищи, такъ какъ другія породы красной рыбы изъ Дона

вкуснѣе волжскихъ. Не указываетъ ли это на существованіе различныхъ разновидностей стерлядей, хотя и трудно подмѣтить наружные признаки, которыми бы эти разновидности между собою отличались? Замѣчаютъ, правда, что у азовскихъ осетровъ и бѣлугъ вѣсъ головы, относительно къ вѣсу тѣла, меньше, чѣмъ у каспійскихъ; но это показываетъ только, что азовская рыба жирнѣе, (такъ какъ голова у всѣхъ животныхъ почти не участвуетъ въ ожиреніи тѣла), но не можетъ имѣть примѣненія къ стерляди, которая въ Дону также жирна, какъ и въ Волгѣ. Это различіе во вкусѣ породъ красной рыбы не остается безъ вліянія и въ промышленномъ отношеніи. Именно, вслѣдствіе превосходства азовскихъ осетра и севрюги надъ каспійскими, ихъ стараются продавать въ такомъ видѣ, чтобы эти ихъ высшія качества не терялись отъ приготовленія. Поэтому-то только ту азовскую красную рыбу солятъ въ корень, (причемъ она такъ много теряетъ въ своемъ достоинствѣ, что ея превосходство становится незамѣтнымъ), которая ловится лѣтомъ; изъ рыбъ же весенняго улова приготовляютъ балыки, цѣнящіеся гораздо выше не только волжскихъ, но и уральскихъ. Азовская рыба зимняго улова, особливо крупная, всегда цѣнится нѣсколькими рублями дороже каспійской.

По своему вѣсу, породы красной рыбы Азовскаго моря также нѣсколько отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ породъ Каспійскаго моря. Именно: бѣлуги, достигающія въ этомъ послѣднемъ иногда до 30 и довольно часто до 40 пудовъ, въ Азовскомъ морѣ едва ли превышаютъ 20 или 25 пудовъ. При этомъ замѣтна та особенность, что двадцати и болѣе пудовыя рыбы никогда не имѣютъ икры, тогда какъ въ Каспійскомъ морѣ случалось добывать изъ этихъ великановъ до 20 пудовъ одной икры. Тоже замѣчается въ Азовскомъ морѣ и о большихъ осетрахъ,—именно: семи, восьми пудовые никогда не имѣютъ икры. Средній вѣсъ осетра въ обоихъ моряхъ одинаковъ, именно около 30 фунтовъ. Вѣсъ азовской севрюги полагаютъ кругомъ въ 20 фунтовъ, тогда какъ средній вѣсъ каспійской севрюги не превосходитъ 13 или 14 фунтовъ. Это различіе въ вѣсѣ азовской севрюги можетъ считаться или одною изъ особенностей этой разновидности, или новымъ доказательствомъ правила, выведеннаго академикомъ Бэромъ, что при усиленномъ ловѣ средній вѣсъ породы уменьшается. И дѣйствительно, въ Азовскомъ морѣ усиленное рыболовство началось сравнительно недавно, да и теперь производится далеко не въ такихъ размѣрахъ и не съ такою энергіею, какъ на Каспійскомъ морѣ. Между тѣмъ какъ въ сѣверной части Каспійскаго моря значительное рыболовство началось съ самаго завоеванія этого края русскими въ XVI столѣтіи,—въ Азовскомъ морѣ, до окончательнаго утвержденія за нами устьевъ Дона (въ 1769 году), морскаго лова—можно сказать—почти не было. Въ Черноморіи начался онъ не ранѣе девятидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, съ водвореніемъ здѣсь бывшихъ запорожскихъ казаковъ. Сѣверные же берега моря были еще пустынею въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такъ что, напримѣръ, въ мѣстности около Бердянска, тамошній купецъ Кобозевъ считается основателемъ перваго сколько нибудь правильнаго рыболовства въ этомъ краю (*).

(*) Вышесказанное мною здѣсь мнѣніе находится повидимому въ противорѣчіи съ разными историческими данными объ азовскомъ и черноморскомъ рыболовствѣ. Кёлеръ посвятилъ цѣлую книгу розысканіямъ о древнемъ рыболовствѣ по берегамъ южной Россіи (Tapixos ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale. Mém. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pet. VI Serie 1832 T. I.),—книгу весьма интересную въ археологическомъ отношеніи. Но что это рыболовство не могло быть очень значительнымъ, это доказывается, какъ мнѣ кажется, слѣдующимъ фактомъ, приводимымъ Келеромъ,—именно: что въ Римѣ за одну амофору (глиняный кувшинъ), съ соленою колоніальною рыбою, платили по 300 драхмъ (270 р. с.). Очевидно, что при ловѣ, сколько нибудь подходящемъ своими размѣрами къ

Кромѣ этихъ породъ красной рыбы, составляющихъ самостоятельные виды, нерѣдко встрѣчаются и помѣси между ними, извѣстныя подъ именемъ шиповъ съ различными прилагательными: стерляжьихъ, севрюжьихъ и т. д., обозначающими на которую изъ основныхъ породъ помѣсь эта болѣе походитъ. Чаще другихъ встрѣчается такъ называемый стерляжій шипъ, представляющій очевидное смѣшеніе признаковъ севрюги и стерляди.

Перехожу къ перечисленію породъ бѣлой рыбы:

6) *Судакъ*, или по здѣшнему *сула*,—Lucioperca Sandra (Cuv.), распространенъ по всему морю и входитъ въ огромныхъ количествахъ какъ въ Донъ, такъ и въ Кубань. Азовскій судакъ превосходитъ нѣсколько каспійскій, доходя въ тысячѣ соленой и сушеной рыбы до 100 и 110 пудовъ.

7) *Бершъ*, или по здѣшнему *секретикъ*,—Lucioperca Wolgensis (Cuv.), попадается вмѣстѣ съ судакомъ въ Дону; мнѣ не случилось ни видѣть его въ Кубани, ни даже слышать о существованіи его тамъ отъ рыбаковъ. При приготовленіи къ продажѣ, его не отличаютъ отъ судака.

8) *Окунь*, по здѣшнему *чекамазъ*, — Perca fluviatilis (L.), попадается въ Дону и въ Кубани, но вездѣ идетъ только для мѣстнаго употребленія.

9) *Сазанъ*, по здѣшнему *коропъ*,—Cyprinus Carpio (L.), находится въ большомъ количествѣ какъ на Дону, такъ и въ Кубани, преимущественно же въ лиманахъ съ прѣсною или солонцоватою водою, находящихся въ связи съ протоками Кубани, гдѣ вмѣстѣ съ сомомъ составляетъ предметъ лѣтняго рыболовства. Попадаются сазаны до пуда вѣсомъ, среднимъ же числомъ въ тысячѣ соленаго коропа бываетъ отъ 150 до 200 пудовъ.

10) *Лещъ*, по здѣшнему *чебакъ*,—Abramis Brama (Cuv.), ловится въ большомъ количествѣ только въ Дону, а зимою подо льдомъ въ Донскомъ заливѣ и вообще у сѣверныхъ береговъ моря; въ Кубани его очень мало, а въ южныхъ частяхъ моря почти вовсе не попадается, вѣроятно потому, что тутъ вода уже для него слишкомъ солона.

11) *Ласкирь*, Abramis laskyr (Nord.), вмѣстѣ съ лещемъ въ Дону.

12) *Синецъ* или *синьга*, Abramis ballerus (Cuv.), въ Дону.

13) *Клевца* (на Волгѣ *сопа*), Abramis Sopa (Pal.)—въ Дону.

Эти три породы не имѣютъ большаго промышленнаго значенія, однакоже солятся и вывозятся вмѣстѣ съ другими дешевыми рыбами, чехонью и таранью.

14) *Рыбецъ* — Abramis Vimba (Cuv.) — въ Донъ идетъ мало, гораздо болѣе въ Кубань и именно въ Протоку, попадается и въ керченскомъ проливѣ во время сельдянаго лова между сельдями. Эта рыба приготовляется какъ шемая, т. е. коптится, и мало ей уступаетъ, какъ въ достоинствѣ, такъ и въ цѣнѣ.

15) *Шемая*, по здѣшнему *селява*, — Aspius clupeoides (Pall.). Азовское море должно почитать настоящимъ отечествомъ этой превосходной рыбы, ибо хотя она ловится — съ одной стороны — въ Черномъ морѣ и входитъ въ Бугъ и Днѣпръ (Кеслеръ «Путеш. къ сѣв. бер. Чернаго моря и въ Крымъ» стр. 63 и 72), а съ другой—въ Каспійскомъ морѣ, гдѣ входитъ въ Терекъ и въ Куру, но нигдѣ она

нынѣшнему, такая цѣна не была бы возможна. Впрочемъ, говоря о недавности азовскаго рыболовства, я вовсе не имѣю въ виду временъ греческихъ, римскихъ и генуэзскихъ. Какъ бы ни было значительно рыболовство въ эти времена, рыба успѣла бы размножиться до возможной границы во времена турецкаго владычества въ этихъ краяхъ.

не встрѣчается въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ Азовскомъ морѣ, гдѣ въ хорошіе годы налавливаютъ до 2,000,000 штукъ ее, тогда какъ въ Черномъ морѣ она составляетъ рѣдкость, въ Каспійскомъ же ловятъ ея въ количествѣ лишь нѣсколькихъ сотъ тысячъ, едва ли когда до полумилліона штукъ. Замѣчательно, что какъ въ Каспійскомъ морѣ, такъ и въ Азовскомъ, она посѣщаетъ только южныя рѣки этихъ морей: тамъ Терекъ и Куру, а здѣсь Кубань. Въ Волгѣ и Уралѣ ея нѣтъ вовсе, въ Дону же хотя и попадается, но очень рѣдко.

16) *Бѣлизна*, называемая на Каспійскомъ морѣ *жерехомъ* или шерешперомъ, — Aspius rapax (Agass.), попадается какъ въ Дону, такъ и въ Кубани не часто, и при приготовленіи не отдѣляется отъ малоцѣнныхъ рыбъ, какъ напримѣръ отъ тарани.

17) *Чехонь*, Pelecus cultratus (Agass.), водится въ большомъ количествѣ въ сѣверной части моря и въ Дону, гдѣ ловъ ея производится въ меженное (лѣтнее) время, когда другой рыбы мало. Въ примѣръ того, какъ много здѣсь этой рыбы, приведу слѣдующій случай. При переправѣ черезъ Міусское гирло, (т. е. чрезъ проливъ, соединяющій Міусскій лиманъ съ моремъ), съ цѣлію посѣтить Бѣглецкую косу, намъ пришлось ждать парома, бывшаго на той сторонѣ пролива, и въ это время мальчикъ успѣлъ съ плота наловить обыкновенною удочкою болѣе 150 штукъ чехони. Онъ ихъ нанизывалъ на веревку и, чтобы имѣть живыми, опустилъ въ воду. Отъ тяжести веревка оборвалась и рыба пропала. Мальчикъ, однако не унывая, продолжалъ свой ловъ, и во время нашего отсутствія, продолжавшагося не болѣе трехъ часовъ, наловилъ больше прежняго. Въ Кубань эта рыба почти не идетъ. Ее солятъ въ довольно большомъ количествѣ и ѣдятъ, какъ сельдь, сырою.

18) *Вырѣзубъ*, Leuciscus Frisii (Nordm.), принадлежитъ исключительно бассейнамъ Чернаго и Азовскаго морей и южной части Каспійскаго, гдѣ извѣстенъ подъ именемъ кутума и ловится въ огромномъ количествѣ. Въ Дону же встрѣчается не въ значительномъ количествѣ, такъ что не составляетъ предмета большаго промысла, хотя и цѣнится по причинѣ хорошаго вкуса. Въ Кубани онъ кажется совсѣмъ не извѣстенъ, такъ что въ Азовскомъ морѣ онъ попадается только въ сѣверной его части, тогда какъ въ Каспійскомъ только въ южной.

19) *Тарань*, Leuciscus Heckelii (Nordm.) Это есть самая обыкновенная изъ рыбъ Азовскаго моря и преимущественно Кубани, гдѣ ея ловятъ въ количествѣ 40 и болѣе милліоновъ штукъ. Въ Дону прежде она ловилась также въ большомъ изобиліи, но въ послѣдніе годы стала гораздо рѣже. Она попадается и въ Керченскомъ проливѣ во время лова сельдей. По своему вкусу, она принадлежитъ къ самымъ плохимъ рыбамъ, но по своей необыкновенной дешевизнѣ составляетъ предметъ огромнаго промысла и сбывается главнымъ образомъ въ Малороссію и въ югозападныя губерніи. Какъ ни огроменъ ловъ ея, онъ могъ бы еще значительно увеличиться, если бы былъ достаточный сбытъ. Этой рыбы не должно смѣшивать съ тѣмъ, что называется таранью на Волгѣ, гдѣ настоящей тарани кажется вовсе нѣтъ, а подъ этимъ именемъ разумѣютъ разныя малоцѣнныя рыбы изъ родовъ Leuciscus и Abramis. Замѣчательно, что у Палласа вовсе не упоминается о тарани и объ огромномъ ловѣ ея; вѣроятно онъ смѣшивалъ ее съ плотвою и сорогою (Leuciscus lrythraphtalmus и Leuciscus rutilus).

20) *Сомъ*, Silurus glanis (L.), ловится какъ въ Дону, такъ и въ Кубани, преимущественно же въ послѣдней, и ловъ его въ послѣднее время, съ открытіемъ ему сбыта въ Молдавію и Валахію, сталъ гораздо значительнѣе прежняго. Доходитъ до 6 пудовъ вѣса.

*

21) *Сельдь,* Clupea Pontica (Eichw.) ловится какъ въ Дону, такъ и въ Керченскомъ проливѣ въ огромныхъ количествахъ. Въ Кубань же вовсе не идетъ.

Изъ рыбъ, имѣющихъ промышленное значеніе, надо еще упомянуть о

22) *Морскомъ котѣ,* Trygon pastinaca (Cuv.), который попадается въ большомъ количествѣ лишь въ южной части моря, именно въ Керченскомъ проливѣ, гдѣ его ловятъ для добыванія жира изъ печенки. Въ небольшомъ количествѣ онъ впрочемъ распространенъ по всему морю, за исключеніемъ Донскаго залива, гдѣ для него вода слишкомъ прѣсна.

Кромѣ этихъ рыбъ, попадаются въ Азовскомъ морѣ и преимущественно въ южной части его нѣкоторыя породы бычковъ, камбалы, кефали и другихъ черноморскихъ рыбъ, но не въ такомъ количествѣ, чтобы имъ можно было приписать какую нибудь промышленную важность. Иногда заходятъ въ Азовское море и такія рыбы, которыя въ самомъ Черномъ морѣ составляютъ рѣдкость. Такъ на Камышеватой косѣ я видѣлъ высушенный экземпляръ тамъ пойманной мечъ-рыбы, — Xiphius Gladius (L.) Въ рѣкахъ, впадающихъ въ Азовское море, также есть еще нѣсколько породъ, какъ напримѣръ уклейка, красноперка, плотва, гольцы (Cobitis) и т. д., о которыхъ не упоминаю по той же причинѣ (*).

Болѣе половины поименованныхъ мною рыбъ принадлежитъ исключительно къ прѣсноводному семейству сазановидныхъ; къ исключительно прѣсноводному семейству принадлежитъ и сомъ. Три породы бѣлой рыбы: окунь, судакъ и бершъ принадлежатъ къ семейству окуневыхъ, большинство представителей котораго живетъ, правда, въ морѣ, но сами они составляютъ такіе виды, которые проводятъ или всю свою жизнь въ прѣсной водѣ, или если и уходятъ въ солонцеватую, но никакъ не въ настоящую морскую воду, то все же возвращаются въ рѣки и разливы ихъ, для метанія икры. Наконецъ, чисто морской родъ сельдей представляетъ какъ бы нарочно исключеніе, въ той породѣ его, которая населяетъ Азовское и Черное моря, такъ какъ она поднимается въ рѣки для метанія икры, — исключеніе тѣмъ болѣе замѣчательное, что родъ сельдей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Clupea Val.) вовсе не имѣетъ прадставителей въ Средиземномъ морѣ. Что же касается до породъ красной рыбы, то и ихъ нельзя причислять къ рыбамъ совершенно морскимъ, и не потому только, что онѣ идутъ въ рѣки метать икру, но еще и потому, что эти рыбы въ значительномъ количествѣ населяютъ или совершенно прѣсноводныя озера, или такія моря, какъ наши три южные бассейна: каспійскій, азовскій и черноморскій, соленость которыхъ по крайней мѣрѣ на половину меньше средней солености океановъ; притомъ и изъ этихъ трехъ морей онѣ гораздо рѣже въ Черномъ морѣ, соленость котораго достигаетъ до 1,7%, чѣмъ въ болѣе прѣсныхъ Каспійскомъ и Азовскомъ. Хотя и есть, правда, порода осетровъ (Acipenser Sturio L.), которая живетъ какъ въ Атлантическомъ океанѣ и соединенныхъ съ нимъ моряхъ, такъ и въ Средиземномъ морѣ, но, сравнительно съ огромнымъ количествомъ осетровыхъ рыбъ, живущихъ въ нашихъ южныхъ моряхъ, порода эта составляетъ вездѣ — можно сказать — рѣдкость.

Географическое распредѣленіе рыбъ Азовскаго моря. Изъ замѣчаній, присоединенныхъ къ приведенному списку рыбъ, видно, что послѣднія не равномѣрно распредѣлены по всему Азовскому морю,

(*) Въ числѣ рыбъ, приготовляемыхъ въ прокъ въ Черноморіи, упоминается о таловиркѣ, но это не есть какая нибудь отдѣльная порода рыбъ, а только мелкая и потому малоцѣнимая тарань въ смѣшеніи съ нѣкоторыми другими мелкими и малоцѣнными рыбами изъ родовъ Leuciscus и Abramis: однимъ словомъ, значеніе кубанской таловирки соотвѣтствуетъ значенію волжской тарани.

и что есть довольно значительная разница въ породахъ рыбъ, идущихъ въ Донъ и въ Кубань. Такъ сельдь въ Кубани неизвѣстна вовсе и изо всего Черноморья ловится только на косѣ Долгой, которую, съ противулежащею ей косою Бѣлосарайскою, надо считать границею Донскаго залива. Также точно, если не совершенно отсутствуетъ, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно рѣдко попадается въ кубанскихъ водахъ лещъ; напротивъ того рыбецъ и шемая мало идутъ въ Донъ. Впрочемъ это различіе въ распредѣленіи здѣшнихъ рыбъ касается только менѣе важныхъ въ промышленномъ отношеніи породъ. Главныя же породы, служащія основаніемъ здѣшнему рыболовству: сула, тарань и осетровыя рыбы, хотя не въ одинаковой степени густоты, однако же встрѣчаются во всемъ морѣ. Со всѣмъ тѣмъ, групируя здѣшнія рыбы, на основаніи ихъ нахожденія и ихъ густоты въ различныхъ частяхъ моря, — мы можемъ раздѣлить его на слѣдующія три области: 1) область юговосточную, или кубанскую, характеризующуюся изобиліемъ: севрюги, судака, тарани и шемаи, довольно большимъ количествомъ сазана и сома (въ лѣтнее время), рѣдкостью бѣлуги, осетра и леща, отсутствіемъ стерляди и сельдей. 2) Область сѣверовосточную или донскую, характеризующуюся изобиліемъ мелкихъ сельдей весною, судака, а въ зимнее время леща,—большею, сравнительно съ кубанскою областью, пропорціею бѣлуги и осетра къ севрюгѣ, нахожденіемъ въ достаточномъ количествѣ стерляди и мелкихъ сазановидныхъ рыбъ клевцы, ласкиря и чехони, которыя отчасти замѣняютъ относительную рѣдкость тарани, и отсутствіемъ шемаи. 3) Наконецъ область западную и сѣверозападную или морскую, которая, не имѣя впадающихъ на пространствѣ ея значительныхъ рѣкъ, не отличается преимущественнымъ изобиліемъ ни одной породы, сравнительно съ областями кубанскою и донскою, а характеризуется главнѣйше ловомъ красной рыбы и сулы лѣтомъ и — какъ само собою разумѣется — отсутствіемъ всѣхъ чисто рѣчныхъ рыбъ, каковы: стерлядь и большая часть сазановидныхъ рыбъ. Къ этимъ тремъ областямъ можно бы присоединить и четвертую, южную или керченскую, обнимающую собственно керченскій проливъ, и притомъ крымскую его сторону, — гдѣ производится обширный ловъ крупныхъ сельдей; но я уже выше показалъ причины, по которымъ не намѣренъ въ настоящемъ отчетѣ заниматься описаніемъ сельдянаго промысла. Этихъ различій, основанныхъ на относительномъ изобиліи породъ рыбъ, составляющихъ предметъ лова въ разныхъ частяхъ Азовскаго моря, было бы конечно недостаточно, чтобы на основаніи ихъ, раздѣлить описаніе азовскаго рыболовства по тремъ означеннымъ мѣстностямъ, если бы эти мѣстности не представляли другихъ болѣе рѣзкихъ отличій въ отношеніи господствующихъ въ нихъ системъ рыбнаго хозяйства.

Характеръ рыбнаго хозяйства въ разныхъ частяхъ Азовскаго моря. Области кубанская и донская принадлежатъ, съ небольшими исключеніями, одноименнымъ имъ казацкимъ войскамъ, третья же область, названная нами морскою, вполнѣ вольная, хотя — къ сожалѣнію — во многихъ мѣстахъ не на дѣлѣ, а только по праву. Уже одна эта принадлежность водъ или казацкимъ обществамъ или вольнымъ ловцамъ предполагаетъ, по необходимости, большое различіе въ организаціи лова. Съ своей стороны войска Донское и Кубанское пользуются на совершенно различныхъ основаніяхъ, какъ рѣчными, такъ и морскими водами, имъ по праву или на дѣлѣ принадлежащими.

Характеристика орудій лова, употребляемыхъ въ азовскомъ рыболовствѣ. Если отъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ экспедиція должна разсматривать предметъ своихъ изслѣдованій, т. е. съ естественно исторической и экономической, мы перейдемъ къ третьей—технической, то и относительно

способовъ, которыми производится рыболовство, найдемъ нѣкоторыя особенности, которыя совпадаютъ съ принятыми нами тремя областями азовскаго рыболовства. Вообще надо замѣтить, что орудія, которыми производится рыболовство въ Азовскомъ морѣ и въ рѣкахъ въ него впадающихъ, гораздо однообразнѣе, чѣмъ въ прочихъ водахъ, омывающихъ берега европейской Россіи. Это объясняется отчасти самимъ однообразіемъ азовскаго бассейна, вездѣ чрезвычайно мелкаго, и однообразіемъ здѣшнихъ рыбъ, идущихъ въ извѣстное время года въ рѣки для метанія икры. Поэтому тутъ нѣтъ тѣхъ хитропридуманныхъ ловушекъ, примѣры которыхъ въ довольно большомъ количествѣ представлены нами изъ Бѣлаго моря, и которыя надѣемся представить изъ Чернаго. Характеристическою чертою азовскаго рыболовства надо поставить еще то, что ни въ одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ него, не употребляютъ теперь, да — сколько извѣстно и прежде — не употребляли, никакихъ забоекъ, заборовъ, заколовъ и т. п. средствъ перегораживанія рѣкъ, и только въ части Протоки, отдаваемой кубанскимъ войскомъ на откупъ, существуетъ, или по крайней мѣрѣ недавно существовало, перегораживаніе рѣки сѣтями. Главное орудіе здѣшняго рыболовства, которое преобладаетъ надъ всѣми остальными, гораздо въ большемъ степени, чѣмъ даже въ Каспійскомъ морѣ, гдѣ оно тоже играетъ едва ли не первую роль, — есть неводъ. Затѣмъ слѣдуетъ крючковая самоловная снасть. Только эти двѣ снасти имѣютъ первостепенное значеніе; остальныя, какъ-то: ставныя и плавныя сѣти, вентеря и такъ называемые кóты, имѣютъ гораздо меньшее и притомъ только мѣстное употребленіе. Три принятыя нами области азовскаго рыболовства характеризуются слѣдующимъ образомъ по употребляемымъ на нихъ орудіямъ лова. Въ кубанской области неводъ есть самая употребительная снасть, какъ въ рѣкахъ и въ лиманахъ, такъ и въ морѣ; крючковая снасть выставляется не въ большомъ количествѣ, и то не иначе, какъ въ извѣстномъ разстояніи отъ берега; въ рѣкахъ крючья запрещены. Въ двухъ главныхъ рукавахъ Кубани, имѣющихъ быстрое теченіе: въ Темрюцкомъ гирлѣ и въ Протокѣ, употребляютъ громадныхъ размѣровъ вентеря, а въ Протокѣ еще сверхъ того такъ называемые кóты, т. е. ящики изъ дранокъ на подобіе вентерей, и въ ней же шемайныя плавныя сѣти. Ставныя сѣти здѣсь почти неизвѣстны. Въ донской области неводъ есть также преобладающая снасть; крючья совершенно запрещены, какъ въ рѣкѣ, такъ и въ морѣ, за исключеніемъ прибрежья міусскаго округа, гдѣ они дозволены. Весною употребляютъ въ Дону плавныя сѣти, зимою же вентеря и сижи въ рѣкѣ, а въ морѣ ставныя сѣти. Вентеря здѣшніе тѣмъ замѣчательны, что становятся въ два и въ три этажа одинъ надъ другимъ, крылья надъ крыльями и бочка надъ бочкою. Это бы конечно перегородило ходъ всей рыбѣ, если бы по срединѣ Дона не оставлялся совершенно свободный отъ всякихъ снастей фарватеръ въ 30 саженъ ширины. Въ морской области употребительны только три орудія лова: лѣтомъ крючковая снасть, здѣсь преобладающая даже надъ неводами для лова красной рыбы, и неводъ для лова бѣлой рыбы; зимою же тамъ, гдѣ замерзаетъ море, — ставная сѣть.

Раздѣленіе азовскаго бассейна на три рыболовныя области. Охарактеризовавъ такимъ образомъ три области, на которыя мы предполагаемъ раздѣлить Азовское море, при разсмотрѣніи его рыболовства, мы должны означить границы ихъ. Если бы естественныя условія мѣстности и обусловливаемыя ими породы рыбъ составляли тѣ главныя черты, на которыхъ мы основывали это раздѣленіе, то, безъ всякаго сомнѣнія, границами принятыхъ нами областей должны бы были служить: идущія на встрѣчу другъ другу косы Долгая и Бѣлосарайская, которыя ограничиваютъ собою почти прѣсноводную часть Азовскаго моря — Донской и Таганрогскій заливъ. Къ югу отъ косы Долгой до самаго Керченскаго

пролива шла бы область кубанская, а къ западу отъ косы Бѣлосарайской до Еническаго пролива и потомъ къ югу отъ него до Керченскаго же пролива—область морская (*). Но мы видѣли, какъ не точны и не рѣзки тѣ черты, которыми съ естественно-исторической точки зрѣнія отграничиваются различныя области азовскаго рыболовства, поэтому мы можемъ придавать имъ значеніе лишь на столько, на сколько онѣ совпадаютъ съ экономическими различіями въ образѣ веденія рыбнаго хозяйства, которое мы принимаемъ за главный критеріумъ нашего дѣленія. Это заставляетъ насъ нѣсколько измѣнить эти границы. Именно: кубанскую область распространимъ мы до границъ владѣній Кубанскаго войска, т. е. къ сѣверу до впаденія рѣки Еи въ Ейскій лиманъ, исключивъ однако отсюда участокъ въ 29 верстъ длиною по обѣ стороны Ейской косы, т. е. и по берегу моря и по берегу лимана, уступленный Кубанскимъ войскомъ жителямъ города Ейска; къ югу же перейдемъ даже за границы Азовскаго моря до Бугазскаго устья Кубани или даже до самой Анапы, ибо на всемъ этомъ пространствѣ ловъ производится кубанскими казаками на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Азовскомъ морѣ. Подобно этому, и за донскую область причемъ ту часть моря, которая находится въ исключительномъ пользованіи Донскаго войска, и потому ограничимъ ее двумя слѣдующими участками, не находящимися между собою въ непосредственной связи. Первый заключаетъ въ себѣ часть Донскаго залива отъ урочища Семибалокъ, съ юговосточной стороны, до границы таганрогскаго градоначальства, съ сѣверозападной. Къ этому участку принадлежатъ гирло донское и все теченіе этой рѣки, находящееся во владѣніи Донскаго войска. Второй участокъ заключаетъ въ себѣ берега міусскаго округа, отъ міусскаго гирла соединяющаго Міусскій лиманъ съ моремъ, до впаденія Калміуса. За тѣмъ все остальное протяженіе береговъ Азовскаго моря относится къ нашей третьей морской области, которая составляется изъ 4, весьма неравной величины, участковъ, а именно: 1) изъ главнаго участка отъ Керченскаго пролива до западной границы міусскаго округа земли Донскаго войска; 2) изъ таганрогскаго участка отъ восточной границы міусскаго округа до восточной же границы таганрогскаго градоначальства; 3) изъ ростовскаго участка отъ урочища Семибалокъ до устьевъ рѣки Еи, называемый мною такъ потому, что онъ весь принадлежитъ къ ростовскому уѣзду, и 4) изъ ейскаго участка, состоящаго изъ упомянутаго выше двадцати девяти верстнаго протяженія берега вдоль Ейскаго лимана и Азовскаго моря.

Каждую изъ этихъ трехъ областей я буду разсматривать: въ отношеніи физическихъ условій мѣстности, на сколько они имѣютъ вліяніе на образъ жизни рыбъ и на способы лова, въ отношеніи хозяйственной организаціи рыбнаго промысла, — въ отношеніи количества и цѣнности уловов и путей сбыта, и наконецъ въ отношеніи орудій и способовъ лова и приготовленія товара; т. е. постараюсь представить азовское рыболовство со всѣхъ тѣхъ точекъ зрѣнія естественно-исторической, экономической, статистической и технической, съ которыхъ экспедиція должна разсматривать предметъ своихъ изслѣдованій. Только въ послѣднемъ, техническомъ, отношеніи я ограничусь лишь необходимо нужнымъ для связи и ясности изложенія, такъ какъ техническое описаніе рыболовства должно составить, по общему плану, предметъ отдѣльнаго труда.

(*) Такъ какъ въ серединѣ моря рыболовство въ настоящее время не производится, то она и не входитъ въ наше разсмотрѣніе.

ОТЧЕТЪ ВТОРОЙ.

КУБАНСКОЕ РЫБОЛОВСТВО.

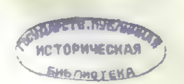
А) Очеркъ естественныхъ условій кубанскаго рыболовства.

Двоякій характеръ, представляемый берегами Черноморья, относительно рыболовства. Берега Черноморья, или теперешней земли Кубанскаго войска, въ рыболовномъ отношеніи раздѣляются на двѣ, весьма рѣзко отличающіяся одна отъ другой, части. Одна изъ нихъ, простирающаяся отъ Курчанской до Ясенской косы включительно, соотвѣтствуетъ, (за исключеніемъ небольшаго промежутка отъ поселка Ахтаровъ до начала Ясенской косы, гдѣ берегъ, образующій такъ называемый желѣзный обрывъ, возвышенъ), дельтѣ рѣки Кубани и устьямъ рѣки Бейсуга и Челбаса. Морской берегъ вдоль всего этого пространства образуетъ, можно сказать, одну песчаную косу, прерываемую только не широкими промежутками — гирлами, которыми кубанская вода вливается въ море. Только въ одномъ мѣстѣ, между Ачуевскою косою и берегомъ Ахтарскаго лимана, этотъ перерывъ, образуемый Ахтарскимъ гирломъ, составляетъ нѣсколько верстъ въ ширину. Съ наружной стороны этой косы, — извѣстной въ разныхъ мѣстахъ подъ разными названіями: Курчанской, Кучугурской, Сладковской, Ачуевской, но которой можно бы было присвоить общее названіе Кубанской косы, — простирается едва ли не самая рыбная часть Азовскаго моря, съ которою можетъ соперничать развѣ только, наиболѣе вдавшаяся въ материкъ, часть Донскаго залива, потому что рыба приближается къ этимъ берегамъ, стремясь на прѣсную воду, втекающую въ море безчисленными гирлами. Со внутренней стороны простирается безконечная сѣть лимановъ, по которымъ рыба расходится, чтобы метать икру. Другая часть береговъ Черноморья, — именно простирающаяся вдоль Таманскаго полуострова и лежащая между Ясенскою косою и сѣверною оконечностію казацкихъ владѣній, — не представляетъ ни тѣхъ удобствъ для лова, ни той привлекательности для рыбъ, какія имѣются въ первой, такъ какъ берега здѣсь по большей части возвышены, обрывисты и лишены притока прѣсной воды. Только косы Долгая и Камышеватая на сѣверѣ и Чушка и Тузла на югѣ составляютъ исключенія, но изъ нихъ лишь двѣ первыя важны въ рыболовномъ отношеніи, ибо находятся на пути рыбы, идущей на прѣсную воду, какъ въ Донской заливъ, такъ и въ кубанскую дельту, но и на этихъ косахъ характеръ мѣстности, въ рыболовномъ отношеніи, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ частей Азовскаго моря. Поэтому особеннаго вниманія заслуживаетъ только первая, соотвѣтствующая кубанской дельтѣ, часть Черноморья.

Краткое описаніе кубанской дельты. Верстахъ въ ста отъ черноморскаго, такъ называемаго бударскаго, устья Кубани, отдѣляется отъ нея, почти подъ прямымъ угломъ, рѣка Протока, которая, протекши верстъ девяносто, (если не считать извилинъ), впадаетъ близь Ачуева въ Азовское море. Изъ

всѣхъ рукавовъ Кубани только эта Протока впадаетъ непосредственно въ море, не расширяясь — ни передъ устьемъ, ни на пути своемъ—въ лиманы, но вездѣ сохраняя значительную быстроту. Поэтому въ настоящее время Протоку должно считать за главный рукавъ Кубани. Шестьдесятъ верстъ ниже отдѣленія Протоки, Кубань даетъ другой значительный рукавъ — Переволоку, которая расширяется въ обширный Ахтанизовскій лиманъ; изъ Ахтанизовскаго лимана вытекаетъ короткое, но чрезвычайно быстрое русло, извѣстное подъ именемъ Темрюцкаго гирла, потому что на немъ стоитъ городъ Темрюкъ; оно также расширяется въ обширный лиманъ Курчанскій, который уже вливается въ Азовское море устьемъ, имѣющимъ до 130 саженъ въ ширину—такъ называемымъ Курчанскимъ гирломъ, составляющимъ второе, по значительности своей, устье Кубани. Третьимъ устьемъ будетъ Бугазское, которымъ вливается Кубанскій лиманъ въ Черное море. Оно наименѣе значительно изъ трехъ. Уголъ, заключенный между Протокою—съ одной стороны — и Кубанью, Переволокою, Ахтанизовскимъ лиманомъ, Темрюцкимъ гирломъ и Курчанскимъ лиманомъ съ одноименнымъ ему гирломъ—съ другой, наполненъ такъ называемыми плавнями, т. е. низменнымъ болотистымъ пространствомъ, поросшимъ тростникомъ. Эти плавни пересѣкаются безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ — по здѣшнему ериковъ, которые, то расширяются въ озера—лиманы, то опять съуживаются. Изъ значительнѣйшихъ ериковъ, только одинъ Курка отдѣляется собственно изъ Кубани; истокомъ для всѣхъ же прочихъ служитъ Протока. Ими-то питаются лиманы, получая притокъ прѣсной воды. Но кромѣ этой связи чрезъ ерики, лиманы имѣютъ еще непосредственную связь между собою посредствомъ проливовъ и соединяются съ моремъ множествомъ гирлъ, представляющихъ перерывы въ косѣ, ограничивающей ихъ отъ моря. Количество воды, доставляемой ериками лиманамъ, недостаточно, чтобы произвести въ нихъ сильное теченіе въ море; поэтому не только почти всѣ эти гирла узки и мелки, такъ что большая часть изъ нихъ переходима въ бродъ, но при морскихъ вѣтрахъ теченіе въ нихъ обращается, и вода въ лиманахъ становится солонцеватою и даже соленою. Это обращеніе теченія случается даже въ Курчанскомъ гирлѣ, которое, какъ мы видѣли, служитъ устьемъ одному изъ главныхъ кубанскихъ рукавовъ. Вообще можно сказать, что въ соединенныхъ непосредственно съ моремъ лиманахъ вода всегда болѣе или менѣе солонцеватая, а чѣмъ отдаленнѣе ихъ связь съ моремъ, тѣмъ вода въ нихъ прѣснѣе. Этимъ угломъ между Протокою и Кубанью не ограничивается еще впрочемъ кубанская дельта, т. е. эта сѣть ериковъ и лимановъ, окруженная плавнями, переходитъ и на восточную (правую) сторону Протоки. Эта запроточная часть кубанской дельты ограничивается съ востока Ангелинскимъ ерикомъ — самостоятельнымъ рукавомъ Кубани, отдѣляющимся отъ нея верстахъ въ двадцати выше истока Протоки. Этотъ ерикъ впадаетъ теперь въ Протоку у Новонижестебліевской станціи и заключаетъ, въ образуемомъ такимъ образомъ островѣ, нѣкогда огромный и важный въ рыболовномъ отношеніи, а нынѣ почти высохшій, Чабургольскій лиманъ. Но нѣкоторыя соображенія, развивать которыя здѣсь не мѣсто, заставляютъ заключать, что прежде Ангелинскій ерикъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ рукавовъ Кубани и впадалъ вѣроятно, соединившись съ Протокою, въ Ахтарскій заливъ,—остатками котораго должно считать обширную группу Ахтарскихъ лимановъ, питающихся прѣсною водою небольшими ериками, выходящими какъ изъ Ангелинскаго ерика, такъ и изъ самой протоки ниже Новонижестебліевской станицы. Съ этой стороны кубанская дельта увеличивается еще двумя рѣками — Понурою и Кирпилями, которыя впадаютъ, первая въ Ангелинскій ерикъ, а вторая въ восточнѣйшій изъ ахтарскихъ лимановъ, называемый поэтому Кирпильскимъ. Этими рѣками, образующими передъ впаденіемъ своимъ также расширенія, — плавни и

3

лиманы, повторяются въ маломъ видѣ явленія, представляемыя Кубанью въ большихъ размѣрахъ. Кубанская дельта въ этомъ объемѣ, — не включая въ нее Таманскаго полуострова, который въ болѣе обширномъ смыслѣ также можетъ быть къ ней причисленъ, — составляетъ почти правильный прямоугольный трехугольникъ, вершина котораго, составляющая прямой уголъ, лежитъ при отдѣленіи Ангелинскаго ерика отъ Кубани, другой уголъ — прямо на сѣверъ отъ него у Ахтарскаго гирла (входа въ Ахтарскій лиманъ, близь оконечности Ачуевской косы), а третій — прямо на западъ у Курчанскаго, или — еще лучше — у теперь засыпаннаго Пересыпнаго гирла, которымъ въ еще недавнія времена Ахтанизовскій лиманъ непосредственно соединялся съ моремъ, близь почтовой станціи Пересыпи. Размѣры этой дельты составляютъ 90 верстъ длины по каждому изъ катетовъ и около 130 по гипотенузѣ, идущей вдоль морскаго берега, что составляетъ приблизительно поверхность въ 80 кв. миль.

Верхняя часть дельты, т. е. ближайшая къ вершинѣ трехугольника, теперь уже почти выполнилась наносами рѣкъ и представляетъ только плавни; лиманы же, кромѣ небольшихъ, разсѣянныхъ въ этихъ плавняхъ, сгрупированы въ прибрежной полосѣ и образуютъ пять группъ, члены каждой изъ которыхъ тѣсно связаны между собою, а группа отъ группы отдѣлена довольно значительными промежутками. Эти группы, означающія вѣроятно мѣста впаденія прежнихъ главныхъ рукавовъ Кубани, отъ сѣверовостока къ югозападу суть: 1) группа Ахтарскихъ лимановъ, 2) Горькосладковскихъ, 3) Гнилыхъ, 4) Западныхъ или Гаврюшинскихъ и 5) группа Темрюцкая, состоящая изъ двухъ только обширныхъ лимановъ, Курчанскаго и Ахтанизовскаго. Шестую группу, соотвѣтствующую черноморскому устью Кубани, составляетъ лиманъ Кубанскій съ его отростками Цокурскимъ и Кизилташскимъ. Каждая изъ этихъ группъ, за исключеніемъ третьей, почти неполучающей притока прѣсной воды, составляетъ поприще отдѣльнаго лова. Изъ нихъ первыя три питаются прѣсною водою изъ Протоки, Гаврюшинская изъ Протоки, а также изъ Кубани посредствомъ ерика Курки, Темрюцкая изъ Переволоки, Кубанская же составляетъ расширеніе самой Кубани.

Выгодность естественныхъ условій кубанской дельты для размноженія рыбы. Послѣ отчетовъ г. академика Бэра (во II т. «Изслѣд.»), въ которыхъ онъ съ искусствомъ мастера изобразилъ всѣ выгоды, представляемыя для размноженія всѣхъ породъ рыбъ, кромѣ красной, ильменями волжской дельты и ленкоранскаго прибрежья, не предстоитъ — кажется — надобности еще разъ излагать въ подробности всѣ тѣ условія, по которымъ только что описанная мною система лимановъ составляетъ самую удобную мѣстность для питанія рыбы, для метанія ею икры, для вывода и возвращенія мальковъ. Все, что въ самомъ тщательно устроенномъ заведеніи для искусственнаго оплодотворенія и размноженія рыбъ, можно бы въ этомъ отношеніи придумать, соединено здѣсь самою природою въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ промышленность человѣческая не можетъ и мечтать. Одной тарани было выловлено въ Черноморіи въ 1863 году, который можно считать не болѣе какъ годомъ среднимъ, свыше 40,000,000 штукъ, и могло бы, какъ увидимъ ниже, вылавливаться и еще гораздо болѣе, если бы только сбытъ былъ обезпеченъ и было бы больше охотниковъ заниматься ея приготовленіемъ, такъ какъ сами казаки эту рыбу почти вовсе не солятъ, а предоставляютъ это право иногороднымъ, обращая все свое вниманіе преимущественно на сулу. Но остановимся хотя на сорока милліонахъ. Чтобы поймать такое количество взрослой уже рыбы, безъ малѣйшаго уменьшенія рыбнаго запаса, надо, можетъ быть, чтобы ея во 100 разъ болѣе ежегодно нарождалось (*). Сколько же, послѣ этого, нужно питательныхъ ве-

(*) Это не покажется преувеличеннымъ, если примемъ во вниманіе, что въ сравнительно маленькомъ Кубенскомъ озерѣ вылавливается ежегодно, въ видѣ снѣтка, около 1,500,000,000 рыбокъ.

committees

ществъ для прокормленія этой рыбы, если принять въ соображеніе, что для того, чтобы достигнуть извѣстнаго вѣса, рыбѣ надо поглотить по крайней мѣрѣ въ 10 разъ болѣе питательныхъ веществъ чѣмъ сколько она вѣситъ сама? Притомъ не забудемъ, что тарань составляетъ по вѣсу едва половину всей вылавливаемой въ Черноморіи рыбы, что—сверхъ вылавливаемой—много остается не выловленной взрослой рыбы и много подросту. Значительную часть этой огромной массы питательныхъ веществъ, именно ту, которая идетъ для молодой рыбы, доставляютъ лиманы, гдѣ въ мелкой, прогрѣтой, прѣсной или солонцеватой водѣ ежегодно образуется вновь огромное количество растительнаго и животнаго веществъ въ видѣ простѣйшихъ мельчайшихъ водорослей, инфузорій, низшихъ ракообразныхъ животныхъ, личинокъ насѣкомыхъ (между прочимъ миріадовъ комаровъ), все — такихъ формъ, которыя приспособлены къ пищѣ рыбьихъ мальковъ. И это только одна изъ многихъ выгодъ, доставляемыхъ естественному рыбоводству обширными поверхностями, залитыми неглубокимъ слоемъ стоячей или слабо текучей воды. Камышъ и другія водяныя травы, которыми онѣ мѣстами заростаютъ, доставляютъ удобныя мѣста для метанія икры, такъ какъ вымеченная и оплодотворенная икра, прилипая къ листьямъ и стеблямъ, не засоряется пескомъ или иломъ, какъ это было бы, если бы она лежала на днѣ, и — главное — не скучивается, а, оставаясь раздѣленною, обмывается со всѣхъ сторонъ водою, насыщенною раствореннымъ въ ней воздухомъ. Выведшіеся въ такихъ мѣстностяхъ мальки имѣютъ также все, что имъ нужно для успѣшнаго развитія: обильную пищу, теплоту и затишье. Вотъ вкратцѣ тѣ удобства, которыя какъ кубанскіе лиманы, такъ и волжскіе ильмени, доставляютъ для размноженія рыбъ. Не останавливаясь долѣе на этихъ общихъ имъ достоинствахъ, постараемся выказать тѣ черты, которыми въ рыбоводномъ отношеніи кубанская дельта отличается отъ волжской, какъ къ своей выгодѣ, такъ и къ невыгодѣ.

Преимущество кубанской дельты передъ волжскою. Большая часть волжскихъ ильменей лежитъ на островахъ, образовавшихся между рукавами Волги, и занимаетъ болѣе низменную середину ихъ, тогда какъ болѣе возвышенные края образуютъ какъ бы плотины, отдѣляющія внутренній ильмень отъ рѣки. Въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ эта плотина бываетъ прервана, и тутъ ильмень соединяется каналами съ водою рѣки. Но эти каналы не довольно глубоко прорѣзаны, чтобы всегда служить достаточнымъ соединеніемъ между водами рѣки и ильменя. Какъ только вода въ Волгѣ достигаетъ своего меженнаго уровня, соединеніе прекращается, и рыба, зашедшая во время половодья въ ильмени, равно какъ выведшійся тамъ молодой подростъ, неуспѣвшіе выйдти ранѣе обсыханія соединительнаго канала, остаются запертыми въ ильменѣ, какъ въ сажалкѣ. Запертая такимъ образомъ въ ильменѣ рыба тамъ и вылавливается, но большею частію она погибаетъ, задыхаясь подо льдомъ. Хотя это свойство волжскихъ ильменей и составляетъ большой недостатокъ ихъ, много вредящій размноженію рыбы, но этотъ недостатокъ можетъ быть легко устраненъ человѣкомъ. Если бы со временемъ недостатокъ въ такъ называемой на Волгѣ частиковой рыбѣ сдѣлался ощутительнымъ, то его легко было бы предотвратить.—стоило бы только углубить соединительные каналы ильменей. Въ настоящее время сама природа отчасти пособляетъ этому неудобству. Черезъ извѣстное число лѣтъ весеннее наводненіе Волги достигаетъ болѣе чѣмъ обыкновенной высоты; тогда вода въ переполненныхъ ильменяхъ долго держится, такъ что молодая рыба успѣваетъ выдти осенью изъ нихъ. Вотъ почему послѣ сильныхъ наводненій, каковы были въ 1853, 1856 и 1862 годахъ, всегда замѣчались, чрезъ нѣсколько лѣтъ, сильные уловы частиковой рыбы. Но какъ бы ни заботилась сама природа объ уменьшеніи вреда, причиняемаго указанною особенностью въ устройствѣ ильменей, и какъ ни легко

искусственнымъ образомъ отстранить его совершенно, тѣмъ не менѣе эта неблагопріятная въ рыбоводномъ отношеніи особенность ильменей въ настоящее время существуетъ, и нельзя не признать въ этомъ отношеніи преимущества лимановъ кубанскихъ, въ которыхъ такой особенности не замѣчается. Кубанскіе лиманы наполняются въ огромномъ большинствѣ случаевъ не изъ боковыхъ соединительныхъ каналовъ, а составляютъ расширенія самихъ протоковъ, на которые дробится Кубань. Сверхъ того, лиманы одной группы соединены между собою; часто и между сосѣдними группами существуетъ такое соединеніе, и притомъ соединеніе непосредственное, а не только чрезъ ерики, наполняющіе какъ ту, такъ и другую группы. Говоря о значеніи, которое имѣло прорытіе соединительныхъ каналовъ между многочисленными озерами Соловецкаго острова, сдѣланное еще во времена Іоанна Грознаго, по распоряженію настоятеля монастыря, впослѣдствіи митрополита московскаго, св. Филиппа, я уже имѣлъ случай показать, какое вліяніе должно имѣть такое соединеніе огромнаго числа водоемовъ на сохраненіе рыбы и на удобство размноженія ея (VI т. «Изслѣд.» стр. 156 и 157). Польза эта заключается во-первыхъ въ томъ, что въ очень обширномъ и развѣтвленномъ водоемѣ рыба можетъ всегда спасаться отъ преслѣдованій, переходя изъ одной части въ другую, а во-вторыхъ въ томъ, что ловцы не имѣютъ нужды гоняться за нею по всѣмъ закоулкамъ, а могутъ производить ловъ въ удобнѣйшемъ мѣстѣ, у главныхъ входа и выхода, съ увѣренностію, что размножившись, хотя бы въ самомъ отдаленномъ углу, рыба не преминетъ пройдти мимо ихъ во время своихъ ежегодныхъ странствованій. Къ чести черноморскихъ казаковъ надо сказать, что они очень хорошо поняли эту выгоду и даже увеличили ее весьма благоразумными распоряженіями. Въ Сладковскихъ лиманахъ, (да и во всѣхъ другихъ, принимающихъ въ себя ерики), гдѣ изо всего Черноморья производится самый богатѣйшій ловъ бѣлой рыбы, углы (по здѣшнему куты) по обѣ стороны впаденія питающаго ихъ Горькаго ерика составляютъ заповѣдныя пространства, въ которыхъ ловъ совершенно запрещенъ, именно — съ цѣлью дать тамъ рыбѣ возможность метать икру, а малькамъ возрастать въ совершенныхъ тишинѣ и спокойствіи. Въ Ахтарскихъ лиманахъ, — второй, послѣ сладковскихъ, группѣ по значительности лова бѣлой рыбы, — такого распоряженія правда не существуетъ, но здѣсь сама природа сдѣлала его излишнимъ. По всему лѣвому берегу главнаго изъ этихъ лимановъ, собственно такъ называемаго Ахтарскаго, не существуетъ заводовъ по причинѣ неудобства мѣстности, и такъ какъ онъ до 30 верстъ шириною, то у всего лѣваго берега неводовъ не тянутъ и эта сторона лимана можетъ служить для совершенно безпрепятственнаго размноженія рыбы. Если и во всѣхъ группахъ лимановъ будутъ постоянно поступать такимъ образомъ, что возможно лишь въ томъ случаѣ, когда завѣдываніе всѣмъ рыболовствомъ будетъ находиться въ полномъ распоряженіи самаго общества рыболововъ, какъ это съ недавняго времени, хотя къ сожалѣнію и не вполнѣ, существуетъ (о чемъ будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи), то можно навѣрное сказать, что рыбное богатство Черноморья не оскудѣетъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся естественныя условія этой страны. Но эти условія къ несчастію хотя медленно, но постоянно измѣняются въ невыгодномъ для рыболовства направленіи, и эти-то измѣненія и составляютъ невыгодную сторону кубанской дельты въ сравненіи съ волжской.

Невыгодная сторона кубанской дельты: ея высыханіе сверху безъ соотвѣтственнаго приращенія снизу. Всякая дельта есть ничто иное, какъ морской заливъ постепенно выполняемый наносами рѣки. Сначала въ заливѣ образуются острова, какъ напримѣръ въ Синемъ Морцѣ, составляющемъ еще невыполненную часть волжской дельты; потомъ острова эти сростаются и окружаютъ водныя простран-

ства, называемыя лиманами; наконецъ самые ильмени или лиманы начинаютъ засоряться, съуживаться, и система развѣтвленныхъ рукавовъ, образующихъ время отъ времени озеровидныя расширенія, обращается въ правильные протоки, непосредственно вливающіеся въ море. Если бы я не боялся уклониться слишкомъ далеко отъ цѣли, которая имѣется при составленіи настоящаго отчета, то я бы представилъ множество примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго, изъ исторіи образованія теперешняго главнаго рукава Кубани — Протоки. Засоренные лиманы образуютъ такъ называемыя плавни. При возвышеніи уровня воды, они заливаются, но чрезъ это на нихъ опять осаждаются землистыя частички и почва ихъ мало по малу возвышается, а прорѣзывающіе ихъ ерики служатъ водосточными каналами. Характеръ растительности плавни, вслѣдствіе возвышенія и осушенія почвы, постепенно измѣняется, и наконецъ самая плавня переходитъ въ степь. Этотъ процессъ постепеннаго обсыханія начинается, конечно, съ верхнихъ частей дельты и постепенно подвигается все далѣе и далѣе, внизъ по теченію. Но въ волжской и во многихъ другихъ дельтахъ, наполненныхъ заливами, губами, озеровидными расширеніями и безчисленными рукавами и ериками, протекающими по плавнямъ, —пространство, составляющее нѣчто среднее и переходное между водою и сушею, чрезъ это нисколько не уменьшается. По мѣрѣ того какъ дельта — такъ сказать — усыхаетъ въ верхнихъ частяхъ и обращается въ степь, она оконечностью своею все далѣе и далѣе подвигается въ море, такъ что это среднее между сушею и водою образованіе, преимущественно выгодное для размноженія рыбы, только медленно, но постоянно, передвигается сверху внизъ. Но этого-то послѣдняго обстоятельства въ кубанской дельтѣ и не замѣчается. При самомъ началѣ образованія своей дельты, Кубань, въ борьбѣ съ моремъ, отгородила себѣ косами пространство, которое впослѣдствіи должна была выполнять своими наносами, и не замѣтно, чтобы новыя косы, образуясь далѣе въ глубь моря, за нынѣшнимъ непрерывнымъ рядомъ ихъ, увеличивали первоначально отмежеванную кубанской дельтѣ область (*). Ей положена извнѣ какъ бы неизмѣнная, нерастяжимая граница, между тѣмъ какъ внутри ея процессъ засоренія лимановъ и вообще обсыханія продолжается. Процессъ этотъ ведетъ къ слѣдующимъ двумъ совершенно различнымъ и — даже можно сказать — противоположнымъ, но въ рыболовномъ отношеніи во всякомъ случаѣ, хотя и въ различной степени, невыгоднымъ результатамъ: 1) Или, какая нибудь группа лимановъ теряетъ притокъ прѣсной воды, потому что рукава, питавшіе ихъ, измѣнили направленіе своего теченія или же высохли; въ такомъ случаѣ группа хотя и перестаетъ засоряться, но за то вода въ ней солонѣетъ (ибо убыль воды въ ней пополняется притокомъ изъ моря), а слѣд. и теряетъ ту силу, которая привлекла въ нее рыбу. Такая участь постигла, напримѣръ, лиманы Гнилые и такъ называемые Горькіе. 2) Или же, притокъ прѣсной воды въ какую нибудь группу лимановъ сохраняется въ прежней силѣ и даже усиливается; тогда группа, медленнѣе или быстрѣе, выполняется осаждающимися въ ней землистыми частицами, приносимыми въ нее съ прѣсною водою, и подъ конецъ обращается въ плавню. Такъ случилось, напримѣръ, съ лиманомъ Чубургольскимъ, занимавшимъ нѣкогда большую часть острова между Протокою и Ангелинскимъ ерикомъ, а теперь уменьшившимся до незначительныхъ размѣровъ: многіе же лиманы, лежащіе на пути Протоки, уже совершенно затянуло. Это засореніе лимановъ однако же менѣе вредно,

(*) Есть, правда, нѣкоторыя обстоятельства въ кубанской дельтѣ, которыя заставляютъ думать, что въ прежнія времена образовывался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за внутреннимъ рядомъ косъ наружный; но входить въ разсмотрѣніе этого вопроса было бы здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе, что теперь повидимому ничего подобнаго не происходитъ.

чѣмъ ихъ осоленіе, ибо вода, питавшая засорившіеся лиманы, должна же отыскать себѣ какой-нибудь путь и изъ ряда лимановъ образуетъ правильный рукавъ, который хотя и не доставляетъ прежняго приволья для бѣлой рыбы, но за то привлекаетъ себѣ красную, идущую на быструю воду. Къ тому же и самые засорившіеся лиманы обращаются въ плавни, которыя доставляютъ столь необходимый въ здѣшнемъ краю камышъ, тогда какъ соленые лиманы только занимаютъ мѣсто и портятъ воздухъ. Весь процессъ засоренія и постепеннаго обсыханія кубанской дельты ведетъ именно къ тому, чтобы вмѣсто теперешней сѣти лимановъ и ериковъ образовать правильные рукава, подобные Протокѣ. Но въ Кубани, воды недостаточны для того, чтобы число этихъ протоковъ могло быть значительно, такъ что ежели бы всѣ ерики между Протокою и Переволокою соединить въ одно, то едва-ли бы вышелъ изъ всѣхъ ихъ рукавъ, равняющійся, по количеству протекающей воды, одному изъ этихъ двухъ главныхъ рукавовъ Кубани, и усилившійся ходъ болѣе цѣнной рыбы далеко не вознаградилъ бы уменьшенія въ бѣлой, такъ какъ послѣдняя лишилась бы тѣхъ мѣстныхъ удобствъ, которыя теперь благопріятствуютъ ея размноженію. Поэтому самое выгодное, въ рыболовномъ отношеніи, распредѣленіе кубанскихъ водъ состояло бы въ развѣтвленіи Кубани на многіе рукава, которые бы доставляли умѣренный притокъ воды многочисленнымъ группамъ лимановъ, при чемъ лиманы засорялись бы очень медленно, сохраняя однако же свой прѣсноводный характеръ, — положеніе, въ которомъ находятся нынѣ едва ли не одни лиманы Сладковскіе. Слѣдовательно все, что ускоряетъ естественный процессъ обсыханія дельты, — будетъ ли то чрезъ уменьшеніе вообще воды въ Кубани, или чрезъ забитіе и отводъ ериковъ съ цѣлью усиленія теченія въ одномъ изъ главныхъ рукавовъ ея, въ ущербъ притока прѣсной воды въ лиманы, — должно считаться вреднымъ для рыболовства.

Естественныя и искусственныя условія, ускоряющія высыханіе кубанской дельты. Если бы процессъ этотъ былъ предоставленъ самому себѣ, то онъ хотя бы и совершался въ томъ же невыгодномъ для рыболовства направленіи, съ неотвратимостью, свойственною законамъ природы, однако совершался бы медленно, такъ что вредъ, имъ производимый, едва ли ощутительно обозначился въ теченіи одного поколѣнія рыбаковъ; при такой постепенности, часть занимающихся рыболовствомъ могла бы, безъ ощутительной для себя потери, мало по малу обращаться къ другимъ занятіямъ, по мѣрѣ уменьшенія выгодъ отъ рыболовства. Но, къ сожалѣнію, многое въ Черноморіи, вмѣсто того, чтобы на сколько возможно противодѣйствовать развитію этого невыгоднаго для его благосостоянія процесса природы, напротивъ еще содѣйствуетъ ему. Это ускореніе естественнаго хода дѣлъ въ свою очередь зависитъ отчасти отъ обстоятельства неотвратимаго, борьба съ которымъ невозможна; — это оскудѣніе воды въ Кубани. Оскудѣніе это, несомнѣнное въ послѣдніе годы, приписываютъ ряду бывшихъ сухихъ лѣтъ и безснѣжныхъ зимъ во всемъ прикубанскомъ краѣ. Сухость лѣтъ и безснѣжіе зимою, какъ явленія случайныя и временныя, не должны внушать никакого опасенія, и если бы только отъ нихъ зависѣла убыль воды въ Кубани, то многоводіе ея безъ сомнѣнія возвратилось бы. Но должно опасаться, что вырубка лѣсовъ въ предгоріяхъ Кавказа, у истоковъ Кубани и притоковъ ея, — вырубка, прежде производившаяся въ значительныхъ размѣрахъ для военныхъ цѣлей и которая еще болѣе должна усилиться теперь, съ заселеніемъ края, — можетъ сдѣлаться причиною постояннаго уменьшенія воды въ Кубани. Съ обнаженіемъ горъ отъ лѣсовъ, кромѣ сильнаго оскудѣнія источниковъ рѣкъ, можетъ произойти еще и другое явленіе, долженствующее содѣйствовать быстрѣйшему засоренію дельты. Именно, воды отъ дождей и тающихъ снѣговъ, не впитываясь мхами и не удерживаясь растительнымъ покро-

вомъ, образуютъ разрушительные потоки вдоль горныхъ скатовъ; эти потоки вносятъ съ собою въ рѣку огромныя массы оторванныхъ ими отъ почвы камешковъ, глины, песку и вообще землистыхъ частицъ. И безъ того чрезвычайно мутная Кубань должна, слѣдовательно, современемъ въ еще большей мѣрѣ засорять свою дельту. Какъ ни печально это слѣдствіе вырубки лѣсовъ, но совершенно предотвратить его, кажется, нѣтъ возможности, ибо она есть необходимое слѣдствіе заселенія края. Но, кромѣ этихъ неотвратимыхъ причинъ, есть еще и другія, уже чисто искуственныя, дѣйствующія въ томъ же вредномъ для рыболовства смыслѣ. Это — намѣренное забитіе ериковъ. Оно производится съ разными цѣлями; нѣкоторыя изъ нихъ, — какъ напримѣръ обсушка заливаемыхъ ериками дорогъ и улучшеніе судоходства по одному изъ главныхъ рукавовъ Кубани, — еще могутъ быть оправданы, если приносимая отъ осуществленія ихъ польза дѣйствительно превосходитъ вредъ, причиняемый рыболовству; но были случаи забитія ериковъ единственно съ цѣлью уничтожить рыболовство въ какой нибудь мѣстности. Приведемъ нѣсколько примѣровъ тому и другому.

Прокопаніе Переволоки для введенія пароходства на Кубани. Въ недавнее еще время рукавъ Кубани, извѣстный подъ именемъ Переволоки, не существовалъ, какъ это видно не только изъ разсказовъ мѣстныхъ жителей, но и изъ описаній этой мѣстности знаменитыхъ путешественниковъ: Палласа въ 1794 году, Энгельгардта и Паррота въ 1811 году и Дюбуа (Dubois de Montpéreux), посѣтившаго этотъ край въ 1834 году. Ахтанизовскій лиманъ имѣлъ тогда негодную для питья солонцеватую воду, а Темрюцкое гирло, соединяющее его съ Курчанскимъ лиманомъ, было незначительно; Курчанскій же лиманъ, также какъ и лиманы Гаврюшинскіе и Западные, питались прѣсною водою чрезъ посредство ерика Курки. Вскорѣ послѣ окончанія восточной войны, правительство возъимѣло мысль сдѣлать Кубань судоходною рѣкою и учредить по ней пароходство, какъ для облегченія сбыта продуктовъ внизъ по Кубани, такъ и, главнымъ образомъ, для доставки вверхъ по ней провіанта для войскъ. Для сего прочистили русло совершенно почти уже засорившагося ерика Переволоки (*), соединявшаго Кубань съ Ахтанизовскимъ лиманомъ, и, дабы пустить въ него больше воды, забили, отдѣлявшійся выше его отъ Кубани, ерикъ Курку и нѣкоторые другіе. Предположенной цѣли достигли вполнѣ: вода устремилась съ большею силою по Переволокѣ, Ахтанизовскій лиманъ изъ солонцеватаго обратился въ прѣсноводный, Темрюцкое гирло обратилось въ рѣку съ чрезвычайно быстрымъ теченіемъ, и въ самомъ Курчанскомъ гирлѣ теченіе усилилось. Такимъ образомъ одно изъ прежнихъ устьевъ Кубани было возстановлено и древній городъ Ѳирамбе, лежавшій, по изысканіямъ археологовъ, на неширокой полосѣ земли, отдѣляющей Ахтанизовскій лиманъ отъ Азовскаго моря, могъ бы вести свои торговыя дѣла со внутренностью страны прежнимъ водянымъ путемъ. Но на долго ли? Пароходство не удалось. Стоившій большихъ денегъ пароходъ оказался совершенно неудобнымъ для плаванія по Кубани, между прочимъ по своей чрезмѣрной длинѣ. Сдѣлавъ нѣсколько рейсовъ, во время которыхъ, какъ разсказываютъ очевидцы, должны были на крутыхъ поворотахъ рѣки заворачивать его волами, онъ остался безъ всякаго употребленія и теперь предназначенъ къ продажѣ съ аукціоннаго торга. Провіантъ продолжалъ доставляться сухимъ путемъ или на дубахъ; сплавливать по Кубани оказалось нечего; торговый и портовый городъ Темрюкъ, заведенный при Темрюцкомъ гирлѣ, на мѣстѣ прежней

(*) Самое названіе переволоки показываетъ, что водянаго пути между Кубанью и Ахтанизовскимъ лиманомъ въ послѣднее, по крайней мѣрѣ, время не существовало.

Темрюцкой станицы, и долженствовавшій какъ бы замѣнить древній Ѳирамбе, оказался торговымъ и портовымъ только по имени, потому что не только торговли, но и порта у него нѣтъ, такъ какъ суда должны останавливаться въ открытомъ морѣ за Курчанскимъ гирломъ, да и самое сообщеніе по мелкому Курчанскому лиману даже на дубахъ затруднительно. Поэтому жители новаго торговаго города принуждены заниматься землепашествомъ, на нанимаемой у казаковъ землѣ. Но для насъ важно въ настоящемъ случаѣ не это, а тѣ измѣненія въ естественныхъ условіяхъ страны и, въ слѣдствіе ихъ, въ здѣшнемъ рыболовствѣ, которыя произошли отъ прочищенія Переволоки и забитія Курки. Усиленіе теченія въ Переволокѣ, въ Темрюцкомъ и въ Курчанскомъ гирлахъ привлекло сюда красную рыбу, и красноловье въ первомъ изъ этихъ гирлъ несомнѣнно усилилось, можетъ быть увеличилось оно и въ морѣ на Поповической косѣ, гдѣ въ послѣднее время завелись три крючные завода. Также замѣчаютъ, что въ послѣдніе три, четыре, года количество красной рыбы увеличилось, и съ самой Кубани до самаго Екатеринодара и выше, и ее стали ловить тамъ крючковою снастью. Но за то ловъ бѣлой рыбы въ Гаврюшинскихъ лиманахъ почти совершенно упалъ. По недостатку точныхъ данныхъ нельзя рѣшить, вознаграждается ли одно другимъ, и хотя казаки утверждаютъ, что нѣтъ, однако — можетъ быть — въ этомъ нельзя давать имъ полной вѣры, такъ какъ имъ вообще не нравится вся эта операція, особливо же заведеніе на ихъ землѣ новаго города, который требуетъ для себя и земли и права на рыболовство въ водахъ, принадлежавшихъ доселѣ исключительно казакамъ. Какъ бы то ни было, пока нельзя еще, кажется, назвать этого искусственнаго измѣненія въ системѣ здѣшнихъ водъ абсолютно вреднымъ, даже съ исключительно рыболовной точки зрѣнія. Мало того, если бы удалось завести здѣсь судоходство и пароходство, то сдѣланное измѣненіе въ руслѣ слѣдовало бы признать весьма полезнымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы оно въ еще большей степени повредило рыболовству, такъ какъ это измѣненіе вызвало бы развитіе, въ при- и закубанскомъ краѣ, земледѣльческаго и другихъ сельскохозяйственныхъ промысловъ. Но повидимому причины, нѣкогда заставившія Кубань покинуть настоящій путь къ морю, продолжаютъ дѣйствовать и теперь. Переволока сильно заноситъ свое устье въ Ахтанизовскій лиманъ, такъ что нужно очень хорошо знать непрерывно мелѣющій и измѣняющійся фарватеръ, чтобы попасть въ нее. Мелкосидящіе дубы становятся уже на мель. Это случилось между прочимъ и съ нами, такъ что по этой причинѣ, а также за усилившимся въ то же время противнымъ вѣтромъ, намъ вовсе не удалось попасть въ Переволоку. Поэтому должно полагать, что или Переволоку занесетъ по прежнему, или она засоритъ совершенно Ахтанизовскій лиманъ и соединенный съ нимъ Курчанскій. Если послѣ этого вода Кубани обратится по направленію къ черноморскому устью ея, не прорывъ русла Курки, то это будетъ уже положительно къ невыгодѣ здѣшняго рыболовства, ибо Черное море не такъ рыбно, какъ Азовское, и по своей солености не заключаетъ тѣхъ породъ рыбъ, которыя идутъ на прѣсную воду для метанія икры. Тогда пришлось бы снова пустить воду въ Курку. Такимъ образомъ, хотя нельзя прямо утверждать, что прорытіе Переволоки и забитіе Курки были положительно вредны для рыболовства, однако же сказанное можетъ служить примѣромъ того, какъ осторожно надо поступать при измѣненіи естественнаго направленія здѣшнихъ водъ. — Гораздо разительнѣйшій примѣръ представляетъ забитіе ериковъ, берущихъ свое начало изъ Протоки и изъ Ангелинскаго ерика и доставляющихъ прѣсную воду въ Сладковскіе и въ Ахтарскіе лиманы.

Забитіе ериковъ ачуевскимъ откупщикомъ. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ получилъ въ Черноморіи чрезвычайную силу одинъ офицеръ черноморскаго войска, А. Л. Посполитаки, который, поль-

зуясь потворствомъ начальства, забралъ совершенно въ свои руки всю промышленность этой страны; особливо же тяжело лежалъ гнетъ его на здѣшнемъ рыболовствѣ, какъ это увидимъ ниже въ подробности. Въ 1846 году онъ взялъ на откупъ ачуевскій заводъ и — съ одной стороны — желая, можетъ быть, усилить теченіе воды въ Протокѣ (въ чемъ, въ сущности, никакой надобности не было, какъ это скоро показалъ опытъ), а съ другой (и это главное) имѣя въ виду раззорить ловъ въ Сладковскихъ и въ Ахтырскихъ лиманахъ, который былъ въ то время тамъ, какъ и во всемъ почти остальномъ Черноморьѣ, на откупу у другаго, и тѣмъ уничтожить грозившую ему съ этой стороны конкуренцію, т. е. совершенно монополизировать въ своихъ рукахъ здѣшнюю рыбу, — онъ потребовалъ забитія множества ериковъ, вытекавшихъ какъ изъ Протоки, такъ и изъ Ангелинскаго ерика. Желаніе его, служившее тогда въ войскѣ закономъ, было немедленно исполнено, и казаки должны были собственными руками и даже на собственный свой счетъ уничтожать одинъ изъ главныхъ источниковъ своего благосостоянія. 700 человѣкъ, при одномъ штабъ-и трехъ оберъ-офицерахъ, были командированы на своемъ коштѣ для забитія этихъ ериковъ, вносящихъ жизнь во всю страну не только потому, что на притокѣ доставляемой ериками прѣсной воды основывается весь ходъ рыбы въ лиманы, но еще и потому, что ерики поддерживаютъ влажность въ плавняхъ, доставляющихъ столь необходимый въ здѣшней мѣстности тростникъ. Для этой же самоубійственной цѣли было наряжено, все на счетъ войска, 100 подводъ и 10 плуговъ и отпущено даромъ 1,000 дубовыхъ десяти-аршинныхъ бревенъ изъ войсковаго лѣса. Работы эти производились два мѣсяца и 70 ериковъ, съ одной лѣвой стороны Протоки, были забиты. Но не позже слѣдующаго года, какъ только Посполитаки удалось взять на откупъ на 8 лѣтъ не одинъ ачуевскій заводъ, а все Черноморье, онъ приступилъ къ ходатайству разрыть четыре главныхъ ерика и, не дождавшись даже успѣха ходатайства, началъ самовольно разрывать ихъ. Мало по малу и прочіе ерики были или разрыты или просочились сами и начали по прежнему течь. Когда окончился срокъ содержанія на откупу всего черноморскаго рыболовства Посполитаки, то промышленность эта была объявлена вольною, и за послѣднимъ остался опять одинъ только Ачуевъ. Въ первое время Посполитаки не думалъ забивать ериковъ, но когда начальство, внявъ наконецъ жалобамъ казаковъ, потребовало исполненія закона объ оставленіи свободнаго прохода рыбы въ ачуевскомъ участкѣ Протоки, загораживавшемся прежде съ берега на берегъ вентерями, — то управляющій наслѣдниковъ Посполитаки снова возобновилъ свои домогательства о забитіи ериковъ, и опять до 37 ериковъ было забито, но по счастію три главныхъ было оставлено для существованія Сладковскаго участка. Теперь же управляющій сталъ просить войсковое правленіе о забитіи и этихъ послѣднихъ; — чѣмъ это дѣло кончилось, мнѣ пока неизвѣстно. Ежели и эти ерики будутъ забиты, то сладковское рыболовство не долго продержится въ своемъ теперешнемъ блескѣ. Этотъ участокъ постигнетъ таже участь, которая отчасти постигла уже лиманы Ахтарскіе. Тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе вдались внутрь страны, — такъ называемые Рясные, — совершенно почти высохли отъ недостатка въ притокѣ прѣсной воды; а они-то болѣе другихъ лимановъ Ахтарской группы важны для размноженія рыбы. Правда, рыба стремится еще и теперь въ Ахтарское гирло, (хотя и въ очень небольшомъ, противъ прежняго, количествѣ), но удобныхъ мѣстъ для метанія икры въ этой части Черноморья она уже не находитъ. А между тѣмъ въ протокѣ, при нашемъ посѣщеніи ея, даже въ настоящее время, когда послѣ нѣсколькихъ сухихъ годовъ вода въ Кубани вообще уменьшилась, былъ такой избытокъ въ водѣ, что берега затоплялись, и слишкомъ быстрое теченіе было скорѣе

препятствіемъ, чѣмъ подспорьемъ для рыболовства. Что этотъ излишекъ могъ бы по прежнему стекать безъ всякаго существеннаго ущерба для ачуевскаго лова въ Рясные лиманы, это доказываетс яглавнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что промышленники изъ казаковъ, занимающіеся рыболовствомъ въ той же Протокѣ выше ачуевской границы, съ своей стороны нисколько не возстаютъ противъ отворенія нѣкоторыхъ ериковъ, какъ изъ Протоки, такъ и изъ Ангелинскаго ерика. Можно полагать, если бы ерики были открыты, то Рясные лиманы пріобрѣли бы прежнюю свою славу, и размноженіе рыбы было бы обезпечено и въ этомъ, столь важномъ, участкѣ Черноморья.

Противоположность интересовъ между ачуеевскимъ откупомъ и прочими рыбопромышленниками Черноморья. Изъ сказаннаго съ достаточною ясностью видно, какую первостепенную важность, для будущности рыболовства на всемъ пространствѣ Черноморья, имѣетъ естественное и справедливое распредѣленіе прѣсной воды по группамъ лимановъ, посредствомъ ериковъ, и что главнѣйшимъ препятствіемъ къ этому служитъ существованіе ачуевскаго откупа, интересы котораго совершенно противоположны интересамъ рыбопромышленниковъ въ остальномъ Черноморьи. Происходящія изъ этого непрерывныя ссоры между обѣими враждующими сторонами, не за ерики только, но еще болѣе за безпрепятственный пропускъ рыбы, служатъ причиною взаимнаго озлобленія, такъ что откупщикъ часто требуетъ извѣстныхъ мѣръ не столько изъ видовъ дѣйствительной и прямой пользы для себя, сколько единственно изъ желанія нанести вредъ своимъ противникамъ, — вредъ, который впрочемъ уже тѣмъ для него полезенъ, что съ ослабленіемъ рыболовства въ двухъ главныхъ, послѣ Ачуева, участкахъ Сладковскомъ и Ахтарскомъ, уменьшается опасная для него конкуренція. Прежде, когда ачуевскій промыселъ основывался главнѣйше и даже почти исключительно на красноловьѣ, конкуренція Сладковскаго и Ахтарскаго участковъ, гдѣ ловили почти исключительно бѣлую рыбу — сулу и тарань, не имѣла особаго значенія въ глазахъ откупщиковъ; но теперь иное дѣло, такъ какъ откупщики обратили вниманіе на приготовленіе менѣе цѣнныхъ рыбъ и стараются, какъ увидимъ далѣе, переманивать къ себѣ съ Ахтарскаго и Сладковскаго участковъ такъ называемыхъ спетчиковъ, т. е. мелкихъ промышленниковъ, скупающихъ, по напередъ условленной цѣнѣ, тарань у ловцевъ и на свой счетъ уже приготовляющихъ ее.

Противоположность интересовъ между рыбопромышленниками въ разныхъ группахъ лимановъ, а также между рыбною и нѣкоторыми другими промышленностями. Указанная противоположность интересовъ, между ачуевскимъ откупщикомъ и прочими рыбопромышленниками Черноморья, хотя и составляетъ главнѣйшую, однако же не единственную причину споровъ о направленіи, которое должно дать притоку прѣсной воды въ лиманы. Занимающіеся рыболовствомъ въ разныхъ группахъ и даже въ разныхъ частяхъ одной и той же группы лимановъ тоже нерѣдко хлопочатъ о забитіи или объ отвореніи того или другаго ерика. Въ настоящее время Сладковскіе лиманы сообщаются съ моремъ посредствомъ Рубцовскаго гирла, прорытаго водою взамѣнъ прежняго, болѣе широкаго, къ юго-западу отъ него лежавшаго, Сладковскаго гирла, засыпаннаго пескомъ во время сильной бури. Рубцовское гирло открывается изъ Сладковскаго лимана какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ въ него впадаетъ Черный ерикъ, вытекающій изъ такъ называемыхъ Верхнихъ лимановъ, въ свою очередь питающихся посредствомъ ериковъ, вытекающихъ изъ Протоки. Отъ самаго Рубца вдоль всего праваго берега лимана и на значительномъ разстояніи вверхъ по Черному ерику стоятъ почти сплошнымъ рядомъ рыболовные заводы. Сладковскій лиманъ соединяется съ южнѣе лежащимъ Горькимъ, имѣющимъ, какъ

показываетъ самое имя его, незначительный притокъ прѣсной воды. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прорвалось изъ Верхнихъ лимановъ новое гирло, названное Прорвою, съ которымъ Горькій лиманъ получилъ такимъ образомъ непосредственное соединеніе. Вслѣдствіе этого и Рубцовское гирло, и самъ Черный ерикъ стали мелѣть, такъ что главный ловъ вмѣстѣ съ главнымъ притокомъ прѣсной воды грозилъ перейдти изъ Сладковскихъ лимановъ въ Горькіе. Поэтому всѣ сладковскіе промышленники стали добиваться забитія Прорвы, что и было исполнено по ихъ желанію. Хотя это и было непріятно нѣкоторымъ промышленникамъ, однако же забитіе Прорвы нельзя не считать вполнѣ основательнымъ, такъ какъ паденіе значительнаго числа заводовъ и перенесеніе ихъ на новое мѣсто были бы сопряжены съ большими и совершенно напрасными издержками. Кромѣ этихъ рыболовныхъ интересовъ, въ эти тяжбы о ерикахъ замѣшаны еще и нѣкоторые другіе, хотя и не сравненно менѣе важные, но все же усложняющіе это, и безъ того уже сложное, дѣло. Такъ нѣкоторыя станицы хлопочатъ о забитіи нѣкоторыхъ ериковъ потому, что послѣдніе своими разливами затрудняютъ сообщенія и заставляютъ строить черезъ нихъ мосты или проводить по затопленнымъ низменностямъ гати. Нерѣдко такія хлопоты удаются, и изъ-за лѣни одной станицы уничтожается цѣлая рыболовная мѣстность. Но ерики не только забиваются, а иногда и вновь прокапываются, — именно для разведенія лѣса. Это дѣлается такимъ образомъ. Какую нибудь низменность, лежащую вблизи рѣки или ерика, соединяютъ съ нимъ небольшимъ каналомъ или просто рвомъ; вода по немъ устремляется и затопляетъ низменность, а вмѣстѣ съ водою уносятся и падающія въ рѣку сѣмена растущихъ по берегу ея ивъ, и въ скоромъ времени разростается лѣсъ изъ этихъ, быстро принимающихся и любящихъ влажность, деревьевъ. Но вода часто устремляется съ значительною силою въ открытое ей отверстіе и образуетъ новый ерикъ, отвлекая иногда значительное количество воды изъ такого рукава, который необходимъ для питанія какого-нибудь лимана.

Важность разумнаго и справедливаго распредѣленія прѣсной воды посредствомъ ериковъ. Всѣ эти побочныя цѣли не могутъ идти, по важности своей, ни въ какое сравненіе съ рыболовствомъ, тѣмъ болѣе, что въ этой отрасли промышленности имѣетъ право участвовать все войско, и въ большинствѣ своемъ дѣйствительно участвуетъ. Подобно тому какъ въ странахъ, гдѣ земледѣліе основано на орошеніи полей, (какъ напримѣръ у насъ въ Закавказьѣ), равномѣрное и для всѣхъ безобидное распредѣленіе воды по каналамъ справедливо обращаетъ на себя вниманіе правительства и составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ его заботливости, въ видахъ огражденія и развитія земледѣльческой промышленности, — такъ точно и здѣсь, естественное и справедливое распредѣленіе притока прѣсной воды въ интересахъ рыболовства должно имѣть преимущественно въ виду при устройствѣ здѣшняго рыбнаго хозяйства, какъ съ цѣлью равномѣрнаго распредѣленія выгодъ отъ этой промышленности между различными частями Черноморья, такъ еще болѣе съ цѣлью обезпеченія размноженія рыбы на возможно дольшее время, т. е. пока само собою не произойдетъ, ничѣмъ уже не отвратимое, невыгодное для рыболовства измѣненіе въ естественныхъ условіяхъ страны. Для этого существуетъ, по моему мнѣнію, только два средства: 1) прекратить противоположность интересовъ между вольными черноморскими промышленниками и ачуевскимъ откупомъ, уничтоженіемъ сего послѣдняго и отдачею водъ, которыми онъ доселѣ пользовался, въ общее и свободное для всѣхъ кубанскихъ казаковъ пользованіе, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочія рыболовныя воды Черноморья; и 2) предоставить право забитія и отворенія ериковъ и вообще хозяйственнаго распоряженія распредѣленіемъ притока прѣсной

воды, по всѣмъ ерикамъ и лиманамъ, самому обществу рыболововъ, въ рукахъ котораго наконецъ, послѣ столькихъ неудачныхъ и обременительныхъ для войска системъ управленія, вотъ уже три года находится завѣдываніе черноморскимъ рыболовствомъ. Я не стану пока еще входить въ развитіе этихъ положеній, какъ потому, что безъ предварительнаго знакомства съ хозяйственнымъ устройствомъ кубанскаго рыболовства, они не вполнѣ понятны, такъ и потому, что, для улучшенія здѣшняго рыбнаго хозяйства и во многихъ другихъ отношеніяхъ, мнѣ придется настаивать на пользѣ и даже на необходимости принятія, между прочимъ, и двухъ только что изложенныхъ мѣръ за главныя, т. е. за такія, на которыхъ должна быть основана рыбная промышленность Черноморья. При этомъ замѣчу только, что въ главнѣйшихъ ерикахъ могутъ быть устроены шлюзы такъ, чтобы только избытокъ воды спускался изъ Протоки въ лиманы. Ежели само общество рыболововъ будетъ распоряжаться этимъ распредѣленіемъ воды и если притомъ ачуевскій участокъ поступитъ въ общее для всѣхъ пользованіе, то нельзя будетъ опасаться, чтобы было поступлено несправедливо въ отношеніи къ какому нибудь изъ противоположныхъ интересовъ, если только каждый изъ этихъ интересовъ будетъ имѣть соотвѣтствующее ихъ важности число представителей въ томъ собраніи или комитетѣ, который будетъ признанъ за законный органъ общества рыболововъ и которому будетъ поручено все управленіе этою отраслью промышленности въ Черноморьи.

Характеръ морскаго прибрежья и вліяніе его на способы лова. Если теперь отъ внутреннихъ водъ Черноморья, рукавовъ Кубани, ериковъ и лимановъ обратимся къ морю, омывающему берега его, то и тутъ найдемъ многія выгодныя для рыболовства условія. Берегъ этотъ, какъ мы видѣли, на большей части своего протяженія низменъ и песчанъ; соотвѣтственно этому, и дно морское, начиная отъ берега, медленно и почти равномѣрно понижается, такъ что вода достигаетъ двухъ саженной глубины обыкновенно не ближе двухъ или трехъ верстъ. Такое прибрежье составляетъ какъ бы одну непрерывную тоню, и поэтому какъ бы само вызываетъ на употребленіе невода — любимаго рыболовнаго орудія русскихъ и, безъ сомнѣнія, сравнительно самаго удобнаго и уловистаго. Словомъ: *сравнительно* я хочу здѣсь сказать, что тамъ, гдѣ мѣстность благопріятствуетъ употребленію невода, имъ заловится съ меньшимъ трудомъ и въ меньшее время больше рыбы, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ орудіемъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ неводъ не можетъ быть употребленъ. Говоря объ употребленіи неводовъ въ Бѣломъ морѣ, я коснулся мнѣнія нѣкоторыхъ иностранныхъ ученыхъ и именно знаменитаго шведскаго натуралиста Нильсона о вредѣ, который приноситъ это орудіе, раздавливая, идущею по дну и загруженною каменьями нижнею подборою, выметанную икру и портя самую мѣстность, пригодную многимъ рыбамъ для метанія икры, чрезъ выдираніе морскихъ травъ. Я уже говорилъ какъ ничтожно значеніе, которое должно приписывать этому обстоятельству въ Бѣломъ морѣ; въ Азовскомъ же оно совершенно не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ здѣшнія рыбы въ морѣ икры вовсе не мечутъ; въ лиманахъ же для неводной тяги выбираютъ лишь мѣста чистыя; мѣста же, заросшія травами, оставляются, намѣренно или ненамѣренно, рыбѣ, для безпрепятственнаго ея размноженія.

Порядокъ хода рыбы и основаннаго на немъ лова. Прежде, чѣмъ оставимъ этотъ отдѣлъ отчета, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о времени метанія икры и вообще о временахъ хода здѣшнихъ рыбъ въ рѣки, такъ какъ этимъ опредѣляется время лова различныхъ породъ. Начиная съ ранней весны и почти безъ перерыва до поздней осени, та или другая порода рыбъ приближается къ

берегамъ и входитъ въ лиманы и въ рѣки Черноморья для метанія икры. Такъ какъ при этомъ рыбы подходятъ къ берегамъ нѣсколько ранѣе начала самого метанія икры и такъ какъ, сверхъ того, онѣ, будучи прѣсноводными, могутъ безразлично жить въ солонцоватой водѣ моря и въ прѣсной водѣ рѣкъ и лимановъ, а потому заходятъ въ эту послѣднюю и для цѣлей питанія, — то рыболовство въ Черноморьѣ производится почти круглый годъ, безъ перерыва, измѣняясь только въ степени своей значительности. Къ концѣ іюня, или даже въ началѣ іюля, совершенно перестаетъ идти красная рыба. Въ Темрюцкомъ гирлѣ вынимаютъ вентеря (которыми здѣсь ловятъ красную рыбу) въ концѣ іюня; въ половинѣ этого мѣсяца ловъ уже столь незначителенъ, что пять, шесть рыбъ, попавшихся въ теченіе сутокъ въ здѣшній вентерь, занимающій своими крыльями $^2/_3$ ширины рѣки отъ поверхности до дна, считается уже за посредственный уловъ. Въ откупномъ участкѣ Протоки прекращаютъ ловъ 10 іюля. Въ это глухое для рыболовства время начинаютъ идти сазанъ и сомъ, составляющіе почти единственный предметъ лѣтняго, такъ называемаго меженнаго, лова. Онъ продолжается съ половины или съ начала іюня до октября. Главное же для сего время—конецъ іюня и іюль. Обѣ названныя рыбы идутъ болѣе въ южную половину Черноморья, начиная отъ рѣки Протоки; но сазанъ, какъ рыба по преимуществу лиманная, всего болѣе идетъ въ Сладковскій участокъ, сомъ же въ оба главные кубанскіе рукава: Протоку и Курчанское гирло. Онъ подходитъ впрочемъ въ довольно значительныхъ количествахъ и къ Долгой косѣ на пути въ устья Дона или Кубани. Съ половины августа снова начинаетъ появляться красная рыба въ Бугазскомъ и въ Курчанскомъ гирлахъ, въ Протокѣ и на косахъ Долгой и Камышеватой, но еще въ очень небольшомъ количествѣ, болѣе же въ сентябрѣ. Съ сентября же начинаетъ идти и сула; все увеличиваясь въ количествѣ, ходъ ея продолжается всю зиму и весну до начала мая; онъ достигаетъ наибольшей густоты въ апрѣлѣ, когда эта рыба мечетъ икру. Сула расходится повсюду, но всего болѣе въ Сладковскіе лиманы. Въ октябрѣ и въ ноябрѣ идетъ шемая преимущественно въ Протоку. Съ января (или—какъ здѣсь говорятъ—съ того времени, какъ воду освятили) появляется тарань, но главный ходъ ея въ мартѣ, когда она мечетъ икру. Красная рыба зимою въ рѣки не идетъ, но у береговъ она ловится всю осень, а также и зимою тамъ, гдѣ ледъ твердо становится, т. е. преимущественно у косы Долгой. Главный ходъ этой рыбы начинается въ концѣ апрѣля и въ первой половинѣ мая.

Вліяніе вѣтровъ на изобиліе улововъ. Относительно красной рыбы замѣчаютъ, что изобилію ея въ водахъ Черноморья способствуютъ восточные, т. е. выгонные, вѣтры, при которыхъ образуется теченіе изъ Азовскаго моря въ Черное чрезъ Керченскій проливъ. Рыбаки повсемѣстно приписываютъ вѣтрамъ большое вліяніе на удачу лова и объясняютъ это тѣмъ, что вѣтры нагоняютъ или отгоняютъ рыбу какъ бы механически. Въ справедливости самаго факта, т. е. вліянія вѣтровъ на величину улова, нельзя сомнѣваться, потому что онъ основывается на показаніяхъ людей, не только имѣвшихъ полную возможность наблюдать его, но и по самому существу своего промысла вынужденныхъ постоянно обращать самое тщательное вниманіе на направленіе вѣтровъ; что же касается до самаго объясненія этого факта, то оно совершенно не достаточно. Правда, стоя на берегу моря, весьма легко придти къ мысли, что сила, воздымающая цѣлые водяные холмы и гонящая ихъ повидимому на берегъ, должна непремѣнно оказывать подобное же дѣйствіе и на рыбу, плавающую въ этой водѣ, должна загонять ее туда же, куда она повидимому загоняетъ непрерывные ряды валовъ; но стоитъ только посмотрѣть на чайку или другую какую водяную птицу, сидящую на волнѣ и безъ малѣйшаго усилія остающуюся

на одномъ и томъ же мѣстѣ, а только приподнимающуюся и опускающуюся вверхъ и внизъ, — чтобы убѣдиться, что при волненіи только одна форма, а не вещество волны, получаетъ поступательное движеніе, и что поэтому вѣтеръ вовсе не гонитъ передъ собою воды, или по крайней мѣрѣ не гонитъ ее съ такими быстротою и силою, какъ это кажется глазу, а слѣдовательно и подавно не можетъ гнать рыбы. Однако, если вѣтеръ долго дуетъ въ одномъ и томъ же направленіи, то онъ возвышаетъ наконецъ воду, особливо во вдавшихся далеко въ материкъ заливахъ, изъ чего должно заключить, что онъ не ограничивается произведеніемъ одного колебательнаго движенія воды, но даетъ ей и нѣкоторое поступательное движеніе, что объясняется толчками, которымъ долженъ подвергаться отъ вѣтра поднятый надъ общимъ уровнемъ моря водяной бугоръ и преимущественно вершина его. Но происходящее отъ этого морское теченіе очень слабо, гораздо слабѣе медленно текущихъ рѣкъ. Можно ли поэтому подумать, чтобы рыбы, такъ легко плывущія противъ теченія самыхъ быстрыхъ рѣкъ, позволяли носить себя по произволу этихъ слабыхъ морскихъ теченій. Поэтому, причину дѣйствія вѣтровъ на уловъ надо искать не въ простомъ, такъ сказать — механическомъ, ихъ дѣйствіи, а въ нѣкоторыхъ побочныхъ результатахъ, сопровождающихъ его. Такъ въ занимающемъ насъ случаѣ, отгонные восточные вѣтры должны позволять прѣсной водѣ, вытекающей изъ Кубанскихъ гирлъ, давать чувствовать себя далѣе въ море, чѣмъ обыкновенно; а прѣсная вода должна привлекать къ себѣ красную рыбу, такъ какъ послѣдняя именно и ищетъ ее. Благопріятное дѣйствіе восточныхъ вѣтровъ становится такимъ образомъ вполнѣ понятнымъ и въ высшей степени вѣроятнымъ; но гонитъ въ этомъ случаѣ рыбу не механическая сила вѣтра, а инстинктъ рыбы, для которой выгнанная вѣтромъ прѣсная вода служитъ приманкою.

Изъ этого общаго порядка хода рыбъ случаются однако довольно часто исключенія. Такъ, напримѣръ, въ 1864 году на Ясенской косѣ весенній ловъ тарани и сулы былъ очень плохъ, но та и другая рыбы показались въ маѣ и въ іюнѣ, и въ эти мѣсяцы наловлено было на 11 здѣшнихъ заводахъ до 100.000 штукъ второй и до 500.000 первой. Тоже было замѣчено и въ другой части Азовскаго моря, на Бѣлосарайской косѣ, гдѣ въ половинѣ іюня вытягивали тони, доставлявшія отъ 500 до 1000 пудовъ, что чрезвычайно много для лова въ открытомъ морѣ не во время хода рыбы. Такимъ образомъ круглый годъ рыболовство здѣсь не прекращается. Но главные ловы бываютъ съ іюня по половину августа — сома и коропа, въ октябрѣ и ноябрѣ — шемаи, въ концѣ февраля и въ мартѣ — тарани, въ апрѣлѣ — сулы, въ концѣ апрѣля и началѣ мая — красной рыбы. На сколько однако же весенній періодъ хода рыбы значительнѣе осенняго, это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго сравненія величины пошлинъ съ уловленной рыбы, собиравшихся во время весеннихъ и осеннихъ полугодій:

Годы.	Весенній сборъ. Съ 1-го января по 1-е іюля.		Осенній сборъ. Съ 1-го іюля по 1-е января.		Отношеніе осенняго сбора къ весеннему.
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	
1855	4016	78½	1845	54¼	10:22
1856	9404	93½	2752	49	10:34
1857	13.474	92½	3034	65¾	10:44
1858	17.359	58½	4399	57½	10:39
1859	23.912	56	4938	25¾	10:49
1860	28.618	25	3588	12½	10:80
1861	27.692	57¼	2286	31	10:121.

Первый 1855 годъ былъ годомъ войны. Въ 1856 миръ былъ заключенъ только въ концѣ марта, такъ что осенній ловъ могъ быть произведенъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели весенній; изъ остальныхъ же годовъ пошлина съ осенняго лова ни разу не превосходитъ четверти съ весенняго. Если бы вмѣсто пошлинъ мы имѣли свѣдѣнія о самыхъ уловахъ, то преимущество весенняго лова предъ осеннимъ выказалось бы еще сильнѣе, ибо весною ловятся огромныя массы тарани, на которую наложена самая ничтожная пошлина, тогда какъ осенью ловятся только болѣе цѣнныя рыбы: красная, сула и шемая.

Метаніе икры красною рыбою. О времени и условіяхъ метанія икры бѣлою рыбою было уже сказано выше (когда рѣчь шла о распредѣленіи притока прѣсной воды по различнымъ частямъ кубанской дельты); поэтому здѣсь я ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями лишь относительно красной рыбы. Послѣ изслѣдованій г. академика Бэра и послѣ прямыхъ наблюденій, сдѣланныхъ г. Сѣверцовымъ въ Уралѣ посредствомъ драги, не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что осетровыя породы идутъ метать икру, не только непремѣнно на прѣсную, но по возможности и на текучую воду, и сверхъ того стараются отыскивать твердое дно, преимущественно мелкій камешникъ. На Кубани опытные и наблюдательные рыбаки въ этомъ и не сомнѣваются, ибо не имѣютъ повода къ сомнѣнію въ какомъ нибудь ложно понятомъ интересѣ. Достовѣрно однако же, что изо всѣхъ породъ красной рыбы только одна севрюга идетъ въ Кубань въ значительномъ количествѣ. Что заставляетъ осетровъ и бѣлугъ избѣгать этой рѣки, — для меня остается совершенно необъяснимымъ. Правда и въ бассейнѣ Каспійскаго моря мы видимъ, что извѣстныя породы красной рыбы предпочитаютъ извѣстныя рѣки другимъ (какъ, напримѣръ, севрюга Куру, а осетры Сифидъ-рудъ), но все же тамъ это явленіе не представляется съ такою исключительностью, какъ здѣсь. Что касается до севрюги, то она поднимается вверхъ по Кубани до самаго впаденія Лабы и выше, равно какъ и въ самую Лабу; здѣсь-то, на днѣ состоящемъ изъ гладкихъ камешковъ, въ быстро текучей водѣ, мечетъ она икру. Однако же, если она не успѣетъ достигнуть этихъ мѣстъ, то—по словамъ опытныхъ рыболововъ—выпускаетъ икру и ниже, даже въ самой еще Протокѣ, хотя въ ней и нѣтъ твердаго дна; но въ такомъ случаѣ рыба выбираетъ или затонувшія карши, или ямы, куда сносятся быстрымъ теченіемъ попавшіе въ воду каменья. Въ такихъ мѣстахъ случалось рыбакамъ вытаскивать камни съ налипшею на нихъ икрою. Въ лиманахъ случалось вылавливать и мелкихъ севрюжьихъ мальковъ, очевидно зашедшихъ туда изъ Протоки, съ которою лиманы соединены посредствомъ ериковъ, ибо въ самые лиманы взрослая красная рыба не заходитъ, а въ самой Протокѣ такихъ мальковъ не случалось видѣть, по той весьма простой причинѣ, что неводнаго и даже сѣтнаго лова въ ней не производится иначе, какъ осенью, во время хода шемаи, когда севрюжьи мальки уже удалились изъ рѣки въ море. Съ другой стороны, не смотря на постоянную почти тягу неводовъ вдоль всѣхъ береговъ Черноморья, мнѣ не случалось слышать, чтобы въ эти невода гдѣ либо попадались самыя крошечныя севрюжки, хотя, по причинѣ густоты залавливаемаго косяка, онѣ легко могли бы задерживаться въ неводѣ (столь же мелкія рыбки изъ другихъ породъ задерживаются въ неводахъ). Но за то севрюжки въ $1/2$ аршина длиною очень часто попадаются въ невода на косахъ Долгой и Камышеватой, гдѣ мнѣ случалось это самому видѣть *), но это рыбки по

---

*) Къ чести здѣшнихъ рыбаковъ должно сказать, что атаманы (начальники рыболовныхъ артелей) смотрятъ за тѣмъ, чтобы мелкихъ севрюжекъ выбрасывали обратно въ море.

крайней мѣрѣ годовалыя и потому должны были уже оставить рѣки. Такихъ севрюжекъ въ свою очередь не попадается въ рѣкахъ, гдѣ онѣ должны же были бы заходить въ вентеря и въ коты, сквозь промежутки которыхъ не могли бы уже проскочить, если бы тамъ водились. Сообразивъ всѣ эти факты, мы должны придти къ убѣжденію, что и въ Кубани, точно также какъ въ Волгѣ, Курѣ и Уралѣ, севрюга мечетъ икру, выведшіеся же мальки ея скоро уходятъ въ море и возвращаются въ рѣку не ранѣе своего совершеннолѣтія.

Б. Историческій взглядъ на Кубанское рыболовство.

Необходимость подробнаго изложенія перемѣнъ, которымъ подвергалось устройство кубанскаго рыболовства. Послѣ очерка ественныхъ условій низовьевъ Кубани и прилегающей къ нимъ части моря, намъ слѣдовало бы перейти къ описанію устройства кубанскаго рыбнаго хозяйства; но настоящій порядокъ его, существующій всего только третій годъ, *) такъ еще новъ, что не успѣлъ установиться; къ тому же, въ настоящее время въ центральномъ управленіи иррегулярными войсками составленъ проектъ новаго положенія, а въ отвѣтъ на него мѣстное начальство представило свои предположенія, во многомъ расходящіяся, какъ съ этимъ проэктомъ, такъ и съ нынѣшнимъ порядкомъ дѣла. Эта нетвердость началъ здѣшняго рыбнаго хозяйства заставляетъ меня обратить вниманіе не только на настоящую организацію кубанской рыбной промышленности, но и на предшествовавшій порядокъ вещей, а также и на проэктируемыя вновь перемѣны, дабы такимъ образомъ имѣть возможность основательнѣе обсудить характеръ здѣшняго рыбнаго хозяйства и предложить съ своей стороны мнѣніе какъ о настоящемъ устройствѣ здѣшняго рыболовства,..такъ и объ измѣненіяхъ, сдѣлавшихся въ немъ необходимыми. Поэтому я начну съ историческаго обзора развитія здѣшней рыбной промышленности.

Изъ временъ, предшествовавшихъ русскому владычеству въ здѣшнемъ краѣ, извѣстно только то, что запорожцы еще задолго до того времени, когда восточное прибрежье Азовскаго моря должно было сдѣлаться ихъ новымъ отечествомъ, приходили сюда вооруженными толпами ловить рыбу и доходили даже до косъ Ейской, Долгой и Ясенской, оставаясь тутъ по цѣлымъ годамъ и ведя безпрерывно распри съ мѣстными жителями, ногайцами и донскими казаками (см. Скальковскій «Опытъ стат. опис. Новорос. края» стр. 406). У настоящихъ тогдашнихъ владѣтелей этого края, турокъ, также было уже значительное рыболовство, при устьѣ Протоки, именно въ Ачуевѣ. Когда въ 1783 году страна эта, одновременно съ Крымомъ, подпала подъ власть Россіи и была присоединена къ Таврической губерніи, богатыя ачуевскія ловли были подарены князю Потемкину. Указомъ 30-го іюня 1792 года Императрица Екатерина отдала вновь пріобрѣтенную страну бывшимъ запорожскимъ казакамъ, которымъ былъ сдѣланъ вызовъ селиться туда еще за пять лѣтъ до этого. Какъ съ береговъ Дуная, куда многіе изъ запорожцевъ ушли послѣ уничтоженія Сѣчи, такъ и изъ Малороссіи, переселились они сюда, подъ име-

---

*) Писано въ 1864 году.

немъ черноморскихъ казаковъ, въ числѣ 12,000 душъ мужскаго пола. Тогда же Потемкинъ, вписавшійся въ число черноморцевъ и причислившійся къ Васюринскому куреню, подарилъ войску ачуевскія ловли и 40,000 р. на построеніе въ Ачуевѣ церкви, тамъ и по нынѣ существующей. Съ самаго этого времени ачуевскія воды считаются общею войсковою собственностью и состоятъ на особомъ отъ прочихъ водъ Черноморья положеніи, а потому и должны быть отдѣльно отъ нихъ разсматриваемы.

Исторія ачуевскаго рыболовства. Между тѣмъ какъ ловъ во всѣхъ прочихъ водахъ Черноморья былъ всегда производимъ казаками въ личную выгоду промышленника, съ платою лишь нѣкоторой пошлины въ пользу войска, — ловъ ачуевскій составлялъ всегда, такъ сказать, войсковую регалію.

Ачуевскій ловъ составляетъ служебную повинность казаковъ до 1834 г. Въ началѣ пользовалось войско ачуевскими водами слѣдующимъ образомъ. Отъ войска наряжалась партія казаковъ, какъ на службу, подъ начальствомъ особыхъ смотрителей, которая должна была ловить и солить рыбу, приготовлять икру, клей, вязигу и жиръ. Партія эта носила названіе ватаги. Приготовленный товаръ ватага сдавала откупщику, заключавшему съ войсковою канцеляріею ежегодный контрактъ съ 1-го января по 1-е октября и принимавшему на себя обязательство брать товаръ по напередъ опредѣленной цѣнѣ. Предметомъ такого контракта были впрочемъ не всѣ продукты рыболовства, а только тѣ, въ выгодномъ сбытѣ которыхъ откупщикъ не сомнѣвался, а именно: красная рыба, икра, клей, вязига, сомъ, сомовій клей и жиръ, вытопленный изъ внутренностей судака. Эти предметы должны были непремѣнно всѣ поступать къ откупщику; на сторону же дозволялось, безъ спроса у откупщика, продавать рыбу лишь по мелочамъ, не болѣе пуда; кромѣ того, всѣмъ ватажнымъ казакамъ разрѣшалось брать себѣ, каждому, въ годъ по 20 ф. рыбы, но не иначе, какъ чалбухомъ, т. е. яловою севрюгою, и по 15 ф. икры, да на войско (т. е. войсковое начальство) сколько потребуется икры и рыбы. На судака же и на судачью икру откупщикъ обязательства не бралъ, а только выговаривалъ, что и этотъ товаръ долженъ ему быть отпускаемъ въ томъ случаѣ, если это покажется ему выгоднымъ и онъ заблаговременно о томъ извѣститъ. При этомъ на сулу и уговорныхъ цѣнъ не было, а откупщикъ обязывался принимать ее по тѣмъ же цѣнамъ, по которымъ она будетъ продаваться на волю, и то лишь извѣстное количество; въ контрактѣ 1809 года, напримѣръ, не болѣе 200,000 штукъ. Это показываетъ, что въ то время сбытъ даже сулы, считающейся теперь главнымъ богатствомъ Черноморья, былъ очень не великъ и совершенно не обезпеченъ; о тарани же и вовсе не упоминалось. Откупщикъ обезпечивалъ себя самыми точными и до мелочей доходящими условіями въ томъ, что продукты будутъ приготовлены ватагою со всею тщательностью: «прочнымъ, чистымъ и самымъ лучшимъ экономическимъ образомъ, такъ чтобы чрезъ нерадѣніе ватаги не могло послѣдовать гнилости, а особливо чтобы икра севрюжья, мѣшочная сдѣлана была не горькая, не вонючая и въ пищу человѣческую способная». Такимъ же образомъ принимались откупщикомъ предосторожности и противъ того, чтобы не быть обманутому въ вѣсѣ. Ватага должна была изъ солилъ рыбу складывать въ кучи или яруса, и оттуда только на восьмой день по вынутіи изъ солилъ носить на тереза (вѣсы), но не въ ненастный день, и держать притомъ рыбу за одинъ бокъ, — все это для того, чтобы разсолъ стекалъ и въ рыбѣ не оставалось лишней влажности.

О томъ, какъ великъ былъ доходъ, доставлявшійся войску, и сколько вылавливалось рыбы, къ сожалѣнію я не могъ отыскать свѣдѣній. Въ сохранившемся контрактѣ за 1809 годъ означены по крайней мѣрѣ цѣны, по которымъ откупщикъ долженъ былъ принимать товары. Цѣны эти по всей вѣроятности, не очень много ниже цѣнъ вольныхъ, существовавшихъ въ то время.

Названіе продуктовъ.	Цѣна за пудъ. Ассигнаціями. Рубли.	К.	Серебромъ по курсу за 1810 годъ *). Рубли.	К.
Севрюга	1	10	—	36 1/3
Севрюжья икра	5	25	1	73 1/4
Клей красной рыбы . .	50	—	16	50
Вязига	5	60	1	85
Сомъ	—	50	—	16 1/2
Сомовій клей	6	50	2	14
	Казенное ведро.			
Жиръ сулиный . . .	1	27	—	42
Икра сулиная . . .	—	50	—	16 1/2

Изъ того, что въ контрактѣ этомъ вовсе не упоминается объ бѣлугѣ и осетрѣ, мы должны заключить, что этихъ рыбъ и тогда также мало шло въ Протоку, какъ и теперь, и что морскаго лова въ то время не производилось,—ибо иначе осетръ по крайней мѣрѣ не могъ бы быть пропущенъ въ договорныхъ цѣнахъ.

Такой способъ пользованія ачуевскими водами, вѣроятно заведенный по причинѣ трудности имѣть, въ то время, въ Черноморьи достаточное число вольныхъ работниковъ, продолжался до 1834 года, начиная съ котораго воды стали уже постоянно отдаваться въ настоящее арендное содержаніе по контрактамъ, заключаемымъ до 1846 года въ сенатѣ, а съ этого времени—въ войсковой канцеляріи Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) войска, такъ что содержатели уже на свой счетъ ловили и приготовляли рыбу, внося за это опредѣленную въ контрактѣ сумму.

Ачуевскій ловъ на откупу. Въ первый разъ воды были сняты на 4 года, съ 1-го октября 1834 по 1-е октября 1838 года, на имя рыльскаго 3 гильдіи купца Пашутина; но заключалъ контрактъ и заправлялъ всѣмъ дѣломъ, давно уже знакомый съ здѣшнимъ рыболовствомъ, курскій 3 гильдіи купецъ Антимоновъ, который еще въ 1809 году по контракту покупалъ ачуевскую рыбу ватажнаго приготовленія. Этотъ откупъ состоялся за 75,000 р. асс., или, считая по тогдашнему казенному курсу серебрянаго рубля (3 руб. 60 коп. ас.), за 20,833 руб. 33 коп. сер. Второй и третій откупа держалъ, съ 1-го октября 1838 года по 1-ое октября 1842 года и съ этого срока по 1-е октября 1846 года, таганрогскій первой гильдіи купецъ Бетхеръ: въ первый разъ за 151,000 р. ас. (41,944 р. 44 к. с.), во второй за 30,000 р. с. Съ 1 октября 1846 по 1 октября 1854 года содержалъ Ачуевъ на откупу знаменитый въ лѣтописяхъ черноморскаго рыболовства войсковой старшина А. Л. Посполитаки за 30,000 р. с. въ годъ. Контрактъ на это содержаніе былъ составленъ не въ сенатѣ, а въ черноморской войсковой канцеляріи, гдѣ Посполитаки распоряжался какъ хотѣлъ. Откупъ, какъ кажется, былъ взятъ безъ торговъ за прежнюю сумму; но въ откупныя условія были введены статьи въ высшей степени невыгодныя для войска и отъ слѣдствій которыхъ оно и до сихъ поръ отдѣлаться не можетъ.

---

*) Не имѣя свѣдѣній, какъ стоялъ курсъ въ 1809 году, я принялъ курсъ 1810 года, какъ онъ означенъ у г. Гагемейстера («День» 1864 г. № 34), полагая что такъ какъ главное паденіе курса было послѣ войны 1807 года, то въ промежутокъ отъ 1809 до 1810 большой перемѣны произойти не могло.

Тутъ-то было положено забить всѣ ерики, вытекающіе изъ Протоки и несоединяющіеся съ нею вновь, и запрещено отводить воду какъ изъ Протоки, такъ и изъ вытекающихъ изъ нея ериковъ. Между тѣмъ какъ во всѣхъ прежнихъ контрактахъ откупщику только дозволялось покупать соль, гдѣ ему заблагоразсудится, въ томъ числѣ и съ войсковыхъ озеръ, соль которыхъ, не будучи обложена казенною пошлиною, была дешевле,—Посполитаки наложилъ на войско обязанность непремѣнно заготовлять для завода все то количество соли, которое онъ признаетъ необходимымъ, и изъ этого, назначеннаго имъ, количества уже ни подъ какимъ видомъ не продавать и не отпускать никому соли, какая бы въ ней ни случилась нужда войсковымъ жителямъ для домашней ихъ надобности или для посола рыбы во всѣхъ другихъ черноморскихъ водахъ. Чтобы понять, до какой степени это условіе могло быть стѣснительно для черноморцевъ, надо знать, что соляныя озера, принадлежащія войску, далеко не похожи на Эльтонское и Баскунчатское или Индерское, въ которыхъ запасъ соли неистощимъ; — ни даже на озера астраханскія и крымскія: въ дождливые годы въ нихъ соль вовсе не садится, или садится въ ничтожномъ количествѣ. Между тѣмъ соль составляетъ предметъ дохода для войсковой казны, а потому привозъ соли изъ другихъ мѣстъ или вовсе запрещается, или дозволяется съ разными стѣснительными правилами. Съ 1 октября 1854 по 1 октября 1858 года взялъ воды керченскій почетный гражданинъ Хаджопуло за 50,000 р. с. на основаніи предписанія атамана донскаго войска генерала Хомутова, которому, по счастію, было подчинено въ то время Черноморье по случаю высадки непріятеля въ Крымъ. Хотя въ этотъ разъ было надбавлено 20,000 р. с., однако всѣ стѣснительныя статьи о ерикахъ были исключены изъ новаго контракта; что же касается соли, то обязательство войска снабжать ею откупщика сохранено только на случай изобилія въ ней. Но новый откупъ продолжался только нѣсколько мѣсяцевъ; въ маѣ 1855 года непріятели вступили въ Азовское море и стали по своему похвальному обычаю, котораго держались, какъ въ Бѣломъ, такъ и въ Азовскомъ моряхъ, жечь рыболовные заводы и вообще уничтожать какъ частную, такъ и общественную собственность, и 15 августа сожгли Ачуевъ. Этимъ контрактъ былъ самъ собою уничтоженъ (*). Но съ конца сентября можно было уже снова начать ловъ, и до 1 января 1856 года Посполитаки взялъ ачуевскія воды на откупъ за 5,000 р. и возобновилъ контрактъ на слѣдующее четырехлѣтіе до 1 января 1860 г. съ платою 15,500 р. въ годъ, во все продолженіе войны, а по заключеніи мира за 25,000 р., пока не будутъ выстроены войскомъ всѣ необходимыя для завода строенія, на мѣсто сожженныхъ непріятелемъ. По устройствѣ же ихъ онъ обязался платить по 32,500 р. Этой послѣдней суммы платить ему не пришлось, потому что строенія эти до сихъ поръ еще не возобновлены, и рыбу приготовляютъ теперь не въ Ачуевѣ, а близь верхней границы ачуевскихъ водъ на Мало-Слободскомъ заводѣ. Съ 1 января 1860 года Посполитаки взялъ опять воды на откупъ по 1 января 1868 за 50,100 р. съ обязательствомъ выстроить на свой счетъ всѣ необходимыя для завода строенія, которыя въ числѣ 19 и перечислены въ контрактѣ, съ

(*) Замѣчательно, что въ этомъ контрактѣ, хотя онъ былъ заключенъ 15 сентября, т. е. двѣ недѣли послѣ высадки непріятелей въ Крымъ, не было сдѣлано никакого условія на случай вторженія непріятеля въ Азовское море, — хотя по примѣру всѣхъ прежнихъ контрактовъ и былъ оговоренъ случай появленія эпидеміи; именно, оговорка эта состоитъ въ томъ, что содержатель освобождается отъ уплаты откупной суммы за все то время, въ которое сообщеніе будетъ прекращено карантинными мѣрами.

правомъ однакоже возвести эти строенія тогда, когда ему заблагоразсудится, лишь бы они были готовы къ концу откупа, почему до сихъ поръ къ нимъ кажется еще и не приступлено. Между тѣмъ самъ Посполитаки умеръ и содержаніе ачуевскихъ водъ перешло къ его наслѣдникамъ. Въ этомъ контрактѣ вписаны уже условія на случай войны, именно: съ прекращеніемъ свободнаго плаванія русскаго флота на Черномъ морѣ, откупная плата сбавляется на половину, съ прекращеніемъ же плаванія и по Азовскому морю, откупщикъ совершенно освобождается отъ всякой платы и ловъ прекращается; если же, не смотря на то, онъ пожелаетъ продолжать ловъ, то платитъ только треть откупной суммы. Хотя и этотъ контрактъ,—вопреки точному смыслу статьи 432 Св. зак. XII т. Устава о благоустр. въ казен. селен., по которой ачуевскій рыбный промыселъ долженъ быть отдаваемъ съ торговъ въ правительствующемъ сенатѣ, и былъ заключенъ въ войсковой канцеляріи; но при заключеніи его времена уже были не прежнія. О ерикахъ ничего на этотъ разъ не упомянуто, хотя, какъ мы видѣли, управляющій заводомъ и теперь не перестаетъ хлопотать о забитіи ихъ; соль же войско обязалось поставлять лишь въ томъ случаѣ, когда не только, за удовлетвореніемъ потребностей для народнаго продовольствованія, будетъ оставаться запасъ ея, но и войсковое начальство найдетъ возможнымъ удовлетворить требованіе откупщика.

Недостатокъ мѣръ для свободнаго пропуска рыбы черезъ откупной участокъ. Ни въ одномъ изъ контрактовъ, по которымъ въ теченіи 30 лѣтъ отдавался Ачуевъ на откупъ, черноморцы не выговорили себѣ свободнаго пропуска рыбы вверхъ по Протокѣ, къ великому ущербу не только производящимъ ловъ на этой рѣкѣ выше откупной границы, но и самаго размноженія красной рыбы, для которой эта рѣка составляетъ главный путь въ Кубань. Въ первыхъ трехъ контрактахъ вовсе ничего не сказано о снастяхъ, которыми бы дозволялось или запрещалось ловить; въ контрактѣ же 1846 года Посполитаки выговариваетъ себѣ право вводить новые орудія и способы лова, какіе ему заблагоразсудится, съ глухою лишь оговоркою, чтобы они не были противузаконны. Изъ этого заключить можно, что до сего времени единственнымъ правиломъ въ этомъ отношеніи было не отступать отъ существующаго порядка, какъ бы онъ впрочемъ ни былъ вреденъ для дѣла. Въ послѣдующихъ контрактахъ это уже прямо принимается за основное правило; тамъ говорится, что откупщику предоставляется право производить ловъ законными снастями, *какъ до сего времени производили*; если же онъ вздумаетъ употреблять новыя снасти, то это ему дозволяется, лишь бы онѣ не были противны статьямъ 567, 568 и 569 св. зак. XII т. Устава о город. и сельс. хоз. Изъ этихъ статей только 567 могла бы считаться, если строго придерживаться ея смысла, нѣкоторымъ обезпеченіемъ для пропуска рыбы вверхъ, ибо въ ней не только запрещается употребленіе самолововъ и *другихъ снастей*, которыя препятствуютъ свободному ходу рыбы изъ моря въ рѣки и снизу вверхъ по рѣкамъ, но въ примѣчаніи, въ числѣ этихъ запрещенныхъ снастей, даже поименованы между прочимъ и *ставныя сплошныя сѣти*, къ числу которыхъ очевидно должно причислить и вентеря съ крыльями, хватающими отъ поверхности до дна и протянутыми съ берега на берегъ, которыми производится ловъ въ откупномъ участкѣ Протоки. Но если придерживаться и этого строгаго смысла статьи 567, все же окажется что, ею запрещаются только *сплошныя* сѣти, а какъ великъ долженъ быть оставленъ свободный промежутокъ не означено, и слѣдовательно, при такой неполнотѣ закона, откупщикъ имѣетъ полную возможность и даже право толковать его въ свою пользу. На дѣлѣ такъ это и было, или лучше сказать не только откупщику, но обѣимъ сторонамъ, заключавшимъ контрактъ, и въ голову не приходило придавать этой

статьѣ указываемый мною смыслъ, хотя онъ въ ней и ясно выраженъ. Они полагали, что статья эта достаточно исполнялась, если не употребляли упомянутыхъ въ ней самолововъ и забоекъ. Это видно изъ того, что во всѣхъ контрактахъ помѣщалась статья, которою, какъ бы въ видѣ особливой уступки войсковымъ жителямъ, занимающимся рыболовствомъ по Протокѣ выше откупной границы и провозящимъ внизъ по ней свой товаръ для продажи, откупщикъ обязывался пропускать безпрепятственно эти суда, въ первыхъ контрактахъ два раза, а въ послѣднемъ три раза въ недѣлю. Очевидно, что если бы былъ какой нибудь постоянный проходъ, хотя бы только узкія ворота, которыя всегда существовали даже на куринскомъ промыслѣ и на четырехъ волжскихъ учугахъ, то въ этой статьѣ никакой надобности не было бы. Правда, что казаки такого права откупщика на перегораживаніе Протоки никогда не признавали и всегда на это жаловались, но нечего и говорить, что, во время силы Посполитаки, мѣстное начальство этихъ жалобъ во вниманіе не принимало и на свободномъ пропускѣ рыбы не настаивало. Мнѣ даже изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что тѣхъ казаковъ, которые слишкомъ громко и настойчиво требовали отворенія рѣки,—сажали въ кандалы. Но и въ настоящее время, когда наказной атаманъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ хотѣлъ сдѣлать все возможное, для удовлетворенія справедливыхъ желаній казаковъ, оказалось, что онъ имѣлъ законное основаніе требовать отъ откупщика только, чтобы выставленныя имъ снасти не перегораживали всей рѣки; но для установленія ширины этого пропуска не имѣлъ другаго средства, какъ войти въ полюбовное соглашеніе съ откупщикомъ, почему и постановили съ 1864 года, чтобы $^1/_5$ рѣки оставалась не загороженою для свободнаго прохода рыбы. Этимъ и должны были пока удовольствоваться, хотя всеобщее и совершенно справедливое желаніе состояло въ томъ, чтобы и къ откупному участку Протоки было примѣнено правило, существующее для выставки вентерей въ остальномъ Черноморьи, по которому $^1/_3$ рѣки должна всегда оставаться свободною. Но и это правило, объ оставленіи прохода въ $^1/_5$ ширины рѣки, даже въ первый годъ его установленія не соблюдается, какъ я имѣлъ случай лично убѣдиться. Этотъ проходъ не шире $^1/_8$ или $^1/_7$ части ширины рѣки и притомъ устроенъ у того берега, гдѣ стоятъ промысловыя суда и производятся промысловыя работы, полосканіе раздѣланной или вынутой изъ солилъ рыбы и т. п., что не можетъ не пугать рыбы и не отгонять ее туда, гдѣ какъ западня ждетъ ее вентерь. Здѣсь кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ правилѣ, которое принято въ Черноморіи для обезпеченія прохода рыбы вверхъ тамъ гдѣ ловъ производится вентерями. Эта снасть устанавливается всегда такъ, что одно крыло вентеря — такъ называемое *пятное* — бываетъ коротко, и собственно вентерь — такъ называемая бочка его — стоитъ близь одного берега; другое же крыло — *бѣжное*, гораздо длиннѣе и натягивается не поперегъ рѣки, перпендикулярно къ теченію, а косо вдоль его. Хотя бы свободный конецъ этого крыла и не заходилъ далѣе $^2/_3$ ширины рѣки, для прохода рыбы однако же не все равно будетъ ли это крыло очень длинно и слѣдовательно стоять подъ весьма острымъ угломъ къ теченію, или короче и слѣдовательно будетъ натянуто почти что подъ прямымъ угломъ къ нему, или почти поперегъ рѣки. Въ послѣднемъ случаѣ рыба можетъ считаться попавшеюся въ ловушку только тогда, когда уже очень близко подошла къ горлу самаго вентеря, ибо до этого, бросившись въ сторону, легко можетъ попасть въ оставленный, для прохода ея свободный отъ снастей, промежутокъ. Въ первомъ же случаѣ должна уже считаться пойманою, какъ только вошла въ воронку, образуемую съ одной стороны берегомъ, а съ другой длиннымъ бѣжнымъ крыломъ подъ весьма острымъ угломъ съ нимъ расходящимся, ибо если бы рыба и тутъ бросилась въ сторону она толкнулась бы въ бѣжное

крыло и сейчасъ поворотила бы отъ него, и все болѣе углубляясь въ съуживающуюся воронку, должна непремѣнно попасть въ самый вентеръ, и только той рыбѣ посчасливится попасть въ оставленный для нея проходъ, которой противъ самой свободной оконечности бѣжнаго крыла удается повернуть въ него. Послѣ этого понятно, что если нѣсколько рядовъ вентерей стоятъ одинъ за другимъ, то при большой длинѣ бѣжныхъ крыльевъ—съ одной стороны, а съ другой стороны—при ходѣ судовъ и производствѣ промысловыхъ работъ въ оставленномъ для свободнаго прохода рыбъ промежуткѣ, хотя бы правило о ширинѣ этихъ промежутковъ въ $^1/_5$ ширины рѣки и строго соблюдалось, все-таки въ сущности такая система вентерей мало бы чѣмъ отличалась отъ сплошной перегородки. Поэтому правила для вольныхъ водъ Черноморія не довольствуются постановленіемъ, чтобы вентерь съ своими крыльями не занималъ болѣе $^2/_3$ ширины рѣки, но постановляютъ, чтобы бѣжное крыло его ни въ какомъ случаѣ не превышало 12 саженъ (въ новомъ проэктѣ эта длина назначается отъ 10 до 15 саженъ, смотря по ширинѣ рѣки),—длина, которая при незначительной ширинѣ здѣшнихъ рѣкъ (Протока, за исключеніемъ самаго устья, и Темрюцкое гирло имѣютъ отъ 30 до 40 саженъ) весьма достаточна. Въ откупномъ участкѣ Протоки не только на дѣлѣ, но даже на бумагѣ, и помину нѣтъ о такомъ ограниченіи длины бѣжныхъ крыльевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правила: 1) объ остановленіи свободнаго прохода въ $^1/_3$ ширины рѣки, 2) о томъ, чтобы этотъ проходъ былъ оставляемъ съ того берега, у котораго не производятся промысловыхъ работъ и 3) о томъ, чтобы длина бѣжнаго крыла не превышала 12 или по-крайней мѣрѣ 15 саженъ,—должны быть распространены и на откупной участокъ Протоки; этого требуютъ не только справедливость къ интересамъ ловящихъ выше по Протокѣ, но — и это главное — забота о достаточномъ пропускѣ красной рыбы вверхъ для метанія икры. Того же требуетъ и согласованіе здѣшнихъ рыболовныхъ правилъ съ общими, имѣющими быть введенными, законами Имперіи о рыболовствѣ, такъ какъ правило, чтобы $^1/_3$ ширины рѣки всегда оставалась свободною для прохода рыбы, при ловѣ ставными орудіями, предположено какъ для рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское, такъ и для впадающихъ въ Бѣлое море, а слѣд. должно быть принято и для всѣхъ прочихъ мѣстностей. Но— съ другой стороны — не можетъ быть также сомнѣнія въ томъ, что если эти ограниченія будутъ введены въ откупныя условія, то откупная сумма вслѣдствіе этого значительно упадетъ, а исполненіе этихъ правилъ при существованіи откупа останется всегда болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Поэтому и съ точки зрѣнія свободнаго пропуска рыбы вверхъ по рѣкѣ, равно какъ и съ точки зрѣнія справедливаго и наиболѣе полезнаго распредѣленія притока прѣсной воды, уничтоженіе ачуевскаго откупа и предоставленіе принадлежащаго ему участка въ общее и свободное пользованіе всѣхъ кубанскихъ казаковъ, на одних съ прочими водами Черноморья основаніяхъ, представляются одинаково желательными. Если же войсковое начальство захочетъ на будущее время сохранить откупъ и въ тоже время постановить правила для пропуска рыбы вверхъ, безъ чего самый источникъ дохода долженъ непремѣнно оскудѣть, то, лишившись части своихъ доходовъ чрезъ уменьшеніе откупной суммы, оно все же не достигнетъ своей цѣли, ибо никогда не будутъ въ состояніи услѣдить за своекорыстными дѣйствіями откупщиковъ.

Границы Ачуевскаго откупнаго участка. Мы окончили историческій обзоръ всѣхъ измѣненій, которымъ подвергался способъ пользованія ачуевскими войсковыми водами, какъ во время ватажнаго, такъ и откупнаго лова; но до сихъ поръ мы еще не означили границъ, отдѣляющихъ ихъ отъ прочихъ водъ Черноморья. Установленіе этихъ границъ надо также прослѣдить исторически, ибо опредѣленіе ихъ составляетъ до сихъ поръ еще вопросъ спорный; изъ разбора его я убѣдился, что гра-

ницы не были всегда тѣми же, какія признаются теперь, а постепенно измѣнялись откупщиками въ свою пользу. Въ послѣднихъ контрактахъ границы эти опредѣлены такъ: «Съ обѣихъ сторонъ рѣки Протоки по берегу Азовскаго моря по десяти верстъ, гдѣ знаки назначены столбами, и по рѣкѣ Протокѣ вверхъ по теченію на семь верстъ, до завода казака Михны». Но заводъ казака Михны не въ 7, а въ 9 вер. отъ устья, такъ что въ этомъ опредѣленіи существуетъ противорѣчіе, которое однакоже въ пользу откупа. Произошло оно слѣдующимъ образомъ. Когда ачуевскія воды перешли во владѣніе черноморцевъ, границы имъ никакой опредѣленной не было, ибо — при тогдашней ненаселенности края и изобилія рыбы — и спорить о границахъ было некому, да и кто могъ бы спорить противъ войсковаго начальства, которое само производило ловъ наряжаемыми имъ ватагами. Было тогда, какъ и нынѣ, два завода: Ачуевскій и Мало-Слободской, въ которыхъ приготовлялась рыба, ловимая по близости ихъ. Поэтому въ сохранившемся контрактѣ на 1809 годъ и сказано только: «должны мы получать ловимую и выспѣваемую (приготовляемую) въ войсковыхъ ачуевскихъ чернопротоцкихъ двухъ заводахъ разные рыбные товары», безъ означенія границъ, въ которыхъ ловилась рыба, на нихъ приготовляемая. Такъ продолжалось безъ сомнѣнія во все время ватажнаго производства промысла. Притомъ, такъ какъ откупщики обязывались брать лишь красную рыбу и сома, съ приготовленными изъ нихъ продуктами, то ловъ ограничивался рѣкою; въ морѣ же ловили только небольшое количество сулы. Притомъ небольшому числу казаковъ, производившихъ въ то время ловъ выше по Протокѣ, не было и особыхъ причинъ хлопотать о назначеніи границъ, далѣе которыхъ вверхъ по рѣкѣ не производили бы войсковаго лова, потому что тогда Протока, кромѣ нынѣшняго устья, имѣла еще и другое — именно Казачій ерикъ, о которомъ упоминаетъ Палласъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ рукавовъ Кубани и которымъ слѣдовательно рыба могла свободно проходить. Нынѣ этотъ Казачій ерикъ почти совершенно исчезъ. Сообразно этому, въ первыхъ контрактахъ границы откупныхъ водъ не опредѣлялись, ни разстояніемъ отъ устьевъ, ни какимъ либо урочищемъ; а просто говорилось, что откупщики принимаютъ въ свое содержаніе воды въ Ачуевскомъ, Чернопротоцкомъ и, къ нему принадлежащемъ, Слободско-Маломъ заводахъ въ такомъ положеніи и пространствѣ, какъ прежде было. Подъ этими водами разумѣлась впрочемъ только извѣстная часть рѣки Протоки, а не моря, ибо въ особливомъ параграфѣ, помѣщаемомъ въ концѣ контракта, говорится: «что если откупщикъ пожелаетъ сверхъ *Ачуевскаго завода* ловить рыбу вверхъ или внизъ по Азовскому морю, отъ впаденія рѣки Протоки вправо или влѣво, то сіе ему не возбраняется, однакоже не иначе какъ только волокушами и не далѣе какъ на 10 верстъ въ каждую сторону». Изъ этого очевидно, что это — новость, привилегія, которую выхлопотали себѣ откупщики, въ добавокъ прочихъ правъ своихъ, на случай если найдутъ ее для себя выгодною. Эта новая мѣстность не поступала однакоже въ полное владѣніе откупщиковъ, ибо они не смѣли ловить тамъ крючьями, какъ это нынѣ дѣлается, не безъ вреда для входа красной рыбы въ рѣку и вопреки общему черноморскому правилу, что по верстѣ въ обѣ стороны отъ каждаго гирла или устья и по семи верстъ въ глубь моря должно оставаться свободное, отъ рыболовства всѣми возможными снастями, пространство. Только во второмъ контрактѣ Бетхера (въ 1842 г.) требуется, чтобы для указанія границъ морскаго лова назначены были постоянные знаки, но все еще сохраняется запрещеніе употреблять какія либо снасти, кромѣ волокушъ (небольшихъ неводовъ); это послѣднее ограниченіе опускается въ первомъ контрактѣ Посполитаки 1846 года, въ которомъ онъ вообще выговариваетъ себѣ право употреблять такія снасти, какія ему заблагоразсудится. Только въ 1854 году, въ

контрактѣ Хаджопуло, отдѣльный параграфъ о правѣ на морской ловъ опускается и десятиверстное пространство вправо и влѣво отъ устья Протоки включено уже въ границы ачуевскаго участка и упоминается объ этихъ границахъ, какъ объ означенныхъ уже столбами. Такимъ образомъ откупщики мало по малу примежевали себѣ двадцати-верстное пространство моря въ полное и безконтрольное владѣніе. Также точно разрѣшили они и рѣчныя границы своего участка. Въ первомъ откупномъ контрактѣ 1834 года, въ отдѣльномъ параграфѣ, приняты мѣры, чтобы войсковые жители, ловящіе выше по Протокѣ, не препятствовали откупному лову; именно, сказано, что жители не должны приближаться съ своими заводами къ малому откупному заводу (т. е. къ лежащему выше собственно Ачуевскаго Слободско-Малому заводу); но при этомъ разстояніе, на которое не должно было приближаться, не было однакоже опредѣлено, и притомъ запрещено было только устроивать самые заводы (т. е. мѣста приготовленія рыбы и жилища забродчиковъ) вблизи Слободско-Малаго завода, но не запрещено выставлять снасти. Это правило оставлено безъ измѣненія и въ первомъ контрактѣ Бетхера; но во второмъ сдѣлано было уже дополненіе, «чтобы не приближаться къ малому заводу ниже таковаго завода казака Михны (который вѣроятно и былъ послѣднимъ изъ заводовъ свободныхъ промышленниковъ), который назначается границею ачуевскаго промысла». Такимъ образомъ къ откупу было прирѣзано нейтральное пространство, въ которомъ по строгому смыслу прежнихъ контрактовъ, не могъ возбраняться даже ловъ, производимый казаками, а запрещалось только построеніе заводовъ. Наконецъ, въ контрактѣ Хаджопуло (1854 годъ) это условіе не составляетъ уже отдѣльной статьи, а въ самыя границы откупнаго участка, которыя здѣсь въ первый разъ опредѣлены въ самомъ контрактѣ, включена и нижняя часть теченія рѣки Протоки до завода казака Михны, но однако такъ, что въ означеніе этихъ границъ принятъ другой признакъ — семиверстное разстояніе отъ устья, противорѣчащій первому. Противорѣчіе это совершенно не примиримо, если допустить, какъ это принимаютъ въ настоящее время откупщики, что право ихъ на производство лова, на этихъ лишнихъ двухъ верстахъ, совершенно одинаково съ правомъ на ловъ на остальныхъ 7 верстахъ. Собственно говоря, эти двѣ версты и нынѣ должны бы составлять пространство, гдѣ бы никакого лова, ни откупщикомъ, ни казаками, не производилось, что конечно послужило бы къ пользѣ этихъ послѣднихъ, и это по справедливости должно бы быть включено въ послѣдующіе контракты, если къ несчастью суждено еще ачуевскому откупу продолжать свое существованіе. Что въ прежнее время дѣйствительно было такъ, какъ я говорю, это доказывается тѣмъ, что еще до сихъ поръ ниже нынѣшней границы откупнаго лова стоятъ столбы, до которыхъ только, по словамъ казаковъ, прежде производился ловъ.

Объ отношеніяхъ между ачуевскою конторою и работниками и о способахъ здѣшняго лова, такъ какъ они ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ таковыхъ же въ остальномъ Черноморьи, я буду говорить ниже; а теперь перейду къ историческому обзору устройства рыбной промышленности въ водахъ, предоставленныхъ свободному пользованію кубанскихъ казаковъ.

Исторія рыбнаго лова въ такъ называемомъ Черноморьѣ. Въ первое время заселенія земли Войска Черноморскаго, вызванными сюда запорожцами, конечно не было никакихъ правилъ и ограниченій для производства рыболовства; да по причинѣ обширности рыболовной мѣстности и малонаселенности края въ нихъ и нужды никакой не было. Помимо другихъ причинъ, уже одна разбросанность и многочисленность отдѣльныхъ рыболовныхъ мѣстностей, — вслѣдствіе чего рыбы появляются одновременно въ разныхъ мѣстахъ, по всѣмъ гирламъ и лиманамъ, остаются въ нихъ довольно долго и (за исклю-

ченіемъ красной рыбы) возвращаются оттуда назадъ въ море, не соединяясь въ одну массу въ общей (для всѣхъ рукавовъ) трубѣ Кубани, какъ это бываетъ на Уралѣ,—не позволили здѣшнимъ казакамъ устроить свое рыболовство такъ систематично и такъ единодушно, какъ это сдѣлали уральскіе казаки. Однако черноморцы, подобно послѣднимъ, положили въ основу своего рыболовнаго устройства то совершенно правильное начало, что всѣ рыболовныя воды Черноморья должны составлять общую и нераздѣльную собственность всего войска, а не раздѣлили на части того, что сама природа соединила въ одно неразрывное цѣлое.

Нераздѣльность пользованія всѣми водами Черноморья. Выраженное мною мнѣніе о выгодности нераздѣльнаго пользованія водами опирается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Здравое хозяйственное распоряженіе водами основывается на совершенно другихъ, можно даже сказать—на совершенно противоположныхъ началахъ, нежели хозяйство земледѣльческое. Частное землевладѣніе составляетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ существеннѣйшихъ условій производительности хозяйства, и если землевладѣніе общинное, какъ оно существуетъ въ большей части крестьянскихъ обществъ Россіи, представляетъ несомнѣнныя выгоды, по моему мнѣнію далеко перевѣшивающія его невыгодныя стороны,—то причина этого народно-политическая, но никакъ не спеціально-хозяйственная; именно, она состоитъ въ томъ, что при общинномъ землевладѣніи выгоды, проистекающія отъ болѣе справедливаго распредѣленія произведеній природы, перевѣшиваютъ невыгоды, проистекающія изъ того, что при общинномъ землевладѣніи производство не можетъ быть такъ изобильно, какъ при частномъ. Во всякомъ же случаѣ: 1) общинное владѣніе можетъ обнимать собою сравнительно лишь небольшой кусокъ земли; 2) общинное землевладѣніе предполагаетъ, для сколько нибудь успѣшнаго веденія своихъ дѣлъ, совмѣстное существованіе крупныхъ частныхъ хозяйствъ, могущихъ служить для нихъ примѣромъ въ улучшеніяхъ, сдѣлавшихся необходимыми и которыхъ оно само по себѣ никогда не введетъ; 3) и при общинномъ землевладѣніи, собствено говоря, нѣтъ общиннаго хозяйства; это лишь совокупность частныхъ хозяйствъ, ведущихъ дѣла свои почти самостоятельно и только не имѣющихъ на свои участки вѣчнаго потомственнаго права собственности, а лишь временное право пользованія. Это присутствіе элемента частной собственности въ земледѣльческой промышленности, необходимое въ извѣстной мѣрѣ даже и тамъ, гдѣ соображенія другаго рода заставляютъ желать общиннаго землевладѣнія, зависитъ отъ двухъ причинъ: 1) отъ того, что производительность земли главнѣйше зависитъ отъ количества труда и капитала, которые каждый хозяинъ положитъ на свой участокъ; 2) отъ того, что производительность одного участка нисколько, или почти нисколько, не зависитъ отъ благоразумія или неразумія той системы, съ которою ведется хозяйство въ нѣкоторыхъ или даже во всѣхъ сосѣднихъ участкахъ. Совершенно противоположное этому видимъ мы въ водномъ хозяйствѣ. Здѣсь на производительность водъ не имѣетъ никакого вліянія ни трудъ, ни капиталъ, положенные на извѣстный водный участокъ; здѣсь даже почти вовсе нѣтъ мѣста къ приложенію того или другаго, но за то огромно вліяніе благоразумія или неразумія способа, съ которымъ ведется рыбное хозяйство во всѣхъ частяхъ той же водной системы, или даже и нѣсколькихъ сосѣднихъ системъ. Рѣка отъ ея верховьевъ до устьевъ, со всѣми рукавами, ериками и лиманами ея дельты, несомнѣнно составляетъ одно неразрывное, физическое цѣлое; такое же цѣлое должно составлять и рыбное хозяйство на этой рѣкѣ, если одно должно вестись разумно и успѣшно. Къ этой же системѣ должно очевидно принадлежать и море, въ которое рѣка вливается, или по крайней мѣрѣ часть его, если населяющія его рыбы имѣютъ (какъ это мы видимъ въ моряхъ Каспійскомъ и Азовскомъ) по преимуществу

прѣсноводный характеръ и потому идутъ метать икру въ рѣку. Наконецъ, въ водномъ хозяйствѣ возможенъ еще такой случай, что ни трудъ, ни капиталъ каждаго отдѣльнаго хозяина или владѣльца, ни система дѣйствій всѣхъ остальныхъ хозяевъ или владѣльцевъ, не имѣютъ никакого вліянія на его производительность. Это бываетъ въ открытыхъ моряхъ относительно рыбъ, живущихъ и мечущихъ икру въ открытомъ морѣ. Изъ этихъ положеній, совершенно неопровержимыхъ — какъ мнѣ кажется, необходимо слѣдуетъ: 1) что въ морѣ, какъ въ серединѣ его, такъ и у самыхъ береговъ, не вблизи лишь устьевъ большихъ рѣкъ, рыболовство должно быть, — какъ это нашимъ законодательствомъ и принято, — совершенно вольнымъ, ничѣмъ неограниченнымъ, стоять внѣ права собственности; 2) что всѣ озера съ впадающими въ нихъ рѣками, также какъ и большія рѣки, если не до вершины, то до значительнаго разстоянія отъ устьевъ, съ прилежащею къ нимъ частью моря, должны составлять въ рыболовномъ отношеніи общую нераздѣльную собственность всѣхъ прибрежныхъ жителей. Вполнѣ можетъ быть это достигнуто конечно только тамъ, гдѣ прибрежные жители подобно нашимъ казацкимъ обществамъ, составляютъ и въ другихъ отношеніяхъ отдѣльное цѣлое. Гдѣ же, по причинѣ или чрезвычайной обширности рѣчной системы, или разъединенности жителей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такая общность владѣнія невозможна, тамъ надо по крайней мѣрѣ замѣнить ее общностью системы управленія рыбнымъ хозяйствомъ, т. е. управленія изъ выборныхъ отъ всѣхъ прибрежныхъ жителей, такъ чтобы всѣ противоположные интересы, соразмѣрно значенію ихъ, имѣли своихъ представителей, а также нѣкоторыми общими законодательными мѣрами. Въ этихъ видахъ возможнаго объединенія системы приволжскаго рыбнаго хозяйства и были предложены учрежденіе астраханскаго рыбнаго комитета и бакенной системы лова предъ устьями Волги.

Я вошелъ здѣсь въ эти разсужденія съ тою цѣлію, чтобы показать, какъ необходимо сохраненіе общности владѣнія водами Черноморья, съ самаго начала заведенной переселившимися сюда запорожцами, и чтобы, на основаніи сдѣланныхъ мною выводовъ, обсудить впослѣдствіи нѣкоторыя мѣры, принятыя какъ въ Черноморьи, такъ и, въ еще гораздо большей мѣрѣ, на Дону.

Исключительное право казаковъ на ловъ рыбы въ водахъ Черноморья. Въ первое время заселенія, рыбы было такъ много, сравнительно съ нуждами небольшаго населенія, а торговля рыбными товарами была еще такъ мало развита, (даже сбытъ самой сулы былъ — какъ сказано выше — не обезпеченъ въ Ачуевѣ), что никто не подумалъ распространить на здѣшнія воды то общее для всѣхъ казацкихъ водъ право, по которому только одни войсковые жители имѣютъ право ловли; или по крайней мѣрѣ это правило не исполнялось. Парротъ и Энгельгардтъ (они путешествовали осенью 1811 года) разсказываютъ, что при входѣ въ Курчанскій заливъ (нынѣ обратившійся въ лиманъ чрезъ удлиненіе отгораживающей его отъ моря косы) стояло нѣсколько одномачтовыхъ судовъ, употреблявшихся для морскаго лова, который производился не столько черноморцами, сколько русскими, и что даже въ Темрюкѣ жилъ одинъ сербъ, имѣвшій здѣсь уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ собственныя рыбныя ловли, уловы которыхъ онъ отсылалъ продавать даже въ Одессу (а это доказываетъ, что они были значительны). На вопросъ: почему казаки сами не ведутъ этой торговли, тогда какъ ихъ же употребляютъ на всѣ работы по лову и нагрузкѣ, сербъ отвѣчалъ съ усмѣшкой: «Забота узнавать, гдѣ рыба и икра могутъ быть выгоднѣе сбываемы, и удастся ли такое предпріятіе, для казаковъ слишкомъ велика». Истинную же причину такого положенія дѣлъ упомянутые путешественники видѣли въ бѣдности казаковъ, такъ какъ они были въ состояніи поддерживать въ исправности свои челноки и баркасы только на задатки,

которые получали отъ иногородныхъ. Эти послѣдніе, продолжаютъ путешественники, условливаются также съ рыбаками (изъ казаковъ) на счетъ общаго лова, на все время продолженія его, и подряжаютъ черноморцевъ доставлять имъ соль, потомъ нанимаютъ большія суда, и съ мѣстъ, гдѣ продаютъ свои уловы, привозятъ обратно товары для удовлетворенія потребностей казаковъ, на что необходимъ уже небольшой капиталъ. Такимъ образомъ бѣдность казаковъ составляла причину, по которой они не могли пользоваться во всемъ объемѣ своими правами на исключительное рыболовство въ принадлежащихъ имъ водахъ. Такъ продолжалось это до самаго 1855 года, когда съ возвращеніемъ (по ходатайству наказнаго атамана Донскаго войска, генерала отъ кавалеріи Хомутова) правъ на свободное рыболовство во всѣхъ водахъ Черноморья, оно было формально запрещено всѣмъ иногороднимъ; послѣдніе не могли имѣть рыболовныхъ заведеній не только на свое собственное, но даже и на имя лица, принадлежащаго войсковому сословію; всѣ же, уже имѣвшіе такіе заводы, должны были быть, къ опредѣленному сроку, или проданы казакамъ или снесены. Однако и до сихъ поръ многіе иногородные, особливо въ Темрюкѣ, имѣютъ такіе заводы на чужое имя, обезпечивъ себя векселемъ на случай недобросовѣстности лица, съ которымъ заключается такой тайный противозаконный договоръ.

Неопредѣленность правъ казаковъ на прилежащій къ Черноморью участокъ моря. Говоря объ исключительномъ правѣ черноморцевъ на ловъ, въ принадлежащихъ имъ водахъ, мы должны однакоже сказать, что эта принадлежность, на сколько она касается владѣнія частію моря, до сихъ поръ весьма неопредѣленна. Въ ст. 561 Уст. о сельск. и гор. хоз. XII т. Св. зак. сказано, что изъ правила о непринадлежности морскихъ водъ частному владѣнію могутъ быть допускаемы какія либо изъятія не иначе, какъ по особымъ привилегіямъ, даннымъ на исключительное пользованіе промыслами въ опредѣленныхъ мѣстахъ и на опредѣленное время; вся же привилегія, которую черноморскіе (нынѣшніе кубанскіе) казаки могутъ представить, заключается въ статьѣ 431 Устава о благоустройствѣ въ казацкихъ селеніяхъ, въ которой сказано, что въ войскѣ Черноморскомъ, независимо отъ ачуевскаго рыболовнаго завода, исключительную собственность войска составляютъ и рыболовныя мѣста на косахъ, по берегамъ моря, въ лиманахъ и гирлахъ; но о томъ, какъ далеко въ глубь моря простирается это исключительное право на ловъ, ничего не упомянуто. Между тѣмъ такое постановленіе совершенно необходимо здѣсь въ такой же мѣрѣ, какъ и въ уральскомъ участкѣ Каспійскаго моря, если желательно избѣжать столкновеній, могущихъ случиться, при приближеніи къ берегамъ Черноморья вольныхъ ловцовъ, чего непремѣнно должно ожидать при развитіи и распространеніи азовскаго рыболовства, и что уже и началось съ заведеніемъ на Черноморской землѣ двухъ портовыхъ городовъ Ейска и Темрюка. Что такое точнѣйшее опредѣленіе правъ кубанскихъ казаковъ полезно и необходимо, это видно изъ только что приведеннаго мною разсужденія о системахъ пользованія рыболовными водами. Притомъ же оно не будетъ, фактически, какою нибудь новою привилегіею, въ ущербъ вольнаго азовскаго лова, ибо: 1) въ настоящее время въ дѣйствительности никто, кромѣ черноморцевъ, не пользуется рыболовствомъ у береговъ ихъ владѣній; 2) ст. 431 и дополняющею ее ст. 432 Уст. о благоуст. въ каз. сел. очевидно имѣлось въ виду оградить права черноморцевъ отъ всякихъ постороннихъ облововъ, но только мысль эта тамъ недостаточно ясно и точно выражена; 3) нѣкоторыя черноморскія постановленія о морскомъ ловѣ, весьма полезныя въ рыболовномъ отношеніи, какъ напримѣръ запрещеніе выставлять крючковую снасть ближе семи верстъ отъ берега, и совершенное запрещеніе этой снасти между оконечностями косъ Камышеватой и Ачуевской, охраняющее входъ рыбы въ гирла Ясен-

*

ское и Ахтарское, оказались бы неимѣющими законнаго основанія, если бы море на извѣстное разстояніе отъ берега не было признано находящимся въ исключительной собственности Кубанскаго войска; 4) если за войсками Уральскимъ, Терскимъ и отчасти Донскимъ признано такое исключительное право на пользованіе извѣстными участками моря, то несправедливо было бы не признавать того же и для войска Кубанскаго, тѣмъ болѣе, что и оно, подобно Уральскому, главныя выгоды свои почерпаетъ отъ рыболовства. Однимъ словомъ, въ пользу такого признанія говорятъ: примѣръ другихъ казачьихъ войскъ; очевидная, хотя и недосказанная мысль нынѣ существующихъ постановленій; польза самаго рыболовства, долженствующаго производиться по одной системѣ на всемъ пространствѣ нижней Кубани, дельты ея и прилежащей части моря; предупрежденіе безпорядковъ и столкновеній, и наконецъ совершенная безобидность этой мѣры для вольныхъ азовскихъ ловцовъ. Самое предложеніе о приведеніи въ исполненіе этой мѣры я предоставляю себѣ сдѣлать въ концѣ отчета въ совокупности со всѣми остальными мѣрами, которыя будутъ проэктированы для улучшенія азовскаго рыболовства.

Пошлина, взимавшаяся съ вольнаго рыболовства. Взималась ли съ самаго начала нѣкоторая пошлина съ рыболовства въ пользу войска какъ это дѣлается теперь, въ точности неизвѣстно; но есть положительныя доказательства, что она взималась уже въ 1812 г. Пошлина состояла тогда въ томъ, что каждый хозяинъ завода долженъ былъ заплатить въ войсковую казну сумму равную паю, приходящемуся на одного забродчика (рабочаго). Такъ какъ разсчетъ съ рабочими обыкновенно дѣлается такимъ образомъ, что сумма, полученная за продажу уловленной рыбы, дѣлится за—вычетомъ харчей—пополамъ между хозяиномъ и рабочими, половина же, приходящаяся на рабочихъ, раздѣляется между ними по-ровну съ прибавленіемъ обыкновенно двухъ лишнихъ паевъ артельному атаману, а среднее число работниковъ на заводѣ можно положить въ 20 человѣкъ, то указанная пошлина составляла не болѣе $^1/_{45}$ доли отъ цѣны улова. Сверхъ того, взымалось еще по 5 копѣекъ съ каждаго ведра добытаго сулинаго жира. На пай забродчика приходилось въ 1812 году въ разныхъ заводахъ отъ 3 р. 50 до 37 р. 50 к. считая на серебро; въ 1842 году же онъ составлялъ только отъ 1 до 21 р. сер. Пошлина эта, незначительная сама по себѣ, доставляла войску тѣмъ меньше дохода, что число заводовъ было тогда еще очень не велико, хотя уловы должны были быть очень хороши, какъ видно изъ только что приведенной величины паевъ, значительно превосходившихъ получавшіеся чрезъ 30 лѣтъ послѣ этого, не смотря на несомнѣнное вздорожаніе рыбы въ теченіе этого времени. Съ Сладковскаго участка и съ рѣки Протоки, выше откупной границы, было собрано въ 1812 году всей пошлины 1.253 р. 70 к. асс., или, по нынѣшнему курсу, считая рубль асс. въ 25 к. с., 313 р. $42^1/_2$ к.; въ 1863 г. съ той же мѣстности было собрано доходу въ пользу войска 22.345 р. 41 к., т. е. слишкомъ въ 70 разъ болѣе, или въ $1^2/_3$ раза болѣе, чѣмъ весь тогдашній валовой доходъ съ рыболовства. Такое увеличеніе дохода было слѣдствіемъ не одного усиленія лова и вздорожанія цѣнъ на рыбу, но и увеличенія размѣра самой пошлины. Я не могъ узнать, до какого времени сохранялась одна паевая пошлина, но должно быть къ ней вскорѣ была прибавлена еще пошлина съ тысячи или съ пуда каждаго сорта пойманной рыбы и приготовленныхъ изъ нея товаровъ, ибо въ 1842 году эта пошлина считалась уже чѣмъ-то издавна существующимъ. Размѣры этого новаго налога были слѣдующіе:

За 1.000 штукъ сулы мѣрной	$57^4/_7$ к.
» » » сулиной боковки (недомѣрка) .	$28^3/_7$ »
» » » коропа	1 р. $42^3/_7$ »

За 1.000 штукъ коропа недомѣрка		$21^3/_7$ к.
» » » чебака мѣрнаго		$42^6/_7$ »
» » » » недомѣрка		$21^3/_7$ »
За 1.000 штукъ селявы		$11^3/_7$ »
» » » рыбца		$11^3/_7$ »
» » » тарани		$7^1/_7$ »
» » » сельдей		$5^5/_7$ »
За пудъ красной рыбы		$2^6/_7$ »
» » » сома		$1^3/_7$ »
» » » клею (какого не сказано)	.	$22^6/_7$ »
За ведро жиру сулинаго		$2^6/_7$ »

Пошлина на икру не означена.

Эта новая пошлина немного превышала паевую, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

Годы.	Паевой сборъ.		Пошлина съ уловов.		Итого.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1839	1.772	$11^1/_7$	2.446	$1^5/_7$	4.238	$12^6/_7$
1840	2.103	95	3.113	$12^5/_7$	5.217	$7^5/_7$
1841	2.068	$92^3/_7$	2.477	$38^2/_7$	4.546	$30^5/_7$
Среднее	1.981	$66^1/_7$	2.678	$84^2/_7$	4.660	$50^3/_7$
1842	1.469	$55^6/_7$	2.485	$78^6/_7$	3.955	$4^5/_7$
1843	1.072	95	1.581	$64^3/_7$	2.654	$59^3/_7$
1844	938	41	1.494	34	2.432	75
Среднее	1.160	$30^4/_7$	1.857	$29^1/_7$	3.017	$59^5/_7$

Такъ какъ въ настоящее время доходъ, получаемый съ той мѣстности, о которой имѣются свѣдѣнія за 1812 годъ, составляетъ отъ $^2/_5$ до $^1/_2$ всего войсковаго дохода съ вольнаго рыболовства, то, — если положить, что такое же отношеніе существовало и въ означенныя два трехлѣтія, окажется, что чрезъ 30 лѣтъ послѣ 1812 года—паевая пошлина, а слѣдовательно и вообще цѣнность уловов увеличились въ первое трехлѣтіе слишкомъ въ $2^1/_2$ раза, а во второе едва въ $1^1/_2$ раза, что очень немного, если принять во вниманіе вздорожаніе цѣнъ и усиленіе рыболовства, о размѣрѣ послѣдняго можно судить изъ того, что въ 1842 году считалось всѣхъ заводовъ въ войскѣ 239, да 244 вентерныя ставки, а въ 1812 году въ двухъ главныхъ рыболовныхъ мѣстностяхъ Сладковской и на Протокѣ было только 25 заводовъ. Изъ этого надо, кажется, заключить, что показанія заводохозяевъ сдѣлались съ теченіемъ времени менѣе совѣстливы, чѣмъ прежде. Весьма вѣроятно, что во второе трехлѣтіе показанія были еще гораздо менѣе вѣрны, чѣмъ въ первое, потому что всѣ узнали, что воды вскорѣ должны отойдти въ откупное содержаніе. Пошлины эти собирались посредствомъ особыхъ смотрителей надъ рыболовными участками, которыхъ было четыре, именно: *Первый участокъ* отъ впаденія рѣки Еи въ Ейскій лиманъ до начала Ясенской косы; изъ главныхъ рыболовныхъ мѣстностей сюда, слѣдовательно, включались косы Долгая и Камышеватая и южный берегъ Ейскаго лимана. *Второй участокъ* отъ начала Ясенской косы до правой или сѣверной границы ачуевскаго откупнаго участка, куда вклю-

чались косы Ясенская, Ахтарская и Ачуевская и всѣ Ахтарскіе лиманы. *Третій участокъ* отъ лѣвой или южной границы откупнаго ачуевскаго участка до окончанія Кочугурской косы; онъ заключалъ въ себѣ рѣку Протоку выше откупной границы, Сладковскіе и Горькіе лиманы. Къ этому участку относятся приведенныя выше свѣдѣнія о сборѣ паевой пошлины за 1812 г. Наконецъ, *четвертый участокъ* простирался отъ конца Кочугурской косы вдоль Азовскаго и Черноморскаго берега Таманскаго полуострова до Кизилташскаго лимана и, южнымъ берегомъ его, до впаденія въ него рѣки Кубани, и заключалъ въ себѣ лиманы Западные, Курчанскій, Ахтанизовскій и Кубанскій съ Кизилташскимъ и Цокурскимъ.

Свобода лова и нераздѣльность пользованія водами прекращены Положеніемъ 1842 г. Небольшая пошлина, которую платили казаки съ своего промысла, не могла быть для нихъ стѣснительною; но мѣсто этой льготности и свободы вскорѣ заступила самая стѣснительная монополія, какую только можно себѣ вообразить. Въ 1842 г. вышло положеніе о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ; въ составъ этого Положенія вошли и постановленія о рыболовствѣ, въ водахъ ему принадлежащихъ. Въ этихъ постановленіяхъ было обращено очень мало вниманія на выгоды казаковъ, а все принесено въ жертву увеличенію войсковаго дохода, а потому и положено отдать большую и лучшую часть рыбныхъ ловель въ откупное содержаніе съ торговъ въ сенатѣ, съ тѣмъ, чтобы половина доходовъ шла въ войсковой капиталъ, а другая въ станичные капиталы. На первый взглядъ можетъ показаться, что такое измѣненіе не должно быть сопряжено съ ущербомъ для казаковъ, такъ какъ со введеніемъ откупной системы доходы, достававшіеся прежде отдѣльнымъ лицамъ, дѣлались собственностію всего войска. Но такой взглядъ не справедливъ; ибо общіе войсковые доходы съ сущности ничто иное, какъ государственная подать, съ тою лишь разницею, что она не поступаетъ предварительно въ государственное казначейство, а прямо идетъ на военные и другіе расходы казачьяго войска; доходы же станичные соотвѣтствуютъ обыкновеннымъ земскимъ сборамъ. Какъ государственная подать и земскіе сборы, такъ и войсковые доходы, расходуются на общія государственныя и земскія нужды, — но кто не знаетъ, что если они превышаютъ извѣстную мѣру, то ложатся тяжелымъ гнетомъ на имущество и производительность частныхъ лицъ и могутъ даже совершенно убить извѣстную отрасль промышленности. Такъ это и случилось съ черноморскимъ рыболовствомъ. Другая мѣра, принятая въ томъ же Положеніи и по которой внутреннія воды, оставшіяся въ частномъ пользованіи казаковъ, за отдачею главныхъ и лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ на откупъ, переставали быть общею собственностью войска и раздѣлялись по станичнымъ юртамъ, нарушала (со вредомъ для рыболовнаго дѣла, какъ мы это показали выше) старинный казацкій обычай. Но, за отдачею главныхъ водъ на откупъ, она конечно уже теряла свое главное значеніе, и потому вредъ этой системы пользованія рыболовными водами проявился не столько здѣсь, какъ на Дону, гдѣ эта мѣра тоже была введена еще въ 1835 году. Тамъ откупа не было, и она, распространяясь на всѣ воды, могла вполнѣ выказать свое дѣйствіе, какъ это мы увидимъ ниже.

Такимъ образомъ воды Черноморья были раздѣлены на два разряда: внутреннія и приморскія. Первыя предположено было оставить по старому въ пользованіи тѣхъ казаковъ, въ станичныхъ юртахъ (границахъ) которыхъ онѣ находились; вторыя же отдать на откупъ. Къ новому разряду были причислены: гирла Ейское, Чалбасское и Бейсугское, (т. е. расширенія рѣкъ того же имени, при впаденіи ихъ въ лиманы Ейскій и Бейсугскій), гирло рѣки Кирпили и лиманъ Кирпильскій, а также часть Ахтарскихъ лимановъ и ерики, которыми соединяется Ангелинскій ерикъ съ Кирпильскимъ гирломъ; рѣка Протока

выше Ачуевской границы, лиманы Чуборгольскій и Красногольскій (нынѣ совершенно уже уничтожившійся), находящіеся въ ближайшей и непосредственной связи съ Протокою; Черный ерикъ, а равнымъ образомъ какъ лиманы Глубокій, Долгій, Мечетный и Гординскій, (извѣстные подъ общимъ именемъ Верхнихъ), изъ коихъ этотъ ерикъ беретъ свое начало, такъ и лиманъ Сладкій, въ который онъ впадаетъ; гирла Мироново и Грушевское, впадающія въ Горькіе лиманы; лиманъ Ахтанизовскій; лиманъ Цокуръ и часть Кубанскаго, отъ пролива, соединяющаго его съ Цокуромъ, до устьевъ Кубани. Ко второму, предназначенному къ отдачѣ на откупъ разряду, принадлежало все прибрежье Черноморья отъ устья Кубани, въ Кубанскомъ лиманѣ, до устья Еи, въ Ейскомъ лиманѣ, со включеніемъ тѣхъ лимановъ, которые непосредственно соединяются гирлами съ моремъ; каковы: часть Кубанскаго лимана отъ устья Кубани до Бугазскаго гирла, Таманскій заливъ, Курчанскій, Ахтарскій, Бейсугскій и Ейскій лиманы. Про иные лиманы, какъ напримѣръ, Западные, Гнилые, Горькіе, нѣкоторые изъ Сладковскихъ, Рясные и т. д., не сказано положительно, принадлежать ли имъ откупу, или вольному лову.

Приморскія воды отдаются на откупъ. На торги, объявленные въ сенатѣ 15 ноября 1843 и 15 февраля 1844 года, желающихъ не явилось, и потому откупной контрактъ былъ совершенъ въ войсковой канцеляріи только черезъ годъ. На первый разъ откупъ былъ взятъ довѣреннымъ лицомъ отъ общества войсковыхъ чиновниковъ, занимающихся рыболовствомъ, войсковымъ старшиною Назаровымъ за 50,000 р. с. на два года, т. е. по 1 января 1847 г. Условія этого откупа были слѣдующія: откупщики могли или сами производить ловъ на всемъ пространствѣ снимаемыхъ ими водъ, и для сего по взаимному, добровольному, договору скупить заводы и снасти, принадлежавшіе лицамъ прежде занимавшимися тутъ рыболовствомъ, или дозволить прежнимъ хозяевамъ продолжать ловъ, съ платою въ откупъ извѣстнаго акциза, мѣра котораго не была опредѣлена, а могла быть назначаема откупомъ по произволу; вмѣшательство же въ ловъ во внутреннихъ водахъ откупа запрещалось. Войсковое начальство обязывалось выставить береговую стражу, которая должна смотрѣть не только за порядкомъ, но и соблюдать выгоды откупа, препятствуя всякому неразрѣшенному имъ вывозу рыбы. Очевидно, что первою изъ этихъ мѣръ все рыболовство отдавалось на совершенный произволъ откупа, и если онъ этимъ воспользовался, не обращая ни на что вниманія, кромѣ своихъ выгодъ, то конечно вина этого лежитъ не на немъ, а на войсковомъ начальствѣ, не сдѣлавшемъ ничего для охраненія рыбопромышленниковъ. Второю же мѣрою войсковое начальство приняло на себя ту именно обязанность, во избѣжаніе которой собственно и учреждался откупъ. Если самому войску предстояло смотрѣть за невывозкою неоплаченной пошлиною рыбы, то не лучше ли было бы ему самому и пользоватся всею собранною пошлиною, а не уступать бо́льшей половины откупу.

Пользуясь своимъ, ничѣмъ неограниченнымъ, правомъ, откупъ бралъ, смотря по мѣсту и времени, съ 1,000 шт. сулы 8 р. $57\frac{1}{2}$ к., 10 р., 17 р. $14\frac{2}{7}$ к., 21 р. $42\frac{6}{7}$ к., 22 р. $85\frac{5}{7}$ к. и доходилъ даже до 28 р. $57\frac{1}{2}$ к.; съ тарани 1, 2 и 4 р.; съ чебака 3 р. Не довольствуясь однако мѣстами, отданными въ его распоряженіе, откупъ стѣснялъ и тѣхъ промышленниковъ, которые ловили во внутреннихъ водахъ, но за то, по крайней мѣрѣ, аккуратно выплачивалъ войску откупную сумму. На эти стѣснительныя мѣры поступали неоднократно жалобы отъ казаковъ, не только непосредственному войсковому, но и высшему кавказскому начальству. Для разбора этого дѣла, былъ присланъ отъ намѣстника особый чиновникъ (г. Крузенштернъ), который раскрылъ все злоупотребленія откупа и выставилъ на видъ весь вредъ отъ него для войсковыхъ жителей. Съ Назарова было взыскано въ войсковую

казну 4,592 р. $53^{6}/_{7}$ к., какъ неправильно взятые имъ съ тѣхъ промышленниковъ, которые ловили во внутреннихъ водахъ; но этимъ промышленникамъ, имѣвшимъ право на ловъ за прежнюю паевую и небольшую акцизную пошлины, было отъ того не легче. Въ эти два года было собрано кромѣ того съ внутреннихъ водъ: въ 1845 году паевыхъ 18 р. $5^{4}/_{7}$ к. и пошлинныхъ 74 р. $94^{4}/_{7}$ к., итого 92 р. $85^{1}/_{7}$ к.; а 1846 году паевыхъ 133 р. $85^{2}/_{7}$ к. и пошлинныхъ 91 р. $82^{2}/_{7}$ к., итого 225 р. $67^{4}/_{7}$ к.

Рыболовство въ Черноморьи составляетъ полную монополію. Не смотря на то, что г. Крузенштернъ пришелъ къ заключенію, что пошлина можетъ быть собираема и безъ посредства откупщиковъ и что откупъ для блага войсковыхъ жителей долженъ бы быть уничтоженъ, — заключенію, которое вполнѣ подтверждалось и упадкомъ числа заводовъ (*), все-таки воды снова были отданы на откупъ на 8 лѣтъ (съ 1 января 1847 по 1 января 1855 года) войсковому старшинѣ Посполитаки, и притомъ безъ торговъ. Когда же снова возникли споры о внутреннихъ водахъ, то и эти послѣднія были переданы ему за 2,000 р. надбавки въ годъ, съ 1 января 1850 по 1 января 1855 года. Такія дѣйствія были бы рѣшительно непонятны, если бы они не обяснялись огромнымъ вліяніемъ, которымъ Посполитаки пользовался не только въ Екатеринодарѣ, но даже и въ Тифлисѣ. Въ Тифлисѣ, въ частности, это вліяніе основывалось на той блестящей репутаціи коммерческаго человѣка, которую откупщикъ умѣлъ себѣ тамъ составить, такъ что неимѣвшимъ возможности близко вникнуть въ дѣло всегда казалось, что одни только невѣжества и рутина могли не сочувствовать широкимъ планамъ и благодѣтельнымъ намѣреніямъ откупщика.

Блестящая наружность, которою прикрывалось тягостное положеніе казаковъ. Откупщикъ между прочимъ написалъ изложеніе тѣхъ правилъ и началъ, которыхъ онъ намѣревался придерживаться въ отношеніи къ черноморскому рыболовству, во время своего откупа, и которыя должны были служить инструкціею для всѣхъ рыбопромышленниковъ, долженствовавшихъ имѣть съ нимъ дѣло. Лицевая, свѣтлая сторона этого интереснаго документа, которою прикрывалась, для непосвященныхъ въ сущность дѣла, его темная изнанка, состояла въ слѣдующемъ: Посполитаки отказывался добровольно отъ права производить исключительно ловъ во взятой имъ на откупъ мѣстности, а дозволялъ всякому, какъ войсковымъ жителямъ, такъ и иногороднымъ, производить ловъ рыбы свободно и безпрепятственно, и этимъ какъ бы уничтожалъ рыболовную монополію черноморцевъ. Каждому рыбопромышленнику предоставлялось право продавать рыбу — по желанію — или самому откупщику, по установливаемой за годъ впередъ и на это время уже неизмѣнной таксѣ, или и всякому постороннему, заплативъ извѣстную лишь пошлину, также опредѣленную по соображенію съ требованіями на рыбу и цѣною ея во всѣхъ главнѣйшихъ мѣстахъ сбыта, въ которыхъ откупщикъ имѣлъ свои постоянныя конторы, какъ-то: въ Керчи, Одессѣ, Редутъ-Кале, Константинополѣ, Каменцѣ, Бердичевѣ, Староконстантиновѣ, Судилковѣ, Кіевѣ, Орлѣ, Курскѣ, Бѣлгородѣ, Харьковѣ, Маріуполѣ, Таганрогѣ и Ростовѣ на Дону, а временныя въ Москвѣ, Воронежѣ и другихъ мѣстахъ, откуда чрезъ каждые 18 дней должны были доставлять ему свѣдѣнія, необходимыя «для безошибочнаго поддержанія баланса сей промышленности и цѣнности рыбъ».

(*) Заводовъ до откупа было въ Черноморьи постоянныхъ: 189 неводныхъ и волокушечныхъ, 50 крючныхъ и 244 вентерныхъ ставокъ, итого 483, и болѣе половины этого числа временныхъ; черезъ два же года оказалось только 146 неводныхъ и волокушечныхъ, 31 крючныхъ и 150 вентерныхъ ставокъ, итого 327 (цифра временныхъ заводовъ въ имѣющихся у меня свѣдѣніяхъ не означена).

Благодѣтельныя, повидимому, мѣры, принятыя откупщикомъ. Сверхъ этихъ общихъ мѣръ, которыми обезпечивалась повидимому свобода промысла, откупъ принялъ на себя какъ бы благодѣтельное попечительство надъ рыбною промышленностью Черноморья, обязавшись содѣйствовать разными средствами: 1) развитію лова; 2) облегченію, усиленію и увеличенію выгодности сбыта, и даже 3) облегченію взиманія самаго акциза, налагаемаго откупщикомъ какъ бы единственно съ цѣлью имѣть возможность совершать свои благодѣтельные для края замыслы.

1) *По развитію лова.* Дабы выгодныя для рыболовства мѣста не оставались впустѣ, всякій, кто имѣлъ заводъ, на которомъ ловъ не производился, лишался права на ловъ, и мѣсто его передавалось другому или переходило къ самому откупщику; даже за пропускъ одного весенняго рыболовства хозяинъ завода долженъ былъ заплатить откупу 390 р. сер. штрафа, если желалъ сохранить свое мѣсто на будущее время; въ противномъ же случаѣ, мѣсто передавалось другому, желавшему производить ловъ, и откупъ отпускалъ послѣднему безпроцентно по 20 к. на каждую сажень невода. Кто желалъ устроить заводъ на совершенно новомъ мѣстѣ, тому эта безпроцентная ссуда увеличивалась до 30 к. на каждую сажень невода (*); но если онъ въ теченіи 6 мѣсяцевъ завода не устроилъ, то платилъ 100 р. сер. штрафу. Кромѣ этихъ безпроцентныхъ ссудъ, на покупку матеріаловъ и вообще на поддержаніе заводовъ, опредѣлялось отпускать отъ 10 до 100 р. за проценты. Для доставленія заводохозяевамъ еще бо́льшихъ удобствъ, контора откуповъ бралась сама доставлять имъ эти матеріалы, съ уплатою лишь $3^1/_2$% за коммиссію, сверхъ расходовъ, и не только на наличныя деньги, но — по желанію — и на кредитъ. Неимѣющимъ денегъ для заготовленія соли, откупъ брался доставлять ее въ долгъ, взимая по 5 к. съ пуда за коммиссію, сверхъ расходовъ по доставкѣ. Наконецъ контора, — «принявшая на себя обязанность всевозможными мѣрами распространять полезную рыболовную промышленность и каждому хозяину по возможности доставлять средства улучшить ее», — бралась даже нанимать забродчиковъ, требуя лишь за коммисію по 3 р. съ человѣка. Чтобы хозяева болѣе радѣли о своихъ выгодахъ и не оставляли безъ вниманія такихъ продуктовъ, какъ сулиная икра, сулиній и тараній жиръ, (по счету откупа, изъ 100 шт. сулы должно выходить до 7 п. икры), — всякій, при уплатѣ акциза съ каждой 1000 шт. сулы долженъ былъ заплатить еще сверхъ того акцизъ за 4 пуда икры и за 2 ведра жиру; съ каждой же 1000 тарани — за двѣ кварты жиру; все равно, будутъ ли эти продукты приготовлены, или нѣтъ.

2) *По облегченію, усиленію и увеличенію выгодности сбыта.* Если бы, по причинѣ невыгодности мѣстныхъ цѣнъ, кто-либо пожелалъ продать свою рыбу внѣ Черноморья, то многочисленныя конторы откупщика, въ вышепоименованныхъ городахъ, были къ услугамъ желавшаго. Онѣ брались продавать эту рыбу на коммиссію, взимая за это по $3^1/_2$% съ цѣны проданнаго товара, сверхъ всѣхъ издержекъ. Мало того, лицамъ, которыя не пожелаютъ довѣрить свои товары конторамъ, но которыя не имѣютъ денегъ для уплаты акциза, при вывозѣ рыбы, для разсчета съ работниками, для найма судна и т. п., откупщикъ предлагалъ въ займы деньги подъ залогъ товара по 50 к. и менѣе съ рубля мѣстной цѣны его, съ тѣмъ лишь, чтобы товаръ находился подъ надзоромъ его конторъ до продажи, причемъ сверхъ процентовъ взималось по 1% за застрахованіе товара. Наконецъ, откупщикъ предлагалъ

(*) Такъ какъ невода бываютъ большею частью отъ 800 до 1,200 саженъ длиною, то это составляло въ первомъ случаѣ отъ 160 до 240 руб. сер., а во второмъ отъ 240 до 360 р. сер. вспомоществованія.

и самъ покупать товаръ, оплаченный акцизомъ, не по той таксѣ, какъ неоплаченный, а по особливымъ наивыгоднѣйшимъ цѣнамъ, ежегодно публикуемымъ не позже 10 или 20 апрѣля, «не какъ откупщикъ, а на правѣ частнаго лица, съ тою только разницею, что частныя лица всегда стараются пріобрѣсть рыбные продукты дешевыми цѣнами, при чемъ хозяева заводовъ, не имѣя другихъ средствъ къ сбыту, нерѣдко, уступая необходимости, отдаютъ оные покупателямъ по ихъ желанію, я же, какъ откупщикъ, обязываюсь поддержать цѣнность рыбы, для того, что мои выгоды тѣсно соединены съ выгодами хозяевъ».

3) *По облегченію въ уплатѣ самаго акциза.* Акцизъ не долженъ составлять тяжести для заводохозяевъ, ибо, по словамъ Посполитаки, «онъ падаетъ болѣе на покупателей, что извѣстно всякому хозяину рыболову», тѣмъ болѣе, продолжаетъ онъ, «что я считаю священнымъ долгомъ всѣми мѣрами и дѣйствіями своими отклонить всякое лишеніе (убытокъ) отъ хозяевъ, какъ сотрудниковъ моихъ, а стараться, чтобы онъ падалъ на покупателей рыбы, которые имѣютъ разныя средства въ рукахъ своихъ отклонить убытки свои, уравнивая свои обороты выгодные съ невыгодными по этой операціи». Чтобы облегчить взиманіе акциза, не затрудняя хозяевъ излишними проволочками, при сортировкѣ и счетѣ рыбы, онъ постановилъ правило, чтобы мѣрную сулу отъ недомѣрка не отдѣлять, а полагать на каждую часть рыбъ по 25 штукъ боковни (недомѣрка), а акцизъ взимать за все какъ съ мѣрной. Наконецъ, если кто изъ заводохозяевъ пойметъ благодѣтельное намѣреніе откупщика и заключитъ съ нимъ контрактъ на весь срокъ существованія откупа, на продажу ему рыбы не какъ откупщику, а какъ частному лицу, радѣющему о возвышеніи рыбныхъ цѣнъ, въ видахъ общей пользы Черноморья—то для таковаго можетъ даже быть назначаемъ облегчительный акцизъ.

Стѣснительныя формальности, заведенныя откупомъ. Но откупщикъ не просто филантропъ, а человѣкъ строго коммерческій, и потому ограждающій свои выгоды мѣрами очень строгими. Дабы пользоваться правомъ лова и всѣми вышеизложенными льготами, надо было подавать своевременно формальныя прошенія и получать таковыя же разрѣшенія, на которыя даны были опредѣленныя формы подъ литерами отъ А до О включительно. За правильнымъ взносомъ акциза учреждался явный и тайныя надзоры, и всѣ заводохозяева и прикащики ихъ обязывались формальными подписками не провозить тайно рыбы и слѣдить, чтобы этого не дѣлали и забродчики. Для управленія промыслами, въ главныхъ рыболовныхъ мѣстахъ были заведены, сверхъ главной екатеринодарской, частныя конторы, а для надзора за промыслами особые надзиратели. Для большей вѣрности въ счетѣ рыбы, долженъ былъ вестись тройной счетъ ея: разъ при укладкѣ ея въ солилы; другой—при сломкѣ (вынутіи) изъ нихъ и развѣшиваніи на богуны (вѣшела); третій — при вывозѣ рыбы, предъ оплатою ея акцизомъ. Первыя двѣ счетки были только предварительныя, и на нихъ допускался прочетъ 25 штукъ на тысячу сулы и въ 50 на тысячу тарани; результаты этихъ счетокъ должны были вноситься въ особливо заведенные для сего журналы. При повѣркѣ этого счета, все оказавшееся излишнимъ принималось за умышленную утайку, за которую или взимался, въ видѣ штрафа, усиленный акцизъ (рубль вмѣсто копѣйки), или же законфисковывалась въ пользу откупа половина всей рыбы. Даже выборъ между этими огнемъ и полымемъ предоставлялся не хозяину, а откупщику, которому при значительномъ излишкѣ очевидно было выгоднѣе прибѣгать къ первой мѣрѣ наказанія, а при ничтожномъ—ко второй. При окончательномъ счетѣ предъ вывозомъ рыбы допускалось только 10 штукъ на тысячу прочета.

Бѣдственное положеніе рыбопромышленниковъ во время откупа Посполитаки. Всѣ эти мѣры,

не только поощренія, но даже и строгости, (какъ мы видѣли — чрезмѣрной), могли бы быть еще одобрены, если бы только онѣ исполнялись добросовѣстно, если бы акцизъ былъ умѣренный, или если бы цѣны, назначаемыя откупомъ, хоть сколько нибудь соотвѣтствовали словамъ откупщика, и если бы къ этимъ мѣрамъ не присоединялось еще другихъ до крайности стѣснительныхъ; другими словами: если бы исполненіе мѣръ не находилось въ рукахъ откупа, всегда болѣе или менѣе своекорыстнаго. Я потому и привелъ эти мѣры въ подробности, что нѣкоторыя изъ нихъ само войско могло бы примѣнить съ большою пользою для развитія рыболовства въ Черноморіи и для увеличенія получаемыхъ отъ него выгодъ, но безъ стѣсненія самаго промысла, какъ это буду имѣть случай показать ниже. Но такъ какъ ни одно изъ этихъ условій не существовало, то все это обратилось въ невыносимое притѣсненіе заводохозяевъ и рабочихъ, имѣвшее цѣлью мало по малу разстроить всѣхъ промышленниковъ, дабы откупъ, по мѣрѣ усиленія своихъ средствъ, могъ вполнѣ забрать все рыболовство Черноморья въ свои руки, и дабы затѣмъ, по окончаніи срока, никто не могъ его оспаривать у Посполитаки, такъ какъ общество заводохозяевъ было самымъ опаснымъ его конкурентомъ, потому что изъ иногороднихъ, бравшихъ охотно въ содержаніе Ачуевъ, едва ли бы кто захотѣлъ взять все Черноморье при весьма сложныхъ откупныхъ условіяхъ, какъ это разъ уже показалъ опытъ торговъ въ сенатѣ, на которые никого не явилось. Поэтому теперь посмотримъ на изнанку дѣла, т. е. на самую его сущность, съ которой въ то время въ Тифлисѣ вовсе не были знакомы.

Капиталы, которыми могъ располагать откупъ, многочисленность, разбросанность и трудный доступъ рыболовныхъ мѣстностей Черноморья, и наконецъ опасеніе общихъ неудовольствія и ропота не позволили Посполитаки учредить, на всемъ снятомъ имъ пространствѣ (слишкомъ въ 400 верстъ вдоль берега), рыболовство на счетъ и страхъ откупа, какъ — напримѣръ — въ Ачуевѣ, съ устраненіемъ всѣхъ старыхъ заводохозяевъ. Поэтому откупщикъ долженъ былъ прибѣгнуть такъ сказать къ системѣ фермерства, по которой не только существующіе заводохозяева сохраняли свои прежнія рыболовныя мѣста, но и всякій, кто бы ни пожелалъ, могъ устроивать новые заводы, или производить временной ловъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не было постоянныхъ заводовъ, платя извѣстный акцизъ съ каждой тысячи однихъ и съ каждаго пуда другихъ сортовъ рыбы. Если бы такой акцизъ былъ умѣренъ, то, хотя и нельзя было бы вполнѣ примириться съ откупною системою (такъ какъ съ этою системою взиманія налога нераздѣльно то зло, что значительная часть уплачиваемой пошлины не доходитъ до казны, а остается въ рукахъ откупщика); однако все-таки можно бы было съ выгодою продолжать заниматься рыбною промышленностью, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. Но условія, предложенныя Посполитаки, выходили изъ всѣхъ границъ умѣренности. Пошлины, которыя долженъ былъ уплачивать откупщику тотъ, кто желалъ продавать свою рыбу на сторону, равно какъ и цѣны, по которымъ откупъ предлагалъ принимать ее у тѣхъ, которые, не желая платить акциза, соглашались продавать ему свои уловы солеными и совсѣмъ приготовленными — выспѣтыми, показаны въ слѣдующей таблицѣ:

Названіе рыбныхъ товаровъ.	Откупная пошлина.		Цѣны, по которымъ откупъ принималъ товары.		Разность между пошлиною и откупною цѣною товаровъ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Пудъ кр. рыбы зимн. улова . . .	—	50	—	84	—	+ 34
» въ прочее время года . . .	—	$23^2/_7$	—	84	—	$+ 60^5/_7$

Названіе рыбныхъ товаровъ.	Откупная пошлина. Руб.	Коп.	Цѣны, по которымъ откупъ принималъ товары. Руб.	Коп.	Разность между пошлиною и откупною цѣною товаровъ. Руб.	Коп.
Пудъ икры красной рыбы	1	50	6	—	+ 4	50
» клея » »	11	$42^6/_7$	57	$14^2/_7$	+45	$71^3/_7$
» вязиги » »	—	10	4	—	+ 3	90
» сома	—	10	—	30	—	+20
1000 шт. сазана мѣрнаго	10	—	20	—	+10	—
			(въ весен. врем., въ меженное же 40)		(въ меженное же время +30)	
1000 шт. сазана недомѣрка . . .	5	—	10	—	+ 5	—
			(въ весен. врем., а въ меженное 20)	—	(въ меженное же время +15	—
1000 шт. сулы мѣрной съ икрой и съ жиромъ	29	—	15	—	11 (*)	—
			(въ весен. врем., въ меженное же 22	80)	(въ меженное же время 3	20)
1000 шт. тар. свѣж. колодою . .	1	—	—	—	—	—
» » » спѣт. (солен.) . .	2	—	1	70	—	30
» » чебака	3	—	2	—	— 1	—
» » чехони	3	—	2	—	— 1	—
» » рыбца	4	—	7	—	+ 3	—
» » селявы	5	—	10	—	+ 5	—
» » сельдей	3	—	3	—	0	—
Ведро сулинаго жира	—	—	—	50	—	—
Пудъ сулин. галаг. (икры)	—	—	—	50	—	—

Изъ представленной таблицы можетъ на первый взглядъ показаться, что акцизъ былъ не очень обременителенъ, ибо даже цѣна, которую предлагалъ откупъ и которая конечно была много ниже вольной продажной цѣны, все-таки значительно превышала взимаемый акцизъ, такъ что рыбопромышленникамъ оставалась еще довольно значительная польза. Но дѣло въ томъ, что всѣ тѣ товары, предъ которыми стоитъ въ послѣдней графѣ плюсъ (+), добывались въ незначительномъ количествѣ, сравнительно съ сулою и таранью, акцизъ съ которыхъ значительно превышалъ цѣну, предлагаемую за нихъ откупомъ. По соображенію акциза съ количествомъ улововъ въ водахъ, взятыхъ на откупъ,

(*) Собственно приходится—14 р. и — 6 р. 20 к., но такъ какъ акцизъ съ каждой 1000 сулы включалъ въ себя акцизъ съ 4 пудовъ галагановъ и съ двухъ ведеръ жиру, за которые откупъ платилъ отдѣльно по 50 к. за пудъ и ведро, то и оказывается на 3 р. меньшая разность.

оказывается, что изъ 148,896 р., которые бы получилъ откупъ въ наименѣе уловистый годъ, если бы вся пойманная рыба была оплачиваема только пошлиною, а вовсе не была бы продаваема откупу и не ловилась бы имъ самимъ, — 133,000 р. пришлось бы на сулу и тарань; изъ остальныхъ же 15,896 р. — 1,741 р. должны были выручиться отъ особой дополнительной пошлины, измѣнявшейся отъ 30 до 5 к. съ пуда или тысячи, смотря по сортамъ товаровъ, и которую откупъ взималъ за право вывоза ихъ изъ предѣловъ Черноморья, такъ что на акцизъ за всю прочую рыбу пришлось бы только 14,155 р., т. е. немногимъ болѣе $1/10$ доли суммы, которая могла получиться отъ одной сулы и тарани. Какъ ничтожны были выгоды, остававшіяся въ пользу заводохозяевъ, отъ главнаго продукта черноморскаго рыболовства — сулы, показываетъ слѣдующій разсчетъ. По вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, средняя цѣна сулы была во время откупа 47 р. за тысячу, вмѣстѣ съ жиромъ и галаганами, изъ нея добываемыми. Вычтя изъ этого 29 р. акциза, цѣну соли, употребленной на посолъ ея (должно считать по 25 пудъ на тысячу и по 15 к. пудъ, итого 3 р. 75 к.), а также 2 р. на пищу забродчикамъ, мы получимъ въ остаткѣ 12 р. 25 к., изъ коихъ половина только 6 руб. $12^1/_2$ к. оставалась въ пользу хозяина, другая же шла забродчикамъ, вмѣсто платы за труды. Уловъ въ 50,000 шт. сулы считается уже очень хорошимъ заловомъ; но и въ такомъ случаѣ хозяину останется только 306 р. 25 к.; впрочемъ, и это еще далеко не чистый барышъ, ибо изъ этой суммы надо было покрыть еще издержки на ремонтъ завода и снастей. Очевидно, что тутъ не только никакого барыша не получалось, но даже не выручались самые умѣренные проценты съ употребленнаго на заводъ капитала. Между тѣмъ уловъ въ 50,000 штукъ сулы составляетъ уловъ далеко превышающій средній, ибо въ томъ году, за который представленъ разсчетъ выгодъ откупщика, было поймано 4.400,000 сулы, что составитъ кругомъ на каждый изъ 145 неводныхъ и волокушечныхъ заводовъ, существовавшихъ при взятіи водъ на откупъ Посполитаки, только съ небольшимъ 30,000 штукъ; 7.250,000 же штукъ, которыя слѣдовало бы поймать, при среднемъ уловѣ въ 50,000 шт. на заводъ, ни въ одинъ годъ, за которые имѣются у меня свѣдѣнія, добыто не было. Даже въ 1812 году, когда по недавности заведенія лова и по небольшему числу дѣйствовавшихъ заводовъ рыба должна бы быть гуще, чѣмъ нынѣ, — приходилось кругомъ на заводъ въ самой лучшей рыболовной мѣстности — въ Сладковскихъ лиманахъ и въ рѣкѣ Протокѣ — только по 36,200 штукъ сулы (на 25 заводахъ 911,200 штукъ сулы).

Недобросовѣстность откупа. Но и эти, тяжелыя для заводохозяевъ, условія исполнялись со стороны откупа недобросовѣстно. Если случались цѣны на сулу очень высокія, то, по разнымъ придиркамъ, не позволялось заводохозяевамъ воспользоваться ими; вольная продажа на сторону запрещалась, и всѣ должны были отдавать сулу откупщику по 18 руб. за тысячу (съ жиромъ и галаганомъ). Выдуманное Посполитаки правило (будто бы для облегченія промысла) о томъ, чтобы, во избѣжаніе сортировки и перемѣрки рыбы, сулу мѣрную отъ недомѣрка не отдѣлять, а полагать кругомъ на 1.000 по 25 штукъ боковни служило въ сущности только для усиленія акциза, ибо въ иные годы пропорція боковни доходила до 300 на 1,000, такъ что за 275 штукъ ея, вмѣсто положенныхъ 5 р. съ тысячи, платилось по 29 р., т. е. на каждую тысячу такимъ образомъ считаемой рыбы 6 р. 60 к. лишку. Но и этого мало; сверхъ всѣхъ этихъ поборовъ, откупъ, какъ мы видѣли, бралъ еще отдѣльно за право вывоза рыбы изъ границъ Черноморья,—бралъ на содержаніе своихъ конторъ и надсмотрщиковъ за правильнымъ счетомъ рыбы и за взносомъ акциза, такъ что черноморцы должны были платить и за ту палку, которою ихъ били. Даже и та рыба, которая съѣдалась хозяиномъ и забродчиками,

не должна была пропадать для откупа. Съ каждаго забродчика взималось поэтому по 25 к. харчевыхъ, и на пищу себѣ нельзя было брать болѣе 10 сулъ и 50 тараней въ сутки, за все лишнее противъ этого, «равно какъ и за ту рыбу, которая будетъ посолена и спѣта въ домашнемъ быту, хотя бы она составляла экономію отъ рыбы, отпускаемой на харчи», взыскивался акцизъ въ пользу откупа. Наконецъ, если забродчики, нанявшіеся у какого либо заводохозяина, оставались въ долгу у откупщика, по прежнимъ заборамъ во время службы у него, то онъ взыскивалъ этотъ долгъ съ хозяевъ, предоставляя разсчитываться имъ между собою, какъ хотятъ. Каково было обращеніе съ забродчиками, ловившими на собственныхъ заводахъ откупщика, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота, сохранившагося вездѣ въ памяти въ Черноморьи и помѣщеннаго въ описаніи черноморскаго рыболовства, напечатанномъ въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1857 годъ. Лавочникъ, который отъ откупа торгуетъ въ лавкѣ всѣми потребностями для простонародья (что въ Ачуевѣ также составляетъ монополію откупщика) и отпускаетъ все нужное для забродчиковъ въ долгъ, спрашиваетъ у зашедшаго къ нему за чѣмъ нибудь: «Что выданы тебѣ чоботы тогда-то?» — Выданы. — «То-то смотри, потомъ не спорь. Вѣдь получилъ сапоги?» — Получилъ. — И въ книжкѣ сапоги отмѣчаются отдѣльно отъ чоботовъ. Также поступалось съ табакомъ и тютюномъ и всѣми товарами, имѣющими синонимическія названія. Конечно, это только одинъ изъ образчиковъ тѣхъ обмановъ и плутней, которымъ подвергались рабочіе.

Мѣры откупа, чтобы держать въ своей зависимости работниковъ и заводохозяевъ. При такомъ порядкѣ вещей, конечно, какъ хозяева заводовъ, такъ и рабочіе на заводахъ самаго откупщика, скоро бросили бы ловъ, неприносившій никакого вознагражденія за труды; но откупъ нашелъ средства обратить и тѣхъ и другихъ, такъ сказать, въ своихъ крѣпостныхъ, въ самомъ тягостномъ смыслѣ этого слова; другими словами: умѣлъ заставить ихъ работать такъ, чтобы вся выгода доставалась ему одному, а рабочіе могли бы только кормиться, а хозяева кое-какъ поддерживать свои заводы.

1) Относительно работниковъ это достигалось весьма просто тѣмъ, что нанимались преимущественно бѣглые и безпаспортные, которые находили на заводахъ себѣ вѣрное пристанище, подъ могущественнымъ покровительствомъ откупа. Въ случаѣ какихъ либо уже черезъ-чуръ тщательныхъ и добросовѣстныхъ поисковъ, бѣглыхъ заблаговременно извѣщали, и они скрывались въ камышахъ, убѣжищѣ гораздо болѣе скрытномъ, чѣмъ самый дремучій лѣсъ, ибо продраться чрезъ густой, высокій тростникъ и пробраться чрезъ топкія болота, на которыхъ онъ растетъ, — рѣшительно невозможно, если не знаешь потаенныхъ тропинокъ. Но за эту безопасность отъ полиціи, доставляемую откупомъ, рабочіе платили ему своею свободою, ибо знали, что вся участь ихъ и даже самая жизнь были въ его рукахъ, и потому между этимъ своевольнымъ и буйнымъ народомъ сохранялось такое строгое повиновеніе и такая дисциплина, которымъ трудно даже повѣрить. Прикащики Посполитаки и другихъ заводохозяевъ проходили по этимъ камышамъ, наполненнымъ бѣглыми, и ночевали въ нихъ, часто имѣя при себѣ весьма значительныя суммы денегъ, безъ малѣйшаго опасенія быть ограбленными.

2) Что же касается заводохозяевъ, то ими двигалъ страхъ лишиться своихъ рыболовныхъ мѣстъ или заплатить 300-рублевый штрафъ, за пропускъ весенняго лова. Притомъ, въ началѣ, какъ ни убыточенъ былъ ловъ, никому не хотѣлось бросать устроенный заводъ и оставлять безъ пользы гнить свои снасти, такъ какъ всякаго поддерживала надежда: то на высокія цѣны, то на очень изобильные уловы, при которыхъ даже, и при откупныхъ условіяхъ, можно будетъ получить кое-какую выгоду, то на то, что обратятъ же наконецъ вниманіе на ихъ бѣдственное положеніе. Такъ какъ ни одна изъ этихъ

надеждъ не сбывалась, (ибо при высокихъ цѣнахъ откупъ, какъ мы видѣли, не допускалъ вольной продажи, а его безпроцентныя ссуды только глубже и глубже втягивали въ кабалу), то хозяева стали одинъ за другимъ оставлять свои заводы, и послѣдніе отчасти перешли во владѣніе откупщика, а отчасти совершенно уничтожились. Изъ 177 заводовъ (146 неводныхъ и 31 крючныхъ) и 150 вентерныхъ ставокъ, находившихся въ войскѣ при взятіи Посполитаки водъ на откупъ, осталось ихъ къ 1-му январю 1855 года только 129 и изъ этого числа частныхъ только 59 (неводной 1, волокушечныхъ 30, крючныхъ 11 и вентерныхъ ставокъ 17); откупщику же принадлежало 70 (неводныхъ 5, волокушечныхъ 41, крючныхъ 12 и вентерныхъ ставокъ 12). Кромѣ того, было недѣйствующихъ частныхъ, т. е. уже разоренныхъ, но еще неснесенныхъ совершенно,—9 неводныхъ, 39 волокушечныхъ, 9 крючныхъ и 10 вентерныхъ, итого 67; въ рукахъ откупа было также 6 недѣйствующихъ заводовъ; все прочее было совершенно уничтожено. Къ довершенію бѣдствія, въ 1855 году много заводовъ, лежавшихъ на приморскихъ косахъ, было сожжено непріятелемъ.

Нарушеніе правилъ о безпрепятственномъ пропускѣ рыбы. Поступая такъ съ промышленниками, откупъ не лучше обращался и съ самымъ рыбнымъ запасомъ моря. Не смотря на положительно оговоренный въ контрактѣ свободный пропускъ рыбы сквозь гирла, соединяющія лиманы кубанской дельты — съ одной стороны — съ моремъ, а съ другой — съ впадающими въ нихъ рукавами и ериками, откупщикъ тянулъ въ этихъ гирлахъ неводами и заставлялъ ихъ вентерями.

Неправильность въ уплатѣ откупной суммы. Можно ожидать, что раззореніе, которому подвергалось рыболовство, доставило по крайней мѣрѣ выгоду войсковой казнѣ; но на дѣлѣ и этого не было. Суммы, которыя выручались откупомъ, были огромны, какъ это легко можно видѣть изъ представленныхъ имъ свѣдѣній объ уловахъ за наименѣе уловистый годъ и изъ акциза, взысканнаго имъ за каждый сортъ рыбы. Изъ таблицы, составленной на этихъ данныхъ и помѣщенной въ упомянутой уже выше статьѣ «Морскаго Сборника», оказывается, что доходъ этотъ долженъ былъ бы составить 148.396 руб. $12\frac{6}{7}$ коп. Но мы имѣемъ полное право не довѣрять вполнѣ такимъ показаніямъ откупа. Если въ основаніе разсчета положить болѣе достовѣрныя свѣдѣнія объ уловахъ за 1863 годъ (въ этихъ свѣдѣніяхъ, такъ какъ они служатъ основаніемъ для взиманія акциза, тоже можно предположить нѣкоторое, хотя, по всей вѣроятности и небольшое, преуменьшеніе противъ дѣйствительности), то для акцизнаго дохода откупа получается несравненно высшая сумма, именно 258.198 р. 74 к. Тутъ нельзя сдѣлать возраженія, что значительная и, вѣроятно, даже бо́льшая часть доходовъ откупа получалась не отъ акциза, а отъ ловель, производившихся на счетъ самаго откупа, и что этотъ доходъ могъ быть менѣе акцизнаго,—потому что: 1) еслибы этотъ послѣдній способъ доставлялъ менѣе выгодъ, чѣмъ акцизъ, то конечно откупщикъ нѣсколько убавилъ бы пошлину, чтобы, за закрытіемъ частныхъ заводовъ, не имѣть надобности самому все болѣе и болѣе усиливать собственный ловъ; 2) если, какъ мы видѣли, при уловѣ въ 50.000 сулы заводохозяева могли за уплатою акциза свести концы съ концами, то сосредоточенный ловъ, который могъ производить откупщикъ, долженъ былъ доставлять еще нѣкоторые барыши сверхъ тѣхъ, которые получилъ бы онъ отъ акцизной пошлины; 3) продавая рыбу большими массами тамъ, гдѣ сбытъ ея былъ наиболѣе выгоденъ, откупщикъ могъ, конечно, получать бо́льшіе барыши, нежели отдѣльные заводохозяева. Поэтому валовой доходъ откупа долженъ былъ быть скорѣе выше, чѣмъ ниже вычисленной мною суммы, тѣмъ болѣе, что годы откупа были, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, очень уловисты, тогда какъ 1863 годъ былъ только средній. Но, не смотря на такіе огром-

ные барыши, откупъ въ отчетахъ своихъ ежегодно показывалъ убытки, именно за 1847 и 1848 годы на 77.428 руб. 14 к., за 1849 на 31.590 р., за 1850 на 17.310 р., за 1851 на 45.201 р., за 1852 на 7.077 р., за 1855 и 1856 годы вмѣстѣ на 141.866 р. 62¾ к., за все же время содержанія откупа на 322.472 руб. 76¾ коп. Эти мнимые убытки служили для откупа предлогомъ не уплачивать своевременно арендной суммы, и изъ уваженія къ нимъ, по ходатайству мѣстнаго и распоряженіямъ высшаго начальствъ, дѣлались ему безпрерывныя разсрочки безъ процентовъ, именно: 30.000 р. на 4½ года, 26.000 р. на 2 года и 52.000 р. на 5 лѣтъ. Такія разсрочки, считая только по 5%, составляли для войска уже убытокъ въ 22.350 р. Это обратило наконецъ на себя вниманіе высшаго начальства и, по Высочайше утвержденному 29 ноября 1854 года мнѣнію военнаго совѣта, послѣдняя разсрочка отмѣнена и на будущее время предписано поступать въ подобныхъ случаяхъ на основаніи заключенныхъ съ откупщикомъ обязательствъ.

Рыболовству въ Черноморіи возвращается въ 1855 году его прежняя свобода. Но все это однако же не раскрыло мѣстному черноморскому начальству глаза на вредъ откупной системы. Хотя въ виду его и были изысканія особой (составленной изъ опытныхъ рыболововъ) коммиссіи, вполнѣ раскрывшей все зло, причиняемое откупомъ, оно все-таки, вмѣсто того, чтобы ходатайствовать объ отмѣнѣ откупной системы и замѣнѣ ея инымъ способомъ взысканія пошлины, представила новый проектъ отдачи водъ въ откупное содержаніе, а затѣмъ были назначены и самые торги на 19-е мая 1854 года. Но, къ счастію Черноморья, въ это дѣло вникъ наказный атаманъ Донскаго войска генералъ Хомутовъ, которому временно было подчинено и войско Черноморское. Собравъ всѣ свѣдѣнія о черноморскомъ рыболовствѣ, посредствомъ нарочно командированныхъ съ этою цѣлью лицъ и, вѣроятно, сравнивъ положеніе тамошняго рыболовства съ хорошо ему извѣстнымъ донскимъ, гдѣ никогда откупа не было, онъ исходатайствовалъ отмѣну откупа и въ Черноморьи. Вслѣдствіе этого послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ: 1) Чтобы на будущее время всѣ рыболовныя воды Черноморскаго казачьяго войска, за исключеніемъ Ачуевскаго рыболовнаго завода, начиная съ 1-го января 1855 г. были предоставлены въ свободное пользованіе всѣхъ жителей войска. 2) Чтобы сдѣлать рыболовство во всѣхъ этихъ водахъ для всѣхъ станицъ уравнительнымъ и, дабы войско могло извлекать, и затѣмъ, какія либо выгоды отъ этого рыболовства, поручить войсковому начальству составить для сего немедленно особыя правила и представить въ военное министерство. Такимъ образомъ, благодаря генералу Хомутову, память котораго должны благословлять черноморцы, вышли они изъ десятилѣтней откупной неволи, которая была настоящимъ крѣпостнымъ состояніемъ для всѣхъ занимавшихся рыболовствомъ, какъ забродчиковъ, такъ и заводохозяевъ. На мой вопросъ, который я предлагалъ многимъ: неужели никакія со стороны жалобы и просьбы не могли облегчить ихъ положенія, я много разъ получалъ такой отвѣтъ: «Кому могли мы жаловаться? Посполитаки былъ нашъ господинъ, нашъ князь, нашъ царь» (передаю слова буквально).

Установленіе временныхъ правилъ для рыболовства въ Черноморьи. Составленныя, на основаніи 2-го пункта приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, правила были представлены генераломъ Хомутовымъ въ военное министерство и удостоились Высочайшаго утвержденія 2-го февраля 1855 года. Хотя они и были утверждены только на одинъ годъ, въ видѣ опыта, почему и носятъ названіе *временныхъ правилъ*, однако продолжаютъ дѣйствовать и до сихъ поръ, съ небольшими лишь измѣненіями, и служатъ руководствомъ при производствѣ вольнаго черноморскаго лова. Эти временныя правила такъ немногосложны и такъ хорошо составлены, что вмѣстѣ съ произведенными въ нихъ впослѣдствіи измѣненіями

(касавшимися собственно управленія промыслами и взиманія пошлины въ пользу войсковой казны) могутъ служить руководствомъ и на будущее время, требуя лишь немногихъ пополненій, въ видахъ лучшаго охраненія размноженія красной рыбы, и нѣкотораго развитія началъ, принятыхъ уже и теперь для надзора за рыболовствомъ. Всѣ вновь составленные проекты, какъ центральнымъ управленіемъ иррегулярными войсками, такъ и кубанскимъ войсковымъ правленіемъ, во всемъ томъ, въ чемъ они разнятся отъ нынѣ дѣйствующихъ временныхъ правилъ, составляютъ большею частью не улучшенія, а ухудшенія и шагъ назадъ въ полномъ значеніи этого слова. Впослѣдствіи я буду имѣть случай изложить содержаніе этихъ правилъ при описаніи нынѣшней организаціи рыбнаго хозяйства въ Черноморьи; сверхъ того, они будутъ помѣщены ниже вполнѣ, въ видѣ отдѣльнаго приложенія. Теперь же, продолжая исторію измѣненій, которымъ подвергалось рыболовство Черноморья, я коснусь лишь самыхъ существенныхъ положеній этихъ проэктовъ.

Возвращеніе казакамъ исключительнаго права на ловъ въ водахъ Черноморья. Съ объявленіемъ свободы рыболовства во всѣхъ водахъ, за исключеніемъ ачуевскихъ, была возобновлена исключительная привилегія на нихъ черноморцевъ. Эту послѣднюю, какъ замѣчено уже выше, я не только не считаю несправедливою, но нахожу, что она вполнѣ оправдывается требованіями единства системы, столь необходимаго при производствѣ рыбнаго промысла въ водахъ, составляющихъ одно нераздѣльное физическое цѣлое, и потому предлагаю, въ видахъ большей опредѣленности закона, распространить эту привилегію на полосу моря примѣрно въ 20 верстъ шириною. Всѣмъ иногороднымъ, имѣвшимъ свои заводы при откупѣ, данъ былъ поэтому полугодичный срокъ для продажи или снесенія своихъ заведеній; съ 1-го же января должны они были прекратить свой ловъ. Даже имѣть заводы на имя казаковъ было воспрещено, хотя слѣдить за исполненіемъ этого послѣдняго правила на практикѣ, при нынѣшней системѣ управленія, по крайней мѣрѣ, совершенно невозможно. Для того же, чтобы войско могло, какъ сказано во 2 пунктѣ Высочайшаго повелѣнія на имя генерала Хомутова, извлекать и за тѣмъ *какія либо* выгоды отъ этого рыболовства, назначенъ былъ акцизъ съ тысячи и пуда рыбы и ея продуктовъ, хотя и многимъ превышавшій прежній, взимавшійся до откупа вмѣстѣ съ паевою пошлиною, однако все-таки еще очень умѣренный и неотяготительный. Размѣры акциза, остающіеся въ силѣ и понынѣ, показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Съ какихъ именно продуктовъ.	Серебромъ. Руб.	Коп.
Съ тысячи сулы	4	—
» коропа	5	—
» тарани	—	30
» чебака	—	50
» сельдей	—	60
» рыбца	1	—
» селявы	1	—
» чехони	—	15
» таловирки (разной мелкой рыбы)	—	10
Съ пуда красной рыбы	—	20
» икры изъ красной рыбы	1	20

Съ какихъ именно продуктовъ.	Серебромъ. Руб.	Коп.
Съ пуда клею изъ красной рыбы	6	—
» сома	—	10
» клею изъ сома	—	50
» икры изъ сулы и тарани (галаганы) . .	—	10
Съ ведра жиру	—	10

Сравнивая размѣры этого акциза съ размѣрами послѣдняго откупа, мы находимъ, что первый, въ цѣломъ, слишкомъ въ пять разъ меньше втораго, ибо при новомъ акцизѣ собрано въ 1863 году 49,505 р. 29 к. пошлины, тогда какъ по откупному акцизу этотъ же уловъ доставилъ бы 258,198 р. 74 к. Въ частности же, относительно главныхъ продуктовъ рыболовства — сулы и тарани, уменьшеніе еще гораздо значительнѣе, именно для сулы въ 6,3, а для тарани въ 6,7 раза.

Оцѣнка черноморскаго акциза черезъ сравненіе его съ уральскимъ. Для составленія себѣ понятія о томъ, отяготителенъ ли или нѣтъ нынѣ дѣйствующій акцизъ, интересно сравнить его съ акцизомъ, взимаемымъ съ уральскаго рыболовства, которымъ никто не тяготится. Но прямое сравненіе тутъ невозможно, потому что основанія, на которыхъ устроены акцизы въ Уральскомъ и Черноморскомъ казачьихъ войскахъ, во многихъ отношеніяхъ очень различны, и потому, чтобы сдѣлать сравненіе возможнымъ, необходимо подвергнуть числа, относящіяся къ одному изъ войскъ, нѣкоторой переработкѣ.

Эти разницы заключаются въ слѣдующемъ:

1) Уральскій акцизъ взимается только съ вывозимой соленой рыбы, тогда какъ въ Черноморьи онъ взимается со всей рыбы вообще. Это обстоятельство не представляетъ большаго препятствія для сравненія, такъ какъ изъ Черноморья почти вся рыба вывозится въ соленомъ видѣ; тѣмъ не менѣе оно показываетъ, что еслибы одинъ и тотъ же акцизъ былъ принятъ для каждаго сорта рыбы въ Черноморьи, какъ на Уралѣ, то онъ оказался бы тяжелѣе для рыбной промышленности въ первой изъ этихъ мѣстностей, и что для совершенной уравнительности нужно бы черноморскій акцизъ нѣсколько уменьшить. Съ этою цѣлью я показываю въ особливой графѣ нижепомѣщаемой таблицы, каковъ былъ бы акцизъ съ уральской рыбы, если бы, при той же суммѣ, которая и нынѣ взимается, разложить ее не на одну соленую, а на всю рыбу вообще.

2) Уральскій акцизъ взимается и для черной рыбы съ пуда, а не съ тысячи. Зная приблизительно, сколько вѣсу въ тысячѣ разныхъ сортовъ рыбы, мы можемъ легко устранить препятствія для сравненія, вытекающія изъ этого различія.

3) Между тѣмъ какъ въ Черноморьи взимается однообразный акцизъ съ каждаго сорта рыбы въ теченіе цѣлаго года, на Уралѣ онъ измѣняется, смотря по времени вывоза. Чтобы устранить это различіе, надо было найти для уральской рыбы такой средній акцизъ, который, будучи взимаемъ въ теченіе цѣлаго года, давалъ бы ту же сумму, которая получается при взиманіи различнаго акциза въ разное время года. Для этого, по имѣющимся въ V томѣ «Изслѣдованій» таблицамъ, я помножилъ за 5 лѣтъ ежемѣсячные вывозы рыбы на соотвѣтствующій имъ акцизъ, и, полученную такимъ образомъ, сумму раздѣлилъ на общее количество вывоза въ теченіе всѣхъ 5 лѣтъ.

4) Не всѣ породы рыбъ тождественны на Уралѣ и въ Черноморіи; именно, на Уралѣ нѣтъ та-

рани. Я принялъ, что ее тамъ замѣняютъ ловимые въ довольно большомъ количествѣ: вобла, линь, карась и пр., означаемыя подъ общимъ именемъ мелкой черной рыбы.

На этихъ-то основаніяхъ составилъ я таблицу уральскаго акциза и придалъ ему такой видъ, въ которомъ онъ можетъ быть сравниваемъ съ черноморскимъ. Чтобы убѣдиться, что при этомъ не допущено мною никакой значительной ошибки, я сдѣлалъ слѣдующую повѣрку. Изъ имѣющихся (въ V томѣ «Изслѣдованій») данныхъ видно, что получавшійся въ началѣ пятидесятыхъ годовъ акцизъ съ вывезенной изъ Уральска соленой рыбы и ея продуктовъ, — со включеніемъ и откупной суммы, платимой войску за право собиранія акциза, и барыша откупщика, — составлялъ среднимъ числомъ 57,150 р., а въ 1852 году (когда былъ полученъ откупщикомъ наибольшій барышъ) 68,650 р.; при этомъ въ обѣихъ суммахъ не включаются издержки на взиманіе, которыя впрочемъ очень незначительны, такъ какъ всю уральскую рыбу свозятъ для отпуска въ городъ Уральскъ. Помножая на найденныя мною числа количества уловов за соотвѣтственные годы, (при чемъ для черной рыбы я долженъ былъ взять средній акцизъ, платимый за различные сорта ея, такъ какъ въ таблицахъ означенъ лишь огульный уловъ черной рыбы, безъ подраздѣленія на отдѣльные сорта), я получилъ числа 57,580 р. и 70,256 р., т. е. почти совершенно тождественныя съ только что приведенными.

ТАБЛИЦА

АКЦИЗА, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕНЪ БЫ ВЗИМАТЬСЯ ВЪ ЧЕРНОМОРЬИ, ЕСЛИ БЫ ИМѢЛОСЬ ВЪ ВИДУ УРАВНИТЬ ЕГО СО ВЗИМАЕМЫМЪ СЪ СОЛЕНОЙ УРАЛЬСКОЙ РЫБЫ.

Названіе продуктовъ.	Величина акциза, принимая въ разсчетъ одну соленую уральскую рыбу.			Величина акциза, если бы онъ былъ разложенъ на всю вообще уральскую рыбу.		
	Съ пуда.	Съ тысячи.		Съ пуда.	Съ тысячи.	
	Коп.	Руб.	Коп.	Коп.	Руб.	Коп.
Икра	78	—	—	58	—	—
Красная рыба	19	—	—	12½	—	—
Сомъ	9½	—	—	6,7 *)	—	—
Сазанъ (коропъ)	6	9	—	4,2	6	30
Судакъ (сула)	7½	5	25	5,3	3	71
Лещъ	4½	1	80	3,3	1	32
Мелкая рыба (соотвѣтствующая тарани)	2½	—	62½	1,8	—	45

Сравнивая этотъ, примѣненный къ уральскому, акцизъ съ акцизомъ, въ дѣйствительности взимаемымъ въ Черноморьи, мы видимъ, что вообще они немногимъ разнятся между собою. Только акцизъ съ икры на Уралѣ гораздо ниже, чѣмъ въ Черноморьи. Акцизъ съ красной рыбы и съ сома почти

*) Такъ какъ въ таблицахъ уральскихъ уловов не означены отдѣльно сорта черной рыбы, то числа для сома, сазана, судака, леща и мелкой рыбы основаны на томъ предположеніи, что пропорція соленой рыбы къ свѣжей, для каждаго отдѣльнаго сорта рыбы, та же, что и для всей черной рыбы вообще. Предположеніе это не можетъ много удаляться отъ истины.

одинаковъ въ обѣихъ мѣстностяхъ; но если разложить уральскій акцизъ на всю рыбу, а не на соленую только, то онъ выйдетъ тамъ значительно легче. Относительно сазана онъ на Уралѣ значительно выше, что впрочемъ происходитъ главнѣйше отъ того, что эта рыба на Уралѣ не такъ вѣска, какъ въ Черноморьи, гдѣ мы приняли 150 пудовъ въ тысячѣ. Что касается судака, то относительно одного соленаго уральскій акцизъ будетъ выше, если же разложить его на всю рыбу, то будетъ нѣсколько ниже черноморскаго *). Съ леща же и мелкой рыбы уральскій акцизъ во всякомъ случаѣ выше черноморскаго. Чтобы получить понятіе, который изъ двухъ акцизовъ вообще выше, надо вычислить тѣ суммы, которыя получились бы съ черноморскихъ улововъ при взиманіи этихъ различныхъ акцизовъ. Въ основаніе такого исчисленія мы примемъ уловы за 1863 годъ.

Названіе продуктовъ.	Количество пойманной рыбы.		СУММА АКЦИЗА **). При нынѣ взимаемой въ Черноморьи пошлинѣ.		При взиманіи такой же пошлины какъ на Уралѣ съ соленой рыбы.		При взиманіи такой же пошлины, какъ на Уралѣ, если бы она была равномѣрно распредѣлена на всю рыбу.	
	Пуды.	Ф.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Икра	2,889	10	3,467	10	2,253	61½	1,675	76½
Красная рыба . . .	38,271	23	7,654	31½	7,271	60	4,783	94½
Клей	34	22	207	30	—	—	—	—
Вязига	3	30	4	95	—	—	—	—
Сомъ	20,846	10	2,084	62½	1,980	39¼	1,396	70
Галаганы сулиные . .	17,593	—	1,759	30	—	—	—	—
Жиръ сулиный . . .	10,653	ведра	1,065	30	—	—	—	—
Коропъ	197,909	штукъ	989	54½	1,781	18	1,246	82½
Сула	4,933,939	»	19,735	75½	25,903	18	18,304	91
Чебакъ	85,495	»	42	74¾	153	89	112	85
Селява	153,660	»	153	66	153	66	153	66
Рыбецъ	88,425	»	88	42½	88	42½	88	42½
Чехонь	30,900	»	5	85	5	85	5	85
Сельдь	5,500	»	3	30	3	30	3	30
Тарань	40,348,790	»	12,104	63¾	25,275	99	18,156	95½
Таловирка	2,507,400	»	250	74	250	74	250	74
Итого . .	—		49,617	55	65,120	77¼	46,179	93½

Слѣдовательно пошлина, назначенная временными правилами съ продуктовъ черноморскаго рыболовства, ниже той, которая бы на нихъ пала, если бы принята была пошлина, наложенная на соленые про-

*) На Уралѣ сулиные галаганы и жиръ не приготовляются и съ нихъ, поэтому, нѣтъ отдѣльной пошлины. Если пошлину, взимаемую съ этихъ продуктовъ въ Черноморіи, переведемъ на сулу, то съ тысячи ея будетъ взиматься не 4 р., а 4 руб. 57 коп.

**) Относительно такихъ сортовъ рыбы, которыхъ на Уралѣ нѣтъ, оставлена та пошлина, которую нынѣ взимаютъ въ Черноморьи; относительно тѣхъ же продуктовъ, съ которыхъ пошлины не взимается, каковы напримѣръ: клей, галаганы, сулиный жиръ, она вовсе не означена.

дукты уральскаго рыболовства, и почти одинакова съ тою, которая получилась бы, если бы была принята уральская пошлина, равномѣрно разложенная на всѣ продукты рыболовства, а потому и не можетъ считаться отяготительною. Притомъ она даже лучше распредѣлена, ибо падаетъ въ большей степени на дорогіе продукты, каковы: красная рыба и икра, добыча которыхъ къ тому же менѣе стоитъ, ибо главнѣйшимъ образомъ получается вентерями и крючными снастями, орудіями менѣе цѣнными, нежели невода, которыми ловятся тарань и судакъ; на самый же дешевый продуктъ — тарань — собирается въ полтора раза меньше той, которая должна бы выручаться при уральской системѣ акцизной.

Недостаточность взиманія акциза черезъ смотрителей. Пошлина эта, по временному положенію, должна была собираться особыми смотрителями, назначаемыми войсковымъ начальствомъ по одному въ каждый изъ 6 участковъ, на которые были раздѣлены воды Черноморья, вмѣсто прежнихъ четырехъ. Эти участки были слѣдующіе: 1) отъ устья рѣки Еи, недоходя 10 верстъ до начала косы Камышеватой; здѣсь въ числѣ главныхъ рыболовныхъ мѣстъ заключались косы Ейская и Долгая. 2) Отъ границы предъидущаго до окончанія Ясенской косы; въ немъ заключались косы Камышеватая и вся Ясенская. 3) Отъ начала Желѣзнаго обрыва у южной оконечности Ясенской косы до Ачуевской границы, со включеніемъ Ахтарскаго гирла, всѣхъ Ахтарскихъ лимановъ, рѣки Протоки выше Ачуевской границы до Чуборгольскаго лимана, этого лимана и Ачуевской косы, сѣвернѣе откупной границы по морскому берегу. 4) Отъ южной границы группы Горькихъ лимановъ, чрезъ восточныя оконечности лимановъ Западныхъ и Курчанскаго до истока Переволоки, потомъ по Кубани до впаденія ея въ Кубанскій лиманъ и по сѣверному берегу сего послѣдняго до Бугазскаго гирла; онъ включалъ въ себѣ, кромѣ упомянутыхъ лимановъ, еще лиманы Ахтанизовскій и Цокуръ, Таманскій заливъ и все морское прибрежье на этомъ пространствѣ вдоль Азовскаго и Чернаго морей и Керченскаго пролива. 5) Пятый участокъ лежалъ между 3 и 4 и заключалъ въ себѣ только Сладковскіе и Горькіе лиманы. Наконецъ 6-й) заключалъ въ себѣ лиманъ Бейсугскій съ Бейсугскимъ и Чалбасскимъ гирлами. Невключенная въ эти границы большая часть теченія Кубани и Протоки, а также южный берегъ Кубанскаго залива, причислялись къ внутреннимъ водамъ, ловъ въ которыхъ оставался безпошлиннымъ.

Предположеніе объ отдачѣ на откупъ права взиманія акциза. Въ первый годъ было собрано пошлины только 5,852 р. $32^{3}/_{4}$ к. Хотя по причинѣ военнаго времени и присутствія непріятельскихъ флотовъ въ Азовскомъ морѣ (имъ было сожжено много приморскихъ заводовъ), а также разоренія рыбной промышленности только что окончившимся откупомъ, и нельзя было ожидать значительнаго дохода, однако ничтожность этой акцизной суммы снова возбудила въ мѣстномъ начальствѣ мысль отдать на откупъ, если уже не самое рыболовство, что прямо противурѣчило бы Высочайшему повелѣнію, то по крайней мѣрѣ собираніе установленнаго акциза. Войсковое правленіе отъ 11-го мая 1856 года постановило опять отдать всѣ рыболовныя воды по прежнему въ откупное содержаніе, ограничивъ лишь извѣстнымъ образомъ, какъ права рыболововъ, такъ и откупщика Къ счастью наказной атаманъ генералъ Филиппсонъ не утвердилъ этого постановленія. Впослѣдствіи и само войсковое правленіе перемѣнило свой образъ мыслей, относительно отдачи водъ въ откупное содержаніе, и въ 1859 г. отмѣнило свое прежнее заключеніе и само назвало его преждевременнымъ, такъ какъ — съ одной стороны — пошлина, собираемая съ свободнаго рыболовства, съ каждымъ годомъ усиливалась, а съ другой, какъ совершенно основательно замѣтило правленіе, «если бы съ отмѣною откупнаго

содержанія войско и лишилось какой либо части той суммы, какую получала отъ откупщика, то и въ такомъ случаѣ должно бы было держаться 2-го пункта Высочайшаго повелѣнія, гдѣ между прочимъ употреблено слѣдующее выраженіе: *а дабы войско и за тѣмъ могло извлекать какія либо выгоды отъ рыболовства*, это выраженіе безъ всякаго уже сомнѣнія даетъ разумѣть, что Государь Императоръ, отмѣняя откупное содержаніе, имѣлъ въ виду прежде всего пользу жителей и для нихъ жертвовалъ частью войсковаго дохода, а за тѣмъ уже и выгоды самой войсковой казны». Посему, вмѣсто вторичной отдачи водъ на откупъ, войсковое правленіе постановило о составленіи проэкта правилъ о свободномъ рыболовствѣ. Но на этотъ разъ наказной атаманъ генералъ Кусаковъ оказался за откупъ, и проэктъ, объ отдачѣ въ откупное содержаніе акцизнаго сбора съ кондиціями на него, былъ представленъ для ходатайства объ утвержденіи командовавшему правымъ крыломъ кавказской линіи генералу Филиппсону, который однакоже и на этотъ разъ поступилъ также какъ и въ 1856 году, т. е. не положилъ никакого рѣшенія по этому представленію. Въ этомъ представленіи генералъ Кусаковъ совершенно справедливо замѣчалъ, что, при сборѣ акциза посредствомъ смотрителей, никогда нельзя достигнуть увеличенія войсковыхъ доходовъ; но только предложенное имъ противъ этого лекарство — откупъ, было, какъ говорится, хуже самой болѣзни, которую оно должно было излечить. Мысль объ отдачѣ акцизнаго сбора на откупъ была оставлена на время и если бы сборы, доставляемые смотрителями, продолжали возрастать, то она была бы, можетъ быть, оставлена и навсегда; но къ несчастію сборъ этотъ возвышался лишь до 1860 года, а съ этого времени сталъ опять упадать. Именно сборы эти были:

Въ	1856 году	12,157	руб.	$42\frac{1}{2}$	коп.
»	1857 »	16,529	»	58	»
»	1858 »	21,759	»	$16\frac{1}{4}$	»
»	1859 »	28,850	»	$81\frac{3}{4}$	»
»	1860 »	32,206	»	$37\frac{1}{2}$	»
»	1861 »	29,978	»	$88\frac{1}{4}$	»
»	1862 »	25,107	»	45	»

Постоянное возрастаніе пошлины въ первыя 6 лѣтъ весьма легко объясняется тѣмъ, что заводохозяева мало по малу оправлялись послѣ убытковъ, нанесенныхъ имъ какъ войною, такъ еще болѣе прежнимъ откупомъ, и потому происходившее вслѣдствіе этого устройство новыхъ заводовъ и вообще усиленіе лова были столь значительны, что перевѣшивали колебанія, которыя могли происходить отъ измѣненія улововъ. Но какъ только это быстрое развитіе рыболовства послѣ погрома, который оно потерпѣло, пріостановилось, то прежняго постояннаго возрастанія улововъ и собираемыхъ съ него пошлинъ нельзя уже было ожидать. Слѣдовательно само по себѣ уменьшеніе, происшедшее въ сборѣ 1861 года, сравнительно съ 1860, а 1862 даже съ 1859 годомъ не представляло ничего такого, что могло бы заставить войсковое начальство опасаться за будущее, еслибы только оно могло быть увѣрено, что смотрители собираютъ акцизъ съ должными тщательностью и добросовѣстностію. Но этого конечно не только не было, но даже трудно было и ожидать при ничтожности получавшагося смотрителями вознагражденія за их труды, при невозможности усмотрѣть съ ихъ стороны за тайнымъ вывозомъ неоплаченной пошлиною рыбы и, наконецъ, при совершенной безконтрольности самихъ смотрителей. Мнѣ за достовѣрное сказывали, что, собирая съ хозяевъ пошлину, смотрители просили ихъ расписываться въ

книгѣ не во всей, слѣдовавшей съ хозяевъ по количеству рыбы, пошлинѣ, а предлагали дѣлиться утаеннымъ. 1860 годъ былъ, на пространствѣ всего Азовскаго моря, годомъ необыкновеннаго изобилія рыбы, и если бы все пойманное было дѣйствительно оплачено пошлиною, то сборъ вѣроятно превзошелъ бы вдвое акцизъ, дѣйствительно полученный въ этомъ году. Это снова возбудило *несчастную* мысль объ отдачѣ акциза на откупъ. Я называю эту мысль *несчастною* не только потому, что если бы она была приведена въ исполненіе, то по прежнему разорила бы рыбопромышленниковъ, но еще и потому, что самая угроза откупа до сихъ поръ не допускаетъ многихъ употребить свои капиталы на рыболовство, такъ какъ, испытавъ на опытѣ всю тяжесть этой системы, многіе заводохозяева рѣшились совершенно бросить эту промышленность, если бы ихъ опять подчинили вымогательствамъ и притѣсненіямъ откупа. Если заводохозяева мало полагаются на ограниченія, которыми по новымъ откупнымъ проэктамъ долженъ былъ быть связанъ откупщикъ, то они отчасти совершенно правы. Въ первоначальномъ контрактѣ съ Посполитаки было же оговорено, что внутреннія воды должны оставаться свободными отъ его вмѣшательства, и однако чѣмъ же кончились справедливыя жалобы промышлявшихъ въ этихъ внутреннихъ водахъ? Отдачею ихъ въ полное распоряженіе откупщика за лишніе 2,000 р. с. въ годъ.

Причины, по которымъ уральская откупная система взиманія акциза не примѣнима къ Черноморью. Правда что въ Уральскомъ войскѣ такая отдача на откупъ акцизнаго сбора существуетъ и не возбуждаетъ тамъ ни малѣйшаго неудовольствія; но это вовсе не можетъ служить примѣромъ для Черноморья, ибо условія акциза тамъ и здѣсь совершенно различны. На Уралѣ, по давнишнему правилу, всѣ тамошніе уловы должны быть непремѣнно свозимы въ главный городъ войска, Уральскъ, и не иначе какъ оттуда уже вывозиться за предѣлы войска. Изъ самаго Уральска существуютъ только двѣ дороги для вывоза рыбы внутрь Россіи: одна по мосту чрезъ рѣку Чаганъ, другая чрезъ Оренбургскую заставу. Очевидно, что охраненіе этихъ двухъ пунктовъ не составляетъ никакого затрудненія для откупщиковъ; слѣдовательно расходы ихъ по взиманію пошлины самые ничтожные, а потому весь излишекъ, полученный откупомъ, сверхъ платы въ войсковую казну, среднимъ числомъ не превышалъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ 11,500 р. с. Самый свозъ рыбы въ Уральскъ, по физическимъ условіямъ мѣстности, не составляетъ никакого затрудненія, ибо помимо этого города, да еще моремъ изъ Гурьева, другихъ путей вывоза съ Урала и не существуетъ. Впрочемъ, не смотря даже на эти исключительныя условія, нельзя одобрить принятаго на Уралѣ обычая отдавать пошлинный сборъ съ соленыхъ продуктовъ на откупъ, потому что, при легкости надзора, лучше бы было, если бы само войско, непосредственно, слѣдило за сборомъ; издержки на взиманіе дохода безъ сомнѣнія были бы менѣе той суммы, которая теперь составляетъ чистый барышъ откупщиковъ. Иное дѣло въ Черноморіи. Здѣсь, по условіямъ мѣстности рыболовство чрезвычайно разбросано, занимаетъ болѣе 400 верстъ вдоль морскаго берега, производится непрерывно круглый годъ, а потому и вывозъ рыбы идетъ непрерывно со всѣхъ пунктовъ лова, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ. Такъ какъ сосредоточеніе вывоза невозможно ни на какомъ пунктѣ Черноморья, то за исправностью уплаты пошлины и невывозомъ неоплаченной рыбы необходимо слѣдить постоянно и повсемѣстно; вслѣдствіе этого издержки надзора чрезвычайно велики, а соразмѣрно съ этими издержками, а также съ заботами и трудомъ, которые откупщикъ положилъ на это дѣло, онъ захочетъ конечно имѣть и значительное вознагражденіе. Чтобы придержаться положительныхъ данныхъ, возьмемъ для примѣра свѣдѣнія за 1863 годъ, который можетъ

считаться годомъ средняго улова. Въ этомъ году было выручено до 50,000 р. с. пошлины при способѣ надзора, который, какъ увидимъ ниже, не допускалъ большихъ злоупотребленій; тѣмъ не менѣе предположимъ,—хотя это и совершенно невѣроятно, — что цѣлая половина продуктовъ была въ этомъ году тайно вывезена, безъ оплаты пошлиною. Въ такомъ случаѣ мы должны принять, что тарани было поймано болѣе 60,000,000 шт., сулы около 7.500.000 шт., красной рыбы безъ малаго 60,000 пуд., икры 4,200 пудовъ, сома болѣе 30,000 пудъ и т. д., — количества, которыя едва ли вылавливались не только въ средніе, но даже въ самые изобильные годы. Со всѣмъ тѣмъ съ такого улова получалось бы, если не увеличивать нынѣ существующаго акциза, не болѣе 75,000 р. пошлины. Войсковое начальство желаетъ получать постояннаго дохода съ рыболовства 60,000 р. с.; остающихся за тѣмъ 15,000 р. далеко не достаточно на расходы откупщика по надзору, т. е. на содержаніе, кромѣ главной, нѣсколькихъ частныхъ конторъ, множества надзирателей, счетчиковъ, явныхъ ревизоровъ и тайныхъ надсмотрщиковъ или шпіоновъ. Слѣд., чтобы заплатить войску 60,000 руб., откупщику (если онъ даже удовольствуется самымъ умѣреннымъ барышомъ, напр. въ 10,000 р. с.) нужно собиратъ не менѣе 100,000 р. с.

Установленіе нормы акциза не обезпечиваетъ отъ злоупотребленій откупа. Несмотря на эту очевидную невозможность взять откупъ на такихъ условіяхъ, нѣтъ сомнѣнія, что много найдется на это охотниковъ, по слѣдующей весьма простой причинѣ. Каковы бы ни были условія откупа, откупщику должно быть предоставлено право выдавать на вывозъ рыбы какія нибудь письменныя свидѣтельства и останавливать вывозъ подъ предлогомъ тайной нагрузки неоплаченной пошлиною рыбы. Вооружившись однимъ этимъ правомъ, откупщикъ всегда будетъ имѣть въ своихъ рукахъ заводохозяевъ. Извѣстно, что цѣна на рыбу, можетъ быть въ бо́льшей степени, чѣмъ на всякій другой продуктъ, зависитъ отъ времени доставки ея къ мѣсту потребленія. Рыба и икра, непоспѣвшія къ масляницѣ, къ Благовѣщенью, къ постамъ, много теряютъ въ своей цѣнѣ. Такое же вліяніе имѣетъ состояніе погоды зимою, особенно въ здѣшнемъ тепломъ краѣ, гдѣ на продолжительные морозы расчитывать нельзя. Въ сѣверныя части Черноморья, преимущественно на Ахтары, пріѣзжаетъ зимою множество покупщиковъ съ Кавказской линіи, спѣшащихъ доставить туда свѣжую или по крайней мѣрѣ малосольную рыбу къ масляницѣ, а главное къ Благовѣщенью. Покупщики эти самые выгодные, ибо платятъ до 150 р. с. за тысячу сулы, т. е. слишкомъ вдвое противъ обыкновенной цѣны ея. Во время откупа Посполитаки, этотъ выгодный торгъ почти прекратился, вслѣдствіе стѣснительности установленныхъ мѣръ. Столь же выгоденъ сбытъ рыбы зимою изъ Темрюка и вообще изъ южной части Черноморья въ Одессу. Въ холодное время везутъ сухимъ путемъ до Тамани, тамъ перевозятъ рыбу въ Керчь по льду, а изъ Керчи везутъ въ Одессу. Зимою съ 1863 на 1864 годъ платили за такую рыбу по 200 р. с. за тысячу. Имѣй въ виду линейцы опоздать къ Благовѣщенью, или сдѣлайся теплая погода въ Темрюкѣ,— и эти высокія цѣны сейчасъ упадутъ въ сильной степени. Но и въ обыкновенное время цѣны на рыбу чрезвычайно измѣнчивы. Въ 1864 году, напримѣръ, въ станицѣ Гнилой, въ 10 верстахъ ниже Ростова, продавали первую привезенную туда тарань по 14 и 17 р. за тысячу, а послѣ, когда много навезли, только по 6½ р., т. е. себѣ въ убытокъ. Понятно, что откупщикъ, пользуясь подобными обстоятельствами, задержавъ отпускъ рыбы лишь на нѣсколько дней, подъ совершенно законнымъ предлогомъ, можетъ заставить хозяевъ согласиться на какія угодно условія: увеличеніе акциза, уступку себѣ нѣкоторой части улововъ, дозволеніе имѣть на чужое имя свои заводы и т. п. Такъ какъ все это ляжетъ

не на однихъ хозяевъ, а и на работниковъ, ибо они получаютъ вмѣсто платы половину улововъ, то, при нынѣшней трудности нанимать народъ, работники безъ сомнѣнія захотятъ оградить себя отъ подобныхъ убытковъ, и хозяева будутъ нести ихъ вдвойнѣ: и за себя, и за нихъ. И все это можетъ дѣлать откупщикъ, нисколько не нарушая буквы контракта, ограничивающаго его произволъ. Но кто же однако поручится, что откупщикъ захочетъ довольствоваться тѣми умѣренными барышами, которые мы выше предположили? Правда, что заводохозяева на своей сторонѣ имѣютъ средство подорвать всякаго откупщика; для этого стоитъ только большинству ихъ сговориться не производить одинъ годъ весенняго лова. Что это не пустое предположеніе, лучше всего доказываютъ предосторожности противъ этого, принятыя Посполитаки, которому откупщицкая тактика должна же была быть хорошо извѣстна. Лишая, за пропускъ весенняго лова, хозяевъ права на ловъ во все время откупнаго содержанія, или заставляя ихъ платить 300 р. с. штрафу, онъ прямо говоритъ въ составленныхъ имъ правилахъ: «мѣра эта необходима, потому что оставленіе рыболовныхъ мѣстъ безъ употребленія можетъ случиться со стороны хозяевъ даже съ намѣреніемъ, въ подрывъ откупу, отчего откупъ неминуемо долженъ потерпѣть вредъ и убытокъ». Подобное правило останется необходимымъ и при всякомъ другомъ откупѣ, т. е. какими бы условіями онъ ни былъ ограниченъ, все-таки эти ограниченія останутся только на бумагѣ, а на дѣлѣ будетъ необходимо поставить рыбопромышленниковъ въ прежнюю зависимость, которую, по сходству представляемыхъ ею явленій, я назвалъ настоящимъ крѣпостнымъ состояніемъ.

Проэктъ, поданный рыболовами Кубанскаго войска въ 1862 году. Страшась такой бѣды, рыболовы Кубанскаго войска, чтобы устранить ее, подали въ январѣ 1862 года проэктъ о средствахъ увеличенія собираемой съ улововъ пошлины. Сущность этого проэкта заключается въ слѣдующемъ: 1) Постоянныя рыболовныя заведенія, неводныя и крючныя, обложить опредѣленною пошлиною, раздѣливъ ихъ для этого на нѣсколько разрядовъ, соотвѣтственно значительности ихъ и уловистости тѣхъ мѣстностей, гдѣ эти заведенія находятся. 2) Въ отношеніи временныхъ заведеній крючныхъ и волокушечныхъ, а также съ вентерныхъ ставокъ и сѣтей, такъ какъ онѣ ежегодно мѣняютъ свои мѣста и размѣры, оставить по прежнему акцизъ, взимаемый съ уловленной рыбы, по таксѣ утвержденной временными правилами. За тѣмъ, такъ какъ участковые смотрители назначались войсковымъ начальствомъ всего чаще изъ чиновниковъ, незнакомыхъ съ рыболовнымъ дѣломъ «и, вмѣсто пособія, часто запутывавшихъ его», и такъ какъ притомъ назначенное имъ жалованье вовсе не обезпечивало ихъ, вслѣдствіе чего они нерѣдко допускали разныя злоупотребленія, то 3) участковыхъ смотрителей избирать самимъ заводохозяевамъ изъ числа рыболововъ каждаго участка и этимъ же послѣднимъ предоставить и обезпеченіе своего смотрителя. 4) По обширности третьяго участка, раздѣлить его на два, такъ чтобы третій участокъ простирался отъ Долгой косы до Кирпильскаго лимана; вся же остальная часть его была отдѣлена въ особый участокъ — Ачуевскій, которому былъ бы присвоенъ № 7. Наконецъ 5) прислугу къ смотрителямъ назначать отъ войсковаго начальства, опредѣляя число ея и содержаніе ей по усмотрѣнію послѣдняго. Поэтому проэкту предполагалось собирать пошлины съ однихъ постоянныхъ заведеній 45,975 р., что вмѣстѣ съ акцизомъ, собираемымъ съ рыбы, улавливаемой на временныхъ заводахъ, должно составить до 54,000 р. с., т. е. сумму на 2,000 р. бо̀льшую той, какую платилъ Посполитаки. Часть этого проэкта, касавшаяся предоставленія выбора смотрителей самому

обществу рыболововъ и раздѣленія третьяго участка (*), была весьма основательна и, будучи вскорѣ приведена въ исполненіе, привела къ очень хорошимъ результатамъ. Что же касается до наложенія опредѣленной пошлины на постоянныя рыболовныя заведенія, то мысль объ этомъ, хотя она и была впослѣдствіи принята, какъ въ проэктѣ центральнаго управленія иррегулярными войсками, такъ и въ проэктѣ непосредственнаго войсковаго начальства, могла возникнуть у рыбопромышленниковъ единственно изъ боязни угрожавшаго имъ откупа и изъ желанія избѣжать его во чтобы то ни стало, вслѣдствіе чего они и соглашались въ отстраненіе большаго зла подвергнуться меньшему.

Неудобства замѣненія акциза съ улавливаемой рыбы постояннымъ налогомъ съ рыболовныхъ заведеній. Въ самомъ дѣлѣ акцизъ, взимаемый съ уловленной рыбы, заключаетъ въ себѣ всѣ условія возможной равномѣрности въ распредѣленіи налога и неотяготительности его. Здѣсь каждый платитъ съ дѣйствительно получаемаго имъ каждый разъ дохода, а не съ мнимаго средняго, который можетъ быть въ нѣсколько разъ больше или меньше дѣйствительнаго и который поэтому вообще опредѣлить трудно, а еще труднѣе опредѣлить тамъ, гдѣ онъ зависитъ отъ мѣстности и отъ орудій, употребляемыхъ для лова. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ трудно точное опредѣленіе, служитъ такса обложенія, предложенная въ проэктѣ, представленнымъ отъ войсковаго начальства. Въ этомъ проэктѣ предполагается взыскивать:

Съ неводнаго или волокушечнаго завода.	Наиб. 17 р.	Наим. 25 р.	Средн. 100 р.
Съ постояннаго вентернаго завода изъ двухъ вентер.	» 50 »	» 10 »	» 30 »
Съ вентерной жеребьевой ставки изъ двухъ вентерей.	» 45 »	» 5 »	» 25 »
Съ плавной сѣти (которою ловятъ селяву)	» 5 »	» 1 »	» 3 »
Съ тысячи крючьевъ.	» 20 »	» 10 »	» 15 »

Въ послѣднее время было: 78 неводныхъ заводовъ, 175 волокушечныхъ, 376 вентерныхъ ставокъ, изъ коихъ 36 постоянныхъ и 340 временныхъ. Изъ этихъ послѣднихъ 165 ставокъ находятся при устьяхъ рѣкъ: Еи, Чалбаса и Бейсуга, гдѣ ловъ очень незначителенъ, и которыя поэтому должны быть причислены къ малымъ ставкамъ; 150 находятся на рѣкѣ Протокѣ и должны быть считаемы никакъ не выше среднихъ, ибо ходъ рыбы въ значительной степени прегражденъ ачуевскими откупными ставками,—наконецъ 25 ставокъ на Темрюцкомъ гирлѣ всѣ принадлежатъ къ большимъ. Крючныхъ заводовъ считается 27 съ 893,000 крючьевъ. Соображая эти данныя съ предполагаемымъ на эти заводы налогомъ, мы получимъ:

Съ 78 неводныхъ заводовъ, полагая на нихъ наибольшую пошлину въ 175 р.	13,650 р.	— к.
Съ 175 волокушечныхъ, полагая на нихъ среднюю пошлину во 100 р. . . .	17.500 »	— »
Съ 165 временныхъ вентерей на устьяхъ Еи, Чалбаса и Бейсуга, по 2 р. 50 к.	412 »	50 »
Съ 150 вентерей на Протокѣ, по 12 р. 50 к.	1,875 »	— »
Съ 36 постоянныхъ вентерныхъ заводовъ, по 15 р.	540 »	— »
Съ 25 временныхъ вентерей на Темрюцкомъ гирлѣ, по 22 р. 50 к.	562 »	50 »
Съ 893,000 крючьевъ, при средней пошлинѣ въ 15 р. за тысячу.	13,095 »	— »
Итого. . .	47,635 р.	

(*) При этомъ измѣнили лишь нумера участковъ такъ, чтобы они слѣдовали по порядку съ сѣвера къ югу. Должинскій и Камышеватскій остались при своихъ нумерахъ, 3-ій названъ Бейсугскимъ (по имени станицы), Ахтарскій въ новыхъ границахъ переименованъ въ 4-й, Ачуевскій въ 5-й, Сладковскій въ 6-й и Темрюцкій въ 7-й.

Не смотря на то, что эта сумма скорѣе преувеличена, чѣмъ преуменьшена, (мы хотя и приняли всѣ неводные заводы за большіе, облагаемые наибольшею пошлиною въ 175 р., однако за то мы всѣ волокушечные считали за средніе, вовсе не допуская малыхъ), она все-таки оказывается меньше дохода, доставляемаго войску при нынѣшней системѣ сбора, при которой въ 1863 году получено 49,505 р. 29 к., а въ 1864 году 48,563 р. 94½ к. Правда, изъ этихъ суммъ идетъ теперь 10,000 р. на издержки взиманія, т. е. на плату общественнымъ смотрителямъ, тогда какъ по проэкту войсковаго начальства расходы на жалованье смотрителей и пр. исчислены только въ 5,020 р., что составило бы въ 1863 году 3,130 р., а въ 1864 году 4,072 р. перебору, если бы существовалъ постоянный налогъ съ заводовъ; но надо принять во вниманіе, что, при надзорѣ смотрителей, получавшихъ ничтожное жалованье, (не болѣе 300 р. въ годъ), и ничѣмъ не заинтересованныхъ въ доставленіи войску возможно большаго дохода, можно предполагать съ ихъ стороны разнаго рода потворства и утайки. Хотя такія злоупотребленія почти и невозможны въ отношеніи неводныхъ заводовъ и вентерныхъ ставокъ, число которыхъ всегда можетъ быть повѣрено, а обложеніе ихъ пошлиною зависитъ отъ общества рыболововъ, подъ надзоромъ войсковаго начальства, однако онѣ очень легко могутъ имѣть мѣсто относительно числа крючьевъ, которое повѣрять почти невозможно. Этого мало; если войско въ 1863 и 1864 годахъ и получило на 3000—4000 р. менѣе, чѣмъ при предположенномъ обложеніи заводовъ, то надо имѣть въ виду, что 1863 годъ былъ только что средній, а 1864 даже плохой, а въ хорошій годъ, какимъ былъ напримѣръ 1860, войско могло бы получить, вѣроятно, вполтора раза больше, нежели въ эти два года, тогда какъ, при системѣ постояннаго обложенія заводовъ, приращеніе отъ вновь открываемыхъ заводовъ будетъ лишь весьма слабое и медленное, такъ какъ въ хорошихъ рыболовныхъ мѣстностяхъ всѣ мѣста уже почти заняты, а въ мѣстностяхъ посредственныхъ или плохихъ немного найдется охотниковъ открывать новые заводы, за которые все же придется платить пошлину, хотя бы ловъ былъ и совершенно убыточенъ. Слѣдовательно, въ виду такихъ, болѣе чѣмъ сомнительныхъ выгодъ, стоитъ ли мѣнять нынѣшнюю справедливую и равномѣрную систему налога на систему, неуравнительность которой очень легко доказать. Изъ 49,505 р. 29 к., полученныхъ въ 1863 году, приходится на красную рыбу и ея продукты 11,333 р. 36½ к., слѣдовательно менѣе четверти (0,228) всего дохода; при новой же системѣ налога, съ крючныхъ заводовъ и съ вентерныхъ (за исключеніемъ вентерныхъ ставокъ въ устьяхъ Еи, Чалбаса и Бейсуга, куда красная рыба почти не заходитъ), которые производятъ почти исключительно ловъ красной рыбы, получилось бы 16,073 р., т. е. болѣе трети (0,338) вычисленнаго нами дохода (47,635 р.). Слѣдовательно, занимающіеся красноловьемъ были бы черезъ чуръ отягощены, а занимающіеся ловомъ бѣлой рыбы получили бы на счетъ ихъ несправедливое облегченіе. Но эта несправедливость въ раскладкѣ обнаружится еще гораздо сильнѣе, если примемъ во вниманіе распредѣленіе налога по различнымъ участкамъ. Для этого сравнимъ—съ одной стороны—участки Ахтарскій и Сладковскій, гдѣ производится главный ловъ бѣлой рыбы, а съ другой — Должинскій и Калмышеватскій, гдѣ ловится наиболѣе красной рыбы. Въ Ахтарскомъ участкѣ нынѣ дѣйствуетъ 19 неводныхъ, 27 вентерныхъ и 1 крючной заводъ. Положивъ на первые (неводные) заводы наибольшую пошлину (19×175), на вторые (вентерные) среднюю (27×100) и на крючной $^{1}/_{27}$ долю всего дохода съ крючныхъ заводовъ, мы получимъ для этого участка 6,542 р.; эта сумма больше той, которая была собрана, на основаніи дѣйствительныхъ уловъ, на 1007 р. въ 1863 г. и на 2,854 р. въ 1864 году, т. е. въ этомъ послѣднемъ году Ахтарскому участку пришлось бы уплатить почти двойную, противъ дѣйствительно взятой,

пошлину. Въ Сладковскомъ участкѣ 7 неводныхъ заводовъ, 41 волокушечныхъ, 35 постоянныхъ вентерныхъ ставокъ и 130.000 крючьевъ на 3-хъ заводахъ. Обложивъ первые самою высокою пошлиною (7×175), всѣ же остальные среднею (41×100, 35×15 и 130×15), получимъ только 7,800 р., вмѣсто 17,361 р., полученныхъ въ 1863 году, и 17,120 р. собранныхъ въ 1864 г. съ дѣйствительныхъ улововъ этого участка. Слѣдовательно, для Сладковскаго участка новый порядокъ взиманія равнялся бы уменьшенію въ 2,2 раза нынѣ платимаго акциза, т. е. этотъ участокъ находился бы въ 4 раза болѣе выгодномъ положеніи, нежели Ахтарскій. Ежели мы даже примемъ, что всѣ Сладковскіе заводы, какъ неводные, такъ и вентерные, будутъ обложены высшимъ акцизомъ въ 175 р. (обложить вентерные ставки и крючные заводы по высшей нормѣ нельзя, такъ какъ красноловье въ этомъ участкѣ незначительно и неприбыльно), то все же получимъ только 10,875 руб. пошлиннаго сбора, т. е. все еще слишкомъ въ $1^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ заплатить.

Подобныя же вычисленія показываютъ, что съ Должинскаго участка, съ котораго въ 1863 году было собрано 6,536 р., а въ 1864 году 7,672 р., пришлось бы получить 6,710 и 6,185 р., если принять въ обоихъ случаяхъ для крючныхъ заводовъ высшую, а для неводныхъ то высшую, то среднюю пошлину. Но съ Камышеватскаго участка, доставившаго въ 1863 г. 5,500 р., а въ 1864 году 5,324 р., т. е. въ первомъ году на 1,036 р., а во второмъ на 2,347 р. менѣе чѣмъ Должинскій, пришлось бы собрать 9,400 или 7,900 р., смотря потому, будутъ ли обложены неводные заводы по высшей или по средней нормѣ, т. е. въ первомъ случаѣ на 2,690 р., а во второмъ на 1,715 р. болѣе Должинскаго участка, такъ что при самой меньшей нормѣ налога Камышеватскій участокъ заплатилъ бы въ 1864 году, сравнительно съ Должинскимъ, слишкомъ на 4,000 р. болѣе, чѣмъ сколько ему слѣдовало бы (2,347+1715). Цифры эти говорятъ такъ краснорѣчиво, что — кажется — нечего прибавлять къ нимъ. Неужели же такая неравномѣрность раскладки не должна вредно подѣйствовать на развитіе рыбной промышленности? Если бы мы имѣли данныя, для оцѣнки предлагаемой системы сбора, не по цѣлымъ участкамъ, а по каждому изъ заводовъ въ отдѣльности, то несправедливость системы выказалась бы безъ всякаго сомнѣнія еще въ гораздо сильнѣйшей степени. Нѣкоторымъ хозяевамъ пришлось бы уплачивать пошлину не съ доходовъ, а съ убытковъ, а другимъ — на оборотъ — пришлось бы уплачивать ничтожную пошлину, сравнительно съ получаемою ими прибылью. Чтобы составить себѣ въ этомъ отношеніи сколько нибудь опредѣленное понятіе, возьмемъ для примѣра 1812 годъ, за который имѣются у меня данныя объ уловахъ на заводахъ въ нынѣшнихъ Ачуевскомъ и Сладковскомъ участкахъ. Что случилось въ 1812 году, можетъ конечно повториться и во всякомъ другомъ. Въ названномъ году одинъ заводъ выловилъ только 6,000 штукъ сулы, а другой 91,700; если бы они были обложены одинаковымъ акцизомъ по высшей нормѣ, то первому пришлось бы заплатить съ 1,000 сулы 29 р., т. е. пополитакину пошлину, а второму только 1 р. 90 к., т. е. слишкомъ въ двое менѣе нынѣшняго умѣреннаго акциза. Впрочемъ я могу представить и болѣе новый примѣръ. Въ 1864 году на Ясенской косѣ (гдѣ находятся 11 неводныхъ заводовъ), въ іюнѣ, когда — какъ выше было упомянуто—тутъ появилась несвоевременно рыба и нѣсколько вознаградила промышленниковъ за неудачу весенняго лова, на ближайшемъ къ Ясенскому гирлу заводѣ было поймано 10,000 сулы, на трехъ же за нимъ слѣдующихъ не поймано ничего, а на четвертомъ 15,000, на пятомъ 25,000. Между тѣмъ всѣ эти заводы лежатъ въ одной мѣстности и всѣ одинаковыхъ размѣровъ. Тутъ нельзя возразить, что убытки одного года будутъ вознаграждены выгодами другаго. Такіе средніе выводы не-

примѣнимы къ небогатымъ заводохозяевамъ (а они составляютъ большинство въ Черноморіи), такъ какъ для нихъ рыболовство составляетъ средство для полученія насущнаго хлѣба, а не торговую спекуляцію, при которой дѣйствительно можно допускать, что послѣдовательные, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, барыши и убытки взаимно покрываютъ другъ друга. Не только два или три неудачныхъ года сряду, но даже и одинъ втягиваетъ здѣшнихъ заводохозяевъ въ долги, изъ которыхъ уже трудно имъ выпутаться. Между тѣмъ единственная цѣль, которой можетъ достигнуть войсковое начальство введеніемъ предлагаемой имъ системы сбора, состоитъ именно въ томъ, чтобы получать съ рыболовства постоянный доходъ, ибо, какъ мы видѣли, увеличеніе аренднаго дохода этою мѣрою вовсе не достигается при предложенной имъ нормѣ окладовъ. Но не гораздо ли легче перенести войсковой казнѣ, получающей доходы не съ одного рыболовства, а изъ многихъ другихъ источниковъ, — неудобство неравномѣрности дохода съ этой одной отрасли, чѣмъ отдѣльнымъ войсковымъ жителямъ, снискивающимъ себѣ по большей части только пропитаніе посредствомъ рыбопромышленности. Въ Астрахани, при обсужденіи проэкта введенія свободнаго рыболовства въ Каспійскомъ морѣ, большинство промышленниковъ въ такой мѣрѣ чувствовало превосходство обложенія пошлиной самихъ улововъ, предъ всякою другою системою налога съ рыбной промышленности, что многіе, сознавая невозможность установить ее при теперешней разрозненности и разноправности тамошнихъ рыбопромышленниковъ, предлагали учредить громадную компанію, которая обнимала бы собою всѣхъ волжскихъ и каспійскихъ рыболововъ, чтобы, при посредствѣ этой искусственной и конечно неудобоисполнимой мѣры, ввести этотъ наименѣе отяготительный и наиболѣе справедливый способъ участія казны въ выгодахъ рыболовства. А въ Черноморьи, гдѣ этотъ способъ существуетъ и гдѣ участіе войсковой казны въ выгодахъ отъ свободнаго рыболовства очевидно подчинено — на основаніи словъ Высочайшаго повелѣнія: «а дабы войско могло извлекать *и за тѣмъ какія либо выгоды* отъ этого рыболовства»—выгодамъ войсковыхъ жителей, при обсужденіи всѣхъ рыболовныхъ вопросовъ предлагаютъ замѣнить этотъ способъ взиманія пошлины другимъ, не только неравномѣрнымъ и отяготительнымъ, но даже и не приносящимъ никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ войску.

Нынѣ дѣйствующая система взиманія акциза. Всѣ высказанныя мною здѣсь невыгоды обложенія заводовъ постоянными пошлинами впрочемъ хорошо сознались большинствомъ черноморскихъ рыбопромышленниковъ. Въ началѣ страхъ откупа заставилъ было ихъ на время забыть все остальное; но въ январѣ 1862 года въ Екатеринодарѣ, куда они были приглашены для обсужденія ихъ же собственнаго проэкта, они — не смотря на угрозу отдачи водъ опять на откупъ, если не состоится круговой поруки вносить ежегодно постоянную сумму въ 60,000 р. с. — отказались отъ необдуманно сдѣланнаго ими предложенія. На этомъ собраніи рыбопромышленниковъ въ Екатеринодарѣ высказалась и истинная причина, по которой они въ своемъ проэктѣ предлагали ввести новый способъ взиманія пошлины, далеко уступающій въ достоинствѣ прежнему. Отъ промышленниковъ требовалось, во первыхъ, увеличенія платимаго въ войсковую казну акциза до 60,000 р., а во вторыхъ, круговая порука всего общества рыболововъ въ постоянной и безнедоимочной уплатѣ этой суммы. Принять эти два условія въ совокупности они боялись и потому согласились на увеличеніе акциза (который по ихъ разсчету долженъ былъ достигнуть 54,000 р.), но съ тѣмъ, чтобы каждый заводохозяинъ отвѣчалъ самъ за себя, такъ какъ они предвидѣли возможность постоянныхъ недоимокъ, то въ томъ, то въ другомъ рыболовныхъ участкахъ, а за уплату этихъ недоимокъ они не находили возможнымъ поручиться. Когда

проэктъ ихъ въ такомъ видѣ не былъ принятъ, они предложили выполнить второе изъ дѣлаемыхъ имъ требованій, т. е. согласились обязаться, ручательствомъ всего общества рыболововъ, въ уплатѣ нѣкоторой постоянной суммы въ войсковую казну; но этимъ ручательствомъ они обезпечивали лишь извѣстный минимумъ, за который они совершенно основательно предложили принять наибольшую изъ суммъ, доставленныхъ назначавшимися отъ войска смотрителями, — именно акцизъ, собранный въ 1860 году въ 32,207 р. с. Хотя 1860 годъ былъ годомъ необыкновенно уловистымъ, они надѣялись однако, что болѣе тщательный надзоръ, производимый избранными самимъ обществомъ лицами и вообще всѣмъ обществомъ, дастъ имъ возможность собирать по крайней мѣрѣ такую же сумму даже въ обыкновенные годы. Если бы сборъ упалъ однако же ниже ея, то они обязались все-таки взнести ее сполна, разложивъ недоборъ на всѣхъ заводохозяевъ. Всякій же переборъ обязывались доставлять въ казну, за исключеніемъ лишь первыхъ десяти тысячъ р., которые должны были идти въ вознагражденіе выбранныхъ отъ общества для надзора лицъ. Эти условія, принятыя обществомъ рыболововъ, могутъ слѣдовательно почитаться особливаго рода откупомъ или аренднымъ содержаніемъ, въ которомъ содержатели обязуются правда платить только извѣстный минимумъ, но за то отказываются получать какіе бы то ни было барыши, сверхъ назначенной имъ постоянной платы, на которую впрочемъ тогда только имѣютъ право, когда пошлина съ рыбы доставитъ болѣе 32,207 рублей.

Эти условія были приняты, но къ сожалѣнію только какъ мѣра временная, допускаемая лишь до разрѣшенія вопроса о правильномъ сборѣ акциза. Вслѣдствіе этихъ непрерывныхъ колебаній въ системѣ взиманія акциза и неувѣренности промышленниковъ въ ихъ ближайшей будущности, вся промышленность необходимо должна парализироваться, ибо каждый боится дѣлать сколько нибудь значительныя затраты на улучшеніе старыхъ и на устройство новыхъ заводовъ, опасаясь, чтобы его не постигла участь прежнихъ заводохозяевъ, разорившихся во время 10-лѣтняго откупа. Между тѣмъ нѣтъ никакой надобности измѣнять нынѣ дѣйствующей системы сбора пошлины, вполнѣ обезпеченной ручательствомъ всѣхъ заводохозяевъ въ томъ, что сборъ этотъ не упадетъ ниже гарантированной или наименьшей величины. Такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ посредственныхъ уловов, получаемый войсковою казною доходъ превысилъ эту наименьшую величину на 7,298 р. 29 к. и на 6,356 р. 94½ к., а съ причисленіемъ сюда около 3,000 р. и 2,080 р. 43 к., собранныхъ въ 1863 и 1864 годахъ съ иногородныхъ рыбоспѣтчиковъ (*), даже на 10,298 р. и на 8,437 р. 37½ к., то нѣтъ сомнѣнія, что общество рыболововъ чрезъ нѣсколько лѣтъ согласится возвысить эту наименьшую величину, лишь только рыбная промышленность, обезпеченная въ своемъ будущемъ, успѣетъ основаться на твердыхъ началахъ. Этого мало; есть еще нѣсколько средствъ усилить пошлинный сборъ, не измѣняя его основаній. Средства эти, не будучи нисколько стѣснительными, были уже отчасти предложены, или самими рыбопромышленниками, или войсковымъ начальствомъ. А именно:

Средства усилить войсковой сборъ безъ отягощенія рыбопромышленниковъ. 1) Назначить въ помощь общественнымъ надзирателямъ, называемымъ нынѣ довѣренными, нѣкоторое число казаковъ, по наряду отъ войска, — какъ это предлагали рыбопромышленники въ проэктѣ, поданномъ ими въ январѣ

(*) Т. е. солильщиковъ и вообще приготовителей рыбы, купленной у черноморцевъ; съ рыбоспѣтчиковъ взимается посаженная пошлина — по 10 к. съ квадратной сажени земли, занимаемой ими подъ свои заведенія.

1862 года. Въ настоящее время избирается на каждый участокъ по два довѣренныхъ, которымъ, при всемъ стараніи, очевидно невозможно за всѣмъ усмотрѣть. Пока довѣренный находится въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, въ другомъ всегда найдутся такіе люди, которые, пользуясь отсутствіемъ довѣреннаго, постараются вывезти рыбу безпошлинно. Это замѣчаніе въ особенности относится къ четыремъ первымъ участкамъ, гдѣ главный ловъ не сосредоточенъ, какъ на рѣкѣ Протокѣ въ пятомъ, въ Сладковскомъ лиманѣ и Черномъ ерикѣ въ шестомъ и у Темрюка въ седьмомъ участкахъ, а производится почти по всему морскому берегу и по всей окружности обширнаго Бейсугскаго лимана. Назначеніе отъ войска 70 или 80 казаковъ (кругомъ по 10 на каждый участокъ) не составило бы особаго отягощенія для войска, освободившагося теперь, по случаю прекращенія кавказской войны, отъ трудной пограничной службы. Вѣдь если назначались такіе досмотрщики при Посполитаки, т. е. для службы въ пользу откупщика, а не войска, то почему не назначить ихъ теперь, когда имъ приходится въ полномъ смыслѣ нести общественную службу.

2) Въ настоящее время неизвѣстно, что должно считать таранью и что таловиркой, ибо мѣра для первой не опредѣлена. Поэтому многіе заводохозяева, хотя и не скрываютъ количества приготовленной ими рыбы, но переводятъ совершенно произвольно тарань, за которую положенъ болѣе высокій акцизъ (въ 30 к. съ тысячи), въ таловирку, за которую назначено только 10 к. съ тысячи. Замѣчательно то, что таловирка показывается въ отчетахъ только въ тѣхъ именно участкахъ, гдѣ, по только что приведеннымъ причинамъ, надзоръ затруднителенъ. Такъ въ 1863 году она показана только въ первыхъ двухъ участкахъ: въ Должинскомъ 430.000 штукъ, а въ Камышеватскомъ 2.077.400 (*); въ 1864 году хотя она показана еще въ пятомъ участкѣ (43.500 штукъ) и въ Сладковскомъ (50.700), но въ ничтожныхъ количествахъ; въ Должинскомъ же значится 885.000, а въ Камышеватскомъ 1.750.550 штукъ. Если бы назначить мѣру, напримѣръ 4 или $3^1/_2$ вершка отъ конца рыла до начала хвостнаго плавника, и считать таловиркою только то, что не доходитъ до этой мѣры, то число таловирки безъ сомнѣнія уменьшилось бы.

3) Можно бы увеличить пошлину на нѣкоторыя рыбы. Такъ сами промышленники предлагали возвысить акцизъ на тарань съ 30 на 40 к. съ тысячи, на селяву и рыбца съ 1 р. на 1 р. 20 к. съ тысячи. Если бы, сверхъ того, усилить акцизъ съ сулы до 5 р. съ тысячи, снявъ притомъ — во избѣжаніе излишней отяготительности налога—всякій акцизъ съ приготовляемыхъ изъ сулы икры (галагановъ) и жира (отъ этого акцизъ возвысился бы, на основаніи данныхъ за 1863 годъ, только на 43 к., а на основаніи данныхъ за 1864 годъ на 27 к. съ тысячи), то отъ такого усиленія сборъ 1863 года увеличился бы на 6192 р. 83 к., а 1864 на 4938 р. 49 к. Если предположить, что вслѣдствіе мѣры, предложенной въ предъидущемъ пунктѣ, количество таловирки хотя на половину перейдетъ въ тарань, получимъ еще въ первомъ (т. е. 1863 г.) году 375 р. 11 к., а во второмъ (1864 г.) 410 р. 54 к. прибавки.

4) Наконецъ, посаженную плату съ заведеній иногородныхъ рыбоспѣтчиковъ увеличить съ 10 к. до 25 к.,—какъ это предположено въ проэктахъ управленія иррегулярными войсками и мѣстнаго началь-

---

(*) Надо однако замѣтить, что въ двухъ первыхъ участкахъ, гдѣ нѣтъ прѣсной воды, рыба и дѣйствительно меньше ростомъ, чѣмъ въ остальныхъ, куда идетъ метать икру болѣе взрослая рыба.

ства. Отъ такой мѣры доходъ возвысился бы въ 1863 году на 4500 р., а въ 1864 г. на 3120 р., ибо нельзя предполагать, чтобы такое усиленіе посаженной платы отбило у иногороднихъ охоту заниматься весьма выгоднымъ для нихъ рыбоспѣтствомъ.

На сколько усилился бы доходъ войска отъ принятія первой мѣры,—оцѣнить конечно нельзя, но можно навѣрно сказать, что приращеніе вышло бы довольно значительное. Что же касается до трехъ остальныхъ предложенныхъ мѣръ, то, взятыя въ совокупности, онѣ увеличили бы доходъ войска въ 1863 году слишкомъ на 11.000 р., а въ 1864 почти на 8500 р. что составило бы въ первомъ году болѣе 63.500 р., а въ 1864 съ небольшимъ 59.000 р., или—за вычетомъ 10.000 р. издержки взиманія—53.500 р. и 49,000 р. чистаго дохода, т. е. среднимъ числомъ тоже, что платилъ Посполитаки во время откупа. Самыя издержки взиманія можно бы нѣсколько уменьшить. Въ настоящее время общество рыболововъ, кромѣ двухъ довѣренныхъ въ каждомъ участкѣ (старшаго и младшаго, которые должны наблюдать за порядкомъ лова и вообще исполнять всѣ полицейскія обязанности по рыболовству, а также и собирать пошлину) выбираетъ еще двухъ депутатовъ, которые служатъ посредниками между обществомъ рыболововъ и войсковымъ начальствомъ и имѣютъ главный надзоръ за рыболовствомъ и за правильнымъ взносомъ пошлинъ. Одного депутата, кажется, совершенно достаточно для выполненія этихъ обязанностей. Равнымъ образомъ въ третьемъ участкѣ, доставляющемъ всего нѣсколько сотъ рублей пошлиннаго сбору (именно: въ 1863 году 677 р. 71 к., а въ 1864 г. 529 р. 86 к.), содержаніе двухъ довѣренныхъ превосходитъ выручаемый доходъ; поэтому тутъ было бы достаточно одного младшаго (по окладу) довѣреннаго. Это одно доставило бы болѣе 1000 р. экономіи; такъ что однѣми этими, подлежащими вычисленію, мѣрами не только превысился бы откупной доходъ, такъ неаккуратно выплачивавшійся при Посполитаки, но получалась бы та самая сумма въ 54.000 р., которую въ проэктѣ рыболововъ предполагалось собирать посредствомъ постояннаго налога на рыбопромышленныя заведенія. При содѣйствіи наряжаемыхъ казаковъ въ помощь довѣреннымъ, при усиленіи рыбной промышленности, вслѣдствіе увѣренности занимающихся ею, что основанія ея не будутъ впредь колебаться и измѣняться, и наконецъ при сборахъ съ предполагаемаго новаго восьмаго участка, въ который вошли бы часть Кубанскаго залива и все теченіе Кубани и Протоки, причисляемыя нынѣ къ внутреннимъ водамъ, а также и прибрежье Чернаго моря до границы земли Кубанскаго войска—едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что доходы войска съ рыболовства возрастутъ до желаемой начальствомъ суммы 60.000 р., безъ малѣйшаго стѣсненія для жителей.

Проэкты центральнаго управленія иррегулярными войсками и войсковаго начальства. Чтобы окончить эту исторію колебаній, которымъ подвергалось управленіе рыбною промышленностію Черноморья, мнѣ остается только добавить, что въ 1865 году отъ войсковаго начальства былъ представленъ проэктъ новаго положенія для рыболовства въ водахъ Кубанскаго войска, въ отвѣтъ на присланный отъ управланія иррегулярными войсками. Оба эти проэкта ни въ чемъ существенномъ другъ отъ друга не отличаются и оба во многомъ несогласны какъ съ временными правилами 1855 года, такъ и съ желаніями рыбопромышленниковъ. Мое мнѣніе (которое въ сущности согласно съ тѣмъ, что желаютъ сами рыбопромышленники Кубанскаго войска) о способахъ взиманія пошлины, предлагаемыхъ въ обоихъ проэктахъ, я изложилъ уже выше. Разсмотрѣніе остальныхъ частей этихъ проэктовъ я соединю съ изложеніемъ самаго хозяйственнаго устройства рыбной промышленности въ Черноморьи и съ описаніемъ употребляемыхъ способовъ лова, къ которымъ теперь я перехожу.

В. Хозяйственная организація Кубанскаго рыболовства.

Въ настоящее время, согласно со стариннымъ обычаемъ, рыболовныя воды Черноморья считаются общею собственностью войска, ибо и въ этомъ отношеніи временныя правила возстановили порядокъ вещей, существовавшій до положенія 1842 года.

Неосновательность, предлагаемыхъ войсковымъ начальствомъ, ограниченій нераздѣльнаго пользованія водами. Проэктъ войсковаго начальства предлагаетъ сдѣлать изъ этого правила нѣкоторыя исключенія. Именно онъ предлагаетъ, чтобы: 1) берегъ Азовскаго моря, упирающійся съ сѣверной стороны въ Должинскую станицу на 2 версты; 2) берегъ того же моря, прилегающій съ западной стороны къ Камышеватской станицы на 3 версты, до низменности Камышеватской косы, и 3) берегъ Бейсугскаго лимана, омывающій съ сѣверной стороны все протяженіе Брынковской станицы, — принадлежали въ исключительное пользованіе рыболовствомъ кореннымъ жителямъ этихъ станицъ; и 4) всѣ такъ называемыя внутреннія воды, т. е. невходящія въ составъ семи нынѣ существующихъ, а также и вновь предполагаемаго 8 участка, составляли собственность тѣхъ казачьихъ станицъ, въ юртахъ которыхъ онѣ состоятъ.

Главное возраженіе противъ этого послѣдняго исключенія состоитъ въ томъ, что оно по меньшей мѣрѣ совершенно лишнее. Въ рѣкахъ, ерикахъ и лиманахъ, лежащихъ внѣ рыболовныхъ участковъ, ловъ такъ незначителенъ и снасти въ нихъ дозволенныя такъ ничтожны, что едвали кто пойдетъ съ ними ловить въ воды, лежащія въ чужомъ юртѣ. Все это конечно относится къ тому только случаю, когда все теченіе Кубани и Протоки войдетъ въ составъ новаго 8 участка. Если же этотъ участокъ ограничится только частью Кубани отъ устьевъ ея до станицы Варениковой, какъ предлагается въ проэктѣ войсковаго начальства, то предоставленіе такихъ значительныхъ водъ, какъ сама Кубань и верхняя половина Протоки, (гдѣ ловится и теперь еще много красной рыбы не на собственное только употребленіе, но и на продажу, и будетъ ловиться еще гораздо больше, когда законы о пропускѣ рыбы будутъ строже соблюдаться), въ исключительное пользованіе тѣхъ станицъ, въ юртахъ коихъ онѣ протекаютъ, совершенно нарушило бы принципъ общности владѣнія водами Черноморья, по счастью теперь возстановленный. Наконецъ, передача даже небольшихъ ериковъ и протоковъ въ полную собственность отдѣльныхъ станицъ можетъ подать поводъ жителямъ ихъ къ самовольному распоряженію этими ериками, къ запиранію, отпиранію и отводу ихъ, что, какъ мы показали выше, въ видахъ общаго блага должно находиться въ завѣдываніи общества рыболововъ. Поэтому гораздо лучше оставить и внутреннія воды, по старому, въ общемъ владѣніи.

Что же касается до трехъ первыхъ исключеній, то причина, побудившая войсковое начальство установить ихъ, заключается въ желаніи предоставить жителямъ станицъ, расположенныхъ по берегамъ рыболовныхъ водъ, преимущество передъ приходящими къ нимъ ловить наѣздомъ, ибо иначе можетъ случиться, что коренному жителю достанется по жеребью ловить дальше отъ своего дома, чѣмъ постороннему. По моему мнѣнію, такая цѣль вдвойнѣ несправедлива; во-первыхъ, потому, что коренной житель станицы имѣетъ уже и безъ того естественную привилегію, состоящую въ томъ, что, живя дома, онъ можетъ всегда и начать ловъ раньше, и окончить позже наѣзжаго, и воспользоваться неожидан-

ными и несвоевременными приходами рыбы, о которыхъ посторонніе или вовсе не узнають, или узнають поздно. Самый ловъ будетъ ему стоить меньше издержекъ, ибо снасти и продовольственные запасы у него дома. Коренной житель не имѣетъ нужды въ устроеніи себѣ временнаго жилища и въ привозѣ орудій лова и запасовъ, часто издалека. Къ чему же еще увеличивать такую естественную привилегію правомъ на исключительный ловъ? Во вторыхъ, житель такой привилегированной станицы, пользуясь сдѣланнымъ для него исключеніемъ, будетъ однакоже имѣть, сверхъ того, право наравнѣ съ прочими ловить на всемъ остальномъ пространствѣ водъ Черноморья. Если бы всѣ воды раздѣлить на частные участки, то тогда всякій, имѣя исключительное право на ловъ въ своемъ участкѣ, не имѣлъ бы нужды ловить въ другихъ водахъ; здѣсь же три станицы будутъ пользоваться вмѣстѣ и правомъ частной собственности въ своихъ водахъ, и правомъ общественной собственности въ прочихъ водахъ Черноморья. Кромѣ этого, установленіе такой привилегіи противно общему духу нашего рыболовнаго законодательства, съ которымъ должны же согласоваться и всѣ частныя законоположенія. По общимъ законамъ, ни морскія воды, ни воды большихъ озеръ, даже противу мѣстъ дѣйствительно заселенныхъ, частному владѣнію не подлежатъ. Если въ видахъ единства системы рыболовства во внутреннихъ (рѣчныхъ и лиманныхъ) и во внѣшнихъ (морскихъ) водахъ, а также въ видахъ отдѣльной замкнутости казацкихъ сословій, и дѣлаются исключенія для цѣлыхъ казацкихъ войскъ (Уральскаго, Черноморскаго и т. д.), то не только нѣтъ никакого основанія измѣнять общій характеръ нашего рыболовнаго законодательства внутри этихъ самостоятельныхъ участковъ, — но такое измѣненіе прямо противорѣчило бы одной изъ цѣлей выдѣленія этихъ участковъ изъ общаго пользованія всѣхъ подданныхъ Россійской Имперіи въ исключительное пользованіе нѣкоторыхъ сословій,—а именно: единству системы лова. Наконецъ, если выдѣлять извѣстное пространство водъ въ пользу станицъ Должинской, Камышеватской и Брынковской, то почему не сдѣлать того же и въ пользу другихъ, тоже прибрежныхъ станицъ, каковы: Ахтанизовская и Старотиторовская, лежащія при Ахтанизовскомъ лиманѣ, Вышестебліевская при лиманѣ Цокурѣ, Тамань при Таманскомъ заливѣ, Новонижестебліевская при рѣкѣ Протокѣ, и — наконецъ — почему не сдѣлать такого же исключенія въ пользу города Темрюка, которому, если слѣдовать тому же примѣру, надо бы было выдѣлить не только часть Курчанскаго лимана, но и почти все Темрюцкое гирло. Соображенія эти, кажется, достаточно доказываютъ, что гораздо лучше не касаться въ этомъ отношеніи стараго, обычаями утверждавшагося, порядка вещей.

Раздѣленіе рыболовства на постоянное и временное. Ни заведенный съ самаго начала порядокъ, ни самая мѣстность не допускаютъ, какъ мы видѣли, чтобы въ Черноморьи войско занималось ловомъ нераздѣльно какъ одинъ хозяинъ, подобно тому какъ это существуетъ на Уралѣ. Здѣсь общность владѣнія, по самому существу дѣла, ограничивается правомъ каждаго войсковаго жителя ловить безразлично на всемъ пространствѣ Черноморья; для предупрежденія же могущихъ изъ сего возникнуть недоразумѣній и безпорядковъ, существуютъ издавна слѣдующія правила, введенныя обычаемъ и узаконенныя временными правилами 1855 года. Рыболовство раздѣляется на постоянное и временное. Постоянное производится круглый годъ, или по крайней мѣрѣ во всѣ періоды хода рыбы, извѣстнаго рода снастями: неводами, крючьями и т. п.; съ устроенныхъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ заводовъ, принадлежащихъ какому нибудь хозяину. Временной же ловъ производится какъ тѣми, которые своихъ заводовъ не имѣютъ, такъ и имѣющими оные, безъ всякихъ постоянныхъ заведеній, то тамъ, то здѣсь, смотря потому, гдѣ есть рыба, такъ сказать — наѣздами.

Описаніе рыболовнаго завода. Заводъ состоитъ изъ нѣсколькихъ строеній, изъ коихъ жилыя построены большею частью изъ необожженнаго кирпича (такъ называемыя турлючныя), прочія же изъ камыша. Эти строенія суть: 1) *Казарма* для рабочихъ. 2) Иногда *домикъ для хозяина* или управляющаго. 3) *Лопасъ*, т. е. низкій навѣсъ изъ камыша на столбахъ, чтобы рѣзка, чистка и вообще раздѣлка пойманной рыбы могла происходить въ тѣни. 4) *Холодникъ*, — сарай въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ на кирпичныхъ заводахъ для храненія и просушки кирпичей, состоящій почти изъ одной камышевой крыши, стоящей на землѣ, и съ двумя воротами на противуположныхъ концахъ, дабы продувалъ вѣтеръ. Здѣсь стоятъ *комяги*, т. е. длинные четыреугольные ящики, или и просто чаны, въ которыхъ солятъ рыбу; тутъ же лежитъ въ кучахъ и заготовленная соль. При недостаткѣ мѣста въ холодникахъ, комяги ставятся и просто подъ открытымъ небомъ, причемъ онѣ, для защиты отъ дождя и солнца, прикрываются толстымъ слоемъ камыша. 5) *Амбаръ* для храненія снастей. 6) *Богуни*, т. е. вѣшала для сушки, или—лучше сказать—вяленія рыбы, устраиваемые изъ слегъ, обыкновенно въ видѣ остова крыши. На заводахъ, гдѣ ловятъ красную рыбу, къ этому присоединяется еще 7) *Балычня*, т. е. вышка на довольно высокихъ столбахъ, гдѣ провяливаютъ балыки. На каждомъ заводѣ работаетъ только одинъ комплектъ забродчиковъ и дѣйствуетъ одинъ неводъ. На крючныхъ же находится неопредѣленное число крючьевъ, впрочемъ рѣдко превышающее 30.000 шт. при 3 или 4 лодкахъ.

Права казаковъ на участіе въ постоянномъ рыболовствѣ. Число заводовъ ограничено для каждаго казака его чиномъ. Именно, предоставляется право имѣть: неводныхъ заводовъ генералу 5, штабъ-офицеру 4, оберъ-офицеру 3, урядику и простому казаку 2; вентерныхъ каждому казаку, каково бы его званіе ни было, по 2 вентеря и по 20 штукъ плавныхъ сѣтей отъ 10 до 50 саженъ длиною, смотря по мѣстности. Эти сѣти употребляются только въ рѣкахъ. Число крючныхъ заводовъ не опредѣлено, ибо они не могутъ мѣшать одинъ другому, такъ какъ выставка крючьевъ дозволена не ближе 7 верстъ отъ берега, и весь морской берегъ, будетъ ли онъ низменъ и примелъ, или крутъ и приглубъ, одинаково годится для устройства этихъ заводовъ.

Проэктъ управленія иррегулярными войсками измѣняетъ нѣсколько эти соразмѣрныя чину права, увеличивая число неводныхъ заводовъ предоставленныхъ каждому чину: генералу до 6, штабъ-офицеру до 5, оберъ-офицеру до 4, уряднику и простому казаку до 3. Такое увеличеніе числа заводовъ, по одному для каждаго чина, въ сущности равняется дозволенію выстроить каждому изъ нынѣшнихъ владѣльцевъ заводовъ еще по одному новому; ибо какъ знакомые съ рыболовнымъ дѣломъ, и съ выгодными мѣстностями, они скорѣе другихъ разберутъ всѣ остающіеся еще удобныя для лова мѣста и (какъ выражается общество рыболововъ въ поданномъ имъ 20 сентября 1863 года, мнѣніи о проэктированныхъ вновь рыболовныхъ правилахъ) «вновь желающимъ устраивать заводы останутся тѣ только воды и берега, которые только неопытность можетъ занять.» Слѣдовательно это увеличеніе правъ послужитъ только къ стѣсненію тѣхъ, которые, неуспѣвъ еще оправиться отъ раззоренія, причиненнаго откупомъ, и опасаясь новыхъ, неблагопріятныхъ развитію рыбной промышленности мѣръ, не рѣшались еще приступить къ устройству постоянныхъ заводовъ, а или вовсе не занимались рыболовствомъ, или довольствовались рыболовствомъ временнымъ, но, по установленіи твердыхъ началъ для этой промышленности, конечно захотѣли бы принять въ ней постоянное участіе. Если само общество рыболововъ съ похвальнымъ безкорыстіемъ держится такого взгляда, то мѣра, предложенная въ проэктѣ управленія иррегулярными войсками, должна быть безъ сомнѣнія отвергнута. И при нынѣ дѣйствующихъ правилахъ въ особенно

уловистыхъ мѣстностяхъ,—какъ напримѣръ у Сладковскаго лимана и на берегу Чернаго ерика,—явилось бы такъ много охотниковъ устроивать заводы, что на всѣхъ не хватило бы мѣста; они стѣснили бы другъ друга и отъ этого происходили бы непрерывныя ссоры. Поэтому-то и установлено правило, что, если кто желаетъ завести новый заводъ, тотъ долженъ получить на то дозволеніе въ видѣ приговора отъ мѣстныхъ заводохозяевъ, подписаннаго по крайней мѣрѣ нѣсколькими изъ нихъ и участковымъ довѣреннымъ. Такой приговоръ представляется въ войсковое правленіе, которое должно разрѣшить устройство новаго завода не позже, какъ черезъ двѣ недѣли по подачѣ прошенія если просящій имѣетъ на то право. Въ годичный срокъ, по полученіи разрѣшенія, заводъ долженъ быть устроенъ; въ противномъ же случаѣ мѣстность эта можетъ быть предоставлена другому, дабы она по пустому не пропадала. До отдачи водъ, какъ бы въ содержаніе или завѣдываніе общества рыболововъ, вмѣсто этого приговора мѣстныхъ заводохозяевъ требовалось только удостовѣреніе участковаго смотрителя, который и отвѣчалъ за могущія послѣдовать стѣсненія прежнимъ рыбопромышленникамъ. Тоже предлагаетъ снова ввести и проэктъ управленія иррегулярными войсками. Очевидно, что нынѣшній порядокъ гораздо лучше, ибо смотрителя могутъ входить въ разныя сдѣлки и вообще ихъ ручательство не представляетъ достаточнаго обезпеченія въ безвредности новаго завода, для прежнихъ заводохозяевъ. Гдѣ заводовъ очень много, тамъ положено, чтобы лѣтомъ каждый тянулъ свой неводъ въ мѣстности противъ своего завода, не заходя въ стороны. Зимою же рыболовные атаманы назначаютъ сначала мѣста, гдѣ быть *кошамъ*, (т. е. прорубямъ, въ которые опускается неводъ), по числу тянущихъ неводовъ; а потомъ распредѣляютъ эти коши между собою по жеребью, ибо коши весьма неравнаго достоинства, и всѣмъ извѣстно, которыя изъ нихъ хороши и которыя дурны.

Необходимыя дополненія къ этимъ правиламъ. При нынѣ дѣйствующихъ правилахъ относительно постоянныхъ заводовъ, остаются два вопроса, на которые не дано положительнаго разрѣшенія; а именно: 1) Какъ поступать въ томъ случаѣ, когда кто-либо, имѣя заводъ, не будетъ производить на немъ рыболовства, чѣмъ лишитъ другихъ возможности пользоваться мѣстностью, которую самъ оставляетъ безъ употребленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишаетъ и войсковую казну пошлины съ той рыбы, которая могла бы быть здѣсь поймана. 2) Какъ поступать съ заводами послѣ смерти владѣльца ихъ. Относительно перваго случая ничего не постановлено, вѣроятно потому, что, при неотяготительности собираемаго нынѣ акциза, онъ весьма рѣдко можетъ представиться въ дѣйствительности. Относительно же втораго принимаютъ въ основаніе, что такъ какъ воды принадлежатъ всему войску, а не отдѣльнымъ лицамъ, — то эти послѣднія могутъ имѣть, въ вышепоказанныхъ границахъ, лишь личное право на занимаемыя ими мѣста, и потому послѣднія поступаютъ, по смерти ихъ временнаго владѣльца, опять въ полное распоряженіе войска и могутъ быть заняты всѣми желающими; разумѣется, что возведенныя строенія составляютъ собственность наслѣдниковъ того, кѣмъ они возведены, и могутъ быть или проданы тому, кто вновь получитъ упразднившуюся мѣстность, или сломаны. На практикѣ это представляетъ большія неудобства.

Вопросы эти получили отчасти разрѣшеніе въ новыхъ проэктахъ, именно оба проэкта постановляютъ, что ежели кто пожелаетъ временно закрыть дѣйствіе своего завода, то долженъ объявить объ этомъ войсковому правленію и мѣстному смотрителю, и тогда на время прекращенія лова (въ проэктѣ управленія иррегулярными войсками только на полгода) къ лову допускаются изъ имѣющихъ на то право. Равнымъ образомъ должно быть заблаговременно объявлено и о томъ, если кто пожелаетъ вовсе

уничтожить свой заводъ, дабы войсковое правленіе могло распорядиться вызовомъ желающихъ занять упраздняющееся мѣсто. Въ случаѣ же временнаго непроизводства лова, или совершеннаго закрытія завода, безъ извѣщенія о томъ войсковаго правленія, взыскивается съ хозяина въ первомъ случаѣ штрафъ отъ 25 до 100 руб., а во второмъ, кромѣ того, мѣсто передается другому. Такъ какъ въ этихъ правилахъ хозяинъ не принуждается къ перемѣнному производству лова, когда онъ найдетъ это почему либо для себя невыгоднымъ, а только обязывается объявить о томъ начальству, что совершенно сообразно съ характеромъ общаго владѣнія водами, то эти правила и должно признать совершенно справедливыми и нисколько не отяготительными. Но только такъ какъ, по моему мнѣнію, рыболовныя воды должны и на будущее время оставаться въ полномъ завѣдываніи общества рыболовъ, и акцизъ по прежнему имѣетъ собираться не съ заводохозяевъ, а съ пойманной рыбы; то нѣтъ никакой надобности какъ въ эту, такъ во всѣ остальныя части рыбнаго хозяйства, вмѣшивать войсковое правленіе, а слѣдуетъ все это предоставить усмотрѣнію общества рыболововъ, которое, изъ собственныхъ выгодъ и въ видахъ имѣть возможность выполнить взятое на себя обязательство—уплачивать не менѣе извѣстной суммы, не допуститъ, чтобы рыболовныя мѣста гуляли.

Относительно того, какъ поступать съ заводами умершихъ лицъ, проэктъ управленія иррегулярными войсками ничего не постановляетъ, слѣдовательно предполагаетъ оставить существующій порядокъ. Но очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей могутъ встрѣтиться обстоятельства весьма разорительныя для семействъ владѣльцевъ заводовъ. Иной устроилъ заводъ не задолго до своей смерти, употребивъ на него послѣднія свои средства; со смертію его мѣсто поступаетъ въ чужое владѣніе, а такъ какъ устроенныя заведенія никому не нужны, кромѣ получившаго мѣсто, то наслѣдникамъ придется или продать ихъ за безцѣнокъ, или снести. Поэтому проэктъ войсковаго начальства предлагаетъ установить на заводы потомственное право, дабы они могли переходить по наслѣдству. Но какъ поступать въ томъ случаѣ, если наслѣдникъ по своему чину не имѣетъ права пользоваться столькими заводами, сколько ему по наслѣдству достанется? Проэктъ войсковаго начальства разрѣшаетъ это тѣмъ, что запрещаетъ только самимъ устраивать и пріобрѣтать покупкою большее, противу положеннаго по чину, число заводовъ; для переходящихъ же по наслѣдству дѣлаетъ исключеніе. Но очевидно, что при такомъ правѣ въ очень продолжительное время все установленіе о числѣ заводовъ по чинамъ потеряетъ всякое значеніе и всякій смыслъ. Этого мало; самое основаніе, на которомъ устроено рыболовство въ Черноморьи—общая принадлежность водъ всему войску—совершенно рушится, и, вопреки даже общимъ законамъ Имперіи, скоро значительная часть Азовскаго моря и большая часть лимановъ поступятъ въ частную собственность. Совершенно тѣже недостатки представляетъ и мнѣніе общества рыболововъ. Оно предлагаетъ распространить на заводы (предоставленное Высочайше утвержденными правилами о надѣленіи войсковыхъ жителей землею) право на выкупъ усадьбъ въ потомственную собственность. Нѣкоторые изъ войсковыхъ жителей, сами занимающіеся рыболовствомъ, предлагаютъ, чтобы получившій по наслѣдству заводы выбралъ какъ изъ всѣхъ своихъ, такъ и изъ полученныхъ по наслѣдству, лучшіе—сколько ему по чину полагается, а остальные затѣмъ въ 6 мѣсячный срокъ долженъ переуступить другимъ желающимъ. Это конечно болѣе согласно съ правилами общаго владѣнія водами, чѣмъ оба предъидущія мнѣнія; но все же заставляетъ опасаться, что чрезъ нѣкоторое время лучшія мѣста попадутъ въ руки нѣкоторыхъ семействъ, а войсковымъ жителямъ останутся лишь тѣ воды и берега, которые, какъ выразилось общество рыболововъ, «одна лишь неопытность можетъ занять.» Поэтому я полагаю, что, дабы

согласить интересы общаго владѣнія съ интересами частныхъ лицъ, всего справедливѣе бы было, чтобы, при полученіи по наслѣдству заводовъ въ числѣ, большемъ того, какимъ наслѣдникъ, по своему чину, имѣетъ право владѣть, былъ брошенъ жребій въ присутствіи участковаго довѣреннаго и выбранныхъ отъ общества лицъ, о томъ, какіе изъ перешедшихъ по наслѣдству заводовъ должны достаться наслѣднику; а затѣмъ всѣ остальныя мѣста поступаютъ, на общемъ основаніи, къ желающимъ ими воспользоваться. При этомъ наслѣднику могло бы быть предоставлено право включать, или не включать въ жребій тѣ заводы, которые онъ самъ имѣлъ до полученія наслѣдства.

Права казаковъ на участіе во временномъ рыболовствѣ. Временное рыболовство производится главнѣйше весною, и желающіе заниматься имъ должны только объявить, гдѣ и какими снастями намѣриваются ловить. Число снастей, которое временные ловцы могутъ употреблять, назначается по чину, совершенно также, какъ и для постоянныхъ. Этотъ способъ рыболовства не допускается тамъ, гдѣ ходятъ невода, до тѣхъ поръ пока ловъ ими не прекратится; но, взамѣнъ этого, есть такія мѣста, которыя предоставлены исключительно временному лову и гдѣ устройство постоянныхъ заводовъ запрещается. Мѣста эти называются *базарными* или *забѣгами*, потому что сюда забѣгаетъ на время множество рыбопромышленниковъ. Таковы на Курчанскомъ лиманѣ островъ Бирючій и на берегу его пристани Базарная, Браиловская и Волкорѣзова. Это мѣста, на которыя опытъ указалъ какъ на самыя выгодныя по рыболовству, и которыхъ, для уравненій выгодъ отъ него между наивозможно большимъ числомъ лицъ, не хотѣли предоставить одному кому нибудь въ исключительное пользованіе. До 1855 года на нихъ существовали заводы, которые приказано было уничтожить. Если соберется много рыболововъ, то первенство пріѣзда даетъ право тянуть первому; при одновременномъ же пріѣздѣ двухъ или многихъ, мечется жребій о порядкѣ неводной тяги. Жеребьемъ же распредѣляются мѣста для установки вентерей, которые собственно всѣ должно причислить къ временнымъ заведеніямъ, такъ какъ каждый годъ перебрасывается на нихъ жребій. Они выставляются въ гирлахъ, протокахъ, ерикахъ и рѣчкахъ. Право метать жребій въ каждой мѣстности предоставлено всякому желающему, не принимая въ разсчетъ ни чина, ни того, имѣетъ ли онъ заводы другаго рода или нѣтъ. Но каждый можетъ получить право на выставку только двухъ вентерей во всѣхъ водахъ Черноморья. Къ этому, въ проэктѣ войсковаго начальства, присоединено весьма справедливое — по моему мнѣнію — ограниченіе, что изъ одного нераздѣльно живущаго семейства не допускается къ метанію жеребья болѣе одного лица. Неполучившій мѣста по жеребью тамъ, гдѣ онъ желалъ, имѣетъ право на метаніе жребья въ другомъ участкѣ. Сообразно съ этимъ, и срокъ на метаніе жребьевъ распредѣляется въ теченіе полутора мѣсяца, такъ чтобы можно было успѣть, не получивъ мѣста въ одномъ, перейти въ другой участокъ. Именно для Темрюцкаго гирла мечутъ жребій въ Темрюкѣ, 1 сентября; для Чернаго ерика въ мѣстопребываніи сладковскаго довѣреннаго, 15 сентября; для рѣки Протоки, съ вытекающими изъ нея ериками, въ Нижестебліевской станицѣ, 30 сентября: для гирлъ Бейсугскаго и Чалбасскаго въ Брынковской станицѣ, 10 октября, и наконецъ для Ейскаго гирла (т. е. устья рѣки Еи въ лиманъ, а не пролива, соединяющаго лиманъ съ моремъ) въ Старошербиновской станицѣ, 15 октября. Разстояніе вентерей другъ отъ друга должно быть въ гирлахъ, считавшихся прежде главными, какъ-то въ Ейскомъ, Бейсугскомъ, Чалбасскомъ и Темрюцкомъ и въ рѣкѣ Протокѣ, не менѣе 30 саженъ; для Ангелинскаго ерика и всѣхъ меньшихъ разстояніе это не опредѣлено, оно установляется по взаимному соглашенію ловцовъ, подъ надзоромъ участковаго довѣреннаго. Передача доставшихся по же-

ребью вентерныхъ мѣстъ посредствомъ продажи или другихъ какихъ сдѣлокъ строго воспрещена, что весьма основательно, ибо этимъ предупреждается метаніе жеребья подставными лицами, которые даже и вентерей не имѣютъ, а разсчитываютъ лишь на продажу или уступку своего права другимъ, отчего могло бы произойдти скопленіе большаго числа вентерей въ рукахъ немногихъ богачей, въ ущербъ настоящимъ рыбопромышленникамъ. Такое скопленіе было бы вредно даже и въ отношеніи пропуска рыбы вверхъ. Если бы, напримѣръ, Темрюцкое гирло, или другой подобный тому протокъ, достался немногимъ промышленникамъ, они легко могли бы сговориться перегородить его совершенно крыльями своихъ вентерей, какъ это дѣлаетъ Ачуевскій откупщикъ, за чѣмъ трудно усмотрѣть довѣренному, и чего никогда не можетъ случиться, при большомъ числѣ независимыхъ другъ отъ друга лицъ, ставящихъ вентеря. Поэтому проэктъ управленія иррегулярными войсками совершенно напрасно отмѣняетъ это правило, удержанное впрочемъ въ проэктѣ войсковаго начальства. По издавна существующему обычаю, переднія ставки въ рѣкѣ Протокѣ, въ Черномъ ерикѣ и въ гирлахъ Темрюцкомъ, Бейсугскомъ, Чалбасскомъ и Ейскомъ жеребью не подлежатъ, а отдаются съ торговъ непремѣнно лицамъ войсковаго сословія, съ тѣмъ, чтобы вырученныя такимъ образомъ деньги шли на церковныя надобности и на другія богоугодныя цѣли. Жеребьевой же системы держатся при ловѣ селявы и рыбца выше откупнаго участка волокушами и плавными сѣтями.

Мелкое рыболовство для домашняго употребленія. Если ловъ рыбы производится не на продажу, а для домашняго употребленія, то онъ освобождается отъ всякой пошлины, но за то при немъ дозволяется употребленіе лишь мелкихъ снастей, какъ то: бредней, вентерекъ и малыхъ сѣтокъ. Нынѣ этотъ ловъ предоставленъ каждому войсковому жителю, безъ ограниченія числа снастей. Въ новыхъ проэктахъ длина этихъ сѣтей ограничивается 10 саженями по нижней посадкѣ, и каждому войсковому жителю позволяется имѣть не болѣе какъ по одной такой снасти. Такое ограниченіе кажется мнѣ слишкомъ стѣснительнымъ. Оно не оправдывается выгодами войсковой казны, потому что во внутреннихъ водахъ, внѣ (или во) вышеупомянутыхъ участковъ, ловъ остается во всякомъ случаѣ безпошлиннымъ. Единственная же цѣль ограниченія заключается въ томъ, чтобы одни, выставляя слишкомъ много сѣтей, не стѣсняли другихъ; поэтому лучше было бы предоставить каждому станичному обществу право самому опредѣлить, на основаніи мѣстныхъ данныхъ, число этихъ снастей. Опасаться, что при этомъ станутъ вылавливать рыбу и на продажу, въ водахъ подлежащихъ акцизному сбору, нечего до тѣхъ поръ, пока ловъ въ нихъ будетъ находиться въ завѣдываніи общества рыболововъ, которое изъ собственныхъ выгодъ не допуститъ, чтобы добываемая при помощи мелкихъ снастей безпошлинная рыба вступала въ конкуренцію съ большими промыслами, платящими акцизъ. Правда, что это легко можетъ случиться при войсковомъ надзорѣ, т. е. при надзорѣ посредствомъ смотрителей, но это только служитъ новымъ доказательствомъ того, что одинъ общественный надзоръ можетъ быть вмѣстѣ и дѣйствительнымъ и неотяготительнымъ.

Таловирничество. Кромѣ всѣхъ этихъ способовъ пользованія водами, посредствомъ рыболовствъ постояннаго, временнаго и мелкаго, есть еще въ Черноморіи одинъ обычай, извѣстный подъ именемъ таловирничества, имѣющій большое сходство съ библейскимъ закономъ о томъ, чтобы поля не выжинались до чиста, дабы оставшіеся колосья могли быть собираемы бѣдными, неимѣющими своихъ полей, или средствъ заниматься ихъ обработкою. У евреевъ въ основѣ этого закона лежала та мысль, что обѣтованная земля дана Богомъ во владѣніе всего еврейскаго народа, и что слѣдовательно всякій

долженъ имѣть хотя нѣкоторую долю участія въ пользованіи плодами ея; подобнымъ же образомъ и у Черноморцевъ таловирничество вытекло изъ понятія о принадлежности водъ всему войску, о необходимости предоставить пользоваться рыбою всѣмъ, даже и неимѣющимъ средствъ заниматься правильнымъ рыболовствомъ, при помощи довольно дорого стоющихъ снастей. Таловирничество состоитъ въ правѣ, предоставленномъ исключительно однимъ казакамъ, пріѣзжать на небольшихъ каюкахъ (челнокахъ) къ неводной тягѣ и собирать баграми оставшуюся за неводомъ рыбу, т. е. или перескочившую чрезъ неводъ, или загрузнувшую въ илу, при попыткѣ подойти подъ нижнюю подбору, при чемъ попадается иногда и сула; а также — въ правѣ подбирать съ берега и ту рыбу, которая застряла въ ячеи крыльевъ, или и вообще брать тарань, которую сами рыбопромышленники изъ казаковъ не солятъ, конечно не во время лова, направленнаго на эту именно рыбу, а когда она случайно попадается, не въ малыхъ количествахъ, при ловѣ другой болѣе цѣнной рыбы. Намъ случилось видѣть этотъ сборъ мелкой рыбы на Камышеватой косѣ. Какъ только узнаютъ въ станицѣ, что тянутъ невода, множество мальчиковъ, дѣвочекъ и бѣдныхъ женщинъ спѣшатъ на косу. Они обираютъ не только все, что застряло въ ячеи крыльевъ, но, когда вытащутъ мотню, стараются схватить кто небольшую сулу, кто маленькую севрюжку (здѣсь очень много попадается этихъ рыбъ длиною до 19 вершковъ или $^{3}/_{4}$ аршина), или тарань. Въ этомъ никто имъ не препятствуетъ, лишь бы только не было помѣхи при тягѣ невода и уборкѣ рыбы. Эту рыбу брали только на котелъ; но весною, когда тарани больше, таловирщики пріѣзжаютъ съ такъ называемыми шапликами или маленькими солилами, въ которыхъ и солятъ добываемую ими рыбу.

Рыбоспѣтство. Съ таловирничествомъ часто, но несправедливо смѣшиваютъ (какъ это даже сдѣлано въ проэктѣ управленія иррегулярными войсками) рыбоспѣтство; въ сущности же сходство между тѣмъ и другимъ ограничивается лишь тѣмъ, что и таловирщики и рыбоспѣтчики берутъ отъ рыболововъ главнѣйше тарань. Если таловирничество можно назвать обычаемъ благотворительнымъ, то рыбоспѣтство ничто иное, какъ особливая отрасль промышленности. Рыбоспѣтчики всегда бываютъ изъ иногородныхъ, скупающихъ сырьемъ ту рыбу, которую сами казаки не приготовляютъ, за недостаткомъ времени и рукъ. Они солятъ и вялятъ ее, и за занимаемую ими подъ заведенія землю платятъ войску посаженную пошлину. Въ Ахтарахъ всего болѣе рыбоспѣтчиковъ, и цѣна на тарань дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что тутъ всего 70 верстъ до Ейска, откуда наѣзжаетъ много мѣщанъ, набивающихъ другъ предъ другомъ цѣну, которая иногда доходитъ до 6 и 8 р. за тысячу. Сюда собирается весною до 5,000 человѣкъ. Такъ какъ каждый желаетъ, чтобы его солила и нанятые рабочіе не гуляли, то рыбоспѣтчики запокупаютъ рыбу еще не вытянутую изъ воды, по уговорной цѣнѣ. Когда неводъ притянутъ, то всѣ бросаются выгружать его, чѣмъ забродчики не занимаются. Рыбоспѣтчики въѣзжаютъ на дрогахъ въ воду, нагружаютъ ихъ до того, что лошадь почти не можетъ тащить, и рыба, не помѣстившись на дрогахъ, сваливается въ воду. Каждый складываетъ вывезенное имъ въ особую кучу; изъ этой кучи впослѣдствіи носятъ рыбу на раздѣлку, въ это же время дѣлаютъ счетъ ей и каждый платитъ за то, что ему досталось. Чтобы избѣжать затруднительнаго счета, иногда принимаютъ каждыя дроги за тысячу, будь тамъ рыбы болѣе или менѣе, что и заставляетъ стараться какъ можно болѣе нагружать ихъ. Конечно при этомъ не обходится безъ ссоръ и дракъ рыбоспѣтчиковъ между собою. Въ Сладковскомъ участкѣ, гдѣ также значительное рыбоспѣтство, но гдѣ и больше рыбы и дальше отъ Ейска, цѣна ей бываетъ иногда не болѣе 1 р. за тысячу.

Въ послѣднее время съ Ахтыровъ много рыбоспѣтчиковъ переѣхало въ Ачуевскій откупной участокъ. До 1863 года, ихъ тамъ не было, но въ послѣдніе два года откупъ сталъ ихъ пускать и чрезъ то увеличилъ свой доходъ: вмѣсто 200,000 или 300,000 штукъ тарани, которыя откупъ самъ солилъ, онъ теперь получаетъ отъ рыбоспѣтчиковъ (въ видѣ пятой доли, которую они должны отдавать ему, вмѣсто платы) 1.200,000 штукъ. Сверхъ того, рыбоспѣтчики должны брать у откупщика крымскую соль по 75 к. с. за пудъ, а черноморскую по 60 к., тогда какъ самъ онъ за первую платитъ по 40, а за вторую по 21 к. с. за пудъ, по назначенной для него отпускной цѣнѣ. Это, по словамъ знающихъ людей, одно доставило откупу за эти годы лишнихъ 20,000 р. с. дохода. На будущее время откупъ однако же положилъ, вмѣсто пятой доли, брать опредѣленную цѣну съ тысячи, именно по 3 р. с., оставляя прежнее правило относительно соли.

Въ Темрюцкомъ участкѣ рыбоспѣтчики покупаютъ много сома, они сами солятъ и приготовляютъ его для дунайскихъ княжествъ. Эти рыбоспѣтчики—по большей части русскіе изъ Молдавіи и Валахіи. Бѣдные рыбопромышленники, которые не въ состояніи завести своихъ солилъ, продаютъ рыбоспѣтчикамъ и красную рыбу сырьемъ, преимущественно въ участкахъ Должинскомъ и Камышеватскомъ, гдѣ главный ловъ красной рыбы, а также и въ Темрюцкомъ. Вообще, при недостаткѣ капиталовъ у черноморцевъ, рыбоспѣтчики оказываютъ имъ большую услугу, доставляя возможность прямо сбывать свѣжую рыбу, безъ затратъ на ея приготовленіе и безъ заботъ объ ея сбытѣ. Конкуренція между иногородными спѣтчиками, которой не было бы, если бы рыбоспѣтство составляло исключительную привилегію казаковъ, обезпечиваетъ ловцамъ хорошую цѣну на ихъ продукты.

Правила для охраненія рыбнаго запаса. Для охраненія рыбнаго запаса и для свободнаго пропуска рыбы, существуютъ въ Черноморьи слѣдующія правила. (Нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ, къ сожалѣнію, не довольно строго выполняются):

а) Во всѣхъ такъ называемыхъ морскихъ гирлахъ, т. е. проливахъ, соединяющихъ внутреннія воды Черноморья съ моремъ, рыболовство, какими бы ни было снастями и въ какое бы то ни было время года, запрещено. Къ такимъ гирламъ принадлежатъ (если вести счетъ имъ съ юга на сѣверъ): 1) *Бугазское*, соединяющее Кубанскій лиманъ съ Чернымъ моремъ; 2) *Курчанское*, соединяющее Курчанскій лиманъ съ Азовскимъ моремъ; 3) *Перекопка*, составляющая выходъ изъ Гаврюшинскаго лимана; 4) *Куиенькое*, 5) *Кривое*, 6) *Жестероватое* или *Жолтое* и 7) *Грязное*, составляющія выходъ изъ Гнилыхъ лимановъ; 8) *Гнилое*, 9) *Горькое* и 10) *Барилково* — изъ Горькихъ лимановъ; 11) *Сладкое* и 12) *Рубецъ*, идущія изъ Сладковскихъ лимановъ; лежащія на Ачуевской косѣ, къ сѣверу отъ откупной границы, и составляющія выходъ изъ тѣхъ разнаго наименованія лимановъ Ахтарской группы, которыя принадлежатъ къ пятому участку: 13) *Талгирское*, 14) *Безъимянное*, 15) *Желѣзниковское*, 16) *Мельниковское*, и 17) *Назаришина Перебоина*; 18) гирло *Ахтарское*, между оконечностью Ачуевской косы и берегомъ Черноморья, составляющее выходъ изъ собственно такъ называемаго Ахтарскаго лимана; наконецъ 19) гирло *Ясенское*, перерѣзывающее Ясенскую косу и составляющее выходъ въ Бейсугскій лиманъ. Къ числу совершенно запрещенныхъ гирлъ принадлежатъ еще три внутреннихъ гирла, а именно: 1) гирло *Кубанское*, или — правильнѣе — устья этой рѣки въ Кубанскій лиманъ; 2) *Переволока* — рукавъ, которымъ соединяется Кубань съ Ахтанизовскимъ лиманомъ, и 3) гирло *Рясное*, соединяющее Рясной лиманъ съ прочими Ахтарскими лиманами.

б) Кромѣ того, что нельзя употреблять никакихъ снастей въ самихъ гирлахъ, — заповѣднымъ

остается одноверстное пространство по обѣ стороны каждаго морскаго гирла и на 7 верстъ вглубь моря.

в) У внутреннихъ гирлъ, т. е. при впаденіи ериковъ и протоковъ въ лиманы съ каждой стороны этихъ гирлъ по полуверстѣ, а внутрь лимана — на двѣ версты, также запрещенъ ловъ всякаго рода снастями.

г) Выставка крючныхъ порядковъ дозволяется не ближе семи верстъ отъ берега. Эта мѣра имѣетъ въ виду не столько охраненіе рыбы, сколько обезпеченіе выгодъ, производящагося по морскимъ косамъ, неводнаго лова, какъ главнаго въ Черноморьи.

д) Въ пространствѣ, ограничиваемомъ линіею, проходящею отъ оконечности Ачуевской косы къ косѣ Камышеватой, выкидка крючьевъ совершенно запрещена, такъ какъ это пространство есть заливъ, въ который открываются лиманы Бейсугскій и Ахтарскій, составляющіе поприще лова цѣлыхъ двухъ участковъ: 3-го Брынковскаго и 4-го Ахтарскаго. Это правило однако не строго соблюдается, и подъ самымъ Камышеватымъ обрывомъ стоятъ крючья.

е) Во всѣхъ протокахъ, гдѣ выставляются вентеря, послѣдніе не должны занимать своими крыльями болѣе $1/3$ ширины рѣки, самое же бѣжное крыло не должно быть длиннѣе 12 саженъ.

ж) Десятая доля длины каждаго ерика, протока или гирла, въ которыхъ выставляются вентеря, считая отъ устья, должна оставаться свободною, какъ отъ этихъ, такъ и отъ всякихъ другихъ снастей.

з) Длина неводовъ въ лиманахъ и озерахъ должна соотвѣтствовать водному пространству и опредѣляется обществомъ мѣстныхъ рыболововъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать 1000 саженъ. Длина рѣчныхъ неводовъ, на основаніи общихъ законовъ, не должна превышать половины ширины рѣки; длина же морскихъ неводовъ ничѣмъ не ограничена.

и) Очки въ неводахъ должны быть не менѣе $2\frac{1}{2}$ вершковъ, кромѣ мотни, гдѣ допускаются очки въ $1\frac{1}{2}$ вершка (*).

Наконецъ 1) ставныя сѣти, коты и крючковая снасть совершенно запрещены во внутреннихъ водахъ Черноморья.

Дополненія и измѣненія правилъ охраненія рыбнаго запаса, предложенныя центральнымъ управленіемъ и войсковымъ начальствомъ. Въ этихъ правилахъ сдѣланы лишь весьма немногія и несущественныя измѣненія въ новыхъ проэктахъ. Именно:

По пункту в), со стороны внутреннихъ гирлъ предположено въ обоихъ проэктахъ увеличить заповѣдное пространство въ обѣ его стороны (по верстѣ, вмѣсто полуверсты), что весьма основательно.

По пункту г), въ проэктѣ войсковаго начальства предполагается ограничить выставку крючьевъ не только семиверстнымъ разстояніемъ отъ берега, но еще и тѣмъ условіемъ, чтобы и на этомъ разстояніи они выставлялись противъ тѣхъ только частей берега, гдѣ вовсе не ходятъ невода, да и то въ то только время, когда не производится лова неводами и вентерями. Это равнялось бы совершенному запрещенію крючнаго лова и уменьшило бы чрезвычайно ловъ красной рыбы, безо всякой надоб-

(*) Величина очковъ считается здѣсь не отъ узла до узла по сторонѣ квадрата ячеи, какъ во всѣхъ другихъ отчетахъ экспедицій, а по вытянутой въ направленіи ея діагонали ячеѣ, и потому она выходитъ ровно вдвое болѣе, чѣмъ при принятомъ нами способѣ. Слѣдовательно, дозволенная наименьшая мѣра ячей въ Черноморьи составляетъ $1\frac{1}{4}$ вершка въ крыльяхъ и $3/4$ вершка въ мотнѣ неводовъ.

ности. Если это сдѣлано въ видахъ покровительства неводному лову, то сдѣлано противъ желанія самихъ промышленниковъ, которые, въ поданномъ ими 20 сентября 1863 года мнѣніи о новыхъ проэктахъ, сами высказались противъ этой мѣры.

Съ другой стороны, по пункту д), проэктъ управленія иррегулярными войсками совершенно не упоминаетъ о правилѣ, запрещающемъ выставку крючковой снасти между косами Ачуевскою и Камышеватою, чего тоже нельзя одобрить, ибо это пространство имѣетъ характеръ обширнаго гирла, которое не должно быть заставляемо.

По пункту е), длина бѣжнаго крыла, вмѣсто 12 саженъ, опредѣлена болѣе основательно: отъ 10 до 16 въ проэктѣ управленія иррегулярными войсками и отъ 10 до 15 въ проэктѣ войсковаго начальства, смотря по ширинѣ рѣки. Въ этомъ послѣднемъ проэктѣ также совершенно справедливо прибавлено, чтобы вентеря устанавливались по возможности къ одному берегу, а не къ обоимъ. Я бы сказалъ только не *по возможности*, а *непремѣнно*.

По пункту ж), вмѣсто $^1/_{10}$ части протоковъ, въ проэктѣ войсковаго начальства предложено оставить такую часть ихъ свободною отъ всякаго рода снастей, которую само общество мѣстныхъ рыболововъ назначитъ. Въ такомъ видѣ это правило, пользы котораго я вообще не вижу, скорѣе можетъ остаться, потому что по желанію самихъ рыболововъ можетъ быть и совершенно отмѣнено; а если и сохранится, то будетъ служить лишь выраженіемъ ихъ общаго, хотя и несправедливаго взгляда, которому нѣтъ особливой нужды противиться, а не положительнымъ запрещеніемъ.

По пункту з), въ проэктѣ управленія иррегулярными войсками предлагается опредѣлить наибольшую длину лиманныхъ неводовъ, вмѣсто 1000, въ 1200 саженъ; а проэктъ войсковаго начальства предлагаетъ, чтобы невода не превышали только половины ширины лимана. Между тѣмъ общество рыболововъ въ поданномъ имъ 20 сентября 1863 года мнѣніи находитъ, что и нынѣ положенная наибольшая длина (въ 1000 саженъ) слишкомъ велика и должна быть уменьшена до 900 саженъ тамъ, гдѣ ловъ производится съ одного берега, и до 800, гдѣ ловъ производится съ обѣихъ сторонъ. Я бы полагалъ, что всего лучше соединить оба послѣднія мнѣнія такъ, чтобы къ предложенію общества рыболововъ прибавить: «но чтобы ни въ какомъ случаѣ длина неводовъ не превышала половины ширины лимановъ». Ибо въ неширокихъ лиманахъ можно и съ 800-саженнымъ неводомъ хватать съ берега на берегъ, а въ широкихъ лиманахъ неводомъ, не превышающимъ половины его ширины, можно захватить разомъ огромное водное пространство, и въ ущербъ другимъ, неимѣющимъ возможности имѣть такія громадныя снасти, вылавливать слишкомъ много рыбы. Относительно длины рѣчныхъ неводовъ всѣ проэкты согласны въ томъ, чтобы къ нимъ было примѣнено общее правило, запрещающее употреблять невода длиннѣе половины ширины рѣки. Хотя начальникъ бывшей каспійской экспедиціи и астраханская комиссія для составленія проэкта правилъ волжскаго и каспійскаго рыболовствъ высказались противъ этой мѣры въ примѣненіи къ рукавамъ Волги, которые очень широки и гдѣ ловъ направленъ преимущественно на красную и другую крупную рыбу, но я полагаю, что относительно такихъ узкихъ рѣкъ, каковы всѣ рѣки Черноморья, гдѣ слѣдовательно выметываніе неводовъ можетъ слѣдовать весьма быстро одно за другимъ, гдѣ ими ловится главнѣйше мелкая рыба, какъ напримѣръ селява и рыбецъ, и гдѣ число неводовъ на небольшомъ пространствѣ очень велико, запрещеніе употреблять невода длиннѣе половины, или по крайней мѣрѣ, соотвѣтственно правиламъ о ставныхъ орудіяхъ лова, длиннѣе $^2/_3$ ширины рѣки совершенно необходимо.

*

По пункту и) оба проэкта предлагаютъ уменьшить дозволенную мѣру ячей до одного вершка въ сторонѣ квадрата въ крыльяхъ и до полувершка въ мотнѣ. Мнѣ кажется такое уменьшеніе неосновательнымъ, ибо тогда будетъ попадаться слишкомъ много мелкой тарани. И при теперешней величинѣ ячей мы видѣли, какъ на Камышеватой косѣ застрѣвало въ нихъ очень много мелкихъ севрюжекъ въ 10 вершковъ или $^3/_4$ аршина длиною, которыхъ хотя и выпускали обратно въ море, но многія изъ нихъ однако же и погибали. Къ правиламъ о величинѣ ячей проэктъ войсковаго начальства прибавляетъ, чтобы въ рѣчныхъ неводахъ и сѣтяхъ, употребляемыхъ собственно для лова селявы и рыбца, допускались ячеи и въ $^3/_4$ вершка (т. е. $^3/_8$ вершка по сторонѣ отъ узла до узла). Это, и по моему мнѣнію, можетъ быть разрѣшено, ибо ловъ этихъ двухъ небольшихъ рыбъ производится въ такое время года, когда другая рыба почти нейдетъ, почему и легко усмотрѣть за неупотребленіемъ этихъ мелкоячейныхъ сѣтей въ прочее время года; притомъ же невода эти небольшихъ размѣровъ, такъ что и сами промышленники въ другое время ими ловить не станутъ за единственнымъ развѣ исключеніемъ рѣки Протоки, гдѣ вообще нельзя употреблять неводовъ больше селявныхъ.

Наконецъ, для плавныхъ сѣтей, длина которыхъ нынѣ вовсе не опредѣлена, въ новыхъ проэктахъ положено, чтобы онѣ были не длиннѣе 10 до 30 саженъ и чтобы притомъ онѣ ни въ какомъ случаѣ не превышали $^2/_3$ ширины ерика или протока. Послѣднее условіе весьма основательно.

Измѣненія и дополненія, необходимыя по мнѣнію экспедиціи. Съ своей стороны я долженъ сказать — относительно нынѣ существующихъ правилъ для охраненія рыбнаго запаса и безпрепятственнаго входа рыбы въ лиманы и рѣки и хода вверхъ по нимъ, — что эти правила вообще очень хороши и сообразны съ своею цѣлью, но что тѣмъ не менѣе они требуютъ и нѣкоторыхъ дополненій. А именно: хотя запрещеніе лова въ гирлахъ, соединяющихъ внутреннія воды Черноморья съ моремъ, и на извѣстное пространство по обѣимъ сторонамъ этихъ гирлъ вглубь моря совершенно основательно, но перечисленіе всѣхъ этихъ гирлъ поимянно совершенно напрасно; большая часть изъ нихъ не постоянна, одни засыпаетъ, другія прорываетъ вновь, и потому, если буквально держаться составленнаго имъ списка, то придется не ловить тамъ, гдѣ ловъ былъ бы совершенно безвреденъ, и — наоборотъ — ловить тамъ, гдѣ главный ходъ рыбы. Поэтому, поименовать только главныя гирла, какъ-то: Бугазское, Курчанское, Ахтарское, Ясенское и пожалуй еще Рубцовское, засыпка которыхъ невѣроятна, предоставить назначеніе остальныхъ гирлъ, въ которыхъ ловъ долженъ быть запрещенъ, самому обществу рыболововъ. Но за то для пяти поименованныхъ главныхъ гирлъ недостаточно запретить ловъ по верстѣ въ каждую сторону ихъ и на семь верстъ вглубь моря; а надо, для полнаго обезпеченія входа рыбы, расширить это заповѣдное пространство до $2^1/_2$ верстъ съ каждой стороны гирла и удлинить его вглубь моря до границъ войсковыхъ владѣній, которыя должны быть назначены въ 20 или 25 верстахъ отъ берега. Заповѣдное пространство такой же ширины и длины должно быть неизмѣнно установлено и для рѣки Протоки, такъ какъ она составляетъ въ настоящее время безспорно главное кубанское устье, которымъ преимущественно идетъ красная рыба, требующая наибольшаго охраненія. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему всѣ правила объ оставленіи свободнаго прохода рыбѣ на девяти верстномъ пространствѣ Протоки, находящемся въ пользованіи откупа, если онъ имѣетъ возможность перелавливать рыбу у самаго входа ея въ эту рѣку. Но такъ какъ услѣдить за точнымъ исполненіемъ этой мѣры, при отдачѣ Ачуевскаго участка въ откупное содержаніе, весьма трудно, чтобы не сказать — невозможно, и такъ какъ, съ другой стороны, такое ограниченіе правъ откупщика несомнѣнно поведетъ къ сбавкѣ имъ

откупной цѣны, то это прибавляетъ еще лишнюю причину къ числу уже вышеприведенныхъ, по которымъ желательно видѣть этотъ откупъ уничтоженнымъ и участокъ его включеннымъ въ число водъ, находящихся въ свободномъ пользованіи войсковыхъ жителей.

Къ числу гирлъ, въ которыхъ совершенно запрещено рыболовство, причислены и три внутреннія: 1) устье рѣки Кубани, 2) Переволока и 3) Рясное гирло. Относительно Ряснаго гирла такое запрещеніе можетъ быть оправдано. Такъ какъ ловъ въ Рясномъ лиманѣ былъ прежде (до забитія ериковъ) весьма значителенъ, то было гораздо лучше, чтобы этимъ ловомъ пользовались многіе, могущіе помѣститься на его берегахъ, чѣмъ немногіе, которые успѣли бы захватить короткое и не широкое гирло; притомъ же часть рыбы, разсѣявшись по пространству лимана, можетъ избѣгнуть сѣтей и успѣть выметать икру. Но для чего запрещать ловъ въ рукавахъ, которыми Кубань вливается въ Кубанскій лиманъ и въ Переволокѣ, когда выше, въ трубѣ самой Кубани, и ниже, въ Темрюцкомъ гирлѣ, ловъ (какъ это и слѣдуетъ) допущенъ, — мнѣ совершенно непонятно. Поэтому, кажется, что оба эти гирла слѣдовало бы уравнять со всѣми остальными внутренними гирлами, т. е., оставить запрещеніе лова на версту въ каждую сторону и по двѣ версты вглубь лимана, въ который они впадаютъ, — дозволить производить ловъ въ самихъ этихъ гирлахъ. Наконецъ, относительно безусловнаго запрещенія во внутреннихъ водахъ крючьевъ, ставныхъ сѣтей и кѡтовъ, я долженъ сказать, что оно составляетъ лишь совершенно напрасное стѣсненіе. Кѡты — снасть самая невинная и въ сущности ничѣмъ отъ вентерей не отличается. Это такіе же вентеря, только сдѣланные не изъ сѣтей, а изъ узкихъ дранокъ или тонкихъ жердей, прикрѣпленныхъ къ бревенчатой рамкѣ. Формою своею они походятъ на тайники, вставляемые въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое море, въ сёможьи заборы. Мѣсто заборовъ занимаютъ здѣсь совершенно такія же крылья, какъ у вентерей. Тоже самое должно сказать и о ставныхъ сѣтяхъ. Что же касается до крючьевъ, то они — какъ не разъ было замѣчено въ отчетахъ экспедицій Каспійской и Бѣломорской — совершенно безвредны, если не перегораживаютъ рѣки. Не смотря на запрещеніе, крючья и теперь употребляются и на Протокѣ и на Кубани. Для этого протягиваютъ веревку чрезъ всю рѣку, ибо иначе по быстротѣ здѣшнихъ водъ трудно было бы удержать снасть на мѣстѣ, но только небольшая часть длины ея, далеко не составляющая и третьей доли ширины рѣки, увѣшена крючьями, которыхъ бываетъ на ней не болѣе 30 или 40 штукъ, что, считая по 6 вершковъ между удочками, составитъ только 5 саженъ. Всѣ эти три снасти должны быть, по моему мнѣнію, дозволены къ употребленію и въ рѣкахъ, но съ тѣмъ лишь, чтобы занимали собою отъ каждаго берега не болѣе $1/3$ ширины рѣки и выставлялись снасть отъ снасти (будетъ ли то кѡта, сѣть или крючной порядокъ) не ближе 30 саженъ, какъ это установлено для вентерей.

Кромѣ всѣхъ этихъ мѣръ, для охраненія красной рыбы необходимо еще назначить срокъ, въ который бы ловъ ничѣмъ не производился, разумѣется — въ однѣхъ только рѣкахъ, т. е. въ самой Кубани вверхъ до самыхъ границъ Кубанскаго войска, въ Протокѣ, въ Темрюцкомъ гирлѣ и въ Переволокѣ. Въ морѣ и въ лиманахъ нѣтъ надобности въ такомъ срочномъ запрещеніи лова: 1) потому, что крючной ловъ въ водахъ Черноморья вообще мало развитъ, какъ видно изъ числа выставляемыхъ крючьевъ, которыхъ менѣе 900,000 штукъ отъ самаго Керченскаго пролива до Ейска, тогда какъ приблизительно на такомъ же протяженіи берега въ Эмбенскихъ участкахъ Каспійскаго моря ихъ считается до 10.000.000; 2) потому, что входъ рыбы, изъ моря въ рѣки и лиманы и изъ лимановъ въ рѣки, достаточно обезпеченъ вышеприведенными мѣрами; 3) потому, что въ самихъ лиманахъ красной

рыбы не ловится, и наконецъ 4) потому, что — въ видахъ сдѣлать это ограниченіе менѣе стѣснительнымъ — время для запрещенія лова въ рѣкахъ должно быть избрано по возможности позднее, а тогда красная рыба уже не поднимается изъ моря въ рѣки. Я полагалъ бы назначить этотъ срокъ отъ 1-го іюня до 1-го августа. Такой срокъ не былъ бы стѣснителенъ, а между тѣмъ въ это время еще достаточно ловится икряной рыбы. Уже въ срединѣ этого мѣсяца попадалось въ 1864 году въ темрюцкія вентеря по 5 и 6 штукъ севрюгъ въ сутки и между ними были довольно еще икряныхъ. Опытные и безпристрастные рыболовы въ Черноморьи желали бы даже, чтобы мѣра эта была строже, и нѣкоторые изъ нихъ предлагаютъ вовсе запретить ловъ въ мартѣ и апрѣлѣ, когда ходъ рыбы самый сильный, чрезъ каждые два года въ третій. Въ такомъ видѣ мѣра эта была бы слишкомъ убыточна и не имѣла бы достаточнаго основанія, ибо распространялась бы на тарань и сулу, уменьшенія въ которыхъ вовсе не замѣтно. Но если не чрезъ два года въ третій, а чрезъ каждые четыре года въ пятый запретить выставку вентерей, ставныхъ сѣтей и крючковой снасти въ однѣхъ только поименованныхъ выше рѣкахъ, съ 1-го апрѣля по 1-е августа, не допуская въ нихъ однако же и неводной тяги, которая и теперь въ нихъ въ это время не производится, то это конечно принесло бы болѣе пользы, чѣмъ ежегодное запрещеніе лова въ нихъ въ теченіи іюня и іюля. Но конечно и для этого, какъ и вообще для правильнаго устройства рыболовства въ Черноморьи, необходимо уничтоженіе ачуевскаго откупа. Кромѣ этой мѣры, предлагаемой собственно для Кубани, необходимо было бы, для бо̀льшаго пропуска рыбы въ Донъ, установить время, въ которое не производился бы крючной ловъ, начиная отъ долгой косы, составляющей югозападную границу Донскаго залива; но такъ какъ эта мѣра должна быть въ связи съ другими, какъ въ самомъ Донскомъ заливѣ, такъ и на Дону, то обсужденіе ея я оставляю до описанія донскаго рыболовства.

Права города Ейска на рыболовство въ водахъ Черноморья. Говоря о правахъ на рыболовство въ Черноморьи, я долженъ упомянуть объ отношеніи къ нему городовъ Ейска и Темрюка, лежащихъ въ землѣ Черноморскаго войска. Что касается до города Ейска, то теперь, собственно говоря, онъ въ рыболовномъ отношеніи совершенно отдѣленъ отъ казаковъ, ибо, вскорѣ послѣ отдачи водъ въ завѣдываніе общества рыболововъ, городу Ейску было уступлено 29 верстъ берега, какъ по Ейскому лиману, такъ и по Азовскому морю, за единовременную уплату 3500 р. Сдѣлка эта была безъ сомнѣнія не выгодна для Черноморскаго войска, потому что въ пространство отошедшаго берега включается и Ейская коса, которая, лежа на пути рыбы въ почти прѣсноводный Донской заливъ и въ самый Донъ, по обилію лова не уступаетъ косамъ Должинской и Камышеватой, и потому вѣроятно могла бы доставлять одного ежегоднаго акциза среднимъ числомъ около 5.000 р. Но нельзя же было такому городу, какъ Ейскъ, имѣющему около 25.000 жителей и лежащему при морѣ, оставаться безъ права на рыбную ловлю, а такъ какъ проданныя ему воды лежатъ на краю Черноморья, то отчужденіе ихъ по крайней мѣрѣ нисколько не нарушаетъ единства системы рыболовства въ Черноморьи, ибо ейскими водами отдѣляется, отъ Должинскаго участка и всѣхъ остальныхъ казацкихъ водъ, только Ейское гирло, въ которомъ всего девять вентерныхъ малоприбыльныхъ ставокъ, и влѣво отъ него часть берега Ейскаго лимана, гдѣ производится весенній ловъ бѣлой рыбы.

Но если этотъ 29-верстный участокъ уже не можетъ считаться во владѣніи черноморцевъ, то на какихъ правахъ находится онъ, и можетъ ли онъ весь составлять исключительную принадлежность города Ейска? Очевидно нѣтъ. Отчуждая часть моря, Черноморское войско, или — правильнѣе —

начальство его, не имѣло право присвоивать городу той привилегіи, которая была спеціально дарована только войску и которая въ отношеніи къ морю даже весьма неопредѣленно выражена. Войско могло только отказаться отъ права ловить въ этой части моря и отъ права собирать въ свою пользу положенную имъ на рыбу пошлину. Воды же эти, выйдя изъ привилегированнаго владѣнія черноморцевъ, должны были поступить въ общее и свободное пользованіе всѣхъ подданныхъ русской Имперіи. Городу Ейску можетъ принадлежать лишь проданная ему часть лимана; относительно же морскихъ водъ, считающихся нынѣ его принадлежностью, ему можно развѣ только присвоить право налагаетъ на постороннихъ ловцовъ нѣкоторую пошлину, пока не выручится заплаченная войску сумма, хотя, по правдѣ сказать, городъ уже съ избыткомъ ее выручилъ, пользуясь три года исключительнымъ рыболовствомъ въ этихъ водахъ.

Права города Темрюка на рыболовство въ водахъ Черноморья. Гораздо затруднительнѣе рѣшить вопросъ относительно Темрюка. Городъ этотъ лежитъ въ самой серединѣ кубанской дельты, такъ сказать въ самомъ сердцѣ той водной системы, исключительное пользованіе которою находится въ рукахъ черноморцевъ. Если уступить Темрюку часть моря и кромѣ того часть Курчанскаго лимана и Темрюцкое гирло, при которыхъ онъ лежитъ, то не будетъ ли это значить завести и здѣсь тѣ непрерывныя ссоры и столкновенія, которыя существуютъ между донскими казаками — съ одной стороны и жителями Азова и Кагальника — съ другой и которыя каждый годъ по нѣскольку разъ доходятъ до настоящихъ побоищъ, оканчивающихся не рѣдко смертоубійствами? Не говоримъ уже о нескончаемыхъ жалобахъ на обловы, произвольное отнятіе снастей и т. п., которыхъ удовлетворительно рѣшить невозможно. Не будетъ ли это значить ввести черезполосицу во владѣніи морскими водами, самую худшую изъ черезполосицъ, ибо означить и охранять границу между морскими участками всегда затруднительно. Кромѣ того, не нарушится ли чрезъ это все единство системы кубанскаго и прикубанскаго рыболовствъ, — единство, которое собственно одно только и оправдываетъ выдѣленіе этихъ водъ изъ общаго пользованія. Если входы въ Курчанскій лиманъ и въ Темрюцкое гирло выйдутъ изъ владѣнія казаковъ, то оба главныя устья Кубани будутъ находиться въ чужихъ рукахъ, и тогда слѣдить за правильнымъ пропускомъ рыбы вверхъ будетъ также трудно здѣсь, какъ и на откупномъ участкѣ Протоки, ибо можно принять за непреложное правило, что если сами хозяева водъ не имѣютъ интереса, чтобы рыба свободно проходила вверхъ, то этого пропуска трудно достигнуть посредствомъ посторонняго наблюденія.

Но, съ другой стороны, нельзя же лишить и жителей города, лежащаго близъ моря, права на свободный ловъ, предоставленный всѣмъ, по русскимъ законамъ. Неужели темрючанамъ ѣздить за сотню верстъ ловить рыбу, когда море у нихъ подъ бокомъ? Не въ такомъ видѣ однакоже представляется право темрючанамъ на ловъ въ Курчанскомъ лиманѣ и въ Темрюцкомъ гирлѣ, ибо сосѣдство съ водами, подлежащими частной собственности, не составляетъ еще необходимаго условія и принадлежности этихъ водъ.

Если взвѣсить справедливыя притязанія обѣихъ сторонъ, то безпристрастное рѣшеніе этого вопроса, кажется мнѣ, должно будетъ заключаться въ слѣдующемъ:

1) Сохранить всѣ права, которыя имѣетъ Кубанское казачье войско, какъ на морскія воды, омывающія берега Черноморья, такъ и на внутреннія.

2) Допустить жителей Темрюка къ пользованію морскимъ рыболовствомъ на пространствѣ 7-го

темрюцкаго участка наравнѣ съ войсковыми жителями, какъ это сдѣлано въ Должинскомъ участкѣ, для колоніи Михаельсталь, лежащей на берегу моря между косами Долгою и Ейскою.

3) Такъ какъ всѣ права казаковъ на принадлежащія имъ до нынѣ воды сохраняются, то обязать жителей Темрюка, допущенныхъ къ лову на нихъ, подчиняться какъ всѣмъ правиламъ и распоряженіямъ по рыбной промышленности, дѣйствующимъ нынѣ или имѣющими впредь быть введенными, такъ и уплатѣ положеннаго въ пользу войска акциза.

4) Такъ какъ число жителей въ Темрюкѣ простирается до 5,000 человѣкъ, а — главное — такъ какъ подъ именемъ темрючанъ явятся, безъ сомнѣнія, для лова въ этихъ водахъ, и посторонніе, зачѣмъ невозможно будетъ услѣдить, то чтобы наплывъ такого числа рыбаковъ не причинилъ убытка войсковымъ жителямъ, назначить число крючныхъ лодокъ и неводовъ, которые имѣютъ право выставлять жители Темрюка.

5) Выгоды отъ такого лова должны быть по возможности распредѣлены между жителями города посредствомъ жеребьевъ, очереди или другими способами, по рѣшенію самого городскаго общества.

6) Дозволить жителямъ Темрюка ловъ для домашняго употребленія (посредствомъ сѣтокъ въ 10 сажень длиною, вентерковъ, бредней и приволочекъ) въ Курчанскомъ или Ахтанизовскомъ лиманѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и для войсковыхъ жителей; или, вмѣсто того, отвести жителямъ Темрюка опредѣленный участокъ въ Кубанскомъ или Ахтанизовскомъ лиманѣ, въ которомъ допустить безпошлинный ловъ, какими то ни было снастями, собственно для продовольствія жителей; разумѣется, что въ этомъ выдѣленномъ Тюмрюку участкѣ не должно быть никакихъ рыбоспѣтныхъ заведеній, какъ-то: солилъ, бугуновъ и т. п.

Способы пользованія солью. Прежде чѣмъ перейти отъ изложенія правъ, коими пользуются черноморцы по рыболовству, къ другимъ вопросамъ хозяйственнаго устройства этой промышленности, надо еще коснуться одного предмета, хотя и не относящагося прямо до рыболовства, но имѣющаго большое на него вліяніе, а именно — пользованія соляными озерами, лежащими внутри войсковыхъ земель, и вообще добыванія соли. И въ этомъ отношеніи положеніе 1842 года ухудшило казацкій бытъ. До этого времени каждый казакъ имѣлъ право отправляться на озеро, нагрести себѣ сколько угодно соли и, отдавъ извѣстную долю, которая измѣнялась отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ всего добытаго имъ количества, въ войсковой кагатъ, увезти остальное и продавать кому хотѣлъ, только не выходя изъ предѣловъ войска. Нѣкоторые казаки посвящали себя именно добыванію соли, доставлявшему имъ, при вольной продажѣ, довольно выгодъ. Прочимъ же нечего было заботиться о заготовленіи соли, такъ какъ они имѣли всегда возможность получить ее въ произвольномъ количествѣ, по мѣрѣ своихъ надобностей, и притомъ по дешевой цѣнѣ. Въ Екатеринодарѣ стоила она отъ 8 до 10 к. пудъ. Для поддержанія озеръ въ хорошемъ состояніи, высылали изъ ближнихъ къ нимъ станицъ казаковъ по наряду. Въ 1842 году это все измѣнилось. Всю сгребаемую соль казаки должны были сваливать въ войсковые кагаты (кучи), получая за это 5 к. съ пуда, а для себя могли брать не болѣе 50 пудовъ по $4^1/_7$ к. с. (15 к. ас.). Съ кагатовъ же продавалась она вообще по $6^1/_2$ к. Поэтому казакамъ выгоднѣе было сдавать въ кагаты всю добытую ими соль и покупать потомъ, сколько имъ было нужно, по общей продажной цѣнѣ, ибо такимъ образомъ льготные 50 пуд. приходились имъ вмѣсто $4^1/_7$ к. только по $1^1/_2$ к. ($6^1/_2$—5 к.). Но такъ какъ частная продажа соли была запрещена, то изъ этихъ ничтожныхъ выгодъ никто не хотѣлъ сгребать соли, и принуждены были нанимать для сего особливыхъ работниковъ по

высокой цѣнѣ, которая доходила до 8 и 10 к. съ пуда. Поэтому войсковое правленіе вынуждено было опять разрѣшить казакамъ грести соль съ тѣмъ, чтобы $^{2}/_{3}$ добытаго количества отдавалось въ войсковые кагаты, а $^{1}/_{3}$ бралась себѣ; но такъ какъ частная продажа оставалась запрещенною, то изъ этой трети могли они брать лишь столько, сколько имъ нужно было для себя, а остальное, если нагребали слишкомъ много, оставлять въ войсковые запасы. Но на дѣлѣ казаки брали гораздо болѣе, чѣмъ нужно было имъ для себя, и вели тайную продажу солью. Войско съ своей стороны устроило внутренніе магазины, изъ коихъ отпускаетъ соль по 21 к. Цѣна эта такъ высока отъ того, что въ послѣдніе годы были неурожаи соли, ибо озера въ большомъ небреженіи, и потому былъ разрѣшаемъ провозъ крымской соли отъ 300,000 до 350,000 пудовъ безпошлинно. Но покупка ея и привозъ все же стоили дороже, чѣмъ добываніе соли изъ войсковыхъ озеръ. Эти излишніе расходы разложили разнообразно на всю соль, какого бы происхожденія она ни была, и положили за нее общую цѣну въ 21 к. пудъ. Такъ какъ эта соль все-таки значительно дешевле крымской, оплачиваемой пошлиною, то для рыбопромышленниковъ отпускаютъ въ однѣ руки не болѣе 1,300 пудовъ для неводнаго завода, при неводѣ въ 1,060 саженъ, и 500 пудовъ дла волокушечнаго завода. Если этого количества не достанетъ для посола всей рыбы, то дозволяется ввозить крымскую соль, съ уплатою напередъ за нее пошлины. Это чрезвычайно затрудняетъ казаковъ, людей по большей части небогатыхъ, ибо соль надо заготовлять съ осени, а деньги выручаются весною, по продажѣ рыбы. Поэтому казаки желали бы, чтобы и для нихъ было сдѣлано тоже облегченіе, которое существуетъ въ Ейскѣ и въ Темрюкѣ, гдѣ привозимую соль, неоплаченную еще пошлиною, записываютъ и складываютъ въ магазины, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы она не оставалась безъ оплаты болѣе года. Пошлину взимаютъ при выпускѣ изъ магазиновъ, по мѣрѣ продажи ея. Уже и безъ оплаты впередъ соляной пошлины рыболовство требуетъ многихъ затратъ, какъ то: на ремонтъ снастей, харчи и задатки работникамъ. Какъ нужныя деньги, такъ и снасти берутся въ кредитъ на тяжелыхъ условіяхъ. Предполагалось (можетъ быть предположеніе теперь уже и осуществлено) совершенно освободить отъ солянаго акциза мѣстность отъ Урала до западныхъ границъ земли Донскаго войска, гдѣ, при богатыхъ мѣсторожденіяхъ соли, производится обширное рыболовство. Такимъ образомъ всѣ жители этого края стали бы пользоваться тою привилегіею, которая прежде распространялась только на однихъ казаковъ. Если же въ землѣ Кубанскаго войска будетъ продолжаться тотъ порядокъ вещей, который начался съ 1842 г. и довелъ соль до 91 к. с. пудъ, то, вмѣсто прежней привилегіи, казаки будутъ находиться въ положеніи менѣе выгодномъ, сравнительно съ прочими жителями той мѣстности, гдѣ не будетъ солянаго акциза.

Отношенія между хозяевами и работниками. Изложивъ права, которыми пользуются черноморцы въ настоящее время относительно рыболовства, и высказавъ мое мнѣніе о предполагающихся въ нихъ измѣненіяхъ, я обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между хозяевами-рыболовами и ихъ работниками, какъ при ловѣ въ вольныхъ водахъ, такъ и въ Ачуевскомъ откупномъ участкѣ.

Артели забродчиковъ и ихъ атаманы. Работники, нанимаемые на рыбныя ловли и называемые здѣсь забродчиками, (вѣроятно потому, что при тягѣ неводовъ, главнаго орудія здѣшняго лова, имъ приходится брести по водѣ), бываютъ отчасти изъ казаковъ, а всего чаще изъ иногородныхъ, — преимущественно изъ малороссіянъ, Екатеринославской, а также Харьковской и Полтавской, рѣже Черни-

говской и Кіевской губерній. Изъ русскихъ же, кромѣ поселившихся въ приморскихъ городахъ Азовскаго и восточнаго берега Чернаго морей, выходцевъ изъ Курской губерніи. Забродчики составляютъ въ каждомъ заводѣ (неводномъ, крючномъ, или вентерномъ) общество или артель, находящуюся подъ начальствомъ рыболовнаго атамана, который имѣетъ здѣсь еще большую власть и болѣе обширныя обязанности, чѣмъ соотвѣтствующіе ему кормщики на Бѣломъ и Каспійсковъ моряхъ, или неводчикъ при волжскомъ неводномъ ловѣ. Онъ рѣшительно завѣдываетъ всѣмъ ловомъ, приготовляетъ снасти, избираетъ время лова, распоряжается раздѣлкою, посоломъ, сушкою и часто даже продажею рыбы. Хорошаго атамана старается хозяинъ навсегда удержать у себя, и ему поручается почти всегда наемъ самой артели.

Періоды лова-добычи, на которые нанимаются работники. Наемъ рабочихъ производится отдѣльно на каждый изъ періодовъ рыболовства, называемыхъ здѣсь *добычами.* Такихъ добычъ бываетъ въ году четыре. Онѣ отличаются между собою породами ловимой рыбы, большимъ или меньшимъ изобиліемъ ея, а отчасти самимъ способомъ лова и приготовленія рыбы.

1) *Весенняя* добыча — отъ вскрытія льда до Николина дня, въ прежнее время, и до Пасхи теперь. Такъ какъ въ это время рыба бываетъ всего обильнѣе, то здѣсь всегда употребляютъ или самыя большія орудія лова, если онъ производится неводами и вентерями, или же самое большое число ихъ, если крючьями, а потому и рабочіе нанимаются въ самомъ большомъ числѣ. Поэтому-то, въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ малоуловистыхъ годовъ, и приняли за время окончанія этой добычи, вмѣсто Николина дня, праздникъ Пасхи, или—точнѣе—послѣднюю половину апрѣля; ибо при незначительныхъ уловахъ, или хозяину невыгодно держать полный комплектъ рабочихъ, когда они наняты за опредѣленную плату, или самимъ рабочимъ невыгодно оставаться, когда они подряжены изъ-за извѣстной доли въ добычѣ. Во всякомъ же случаѣ невыгодно хозяину употреблять большія дорогостоющія орудія лова, сильно портящіяся отъ воды, такъ что — напримѣръ — сѣть, натягиваемая на большой вентерь и стоющая около 150 р. с., должна перемѣняться нѣсколько разъ въ теченіи весны и лѣта. Всю ловимую въ это время бѣлую рыбу, преимущественно сулу и тарань, не только солятъ, но и провяливаютъ.

2) Вторая добыча, *межень* или лѣтній ловъ, продолжается до 1 или до 15 сентября смотря по мѣстностямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это время подраздѣляется еще на двѣ части: *подмеженокъ* и собственно *межень*. Подмеженокъ продолжается до Троицына дня, или до начала іюня. Въ это время ловъ тарани почти уже прекращается, но еще продолжается ловъ сулы и красной рыбы; въ собственную же межень происходитъ только главный ловъ сазана, сома и — въ началѣ его — въ небольшомъ количествѣ красной рыбы. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ этихъ рыбъ мало, какъ напримѣръ на Ахтарахъ и на Сладкомъ, всякій ловъ въ это время прекращается. Во всякомъ случаѣ, какъ въ подмеженокъ такъ и въ межень, большая часть работниковъ распускается. Въ это время бѣлую рыбу также солятъ и сушатъ; лишь ту, которая назначается для Дунайскихъ княжествъ, (преимущественно сома), какъ въ это время, такъ и весною, только солятъ.

3) *Прáсолъ,* или осенній ловъ, продолжается вообще отъ 1 или 15 сентября по Филиппово заговѣнье (14 ноября); въ южной же части Черноморья, гдѣ воды замерзаютъ позже, — и до 15 декабря. Въ иныхъ мѣстахъ и осенній ловъ подраздѣляется на два періода, до и послѣ Покрова. Въ это время рыба только солится, а не сушится.

Наконецъ 4) *подледный* ловъ. Въ рѣкахъ и лиманахъ онъ производится въ продолженіе всей зимы

на морѣ же крючьями — только до тѣхъ поръ, пока море не станетъ совершенно. Такъ въ Ачуевѣ устроены, для начала зимы лодки съ полозьями, которыя тянутъ по льду береговаго припая до талой воды, гдѣ и выметываютъ крючную снасть для лова красной рыбы. Подо льдомъ же крючьевъ не ставятъ, потому что хотя въ это время рыба и попадается самая цѣнная и она не требуетъ никакихъ издержекъ на приготовленіе, но за-то ледъ часто взламывается, причемъ выставляемые крючья уносятся въ море вмѣстѣ со льдомъ. Рыбу въ это время продаютъ мороженную и даже не раздѣланную, какъ говорятъ—*колодою*. Иногда даже изъ красной рыбы не вынимаютъ икры.

Число рабочихъ при рыбныхъ ловахъ. Число рабочихъ въ артели, или въ ватагѣ, измѣняется по роду лова. На большой морской неводъ полный комплектъ рабочихъ состоитъ отъ 25 до 30 человѣкъ, для подмоги тянущихъ неводъ припрягаютъ иногда еще пару воловъ. На лиманныхъ волокушахъ рабочихъ бываетъ отъ 20 до 25 человѣкъ. На большихъ вентеряхъ — отъ 7 до 9. На крючномъ ловѣ считается по 10.000 крючьевъ на лодку и по 7 человѣкъ рабочихъ, кромѣ кухаря. Если здѣсь держится сравнительно болѣе работниковъ, чѣмъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ три человѣка управляются съ 20.000 крючьевъ, то это происходитъ какъ отъ неумѣнья здѣшняго народа обращаться съ этою снастью, такъ и отъ тяжелаго устройства здѣшнихъ лодокъ, далеко уступающихъ въ удобности и легкости хода, какъ на веслахъ, такъ и на парусахъ, астраханскимъ коснымъ. Въ меженное время не выставляютъ полнаго числа крючьевъ и держатъ меньше народа, не болѣе четырехъ человѣкъ, такъ какъ въ это время не только рыбы мало, но и море тише.

Двоякаго рода условія найма работниковъ. Условія съ работниками бываютъ двоякаго рода: или ихъ нанимаютъ за условную плату, или за опредѣленную долю въ уловахъ. Первыхъ называютъ *нанятыми* работниками, вторыхъ же *добычниками*.

Работники нанятые или срочные. Нанятые работники называются также работниками на срокъ, потому что часто, при уменьшеніи числа рабочихъ послѣ весенней добычи, разсчитываютъ однихъ ихъ, а добычниковъ оставляютъ. Оба способа найма употребляются во всемъ Черноморьи, и въ иныхъ мѣстахъ у одного и того же хозяина часть работниковъ по найму, а часть изъ добычи, какъ напримѣръ ачуевскаго откупщика. Но вообще можно сказать, что гдѣ ловъ очень выгоденъ и выгодность эта зависитъ не столько отъ количества, сколько отъ цѣнности ловимой рыбы, тамъ стараются имѣть нанятыхъ работниковъ. Такъ напримѣръ на Ясенской косѣ, гдѣ, вслѣдствіе близости сбыта, цѣна на рыбу дороже, изъ 11 находящихся тамъ заводовъ, только на одномъ работаютъ добычники. Обыкновенныя цѣны на наемъ работниковъ слѣдующія. На прасолъ отъ 15 до 20 р. На подледный ловъ работниковъ не нанимаютъ отдѣльно, а вмѣстѣ и на весеннюю добычу, потому что ловъ тарани и сулы, начинающійся зимою, продолжается и въ первую половину весны. Цѣна за обѣ эти добычи измѣняется отъ 40 до 50 р. На подмеженокъ платятъ отъ 8 до 15 р. На межень отъ 40 до 45 р. Высокая цѣна на меженный ловъ, несмотря на малые уловы, зависитъ отъ того, что въ это время сильно требованіе на рабочій народъ, для покосовъ и уборки хлѣба, за которое въ Черноморьи платятъ весьма дорого. Работникъ на круглый годъ стоилъ бы такимъ образомъ отъ 100 до 130 р. Атаманы нанимаются, не на каждую добычу отдѣльно, а только два раза въ годъ отъ зимняго до лѣтняго прекращенія лова, которое бываетъ послѣ подмеженка (гдѣ не ловятся сомъ и сазанъ), и въ то время, когда ледъ станетъ въ морѣ, а тарань не идетъ еще на прѣсную воду. Это дѣлается потому, что въ теченіе каждаго изъ этихъ двухъ неровныхъ періодовъ рыболовства, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ

себѣ подледный ловъ, весенній и подмеженокъ, а другой — прасолъ, характеръ лова и приготовленія товаровъ, не измѣняется, и если по степени обилія рыбы и надо измѣнить число рабочихъ, то распорядитель, завѣдывающій ловомъ, долженъ оставаться одинъ и тотъ же. Съ Филиппова заговѣнья до Троицы атаманъ получаетъ отъ 200 до 250 р. а отъ Троицы до Филиппова заговѣнья отъ 150 до 200 р. Харчи, при этомъ способѣ найма, всегда бываютъ хозяйскіе.

Добычники. Гораздо разнообразнѣе условія, заключаемыя съ добычниками. Этотъ способъ найма болѣе распространенъ, нежели первый, и предпочитается какъ работниками, такъ и хозяевами. Работниками потому, что ихъ манитъ надежда на уловы и дорогія цѣны, возвышающія иногда ихъ пай до 150 и болѣе рублей въ одну весеннюю добычу; хозяевами же потому, что работники, дѣлаясь ихъ товарищами и имѣя общія съ ними выгоды, бываютъ ревностнѣе и заботливѣе.

Прежде условія съ добычниками заключались обыкновенно такъ: хозяинъ поставлялъ провіантъ, т. е. муку и соль для соленія рыбы. Приготовленная рыба продавалась сообща, какъ хозяиномъ такъ и забродчиками. Обыкновенно хозяинъ оставлялъ покупщика торговаться съ забродчиками, а самъ тайно съ нимъ договаривался о томъ, по скольку онъ прибавитъ ему съ тысячи или съ пуда рыбы, сверхъ той цѣны, по которой сговорится съ забродчиками. Если забродчики, зная эти уловки, слишкомъ дорожились, то покупщикъ не могъ конечно давать большой надбавки хозяину, и тогда, смотря по обстоятельствамъ, или хозяинъ не соглашался на продажу и искалъ другаго болѣе ловкаго покупщика, который сумѣлъ бы уломать забродчиковъ, или же уменьшалъ свои требованія. Большею частью конечно уступали забродчики, но нерѣдко перевѣсъ въ упрямствѣ оставался и за ними, что главнѣйше зависѣло отъ того. на чьей сторонѣ былъ атаманъ, удавалось ли хозяину переманить его на свою сторону какимъ нибудь обѣщаніемъ, или нѣтъ, ибо забродчики по привычкѣ повинуются и довѣряютъ атаману. Эти тайныя надбавки доходили отъ 10 до 20 р. за тысячу сулы. Изъ вырученной суммы вычитали стоимость муки и соли, какъ употребляемой въ пищу, такъ и на посолъ рыбы, а остатокъ дѣлили пополамъ между хозяиномъ и работниками. При этомъ конечно забродчики сколько возможно экономили солью и употребляли не болѣе 18 пудовъ на тысячу сулы, отчего рыба теряла въ своихъ качествахъ. Кромѣ того, хозяева находили такой способъ дѣлежа невыгоднымъ для себя, и потому измѣнили расплату съ рабочими слѣдующимъ образомъ. Изъ общей выручки стали вычитать только цѣну муки, соли же позволяли забродчикамъ брать столько, сколько они хотятъ, безъ всякаго за нее вычета. За тѣмъ они обязываются хозяину рыбу поймать, раздѣлать, посолить, провялить, однимъ словомъ—выспѣть, и сдать ему по извѣстной напередъ уговоренной цѣнѣ, которая различна въ различныхъ участкахъ. Въ Сладковскомъ участкѣ высшая цѣна за 1000 сулы 60 р. ас., въ Темрюкѣ доходитъ до 20 р. с., въ первыхъ же участкахъ и до 25 р. с. На тарань обыкновенная цѣна отъ 3 до 4 р. с. Красная рыба въ рѣкахъ, гдѣ попадается почти одна только севрюга, сдается съ марта по іюнь: икряная отъ 1 до 1 р. 20 к. и до 1 р. 50 к. смотря по уловамъ, неикрянная же по 50 к. пудъ; въ осеннее время, начиная съ 15 августа или 1 сентября,—неикрянная по 1 р. 50 к. за пудъ, а въ зимнее время отъ 3 до 7 р. пудъ. Такъ какъ половина рыбы считается принадлежащею хозяину, а половина работникамъ, то они при разсчетѣ и получаютъ половину этой уговорной цѣны, или — другими словами — работники нанимаются не по срокамъ, а по урокамъ, получая отъ 8 р. 75 к. до 12 р. 50 к. с. за тысячу выловленной и приготовленной сулы и отъ 1 р. 50 к. до 2 р. с. за тысячу тарани. При такомъ разсчетѣ хозяинъ уже продаетъ рыбу покупщикамъ по чемъ хочетъ. Тарань впрочемъ хозяева

мало солятъ своею солью и своими рабочими, а, какъ мы уже видѣли, болѣе продаютъ сырьемъ спѣтчикамъ. Такимъ образомъ разсчитываются съ забродчиками въ весенній, меженный и прасольный ловы, когда нужно рыбу солить. Во время же подледнаго лова, когда изъ бѣлой рыбы ловится преимущественно тарань и очень мало сулы, продаютъ рыбы покупщикамъ сырьемъ, причемъ цѣна тарани доходитъ отъ 8 до 12 р. тысячу, и вырученную сумму дѣлятъ поровну между хозяиномъ и работниками. Этотъ ловъ для обѣихъ сторонъ самый выгодный.

Условія мелкихъ ловцовъ со спѣтчиками на поставку имъ рыбы. Мелкіе ловцы, т. е. имѣющіе или вентерныя ставки, или небольшое число крючной снасти, или рѣже и мелкія волокуши, находятъ, по малымъ уловамъ, невыгоднымъ приготовлять самимъ рыбу чрезъ своихъ забродчиковъ; а потому они договариваются со спѣтчиками, почему имъ доставлять каждый сортъ рыбы сырьемъ. Рыбу сдаютъ спѣтчикамъ или сами хозяева, или забродчики, и все это вписываееся въ книжкахъ, находящихся, какъ у спѣтчика, такъ и у хозяина или атамана. При разсчетѣ деньги дѣлятся, какъ всегда, пополамъ между артелью и хозяиномъ, за вычетомъ цѣны провіанта. У такихъ хозяевъ бываютъ по два и по три рабочихъ, а иногда и не бываетъ вовсе, и они ловятъ съ своими домашними. Такихъ ловцовъ очень много на Долговой косѣ; онѣ имѣютъ свое пристанище на самой ея оконечности и занимаются исключительно крючнымъ ловомъ, имѣя много если 10,000 крючьевъ, 5 забродчиковъ въ весеннее время; въ межень же число крючьевъ уменьшается до 4000 и даже до 2000. Забродчиковъ держатъ по одному на каждыя 2000 посуды (какъ здѣсь называютъ крючную снасть). Все заведеніе такихъ хозяевъ состоитъ изъ камышеваго шалаша, гдѣ они спятъ и отдыхаютъ, и изъ огороженнаго камышемъ дворика, гдѣ варятъ пищу. Цѣны, по которымъ они сдаютъ свою рыбу спѣтчикамъ, измѣняются по сортамъ ея и времени года.

Эти сорта красной рыбы—торговые, которые вовсе не совпадаютъ съ породами рыбъ, а основаны только на различной ихъ цѣнности. Такихъ торговыхъ сортовъ четыре, именно: 1) икряная севрюга и яловой или, какъ здѣсь говорятъ, холостой, мѣрный осетръ *); 2) икряной осетръ; 3) икряная бѣлуга, и 4) такъ называемая вѣсовая рыба, продаваемая не по штучно, а по пудамъ, куда принадлежатъ яловая севрюга, немѣрный яловой осетръ и яловая бѣлуга. Рыбаки и счетъ ведутъ рыбѣ по этимъ искусственнымъ сортамъ ея, такъ что сколько они поймали севрюгъ, осетровъ или бѣлугъ, никто изъ нихъ и самъ не знаетъ. Этотъ способъ счета начинается впрочемъ только съ Камышеватой косы, и съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя будутъ означены въ своемъ мѣстѣ, ведется по всему остальному пространству Азовскаго моря.

Цѣны, по которымъ ловцы отдаютъ эти сорта спѣтчикамъ, слѣдующія: меженная рыба съ вешняго Николы по Успеньевъ день (съ 9 мая по 15 августа): икряная севрюга и проч. по 1 р. сер. штука (нѣсколько лѣтъ тому назадъ была дешевле, по 75 коп.), икряный осетръ какъ бы великъ ни былъ 3 р. (прежде по 2 р.), икряная бѣлуга всегда втрое противъ икрянаго осетра, вѣсовая рыба 50 к. пудъ; прасольная рыба съ 15 августа по замерзаніе моря: икряная севрюга и яловой осетръ

---

*) Мѣрнымъ осетромъ считается достигающій пяти четвертей отъ глаза, но не до краснаго пера, т. е. хвостоваго плавника, а до третьей отъ хвоста боковой скобки или щитика. Прежде мѣрнымъ считался осетръ вѣсомъ въ пудъ, но эту мѣру принуждены были уменьшить, что, между прочимъ, можетъ служить доказательствомъ уменьшенія числа рыбъ этой породы.

отдаются по 1 р. 30 к., икряной осетръ по 5 р. (прежде цѣнился дороже до 6 р.), вѣсовая же рыба по 3 р. асс. пудъ. Весенняя рыба принимается въ той же цѣнѣ, какъ и прасольная. Зимою же, какъ само собою разумѣется, рыба спѣтчикамъ не сдается.

Торговыя цѣны, по которымъ продаютъ рыбу спѣтчики и тѣ хозяева, которые ее сами приготовляютъ, конечно выше показанныхъ; но очень трудно сказать, на сколько эти цѣны выше получаемыхъ ловцами, потому что спѣтчики вынимаютъ икру и клей и продаютъ ихъ отдѣльно. Хотя общее отношенiе вѣса икры къ вѣсу рыбы и можно вывести, но неизвѣстно отношенiе между числомъ попадающейся икряной и числомъ неикряной, между числомъ яловой штучной и числомъ вѣсовой. Поэтому надо удовольствоваться приблизительнымъ разсчетомъ выгодъ спѣтчиковъ отдѣльно на каждую рыбу. Севрюгу и бѣлугу весеннюю продаютъ они по 1 руб. 50 коп., меженную по 1 р. 20 к., прасольную отъ 1 р. 50 к. до 2 р. пудъ, осетра весенняго по 1 р. 70 к., меженнаго по 1 р. 30 к., прасольнаго отъ 1 р. 50 к. до 3 р. пудъ. Икряная севрюга вѣситъ кругомъ 20 ф. и въ ней до 4 ф. икры. Икряный осетръ 1 пудъ и въ немъ до 8 ф. икры. Бѣлуга икряная 5 пудовъ и въ ней около пуда икры. Яловой осетръ 35 ф Цѣну весенней икры можно принять въ 10 р., меженной въ 8 и прасольной въ 12 р. пудъ. На этихъ основанiяхъ можно разсчитать выгоды или убытки, которые доставитъ спѣтчикамъ каждый изъ этихъ сортовъ рыбы, съ заключающеюся въ нихъ икрою, въ разныя времена года, что и показываетъ слѣдующая таблица:

Названiе товаровъ.	Цѣна, которую платятъ спѣтчики ловцамъ.		Цѣна, по которой продаютъ спѣтчики.		Выгоды или убытки спѣтчиковъ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Икряная севрюга весенняя	1	30	1	60	—	+30
» » межен.	1	—	1	28	—	+28
» » прасол.	1	30	1	90	—	+60
Икряной осетръ весенній	5	—	3	36	—1	64
» » межен.	3	—	2	64	—	—36
» » прасол.	5	—	4	20	—	—80
Икряная бѣлуга весенняя	15	—	16	—	+1	—
» » межен.	9	—	12	80	+3	80
» » прасол	15	—	19	—	+4	—
Яловой осетръ весенній	1	30	1	49	—	+19
» » межен.	1	—	1	14	—	+14
» » прасол.	1	30	1	97	—	+67
Вѣсовая рыба весенняя	—	86	1	50	—	+64
» » межен	—	50	1	20	—	+70
» » прасол.	—	86	1	75	—	+89

Хотя числа этой таблицы лишь приблизительно вѣрны, изъ нея однакоже можно видѣть, что, говоря вообще, барыши спѣтчика очень умѣренны, если принять въ разсчетъ, что онъ долженъ покупать соль, дѣлать издержки на устройство холодниковъ, солилъ и наемъ рабочихъ, и къ тому же заплатить пошлину, положенную съ занимаемаго имъ мѣста и съ пуда рыбы и икры. Осетръ икряной даетъ даже убытокъ, который не покроется, если мы даже примемъ, вмѣсто 8 фунтовъ, 10 ф. икры

въ рыбѣ. Но за то количество его, сравнительно съ севрюгою, очень не велико, и получаемый съ него убытокъ вознаграждается съ избыткомъ севрюгою, а — главное — вѣсовою рыбою, которая слишкомъ вдвое дороже продается, чѣмъ покупается. Вообще же наибольшій барышъ даетъ прасольная рыба, а наименьшій весенняя, ибо въ продажѣ весенняя рыба дешевле осенней, а при покупкѣ у ловцовъ за нее дается та же цѣна, что и за осеннюю; къ тому же осенью и икра дороже.

Условіе работниковъ съ ачуевскимъ откупомъ. Въ откупномъ Ачуевскомъ участкѣ существуютъ нѣкоторыя особенности въ условіяхъ съ забродчиками, заключающіяся главнѣйше въ томъ, что эти условія различны, смотря по мѣсту лова. Такъ наемъ рабочихъ изъ за постоянной платы на срокъ, или изъ доли въ добычѣ, (въ этомъ послѣднемъ случаѣ цѣна, по которой принимаетъ у нихъ откупъ рыбу), зависитъ отъ того, происходитъ ли ловъ въ морѣ, впереди, ближе къ устью Протоки, или же назади ближе къ откупной границѣ, куда конечно меньше доходитъ рыбы. Гдѣ уловы больше, тамъ продажная цѣна рыбы меньше, или даже и вовсе не допускается лова изъ доли въ добычѣ. Именно, на первой вентерной ставкѣ, т. е. ближайшей къ устью и состоящей, какъ и двѣ заднія, изъ четырехъ вентерей, поставленныхъ въ рядъ поперегъ рѣки, работники нанимаются за опредѣленную плату на сроки по добычамъ. Въ заднихъ же ставкахъ работники — добычники и сдаютъ рыбу откупу по уговорной цѣнѣ: за красную рыбу отъ 40 до 50 к., а за икру отъ 5 до 6 р. за пудъ, за фунтъ клея отъ 1 р. 50 к. с. до 6 р. асс., за тысячу сулы, которая попадается въ вентеря только осенью, по 15 р. тысяча. За доставленную по такой цѣнѣ рыбу, въ посоленномъ и приготовленномъ видѣ, вычитается, какъ обыкновенно, стоимость муки, а остатокъ дѣлится пополамъ. Цѣны эти, какъ мы видѣли, дешевле тѣхъ, которыя платятъ въ свободныхъ водахъ Черноморья, но за то конечно и уловы здѣсь значительнѣе. Такъ какъ икра съ заднихъ ставокъ приготовляется забродчиками, а съ передней свозится въ Ачуевъ, гдѣ приготовляетъ ее опытный икряникъ, получающій въ годъ 300 руб. жалованья, то эта послѣдняя икра гораздо лучше первой и продается по 15 р. и даже по 18 р. пудъ, забродческая же не дороже 10 или 12 руб. Волокушники, производящіе ловъ на принадлежащемъ откупу берегу моря, и крючники, ловящіе въ морѣ, тоже суть добычники, съ слѣдующими отличіями: крючники рыбу только ловятъ, а не приготовляютъ, что дѣлается уже въ Ачуевѣ особливыми работниками, нанятыми отъ откупа; волокушники же сами приготовляютъ сулу и 1000 сдаютъ по 20 р., тарань же сами не приготовляютъ, а отдаютъ спѣтчикамъ, въ настоящее время по 3 р. 25 к. за тысячу. Крючники, не приготовляющіе сами рыбы, получаютъ конечно за нее меньшую уговорную плату, чѣмъ вентерные добычники и волокушники.

Селявные ловцы, ловящіе осенью волокушами селяву и рыбца въ морѣ и въ рѣкѣ Протокѣ, тоже суть добычники, но получаютъ различную уговорную цѣну за доставляемую ими рыбу, смотря потому, гдѣ ловятъ. На переднемъ салѣ (такъ называются вообще мѣста удобныя для тяги неводовъ и волокушъ, какъ въ рѣкахъ, такъ въ лиманахъ и въ морѣ) получаютъ по 3 р., на второмъ по 5, а на третьемъ по 6 р. за тысячу, или собственно говоря только половину этихъ цѣнъ, такъ какъ половина рыбы всегда считается хозяйскою. Продаетъ же откупщикъ селяву отъ 15 до 30 руб. с. за тысячу соленой. Зимою при подледномъ ловѣ, когда рыба продается колодою и въ Ачуевѣ, работники получаютъ половину настоящей продажной цѣны рыбы.

Сравненіе условій найма работниковъ въ Черноморьи, на Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ. Изъ всего сказаннаго объ условіяхъ забродчиковъ съ хозяевами видно, что здѣшніе добычники, какъ въ

Ачуевѣ, такъ и на вольныхъ водахъ, участвуютъ только въ тѣхъ выгодахъ хозяина, которыя онъ получаетъ отъ количества улововъ, а не отъ продажной цѣны рыбы. Находясь, кромѣ того, въ половину на своемъ содержанiи, они не могутъ считаться настоящими паевыми ловцами, какъ бѣломорскіе покрутчики, которые получаютъ настоящій пай, т. е. долю въ выгодахъ, получаемыхъ хозяиномъ, какъ отъ величины улововъ, такъ и отъ продажной цѣны рыбы, и въ добавокъ находятся вполнѣ на хозяйскомъ содержанiи; а составляютъ нѣчто среднее между ними и астраханскими подрядными ловцами, которые также получаютъ уговорную плату, но не за половину, а за всю доставленную ими рыбу, за то и ловятъ собственными снастями и лодками и на своихъ харчахъ. Изъ этихъ трехъ родовъ работниковъ самое худшее положеніе занимаютъ конечно астраханскіе подрядные ловцы, которые, ловя на полномъ своемъ иждивеніи, получаютъ однако за свою рыбу условную плату, гораздо низшую продажной цѣны ея, единственно за то, что море, въ которомъ они ловятъ, разбито на участки, составляющіе собственность казны или частныхъ лицъ. Чье же положеніе лучше: покрутчиковъ ли на мурманскомъ берегу, или добычниковъ въ Черноморьи, — сказать трудно; ибо хотя послѣдніе получаютъ и цѣлую половину улова въ свою пользу, но за то по цѣнѣ, которую можно считать, среднимъ числомъ, почти уменьшенной на половину; а первые получаютъ четвертую долю со всего валоваго дохода отъ ихъ промысла и къ тому же безъ вычета за харчи.

В. Краткій техническій обзоръ кубанскаго рыболовства.

Краткій обзоръ употребляемыхъ орудій лова. При описаніи орудій и способовъ лова, я упомяну только о тѣхъ, которые: или представляютъ особенности, имѣющія вліяніе на самый ходъ рыбы и потому заслуживающія вниманія при обсужденіи законодательныхъ мѣръ; или составляютъ принадлежность одного Черноморья, такъ что ознакомиться съ ними необходимо для составленія яснаго понятія о здѣшнемъ рыболовствѣ.

Орудія лова, употребляемыя въ Черноморьи, весьма немногочисленны и неразнообразны. Они суть: 1—2) Невода и волокуши морскіе и лиманные. Орудія эти ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, кромѣ величины, да и эта разница неопредѣленна, ибо нельзя сказать, при какихъ именно размѣрахъ волокуша переходитъ въ неводъ. 3) Рѣчныя волокуши, употребляемыя только въ Протокѣ, преимущественно при ловѣ селявы и рыбца. Онѣ дѣлаются безъ мотни. 4) Вентеря разныхъ размѣровъ. 5) Коты. 6) Базы. 7) Плавныя сѣти, употребляемыя также только въ Протокѣ для лова шемаи и рыбца. 8) Ставныя сѣти до 50 саженъ длиною, выставляемыя только въ морѣ, преимущественно въ откупныхъ водахъ. И 9) крючныя снасти.

Вентеря. Кромѣ обыкновенныхъ вентерей, выставляемыхъ при устьяхъ небольшихъ рѣкъ и въ ерикахъ, въ Темрюцкомъ гирлѣ и въ рѣкѣ Протокѣ ставятъ вентеря громадныхъ размѣровъ. Они бываютъ обыкновенно заостренно яйцевидной формы, до 2 саженъ въ вышину, до $1\frac{1}{2}$ въ ширину и до 6 въ длину. Ставятся они заостреннымъ концомъ вверхъ; удерживаются въ должномъ положеніи посредствомъ трехъ канатовъ, (изъ которыхъ одинъ, привязанный за задній слѣпой конецъ вентеря, называется *очкурнею*) и прикрѣпляются наглухо къ вбитому въ дно колу—*стояну*. Канатъ этотъ дѣлается довольно длиннымъ, для того, чтобы,

не отвязывая вентеря, можно было вытягивать его на берегъ. Къ каждому берегу идетъ также по канату и отъ этихъ канатовъ къ каждому колу (берцу), на которыхъ растянуты крылья, по двѣ толстыя веревки, прикрѣпленныя къ верхнему и къ нижнему концамъ ихъ. Эти канаты навиваются на утвержденные на берегу, весьма простаго устройства, вороты. Берцы въ дно не вбиваются, а удерживаются въ вертикальномъ положеніи упомянутыми веревками и привязанными снизу камнями. Сѣти, натянутыя на обручи (катели) вентеря, а также и составляющія крылья, связаны изъ довольно толстыхъ бичевокъ. Вентерь съ своими крыльями не только хватаетъ отъ поверхности до дна рѣки, но къ нижнему краю ихъ придѣлываются такъ называемые подпуски, т. е. полотнища сѣти, которыя не вертикально стоятъ въ водѣ, а лежатъ по дну. Къ нижней подборѣ подпуска навѣшиваются въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, тяжелыя желѣзныя гири, (ихъ иногда замѣняетъ желѣзная цѣпь), чтобы сѣть, увлекаемая этою тяжестью, ложилась во всѣ углубленія и неровности дна, и такимъ образомъ совершенно преграждала рыбѣ возможность уходить чрезъ промежутки, которые оставались бы между дномъ и сѣтяною стѣною вентеря, безъ этой предосторожности. Это ухищреніе придумано въ Ачуевѣ, но употребляется теперь и въ Темрюкѣ. Оно возбуждаетъ негодованіе казаковъ, и управляющіе откупомъ всего болѣе стараются его скрыть, не сознаются въ немъ и какъ бы его стыдятся. Это негодованіе, по моему мнѣнію, совершенно неосновательно. Всякое орудіе лова имѣетъ своею цѣлью захватить по возможности всю рыбу, зашедшую въ тотъ кругъ, на который распространяется его дѣйствіе, и нельзя охуждать орудіе за то именно, что оно хорошо выполняетъ свое назначеніе; ибо въ противномъ случаѣ надо бы требовать, чтобы въ неводахъ и сѣтяхъ оставлялись по мѣстамъ прорѣхи, чрезъ которыя могла бы ускользать часть заловленной ими рыбы. Если только установленная законами $1/3$ рѣки остается свободною, для прохода рыбы; то нѣтъ основанія требовать, чтобы тѣ снасти, которыя ставятся на остальныхъ $2/3$, были устроены дурно и не сообразно съ своимъ прямымъ назначеніемъ.

Вынимаютъ вентеря разъ, а когда очень много рыбы, и по два раза въ сутки. Для этого ихъ вытягиваютъ, всегда вмѣстѣ съ крыльями, или на берегъ посредствомъ воротовъ, ослабивъ предварительно канатъ, идущій къ другому берегу, или на два дуба (большія лодки), подъѣзжающіе къ нему съ каждой стороны. Въ послѣднемъ случаѣ на дубахъ устраиваются вороты. Вынувъ рыбу очищаютъ, какъ самую бочку вентеря, такъ и крылья его, отъ набившихся въ нихъ сору и травы, безъ чего они не могли бы выдержать напора сильнаго теченія здѣшнихъ рѣкъ. Поэтому выниманіе вентеря и установка его занимаютъ нѣсколько часовъ.

Въ Темрюцкомъ гирлѣ, которое не шире 30 или 35 саженъ, вентеря стоятъ по одиночкѣ; въ откупномъ же участкѣ Протоки, который гораздо шире, ставятъ ихъ по четыре въ рядъ, такъ что бѣжное крыло одного вентеря сходится съ береговымъ крыломъ другаго подъ острымъ выходящимъ (обращеннымъ по теченію) угломъ; а сами бочки вентерей занимаютъ входящіе углы зигзаговидной линіи, ими образуемой. Эти соединенныя между собою крылья бываютъ не болѣе 6 саженъ длиною, и только бѣжное крыло послѣдняго вентеря вытягивается на нѣсколько десятковъ саженъ по теченію рѣки (по правилу оно должно бы быть не длиннѣе 12 саженъ). Такихъ рядовъ или ставокъ три, т. е. всего 12 вентерей. Ихъ можно считать настоящими сѣтяными заборами, съ четырьмя тайниками въ каждомъ, которые могутъ преградить рыбѣ ходъ не хуже настоящихъ заборовъ, если въ нихъ не будетъ оставлено воротъ въ $1/3$ ширины рѣки.

Коты употребляются только въ Протокѣ и замѣняютъ собою вентеря, которымъ подобны по устройству, но стоютъ гораздо дешевле ихъ, потому что дѣлаются не изъ сѣтей, натянутыхъ на обручи, а изъ дранокъ или жердей, укрѣпленныхъ въ двѣ бревенчатыя рамки: нижнюю, лежащую на днѣ, и верхнюю, находящуюся выше поверхности воды. Фигура этихъ рамокъ, а слѣдовательно и всей коты, есть правильная трапеція, задняя сторона которой, стоящая противъ теченія, немногимъ короче параллельной ея передней. Въ небольшомъ разстояніи отъ одного изъ угловъ передней стороны, какъ верхней такъ и нижней рамокъ, идетъ по косой бревенчатой перекладинѣ, укрѣпленной другимъ концомъ въ средину задней стороны рамы; а на такомъ же разстояніи отъ другаго угла передней стороны — по другой такой же перекладинѣ, упирающейся другимъ концомъ въ середину первой перекладины. Чрезъ это образуется въ передней сторонѣ каждой рамки по входящему внутрь углу, одна сторона котораго продолжена до середины задней стороны. По угламъ трапецевидныя рамки, верхняя и нижняя, соединены между собою вертикальными столбами; а между ними, какъ по тремъ цѣльнымъ сторонамъ трапеціи (двумъ боковымъ и задней) такъ и по передней, имѣющей по срединѣ вдающійся внутрь кòты уголъ, укрѣплены въ обѣ рамки, близко другъ къ другу стоящія, жерди и дранки. Когда этотъ ящикъ опускаютъ въ воду, то дно его составляетъ дно рѣки; сверху онъ открытъ; съ боковъ, сзади и спереди онъ имѣетъ стѣнки, составленныя изъ жердочекъ, какъ въ клѣткѣ; на передней стѣнкѣ имѣетъ онъ вдавшуюся внутрь усѣченную трехгранную призму, которая и служитъ горломъ этого особаго устройства вентеря. Укрѣпляютъ кòты въ водѣ посредствомъ очкурнаго каната, идущаго отъ середины задней стороны нижней рамки къ вбитому въ дно стояну. Отъ этого каната идутъ еще два другіе, къ каждому углу задней стороны верхней рамки, называемые треногами. Кромѣ этого, у каждаго угла кòты вбивается по сваѣ, къ которымъ привязываются только углы верхней рамки. Отъ кóты идутъ въ обѣ стороны такія же крылья, какъ и у вентеря. Котъ не вытаскиваютъ изъ воды во все продолженіе рыболовства а рыбу вынимаютъ изъ нихъ, взлѣзая на верхнюю рамку, посредствомъ сачковъ на длинныхъ шестахъ, или багровъ. Изъ этого описанія видно, какъ безвредна эта снасть, если крылья ея не перегораживаютъ всей рѣки и какъ неосновательно ея запрещеніе, которое впрочемъ не исполняется не только въ откупномъ участкѣ, но и выше по Протокѣ. Такихъ котъ, расположенныхъ въ промежуткахъ между тремя вентерными ставками, въ откупномъ участкѣ считается 16. Выше по Протокѣ дѣлаютъ также маленькія кóты, состоящія просто изъ воткнутыхъ въ дно кольевъ, такъ чтобы они образовали собою фигуру, подобную настоящей котѣ.

Базы. Изъ рѣки или ерика прокапываютъ въ бокъ канавку, у входа которой вбиваютъ колья или прутья угломъ, вершина котораго обращена внутрь канавки, что собственно и называется базою. Вошедшая чрезъ нее рыба выдти изъ канавки уже не можетъ. Здѣсь база служитъ горломъ, а сама канава бочкою вентеря. Иногда вырываютъ канавы пошире, у входа дѣлаютъ двойную базу въ видѣ зигзага, а такъ какъ канава слишкомъ широка, то, чтобы прямо вынимать изъ нея рыбу, въ концѣ ея ставятъ кòту. Наконецъ это устройство измѣняется еще такимъ образомъ, что канаву въ концѣ запружаютъ плотиною, въ которой оставляютъ спускъ какъ на мельницахъ. Дошедшая до спуска рыба не можетъ противиться быстротѣ теченія и увлекается имъ. Подъ спускомъ ставятъ корзинку или рѣшетчатый ящикъ, погруженный не болѣе какъ на четверть аршина въ воду, куда рыба сверху сама падаетъ и откуда легко доставать ее руками. Этими способами ловятъ только мелкую рыбу, и они могли бы почитаться вредными, если бы устраивались въ концѣ ерика или протока, но такъ какъ въ нихъ

можетъ попадать только рыба, отклонившаяся въ бокъ отъ своего пути по рѣкѣ, то они никакой преграды ходу ея не представляютъ и слѣдовательно должны считаться совершенно невинными.

Вліяніе употребительныхъ въ Черноморьи способовъ лова на сохраненіе и размноженіе рыбнаго запаса. О самихъ способахъ лова и о вліяніи ихъ на пропускъ рыбы и вообще на размноженіе ея надо замѣтить слѣдующее. Хотя употребляемые морскіе и лиманные невода достигаютъ огромныхъ размѣровъ, иногда до 1,300 саженъ въ длину; но такъ какъ на всякомъ заводѣ бываетъ въ дѣйствіи только одинъ неводъ при одномъ комплектѣ рабочихъ, то слишкомъ частыя тяги невозможны, и тѣмъ болѣе, что тѣ же работники, которые тянутъ неводъ, раздѣлываютъ и солятъ рыбу, за исключеніемъ одной тарани, которая передается сейчасъ послѣ улова спѣтчикамъ. Такое устройство заводовъ обезпечиваетъ свободный пропускъ рыбы лучше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всякія ограничивающія правила.

Крючной ловъ вдоль береговъ Черноморья производится, какъ мы видѣли, не ближе семи верстъ отъ берега. Это установлено съ тою цѣлью, чтобы, какъ колья, вбиваемыя въ морское дно для укрѣпленія порядковъ крючной снасти, (которые остаются въ морѣ и послѣ перемѣны мѣста выкидки спастей, или совершеннаго выниманія ихъ изъ моря), такъ и самые крючные порядки, не мѣшали тягѣ неводовъ. Эта далекая отъ берега выставка крючныхъ снастей, при дурномъ устройствѣ здѣшнихъ лодокъ и при непривычкѣ къ морю здѣшнихъ рыболововъ и ихъ работниковъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что послѣдніе выѣзжаютъ на переборку лишь при хорошей погодѣ и потому рыба, попавшаяся на удочки, оставаясь на ней нерѣдко долгое время, пока ее снимутъ, закачивается и умираетъ, отчего и мясо и икра въ ней портятся. Это и есть главная причина предубѣжденій противъ крючнаго лова, замѣчаемыхъ почти повсемѣстно, какъ въ Черноморьи, такъ и по остальному прибрежью Азовскаго моря, и потому ловъ этотъ въ Черноморьи мало и развитъ. Но очевидно, что это закачиваніе рыбы не составляетъ необходимаго слѣдствія самаго прочнаго лова, а зависитъ единственно отъ неопытности здѣшнихъ рыболововъ въ морскомъ дѣлѣ. Ни на Каспійскомъ морѣ, ни даже на Ледовитомъ океанѣ, рыбы никогда долго на крючкахъ не оставляютъ, потому что, при лучшемъ устройствѣ лодокъ и при большемъ искусствѣ рыбаковъ въ морскомъ плаваніи, тамъ ѣздятъ на переборку ежедневно, и только бури и дѣйствительно сильные вѣтра останавливаютъ ихъ въ этомъ. Съ недавняго времени, какъ увидимъ ниже, стали перебираться на Азовское море рыбаки, занимавшіеся прежде ловомъ въ Каспійскомъ, извѣстные здѣсь подъ общимъ именемъ астраханцевъ, они употребляютъ лодки своего устройства и свои способы лова, которые составляютъ предметъ удивленія азовскихъ рыбаковъ. Но отъ удивленія многіе перешли уже къ подражанію, и когда каспійскій способъ крючнаго лова болѣе распространится, то и здѣшняя крючная рыба также мало станетъ закачиваться, какъ и на Каспійскомъ морѣ. Слѣдовательно, никакой нѣтъ надобности стѣснять крючной ловъ, какъ въ Черноморьи, такъ и вообще на Азовскомъ морѣ изъ-за закачиванія рыбы на крючьяхъ, на что здѣсь жалуются, а надо предоставлять все это дѣло естественному ходу постепенныхъ улучшеній, которыя незамедлятъ осуществиться при примѣрѣ, поданномъ астраханцами.

Про рѣчной ловъ вентерями и вообще ставными орудіями, включая въ число ихъ и крючныя снасти, я уже имѣлъ случай сказать, что считаю его совершенно безвреднымъ, если только третья часть рѣки остается свободною для прохода рыбы. Поэтому на всемъ пространствѣ свободнаго рыболовства въ Черноморьи, гдѣ это правило строго соблюдается, узаконенія, вовсе недопускающія употребленія нѣкоторыхъ орудій ставнаго лова, кажутся мнѣ совершенно излишними. Но не въ такомъ

*

видѣ представляется это обстоятельство въ откупныхъ водахъ, гдѣ, и по правиламъ нынѣ дѣйствующимъ, слишкомъ малая часть рѣки ($^1/_5$ ширины ея) должна быть оставляема для пропуска рыбы, а на дѣлѣ и этого не соблюдается. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ либо предстоитъ надобность въ оставлени третьей доли рѣки свободною отъ всякихъ ставныхъ орудій, ибо Протока составляетъ главный проходъ красной рыбы, идущей на прѣсную воду. Совершенно тоже самое должно сказать и о волокушечномъ ловѣ рыбца и шемаи въ этой рѣкѣ.

Ловъ шемаи въ вольныхъ и откупныхъ водахъ. Въ вольномъ участкѣ Протоки, отъ откупной границы вверхъ до станицы Новонижестеблієвской, существуютъ только три или четыре сала, удобныхъ, по отлогости берега и очертанію дна, для тяги неводовъ. Желающіе заняться ловомъ шемаи, посредствомъ волокушъ, распредѣляются по этимъ саламъ и мечутъ жребій о порядкѣ, въ которомъ имъ закидывать свои волокуши. Каждый хозяинъ имѣетъ только одну волокушу и одинъ комплектъ рабочихъ, и пока первый не вытянулъ свою волокушу на берегъ и не вынулъ изъ нея рыбы, слѣдующему за нимъ не дозволяется выметывать своей волокуши, такъ что рыбѣ остается довольно времени для прохода вверхъ. Въ откупныхъ же водахъ это дѣлается совершенно иначе. Здѣсь работники, занимающіеся этимъ ловомъ, раздѣляются также на три ватаги, по числу вентерныхъ ставокъ; но каждая ватага состоитъ изъ 30 человѣкъ, т. е. втрое или вчетверо большаго числа людей, чѣмъ сколько нужно для вытягиванія рѣчной волокуши, которыхъ у каждой ватаги бываетъ по двѣ. Лишніе работники занимаются выниманіемъ рыбы изъ притянутой къ берегу волокуши, между тѣмъ какъ остальные закидываютъ уже другую, ранѣе чѣмъ первая вытянута, и это продолжается день и ночь, такъ что, во время хода шемаи, ловъ ея идетъ безпромежуточно и рѣка какъ бы перегораживается волокушами. Кромѣ этого, волокуши гораздо длиннѣе ширины рѣки и выметываются саженъ на сто по теченью, прежде чѣмъ заворачиваются къ противоположному берегу. Такой способъ лова не долженъ быть терпимъ: 1) Потому что шемая или селява, точно также какъ и красная рыба, не идетъ въ лиманы, гдѣ могла бы разойтись на большое пространство, а остается въ трубѣ рѣки, гдѣ и мечетъ икру, такъ что ее легко выловить, не допуская въ достаточномъ числѣ до метанія икры. 2) Селява — рыба цѣнная и притомъ рѣдкая, неразмножающаяся въ такихъ огромныхъ количествахъ, какъ тарань и другія породы сазановидныхъ рыбъ, хотя и она къ нимъ принадлежитъ. Это слабое размноженіе шемаи зависитъ безъ сомнѣнія отъ того, что она мечетъ икру осенью, подобно рыбамъ семожьяго семейства. Осенью вода холодна и потому развитіе мальковъ изъ икрянокъ должно происходить медленно, слѣдовательно икрянки остаются, въ теченіе долгаго времени, подверженными различнымъ вреднымъ вліяніямъ, хищности рыбъ и другихъ водяныхъ животныхъ, которыхъ очевидно гораздо легче избѣжать выведшимся уже рыбкамъ, одареннымъ съ самаго начала способностью быстраго движенія. Въ этихъ невыгодныхъ условіяхъ поздняго метанія икры заключается, по моему мнѣнію, объясненіе и того факта, что какъ шемая, такъ и большая часть видовъ семожьяго семейства не только нигдѣ не встрѣчаются въ такомъ множествѣ, какъ рыбы осетровыя, сазановидныя, окуневидныя, разныя породы сельдей, макрелей и т. п., которыя мечутъ икру въ теченіе теплаго времени года, но составляютъ еще породы мѣстныя, т. е. такія, мѣсто жительства которыхъ ограничено немногими рѣками и озерами, или небольшими участками морей, тогда какъ породы, только что поименованныхъ семействъ, занимаютъ обыкновенно все то пространство, въ которомъ они вообще способны жить, по климатическимъ условіямъ. Въ породахъ семожьихъ къ этому присоединяется еще и то, что число икрянокъ, заключающееся въ нихъ, сравнительно не велико,

по причинѣ ихъ крупности. 3) Осеннее метаніе икры селявою имѣетъ своимъ послѣдствіемъ еще то, что въ это время нельзя временно запретить рыболовства, потому что чрезъ это былъ бы прекращенъ, безъ всякой нужды, ловъ прочихъ породъ, именно тогда, когда рыба имѣетъ болѣе значительную цѣнность и вѣрный сбытъ. Посему какъ селява и рыбецъ, такъ и вообще породы рыбъ, мечущихъ икру осенью и зимою, должны быть тщательнѣе другихъ оберегаемы отъ излишняго вылова, посредствомъ узаконеній, ограничивающихъ способы употребленія направленныхъ противу нихъ орудій лова, — и именно волокушъ, въ которыя попадаются до 15,000 и даже до 20,000 штукъ разомъ, тогда какъ другимъ орудіемъ рѣчнаго лова, плавною сѣтью, не удается захватывать, при самыхъ сильныхъ уловахъ, болѣе двухъ, трехъ тысячъ штукъ. Волокушечный ловъ долженъ поэтому и въ откупномъ участкѣ производиться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ вольныхъ водахъ, т. е. длина волокушъ должна быть не болѣе половины или по крайней мѣрѣ двухъ третей ширины рѣки; на каждомъ салѣ должно быть не болѣе двухъ волокушъ съ однимъ комплектомъ рабочихъ при каждомъ; другая волокуша должна закидываться не ранѣе, какъ когда изъ первой будетъ вынута попавшаяся въ нее рыба.

Предложеніе объ искусственномъ оплодотвореніи шемаи и рыбца. Къ породамъ, мечущимъ икру осенью или зимою и притомъ въ рѣкахъ, и слѣдовательно поставленнымъ природою въ менѣе выгодныя условія относительно размноженія, чѣмъ породы, мечущія икру въ теплое время года, имѣетъ преимущественное примѣненіе искусственное оплодотвореніе, такъ какъ отъ такого оплодотворенія едва ли можно ожидать полезныхъ результатовъ въ томъ случаѣ, если цѣлью его будетъ умноженіе рыбнаго запаса вообще, не говоримъ уже въ моряхъ, но даже и въ большихъ рѣкахъ и озерахъ, гдѣ, относительно рыбъ мечущихъ икру весною и лѣтомъ, гораздо легче достигнуть желаемаго результата посредствомъ общественнаго надзора и вообще благоразумныхъ полицейскихъ охранительныхъ мѣръ. Поэтому было бы весьма полезно, если бы на Протокѣ на Терекѣ и на Курѣ было устроено по небольшому заведенію спеціально для размноженія шемаи и рыбца. Устройство и содержаніе такихъ заведеній не могутъ потребовать большихъ расходовъ, и тѣмъ болѣе, что эти заведенія могли бы вовсе не заботиться о питаніи мальковъ, что составляетъ и самую трудную и самую дорогую часть всего дѣла, а прямо пускали бы ихъ въ эти рѣки, изобильныя питательными веществами. Относительно Черноморья это было бы кажется легко сдѣлать, если бы войско, извлекающее такія значительныя выгоды отъ рыболовства, согласилось послать на свой счетъ способнаго человѣка, изъ казаковъ или молодыхъ офицеровъ, въ заведеніе г. Рѣшеткина, который, получивъ значительное пособіе отъ правительства, конечно не отказался бы принять его въ свои ученики. Посѣщеніе нѣкоторыхъ другихъ заведеній въ Финляндіи и за границей ознакомило бы посланнаго со способами искусственнаго оплодотворенія и вывода мальковъ въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ какихъ это дѣлается у г. Рѣшеткина; затѣмъ двѣ, три тысячи рублей, на первоначальное заведеніе и нѣсколько сотъ рублей на ежегодную поддержку его, вѣроятно, были бы достаточны для обезпеченія такого полезнаго предпріятія, которое по всѣмъ вѣроятіямъ чрезъ нѣсколько лѣтъ усилило бы ловъ шемаи по крайней мѣрѣ до его прежнихъ размѣровъ, — конечно при соблюденіи должныхъ охранительныхъ мѣръ.

Краткій очеркъ способовъ приготовленія рыбы. На способахъ приготовленія рыбы намъ также надо будетъ нѣсколько остановиться, потому что они представляютъ много особенностей и притомъ такихъ, которыя могутъ получить весьма полезное примѣненіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ или климатическія условія, или производство лова мелкими промышленниками затрудняютъ устройство ледниковъ.

Рыба, ловимая въ Черноморьи, отпускается въ продажу въ четырехъ видахъ: мороженою, соленою, соленою и сверхъ того еще провяленою, и наконецъ копченою. Кромѣ самой рыбы, приготовляются изъ нея еще слѣдующіе продукты: икра красной рыбы, почти исключительно паюсная, икра сулиная, называемая галаганами, икра таранья, называемая таромой, жиръ изъ внутренностей сулы, клей красной рыбы и сомовій и вязига изъ красной рыбы.

Про мороженую рыбу, которую вовсе не разрѣзываютъ и потому называютъ колодой, ничего особеннаго сказать нельзя, кромѣ того, что часто даже изъ красной рыбы не вынимаютъ икры, чтобы не портить вида. Красной рыбы въ этомъ видѣ продается вообще мало, потому что настоящаго подледнаго крючнаго лова у здѣшнихъ береговъ не бываетъ; таже рыба, которая ловится въ началѣ зимы, весьма дорого цѣнится, и особенно славится такъ называемая кучугурская рыба, съ Кучугурской *) косы, на границахъ Сладковскаго и Темрюцкаго участковъ.

Невыгодныя условія для соленія рыбы въ Черноморьи и вообще на Азовскомъ морѣ. Для хорошаго соленія рыбы, условія здѣсь вообще невыгодны. Именно: 1) при раздробленности здѣшняго лова, производимаго или временными ловцами или небольшими заводами, промышленникамъ невозможно заводить ледниковъ, ибо издержки на нихъ не окупались бы еще при небольшихъ уловахъ, на которые можетъ разсчитывать каждый отдѣльный хозяинъ. Издержки эти усилились бы еще тѣмъ, что здѣшняя рыболовная мѣстность весьма низменна и не представляетъ, подобно волжской дельтѣ, тѣхъ бугровъ, въ которыхъ выкопаны почти всѣ тамошніе ледники. Здѣсь нужно бы ихъ было наваливать искусственно. На пространствѣ Черноморья существуютъ поэтому, сколько мнѣ извѣстно, только два ледника: одинъ въ Ачуевѣ, а другой на косѣ Камышеватой, у одного тамошняго заводохозяина и спѣтчика; но эти ледники ничего не имѣютъ общаго съ громадными и можно сказать монументальными ледниками астраханскими. Это — простые камышевые шалаши надъ наполненными льдомъ ямами, въ родѣ тѣхъ, которые дѣлаются небогатыми помѣщиками и крестьянами для домашняго обихода. Они предназначены единственно для сохраненія самаго дорогаго продукта — икры. 2) Если лѣтніе жары здѣсь и не сильнѣе астраханскихъ, то теплое время года во всякомъ случаѣ продолжительнѣе. И въ 3) употребляемая здѣсь соль, не только добываемая изъ соляныхъ озеръ Черноморья, которая такъ грязна, что безъ промывки не можетъ идти въ дѣло, но даже и крымская, качествомъ своимъ хуже астраханской, — особенно элтонской, употребляемой тамъ для приготовленія икры. Эти невыгодныя условія имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что здѣшняя икра, даже ачуевская, хуже астраханской, ибо имѣетъ горьковатый вкусъ, зависящій едва ли не отъ свойствъ здѣшней соли. Впрочемъ про здѣшнюю икру говорятъ также, что она слишкомъ жирна и потому не можетъ такъ долго держаться, какъ астраханская. Въ Ачуевѣ намъ сказывали, что были дѣлаемы опыты приготовленія икры съ лучшими сортами соли, какова илецкая, и что все-таки она не могла сравняться въ своихъ качествахъ съ лучшею астраханскою и цѣнилась по крайней мѣрѣ 5 или 6 р. за пудъ дешевле ея. Худшему качеству икры содѣйствуетъ еще и то, что даже въ Ачуевѣ малосольную осеннюю икру протираютъ въ тузлукъ, а не мѣшаютъ съ сухою истолченною въ мелкій порошокъ солью, какъ это дѣлается для лучшихъ сортовъ въ Астрахани.

---

*) Кучугурами называются ледяныя торосы, или груды льда, образующіяся отъ нагроможденія льдинъ, наносимыхъ другъ на друга морскими теченіями.

Средства, которыми невыгодныя условія соленія устраняются. Но если здѣшняя икра и хуже астраханской, отъ чего бы это ни зависѣло, то самая соленая рыба не только не уступаетъ, но нерѣдко даже превосходитъ своими достоинствами астраханскую. Такого неожиданнаго результата достигаютъ здѣсь тремя средствами: 1) Особливымъ способомъ рѣзки. 2) Тщательною промывкою рыбы передъ посоломъ. 3) Употребленіемъ на соленіе каждый разъ свѣжей соли, при чемъ старый тузлукъ или разсолъ совершенно выливаютъ прочь. Это послѣднее средство употребляютъ впрочемъ, къ сожалѣнію, не всегда и не вездѣ. Но при одновременномъ употребленіи всѣхъ этихъ трехъ средствъ можно смѣло обходиться безъ дорого стоящихъ ледниковъ и быть увѣреннымъ, что рыба выйдетъ лучшаго качества, чѣмъ безъ нихъ при ледникахъ. Конечно посолъ въ ледникахъ съ соблюденіемъ указанныхъ предосторожностей дастъ еще лучшія результаты; но для простыхъ сортовъ рыбы это слишкомъ увеличило бы издержки, и потому ледники могутъ почитаться для нихъ излишними, даже при такомъ тепломъ климатѣ, какой имѣетъ Черноморія.

Особенности въ размѣрѣ и приготовленіи рыбы. Особенности въ разрѣзкѣ рыбы имѣютъ своею цѣлью то, чтобы соль лучше проникала въ самые толстые слои мяса. Они различны по различнммъ сортамъ рыбы, именно:

а) *Красная рыба.* Красную рыбу въ меженное время распластываютъ не по брюху, а по спинѣ; съ внутренней стороны дѣлаютъ три продольныхъ, параллельныхъ между собою, надрѣза до самой кожи: одинъ вдоль хребетнаго столба, дабы вынуть вязигу, и по одному съ каждой стороны его. Такимъ образомъ приготовленная рыба называется *прутованною.* Внутрь Россіи она вовсе нейдетъ, а отправляется обыкновенно на Кавказскую линію. Весною и осенью дѣлаютъ только одинъ средній надрѣзъ, и тогда рыба называется *однорѣзкою.* Для Россіи приготовляютъ однорѣзку и лѣтомъ, но тогда дѣлаютъ въ ней такъ называемые *карманы,* т. е. отдѣляютъ мясо отъ кожи съ каждой стороны спиннаго хребта на пространствѣ нѣсколькихъ вершковъ, такъ что между мясомъ и кожею можно свободно просунуть руку; карманы эти набиваютъ солью. Входъ въ эти карманы со стороны хребта; и съ каждаго бока бываетъ ихъ отъ двухъ до четырехъ. Большая часть красной рыбы, тѣмъ или другимъ способомъ разрѣзанной, просто солится, причемъ употребляютъ на пудъ рыбы отъ 10 ф. соли осенью и до 20 ф. лѣтомъ и весною. Кромѣ этого, раннею весною приготовляютъ балыки, т. е. продержавъ рыбу 12-ть дней въ соли, провяливаютъ ее подъ навѣсомъ въ тѣни. Мелкую рыбу, отрубивъ ей голову, разрѣзаютъ вдоль на двѣ части, такъ что въ одной остается спина; а въ другой тешка съ боками. Крупную же рѣжутъ на 6 частей: спину тешку и бока, каждый изъ которыхъ разрѣзаютъ продольно на двѣ части. Балыки въ Черноморьи вообще дурны, потому что рыба идетъ къ здѣшнимъ берегамъ не ранѣе апрѣля, когда уже слишкомъ жарко, почему балыки и выходятъ сухи, если рыба не велика и круто просолилась; крупная же рыба обыкновенно принимаетъ нѣсколько тухлый запахъ. Хорошіе балыки могутъ быть только тамъ, гдѣ они приготовлены изъ рыбы ранняго февральскаго или мартовскаго улова.

б) *Сула.* Сулу, смотря по времени года, мѣсту назначенія и величинѣ, приготовляютъ тремя различными манерами: балыкомъ, отивнякомъ и просольною сулою. У просольной сулы только пропарываютъ брюхо, чтобы вынуть внутренности, и разрубаютъ голову такъ, чтобы обѣ половинки держались вмѣстѣ на однѣхъ челюстяхъ. Ее только солятъ, не провяливая послѣ этого. Вся же остальная сула, послѣ того какъ она хорошо просолится, еще сушится точно такъ какъ тресковый клипфискъ. Также

поступаютъ съ сулою и въ Астрахани; но тамъ у ней пропарываютъ только брюхо, вынимаютъ внутренности и, давъ просолиться, развѣшиваютъ на вѣшала. Здѣсь же такимъ образомъ поступаютъ лишь съ мелкою сулою — недомѣркомъ, называемымъ или боковнею, если имѣетъ отъ глаза до третьяго отъ хвоста позвонка семь и шесть вершковъ, или чапомъ, если имѣетъ не болѣе пяти вершковъ. Просолившуюся боковню и чапъ связываютъ попарно на веревку, обыкновенно витую изъ мочалъ, и развѣшиваютъ на вѣшала. Веревка эта называется отивою, отчего и рыбу называютъ отивнякомъ. Для лучшей просолки дѣлаютъ и у отивняка снаружи два или три поперечныхъ и нѣсколько вкось идущихъ надрѣзовъ съ каждой стороны. Мѣрную сулу, т. е. имѣющую въ весеннее время девять, а въ лѣтнее восемь вершковъ отъ глаза до третьяго отъ хвоста позвонка *), которая и составляетъ почти всю массу отпускаемой изъ Черноморья рыбы этой породы, приготовляютъ балыкомъ, раздѣлывая совершенно иначе. Распластавъ ее по спинѣ во всю длину, такъ чтобы хребетная кость оставалась въ одной половинкѣ, ту половинку, которая толще, разрѣзаютъ еще на два пласта параллельно ребрамъ, ведя ножъ отъ брюха къ спинѣ. Такимъ образомъ мясо раздѣляется на три слоя, которые развертываются въ одну плоскость: первый, соотвѣтствующій цѣлой половинѣ рыбы, покрытъ съ одной стороны, положимъ—съ нижней, кожею и соединяется брюхомъ со вторымъ внутреннимъ слоемъ, на которомъ кожи вовсе нѣтъ, а этотъ соединяется спиною съ третьимъ, который будетъ имѣть кожу съ верхней стороны. Очевидно, что это чрезвычайно облегчаетъ какъ просолку мяса, такъ еще болѣе просушку его; и если только было положено достаточно соли и тузлукъ былъ свѣжъ, то эта сула никакого запаха не имѣетъ и у хребетной кости никогда не заводится червей, какъ это нерѣдко бываетъ въ Астрахани. Эту сулу никогда не развѣшиваютъ для сушки на вѣшала, а раскладываютъ на разостланный сухой тростникъ, чтобы соль не стекала внизъ, а оставалась равномѣрно распредѣленною по всему тѣлу. Однакоже, по причинѣ низменности кубанской дельты, особливо въ Сладковскомъ участкѣ и на Ачуевской косѣ, подверженнымъ наводненіямъ, это имѣетъ и свои неудобства, для устраненія которыхъ принимаются слѣдующія мѣры. Въ Ачуевѣ дѣлаютъ досчатую ограду; какъ бы ящикъ, и насыпаютъ въ нее черепашки, т. е. створокъ двустворчатыхъ раковинъ, изъ которыхъ почти исключительно состоятъ здѣшія косы, и сулу растилаютъ на эти возвышенія, чтобы ее не могло подмочить въ случаѣ наводненія. На Сладкомъ, гдѣ, по большому количеству приготовляемой сулы, слишкомъ затруднительно бы было дѣлать такіе насыпи, каждый заводъ окапывается рвомъ съ валомъ. Когда вода начнетъ подниматься, то пока она станетъ въ уровень съ валомъ, можно успѣть убрать, разостланную для сушки, рыбу. Не смотря на эти предосторожности, рыба въ сырыхъ мѣстностяхъ выходитъ всегда худшаго качества, нежели въ болѣе возвышенныхъ.

Соли кладутъ на тысячу сулы, вѣсъ которой измѣняется отъ 79 до 110 пудовъ, отъ 25 до 35 пудовъ. При этомъ однако поступаютъ такъ, что при первомъ засолѣ кладутъ до 40 пудовъ соли, а когда вынутъ первую рыбу и кладутъ новую въ тѣже чаны (или комяги), въ которыхъ разсолъ остается, то уменьшаютъ постепенно количество прибавляемой соли до 20 пудовъ на тысячу сулы.

По способу приготовленія балыкомъ здѣшняя сула, какъ уже замѣчено, совершенно подобна норвежскому клипфиксу, дѣлаемому изъ трески. Такъ какъ этотъ послѣдній идетъ отчасти въ Испанію и Италію, то весьма вѣроятно что наша сула могла бы въ этихъ странахъ съ нимъ соперничать, и по-

*) Въ иныхъ мѣстахъ, для сулы считаютъ всегда восемь вершковъ, но не до третьяго, а до втораго позвонка.

тому было бы весьма интересно, если бы небольшой грузъ сулы былъ въ видѣ опыта доставленъ въ порты южной Европы. Быть можетъ, такимъ образомъ открылся бы новый сбытъ для нашихъ рыбныхъ товаровъ, которые въ годы изобильныхъ улововъ нерѣдко терпятъ совершенный застой. Вообще очень жаль, что наши рыбные продукты, и именно самые простые изъ нихъ, а не предметы роскоши, какъ напримѣръ икра, сколько мнѣ извѣстно, ни разу не были выставлены на всемірныхъ выставкахъ.

Съ коропомъ обходятся точно также какъ съ сулою, только кладутъ, сообразно съ большею величиною рыбы, до 60 и до 70 пудовъ соли на тысячу.

в) *Тарань.* Тарань раздѣлываютъ тремя разными способами: *копченкой, карбовкой и молдаванкой.* Копченку не разрѣзаютъ вовсе, а какъ есть, цѣликомъ, кладутъ въ соль, употребляя отъ 6 до 10 пудовъ на тысячу рыбъ. Ее приготовляютъ только въ холодное время года и отпускаютъ преимущественно въ Малороссію. Она долго лежать не можетъ,—не долѣе августа мѣсяца того же года, въ который была поймана. Иногда ее, кромѣ просушки, не много прокапчиваютъ болѣе для цвѣта, при чемъ топливомъ служитъ кизякъ. *У карбовки* или *рѣзанки* распарываютъ брюхо, вынимаютъ внутренности и дѣлаютъ съ наружи два или три надрѣза (карбуютъ), какъ на сулѣ, приготовляемой отивнякомъ. На тысячу ея кладутъ не болѣе трехъ пудовъ соли: не смотря на это, рыба хорошо держится до слѣдующаго года. Идетъ она преимущественно въ югозападныя губерніи. Оба эти сорта тарани связываютъ, когда они достаточно просолятся, пучками отъ 10 до 15 штукъ и просушиваютъ на вѣшалахъ, устроенныхъ въ видѣ крыши со стропилами и называемыхъ бугунами. На стропила кладутъ иногда, для сохраненія мѣста, поперечныя жерди: но въ сырыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Ачуевѣ, слишкомъ тѣсно новѣшанную рыбу не достаточно продуваетъ, и потому, когда хотятъ имѣть хорошую рыбу, этихъ перекладинъ не употребляютъ. Всего хуже солятъ и сушатъ тарань въ Сладковскомъ участкѣ, гдѣ изобиліе рыбы заставляетъ спѣшить работою и экономить солью, такъ что сладковцевъ дразнятъ, что они у своей рыбы только натираютъ глаза кусочкомъ соли.

Молдаванку, которую обыкновенно приготовляютъ сами, пріѣзжающіе за рыбою изъ Молдавіи и Валахіи, русскіе, не провяливаютъ, а только солятъ, такъ какъ въ дунайскихъ княжествахъ сушеной рыбы не употребляютъ, соленую же поджариваютъ на угольяхъ и за тѣмъ опускаютъ въ холодную воду, чтобы она нѣсколько вымокла. Рыбу разрѣзаютъ по брюху и набиваютъ солью, но для сохраненія въ ней жира не вынимаютъ внутренностей. Кромѣ того, дѣлаютъ еще изнутри, съ одной стороны хребетнаго столба, продольный разрѣзъ, который прорѣзываетъ мясо и ребра, но останавливается у кожи. Давъ рыбѣ нѣсколько времени пролежать въ разсолѣ, который она изъ себя пускаетъ, ее грузятъ на суда, и при нагрузкѣ еще дополняютъ брюхо солью, да сверхъ того пересыпаютъ солью ряды рыбы. Сколько идетъ соли на тысячу молдаванокъ, сказать съ точностью нельзя, но засолъ очень сильный, и онъ хорошо сохраняетъ рыбу, несмотря на оставленіе въ ней внутренностей.

г) *Сомъ.* Всего болѣе особенностей въ приготовленіи сома. Прежде и здѣсь, какъ въ Астрахани и на Курѣ, брали отъ сома одинъ плесъ, отрубая брюхо и голову, какъ негодныя на употребленіе. Такимъ образомъ чисто отъ предразсудка терялась половина рыбы, да и то, что шло въ дѣло, продавалось по очень дешевой цѣнѣ, не дороже 20 и 25 к. пудъ. Уже послѣ восточной войны стали пріѣзжать сюда русскіе изъ Молдавіи и Валахіи, покупать рыбу сырьемъ и приготовлять ее, сообразно съ потребностями своего рынка. Тогда и мѣстные промышленники начали приготовлять сома по молдавански. Черезъ это цѣна на сома увеличилась чрезвычайно. Не далѣе какъ три четыре года тому

назадъ брали не болѣе 60 р. с. за тысячу, а нынѣ продаютъ сыраго по 40, а соленаго по 70 к. пудъ, или по 120 и 210 руб. тысячу, т. е. въ два и три съ половиною раза дороже; а если принять во вниманіе, что теперь продаютъ не одинъ плесъ, а всего сома,—то отъ четырехъ до семи разъ дороже прежняго. Впрочемъ это улучшеніе въ сбытѣ сома относится, къ сожалѣнію, почти исключительно къ одному Темрюцкому участку, въ другихъ же мѣстахъ Черноморья оно было только косвенное; именно: когда изъ южнаго участка пересталъ идти сомъ въ Россію, цѣны на него нѣсколько улучшились въ Ачуевѣ и вообще въ сѣверныхъ участкахъ. Приготовленіе, или—точнѣе сказать—разрѣзка сома, для дунайскихъ княжествъ, бываетъ двоякое: въ *панъ* и въ *йипракъ*. При приготовленіи въ панъ, который считается дороже, вырѣзаютъ вдоль всего сома пластину, внутри которой заключается хребетный столбъ; сверху ограничиваютъ ея спинной, а снизу заднепроходный плавники. Чрезъ это сомъ разрѣзается на три пластины: среднюю, которая и называется *паномъ*, и двѣ боковыя. Панъ остается неразрѣзаннымъ отъ самой оконечности рыла до хвоста включительно, боковыя же разрѣзаются поперегъ обыкновенно на двѣ части, изъ коихъ одна соотвѣтствуетъ стѣнкамъ плеса, а другая стѣнкамъ брюха и бокамъ головы; первая называется *джвигуръ*, а вторая *джухъ*. Если сомъ очень великъ, то джвигурь раздѣляютъ еще на двое, такъ что всѣхъ частей будетъ семь. Съ внутренней стороны джвигуря и джуха прорѣзаютъ мясо почти до кожи параллельными надрѣзами, отстоящими другъ отъ друга не болѣе, какъ на полвершка, или на дюймъ. На панѣ же надрѣзовъ никакихъ не дѣлаютъ, такъ какъ толщина его менѣе вершка. Для хорошаго сбыта и полной цѣны такимъ образомъ приготовленнаго сома надо, чтобы всѣ эти части складывались въ цѣльную рыбу, почему ихъ и укладываютъ въ солила такъ, чтобы не перепутать разныхъ рыбъ между собою. Йипракъ приготовляютъ проще, и на него идутъ только рыбы меньшей величины. Отъ головы отрубаютъ только оконечность рыла (концы челюстей, покрытые губами), затѣмъ распластываютъ всего сома, какъ по брюху, такъ и по хвосту, на двѣ половины, которыя держатся вмѣстѣ спиной, и надрѣзываютъ ихъ точно также какъ джвигурь и джухъ. Какъ на панъ, такъ и на йипракъ идетъ очень много соли. Они лежатъ въ солилахъ совершенно покрытые разсоломъ, и, чтобы рыба въ него тонула, ее нагружаютъ каменьями. При такомъ способѣ раздѣлки, несмотря на жирность сома, отсутствіе ледниковъ и сильные лѣтніе жары, ибо сомы ловятся преимущественно въ концѣ іюня, въ іюлѣ и въ началѣ августа, рыба превосходно просаливается. Мы осматривали у Темрюка нѣсколько комягъ съ сомомъ, которыя стояли на солнцѣ, прикрытыя только камышемъ; разсолъ былъ въ нихъ совершенно прозраченъ, и рыба не имѣла ни малѣйшаго запаха. Весьма желательно, чтобы этотъ способъ приготовленія сома былъ принятъ въ Астрахани и особенно на Курѣ. Въ Россіи низшія сословія и вообще охотники до жирной пищи очень любятъ сома, и многіе предпочитаютъ его въ пирогахъ даже красной рыбѣ; поэтому нѣтъ сомнѣнія, что если бы только удалось побѣдить предразсудокъ употреблять въ пищу одинъ плесъ, то въ сбытѣ этой рыбы не было бы затрудненія. Въ Астрахани не пропадала бы половина рыбы по пустому, а на Курѣ, гдѣ, по неумѣнію солить сома, говорятъ, что лѣтомъ его соль не беретъ, самый ловъ его могъ бы значительно увеличиться, ибо теперь онъ производится только въ зимніе мѣсяцы; лѣтомъ же или его вовсе не ловятъ, или вынимаютъ одинъ лишь клей, такъ что, при своей алчности, онъ только напрасно пожираетъ огромное количество другой рыбы. Я уже писалъ объ этомъ предметѣ въ Астрахань къ одному изъ просвѣщеннѣйшихъ тамошнихъ промышленниковъ, г. Кожевникову, который всегда готовъ на разныя улучшенія и нововведенія, обѣщающія хотя нѣкоторое развитіе рыбному промыслу.

Вымочка рыбы передъ посоломъ. Кромѣ этихъ особенностей въ разрѣзкѣ, хорошимъ качествамъ здѣшней соленой рыбы содѣйствуетъ обыкновеніе мочить ее передъ посоломъ. На каждомъ заводѣ устроены для этого на колесахъ деревянныя рамки, въ которыхъ натянутъ холстъ. Сюда накладываютъ разрѣзанную рыбу и вывозятъ въ море или въ лиманъ, гдѣ оставляютъ часовъ семь или восемь, чтобы вся кровь вытекла изъ рыбы. Этому моченію не подвергаются только тарань копченка, такъ какъ она не разрѣзывается, и красная рыба, которую какъ и на Каспійскомъ морѣ, мочатъ не до, а послѣ соленія, передъ отпускомъ въ продажу.

Употребленіе свѣжаго тузлука. О хорошемъ вліяніи неупотребленія стараго тузлука на посолъ рыбы распространяться нечего, такъ какъ это понятно само собою. Сомъ, посоленный по молдаванскому способу, и неимѣвшій ни малѣйшаго запаха, лежалъ въ совершенно свѣжемъ тузлукѣ. Но самый лучшій примѣръ того, какіе блестящіе результаты получаются отъ употребленія всякій разъ новой соли на посолъ рыбы, видѣлъ я не въ Черноморьи, а на Обиточной косѣ, гдѣ промышленникъ, производившій ловъ красной рыбы на оконечности ея, вынимая изъ солилъ готовую рыбу, всякій разъ выливалъ изъ нихъ и разсолъ, (хотя, по обыкновеннымъ понятіямъ рыбаковъ, такой разсолъ еще былъ очень хорошъ), и, вымывъ чаны, солилъ рыбу новою солью. Этою чистотою достигъ онъ того, что въ его холодникѣ не чувствуешь и признаковъ того зловонія, которое вездѣ составляетъ какъ бы нѣчто нераздѣльное съ рыбосельнымъ заведеніемъ, и чего не достигаютъ въ Астрахани даже дорого стоющими ледниками.

Такимъ образомъ примѣръ Черноморья и вообще азовскаго прибрежья показываетъ намъ, что, при соблюденіи должной чистоты, хорошихъ способовъ раздѣлки рыбы, а—главное—при неупотребленіи стараго тузлука, можно довести соленіе рыбы до желаемаго совершенства, даже и безъ ледниковъ, и что нечего опасаться ухудшеній въ качествѣ рыбы при переходѣ рыбной промышленности отъ большихъ владѣльцевъ и откупщиковъ въ руки мелкихъ вольныхъ промышленниковъ, — результатъ, нелишенный интереса въ виду тѣхъ измѣненій, которыя должны произойти въ непродолжительномъ времени въ рыбной промышленности сѣверной и сѣверо-западной частей Каспійскаго моря.

Дурное приготовленіе шемаи. Но если сомъ, сула, мелкая, а отчасти даже и красная рыба, приготовляются въ Черноморьи и вообще по берегамъ Азовскаго моря не хуже, а мѣстами и лучше, чѣмъ на Каспійскомъ, то нельзя сказать того же о приготовленіи шемаи, которую здѣсь только портятъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что уловъ этой превосходной рыбы въ Черноморьи въ нѣсколько кратъ превосходитъ уловъ каспійской. Отъ дурнаго приготовленія, цѣна шемаи здѣсь по крайней мѣрѣ въ половину ниже мѣстной цѣны ея на Курѣ; именно, вмѣсто 50 или 60 р. тысяча, здѣсь не продаютъ ее дороже 25 или 30 р. Говорятъ, что въ 1863 году, когда ея было много, продавали даже по 15 р. тысячу, а такъ какъ въ Черноморьи (включая и Ачуевъ) ловятъ отъ одного до двухъ милліоновъ этой рыбы, то оно лишается ежегодно отъ 25,000 до 60,000 р. с. Шемаю или селяву рѣдко коптятъ на мѣстѣ. Когда Ачуевъ былъ въ содержаніи у Посполитаки, то тамъ дѣлали опыты копченія, но нашли дѣло невыгоднымъ; вѣроятно по недостатку дровъ, и теперь ее здѣсь только солятъ; соленую же везутъ въ Ростовъ и тамъ коптятъ на своихъ коптильняхъ, или продаютъ соленою, а коптятъ ее уже покупщики. Дурное качество той рыбы зависитъ какъ отъ соленія, такъ и отъ копченія ея. Не только мелкіе ловцы, промышляющіе ее на Протокѣ выше откупной границы, но и самъ откупъ, не солятъ отдѣльно каждаго улова, а все складываютъ въ одну или въ нѣсколько большихъ комягъ. Отъ этого

*

случается, что попавшая внизъ лежитъ въ соли недѣли двѣ, а верхняя только нѣсколько дней. Часть рыбы можетъ поэтому прямо идти на копченье, другую же надо вымачивать, такъ какъ для копченья она не должна быть очень солона, и вымачивать притомъ не равномѣрно, а другую меньше. Хотя старательные хозяева и стараются отбивать ее на сорта, чтобы одни подвергать большей, а другіе меньшей вымочкѣ, но аккуратно выполнить этого невозможно, и изъ иной рыбы вымокаетъ вся соль и рыба портится. Если бы употреблять малыя посуды для соленія отдѣльно залова каждаго дня, то легко бы можно устранить эту порчу рыбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ напраснаго труда вымачивать ее. Дурная сторона копченія заключается въ томъ, что къ опилкамъ, которыя здѣсь жгутъ для этой цѣли (что имѣетъ своего рода удобство, потому что они тлѣютъ, а не горятъ, и потому даютъ много дыму), примѣшиваютъ очень часто, въ видахъ самой пустой экономіи, кизякъ, отъ котораго рыба получаетъ непріятные запахъ и вкусъ.

Галаганы и тарома. Изъ спеціальныхъ продуктовъ Черноморья и Азовскаго моря вообще, надо еще упомянуть о галаганахъ и таромѣ. Подъ первыми разумѣютъ сулиную икру, посоленную прямо, въ ястыкахъ или яичникахъ, въ которыхъ она заключается въ рыбѣ, называемыхъ, (здѣсь ли только, или вообще по малороссійски), галаганами. Они имѣютъ большій сбытъ въ Грецію и Турцію, такъ что, еще въ бытность нашу въ Астрахани, уже здѣшней сулиной икры не доставало, и покупающіе ее греки пробрались на Волгу, гдѣ имъ за весьма дешевую цѣну уступили этотъ продуктъ, прежде вовсе не употреблявшійся, а, или бросавшійся совершенно безъ пользы, или шедшій на кормъ домашней птицѣ. Тарома, или таранья икра, не заключена въ довольно крѣпкихъ мѣшечкахъ ястыкахъ, чтобы ее можно было прямо въ нихъ солить; поэтому ее выпускаютъ въ боченки и солятъ въ нихъ. Она также идетъ исключительно въ Грецію и Турцію. Во время каспійской экспедиціи ничего подобнаго этому въ Астрахани не приготовлялось; но когда я былъ тамъ въ 1862 году, то видѣлъ, что и на Волгѣ стали такъ приготовлять икру лещовую, которую солили прямо въ лодкахъ, гдѣ издали она совершенно имѣла видъ кучами наваленной глины, за что я ее сначала и принялъ. Въ Черноморьи есть еще дешевый сортъ севрюжей икры, приготовляемый изъ закачавшейся на крючьяхъ рыбы. Ее не пробиваютъ, такъ какъ для этого она слишкомъ мягка, а солятъ какъ галаганы, въ ястыкахъ, называемыхъ здѣсь пирогами. Эта икра также идетъ въ Турцію и Грецію.

Садки для сохраненія рыбы. Къ числу способовъ приготовленія рыбы надо причислить, въ нѣкоторомъ отношеніи, и садки, въ которыхъ сохраняютъ пойманную въ лѣтнее время рыбу, съ тѣмъ, чтобы продать ее зимою, когда она не требуетъ посола и дороже цѣнится, или по крайней мѣрѣ осенью, когда цѣна на нее тоже выше, хотя и не въ такой степени. Этотъ чрезвычайно экономическій и разумный способъ увеличивать цѣнность продуктовъ рыболовства всего болѣе, по климатическимъ и другимъ причинамъ, развитъ на Уралѣ, гдѣ (см. описаніе уральскаго рыболовства III т. «Изслѣдованій») ловъ такъ распредѣленъ, что сама рѣка до уральскаго учуга обращается въ настоящій садокъ, предназначаемый къ вылову частью осенью, а частью зимою. На Волгѣ этотъ способъ сохраненія рыбы также весьма употребителенъ: частію оставляютъ цѣлые рукава рѣки нетронутыми въ теченіе лѣта, дабы воспользоваться ими осенью и зимою, плавнею или громкою; частію же выловленную уже рыбу пускаютъ въ садки, состоящіе или изъ отгороженныхъ пространствъ въ рѣкѣ, или изъ небольшихъ озеръ и рѣчныхъ заливовъ, откуда ее вылавливаютъ зимою. Въ Черноморьи садки, къ сожалѣнію, весьма малоупотребительны. Прежде существовали они въ Ачуевѣ, но при разореніи непріятелемъ ачуевскаго

завода во время войны, и они были разрушены и съ тѣхъ поръ не возобновлялись. Другаго рода садки были въ употребленіи на Долгой косѣ. Въ той части этой косы, которая вдается узкимъ языкомъ въ море, существуютъ (какъ и въ большей части другихъ косъ) лиманы, отдѣленные отъ моря однимъ или нѣсколькими песчанными валами. Въ эти резервуары, въ которые свѣжая морская вода просачивается сквозь отгораживающія ихъ естественныя плотины, прежде сажали пойманную лѣтомъ красную рыбу; но однажды плотины эти или валы были прорваны во время бури, и вмѣстѣ съ нахлынувшею въ лиманъ водою зашли сюда зародыши чужеядныхъ ракообразныхъ животныхъ—такъ называемыхъ лерней, которые, выростая, теряютъ органы движенія и присасываются къ разнымъ частямъ—преимущественно же къ жабрамъ—рыбъ, на которыхъ и висятъ на подобіе подвѣсокъ или серегъ, почему и извѣстны рыбакамъ подъ именемъ сережекъ. Число этихъ паразитовъ, послѣ прорыва плотины, до того размножилось въ лиманѣ, что сажаемыя въ него рыбы стали умирать, почему и должны были здѣсь отказаться отъ выгодъ, предоставляемыхъ этими естественными садками. Только въ 1864 году одинъ изъ долженскихъ промышленниковъ, г. Ильяшенко, устроилъ на этой же косѣ искусственный садокъ, выкопавъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря въ широкой еще части косы, гдѣ валы выше и слѣдовательно менѣе можно опасаться прорыва, — четыреугольную сажалку. Вода въ нее просачивается изъ моря, почему уровень ея не понижается и она сохраняетъ нужную свѣжесть. Достигъ ли этотъ опытъ полнаго успѣха, мнѣ пока неизвѣстно, но 29-го іюня 1864 года, когда мы посѣщали косу Долгую, рыбы, пущенныя въ эту сажалку 9-го мая (все однако же не икрянныя), очень хорошо въ ней жили и въ теченіе двухъ почти мѣсяцевъ ни одной изъ нихъ не издохло.

Какъ важенъ былъ бы успѣхъ этого опыта, видно изъ слѣдующаго разсчета. Пудъ соленой севрюги въ меженное время продается не дороже 1 р. 20 к. с. (см. выше стр. 139), но изъ пуда свѣжей рыбы выходитъ не болѣе полупуда соленой (ибо она выпотрашивается и соль извлекаетъ изъ нея влажность, которая и образуетъ тузлукъ), да на пудъ свѣжей рыбы надо употребить не менѣе полупуда соли, которая съ доставкою обходится около 30 к. пудъ. Слѣд. пудъ пойманной рыбы, проданной въ соленомъ видѣ, дастъ не болѣе 45 к. выгоды, и то еще далеко не чистой, ибо мы не считали ни платы рабочимъ, ни другихъ издержекъ производства, такъ что дѣйствительно барыша едва ли останется и 30 к. Если же рыбу продать мороженою, которую вовсе не потрошатъ, то за пудъ ея можно получить отъ двухъ до трехъ рублей.

д. Статистика Кубанскаго рыболовства.

Чтобы окончить описаніе рыболовства въ Черноморьи, мнѣ остается только сообщить статистическія свѣдѣнія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, (о количествѣ улововъ, о цѣнѣ и мѣстахъ сбыта рыбы), которыя намъ удалось собрать.

Невѣрность оффиціальныхъ свѣдѣній о количествѣ улововъ въ Ачуевѣ. Свѣдѣнія о количествѣ улововъ въ водахъ Кубанскаго войска имѣютъ совершенно различный источникъ для ачуевскаго откупнаго участка, и для прочихъ находящихся, во владѣніи войска, водъ. Первыя доставляются отъ откуп-

щика въ войсковое правленіе еженедѣльно, или по крайней мѣрѣ ежемѣсячно. При ватажномъ производствѣ лова, всему ведется здѣсь точная отчетность, и свѣдѣнія эти могли бы быть абсолютно вѣрными, если бы интересы откупщика не заставляли его уменьшать своихъ показаній объ уловахъ. Эта невѣрность свѣдѣній нисколько не устраняется тѣмъ, что въ Ачуевѣ находится назначаемый отъ войска смотритель, на обязанности котораго, между прочимъ, лежитъ и записываніе ежедневныхъ улововъ. Само собою разумѣется, что этотъ смотритель, даже и при самомъ ревностномъ и добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, не имѣетъ возможности получать свѣдѣній иначе, какъ чрезъ посредство управляющаго откупомъ, и потому смотрительскіе ежедневные отчеты улововъ сходятся единица въ единицу съ тѣми, которые доставляютъ сами откупщики въ недѣльные или мѣсячные сроки. Вѣрныя свѣдѣнія о величинѣ улововъ въ Ачуевскихъ водахъ можно, поэтому, имѣть только чрезъ самихъ прикащиковъ или управляющихъ этими промыслами, если бы эти лица согласились показать подлинные счеты. Но этого, къ сожалѣнію, можно достигнуть лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, потому что управляющій, нынѣ завѣдывающій промыслами, боясь отвѣтственности передъ своимъ хозяиномъ, на это никогда не согласится; прежніе же управляющіе по большей части не сохранили у себя старыхъ счетовъ, а которые и сохранили кое-что и согласились сообщить свои свѣдѣнія, тѣ могли сообщить мнѣ все же не подлинные счеты, а лишь краткія замѣтки о количествѣ проданной рыбы, какія у нихъ остались. За то такія неполныя свѣдѣнія можно считать по крайней мѣрѣ приблизительно вѣрными.

Величина ачуевскихъ улововъ по частнымъ и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Такого рода свѣдѣнія удалось мнѣ получить только за восемь лѣтъ, изъ которыхъ три года относятся ко времени содержанія откупа г. Пашутинымъ и сообщены бывшимъ управляющимъ его, г. Благодарнымъ, а послѣдніе ко времени содержанія Посполитаки. Къ этимъ свѣдѣніямъ мы прибавляемъ еще свѣдѣнія за 1855 годъ, помѣщенныя въ «Морскомъ Сборникѣ».

	1836 года.	1837 года.	1838 года.	Среднее.	1850 года.	1851 года.	1852 года.	1853 года.	1854 года.	1855 года.	Среднее.
Красной рыбы около	17,000	21,000	26,000	21,300	25,000	28,000	26,000	23,000	20,000	22,000	24,000
Икры	4,000	4,700	5,400	4,700	3,500	4,200	4,000	3,500	4,500	4,200	3,980
Клею	50	60	65	68	50	56	52	46	40	60	51
Вязиги	60	52	70	61	—	—	Балыка	около.		500	—
Сулы	550,000	670,000	840,000	687,000	60,000	60,000	60,000	70,000	70,000	40,000	60,000
Селявы	500,000	875,000	890,000	755,000	1,000,000	900,000	700,000	800,000	800,000	950,000	860,000
Рыбца	—	—	—	—	100,000	150,000	100,000	150,000	100,000	140,000	120,000
Сома	—	—	—	—	5,000	6,000	7,000	8,000	6,000	1,500	6,400
Тарани										50,000	—
Чабака										15,000	—
Чехони	не означено.									20,000	—
Таловирки										200,000	—

	1836 годъ.			1837 годъ.			1838 годъ.			1839 годъ.			1841 годъ.			1842 годъ.		
	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.
Красная рыба	16,756	26	—	20,005	20	—	21,949	20	—	13,646	27	—	19,633	—	—	18,731	—	—
													(16,576 ок	оло	34,400)	(14,055	—	27,851)
Икра	3,022	14	—	3,851	37	—	4,565	22	—	3,387	28	—	4,188	—	—	4,315	32	—
													(4,402)			(4,550)		
Клей красной рыбы	42	19½	—	54	25	—	60	34	—	37	39½	—	45	—	—	42	27	—
													(42)			(40	2)	
Вязига	46	22½	—	58	22	—	60	22	—	40	32	—	46	—	—	52	1	—
													(45)			(41)		
Сула (судакъ)	—	—	376,804	—	—	444,650	—	—	370,003	—	—	176,210	—	—	153,300	—	—	285,538
															(280,700)			(144,000)
Селява (шемая)	—	—	227,856	—	—	376,100	—	—	—	—	—	179,100	—	—	9,000	—	—	94,000
															(264,000)			(180,000)
Рыбецъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30,420	—	—	(9,000)
															(13,000)			
Тарань	—	—	3,440	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(50,000)	—	—	94,440
Коропъ (сазанъ) мѣрный.	—	—	—	—	—	1,000	—	—	—	—	—	2,000	—	—	(3,650)	—	—	6,601
																		(3,000)
» недомѣрокъ	—	—	—	—	—	1,100	—	—	—	—	—	157	—	—	(6,088)	—	—	3,510
																		(4,000)
Итого	—	—	—	—	—	2,100	—	—	2,100	—	—	2,157	—	—	(9,738)	—	—	—
Сомъ	488	34	—	468	—	—	531	35	—	554	15	—	48	—	—	920	30	—
													(1,251		4,180)	(2,040)		
Галаганы (сулиная икра).	615	26	—	700	—	—	770	—	—	—	—	—	400	—	—	414	—	—
													(355)	—				
Жиръ сулиный	389	вед	ръ.	467	вед	ръ.	374	вед	ра.	126	вед	еръ.	409	(259)	ведръ.	400	вед	ръ.
Клей сомовій	1	—	—	—	—	—	1	14	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—

	1844 годъ.			1845 годъ.			1846 годъ.			1847 годъ.			1848 годъ.			1849 годъ.		
	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.	Пуды.	Фун.	Штуки.
Красной рыбы . . (около	9,000)	—	19,293	250	+	18,300	369	4+	11,456	111	4+	11,301	19,981	12+	690	10,747	30+	530
Икра	2,490	—	—	2,990	—	—	1,564	—	—	1,306	—	—	1,885	24	—	1,634	35	—
(Съ купленной икрой.	3,600)																	
Клей красной рыбы	23	17	—	вырваны	ст	раницы.	15	28	—	15	12	—	40	24¾	—	30	15½	—
Вязига	27	8	—	27	5	—	20	10	—	18	8	—	71	28	—	32	10	—
Сула (судакъ)	—	—	40,500	вырваны	ст	раницы.	—	—	56,015	—	—	70,500	—	—	211,940	—	—	140,398
Селява (шемая)	—	—	180,000	—	—	300,000	—	—	94,650	—	—	355,000	—	—	425,500	—	—	377,970
Рыбецъ	—	—	—	—	—	—	—	—	3,000	—	—	12,000	—	—	105,550	—	—	100,605
Тарань	—	—	20,900	—	—	30,000	—	—	—	—	—	—	—	—	11,750	—	—	107,900
Коропъ (сазанъ) мѣрный.	—	—	—	—	—	—	—	—	2,300	—	—	—	—	—	—	—	—	3,540
» недомѣрокъ	—	—	—	—	—	—	—	—	600	—	—	—	—	—	—	—	—	1,609
Итого	—	—	2,800	—	—	4,900	—	—	2,900	—	—	4,260	—	—	3,298	—	—	5,149
Чебакъ (лещъ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,750	—	—	1,130	—	—	168
Сомъ	500	+	2,800	2,100	—	—	2,650	+	900	2,340	—	—	795	26	—	2,559	26	—
Галаганы (икра сулиная).	140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35	10	—	463	35	—
Жиръ сулиный	—	—	—	140	вед	ръ.	—	—	—	55	вед	ръ.	253	вед	ра.	91½	вед	ро.

Для сравненія, приводимъ данныя объ уловахъ, извлеченныя изъ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ вѣдомостей, доставленныхъ откупными конторами.

1835 годъ.

	Пуды.	Фун.	Штуки.
Красная рыба	14,932	30	—
Икра	2,367	38	—
Клей севрюжій	42	13	—
Визига	40	—	—
Сула (судакъ).	—	—	287,320
Тарань	—	—	16,460
Чебакъ (лещь)	—	—	200
Коропъ (сазанъ) мѣрный . . .	—	—	30
» недомѣрокъ	—	—	20
Итого . . .	—	—	50
Сомъ	775	—	—
Галаганы (икра сулиная) . . .	787	—	—
Жиръ сулиный	467	ведръ	—
Клей сомовій	2	30	—

Величины улововъ за 1836 — 1839, 1841 — 1842, 1844 — 1849 гг. показаны на предыдущей страницѣ.

Изъ сравненія этихъ таблицъ видно, что данныя за 1836, 1837 и 1838 годы, доставленныя за время содержанія перваго откупщика, г. Пашутина, мало чѣмъ разнствуютъ отъ получавшихся въ то время дѣйствительныхъ улововъ, но чѣмъ болѣе мы приближаемся къ настоящему времени, тѣмъ показанія конторъ становятся менѣе и менѣе вѣрными, такъ что за время содержанія Посполитаки число вылавливаемыхъ севрюгъ (почти единственной добываемой здѣсь красной рыбы) становится вдвое менѣе средняго числа *пудовъ* красной рыбы за тридцатые годы; а такъ какъ средній вѣсъ севрюги около 20 фунтовъ,—то истинное количество улововъ уменьшено въ этихъ показаніяхъ вчетверо. Въ невозможности такихъ ничтожныхъ улововъ легко убѣдиться, если перевести ихъ на деньги. За 1841 годъ показаны въ отчетахъ и цѣны, по которымъ товары были проданы. Предполагать сколько нибудь значительное уменьшеніе въ показаніи цѣнъ товаровъ невозможно, потому что цѣна не то, что уловъ, она всѣмъ болѣе или менѣе извѣстна. Да, кромѣ этого, цѣны эти совершенно сообразны съ тѣми, какія должны были быть около 25 лѣтъ тому назадъ. Именно, цѣны стояли:

На севрюгу за пудъ	3 р. ас.	
» икру » »	22 » »	
» клей » »	320 » »	
» вязигу » »	25 » »	
» сулу за тысячу	80 » »	
» сома за пудъ	1 »	40 к. ас.
» галаганы за пудъ.	1 »	80 » »

На жиръ за пудъ	3 р. 90 к. ас.
» селяву за тысячу	48 » ас.
» рыбецъ » »	25 » »

Помноживъ на эти цѣны выше показанныя количества уловъ, получаемъ слѣдующія суммы:

Красной рыбы выловлено на . . .	58,899 р. ас.
Икры » » . . .	92,136 » »
Клею » » . . .	14,544 » »
Вязиги » » . . .	1,171 » 25 к. ас.
Сулы » » . . .	12,264 » ас.
Селявы » » . . .	4,320 » »
Рыбца » » . . .	760 » 50 » »
Сома » » . . .	67 » 20 » »
Галагановъ » » . . .	720 » ас.
Жиру сулинаго » » . . .	1,595 » 10 » »
	186,477 р. 5 к. ас.

За уплатою изъ этой суммы 151,000 р. асс. аренды, оставалось только 35,477 р. асс., или 10,136 р. 30 к. с. на покупку соли, снастей, плату рабочимъ и вообще всѣ издержки производства. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ, имѣющимся за 1840 годъ, одной соли употреблено до 50,000 пудовъ на 54,000 р. ас. (15,426 р. 57 к. с.), слѣдовательно, не считая ни заработной платы (на 120 работниковъ), ни ремонта снастей и т. п., уже на одной соли приходилось слишкомъ 5,000 р. с. убытку, а между тѣмъ за этотъ годъ показанія еще несравненно выше, чѣмъ напримѣръ въ 1843 г. Если же опредѣлить цѣнность улововъ по тѣмъ же цѣнамъ, но при этомъ принять уловъ, равнымъ среднему за 1836, 1837 и 1838 годы, (см. выше стр. 164, гдѣ впрочемъ еще не всѣ продукты лова означены), то мы получимъ:

Красной рыбы	на 63,900 р. ас.
Икры	» 103,400 » »
Клею	» 19,520 » »
Вязиги.	» 1,525 » »
Сулы	» 54,960 » »
Селявы	» 36,240 » »
Итого. .	на 279,545 р. ас.

Если вычесть изъ этой суммы арендную плату, то остается еще 128,545 р. асс., или 36,727 р. с., изъ которыхъ, за вычетомъ издержекъ, все еще долженъ остаться значительный барышъ хозяину. Сравнивая количество улововъ за начало пятидесятыхъ годовъ, мы замѣчаемъ, что количество икры за послѣднее время довольно значительно уменьшилось, не смотря на нѣсколько увеличившіеся уловы красной рыбы. Но, хотя я и считаю полученныя отъ частныхъ лицъ свѣдѣнія довольно приблизительными, однакоже нѣтъ основанія считать ихъ довольно вѣрными, чтобы дѣлать на основаніи ихъ какіе либо выводы, относительно измѣненій въ запасѣ рыбы. Другая еще болѣе значительная разность замѣчается

между уловами сулы, которые въ послѣдній періодъ уменьшились слишкомъ въ десять разъ, въ сравненіи съ первымъ. Но это зависитъ не отъ уменьшенія въ количествахъ этой рыбы, а единственно отъ того, что откупщикъ сталъ производить ловъ ея въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ его рукахъ, кромѣ ачуевскаго лова, сосредоточился непосредственно или посредственно ловъ всего Черноморья, во многихъ мѣстахъ котораго ловъ сулы несравненно обильнѣе и удобнѣе, нежели на части морскаго прибрежья, принадлежащей откупу.

Опредѣленіе цѣнности уловов. Въ отчетахъ ачуевской конторы есть также свѣдѣнія о цѣнахъ на рыбные товары за пятидесятые годы. Экспедиціею же собраны свѣдѣнія о цѣнахъ за нынѣшнее время, и такъ какъ—по словамъ всѣхъ людей, близко знакомыхъ съ рыболовствомъ въ Черноморьи,— нѣтъ никакого основанія считать ачуевскіе уловы за послѣдніе годы ниже, чѣмъ они были въ прежнее время, то мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о цѣнностяхъ этихъ уловов какъ за первую половину пятидесятыхъ годовъ, такъ и за послѣдніе годы.

	Цѣны за начало пятидесятыхъ годовъ.		Цѣнность улововъ.		Цѣны за послѣднее время.		Цѣнность улововъ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Красная рыба . .	1	—	24,000	—	1	25	30,000	—
Икра	11	50	45,770	—	14	—	55,720	—
Клей	114	20	5,224	—	110	—	5,610	—
Вязига	12	—	612	—	12	—	612	—
	(принимая тоже количество какъ и клея).							
Сула	50	—	3,000	—	70	—	4,200	—
Селява	23	—	19,720	—	30	—	25,800	—
Рыбецъ	20	—	2,400	—	25	—	3,000	—
Сомъ	—	50	3,400	—	—	70	4,480	—
Итого .	—	—	104,126	—	—	—	129,422	—

Цѣнность ачуевскихъ улововъ составляла около 105,000 въ началѣ пятидесятыхъ годовъ и около 130,000 р. с. въ послѣднее время. Вычтя соотвѣтственно изъ этихъ суммъ арендныя платы 31,500 и 50,000 руб. сер., мы находимъ, что откупу остается какъ на издержки по промыслу, такъ и на выгоды отъ предпріятія, отъ 73,000 до 79,900 руб. сер., или круглымъ числомъ отъ 70,000 до 80,000 р. с. Къ этому надо присоединить еще, за послѣднее время, доходъ по 3 р. с. съ тысячи тарани, получаемый со спѣтчиковъ за право приготовлять эту рыбу. Такъ какъ средній уловъ этой рыбы надо положить отъ 5 до 6 милліоновъ штукъ, то доходъ составитъ еще отъ 15,000 до 18,000 р. с. въ годъ.

Опредѣленіе количества уловов въ вольныхъ водахъ Черноморья. Свѣдѣнія объ уловахъ на всемъ остальномъ пространствѣ Черноморья за то время, когда оно не было на откупу, основываются на акцизѣ, который взимался съ нихъ въ томъ или въ другомъ видѣ и для опредѣленія котораго управленіе войскомъ иногда старалось опредѣлить съ доступною для него точностью количество улововъ. Изъ того, что въ выгодѣ промышленниковъ было платить какъ можно меньше акциза, уже видно, что количества и этихъ улововъ, подобно ачуевскимъ, показывались всегда меньше дѣйствительныхъ. Только въ послѣднее время, когда само общество рыболововъ обязалось уплачивать опредѣленный минимумъ постояннаго акциза, эти свѣдѣнія стали болѣе вѣрными, хотя, и при этой системѣ, нѣкоторое количество улововъ все еще, безъ сомнѣнія, ускользаетъ отъ надзора. Хотя свѣдѣнія за время содержанія

всего Черноморья на откупу гг. Назаровымъ и Посполитаки и доставлялись самимъ откупомъ, однако же свѣдѣнія эти заслуживаютъ болѣе довѣрія, чѣмъ показанія ачуевскаго откупа, потому что большая часть доходовъ получалась откупщикомъ съ пошлины, взимаемой имъ съ прочихъ промышленниковъ, количество которой значительно уменьшить было невозможно. Невѣрныя показанія могли дѣлаться только относительно той рыбы, которая улавливалась на промыслахъ самого откупщика. Всѣ эти свѣдѣнія сгруппированы въ таблицѣ (стр. 116—117).

Соображая количество улововъ за три сравниваемые періода, мы видимъ, что главное уменьшеніе въ первые два періода относится преимущественно къ красной рыбѣ и ея продуктамъ. Для втораго періода это объясняется тѣмъ, что ловъ этой рыбы, какъ наиболѣе цѣнной, откупщикъ предоставлялъ большею частью себѣ. Что же касается до сулы, то весьма возможно, что въ первый періодъ ее дѣйствительно меньше ловилось, такъ какъ число заводовъ и вообще напряженность лова были тогда меньше; тарань же показывалась вѣроятно только та, которую приготовляли сами войсковые промышленники; та же, которая представлялась спѣтчикамъ, не включена въ эти свѣдѣнія.

Опредѣленіе средней цѣны различныхъ сортовъ рыбъ. Цѣнность этихъ улововъ, (количества которыхъ могутъ считаться приблизительно вѣрными только за три послѣдніе года) точно опредѣлить весьма трудно, потому что цѣны различныхъ сортовъ рыбы измѣняются не только по годамъ, но и по временамъ года, по изобилію улововъ, числу покупщиковъ, погодѣ и т. п., а также и по мѣстностямъ, смотря по обилію въ нихъ улововъ и удобствамъ сбыта. Надо еще отличать ту цѣну, по которой рыба поставляется сырьемъ спѣтчикамъ, отъ той, по которой она сбывается спѣтою. Очевидно, что для опредѣленія цѣнности улововъ надо принять во вниманіе эту послѣднюю цѣну, ибо первая не есть полная цѣна продукта, а только какъ бы заработная плата, которую казаки, имѣющіе право на рыболовство, получаютъ отъ своихъ же или иногороднихъ промышленниковъ, за ловъ для нихъ рыбы. Относительно красной рыбы цѣны уже показаны мною выше; что же касается до бѣлой, то за послѣдніе годы онѣ были въ главныхъ пунктахъ лова:

Въ седьмомъ Темрюцкомъ участкѣ:

Сула отъ 50 до 65 р. за тысячу.
Коропъ отъ 100 до 120 р. и иногда до 180 р.
Сомъ около 80 к. с. за пудъ.
Тарань отдавалась спѣтчикамъ отъ 3—4 р. с. тысяча.

Въ шестомъ Сладковскомъ участкѣ:

Сула около 50 р. с. за тысячу.
Тарань отдавалась спѣтчикамъ не дороже 1 р. с., спѣтая отъ 5 до 6 р. с.

Въ пятомъ Ачуевскомъ участкѣ:

Сула около 60 р. с. за тысячу.
Коропъ около 100 р. с. за тысячу.
Сомъ отъ 60 до 70 к. с. за пудъ.
Тарань спѣтая отъ 10 до 12 р. с.

Въ первыхъ участкахъ, Должинскомъ и Камышеватскомъ:

Сула отъ 50 до 60 р. с. за тысячу.
Тарань около 8 р. с. за тысячу.
Чебакъ около 20 р. с. за тысячу.
Цѣна селявѣ и рыбцу, ловимымъ преимущественно въ пятомъ участкѣ, таже, что въ Ачуевѣ.

НАЗВАНИЕ ПРОДУКТОВЪ.	СВѢДѢНІЯ, СОБРАННЫЯ УПРАВЛЕНІЕМЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ВОЙСКА ЗА ГОДЫ:												Свѣдѣнія, доставленныя откупомъ по статьѣ „Морскаго Сборника“.		
	1830.			1840.			1841.			Среднее.			За начало пятидесятыхъ годовъ.		
	Пудовъ.	Фун.	Штукъ.	Пудовъ.	Ф.	Штукъ.	Пудовъ.	Ф.	Штукъ.	Пудовъ.	Ф.	Штукъ.	Пудовъ.	Ф.	Штукъ.
Красная рыба	5,815	7	—	6,523	20	—	7,688	30	—	6,489	6	—	14,500	—	—
Икра	1,144	20 *)	—	603	38	—	5,106	20	—	2,321	26	—	1,020	—	—
Клей.	—	37 *)	—	1	22	—	2	13	—	2	39	—	11	—	—
Вязига.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—
Сула мѣрная	—	—	1,916,790	—	—	1,522,835	—	—	2,281,118	—	—	1,956,912	—	—	4,400,000
» недомѣрокъ.	—	—	505,400	—	—	868,025	—	—	144,422	—	—	505,949	—	—	600,000
Всего сулы . . .	—	—	2,422,190	—	—	2,390,860	—	—	2,425,535	—	—	2,412,861	—	—	5,000,000
Тарани	—	—	2,035,000	—	—	1,906 320	—	—	1,848,550	—	—	1,929,957	—	—	2,900,000
Таловирки.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего тарани. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Селявы	—	—	257,600	—	—	16,500	—	—	329,350	—	—	201,150	—	—	350,000
Рыбца.	—	—	2,000	—	—	150	—	—	—	—	—	717	—	—	205,000
Сельдь.	—	—	186,000	—	—	329,800	—	—	404,100	—	—	306,633	—	—	400,000
Коропъ мѣрный	—	—	1,950	—	—	1,615	—	—	17,656	—	—	7,074	—	—	6,300
» недомѣровъ	—	—	—	—	—	—	—	—	27,000	—	—	9,000	—	—	16,000
Всего коропа. .	—	—	—	—	—	—	—	—	44,656	—	—	16,074	—	—	22,300
Синецъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50,000
Чебакъ	—	—	30,900	—	—	37,300	—	—	36,030	—	—	34,743	—	—	50,000
Чехонь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сомъ.	5,161	—	—	6,563	20	—	757	—	—	4,160	20	—	7,500	—	—
Клей сомовій.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Галаганы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тарама (таранья икра) . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Жиръ сулиный.	ведръ. 1,211½	—	—	ведра. 4,504	—	—	ведръ. 6,044½	—	—	ведръ. 3,920	—	—	—	—	—

*) За годы 1839, 1840 и 1841 икра красной рыбы показана вмѣстѣ съ сулиною, также точно клей красной рыбы смѣшанъ съ сомовьимъ.
**) Среднее число синца выведено за два года потому что прежде этой рыбы не ловилось.

Свѣдѣнія, представленныя обществомъ рыболововъ за годы: Съ 1 іюля 1862 по 1 іюля 1863 Пуд.	Ф.	Штукъ.	Съ 1 іюля 1863 по 1 іюля 1864 Пудовъ.	Ф.	Штукъ.	Съ 16 іюля 1864 по 16 іюля 1865 Пудовъ.	Ф.	Штукъ.	Съ 16 іюля 1865 по 16 іюля 1866 Пуд.	Фун.	Штукъ.	Съ 16 іюля 1866 по 16 іюля 1867 Пуд.	Ф.	Штукъ.	Среднее за 5 лѣтъ. Пуд.	Фун.	Штукъ.	Названіе продуктовъ.
8,271	23	—	47,491	31	—	54,686	38	—	46,699	27	—	29,627	10	—	43,855	18	—	Красная рыба.
2,889	10	—	4,627	21	—	3,657	22	—	3,099	10	—	2,816	38	—	3,418	2	—	Икра.
34	22	—	64	4	—	58	28	—	43	$2^1/_2$	—	34	1	—	45	35	—	Клей.
3	30	—	17	34	—	8	13	—	19	25	—	7	—	—	11	12	—	Вязига.
—	—	1,933,939	—	—	—	—	—	5,849,619	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Сула мѣрная.
—	—	17,250	—	—	—													» недомѣрокъ.
—	—	4,951,189	—	—	3,671,831	—	—	5,349,619	—	—	5,049,087	—	—	3,525,987	—	—	4,509,543	Всего сулы.
—	—	40,348,790	—	—	39,794,790	—	—	30,055,380	—	—	26,204,205	—	—	30,918,720	—	—	33,470,377	Тарани.
—	—	2,507,400	—	—	2,736,550	—	—	4,238,200	—	—	6,075,590	—	—	2,347,500	—	—	3,580,848	Таловирки.
—	—	42,856,190	—	—	42,531,340	—	—	34,322,580	—	—	32,279,795	—	—	33,266,220	—	—	37,051,225	Всего тарани.
—	—	153,660	—	—	273,225	—	—	109,450	—	—	180,450	—	—	125,100	—	—	168,373	Селявы.
—	—	88,425	—	—	146,470	—	—	38,725	—	—	49,800	—	—	27,180	—	—	69,976	Рыбца.
—	—	5,500	—	—	2,200	—	—	11,100	—	—	11,000	—	—	—	—	—	5,960	Селядь.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	114,136	Коропъ мѣрный.
—	—	—	—	—	—	—	—											» недомѣрокъ.
—	—	197,900	—	—	108,050	—	—	61,600	—	—	50,866	—	—	102,365	—	—	—	Всего коропа.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33,200	—	—	45,800	—	—	39,500 **)	Синецъ.
—	—	85,495	—	—	78,275	—	—	85,910	—	—	149,710	—	—	96,240	—	—	99,126	Чебакъ.
—	—	30,900	—	—	5,500	—	—	—	—	—	4,400	—	—	200	—	—	8,200	Чехонь.
0,846	10	—	21,540	—	—	23,632	20	—	6,612	—	—	6,496	—	—	15,825	14	—	Сомъ.
в озна ч.		—	36	—	—	11	—	—	1	20	—	6	30	—	13	$32^1/_2$	—	Клей сомовій.
7,593	—	—	19,783	—	—	18,069	—	—	22,774	18	—	16,730	20	—	18,990	—	—	Галаганы.
—	—	—	2,653	—	—	8	13	—	—	—	—	—	—	—	582	11	—	Тарама (тар. икра).
ведра. 0,653	—	—	ведра. $8,184^1/_2$	—	—	ведра. $6,674^1/_2$	—	—	ведръ. 6,307	—	—	ведръ. 2,780	—	—	ведръ. 6,920	—	—	Жиръ сулиный.

Какимъ образомъ вывести изъ этихъ разнообразныхъ данныхъ среднія цѣны, которыя можно бы было употребить, для опредѣленія величины цѣнности улововъ въ землѣ Кубанскаго войска? На это нельзя положить никакихъ опредѣленныхъ правилъ, а надо относительно каждой породы рыбы руководствоваться различными соображеніями. Для красной рыбы примемъ за эту среднюю цѣну—цѣну весенней севрюги (1 р. 50 к. с.), какъ самой изобильной породы въ самое уловистос время года. Хотя эта цѣна въ лѣтнее время и спускается ниже, не только для севрюги, но и для болѣе дорогаго осетра; за то она значительно возвышается осенью и еще болѣе зимою, такъ что эта цѣна будетъ скорѣе ниже, чѣмъ выше, средней для красной рыбы вообще. Если для Ачуева нами принята нѣсколько низшая цѣна (1 р. 20 к. с.), то надо принять во вниманіе, что тамъ добывается почти исключительно севрюга, тогда какъ на косахъ Долгой и Камышеватой, гдѣ производится главное красноловье, попадается уже довольно много осетра, и также больше зимней рыбы. Для икры какъ и выше примемъ 10 р. пудъ, для клея 70 р. с., потому что онъ, будучи сборнымъ и не столь хорошо приготовленнымъ, какъ ачуевскій, гораздо дешевле его цѣнится, для вязиги возмемъ 15 р. пудъ. За среднюю цѣну сулы мы примемъ 60 р. с. за тысячу, потому что, хотя въ мѣстности самаго изобильнаго улова этой рыбы, въ Сладковскомъ участкѣ, она бываетъ обыкновенно не дороже 50 р. с., за то цѣна ея значительно возвышается противъ средней въ мартѣ, когда она требуется на линію, доходитъ до 150 р. с., а въ зимнее время въ Темрюцкомъ участкѣ доходитъ даже до 200 р. с. за тысячу. За среднюю цѣну тарани мы возьмемъ 8 р. р. с. за тысячу, такъ какъ изъ двухъ главныхъ мѣстностей ея улова: въ Ахтарахъ она бываетъ нѣсколько выше этой цѣны, а на Сладкомъ нѣсколько ниже. Если же въ другихъ участкахъ цѣна тарани бываетъ значительно выше этой, то за то мы включаемъ въ число тарани и таловирку, гораздо ниже цѣнимую. Цѣны для прочихъ рыбъ не столько мѣняются, и мы примемъ для коропа 120 р. с., для селявы 30 р. с., для рыбца 25 р. с., для чебака 20 р., для синьца 10 р., для сельдей 5 р., для чехони 8 р. за тысячу, для сома 70 коп. сер. пудъ, за пудъ галагановъ и ведро жиру—75 к. с., за пудъ тарамы 40 к. с.

Цѣнность улововъ въ вольныхъ водахъ Черноморья. Помножая на эти цѣны количества улововъ за послѣдніе годы, опредѣлимъ довольно приблизительно ихъ цѣнность.

Названіе рыбъ и продуктовъ ихъ.	**Цѣна.**		Цѣнность улововъ.								
			1863 годъ.		1864 годъ.		1865 годъ.		1866 годъ.	1867 годъ.	**Среднее за 5 лѣтъ.**
	Руб.	Коп.		Рубли.		Рубли.		Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.
	пудъ										
Красная рыба	1	50	около	57,400	около	71,200	около	82,500	70,030	44,440	65,100
Икра	10	—	»	28,900	»	46,300	»	36,600	30,930	28,170	34,200
Клей	70	—	»	2,400	»	4,500	»	3,700	3,020	2,380	3,200
Вязига	15	—	»	54	»	268	»	125	300	100	175
	тысяча.										
Сула	60	—	»	297,000	»	220,000	»	320,950	302,950	211,560	270,500
Тарань	8	—	»	343,000	»	340,000	»	240,600	258,240	266,130	289,500
Селява	30	—	»	4,600	»	7,200	»	5,700	5,410	3,750	5,300
Рыбецъ	25	—	»	2,200	»	3,600	»	935	1,250	680	1,700
Сельдь	5	—	»	27	»	11	»	55	50	—	20
Чебакъ	20	—	»	1,700	»	1,500	»	1,700	3,000	1,920	1,950
Чехонь	8	—	»	247	»	44	»	—	30	—	60
Коропъ	120	—	»	23,800	»	19,000	»	7,320	6,100	12,280	13,700
Синецъ	10	—	»	—	»	—	»	—	330	460	160
	пудъ.										
Сомъ	—	70	»	14,600	»	15,200	»	16,600	4,650	4,650	11,100
Галаганы	—	75	»	13,200	»	16,800	»	13,544	17,080	12,550	14,600
Тарама	—	40	»	—	»	—	»	—	—	—	200
	ведро.										
Жиръ	—	75	»	8,000	»	6,100	»	5,000	4,730	2,080	5,200
Итого круглымъ числомъ			около	797,000	около	753,600	около	735,000	708,000	591,000	716,500

Если прибавить къ этому цѣнность ачуевскихъ уловов, то общую цѣнность всей рыбѣ, вылавливаемой въ землѣ Кубанскаго войска, можно приблизительно опредѣлить въ 900.000 рублей сер.,—сумма, которая немногимъ уступаетъ той, которая получается съ уральскаго рыболовства, но съ которой въ пользу войскоаой казны сбирается почти вдвое на Кубани, чѣмъ на Уралѣ. При этомъ не надо еще забывать, что далеко не вся сумма, выражающая цѣнность кубанскихъ уловов, поступаетъ въ руки казаковъ, потому что всю тарань, значительную часть красной рыбы и сома продаютъ они спѣтчикамъ въ свѣжемъ видѣ, по гораздо низшимъ цѣнамъ, какъ объ этомъ сказано было выше. Съ другой стороны цѣны эти значительно увеличиваются въ мѣстахъ первоначальнаго сбыта рыбнаго товара, но только весьма немногіе изъ казаковъ промышленниковъ могутъ воспользоватьса ими, не имѣя достаточно капиталовъ, чтобы на свой счетъ и страхъ перевозить рыбу и рисковать подвергнуться колебаніямъ цѣнъ, чрезвычайно значительнымъ на этотъ товаръ. Такъ бывали примѣры, что въ Одессѣ, когда навезутъ туда много рыбы, какъ изъ Черноморья, такъ и съ Дона, и въ тоже время случится недостатокъ въ вольныхъ фурахъ для препровожденія ея далѣе въ мѣста потребленія,—цѣна упадала до 4 руб. 50 коп. за тысячу тарани, тогда какъ нерѣдко передъ тѣмъ давали за нее, на мѣстѣ въ Черноморьи, 10 р. сер.; въ другое же время, именно зимою и при маломъ привозѣ, она доходитъ до 25 и даже до 30 руб. серебр. за тысячу. Подобнымъ же образомъ въ Гниловской станицѣ верстахъ въ десяти ниже Ростова, куда бываетъ значительный привозъ рыбы, какъ съ Черноморья, такъ и съ Дона, цѣна весною 1864 года стояла въ началѣ отъ 14 до 17 р. за тысячу тарани, но, какъ только навезли много рыбы, она упала до 6 р. 50 к., между тѣмъ, какъ за нее давали одно время на мѣстѣ въ Ахтарахъ, по 12 р. за тысячу.

Мѣста сбыта и потребленія. Главные пункты сбыта, или лучше сказать склада черноморской рыбы, откуда она уже развозится въ мѣста ея потребленія,—въ настоящее время суть: Одесса, Маріуполь и Ростовъ-на Дону, съ сосѣднею ему Гниловскою станціею. Одесса только въ недавнее время, именно съ половины сороковыхъ годовъ, заняла первое мѣсто, которое прежде принадлежало Маріуполю. Сюда пріѣзжали евреи изъ Бердичева и развозили рыбу, преимущественно тарань, по Малороссіи и югозападнымъ губерніямъ, платя обыкновенно по 60 к. сер. съ пуда за провозъ. Между тѣмъ, изъ Одессы, откуда мѣста потребленія гораздо ближе, воловьи фуры, провозящія туда пшеницу и отправляющіяся назадъ большею частію порожнемъ, берутъ охотно по 15 к. сер. съ пуда. Поэтому, въ настоящее время, почти весь судакъ и около третьей доли тарани, именно та часть ея, которая идетъ въ югозападныя губерніи, въ видѣ карбовки, свозятся въ Одессу. Въ Одессѣ собственно эта рыба, за исключеніемъ свѣжаго судака зимою, мало употребляется, ибо здѣсь довольно свѣжей рыбы, какъ изъ моря, такъ въ еще большемъ количествѣ, изъ сосѣднихъ лимановъ днѣпровскаго и днѣстровскаго. Въ Ростовъ везется преимущественно красная рыба, икра, а также и часть тарани, и отсюда развозится по губерніямъ: воронежской, курской и орловской. Красная же рыба, по причинѣ ея превосходныхъ качествъ, доходитъ до Москвы и до Петербурга; въ Ростовѣ же главнымъ образомъ сбывается и рыбій жиръ.—Кромѣ этихъ главныхъ мѣстъ сбыта, часть рыбы, не очень значительная по количеству, но за то по чрезвычайно выгоднымъ для Черноморья цѣнамъ идетъ въ зимнее время, къ Николину дню и къ Благовѣщенію, сухимъ путемъ на кавказскую линію. Наконецъ сомъ, тарань-молдаванка и галаганы идутъ частью прямо изъ Черноморья (какъ напримѣръ, изъ Темрюка) за границу сомъ и молдаванка въ Валахію и Молдавію, а галаганы въ Грецію.

Е. Заключеніе.

Окончивъ описаніе рыболовства въ землѣ Кубанскаго войска, слѣдовало бы перейти къ рыболовству донскому; но такъ какъ кубанская рыбная промышленность, составляющая и въ естественномъ отношеніи почти самостоятельное цѣлое, — въ отношеніяхъ хозяйственномъ и административномъ, совершенно уже отдѣлена отъ рыбной промышленности въ прочихъ частяхъ Азовскаго моря, то, кажется, удобнѣе будетъ, не прерывая послѣдовательности изложенія, перейти къ практическому заключенію настоящаго длиннаго отчета, т. е. къ тѣмъ мѣрамъ, которыя, по мнѣнію экспедиціи, слѣдовало бы принять для лучшаго устройства и развитія рыбной промышленносты въ прикубанскомъ краѣ. На эту главную цѣль всѣхъ нашихъ изслѣдованій было постоянно обращаемо вниманіе въ продолженіе всего этого отчета, и по мѣрѣ того, какъ ходъ изложенія касался того или другаго практическаго вопроса, я старался опровергать существующіе, касательно его, односторонніе или ложные взгляды и понятія, противополагая имъ тѣ выводы, которыя пріобрѣла экспедиція, тщательнымъ изученіемъ мѣстныхъ условій и сравненіемъ съ изслѣдованными уже мѣстностями, и которые она считаетъ наиболѣе полезными, какъ для сохраненія рыбнаго запаса, такъ и для выгодъ большинства занимающихся рыбною промышленностью казаковъ. Итакъ, въ этомъ заключеніи остается мнѣ только собрать и систематически изложить всѣ эти замѣчанія.

Предложенія экспедиціи и улучшенія рыболовства въ землѣ войска Кубанскаго, раздѣляются на слѣдующіе три разряда:

1) Главныя начала, которыя должны служить основою системѣ рыбнаго хозяйства и безъ принятія которыхъ всѣ частныя улучшенія не могутъ ни получить полнаго осуществленія, ни повести къ дѣйствительно полезнымъ результатамъ.

2) Частныя измѣненія и дополненія нынѣ дѣйствующихъ временныхъ правилъ.

3) Мѣры къ развитію рыбной промышленности.

I. *Главные основанія кубанскаго рыбнаго хозяйства.*

Главныя начала, долженствующія, по мнѣнію экспедиціи, служить основяніемъ рыбнаго хозяйства въ землѣ Кубанскаго войска, не предстявляютъ собою нововведеній, а большею частію приняты уже и нынѣ въ основу здѣшняго рыболовнаго законодательства. Только начала эти не твердо установлены; они нерѣдко отмѣнялись и до сихъ поръ не перестаютъ колебаться; кромѣ того, нѣкоторыя изъ нихъ не получили полнаго своего развитія. Эти начала суть:

1) Всѣ рыболовыя воды, какъ лежащія внутри земли Кубанскаго войска, такъ и море, омывающее берега ея на 25 верстъ разстоянія отъ берега, должны состоять въ исключительномъ пользованіи войска. (См. стр. 43—44).

Исключеніе изъ сего установляется единственно въ пользу жителей города Темрюка, на основаніи правилъ, изложенныхъ на стр. 87—88.

2) Всѣ воды, принадлежащія Кубанскому войску, какъ внутреннія, такъ и морскія, частному или

раздѣльному владѣнію не подлежатъ, а составляютъ общую и нераздѣльную собственность всего казацкаго сословія. (См. стр. 41—43, 73—74).

3) Ни самое рыболовство на всемъ пространствѣ принадлежащихъ Кубанскому войску водъ (за исключеніемъ Ачуевскаго участка), ни пошлина, взимаемая съ онаго, не могутъ быть отдаваемы на откупъ. (См. стр. 50 и сл., 63 и сл.).

Здѣсь я повторю, что одинъ страхъ откупа составляетъ уже причину, препятствующую развитію рыбной промышленности въ Черноморьи. Поэтому, мнѣ кажется необходимымъ, чтобы не только воды на откупъ отдаваемы не были, но, чтобы увѣренность въ этомъ распространилась между казаками, для чего и необходимо прямо и ясно выразить это въ законѣ.

4) Завѣдываніе рыболовствомъ должно быть передано изъ рукъ войсковаго начальства въ руки самого общества рыболововъ; т. е. для управленія всѣмъ рыбнымъ хозяйствомъ Кубанскаго войска, включая въ это понятіе и распредѣленіе прѣсной воды посредствомъ ериковъ по лиманамъ, сосредоточивающемся нынѣ въ войсковомъ правленіи, —должно быть составлено совершенно независимое отъ него учрежденіе, изъ выборныхъ отъ общества рыболововъ лицъ, на подобіе комитета рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ въ Астрахани.

Выгоды, проистекающія отъ такихъ общественныхъ управленій и надзора, вообще уже сознаны, и онѣ получили широкое примѣненіе въ новомъ уставѣ каспійскаго рыболовства. Въ примѣненіи къ кубанскому рыболовству многообразныя выгоды этой мѣры, въ отношеніи къ охраненію рыбнаго запаса моря, справедливаго распредѣленія притока прѣсной воды въ лиманы и взиманія акциза, указаны на стр. 20, 28, 61 — 62. Условія рыбнаго хозяйства, послѣ уничтоженія откупа, сами собою привели уже къ признанію необходимости общественнаго управленія и, какъ мы видѣли, съ 1862 года оно вступило уже отчасти въ дѣйствіе. Надзоръ за порядкомъ производства лова и взиманіемъ акциза порученъ уже и теперь самому обществу рыболовъ, но пока оно неимѣетъ еще никакаго участія въ мѣстной законодательной дѣятельности и на все должно спрашивать разрѣшенія войсковаго правленія, въ вопросахъ рыбнаго хозяйства по большей части не компетентнаго и, какъ мы видѣли изъ исторіи рыболовства въ Черноморьи и изъ разбора мѣръ, представленныхъ имъ для новаго устройства кубанскаго рыболовства, часто дѣйствовавшагося ему во вредъ.

Что касается до опредѣленія устройства, состава, круга дѣйствій и проч. предлагаемаго новаго учрежденія, то это не можетъ быть здѣсь формулировано. Для этого, въ случаѣ одобренія предлагаемой здѣсь мѣры, необходимо будетъ собрать временную коммиссію въ Екатеринодарѣ, какъ изъ начальствующихъ лицъ, такъ и изъ депутатовъ отъ рыболововъ,—какъ это было сдѣлано въ Астрахани по окончаніи каспійской экспедиціи.

Наконецъ, самымъ желательнымъ дополненіемъ къ этимъ основнымъ мѣрамъ было бы:

5) Обращеніе Ачуевскаго откупнаго участка въ вольное пользованіе всѣхъ казаковъ, по истеченіи въ 1868 году срока содержанія теперешняго откупа.

Въ этомъ отчетѣ было неоднократно указываемо на пользу, которую должна бы принести эта мѣра, какъ для справедливаго распредѣленія прѣсной воды по лиманамъ (стр. 28), такъ и для безпрепятственнаго пропуска рыбы (стр. 38 — 39; 81 — 84), а также и въ другихъ отношеніяхъ, и было указано, что едва ли можно ожидать добросовѣстнаго исполненія необходимыхъ во всѣхъ этихъ

отношеніяхъ мѣръ, пока откупъ будетъ существовать. Противъ всего этого можно выставить только одно то соображеніе, что съ уничтоженіемъ откупа, войско должно лишиться значительной части своего дохода, ибо акцизъ съ улавливаемой въ Ачуевскомъ участкѣ рыбы ни въ какомъ случаѣ не можетъ достигнуть той суммы, какую даетъ откупъ. Въ самомъ дѣлѣ, акцизъ, нынѣ уплачиваемый съ вольнаго рыболовства, помноженный на средніе ачуевскіе уловы, опредѣленные по частнымъ свѣдѣніямъ, — далъ бы:

Съ красной рыбы . . .	24.000	пудовъ	по 20 к.	пудъ	4.800 р.	
Съ икры	4.000	»	» 1 р. 20 »	»	4.800 »	
Съ клея	50	»	» 6 » — »	»	300 »	
Съ вязиги	60	»	» 1 » 50 »	»	90 »	
Съ сома	6.400	»	» » 10 »	»	640 »	
Съ сулы	60.000	штукъ	» 4 » — »	тысяча	240 »	
Съ селявы	860.000	»	» 1 » — »	»	860 »	
Съ рыбца	120.000	»	» 1 » — »	»	120 »	
Съ чебака	15.000	»	» » 50 »	»	7 »	50 к.
Съ чехони	20.000	»	» » 15 »	»	3 »	
Съ тарани	5.000.000	»	» » 30 »	»	1.500 »	
				Итого. .	13.360 р.	50 к.

Но мы выше видѣли, что акцизъ съ нѣкоторыхъ сортовъ рыбы можетъ быть увеличенъ безъ чувствительнаго отягощенія казаковъ; именно: для тарани съ 30 до 40 к. съ тысячи, для судака съ 4 на 5 р. (при уничтоженіи пошлины съ жира и галагановъ), для шемая и рыбца съ 1 р. до 1 р. 20 к. Это послѣднее увеличеніе акциза даже еще слишкомъ слабо, ибо среднія цѣны этихъ рыбъ отъ 25 до 30 р., такъ что ежели бы даже назначить съ нихъ акцизъ въ 2 р., то и тогда онъ относился бы къ цѣнѣ рыбы какъ 1 : 12, или даже какъ 1 : 15,—отношеніе почти одинаковое для сулы. Это увеличеніе акциза съ шемая и рыбца было бы тѣмъ справедливѣе, что съ уничтоженіемъ откупа эти рыбы стали бы въ гораздо большемъ количествѣ проходить вверхъ по Протокѣ. Такое увеличеніе акциза довело бы доходъ, который могъ бы получаться съ Ачуевскаго участка, до 15.000 р. въ годъ. Но, принявъ во вниманіе, во первыхъ, что ловъ въ Ачуевскомъ участкѣ самый изобильный во всемъ Черноморьи, и что слѣдовательно тѣ, которымъ жребій доставитъ право на выставку орудій лова въ этой мѣстности, будутъ получать несравненно большую выгоду, чѣмъ тѣ, которые будутъ ловить тѣми же снастями въ другихъ мѣстностяхъ; а во вторыхъ, что обращеніе Ачуевскаго участка изъ откупнаго въ вольный составитъ, такъ сказать, даръ для войска; то не только возможно, но и вполнѣ справедливо, взимать въ этомъ участкѣ двойной противу прочихъ мѣстностей акцизъ. Такимъ образомъ Ачуевскій участокъ и безъ откупа можетъ легко доставлять въ войсковую казну около 30,000 въ годъ.

Мѣры, предложенныя выше, какъ-то: увеличеніе акциза съ нѣкоторыхъ породъ рыбъ, улучшеніе надзора, распространеніе акциза на все теченіе Кубани и проч., увеличатъ вѣроятно доходъ, получаемый съ вольнаго рыболовства, до 60,000 р., такъ что и безъ Ачуевскаго откупа войсковая казна можетъ получать до 90,000 р. со всего кубанскаго рыболовства, — больше чего она ни въ какое

время не получала. Если даже соединить наибольшій доходъ, получавшійся съ откупа вольныхъ водъ, въ 52,000 р. (съ 1847 по 1854 годъ), съ наибольшимъ доходомъ съ Ачуевскаго откупа въ 50,100 р. (съ 1860 по 1865 годъ), то и этотъ максимумъ въ 102,000 р., въ дѣйствительности никогда не достигавшійся, только на 12,000 р. превосходитъ тотъ доходъ, который можетъ имѣть войсковая казна безъ откупа, безъ малѣйшаго отягощенія казаковъ и при совершенномъ обезпеченіи рыбнаго запаса отъ оскудѣнія въ будущемъ.

II. *Частныя измѣненія и дополненія нынѣ дѣйствующихъ правилъ для рыболовства.*

Прежде изложенія этихъ измѣненій и дополненій надобно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній:

1) За основаніе рыболовнаго законодательства въ землѣ Кубанскаго войска принимаются временныя правила 1855 года съ тѣми измѣненіями, которыя сдѣланы въ нихъ въ 1862 году. Тѣ же измѣненія, которыя предложены въ новыхъ проэктахъ центральнаго управленія и войсковаго начальства, если они не включены вполнѣ или отчасти въ нижеслѣдующіе параграфы, почитаются (па основаніи вышеизложенныхъ причинъ) почему либо излишними или несоотвѣтствующими своей цѣли. Поэтому здѣсь перечисляются лишь тѣ мѣры, которыя въ чемъ либо отмѣняютъ или дополняютъ нынѣ существующій порядокъ.

2) Будетъ ли откупъ отмѣненъ или нѣтъ, мѣры, предлагаемыя для обезпеченія свободнаго прохода рыбы и вообще для охраненія рыбнаго запаса, должны относиться къ Ачуевскому откупному участку, въ той же мѣрѣ, какъ и ко всѣмъ прочимъ водамъ, принадлежащимъ Кубанскому войску.

3) Предлагаемыя здѣсь дополненія и измѣненія не формулированы въ видѣ законовъ, а составляютъ только указанія на предметы, которые должны быть измѣнены или дополнены. Это сдѣлано потому, что многое остается еще неопредѣленнымъ и можетъ получить точнѣйшее опредѣленіе только въ коммиссіи, которую надо будетъ собрать изъ выборныхъ отъ Кубанскаго войска, для окончательнаго устройства тамошняго рыболовства.

4) Предлагаемыя дополненія и измѣненія распредѣляются по цѣли ихъ на три разряда, именно: на мѣры къ охраненію и умноженію рыбнаго запаса; на мѣры, опредѣляющія права казаковъ на участье въ рыболовствѣ, и на мѣры къ усиленію получаемаго войсковою казною дохода.

а) *Ограниченія во времени лова.*

1) Ловъ рыбы въ рѣкѣ Кубани отъ Кубанскаго гирла вверхъ до устья рѣки Лабы, въ Протокѣ на всемъ ея протяженіи, въ Темрюцкомъ гирлѣ и въ Переволокѣ запрещается съ 1-го іюня по 1-е августа (статья новая, см. стр. 85—86).

Мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, чтобы судить на сколько можетъ быть полезна эта мѣра. Именно, такъ какъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ ачуевскихъ откупщиковъ и тамошнихъ смотрителей, о количествѣ улововъ, свѣдѣнія эти означены иногда изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, иногда изъ недѣли въ недѣлю, а иногда даже и изо дня въ день, то, хотя они противъ дѣйствительности и значительно уменьшены, мы все же имѣемъ въ нихъ средство, для опредѣленія наименьшаго числа севрюгъ, которыя будутъ такимъ образомъ свободно пропускаться по Протокѣ вверхъ, для выметыванія икры. Эти данныя соединены въ слѣдующей таблицѣ.

*

Годы.	Количество красной рыбы, пойманной въ меженное время.														
	Съ 1-го по 15-е іюня.					Съ 1-го іюня по 1-е августа.					Съ 15-го іюня по 1-е августа.				
	Красной рыбы.			Икры.		Красной рыбы.			Икры.		Красной рыбы.			Икры.	
	Штукъ.	Пуды.	Фун.	Пуды.	Фун.	Штукъ.	Пуды.	Фун.	Пуды.	Фун.	Штукъ.	Пуды.	Фун.	Пуды.	Фун.
1835.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,408	2	572	11
1836.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,461	26	1,235	9
1837.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,279	20	899	17
1838.	—	5,793	18	958	10	—	3,164	—	—	—	—	8,957	18	1,273	6
1839.	—	2,340	10	570	15	—	1,659	30	314	36	—	4,000	—	1,156	16
1840.	—	—	—	—	—	—	—	—	586	—	—	4,800	—	1,108	27
1841.	Очень ранній ходъ рыбы, ибо съ 8-го мая по 1-е іюня выловлено 13,000 п. севрюги, а въ іюнѣ и іюлѣ вовсе лова не показано.														
1842.	1,500	—	—	286	—	1,850	—	—	520	—	3,350	—	—	806	—
1843.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,000	—	—	200	—
1844.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,183	—	—	748	—
1845.	1,477	—	—	120	—	2,128	—	—	850	—	3,600	—	—	470	—
1846.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,226	—	—	560	—
1847.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,775	—	—	273	30
1848.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,260	—	1,352	38
1849.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,833	—	600	15

Изъ этой таблицы видно, что за первыя шесть лѣтъ, съ 1835 по 1840 годъ, когда доставляемыя свѣдѣнія, какъ мы видѣли выше, были многимъ ближе къ дѣйствительности, нежели впослѣдствіи,— было добыто среднимъ числомъ въ теченіе іюня и іюля 5484 п. или около 11,000 штукъ красной рыбы и 1041 п. икры; въ шестилѣтіе съ 1842 по 1847 годъ, когда подаваемыя свѣдѣнія были наиболѣе уменьшаемы, среднее количество пойманной севрюги въ эти два мѣсяца составляло 3522 штуки и 509 п. икры; а въ послѣдніе два года, за которые имѣются этого рода свѣдѣнія, значится 3047 п. или около 6000 штукъ севрюгъ и 977 п. икры. Изъ этихъ данныхъ, какъ они ни мало достовѣрны, можно заключить, что прекращеніе лова въ Протокѣ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ доставитъ возможность свободно выметать икру не менѣе, чѣмъ 10,000 штукъ севрюги въ количествѣ 1000 пудъ. Этого, безъ сомнѣнія, было бы достаточно для поддержанія или даже и для размноженія этой породы. Но если бы мы ограничили время запрещенія лова полутора мѣсяцами, отъ 15-го по 1-е августа, то вѣроятно не достигли бы желаемаго результата, какъ видно изъ сравненія данныхъ за тѣ годы, за которые имѣются свѣдѣнія объ уловахъ съ 15-го іюня по 1-е августа. Изъ нихъ слѣдуетъ, что за 1838 и 1839 годы въ первыя двѣ недѣли іюня было поймано въ два раза больше рыбы и слишкомъ въ полтора раза больше икры, чѣмъ въ остальныя шесть недѣль (4067:2412 и 764:450). Въ другіе два года, 1842 и 1845, эти отношенія далеко не такъ выгодны для первыхъ двухъ недѣль іюня, и уловы болѣе равномѣрнымъ образомъ распредѣлены между лѣтними мѣсяцами, хотя все еще съ значительнымъ перевѣсомъ на сторонѣ первыхъ двухъ недѣль. Бываютъ, какъ кажется, и такіе годы, когда ходъ рыбы столь ранній, что даже и въ началѣ іюня уже очень мало ло-

вится красной рыбы. Такъ въ 1841 году показанъ уловъ севрюги съ 8-го мая по 1-е іюня въ 13,000 п., а въ іюнѣ и іюлѣ никакого лова не значится. Хотя, по всѣмъ вѣроятностямъ, ловъ въ дѣйствительности продолжался и въ эти мѣсяцы, но должно быть онъ былъ очень незначителенъ.

Вмѣсто этого ежегоднаго запрещенія лова въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ, можно бы установить, чтобы черезъ четыре года въ пятый всякій ловъ въ Кубани, Протокѣ, Переволокѣ и Темрюцкомъ гирлѣ запрещался съ 1-го апрѣля по 1-е августа, если бы рыбопромышленники нашли это для себя удобнѣе, въ чемъ я впрочемъ весьма сомнѣваюсь.

2) Съ 9-го мая по 1-е іюля запрещается крючной ловъ въ морѣ, начиная отъ Долгой косы (включительно) до сѣверной границы войсковыхъ владѣній. Неводной же ловъ остается и въ это время дозволеннымъ. (Статья новая, см. стр. 85—86).

б) Ограниченія въ мѣстахъ лова.

3) Всякого рода ловъ во всякое время года запрещается въ гирлахъ Бугазскомъ, Курчанскомъ, Ахтарскомъ, Ясенскомъ и Рубцовскомъ, равно какъ и во всѣхъ тѣхъ морскихъ гирлахъ, на которыя само общество рыболововъ (комитетъ рыбныхъ промысловъ) найдетъ нужнымъ распространить это запрещеніе. (Замѣняетъ § 63 временныхъ правилъ. См. стр. 84).

4) Отъ поименованныхъ пяти гирлъ, равно какъ и отъ устья рѣки Протоки, должно быть оставлено пространство вдоль берега на $2^1/_2$ версты въ каждую сторону, на которомъ всякое рыболовство запрещается. Въ глубь моря это запрещенное пространство простирается для гирлъ Бугазскаго, Курчанскаго, Рубцовскаго и устья рѣки Протоки до границъ войсковыхъ владѣній, т. е. на 25 верстъ. (Замѣняетъ § 64 вр. пр. См. стр. 84).

Гирла Ясенское и Ахтарское здѣсь не поименованы, потому что они открываются въ пространство, лежащее между оконечностями Ачуевской и Камышеватой косъ, въ которомъ уже и по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ крючной ловъ запрещенъ, а неводной иначе какъ отъ берега производимъ быть не можетъ.

5) Заповѣдное пространство у тѣхъ гирлъ, которыя въ предъидущей статьѣ не поименованы, но въ которыхъ ловъ можетъ быть запрещенъ по распоряженію общества рыболововъ (комитета рыбныхъ промысловъ), остается въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ это нынѣ постановлено, т. е. на версту въ каждую сторону отъ гирла вдоль берега и на 7 верстъ въ глубь моря. (Замѣняетъ § 64 вр. пр. См. стр. 84).

6) Ловъ рыбы въ такъ называемыхъ внутреннихъ гирлахъ, т. е. въ устьяхъ рѣкъ и притоковъ въ лиманы, включая въ это число и гирло Кубанское (устье Кубани въ Кубанскій лиманъ) и Переволоку, остается дозволеннымъ на общемъ основаніи. (Замѣняетъ § 63 вр. пр. См. стр. 85).

7) Съ каждой стороны внутреннихъ гирлъ, т. е. въ лиманахъ передъ устьями впадающихъ въ нихъ рѣкъ, протоковъ и ериковъ, всякаго рода ловъ совершенно запрещается на 1 версту въ каждую сторону отъ гирла и на 2 версты въ глубь лимана. (Замѣняетъ § 65 вр. пр. См. стр. 83).

8) Величина пространства рѣчки, протока, ерика или внутренняго гирла, которое, отъ устья вверхъ по теченію, не должно быть заставляемо вентерями и другими ставными орудіями лова, предоставляется рѣшенію самыхъ мѣстныхъ рыболововъ, которые могутъ и вовсе отмѣнить для своей мѣстности это постановленіе, если не найдутъ его для себя полезнымъ. (Замѣняетъ § 64 врем. пр. См. стр. 83—84).

в) *Ограниченія въ орудіяхъ и способахъ лова.*

9) Всѣ употребляемыя нынѣ орудія лова, въ томъ числѣ и ставныя сѣти, крючная самоловная снасть и коты, допускаются какъ въ морѣ, такъ и въ лиманахъ, рѣкахъ, ерикахъ и протокахъ, безъ всякихъ исключеній, съ соблюденіемъ лишь нѣкоторыхъ ограниченій въ способахъ употребленія ихъ, поименованныхъ въ слѣдующихъ §§. (Замѣняетъ §§ 26 и 27. См. стр. 85).

10) Всякое вновь придуманное, или доселѣ неупотреблявшееся орудіе лова, можетъ быть употреблено не иначе, какъ по разрѣшенію комитета рыбныхъ промысловъ. (Статья новая).

11) Всѣ ставныя орудія лова, какъ-то: вентеря, коты, ставныя сѣти и крючная снасть, должны занимать собою не болѣе $^{3}/_{2}$ ширины рѣки, протоки, ерика или гирла, въ которыхъ они выставлены. (Замѣняетъ § 26).

12) Вентеря и коты должны выставляться непремѣнно у одного и того же берега вѣки, протока или ерика, такъ чтобы свободный проходъ въ одну треть ширины протока оставлялся вдоль всего противоположнаго берега. (Статья новая. См. стр. 83—84).

13) У того берега откуда выставляются вентеря и коты, должны находится и всѣ промысловыя строенія, стоять лодки, производиться полосканіе рыбы и т. п., дабы проходъ рыбы былъ по возможности безпрепятственный. (Статья новая. См. стр. 37—38).

14) Бѣжное крыло вентерей и котъ должно быть не длиннѣе какъ отъ 10 до 16 саженъ, смотря по ширинѣ рѣки. (Замѣняетъ § 25. См. стр. 83).

15) Если ставныя сѣти и крючная снасть употребляются совмѣстно съ вентерями и котами, то и онѣ должны выставляться у того лишь берега, гдѣ выставлены вентери и коты, и могутъ простираться на двѣ трети ширины протока; если же употребляются для лова лишь крючья и ставныя сѣти, то они должны выставляться отъ каждаго берега не болѣе, какъ на одну треть ширины рѣки, такъ чтобы средняя треть ея оставалась свободною для прохода рыбы. (Статья новая. См. стр. 85).

Общее правило для выставки орудій лова, принятое для рѣкъ впадающихъ въ Каспійское, Бѣлое и Ледовитое моря, состоитъ въ томъ, чтобы средняя треть рѣки оставалась свободною. Но тамъ, гдѣ допущены забойки, дозволяется имѣть въ нихъ ворота къ одному какому либо берегу. Примѣнительно къ сему, тоже предполагается допустить и для выставки вентерей въ рѣкахъ и протокахъ кубанской системы, потому что: 1) при узкости здѣшнихъ рѣкъ, небольшими вентерями ловилось бы слишкомъ мало рыбы, особливо крупной, какова напримѣръ севрюга; 2) при быстротѣ теченія этихъ рѣкъ, трудно было бы утверждать такіе вентеря, и наконецъ 3) вмѣсто одного вентеря, нужно бы употреблять два для занятія дозволенныхъ двухъ третей ширины протока, что вовлекло бы промышленниковъ въ лишніе расходы, такъ какъ вентеря дорого стоятъ, и нужно бы имѣть больше рабочихъ для ихъ установки и выниманія изъ нихъ рыбы. Это исключеніе въ пользу вентерей заставляетъ сдѣлать его и для ставныхъ сѣтей и крючьевъ, ибо иначе при выставкѣ вентерей на двѣ трети ширины рѣки съ одного берега, и крючьевъ или ставныхъ сѣтей на одну треть отъ каждаго берега, представлялась бы возможность совершенно загородить рыбѣ свободный проходъ вверхъ.

16) Для выставки котъ, порядковъ крючной снасти и ставныхъ сѣтей установляется между эти снастями вдоль протока то же разстояніе, какъ и для вентерей. (См. §§ 52 вр. пр. и стр. 85).

17) Выставка крючной снасти въ море допускается, по прежнему, не ближе 7 верстъ отъ берега.

18) Опредѣленіе длины неводовъ въ лиманахъ предоставляется самому обществу мѣстныхъ рыболововъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы невода не превышали 900 саженъ, если ловъ производится съ одного берега, и 800 саженъ, если ловъ производится съ обѣихъ сторонъ. Ни въ какомъ случаѣ, однакоже, длина эта не должна превышать ширины лимана. (Замѣняетъ § 21. См. стр. 83).

19) Въ рѣкахъ и протокахъ длина неводовъ не должна превышать двухъ третей ширины рѣки (Замѣняетъ § 21. См. стр. 83).

20) Длина рѣчныхъ плавныхъ сѣтей также не должна превышать двухъ третей ширины рѣки. (Замѣняетъ § 23 вр. прав.)

Если для рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, не положено никакихъ ограниченій относительно длины плавныхъ сѣтей, то это потому, что ширина тамошнихъ рѣкъ и измѣнчивость въ глубинѣ ихъ, уже сами по себѣ, служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ противъ употребленія слишкомъ длинныхъ плавныхъ сѣтей,—обезпеченіемъ, котораго рѣки кубанской системы не представляютъ.

21) Для лова рыбца и селявы допускаются сѣти съ ячеями болѣе мелкими, чѣмъ для сѣтей употребляемыхъ въ другихъ случаяхъ; но и тутъ ячеи должны имѣть не менѣе 3/8 вершка въ сторонѣ отъ узла до узла. (Дополненіе къ § 24. См. стр. 84).

22) Во время лова селявы и рыбца, закидываніе вновь волокуши не дозволяется до тѣхъ поръ, пока закинутая не вытянута на берегъ и рыба изъ нея не вынута.

Къ этому правилу относительно лова селявы и рыбца надо еще на случай, если ачуевскій откупъ не будетъ уничтоженъ, прибавить правило, чтобы:

23) На каждомъ салѣ (тонѣ) въ откупныхъ водахъ во время лова селявы и рыбца было не болѣе двухъ волокушъ съ однимъ комплектомъ рабочихъ, т. е. семь или восемь человѣкъ при каждой. (См. стр. 100—101)

Ибо иначе за исполненіемъ § 21 едвали возможно будетъ усмотрѣть.

2) *Мѣры, опредѣляющія права казаковъ на участіе въ рыболовствѣ.*

24) Если владѣлецъ рыболовнаго завода почему либо пожелаетъ временно не производить на немъ лова, то обязанъ предварительно увѣдомить о семъ комитетъ рыбныхъ промысловъ, дабы онъ имѣлъ возможность заблаговременно вызвать желающихъ заняться рыболовствомъ, въ остающемся черезъ это временно свободномъ участкѣ. Такое же заблаговременное увѣдомленіе требуется и отъ тѣхъ, которые намѣреваются совершенно прекратить рыболовство на какомъ либо заводѣ. (Новая статья. См. стр. 76—77).

25) Въ случаѣ полученія кѣмъ либо по наслѣдству бо̀льшаго числа заводовъ, чѣмъ сколько онъ по числу имѣетъ право владѣть, хотя бы то было и въ совокупности съ тѣми заводами, которые получившій право на наслѣдство имѣлъ до того времени, онъ обязанъ предоставить жеребью, бросаемому въ присутствіи участковаго довѣреннаго и выбранныхъ отъ общества лицъ, опредѣленіе тѣхъ заводовъ, которые могутъ остаться въ его владѣніи. При семъ предоставляется желанію самаго наслѣдника подвергать жеребью или всѣ его заводы, или только вновь полученные имъ по наслѣдству, или же наконецъ тѣ только, которыми онъ прежде владѣлъ (если только число заводовъ, полученныхъ по наслѣдству, не превышаетъ числа, которымъ онъ имѣетъ право владѣть). Въ теченіе года со дня полученія наслѣдства излишніе заводы должны быть переуступлены или снесены. (Новая статья. См. стр. 77).

Годичный срокъ предлагается здѣсь потому, что лицемъ, отъ котораго поступило наслѣдство, могли быть сдѣланы разнаго рода затраты на предстоявшій ловъ, наняты работники и т. п.

26) Такъ какъ, кромѣ вентерей, допускаются къ употребленію во внутреннихъ водахъ и другаго рода ставныя орудія лова, то и на нихъ должны распредѣляться мѣста между казаками по жеребью. (Статья новая).

27) Число котъ, порядковъ ставныхъ сѣтей и крючной снасти, которое предоставляется каждому отдѣльному лицу, желающему участвовать во временномъ рыболовствѣ, должно быть опредѣлено самимъ обществомъ рыболововъ (комитетомъ рыбныхъ промысловъ) сообразно тѣмъ выгодамъ, которыя эти орудія могутъ доставить сравнительно съ вентерями. (Статья новая).

28) При метаніи жеребья, какъ на выставку вентерей, такъ и прочихъ ставныхъ орудій лова, допускается къ оному, изъ нераздѣльно живущаго семейства, не болѣе одного лица. (Допол. къ § 15 вр. пр. См. стр. 78).

29) Опредѣленіе размѣра и числа сѣтей для производства мелкаго рыболовства для домашняго употребленія, въ необложенныхъ акцизомъ водахъ, предоставляется самимъ станичнымъ обществамъ. (Допол. къ § 15. См. стр. 78).

д) *Мѣры къ усиленію дохода войсковой казны.*

30) Изъ рѣки Кубани, отъ устья ея до границы войсковыхъ владѣній съ Варениковскимъ лиманомъ, лѣваго (южнаго) берега Кубанскаго лимана, Кубанской косы и берега Чернаго моря до границы земли Кубанскаго войска, образуется новый рыболовный участокъ, ловъ въ которомъ облагается тою же пошлиною, какъ и въ прочихъ участкахъ. (См. стр. 72).

31) Верхная часть теченія Протоки, отъ отдѣленія ея отъ Кубани до Чубургольскаго лимана, причисляется къ участку Ачуевскому (нынѣ пятому) и ловъ въ ней также облагается пошлиною.

32) Третій участокъ (Ясенскій, Бейсугскій или Брынковскій) уничтожается и присоединяется къ четвертому, Ахтарскому, участку, получающему наименованіе третьяго. (См. стр. 72).

33) Въ помощь участковымъ довѣреннымъ назначаются по наряду отъ войска по 10 человѣкъ, которые распредѣляются однако не по ровну между участками, а по соображенію ихъ обширности и трудности производства надзора. (См. стр. 71).

34) Вмѣсто двухъ депутатовъ отъ общества рыболововъ, назначается только одинъ. (См. стр. 70—71).

35) Опредѣляется точная мѣра для различенія таловирки отъ тарани. (См. стр. 71).

36) Акцизъ съ нѣкоторыхъ породъ рыбъ увеличивается, именно: для тарани съ 30 на 40 коп. съ тысячи штукъ, для сулы съ 4 на 5 руб. съ тысячи; взамѣнъ этого пошлина, взимаемая съ галагановъ и таромы, равно какъ и съ сулинаго жиру, отмѣняется; для селявы и рыбца акцизъ увеличивается съ 1 на 2 руб. сер. (Дополненіе къ § 79. См. стр. 71).

37) Взимаемую съ рыбоспѣтчиковъ посаженную плату увеличить съ 10 на 25 коп. сер. (См. стр. 71).

III. *Мѣры къ развитію рыбнаго промысла.*

Войсковая казна получаетъ отъ рыболовнаго промысла значительныя выгоды, которыя отъ одного вольнаго рыболовства составляютъ около 40.000 р. с. дохода, и, какъ показано выше, доходъ этотъ могъ бы простираться, и безъ отдачи Ачуева въ откупное содержаніе, до 90.000 р. с. въ годъ. Поэтому было бы, кажется, совершенно справедливо, если бы войско употребило часть имѣющихся у него капиталовъ на развитіе этой промышленности и облегченіе частныхъ промышленниковъ, и тѣмъ болѣе,

что такое употребленіе войсковыхъ капиталовъ будетъ по меньшей мѣрѣ столь же выгодно, какъ если бы капиталы эти лежали въ процентныхъ бумагахъ. Капиталъ этотъ, примѣрно во 100.000 руб. сер., долженъ бы получить троякое употребленіе:

1) Часть его пошла бы на учрежденіе банка для производства ссудъ промышленникамъ, подъ залогъ ихъ заводовъ, или подъ поручительство нѣсколькихъ лицъ. Если за ссужаемые такимъ образомъ капиталы банкъ бралъ бы по $^2/_3$ копейки въ мѣсяцъ процентовъ, съ возвратомъ капитала непремѣнно въ годичный срокъ, то войсковая казна могла бы получать пять или даже шесть процентовъ въ годъ, и, черезъ извѣстный срокъ, ссуженный капиталъ былъ бы ей возвращенъ. Такой процентъ былъ бы между тѣмъ вовсе не отяготителенъ для промышленниковъ, которые теперь бываютъ вынуждены платить несравненно болѣе.

2) Другая часть должна бы быть отдана въ ссуду обществу рыболововъ, которое, избравъ изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, поручило бы имъ оптовую закупку сѣтей, кручьевъ, веревокъ и вообще принадлежностей рыболовства и, учредивъ склады въ главныхъ центрахъ рыбной промышленности, какъ-то: въ станицахъ Долгой, Камышеватой, Новонижестебліевской, въ городѣ Темрюкѣ, въ Черномъ ерикѣ и въ Ахтарскомъ поселкѣ, продавало бы изъ нихъ эти рыболовныя принадлежности, по покупной цѣнѣ ихъ, съ прибавкою лишъ издержекъ провоза и тѣхъ процентовъ, которые надо было платить войсковой казнѣ, за взятый у ней взаймы капиталъ. Наконецъ,

3) Небольшая часть капитала также была бы отдана въ ссуду обществу рыболововъ, которое должно бы было завести на нее нѣкоторыя общеполезныя для рыбной промышленности заведенія, а именно:

а) Общественныя солильни и коптильни для шемаи (селявы) и рыбца. Такія заведенія должны бы быть устроены: одно въ станицѣ Новонижестебліевской и два или три у рѣки Протоки тамъ, гдѣ находятся салы или тони, съ которыхъ производится волокушечная тяга селявы и рыбца. Солильни эти состояли бы изъ простыхъ сараевъ или навѣсовъ, гдѣ стояли бы небольшіе солильные чаны, въ которыхъ помѣщалось бы не болѣе рыбы, какъ уловъ одного дня. Укладку рыбы могъ бы производить самъ хозяинъ улова, доставляя въ тоже время и потребную—по количеству рыбы—соль. Что касается до коптиленъ, то ихъ можно бы устроить или по образу сельдяныхъ бѣлорусскихъ коптиленъ, которыя описаны въ VII томѣ изслѣдованій (стр. 76—78) и изображены на таблицѣ Д. I. 2., или же по образцу коптиленъ, устроенныхъ во многихъ мѣстахъ крымскаго прибрежья, для копченія кефали. Нанизыванье и развѣшиваніе рыбы могли бы также производиться по очереди самими же ловцами; только для надзора за горѣніемъ долженъ бы находиться одинъ или два постоянныхъ надсмотрщика. Матеріалъ для горѣнія—опилки, сырое дерево (но никакъ не кизякъ) легко могъ бы быть доставляемъ, какъ моремъ изъ Ростова, такъ и внизъ по Кубани и Протокѣ изъ Екатеринодара. Изъ этого видно, что устройство такихъ заведеній стоило бы весьма немного. Плата за соленіе и копченіе, которая должна бы быть соразмѣряема съ издержками на копченіе, съ ремонтомъ этихъ заведеній и съ процентами на капиталъ, употребленный на устройство ихъ, могла бы производиться по желанію деньгами, или удержаніемъ извѣстной доли, доставленной въ солильню или коптильню, рыбы, какъ за помолъ на мельницахъ. Ежели бы этимъ способомъ удалось довести здѣшнюю шемаю до того же достоинства, какъ терекская и куринская, то доходъ казаковъ увеличился бы можетъ быть на 15 или даже на 20 р. с. съ каждой тысячи этихъ рыбъ. (См. стр. 107—108).

б) Общественныя ледники и заведенія для приготовленія икры. Они были бы, кажется мнѣ, весьма

полезны на косахъ Камышеватой и Долгой, въ Нижестебліевской станицѣ и въ городѣ Темрюкѣ, т. е. въ главныхъ центрахъ лова красной рыбы. Въ Темрюкѣ было бы всего легче устроить такое заведеніе, ибо все здѣшнее красноловье, довольно значительное по количеству икры (336 п. въ 1863 и 1071 п. въ 1864 году), производится на какихъ нибудь пяти или шести верстахъ вдоль Темрюцкаго гирла, такъ что свозъ рыбы, для разрѣзки и вынутія изъ нея икры, здѣсь очень легокъ. Поэтому для перваго опыта было бы, кажется, всего лучше начать съ Темрюка. Польза отъ такихъ заведеній очевидна, ибо между тѣмъ какъ ачуевская икра продается кругомъ по 14 р. с. пудъ, икра съ вольныхъ промысловъ стоитъ только отъ 8 до 10 р. пудъ. Худшее качество этой послѣдней икры очевидно зависитъ отъ того, что она сборная, не равномѣрно посолена и сжата и приготовлена не искусными икряниками. Этого легко избѣгнуть въ общественномъ заведеніи, для котораго можетъ быть нанятъ опытный икряникъ, хотя бы это стоило, какъ въ Ачуевѣ, и 200 р. с. въ годъ. Что касается до ледниковъ, то мы видѣли (см. стр. 100—101), какъ они могутъ быть просто устроены и слѣдовательно дешевы, если предназначены для храненія одной только икры, а не вообще всей улавливаемой рыбы. Каждый ловецъ могъ бы привозить свою рыбу въ такое заведеніе и, вырѣзавъ икру, сдавать ее, по вѣсу, икрянику. Соль должна быть закупаема отъ заведенія, дабы она была одинаковаго и по возможности лучшаго качества. И здѣсь тоже плата могла бы производится удержаніемъ извѣстной доли изъ вырученной за продажу икры суммы, ибо лучше, если бы икра продавалась оптомъ, при чемъ можно не только ожидать выгоднѣйшихъ цѣнъ, но и избѣгнуть затруднительнаго дѣлежа, при которомъ приходилось бы нерѣдко дробить бочки и боченки.

Такія общественныя заведенія для приготовленія икры были бы существенно необходимы въ случаѣ уничтоженія откупа и предоставленія Ачуевскаго участка вольному промыслу; а устройство ихъ въ Ачуевѣ тѣмъ легче, что необходимыя для сего строенія уже готовы.

в) Общественные садки для красной рыбы, вылавливаемой въ лѣтнее время. Польза садковъ объяснена выше (см. стр. 108—109). Они были бы существенно полезны на Протокѣ и въ Темрюцкомъ гирлѣ, гдѣ могли бы состоять изъ изъ отгороженной части рѣки; а также на косахъ Долгой и Камышеватой, гдѣ для сего могли бы быть вырыты сажалки на подобіе вышеописанной. Въ такіе садки каждый могъ бы пускать своихъ рыбъ, привязавъ къ нимъ какіе либо значки, чтобы не было споровъ въ случаѣ, если бы какія нибудь изъ пущенныхъ рыбъ издохли. При такихъ садкахъ долженъ бы быть конечно приставляемъ караулъ.

Кромѣ этихъ мѣръ, которыми войсковая казна могла бы пособить кубанскому рыболовству, безъ всякой для себя потери, большимъ облегченіемъ для здѣшнихъ промышленниковъ было бы:

4) Допущеніе безпошлиннаго привоза крымской соли, съ тѣмъ, чтобы она складывалась въ магазины, устроенные въ главныхъ центрахъ рыбной промышленности, и оплачивалась пошлиною уже при выпускѣ ея изъ нихъ.

5) Было бы наконецъ весьма полезно, если бы войско отправило отъ себя способнаго человѣка, для изученія на практикѣ искусственнаго оплодотворенія рыбы, и устроило небольшое заведеніе спеціально для размноженія рыбца и шемаи,—заведеніе, которое потребовало бы небольшихъ издержекъ, если бы выведшихся мальковъ прямо пускали въ рѣку, не заботясь о прокормленіи ихъ, которое очень затруднительно и почти никогда не удается.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА
О СВОБОДНОМЪ РЫБОЛОВСТВѢ ВЪ ВОДАХЪ, ЧЕРНОМОРСКОМУ ВОЙСКУ ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ.

Глава I.

О правахъ по рыболовству.

§ 1. Право свободнаго рыболовства въ водахъ, принадлежащихъ Черноморскому войску, предоставляется исключительно лицамъ войсковаго сословія.

§ 2. Право это принадлежитъ каждому войсковому жителю, будетъ ли онъ той станицы или округа, гдѣ находятся рыболовные заводы, или нѣтъ.

§ 3. Иногороднымъ производить ловъ рыбы въ водахъ Черноморья запрещается, почему они не могутъ имѣть никакихъ рыболовныхъ заведеній какъ подъ своимъ именемъ, такъ и отъ имени лица, принадлежащаго къ войсковому сословію. Нарушившіе это правило лишаются своего заведенія продажею онаго въ пользу войсковаго приказа общественнаго призрѣнія.

§ 4. Ловъ рыбы въ существующихъ нынѣ заводахъ, принадлежащихъ иногороднымъ, долженъ быть прекращенъ съ 1 января 1855 года, а заводы предоставляется имъ снести или продать въ теченіи полугода со времени утвержденія сихъ правилъ. Не стѣсняясь симъ срокомъ, жители войсковаго сословія могутъ близь вышеупомянутыхъ заводовъ иногородныхъ устраивать свои собственные заводы.

§ 5. Рыболовство производится или изъ постоянныхъ заводовъ, или временно, наѣздомъ, безъ устройства постоянныхъ заведеній.

§ 6. Лицамъ войсковаго происхожденія, промышляющимъ рыболовствомъ, предоставляется устраивать постоянные заводы и имѣть при нихъ всѣ необходимыя принадлежности.

§ 7. Количество заводовъ и снастей опредѣляется каждому по чину: генералу неводныхъ заводовъ полагается имѣть пять, штабъ-офицеру четыре, оберъ-офицеру три, уряднику два и казаку два. Сверхъ того каждому изъ сихъ заводохозяевъ предоставляется имѣть по одному вентерю.

§ 8. Каждому, не имѣющему постоянныхъ заводовъ ни въ морѣ, ни въ лиманахъ, предоставляется имѣть по два вентеря

§ 9. Желающему предоставляется имѣть, кромѣ постоянныхъ заводовъ и вентерей, еще и сѣти въ количествѣ не болѣе двадцати штукъ, длиною каждая отъ 10 до 50 саж.

§ 10. Ловъ сѣтями дозволяется въ мѣстахъ свободныхъ, гдѣ не ходятъ невода или гдѣ ловъ неводами окончился.

§ 11. Лица войсковаго сословія ни въ какомъ случаѣ не могутъ владѣть рыболовными заводами и снастями въ большемъ противу назначеннаго въ §§ 7, 8 и 9 количествѣ.

*

§ 12. Лицамъ изъ войсковаго сословія, владѣвшимъ до утвержденія сихъ правилъ неводными заводами въ большемъ противу положеннаго количествѣ, предоставляется изъ всѣхъ заведеній своихъ избрать такія, какія пожелаютъ. Затѣмъ прочіе заводы должны подлежать правилу, постановленному въ 4 параграфѣ.

§ 13. Запрещается устраивать или пріобрѣтать заводы и вообще производить ловъ рыбы подъ чужимъ именемъ. Нарушившіе это правило лишаются пріобрѣтеннаго заведенія въ пользу войсковаго приказа общественнаго призрѣнія.

§ 14. Промышляющіе рыболовствомъ временно, наѣздомъ, безъ устройства постоянныхъ заводовъ могутъ имѣть такое количество снастей, кокое по знанію ихъ §§ 7, 8 и 9 имъ предоставляется.

§ 15. Ловъ рыбы для домашняго употребленія мелкими снастями, бреднями, вентерками, приволочками, малыми сѣтями, предоставляется каждому войсковому жителю безъ ограниченія количества сихъ снастей.

§ 16. Производящіе ловъ рыбы временно не должны ни въ какомъ случаѣ мѣшать снастями своими дѣйствію постоянныхъ заводовъ.

§ 17. Торговля рыбою и продуктами изъ нея внутри Черноморья предоставляется какъ войсковымъ обывателямъ, такъ и иногороднымъ, на основаніи существующихъ узаконеній.

Глава II.

О рыболовныхъ снастяхъ.

§ 18. Употребительныя рыболовныя снасти суть невода, сѣти, вентеря и мелкія снасти, въ § 15 упомянутыя.

§ 19. Невода и сѣти употребляются въ моряхъ, озерахъ, лиманахъ и рѣкахъ.

§ 20. Величина морскаго невода не опредѣляется.

§ 21. Величина неводовъ, употребляемыхъ въ лиманахъ и озерахъ, должна соотвѣтствовать водному пространству. На каковой конецъ общество мѣстныхъ рыболововъ, въ присутствіи станичныхъ правителей ближайшихъ станицъ и мѣстнаго смотрителя, обязано, для постояннаго руководства, опредѣлить въ какихъ лиманахъ и въ какихъ именно мѣстахъ какого размѣра могутъ быть употребляемы невода. Во всякомъ случаѣ лиманный неводъ не долженъ быть болѣе тысячи саженъ по нижней посадкѣ.

§ 22. Рѣчной неводъ полагается въ длину не болѣе половины ширины рѣки, на основаніи т. XII Св. Зак. уст. о град. и сел. хоз. прил. 3 къ ст. 399 по XVII продолж.

§ 23. Длина сѣтей полагается отъ 10 до 50 саж.

§ 24. Очки въ неводахъ и сѣтяхъ должны быть не менѣе какъ въ два вершка съ половиною, кромѣ приводовъ, гдѣ дозволяется имѣть очки и въ полтора вершка.

§ 25. Величина вентеря зависитъ отъ глубины и удобства воднаго русла. При чемъ строго наблюдается, чтобы бѣжное крыло вентеря не было ни въ какомъ случаѣ болѣе двѣнадцати саженъ.

Примѣчаніе: Вентерь устанавливается всегда ближе къ какому нибудь берегу и прикрѣпляется двумя крылами, изъ которыхъ одно, короткое, прикрѣпляется на самомъ берегу, и называется *пят-*

нымъ, а другое, длинное, идущее діагонально въ глубь на двѣ трети ширины рѣчки или протока, называется *бѣжнымъ*.

§ 26. Запрещается ловъ рыбы въ рѣкахъ, ерикахъ, гирлахъ и протокахъ сѣтями, котами, самоловами (крючьями) и другими снастями, упомянутыми въ ст. 499, 500 и 501 св. зак. т. XII устава о городск. и сельскомъ хоз. (изд. 1842 г.).

§ 27. Ловъ рыбы крючьями дозволяется только въ открытомъ морѣ не ближе семи верстъ отъ берега; во всѣхъ же внутреннихъ водахъ, лиманахъ, озерахъ, рѣчкахъ, ерикахъ и протокахъ крючья употреблять запрещается.

Глава III.

1. *Порядокъ разрѣшенія на устройство рыболовныхъ заведеній.*

§ 28. Лица войсковаго сословія, владѣвшія уже до утвержденія сихъ правилъ заводами, обязаны предъявить войсковому правленію прошеніемъ: оставляютъ ли они за собою, на основаніи § 12, какіе либо изъ своихъ заводовъ, и если оставляютъ, то какіе именно, или желаютъ избрать другія мѣста для устройства на оныхъ новыхъ заводовъ.

§ 29. Прошенія сіи должны быть поданы въ теченіе полугода со времени утвержденія сихъ правилъ. Въ противномъ случаѣ мѣста, занятыя заводами, будутъ предоставлены другимъ желающимъ.

§ 30. На устройство постоянныхъ заводовъ вновь, желающій долженъ испросить разрѣшеніе войсковаго правленія.

§ 31. Въ прошеніяхъ по сему предмету подаваемыхъ должно быть объяснено, въ какихъ мѣстахъ и для какихъ именно снастей проситель желаетъ устроить заводъ.

§ 32. При прошеніи должно быть приложено удостовѣреніе отъ мѣстнаго смотрителя въ томъ, что ловъ рыбы съ устройствомъ необходимыхъ заведеній на просимой мѣстности можетъ производиться безъ стѣсненія другихъ.

Примѣчаніе. Прошенія должны быть писаны по установленной пормѣ на гербовой бумагѣ въ 60 к. с., а приложенія къ онымъ на 30 к. с. листъ.

§ 33. За основательность и справедливость сего удостовѣренія отвѣчаетъ мѣстный смотритель.

§ 34. По разсмотрѣніи прошенія войсковое правленіе обязано, не позже двухъ недѣль, разрѣшить устройство рыболовныхъ заводовъ, если проситель согласно § 7 имѣетъ на то право, и выдать ему свидѣтельство. О разрѣшеніи семъ оно должно дать знать всѣмъ мѣстнымъ смотрителямъ къ свѣдѣнію.

§ 35. Получившій дозволительное свидѣтельство является къ мѣстному смотрителю, который и дѣлаетъ надлежащее распоряженіе согласно предъявленнаго свидѣтельства.

§ 36. Срокъ на устройство завода полагается годичный, считая оный со дня выдачи свидѣтельства. Если по истеченіи сего срока заводъ не будетъ устроенъ, то отданная мѣстность можетъ быть предоставлена другому желающему.

§ 37. Не дозволяется устраивать постоянные заводы въ такъ называемыхъ мѣстахъ базарныхъ или набѣгахъ, каковы напримѣръ въ Таманскомъ округѣ, Бирючій островъ, и пристани базарныя, Браиловская и Волкорѣзова. Таковыя мѣста должны состоять въ общемъ пользованіи всѣхъ рыболововъ, и существующія на оныхъ постоянные заводы должны быть закрыты съ 1 января 1855 года.

§ 38. Всѣ данныя на устройство постоянныхъ заводовъ разрѣшенія войсковое правленіе должно имѣть въ виду. Почему оно обязано вести алфавитные списки всѣмъ заводохозяевамъ по каждому рыболовному участку порознь, съ обозначеніемъ кто, гдѣ и какими снастями производить ловъ рыбы.

§ 39. Списки эти должны служить войсковому правленію къ справкамъ при разрѣшеніи прошеній по рыболовству.

§ 40. Рыболовныя заведенія составляютъ законную собственность хозяина и въ порядкѣ пріобрѣтенія и отчужденія подлежатъ общимъ узаконеніямъ.

§ 41. Право собственности, въ предъидущемъ параграфѣ опредѣленное, распространяется только на занятыя уже ими мѣста, не занятая же ими мѣстность составляетъ принадлежность войска.

2. *Порядокъ раздачи вентерныхъ ставокъ и установки вентерей.*

§ 42. Мѣста для установки вентерей во всѣхъ гирлахъ, протокахъ, ерикахъ и рѣчкахъ назначаются каждому пожеребью.

§ 43. Метаніе жеребьевъ производится въ присутствіи мѣстнаго смотрителя.

§ 44. На полученіе жеребья имѣютъ равное право всѣ наличные желающіе.

§ 45. Къ жеребью допускаются чиновники и нижніе чины безъ всякаго предпочтенія.

§ 46. Ежели жеребьевыхъ мѣстъ въ какомъ либо участкѣ будетъ менѣе, а желающихъ болѣе, то не получившій мѣста по жеребью можетъ участвовать въ метаніи жеребьевъ въ другомъ участкѣ.

§ 47. Получившій по жеребью мѣсто пользуется онымъ самъ, а продавать или передавать его какимъ либо образомъ другому не дозволяется. Нарушившій это правило лишается на будущій годъ права на полученіе жеребья.

§ 48. Обмѣнъ жеребьевыхъ мѣстъ дозволяется по взаимному согласію рыболововъ.

§ 49. Метаніе жеребьевъ производится разъ въ годъ и возобновляется ежегодно.

§ 50. Время для метанія жеребьевъ назначается: для Темрюцкаго гирла 1 сентября, для участка Чернаго ерика 15 сентября, въ станицѣ Новонижестебліевской 30 сентября, въ Бриньковѣ 10 октября, въ Ейскомъ округѣ 15 октября.

§ 51. Метаніе жеребьевъ производится въ мѣстахъ постояннаго пребыванія мѣстныхъ смотрителей.

§ 52. Разстояніе одного вентеря отъ другаго въ гирлахъ Ейскомъ, Бейсугскомъ, Челбаскомъ, Курчанскомъ, Темрюцкомъ и въ Черномъ ерикѣ должно быть не менѣе тридцати саженъ по протяженію воднаго русла.

§ 53. Въ Ангелинскомъ ерикѣ въ небольшихъ протокахъ, ерикахъ и рѣчкахъ, гдѣ по мелководію употребляются вентеря меньшаго размѣра, разстояніе одного вентеря отъ другаго зависитъ отъ мѣстнаго удобства. Въ семъ случаѣ мѣстный смотритель обязанъ наблюдать, чтобы рыболовы при установкѣ вентерей не стѣсняли одинъ другаго.

§ 54. При постановкѣ вентерей строго и повсемѣстно наблюдается, чтобы для входа рыбы въ рѣчку, ерикъ или протокъ была оставляема свободною и неприкосновенною для всякихъ рыболовныхъ снастей, со стороны устья, десятая часть длины рѣчки, ерика, протока или гирла.

§ 55. Если опредѣленное въ предъидущемъ параграфѣ пространство занято постоянными заводами, то ловъ рыбы изъ оныхъ долженъ быть прекращенъ съ 1 января 1855 года; самыя заведенія должны быть снесены въ теченіе полугода со времени утвержденія сихъ правилъ.

§ 56. Равнымъ образомъ наблюдается, чтобы при поставкѣ вентерей, для прохода рыбы въ сосѣднія воды, была оставляема свободною третья часть ширины русла, не исключая отъ дѣйствія сего правила и самую послѣднюю ставку. Изобличенные въ нарушеніи сего правила лишаются навсегда права на полученіе жеребья.

§ 57. Предоставляется обществу рыболововъ переднюю ставку въ гирлахъ Ейскомъ, Бейсугскомъ, Челбаскомъ, Курчанскомъ, Темрюцкомъ, въ Черномъ и Азовскомъ ерикахъ исключить изъ жеребья, и обратить на богоугодныя дѣла по существовавшему прежде обычаю.

3. Рыболовство временное и таловирничество.

§ 58. На право весенняго рыболовства, безъ устройства постоянныхъ заводовъ, и на таловирничество должно испросить словесно разрѣшеніе мѣстнаго смотрителя.

Примѣчаніе. Таловирничество есть особый мѣстнымъ обычаемъ введенный способъ рыбопромышленничества, при которомъ не требуется никакихъ рыболовныхъ снастей. Промышляющіе симъ способомъ, или таловирщики, запасаются только баграми, небольшими каюками и солилами (шапликами) и съ этими средствами собираютъ всю ту разнаго рода рыбу, которая оставляется на берегу при уборкѣ изъ моря неводовъ.

§ 59. Временно промышляющіе рыболовствомъ и таловирщики должны словесно предъявлять мѣстному смотрителю ежегодно о томъ, гдѣ и какими снастями они будутъ производить ловъ рыбы.

§ 60. Рыболовство этого рода допускается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не ходятъ невода, или гдѣ ловъ уже прекращенъ.

§ 61. Таловирщики и временно-промышляющіе рыболовствомъ, во всѣхъ случаяхъ, могущихъ до нихъ касаться, подлежатъ дѣйствію сихъ правилъ.

§ 62. Количество снастей для временно-промышляющихъ рыболовствомъ опредѣляется на основаніи §§ 7, 8 и 9 сихъ правилъ.

4. Мѣста запрещенныя для рыболовства.

§ 63. Для свободнаго прохода рыбы во всѣ внутреннія воды Черноморья запрещается рыболовство какими бы то ни было снастями въ слѣдующихъ водахъ: 1) въ гирлѣ Бугазскомъ, 2) гирлахъ рѣки Кубани, 3) въ Переволочкѣ, 4) въ гирлѣ Курчанскомъ, соединяющемъ Курчанскій лиманъ съ Азовскимъ моремъ, 5) въ Перекопкѣ, 6) въ гирлѣ Гниломъ, 7) Куценькомъ, 8) Кривомъ, 9) Желтомъ (оно жъ Жеретероватое), 10) Грязномъ, 11) Горькомъ, 12) Барилковомъ, 13) Сладкомъ, 14) Рубцовомъ, 15) Талгирскомъ, 16) Безъимянномъ, 17) Желѣзниковскомъ, 18) въ Мельниковсномъ ерикѣ, 19) Назаришиной перебойнѣ, 20) въ гирлѣ Ахтарскомъ, 21) Рясномъ и 22) Ясенскомъ.

§ 64. Сверхъ того берега моря по верстѣ въ обѣ стороны, отъ каждаго изъ упомянутыхъ устьевъ въ глубь моря на семь верстъ, должны быть свободны отъ рыболовства всѣми возможными снастями.

§ 65. Равнымъ образомъ запрещается ловъ рыбы въ лиманахъ передъ устьями впадающихъ въ нихъ протоковъ, ериковъ и рѣчекъ на пространствѣ въ обѣ стороны отъ устьевъ по полуверстѣ, а въ глубь лимана на двѣ версты.

Примѣчаніе. Пространства, запрещенныя для рыболовства, должны быть обозначены въ натурѣ какими нибудь постоянными видимыми знаками.

§ 66. Существующія въ запрещенныхъ мѣстахъ рыболовные заводы должны быть закрыты съ 1 января 1855 года.

Глава IV.

Обязанности рыболововъ.

§ 67. Заводохозяева и вообще рыболовы должны безпрекословно исполнять всѣ требованія мѣстныхъ смотрителей, какъ на сихъ правилахъ, такъ и на общихъ узаконеніяхъ основанныя.

§ 68. Заводохозяева обязаны или сами находиться при заводахъ или имѣть при каждомъ особаго управляющаго, къ которому бы мѣстный смотритель могъ обращаться съ нужными требованіями.

§ 69. Въ отвращеніе могущихъ возникать недоразумѣній, управляющіе заводами должны быть уполномочены отъ заводохозяина особою довѣренностію, только съ тѣмъ, чтобы подъ симъ предлогомъ не было передачи или укрѣпленія заводовъ, вопреки сихъ правилъ.

§ 70. По наймѣ рабочихъ (ватага) хозяева обязаны предъявлять о томъ мѣстному смотрителю и вмѣстѣ съ тѣмъ представлять паспорты каждаго изъ нихъ.

§ 71. Разсчетъ заводохозяевъ съ рабочими или ватагою долженъ быть производимъ не иначе, какъ въ присутствіи мѣстнаго смотрителя. Почему каждый заводохозяинъ обязанъ о днѣ сего разсчета заблаговременно увѣдомлять мѣстнаго смотрителя.

§ 72. Съ окончаніемъ залововъ, весенняго, меженнаго и просола, рыболовы обязаны доставлять мѣстному смотрителю свѣдѣнія о количествѣ выловленной рыбы. Свѣдѣнія эти представляются о каждомъ заловѣ порознь.

§ 73. Каждый изъ заводохозяевъ и рыболововъ обязанъ вести двѣ шнуровыя книги, скрѣпленныя по листамъ главнымъ смотрителемъ: одну для записи количества выловленной рыбы и приготовленныхъ изъ нея продуктовъ, а другую для записи разсчета съ ватагою.

§ 74. Заводохозяева обязаны соблюдать порядокъ и опрятность на заводахъ и отвращать все, могущее вредить чистотѣ воздуха и воды.

§ 75. На морскихъ рыбопромышленныхъ заведеніяхъ воспрещается жиротопленіе, на основаніи примѣчанія 2 къ статьѣ 499, тома XII Св. зак. уст. о городскомъ и сельскомъ хозяйс. по VIII продолженію (издан. 1842 года).

§ 76. Въ случаѣ какого либо происшествія на заводѣ или въ ватагѣ, хозяева обязаны доводить о томъ до свѣдѣнія мѣстнаго смотрителя.

§ 77. За нарушеніе правилъ, изложенныхъ какъ въ сей, такъ и въ прочихъ главахъ, виновные подлежатъ взысканію по законамъ.

Глава V.

Денежный сборъ въ доходъ войска за выловленную рыбу и приготовленные изъ нея продукты.

§ 78. Въ вознагражденіе за предоставленное право свободнаго рыболовства, установляется въ доходъ войска денежный сборъ съ заводохозяевъ, а съ рыболововъ за выловленную ими рыбу и приготовленныя изъ нея продукты.

§ 79. Сборъ сей назначается изъ числа и вѣса рыбы и продуктовъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Съ какихъ именно продуктовъ.	Серебромъ. Руб.	Коп.
Съ тысячи сулы	4	—
» » коропа	5	—
» » тарани	—	30
» » чебака	—	50
» » сельдей	—	60
» » рыбца	1	—
» » селявы	1	—
» » чехони	—	15
» » таловирки (разной мелкой рыбы)	—	10
Съ пуда красной рыбы	—	20
» » икры изъ красной рыбы	1	20
» » клею изъ красной рыбы	6	—
» » сома	—	10
» » клею изъ сома	—	50
» » вязиги	1	50
» » икры изъ сулы и тарани (галаганы)	—	10
Съ ведра жиру	—	10

§ 80. Все количество денежнаго сбора, подлежащаго съ каждаго заводохозяина и рыболова, опредѣляется, на основаніи предъидущаго параграфа, количествомъ выловленной рыбы и приготовленныхъ изъ нея продуктовъ.

§ 81. Подлежащая въ доходъ войска сумма представляется рыболовами мѣстному смотрителю сполна по окончаніи каждаго залова, и ни какъ не позже 1 іюля и 1 января.

§ 82. Въ удостовѣреніе взноса причитающейся въ доходъ войска суммы, выдается квитанція за подписаніемъ мѣстнаго смотрителя.

§ 83. Желающему отправить рыбу и продукты изъ нея за предѣлы Черноморья выдается отъ мѣстнаго смотрителя особый ярлыкъ.

§ 84. Никакія причины невзноса причитающейся суммы не принимаются въ уваженіе.

§ 85. Исправный взносъ заводохозяиномъ и рыболовомъ подлежащей съ него суммы обезпечивается всѣмъ его имуществомъ.

§ 86. Въ случаѣ неисправности по взносу принадлежащей войску суммы, мѣстный смотритель, въ предѣлахъ своего вѣдомства, можетъ на слѣдующій годъ запретить неисправному плательщику ловъ рыбы по всѣмъ его заведеніямъ, невзнесенная сумма пополняется изъ рыболовныхъ заводовъ его и снастей, а за недостаткомъ сего изъ прочаго имѣнія.

§ 87. Рыба и продукты изъ нея приготовляемые для домашняго обихода никакому денежному взносу не подлежатъ.

§ 88. Оплаченные рыба и продукты изъ нея состоятъ въ полномъ распоряженіи рыболововъ и могутъ быть отправляемы ими по желанію безъ всякой особой пошлины.

§ 89. Предоставляется рыболовамъ продавать вылавливаемую рыбу малыми количествами и среди лова съ тѣмъ только, чтобы она входила въ общій счетъ лова.

Глава VI.

Надзоръ по рыболовству.

§ 90. Для полицейскаго надзора и для наблюденія за исполненіемъ предписанныхъ правилъ по рыболовству, назначаются шесть мѣстныхъ и одинъ главный смотритель.

§ 91. Мѣстные смотрителя распредѣляются по слѣдующимъ рыболовнымъ участкамъ: 1-й на косахъ Ейской и Долгой, 2-й на Камышеватой и Ясенской, 3-й на Ахтарской и Ачуевской, 4-й на Темрюкской косѣ и лиманахъ: Цуровскомъ и Ахтанизовскомъ, 5-й на урочищѣ Чернаго ерика и прилегающихъ къ нему лиманахъ и берегахъ Азовскаго моря, 6-й на Бейсугскомъ и Челбаскомъ гирлахъ.

Примѣчаніе. Смотритель ачуевскаго завода состоитъ на особомъ положеніи независимо отъ сихъ правилъ.

§ 92. Мѣстные и главный смотрителя избираются и утверждаются наказнымъ атаманомъ преимущественно изъ отставныхъ чиновъ войска.

§ 93. Главный смотритель полагается изъ штабъ-офицеровъ.

§ 94. При каждомъ смотрителѣ полагаются писарь, урядникъ и два казака изъ внутренно-служащихъ.

§ 95. Всѣ мѣстные смотрителя находятся въ непосредственномъ подчиненіи главному смотрителю.

§ 96. Всѣ смотрителя по рыболовству зависятъ отъ войсковаго правленія.

§ 97. Кругъ дѣйствія каждаго смотрителя опредѣляется пространствомъ ввѣренныхъ надзору его рыболовныхъ водъ.

§ 98. На мѣстныхъ смотрителей возлагаются: а) наблюденіе за благоустройствомъ и порядкомъ на мѣстахъ лова въ полицейскомъ отношеніи; б) наблюденіе за тѣмъ, чтобы хозяева и рыболовы пользовались предоставленными имъ правами на основаніи сихъ правилъ и общихъ законоположеній; в прекращеніе между хозяевами споровъ и несогласій по рыболовству; г) взиманіе въ пользу войска опредѣленной платы за вылавливаемую рыбу; д) преслѣдованіе тайной продажи изъ заводовъ рыбы и продуктовъ изъ нея, безъ взноса опредѣленной въ пользу войска платы; е) наблюденіе за ловомъ рыбы дозволенными снастями, а также и за тѣмъ, чтобы ловъ не производился въ запрещенныхъ мѣстахъ, подъ строгою за упущеніе отвѣтственностію; ж) преслѣдованіе безпаспортныхъ; и на смотрителѣ лежитъ обязанность направлять рыболовный промыслъ какъ къ общей пользѣ рыболововъ, такъ и къ пользамъ войска.

ОТЧЕТЪ ВТОРОЙ.

ДОНСКОЕ РЫБОЛОВСТВО.

Упадокъ донскаго рыболовства. Въ противоположность рыболовству кубанскому, находящемуся въ состояніи постояннаго возрастанія, которое еще несомнѣнно усилится, если будутъ устранены нѣкоторыя обстоятельства, препятствующія его развитію (на нихъ было указано въ своемъ мѣстѣ), — рыболовство донское клонится къ упадку. Въ этомъ упадкѣ донскаго рыболовства, къ сожалѣнію, нельзя сомнѣваться, хотя очевидная невѣрность статистическихъ данныхъ о количествѣ донскихъ уловов и не позволяетъ выразить его численно. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ о рыболовствѣ, которыя я имѣю начиная съ 1837 года, наибольшій уловъ значится въ 1852 году—228.777 пудовъ, наименьшій въ 1858 году—168.850 пудовъ. Въ 1822 году, также по офиціальнымъ даннымъ, полученнымъ г. Кеппеномъ («Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken»), было поймано 5.172.389 пудовъ рыбы. Хотя эти числа, какъ будетъ показано ниже, и нельзя считать даже за приблизительное выраженіе дѣйствительности, однако же они не могутъ быть больше дѣйствительныхъ уловов, такъ какъ все же они составляются изъ показаній промышленниковъ, изъ которыхъ конечно многіе вовсе не даютъ свѣдѣній, а другіе уменьшаютъ ихъ, и притомъ неравномѣрно въ разные годы, и конечно никто не преувеличиваетъ. Потому и эти числа даютъ возможность заключить, что рыболовство уменьшилось, хотя конечно и не въ такой пропорціи, какъ показываетъ сравненіе чиселъ за 1822 и за 1856 годы. Въ поѣздку мою весною 1866 года, который былъ весьма неуловистымъ, я имѣлъ случай убѣдиться, до какой степени можетъ быть малъ уловъ рыбы въ такой рѣкѣ, какъ Донъ. Около Стараго Черкаска, слѣдовательно еще въ нижнихъ частяхъ рѣки, на моихъ глазахъ покупали сушеную воблу, привезенную съ Волги. Ее доставляютъ на Мартыновскую ярмарку (на Салѣ) и оттуда развозятъ не только вверхъ, но въ дурные годы и внизъ по Дону, и продаютъ прирѣчнымъ жителямъ, для домашняго употребленія, слѣд. даже на это употребленіе не хватаетъ своей рыбы. Со всѣмъ тѣмъ, такіе годы составляютъ лишь исключеніе, и, какъ можно видѣть изъ выше приведенныхъ цифръ, донское рыболовство вообще все еще значительно, такъ что и теперь немногимъ уступаетъ, если только уступаетъ, кубанскому. Поэтому весьма важно опредѣлить причину уменьшенія донскихъ уловов и изыскать средства для поддержанія здѣшняго рыболовства, буде это возможно.

Особенность, отличающая Донъ отъ всѣхъ прочихъ изобильныхъ рыбою рѣкъ Россіи: Волги, Урала, Куры, Терека и Кубани, заключается въ томъ, что онъ впадаетъ не въ открытое море, а въ длинный и узкій заливъ, который какъ сказать продолжаетъ рѣку еще на 130 верстъ ниже ея устья, именно

до того мѣста, гдѣ косы Долгая и Бѣлосарайская, идущія на встрѣчу одна другой, съуживаютъ выходъ изъ Таганрогскаго или Донскаго залива въ открытое море. Этотъ заливъ уже узкій самъ по себѣ, такъ какъ наибольшая ширина его не превосходитъ 40 верстъ, съуживается еще нѣсколькими парами косъ и мелей. Съуженіе это достигаетъ между косами Долгою и Бѣлосарайскою 24 верстъ; между косою Кривою и песчанными отмелями, лежащими передъ входомъ въ Ейскій заливъ,—до 18 верстъ; между отмелями, продолжающими косы Чембурскую и Бѣглицкую,—до 11 верстъ; между первыми и тѣми, которыя лежатъ передъ косою Петрушиною,—до 9 верстъ. При господствующихъ здѣсь выгонныхъ—восточныхъ вѣтрахъ, проходы или такъ сказать фарватеры для хода рыбы и противъ этого еще значительно съуживаются. Понятно, что занимающіеся рыболовствомъ въ гирлахъ Дона и на взморьѣ находятся въ точно такомъ же положеніи, какъ приречные рыболовы, живущіе слишкомъ во ста верстъ отъ устьевъ рѣки, и пользуются, какъ всѣми выгодами чисто рѣчныхъ ловцовъ, такъ и терпятъ всѣ ихъ невыгоды. Пока ниже ихъ мѣстность не заселена, или рыболовство тамъ еще не развилось, они самымъ легкимъ образомъ добываютъ огромное количество рыбы. простыми и не дорого стоющими рѣчными снастями, спокойно поджидая, пока рыба, гонимая своимъ инстинктомъ, не придетъ сама къ порогамъ ихъ домовъ. Но это благопріятное положеніе верховыхъ ловцовъ сейчасъ же измѣняется, какъ только начнетъ развиваться рыболовство ниже по рѣкѣ, и тогда начинаются безконечныя жалобы на обловы низовыхъ жителей. Такъ было на Волгѣ, гдѣ сначала рыболовство сосредоточивалось въ окрестностяхъ Хвалынска, Волжска, куда русскіе промышленники приходили для производства лова, когда низовья рѣки были еще во власти татаръ; затѣмъ главнымъ поприщемъ лова сдѣлались Астрахань и ниже ея лежащія развѣтвленія Волги, и только въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія начался тамъ морской ловъ, получившій свое настоящее развитіе только въ нынѣшнемъ столѣтіи. Такъ было и на Уралѣ, гдѣ сначала казаки не пользовались даже нижнею частью рѣки, а въ море начали рыболовство только съ 1816 года. На Курѣ и на Кубани и до сихъ поръ довольствуются почти исключительно рѣчнымъ ловомъ. Такъ точно и на Дону: пока рыболовство по косамъ таганрогскаго залива и въ самомъ заливѣ было незначительно, ловъ въ Дону былъ чрезвычайно изобиленъ. Но ловъ въ Таганрогскомъ заливѣ, какъ и вообще въ Азовскомъ морѣ, лишь недавно, со второй четверти текущаго столѣтія, сталъ принимать значительное развитіе, какъ объ этомъ было уже говорено въ первомъ отчетѣ. Это относится въ особенности къ крючному лову, который составляетъ здѣсь единственный способъ лова рыбы вдали отъ береговъ, ибо и до сихъ поръ азовскіе ловцы, какъ по количеству выставляемыхъ ими снастей, такъ и по искусству выставки и переборки ихъ, далеко уступаютъ каспійскимъ рыболовамъ, только съ недавняго времени ставшимъ появляться въ Азовскомъ морѣ, подъ именемъ астраханцевъ.

Что сами донскіе рыболовы именно съ этой точки зрѣнія смотрятъ на свое положеніе, это доказывается, какъ ихъ ненавистью къ крючному лову и нескончаемыми ссорами, переходящими нерѣдко въ настоящія побоища, съ прибрежными жителями Ростовскаго уѣзда, поселенными по сосѣдству съ ними, такъ и страннымъ законоположеніемъ 1835 года, которымъ, согласно желанію наиболѣе вліятельныхъ рыболововъ, запрещается всякій ловъ въ гирлахъ, т. е. рукавахъ Дона ниже его развѣтвленія.

Такимъ образомъ положеніе устьевъ Дона въ глубинѣ узкаго и длиннаго залива достаточно объясняетъ причину уменьшенія рыболовства въ этой рѣкѣ, — уменьшенія, которое могло бы имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, если бы рыболовство всего залива вообще доставляло не только не меньшіе, но даже и большіе, сравнительно съ прежнимъ, уловы.

Ежели бы развитіе морскаго лова не имѣло другихъ вредныхъ вліяній, кромѣ уменьшенія той доли въ общемъ уловѣ, которая приходится казакамъ, то, по моему мнѣнію, ничего бы не оставалось, какъ посовѣтовать имъ примириться съ своимъ положеніемъ и начать снаряжать морскія лодки для лова въ морѣ наравнѣ съ другими, такъ какъ статья 350 о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ (Св. Зак. т. XII, часть 2 изд. 1857 г.) даетъ имъ на то несомнѣнное право. Но не пропущеніе рыбы въ рѣку Донъ должно имѣть своимъ необходимымъ послѣдствіемъ уменьшеніе ея въ самомъ морѣ. Хотя для охраненія донскаго рыболовства и были принимаемы законодательствомъ нѣкоторыя мѣры, но онѣ имѣли собственно въ виду одно обезпеченіе обильнаго довольствованія рыбою войска донскаго и другихъ губерній, по которымъ протекаетъ Донъ, какъ это выражено въ ст. 337 Уст. о благоустр. въ казач. сел. При такомъ взглядѣ, море какъ бы считается неисчерпаемымъ источникомъ, изъ котораго рѣки получаютъ свои запасы рыбы, что справедливо только въ томъ случаѣ, когда между рѣками и моремъ существуетъ правильное взаимодѣйствіе, при которомъ рыба свободно пропускается въ рѣку, а тамъ достаточно ограждается въ своемъ размноженіи. Поэтому если въ общихъ интересахъ можно требовать, чтобы пропускъ рыбы въ Донъ былъ болѣе обезпеченъ, нежели доселѣ, (ибо все, что установлено съ тою цѣлью въ законѣ, и все, чего сами казаки желаютъ, — для этого еще совершенно недостаточно); то съ другой стороны необходимо, чтобы и сами правила производства донскаго рѣчнаго рыболовства были болѣе примѣнены къ ея безпрепятственному пропуску вверхъ и къ охранѣ ея размноженія. Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію нынѣшняго устройства донскаго рыболовства, равно какъ и тѣхъ правилъ, которымъ оно подчинено, и тѣхъ мѣръ, которыя необходимо ввести, по мнѣнію экспедиціи, — мы должны обратить вниманіе на естественныя условія Дона и прилежащей къ нему части взморья, по скольку они имѣютъ значенія для размноженія рыбы.

Естественныя условія Дона относительно размноженія рыбы. Относительно Дона, какъ и всѣхъ прочихъ нашихъ южныхъ рѣкъ, должно отличать вліяніе мѣстныхъ условій на размноженіе бѣлой рыбы, состоящей по преимуществу изъ породъ семейства сазановидныхъ, и на размноженіе красной рыбы, т. е. осетровыхъ породъ. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ Донъ представляетъ почти крайнія противоположности: на сколько онъ уступаетъ всѣмъ другимъ рѣкамъ, какъ Азовскаго, такъ и Каспійскаго морей, особливо же Кубани и Волгѣ, по условіямъ благопріятствующимъ размноженію бѣлой рыбы, на столько же превосходитъ онъ ихъ по условіямъ, благопріятствующимъ размноженію красной рыбы.

а) *Красная рыба.* Эта послѣдняя, какъ извѣстно, мечетъ икру на текучей водѣ въ самомъ руслѣ рѣкъ, по мѣстамъ съ каменистымъ дномъ. Въ подтвержденіе этого факта, въ первый разъ опредѣлительно выраженнаго г. академикомъ Бэромъ, были представлены наблюденія, сдѣланныя рыбаками почти во всѣхъ рѣкахъ Каспійскаго и Азовскаго морей, неимѣющими причинъ скрывать истину. Не лишнимъ считаю прибавить къ этому и то, что мнѣ, въ послѣднюю мою поѣздку на Донъ, сообщилъ одинъ изъ старыхъ казаковъ-рыбопромышленниковъ. Онъ самъ задалъ мнѣ вопросъ: видалъ ли я, какъ выводятся изъ икрянокъ молодые осетрики? и на мой отрицательный отвѣтъ разсказалъ слѣдующее. Разъ вытащилъ онъ сѣтью камень, весь облитый икрой; икрянки имѣли нѣсколько удлиненную форму съ заостренными кончиками, и видно было, что рыбки близки къ выходу. Онъ положилъ камень въ воду на мелкомъ мѣстѣ и имѣлъ терпѣніе наблюдать за нимъ нѣсколько часовъ, послѣ чего замѣтилъ, какъ нѣкоторыя рыбки выскользнули и стали необыкновенно быстро двигаться въ водѣ. Онъ хотѣлъ ихъ поймать горстью, но не могъ. Какъ для того, чтобы посмотрѣть вблизи на этихъ рыбокъ, такъ и потерявъ

терпѣніе ждать, онъ вздумалъ ускорить ходъ вылупленія мальковъ и сталъ ножичкомъ прорѣзывать оболочки икрянокъ. Рыбки выходили, но сейчасъ же умирали. Ясно было знать, что это осетрики, а не другая красная рыба, прибавилъ онъ. И другой фактъ изъ жизни красныхъ рыбъ, выведенный академикомъ Бэромъ изъ его наблюденій на Волгѣ,—что молодая рыба, выведясь въ рѣкѣ, уходитъ въ море, гдѣ и остается довремени своей половой зрѣлости,—вполнѣ подтверждается наблюденіями донскихъ промышленниковъ. Именно, мелкая красная рыба почти никогда не попадается въ Дону (здѣсь разумѣются не мальки, а уже рыба въ четверть и болѣе), а на взморьѣ довольно часто, и притомъ различнаго роста, смотря по времени года. На долгой косѣ въ каждую тягу вытягивали при мнѣ по нѣскольку десятковъ севрюжекъ вершковъ въ десять, изрѣдка и небольшихъ осетровъ. По замѣчаніямъ казаковъ, бѣлуги растутъ очень быстро, и годовая, говорятъ они, вѣситъ уже до 6 фунтовъ. Съ своей стороны я не могу ни подтвердить, ни отвергнуть этого.

Всѣ опытные донскіе рыболовы увѣрены, что красная рыба мечетъ икру въ Дону, на глубокихъ мѣстахъ съ каменистымъ твердымъ дномъ. Но эти твердыя каменистыя мѣста находятся въ Дону ближе къ устью, чѣмъ въ какой либо другой значительной рѣкѣ, впадающей въ Азовское или въ Каспійское моря. Именно между тѣмъ какъ красная рыба, поднимающаяся въ рѣки, находитъ каменистыя мѣста въ Волгѣ не ближе окрестностей Сарепты, въ Уралѣ за городомъ Уральскомъ, въ Курѣ за Мингачауромъ, въ Кубани за устьемъ Лабы,—въ Дону же правый нагорный берегъ продолжается не только до самаго начала дельты, но даже до самаго устья праваго рукава ея—Мертваго Донца, и только мелководіе этого послѣдняго, препятствующее входу въ него красной рыбы, нѣсколько уменьшаетъ это благопріятное обстоятельство. Но все же отъ Гниловской станицы, гдѣ находится вершина донской дельты, начинающейся отдѣленіемъ Мертваго Донца, т. е. всего въ какихъ нибудь 30 верстахъ отъ устья, встрѣчаются уже условія благопріятныя для метанія икры красною рыбою. Соотвѣтственно этому, всѣ породы красной рыбы менѣе высоко поднимаются въ Донъ, чѣмъ въ другія рѣки,—по словамъ казаковъ не выше Кочетовской станицы, т. е. до устья Донца, лежащаго менѣе чѣмъ въ 150 верстахъ отъ устья Дона. Конечно, это относится не къ отдѣльнымъ рыбамъ, случайно заходящимъ и гораздо далѣе, но къ сколько нибудь значительнымъ косякамъ. Это замѣчаніе оправдывается и численными данными объ донскихъ уловахъ. Между тѣмъ какъ вѣдомости показываютъ даже въ послѣднее время отъ 10.000 до 250.00 пудовъ красной рыбы, вылавливаемой въ округахъ Черкасскомъ и Міусскомъ (Приморскомъ), на всѣ прочіе приходится не болѣе какъ отъ 1.500 до 2.000 пудовъ, изъ коихъ конечно наибольшая доля принадлежитъ первому донскому округу, въ предѣлахъ котораго впадаетъ Донецъ въ Донъ. Этой незначительности количества красной рыбы въ верхнихъ частяхъ Дона нельзя исключительно приписать малому пропуску ея вверхъ, (хотя и это имѣетъ свою долю вліянія), ибо проходитъ же по Курѣ, не смотря на забойки, перегораживающія оба ея рукава (Куру и Акушу), значительное количество рыбы вверхъ, такъ что выше по Курѣ и Араксу ловится до 50.000 и даже до 80.000 штукъ красной рыбы. Также и на Уралѣ, не смотря на систематическій способъ лова во время севрюжьей плавни, не мало красной рыбы попадается въ руки рыбачащихъ за войскомъ. Если примемъ во вниманіе это обстоятельство, благопріятствующее размноженію красной рыбы въ Дону, и припомнимъ, что въ другой значительный притокъ Азовскаго моря—Кубань—идетъ только севрюга, бѣлуга же вовсе въ нее не поднимается, а осетръ лишь въ весьма маломъ количествѣ, то придемъ къ заключенію о необыкновенной важности пропуска красной рыбы въ Донъ и правильнаго устройства лова ея въ этой рѣкѣ, для благосостоянія всей азовской рыбной промышленности.

б) *Бѣлая рыба.* Чтобы показать, какъ напротивъ того мало выгодны условія, представляемыя низовьями Дона, для метанія икры породами бѣлой рыбы, представимъ краткое описаніе донской дельты. Развитіе этой дельты, принимая въ разсчетъ размѣры образующей ее рѣки, весьма незначительно. Она составляетъ треугольникъ верстъ въ 30 длиною и съ небольшимъ въ 20 шириною у взморья, что составитъ поверхность отъ 6 до 8 кв. миль, тогда какъ дельта гораздо менѣе значительной Кубани занимаетъ не менѣе 100 кв. миль. Но этого мало; ходъ образованія этой дельты таковъ, что, преимущественно вслѣдствіе отсутствія косы, отдѣляющей часть моря, выполняемую рѣчными наносами, въ ней не остается водныхъ пространствъ извѣстныхъ подъ именемъ лимановъ и ильменей, представляющихъ рядъ мелкихъ озеръ, поросшихъ водяными травами и въ высшей степени выгодныхъ для распложенія рыбы. Такъ какъ притомъ весенніе разливы ниже станицы Елисаветинской вовсе не чувствительны и не заливаютъ низменности, то нѣтъ и временно заливаемыхъ водою полоевъ, которые могли бы, хотя отчасти, замѣнить недостатокъ постоянныхъ лимановъ и ильменей. Поэтому, собственно дельта Дона не представляетъ мѣстъ удобныхъ для метанія икры бѣлою рыбою. Это вознаграждается нѣсколько обширною аксайскою низменностью, лежащею выше настоящей дельты, между Дономъ и рукавомъ его Аксаемъ, которая весною заливается водою и вмѣщаетъ въ себѣ озерки и котлубани, соединенныя небольшими протоками и ериками съ Дономъ и съ Аксаемъ. Другое, болѣе важное, вознагражденіе составляетъ прибрежная часть самаго взморья, такъ сказать — невышедшая еще на поверхность подводная дельта Дона. Теченіе донскихъ рукавовъ: собственно Дона, Каланчи, Кутермы, Мертваго Донца и пр., продолжается еще на нѣкоторое пространство по впаденіи ихъ въ море. Несомые ими песокъ и илъ во время полноводія осаждаются въ промежуткахъ, отдѣляющихъ рукавъ отъ рукава. Чрезъ это образуются здѣсь подводныя мели, извѣстныя подъ именемъ бугровъ, между которыми пролегаютъ болѣе глубокіе фарватеры въ море продолженныхъ рукавовъ. Бугры эти или отмели заростаютъ различными травами, сначала такъ называемымъ кучиромъ (Potamogeton), длинные и гибкіе стебли котораго нагибаются весьма косо по теченію и застилаютъ собою и сидящими на нихъ листьями всѣ бугры, обрисовывая на поверхности воды возвышенности дна—будущія продолженія острововъ, составляющихъ дельту и отдѣляющихъ рукава. Кромѣ непосредственныхъ наносовъ Дона, эти отмели возвышаются еще слѣдующимъ процесомъ. Нагонные западные вѣтра останавливаютъ донское теченіе и возвышаютъ воду залива до того, что она покрываетъ собою всю дельту до самой Елисаветинской станицы. Съ прекращеніемъ или ослабленіемъ вѣтра, напоръ пріостановленнаго теченія усиливается и вода быстро спадаетъ, такъ что сами рукава Дона и подводныя продолженія ихъ чрезъ это промываются и очищаются. Но нагнанная вода, отъ возмущенія дна мелкаго залива, бываетъ очень мутна, и во время пріостановки теченія отлагаетъ содержавшійся въ ней илъ, какъ на поросшіе тростникомъ острова дельты, такъ и на пространство, поросшее кучиромъ, почему листья его всегда бываютъ покрыты болѣе или менѣе толстымъ слоемъ илистаго осадка. Этотъ возвышающій почву осадокъ при обратномъ теченіи не сносится, какъ потому, что теченіе главнѣйшимъ образомъ направляется вдоль самыхъ рукавовъ, такъ и потому, что онъ задерживается листьями и стеблями водяныхъ растеній. Это возвышеніе дна отмелей бываетъ конечно тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ ближе къ берегу. Эти части слѣдовательно всего скорѣе мелѣютъ, и когда на нихъ остается уже мало воды, кучиръ замѣняется другою водяною травою — кугою (нѣкоторыя породы изъ родовъ Juncus и Scirpus), а при дальнѣйшемъ обсыханіи рогозомъ (Typha). Только послѣ нѣкотораго возвышенія почвы надъ среднимъ уровнемъ воды, отмели заростаютъ уже тростникомъ (Phragmites), и

тогда только могутъ считаться совершенно обратившимися въ сушу. Эти-то отмели, поросшія, смотря по глубинѣ стоящаго надъ ними слоя воды, кучиромъ, кугою или рогозомъ, и составляютъ единственныя удобныя мѣста для метанія икры породами бѣлой рыбы. Но пространство это не велико, ибо поросшія поименованными травами отмели занимаютъ отъ берега по направленію въ глубь моря не болѣе какъ отъ $2^1/_2$ до 4 верстъ, вдоль же взморья, какъ и сама дельта, верстъ около 20. Изъ этого пространства надо еще вычесть раздѣляющіе ихъ фарватеры, которые бываютъ въ версту и болѣе въ ширину, такъ что вся часть взморья, удобная для метанія икры, занимаетъ собою никакъ не болѣе одной квадратной мили пространства, т. е. въ нѣсколько разъ менѣе, чѣмъ каждая изъ группъ кубанскихъ лимановъ.

Эта мѣстность имѣетъ въ занимающемъ насъ отношеніи нѣкоторые недостатки, но за то и нѣкоторыя преимущества сравнительно съ лиманами и ильменями. Недостатки состоятъ въ томъ, что выметанная рыбою икра не находитъ здѣсь такой тихой и спокойной воды, какъ въ огражденныхъ, озеровидныхъ водовмѣстилищахъ. Бури и сильныя волненія, случающіяся иногда, могутъ выкидывать икру на берегъ, или закидывать ее пескомъ; кромѣ того, осаждающійся, только что описаннымъ способомъ, илъ, покрывая икрянки, залѣпляетъ ихъ и, препятствуя свободному доступу воздуха, вредитъ ихъ развитію. Кромѣ сего, и вылупившіеся мальки не находятъ въ открытой мѣстности столь полезнаго для нихъ затишья. Преимущества же заключаются въ томъ, что мальки обезпечены отъ прекращенія сообщенія, чрезъ высыханіе соединительнаго канала, между мѣстомъ ихъ выводки и рѣкою или моремъ, куда они должны выйти къ зимѣ, чтобы не задохнуться подъ льдомъ, или въ тинѣ пересохшихъ ильменей. Еще важнѣе то обстоятельство, что густота водяныхъ травъ рѣшительно не допускаетъ никакого лова, ни неводами, ни крючьями, ни даже ставными сѣтками и вентерями, въ поросшихъ ими мѣстахъ. Поэтому, какъ рыба, зашедшая туда для метанія икры, такъ и выведшіеся мальки, совершенно безопасны отъ всякаго преслѣдованія со стороны человѣка. Какъ ни важно это послѣднее преимущество, однако оно можетъ быть совершенно замѣнено разумными полицейскими ограничительными мѣрами касательно времени и мѣста лова, какъ это издавна существуетъ для кубанскихъ лимановъ и какъ это недавно введено для волжскихъ ильменей. Невыгоды же, представляемыя поросшимъ травами взморьемъ, рѣшительно неустранимы никакими искусственными мѣрами.

Важность пропуска бѣлой рыбы въ Кубань, а красной въ Донъ для рыболовства во всемъ Азовскомъ бассейнѣ. Изъ этого обзора естественныхъ условій, представляемыхъ низовьями Дона для метанія икры породами бѣлой рыбы, между прочимъ слѣдуетъ, что всякія ограничительныя мѣры весенняго лова, въ родѣ введенныхъ для Волги, были бы здѣсь совершенно лишними и безполезными. Все, что можетъ содѣйствовать къ размноженію бѣлой рыбы въ этой, для сей цѣли, вообще неблагопріятной мѣстности, уже сдѣлано самою природою, а все, что человѣкъ захотѣлъ бы къ этому прибавить, было бы лишь напраснымъ стѣсненіемъ промышленности. Можно бы развѣ еще пожелать, чтобы рыба безпрепятственнѣе пропускалась вверхъ, дабы большее число ея могло выметыватъ икру по озеркамъ и поломъ аксайской низменности, но это уже и безъ того требуется другими соображеніями: справедливымъ вниманіемъ къ интересамъ верховыхъ жителей и еще болѣе къ безпрепятственному размноженію красной рыбы.

Азовское море, по причинѣ его небольшаго пространства и однородности всѣхъ его условій, болѣе чѣмъ всякое другое должно быть, по отношенію къ рыбному хозяйству, разсматриваемо, какъ одно цѣлое, въ которомъ одна часть должна пополнять павшими на ея долю частными выгодами частныя не-

выгоды другихъ частей. Въ Дону должно обращать вниманіе на возможно большій пропускъ въ него красной рыбы, въ Кубани же соблюдать тѣ условія, которыя благопріятствуютъ размноженію бѣлой рыбы. Такое взаимодѣйствіе между этими главными притоками Азовскаго моря не останется безъ полезнаго дѣйствія, какъ на нихъ, такъ и на весь бассейнъ вообще. Мы видѣли, что главная причина оскудѣнія донскаго лова заключается въ положеніи устьевъ этой рѣки въ глубинѣ узкаго и длиннаго залива, дающаго возможность ловящимъ ниже въ заливѣ, съ увеличеніемъ ихъ числа и съ усиленіемъ средствъ лова, добывать въ свою пользу все большую и большую долю рыбы, направляющейся въ Донъ, и что оскудѣніе донскаго лова должно бы было естественно произойти даже и въ томъ случаѣ, если бы заливный ловъ вообще нисколько бы не уменьшился. Изъ невыгодности условій низовьевъ Дона, для размноженія бѣлой рыбы, можно однако же съ вѣроятностью заключить, что, независимо отъ этой причины, и самое количество бѣлой рыбы въ прилежащей части моря нѣсколько уменьшилось. Обыкновенно говорятъ, что рыба и преимущественно тарань, шедшая прежде въ Донъ, направилась въ Кубань. Фактъ, выражаемый этимъ, т. е. что кубанскій ловъ усиливается, а донской уменьшается, совершенно справедливъ, но толкованіе его невѣрно. Ловъ кубанскій увеличивается не потому, что донская рыба туда перешла (нѣтъ основанія принимать такой перемѣны въ нравахъ рыбы, когда самыя мѣстныя условія не претерпѣли никакой перемѣны), а потому, что тамъ съ уничтоженіемъ откупа и съ большимъ развитіемъ сбыта на прежде мало цѣнившуюся рыбу сильно развился промыслъ; подростъ же рыбы въ лиманахъ черноморья такъ значителенъ, что можетъ выдерживать такое усиленіе лова, безъ оскудѣнія рыбнаго запаса. Подтвержденіе этому можно видѣть въ томъ, что и прежде количество рыбнаго запаса въ кубанскихъ водахъ было никакъ не меньше нынѣшняго, ибо на каждый заводъ приходились даже болѣе изобильные заловы, чѣмъ нынѣ, только число заводовъ было гораздо меньше. Запасы же рыбы въ придонской мѣстности подобнаго усиленнаго лова вынести были не въ состояніи и значительно уменьшились. Хотя рыба изъ главнаго бассейна Азовскаго моря безъ сомнѣнія входитъ и въ Таганрогскій заливъ, но значительная часть рыбы, идущей въ Донъ, живетъ конечно постоянно въ этомъ заливѣ, и вотъ эта доля ея по всей вѣроятности уменьшилась противу прежняго. Такъ какъ это уменьшеніе произошло не отъ оскудѣнія въ питательныхъ веществахъ, заключающихся въ заливѣ (чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить сказанное о зеленыхъ крупинкахъ, наполняющихъ въ іюнѣ и іюлѣ воду, какъ другихъ частей моря, такъ и залива, и обращающихъ ее какъ бы въ растворъ краски), а отъ недостаточнаго, сравнительно съ выловомъ, размноженія рыбы, и такъ какъ усилить, во сколько бы нибудь значительной степени, это размноженіе въ самыхъ низовьяхъ Дона не предвидится возможности, то пособить можно бы было лишь увеличеніемъ рыбнаго запаса въ главномъ бассейнѣ моря, при чемъ часть этого избытка, отыскивая себѣ пропитаніе, направилась бы и въ Таганрогскій (донской) заливъ. Этого же усиленія запаса бѣлой рыбы въ морѣ можно достигнуть, лишь содѣйствуя размноженію ея въ столь благопріятной для сего кубанской мѣстности, что въ свою очередь главнѣйше зависитъ отъ того, какъ будутъ распоряжаться въ Черноморьѣ притокомъ прѣсной воды въ различныя группы лимановъ: усиливать ли имъ совершенно напрасно теченіе Протоки въ угоду ачуевскому откупу, или снабжать въ достаточномъ количествѣ лиманы Сладкіе и Ахтарскіе. За эту услугу, оказываемую Черноморьемъ Дону и всему азовскому бассейну, долженъ бы отплачивать Донъ усиленнымъ пропускомъ красной рыбы вверхъ по рѣкѣ и охраненіемъ ея размноженія, для котораго онъ представляетъ столь благопріятныя условія.

Я развилъ съ нѣкоторою подробностью это отношеніе двухъ главныхъ притоковъ Азовскаго моря, какъ между собою, такъ и къ общему бассейну моря, чтобы показать, что хотя бы иная значительная рѣка и составляла собственность отдѣльнаго сословія, какъ напримѣръ казаковъ, распоряжаніе такою собственностью не можетъ быть безусловнымъ, не можетъ даже ограничиваться соображеніями, клонящимися единственно къ частной выгодѣ того сословія, которое владѣетъ рѣкой, а необходимо должно подчиняться общимъ интересамъ всего бассейна, что тѣмъ легче и удобнѣе, что такое подчиненіе не преминетъ принести полезные плоды и для самого владѣльца, права котораго ограничиваются въ общемъ интересѣ. Поэтому не можетъ быть раціональныхъ рыболовныхъ положеній донскаго или кубанскаго, составленныхъ съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія. Раціональнымъ можетъ быть только общее положеніе о рыболовствѣ азовскомъ.

Правила донскаго рыболовства имѣли въ виду даже не частную пользу донскаго войска, а только низовыхъ станицъ, даже одной Елисаветовки. Если нынѣ дѣйствующія законоположенія о донскомъ рыболовствѣ имѣли въ виду только одинъ Донъ и направлены къ выгодѣ однихъ казаковъ; то по способу составленія этихъ правилъ спеціальными, изъ донцовъ составленными, коммиссіями, — оно иначе и быть не могло, и потому не заслуживаютъ еще охужденія; но эти законоположенія составлены даже не въ общихъ видахъ пользы всего донскаго казацкаго сословія, а исключительно въ выгодахъ нѣкоторыхъ низовыхъ станицъ, даже — собственно говоря — одной станицы Елисаветинской, ловъ которой составляетъ не менѣе трехъ четвертей всего донскаго рыболовства. Я имѣлъ случай близко познакомиться съ рыбною промышленностью трехъ казацкихъ сословій, владѣющихъ значительными частями моря и большими рѣками — уральскаго, кубанскаго и донскаго, и считаю себя въ правѣ утверждать, что самое дурное, наименѣе согласное съ справедливостью, устройство получило рыболовство на Дону, между тѣмъ какъ оно пользуется большими привилегіями, чѣмъ прочія казацкія рыбныя ловли, ибо не несетъ на себѣ никакихъ налоговъ, составляющихъ на Уралѣ и на Кубани не менѣе 50,000 рублей въ годъ, и никогда не претерпѣвало такого угнетенія какъ то, подъ которымъ еще недавно страдала кубанская рыбная промышленность. Такое несправедливое узко-эгоистическое устройство рыболовства, въ исключительныхъ видахъ низовыхъ станицъ и преимущественно Елисаветинской, которое положеніемъ 1835 года получило законную силу, не замедлило оказать свое вредное вліяніе на оскудѣніе рыбы въ Дону вообще, а въ томъ числѣ и на самую привилегированную станицу, какъ разсудительнѣйшіе изъ ея рыбопромышленниковъ теперь сами очень хорошо сознаютъ. И это вредное вліяніе выказалось тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше была осторожность, которой требовала донская мѣстность, по естественной неблагопріятности ея положенія въ куту узкаго залива. Сначала изложимъ это устройство, а потомъ выставимъ на видъ тѣ черты его, которыя составляютъ его коренные недостатки. Спѣшу впрочемъ прибавить, что нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ замѣчены и устранены въ новомъ проэктѣ положенія о рыболовствѣ въ войскѣ донскомъ, не получившемъ еще окончательнаго утвержденія.

Исторія взгляда на развитіе донскаго рыболовства. Рыболовство въ низовьяхъ Дона и прилежащей части моря производилось казаками еще въ то время, когда они находились во власти турокъ, и, смотря по успѣхамъ вѣчной борьбы казаковъ съ турками, оно то прекращалось, то расширялось. Но это время вольной расправы было для ихъ рыболовства лучше времени перваго покоренія Азова. Русскіе поселенцы этой крѣпости выпросили себѣ право на исключительный ловъ на протяженіи всего Дона, отъ отдѣленія отъ него Мертваго Донца до устья. По жалобѣ казаковъ, это распоряженіе было

впрочемъ скоро отмѣнено, и казаки получили прежнія свои обычныя права на рыболовство въ Дону и въ морѣ, хотя и совмѣстно съ азовцами. Съ уступкою Азова Турціи въ 1711 году и до вторичнаго покоренія его при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1736 году, прежній порядокъ вооруженнаго рыболовства возвратился для казаковъ, а вторичное покореніе Азова угрожало казакамъ опять тѣми же невзгодами, что и при Петрѣ. Низовья Дона было предположено отдать на откупъ, но по просьбѣ казаковъ отсрочили эту гибельную для нихъ мѣру. 5-го марта 1738 года пожалована казакамъ Высочайшая грамота, въ которой сказано: «Въ рѣкахъ Дону и на Мертвомъ Донцѣ и на гирлахъ, въ самомъ морѣ, въ рыбной, а въ степяхъ въ звѣриной ловляхъ войску донскому позволеніе дать и постороннимъ откупъ нынѣ остановить»; но съ этимъ вмѣстѣ наложена на нихъ обязанность не запирать морскихъ гирлъ и дозволять жителямъ Азова ловить рыбу для своего пропитанія и для довольства расположенныхъ тамъ войскъ. Такимъ образомъ и донцы утверждены Высочайшею властью во владѣніи низовьями Дона почти въ то же самое время, какъ уральцы получили право на все нижнее теченіе Урала; но они были менѣе счастливы послѣднихъ тѣмъ, что не составляли единственныхъ обитателей низовьевъ своей рѣки и прилежащей къ ней части моря. Кромѣ Азова устроена была выше по Дону крѣпость св. Дмитрія, обратившаяся въ первый торговый городъ Азовскаго моря—Ростовъ, и берега донскаго залива, отнесенныя къ Екатеринославской губерніи, были заселены въ половинѣ прошедшаго столѣтія людьми не казацкаго сословія. Такъ возникло между прочимъ въ 1760 году и селеніе Кагальницкое, расположенное при самомъ южномъ изъ рукавовъ Дона—гирлѣ Свиномъ. Естественно, что какъ жители этого селенія, такъ и прочихъ придонскихъ и призаливныхъ поселеній (посада Азова, деревень Петрогоровки, Круглой, Гостомиловки и самаго города Ростова) хотѣли участвовать въ изобильномъ ловѣ въ водахъ, омывающихъ ихъ жилища. Права ихъ на участіе въ рыбной ловлѣ не были опредѣлены, и потому донцы всѣми мѣрами старались о сохраненіи своей привилегіи.

Ссоры съ прибрежными жителями не казацкаго сословія. Они дѣйствовали, то жалобами правительству, то отвѣчая на самоуправство самоуправствомъ же. Эта борьба продолжается въ томъ же видѣ до сего времени. Г. Скальковскій (*) говоритъ: «въ наше даже время (въ 1830 году) на устьяхъ Дона столь же упорная вражда и столь же неслыханныя насилія происходятъ за право на рыболовство, какъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Тридцать четыре года послѣ этого также еще не произошло никакой перемѣны въ этомъ дѣлѣ. Болѣе или менѣе насильственный характеръ этой борьбы зависѣлъ отъ нрава и личнаго взгляда, назначаемаго донскимъ начальствомъ, смотрителя за рыболовствомъ. Не далѣе какъ въ 1864 году снаряжались еще экспедиціи изъ нѣсколькихъ десятковъ лодокъ, не только съ вооруженными казаками, но и съ иногородными забродчиками, работающими по найму у казаковъ-хозяевъ, что и этимъ послѣднимъ не могло быть пріятно, такъ какъ отвлекало ихъ работниковъ отъ дѣла. Такіе наѣзды забирали всѣхъ кого заставали ловящими въ водахъ, считающихся казацкими, отбирали у нихъ рыбу, снасти, а самихъ рыбопромышленниковъ отправляли въ Новочеркаскъ, гдѣ ихъ держали подъ арестомъ и судили. Этой участи подвергались не только тѣ, которые были пойманы въ ловѣ въ водахъ, считающихся запрещенными, но часто и тѣ, которые провозили рыбу, пойманную въ другихъ мѣстахъ, черезъ эти воды, простирающіяся во всю ширину залива и составляющія слѣдовательно единственный путь для проѣзда съ моря въ Азовъ, Ростовъ или Кагальникъ. Этому подвергались особенно тѣ про-

(*) «Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края», стр. 406.

*

мышленники, которые имѣли въ своихъ лодкахъ крючковую снасть, считаемую казаками запрещенною на пространствѣ всего Азовскаго моря. Рыболовы ростовскаго уѣзда съ своей стороны оказываютъ этимъ дѣйствіямъ казаковъ постоянное сопротивленіе, такъ что нерѣдко дѣло оканчивалось дракою, увѣчьемъ и даже смертоубійствомъ. Съ возвращеніемъ казацкаго надзора въ Донъ все принимаетъ прежній видъ и по прежнему продолжается ловъ въ запрещенныхъ водахъ, какъ жителями Ростовскаго уѣзда, такъ и самими казаками.

Замѣчательно, что обѣ стороны считаютъ себя правыми и обвиняютъ своихъ противниковъ въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ; еще болѣе замѣчательно, что и въ самомъ дѣлѣ обѣ стороны имѣютъ одинаково законное основаніе: одни ловить на всемъ пространствѣ залива, другіе запрещать этотъ ловъ.

Статья 730 Устава о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ говоритъ (Св. Зак. т. XII, ч. 2): «Производство рыбныхъ промысловъ по заливу Азовскаго моря и по всему Дону предоставляется, наравнѣ съ донскимъ войскомъ, и всѣмъ прочимъ, въ одинаковомъ правѣ съ нимъ состоящимъ обывателямъ, по землямъ имъ принадлежащимъ, *не для одного продовольствія, но и для торговли*».

Статья же 337 Устава о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ того же XII тома опредѣляетъ: «Для доставленія не только донскому войску обильнаго рыбою довольствія, единственно отъ свободнаго хода ея зависящаго, но и тѣмъ губерніямъ, чрезъ которыя протекаетъ Донъ и впадающія въ него рѣки (такъ высоко азовская рыба не заходитъ), навсегда отъ всякой рыбной снасти, остаются совершенно неприкосновенными и подвергаются строгому запрещенію: 1) Всѣ тѣ мѣста Азовскаго залива, кои объемлются урочищами, присвоенными войску донскому и поименованными во 2 пунктѣ 316 статьи (*). 2) Всѣ рукава Дона, коими рѣка сія вливается въ упомянутый заливъ, и посредствомъ коихъ получаетъ изъ него рыбу. 3) Самый Донъ до урочища Посольскаго ерика, въ юртѣ Елисаветовской станицы находящагося» и проч.

Такимъ образомъ одна статья говоритъ буквально противоположное другой, и можно ли удивляться, что каждая изъ двухъ соперничествующихъ сторонъ беретъ себѣ въ руководство ту статью, которая говоритъ въ ея пользу, а о другой совершенно знать не хочетъ.

Только въ 1866 году былъ составленъ комитетъ въ Новочеркаскѣ, съ участіемъ чиновника отъ новороссійскаго генералъ-губернатора, старавшійся примирить противоположныя требованія обѣихъ сторонъ. Образъ дѣйствія сталъ съ тѣхъ поръ со стороны казаковъ гораздо мягче; но такъ какъ коренная причина разногласія не устранена, то по прежнему продолжается ловъ въ заливѣ, какъ прибрежными жителями Ростовскаго уѣзда, такъ и самими казаками, въ чемъ я имѣлъ случай лично удостовѣриться; по прежнему продолжается и враждебное соперничество между сосѣдями.

Нелюбовь казаковъ къ крючному лову. Эта исконная борьба донскихъ казаковъ съ промышленниками изъ другихъ сословій, считавшими и считающими себя въ правѣ пользоваться ловомъ въ мѣстности, прилежащей къ устьямъ Дона, пріучила ихъ видѣть въ этомъ ловѣ причину всѣхъ ихъ недолововъ и вообще причину оскудѣнія рыбы въ Дону. Такъ какъ этотъ ловъ производится крючьями, ибо ими всего удобнѣе ловить красную рыбу въ мелкихъ частяхъ моря, да и ихъ всего удобнѣе скрывать отъ глазъ надсмотрщиковъ, то это нерасположеніе перенесли они и на самую эту, въ сущности не-

(*) Въ этомъ 2 пунктѣ 316 статьи сказано: 2) Въ морскомъ заливѣ правою его стороною отъ рукавовъ Дона до границъ таганрогскаго градоначальства, а лѣвою отъ тѣхъ же рукавовъ до урочища Семибалокъ.

винную, снасть. Въ 1819 году жалобы ихъ на обловъ разсматривались въ сенатѣ, указомъ котораго отъ 20 февраля того же года назначены были границы, въ которыхъ запрещался всякаго рода ловъ, именно: «начиная отъ гирлъ съ правой стороны моря до Таганрога (*), а съ лѣвой стороны до урочища Семибалокъ, какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время, подледными неводами, бродаками, разпорными разнаго рода плавнями и сѣтьми рыбу ловить запретить и предоставить таковую ловлю означенными снастями единственно въ морѣ...» и пр. Въ этомъ же указѣ сената общее запрещеніе ловить крючною снастью въ рѣкахъ и передъ устьями рѣкъ примѣнено не только къ гирламъ рѣки Дона, что было бы совершенно правильно, но и къ морю вообще. Въ указѣ 1819 года сказано: «Въ гирлахъ рѣки Дона и въ протокахъ, впадающихъ въ море, равно и въ самомъ морѣ, ловъ рыбы какъ въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время крючковыми снастями строго запретить, а дабы не было къ тому и малѣйшаго повода или соблазна, то всѣ таковыя снасти уничтожить...» и пр. На этомъ основаніи въ *примѣчаніи* къ статьѣ 350 устава о благоустройствѣ въ казацкихъ селеніяхъ (Св. Зак. Т. XII), въ которой говорится объ общей свободѣ рыболовства въ Азовскомъ морѣ дозволенными снастями, установлено запрещеніе крючьевъ для морскаго лова вообще.

Статья 350. *Примѣчаніе*. «*Къ дозволеннымъ для морскаго рыболовства снастямъ принадлежатъ* (указъ сената 20 февраля 1819 г.): *большіе вентери* (которыми никогда въ морѣ не ловятъ), *невода, приволоки, плавни и плавенныя сѣти; къ запрещеннымъ же: перегородки, забойки, перебойки или перетяжки* (которыхъ также никогда въ морѣ не дѣлаютъ), *въ особенности же крючки, балберочныя, кусовыя и наживныя* (даже кусовыя и наживныя, т. е. обыкновенныя удочки, безвреднѣйшія изъ всѣхъ возможныхъ снастей), *какъ такія орудія, кои, преграждая устья или протоки, часто во весь оныхъ поперечникъ* (будто другими снастями *устьевъ* перегородить нельзя, и ежели ими можно преграждать устья, то почему же запрещать ихъ въ *морѣ* вообще, котораго поперегъ перегородить уже никакъ нельзя), *препятствуютъ свободному ходу рыбы въ рѣки и потому съ древнихъ временъ запрещенныя подъ смертнымъ страхомъ*». Такимъ образомъ вкралось относительно азовскаго рыболовства другое противорѣчіе между статьями закона; ибо въ противность только что выписанной статьѣ 350, въ статьѣ 565 устава о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ того же тома дозволяется въ морѣ ловъ всякими снастями, а въ статьѣ 567 опредѣляютъ тѣ случаи, гдѣ запрещенъ крючной ловъ. Само собою разумѣется, что и тутъ, какъ и относительно совмѣстнаго разрѣшенія и запрещенія лова въ куту Таганрогскаго залива, каждая сторона толкуетъ законъ исключительно въ свою пользу.

Въ 1822 году указъ сената былъ приведенъ въ исполненіе, и казаки приписали этому будто бы возобновившееся изобиліе рыбы въ Дону. Въ 1822 году, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ цитированномъ уже выше сочиненіи академика Кеппена, въ Дону было поймано слишкомъ 5.000 000 пудъ рыбы, тогда какъ три года тому назадъ и трети этого количества поймано не было. Здѣсь страннымъ кажется мнѣ только то, почему же въ 1822 году умѣли наблюдать за охраною устьевъ отъ обловъ, а впослѣдствіи никакъ за этимъ усмотрѣть не могли. Впрочемъ дѣйствительности мѣры, запретившей ловъ рыбы въ небольшой, ближайшей къ устьямъ Дона, части залива, на усиленіе хода рыбы въ гирло,

---

(*) Собственно до таганрогскаго градоначальства, какъ сказано въ 337 ст. (Св. Зак. т. XII, ч. 2. Уставъ о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ); слѣдовало бы сказать: до армянскаго участка Ростовскаго уѣзда, къ таганрогскому градоначальству нынѣ не принадлежащаго, какъ въ новомъ проектѣ и предположено.

я не думаю отвергать, если въ то время въ другихъ частяхъ залива ловъ не успѣлъ еще въ значительной степени развиться. Но полагаю, что въ настоящее время мѣра эта, отъ строгаго проведенія которой казаки ожидаютъ столькихъ благъ, будетъ совершенно недостаточна для своей цѣли.

Установленіе нынѣ дѣйствующихъ рыболовныхъ правилъ положеніемъ 1835 года. Такимъ образомъ къ началу двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія казаки вступили во владѣніе всѣми тѣми водами, которыми и понынѣ пользуются, и права ихъ на оныя были утверждены законодательнымъ порядкомъ. Эти мѣры были дополнены положеніемъ 1835 года, которое не только точнѣе опредѣлило тѣ изъ этихъ водъ, которыя должны были оставаться запрещенными, но и постановило правила, которыми казаки должны руководствоваться при самомъ производствѣ лова въ мѣстахъ дозволенныхъ.

Дозволенными мѣстами считаются только Донъ выше раздѣленія его на рукава, т. е. до устья, впадающаго ниже Елисаветинской станицы, Посольскаго ерика, и самый сѣверный рукавъ его Мертвый Донецъ, отдѣляющійся у Гниловской станицы; всѣ же прочіе рукава, на которые Донъ раздѣляется передъ впаденіемъ въ море, и уголъ или кутъ залива въ вышеназначенныхъ границахъ по прямой линіи верстъ на 18 отъ устьевъ, по закону, изъяты отъ всякаго лова. Только, какъ бы въ видѣ исключенія, дозволяется ловъ жителямъ Азова, Кагальника и деревни Петрогоровки въ водахъ, протекающихъ въ ихъ дачахъ, но только для собственнаго пропитанія, а отнюдь не для торговли. Другое общее правило, введенное положеніемъ 1835 года и имѣвшее большое вліяніе на характеръ донскаго рыболовства, заключается въ томъ, что всѣ рѣчныя рыболовныя воды, а въ томъ числѣ и Донъ, были подѣлены между казаками такъ, что каждая станица съ принадлежащими ей хуторами и выселками имѣла право ловить только внутри границъ ея поземельнаго-юртоваго надѣла. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила было дозволеніе не соблюдать этихъ границъ въ весеннее время, во время хода рыбы. Нѣтъ нужды въ длинныхъ разъясненіяхъ, чтобы понять, какъ стѣснительно это правило для верховыхъ жителей, и какая монополія устанавливалась имъ въ пользу станицы Елисаветинской въ отношеніи пользованія водами, рыболовство которыхъ въ силу 1 статьи того же положенія (315 Устава о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ) составляетъ общее право казаковъ; а въ силу 3 и 4 статей (317 и 318) «право войска на рыболовство, во всѣхъ присвоенныхъ ему водахъ, опредѣляется свободою казаковъ производить оное не только для своего пропитанія, но и для промышленности, и польза отъ онаго должна разливаться уравнительно на цѣлое войско.»

Кромѣ Дона, въ исключительномъ пользованіи казаковъ находится еще часть залива, прилегающая къ Міусскому округу, отъ устья Міусскаго лимана до впаденія рѣки Калміуса. Но по закону казаки не имѣютъ здѣсь исключительнаго права на ловъ, а могутъ пользоваться имъ, точно также, какъ и всѣмъ Азовскимъ моремъ, совмѣстно съ прочими жителями, на основаніи свободы морскаго рыболовства, вообще принятой нашимъ законодательствомъ, а по отношенію къ Азовскому морю еще и спеціально подтвержденной статьею 350 Устава о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ (т. XII).

Раздѣленіе донскаго лова по времени его производства и употребляемымъ для него снастямъ. Объ этомъ ловѣ вдоль береговъ Міусскаго округа мы теперь говорить не будемъ, такъ какъ онъ отъ производимаго вообще въ Азовскомъ морѣ ничѣмъ не отличается, а обратимся къ лову донскому. По различію въ породахъ рыбы, идущей въ Донъ, по измѣненіямъ въ количествѣ ея, а также по употребительнымъ орудіямъ лова, донское рыболовство раздѣляется на три періода: зимній, весенній и лѣтній ли меженный. Зимой съ января, а иногда съ декабря, начинаютъ появляться лещъ и судакъ, (тарань

и синецъ показываются даже съ октября), сначала въ небольшомъ количествѣ, которое все увеличивается къ веснѣ. Въ это же время есть въ Дону и красная рыба, такъ сказать случайно въ него зашедшая, ибо настоящій ходъ рыбы начинается только со вскрытіемъ льда. Зимою рыбы эти встрѣчаются впрочемъ въ гораздо большемъ количествѣ въ морѣ, куда ѣздятъ за Сазальницкую косу и далѣе, наравнѣ съ другими промышленниками, и казаки. Здѣсь затягиваютъ иногда по 100.000 штукъ разной бѣлой рыбы преимущественно чебака (леща). Со вскрытіемъ Дона, кромѣ увеличенія количества названныхъ рыбъ, появляются малоцѣнныя породы изъ семейства сазановидныхъ: клепецъ (сопа) и ласкирь. Съ начала апрѣля, или даже съ конца марта, тарань перестаетъ идти, а съ половины апрѣля или начала мая оканчиваютъ свой ходъ лещъ и судакъ; но въ небольшомъ количествѣ они всегда находятся въ Дону. Красная рыба продолжаетъ еще идти, хотя въ меньшемъ количествѣ. Взамѣнъ ихъ появляются въ апрѣлѣ сельди той же породы, какая вообще находится въ Азовскомъ морѣ, только меньшей величины, а въ маѣ – чехонь. Сельди встрѣчаются не долѣе, какъ до половины мая, и идутъ сначала мелкія, т. е. молодыя, а потомъ покрупнѣе, но самыя крупныя въ Донъ вовсе не идутъ. Ихъ различаютъ, по величинѣ, четыре сорта. Самый мелкій называется *пластунецъ*, въ 1000 штукъ котораго отъ 20 до 25 фунтовъ, затѣмъ слѣдуетъ *пузанокъ* отъ 1 п. 20 ф. до 2 пудовъ, *тачковая* до $3^1/_2$ и *мѣрная* до 5, рѣдко до 6, пудовъ въ тысячѣ. Такъ называемый буркунецъ или бѣшакъ, величиною съ керченскую сельдь, рѣдко попадается. По окончаніи хода сельдей, чехонь все еще продолжаетъ идти до самаго Покрова. Въ лѣтнее время, именно въ іюлѣ, идетъ въ Донъ бѣлуга, не для метанія икры конечно, а вѣроятно преслѣдуя стаи разной мелкой рыбы; въ это время ловятъ ея въ Елисаветинской станицѣ кругомъ штукъ по 100 въ день. Лѣтомъ налавливаютъ въ низовьяхъ Дона до 8000 пудъ бѣлуги, до 5000 пудъ осетра и столько же севрюги, ее сажаютъ въ садки и продаютъ зимою. Въ лѣтнее же время ловятся сомъ и сазанъ; но ихъ въ Дону вообще мало, особливо сравнительно съ Кубанью.

Лѣтомъ единственное почти орудіе лова составляетъ неводъ, къ которому въ весеннее время присоединяется еще плавная двухстѣнная сѣть. Тогда же, по причинѣ быстрой воды, и неводъ употребляется короче, и безъ такъ называемыхъ *обродковъ*, т. е. крупноячейной толстой сѣти, которая обхватываетъ съ наружной стороны мотню, дабы бѣлуга не могла ее прорвать. Зимою, кромѣ неводной тяги подъ льдомъ, устанавливаютъ разныя ставныя снасти, именно: вентеря, сижи и сѣтки. Сижи—это временные заборы, состоящіе изъ растянутыхъ на колья сѣтей, идущихъ стѣною отъ берега внутрь русла рѣки. У свободной оконечности сѣть заворачиваетъ по теченію и къ ней приставляется, сильно съуживающійся къ концу, сѣтяной мѣшокъ или мотня. За сижею сторожатъ, и какъ только замѣтятъ, что рыба туда вошла, ее сейчасъ же вытягиваютъ и, развязавъ задній конецъ, вытрясаютъ рыбу. Сижи выставляются по болѣе глубокимъ мѣстамъ, и въ нихъ попадаютъ преимущественно чебакъ, тарань и судакъ.

Вентеря донскіе представляютъ замѣчательную особенность въ томъ отношеніи, что ихъ выставляютъ не только по нѣскольку въ линію, но и въ два и даже въ три этажа, вентерь надъ вентеремъ, такъ, чтобы приходилось крыло надъ крыломъ и бочка надъ бочкою. Такіе многоэтажные вентеря употребляются по причинѣ значительной глубины рѣки, доходящей до 18 маховыхъ саженъ. Эти орудія лова могли бы совершенно преградить ходъ рыбѣ, если бы, по одному изъ коренныхъ правилъ донскаго рыболовства, не оставлялось въ Дону незанимаемаго никакими снастями, свободнаго, для прохода рыбы,

фарватера въ 30 сажень шириною, что, по крайней мѣрѣ относительно ставныхъ орудій лова, и на дѣлѣ всегда соблюдается. Поименованныя снасти: невода, сижи, вентеря, а также волокуши считаются большими снастями, и каждое нераздѣльно живущее семейство имѣетъ право только на одно такое орудіе. Число же мелкихъ снастей: малыхъ вентерей, сѣтокъ, бредней неограничено. Въ видахъ же возможнаго уравненія выгодъ, получаемыхъ отъ рыболовства, запрещено казакамъ, имѣющимъ неводъ, ловить и плавными сѣтками, которыя, какъ дешевле стоющія, предоставляются менѣе богатымъ.

Лѣтній ловъ, раздѣленіе по тонямъ, порядокъ очереди, перегораживаніе рѣки неводами. Такъ какъ почти весь донской ловъ сосредоточенъ въ станицѣ Елисаветинской, отчасти еще въ Гниловской, и такъ какъ здѣсь скучено большое число ловцовъ, то весьма интересны тѣ, установившіяся обычаемъ и отчасти утвержденныя закономъ, правила, которымъ слѣдуютъ промышленники при распредѣленіи мѣстъ и назначеніи очереди лова. Всего проще организованъ лѣтній ловъ, производящійся только неводами, и мы начнемъ съ него наше описаніе. Такъ какъ ловъ ниже Посольскаго ерика, впадающаго въ Донъ противъ Елисаветинской станицы, выше отдѣленія отъ него Каланчи запрещенъ, то весь неводной ловъ этой станицы сосредоточенъ на какихъ нибудь трехъ или четырехъ верстахъ и производится только съ пяти тоней: Рыгиной, Междуериковской, Таловой, Буровихи и Медвѣжьей или Шмата. Это единственныя удобныя мѣста, для вытягиванія неводовъ на берегъ, на этомъ пространствѣ, ибо остальная часть лѣваго берега заливается при низовыхъ погодахъ; да и изъ этихъ пяти тоней при насъ могли вытягивать неводъ на берегъ на одной Таловкѣ, на всѣхъ же прочихъ тянули и самую рыбу выгружали изъ мотни, стоя въ водѣ. Всѣ хозяева неводовъ, которыхъ около 120 человѣкъ, распредѣляются жеребьями на пять отдѣленій—четвертей, по числу тоней, такъ что на каждую приходится по 23 и по 24 невода, при каждомъ изъ которыхъ есть дубъ—большая лодка для завоза и выкидыванія невода и каюкъ для выгрузки рыбы. Всѣхъ хозяевъ, владѣющихъ въ Елисаветовкѣ заводами, еще больше:—въ 1864 году ихъ было 149. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются ловомъ только весною. Четверти не приписываются каждая къ своей тонѣ, а, для большаго уравненія шансовъ, ежедневно чередуются, такъ что ловившая на передовой—нижней—тонѣ переходитъ на другой день на заднюю, а слѣдовавшая за передовою занимаетъ ея мѣсто. Также точно и въ каждой четверти невода выкидываются по жеребьевому порядку, который устанавливается передъ началомъ лова на полномъ станичномъ сборѣ. Хозяева конечно стараются, чтобы въ теченіе сутокъ очередь обошла всѣхъ, но по большому числу неводовъ на каждой тонѣ это не всегда удается; при нѣсколько вѣтренной погодѣ, замедляющей тягу, многіе остаются за жеребьемъ. Тогда они теряютъ свое право; но такъ какъ на слѣдующій день очередь начинается со втораго номера, а первый отходитъ назадъ, то эта неудача угрожаетъ всѣмъ въ одинаковой степени. Порядокъ этотъ впрочемъ, кажется мнѣ, нельзя одобрить, ибо, хотя дѣйствительно средняя опасность остаться за очередью для всѣхъ одинакова, но на дѣлѣ она нерѣдко поражаетъ всегда только нѣкоторыхъ; да и зачѣмъ предоставлять рѣшенію случая то, что можетъ быть уравнено? Казалось бы правильнѣе начинать очередь на слѣдующій день съ тѣхъ, на комъ она остановилась вчера. Такъ какъ ловля продолжается непрерывно, то—собственно говоря—передовыхъ ловцовъ, которымъ бы пришлось ловить первымъ, тутъ вовсе нѣтъ, а очередь точно также перебивалась бы и при этомъ способѣ чередованія, какъ и при нынѣшнемъ. Если же ночной ловъ выгоднѣе дневнаго, то можно бы установить двѣ очереди: дневную и ночную, которыя обходили бы кругомъ въ нѣсколько дней, причемъ опять могъ бы, для большей перебивки, начинать не первый №, ставшій уже

послѣднимъ, а второй, какъ это и нынѣ дѣлается.—Употребляемые лѣтомъ невода по закону не должны имѣть болѣе 100 саженъ въ длину, и, какъ мнѣ кажется, это постановленіе довольно точно соблюдается; если онп и нѣсколько больше 100 саженей, то во всякомъ случаѣ немногимъ. Это правило, ограничивающее длину неводовъ опредѣленнымъ размѣромъ, съ одной стороны стѣснительно и несправедливо, ибо ширина рѣки не у всякой тони одинакова; а съ другой все-таки недостаточно ограждаетъ проходъ рыбы вверхъ. Гораздо бы лучше опредѣлить длину невода въ доляхъ ширины рѣки въ мѣстѣ лова; но въ настоящее время такому постановленію препятствуетъ чередованіе тоней между четвертями, что опять-таки при малочисленности тоней неизбѣжно, такъ какъ иначе тѣ, которымъ досталась бы лучшая тоня, имѣли бы слишкомъ много преимуществъ передъ прочими. Стосаженными неводами дѣйствительно не перегораживаютъ рѣки на двухъ нижнихъ тоняхъ, гдѣ Донъ расширяется передъ раздѣленіемъ на рукава, но начиная съ Таловки въ сущности ходъ рыбы почти совершенно прегражденъ. Противъ верхняго конца Елисаветинской станицы Донъ расширяется на версту слишкомъ, но среди этого расширенія лежитъ небольшой островъ, раздѣляющій его на два рукава. Лѣвый рукавъ мелокъ, рыба, особливо красная, по немъ мало идетъ; донское же судоходное русло, проходя по правому рукаву, подходитъ къ самому правому берегу, и здѣсь-то назначенъ 30-саженный фарватеръ, долженствующій оставаться свободнымъ отъ лова. Ниже этого раздѣленія находится таловская тоня. Я имѣлъ случай лично наблюдать, какъ производится на ней тяга неводовъ. Отчалившій отъ мѣста дубъ начинаетъ выкидывать неводъ, почти уже пройдя лѣвый рукавъ, протоку, и поравнявшись съ собственнымъ Дономъ; какъ только крыло невода, почти дойдя до праваго берега, начинаетъ заворачивать обратно—при чемъ тридцати-саженный фарватеръ вовсе не соблюдается, то слѣдующій за нимъ дубъ отходитъ уже отъ берега и, пока первый догребаетъ до мѣста тони и начинаетъ вытягиваться, второй стоитъ поперегъ праваго рукава, т. е. собственнаго Дона, лишь поддерживаясь на веслахъ, а потомъ помаленьку спускается по теченію, такъ что неводъ идетъ стѣною, послѣ чего уже начинаютъ его заворачивать и тянуть. Такимъ образомъ здѣсь неводъ дѣйствуетъ троякимъ способомъ: сначала какъ ставная сѣть, преграждая ходъ рыбѣ, которая направляется въ правый рукавъ; затѣмъ какъ плавная сѣть, спускаясь стѣною внизъ по теченію, и наконецъ какъ тяглый неводъ. Хотя это и запрещено закономъ, такъ какъ статья 355 говоритъ: «поставляется общимъ и непремѣннымъ правиломъ тянуть невода не тотчасъ одинъ за другимъ, но чтобы съ притономъ перваго невода начиналъ дѣйствовать другой, а за нимъ слѣдующій»; но кому же наблюдать за исполненіемъ этого правила, когда перестановка невода поперегъ праваго рукава нисколько не вредитъ послѣдующимъ ловцамъ, а интересъ ихъ требуетъ, чтобы тяга шла какъ можно быстрѣе, дабы послѣднимъ нумерамъ не остаться за очередью. Такъ какъ невода имѣютъ здѣсь до 12 саженъ маховыхъ въ вышину и хватаютъ отъ дна до поверхности, и такъ какъ такой же непрерывный ловъ происходитъ денно и нощно и на четырехъ остальныхъ тоняхъ, то результатъ выходитъ почти тотъ же, какъ если бы Донъ былъ перегороженъ постоянною забойкою. Интересъ казаковъ требуетъ, какъ мы видѣли, возможно быстрѣйшей тяги, поэтому установлено, чтобы при каждомъ неводѣ было не менѣе 10 рабочихъ. Кромѣ того, во время тяги, рабочіе съ другихъ неводовъ помогаютъ тянуть, такъ что обыкновенно бываетъ до 20 тянущихъ. Дабы проходящія суда не зацѣпляли за выметанный неводъ, что также замедляло бы движеніе его, лодка отъ другой артели сторожитъ за неводомъ и, при приближеніи судна надѣваетъ на верхнюю подбору попарно связанные веревкою камни, чтобы ее загрузить, и снова снимаютъ ихъ послѣ прохода судна. Эта взаимная помощь, оказы-

ваемая артелями, называется подсобомъ, и для оказыванія его хозяева, которымъ подходитъ очередь лова, собираются съ своими рабочими гораздо ранѣе на тоню, чѣмъ собственно бы имъ слѣдовало.

Неводной ловъ въ Гниловской станицѣ. Такимъ же точно образомъ происходитъ неводной ловъ и въ Гниловской станицѣ, съ тою лишь разницею, что здѣсь всего 28 неводовъ и 5 волокушъ на четырехъ тоняхъ. Поэтому здѣсь нѣтъ опасности остаться за очередью, и число неводовъ на каждой тонѣ неопредѣленно. Также нѣтъ и чередованія тонями, тѣмъ болѣе, что глубина рѣки на каждой изъ нихъ различная, такъ что неводъ устроивается въ виду лова на извѣстной тонѣ. Очередь же между неводами одной тони соблюдается точно также, какъ и въ Елисаветовкѣ. Прежде было здѣсь еще менѣе неводовъ, но удачный зимній ловъ съ 1863 на 1864 годъ заставилъ многихъ завести невода въ ожиданіи обильнаго лова; но ожиданія эти, по словамъ жителей, не оправдались.

Зимній ловъ. Распредѣленіе жеребьемъ мѣстъ для сѣтокъ, сижъ и вентерей. Зимній ловъ отличается отъ лѣтняго преимущественно тѣмъ, что главнымъ орудіемъ лова становятся сижи, вентеря и сѣтки, хотя продолжаютъ дѣйствовать и подледными неводами. Для сѣтнаго лова отдѣляютъ небольшое пространство отъ Посольскаго ерика до Каланчинской косы. Всѣ желающіе мечутъ жребій о мѣстахъ, безъ всякаго ограниченія разстоянія между сѣтьми. При метаніи жеребья соединяются обыкновенно десятками, между которыми и мечется жребій. Если сѣтки окажутся слишкомъ часто стоящими, то ловцы соглашаются не ставить излишнихъ сѣтей, мѣшающихъ лову, а считать стоящія общими между согласившимися и дѣлятъ рыбу по паямъ.

Прочее пространство вверхъ до границъ Елисаветинскаго юрта предназначается для сижъ и вентерей, между которыми различія никакого не полагается. Какое у кого есть орудіе, тѣмъ тотъ и ловитъ. Все пространство раздѣляется на 122 мѣста, а какъ всѣхъ желающихъ ловить набирается до 1800 человѣкъ, то къ каждому мѣсту, прежде распредѣленія по жеребью, приписываютъ извѣстное число нумеровъ, смотря по достоинству мѣстъ. Каждый годъ исправляютъ эти списки, смотря по опыту послѣдняго зимняго лова. Есть около 15 мѣстъ однонумерныхъ, конечно самыхъ худшихъ или меньшихъ, а есть и такія, къ которымъ приписано до сорока нумеровъ. Въ одну шапку кладутъ нумера мѣстъ, а въ другую имена казаковъ. Если вынется нумеръ мѣста, къ которому приписано нѣсколько человѣкъ, то изъ другой шапки вынимаютъ столько же именъ, прежде чѣмъ изъ первой вынутъ новый нумеръ мѣста.

Но не всѣ, мечущіе жеребій, дѣйствительно желаютъ ловить, многіе только пользуются своимъ обычнымъ правомъ, чтобы перепродать его другимъ, что дѣлается по взаимному соглашенію; а если передача происходитъ между своими же станичниками, то и не запрещается закономъ. Затѣмъ, изъ непродавшихъ свои нумера, все еще остается много такихъ, которые не имѣютъ своихъ снастей. Тогда безснастные пристаютъ къ имѣющимъ снасти—каковыхъ не болѣе 100 человѣкъ, приплачивая имъ; по взаимному согласію, по сколько придется, по числу приставшихъ и по цѣнѣ снасти. Если произойдетъ соглашеніе относительно этой приплаты, то дѣлежъ, вырученныхъ за пойманную рыбу денегъ, производится уже между всѣми поровну. Если же согласія не произойдетъ, то несогласившимся выдѣляютъ въ томъ же нумерномъ мѣстѣ особливый участокъ, въ которомъ лови какъ знаешь, а если не добудешь снасти, то хоть и вовсе не лови. Здѣсь должно замѣтить, что по закону тѣ только имѣютъ право на метаніе жеребья, которые имѣютъ снасти (статья 331), но чувство народной справедливости и стариннаго товарищескаго обычая восторжествовали надъ закономъ не смотря на то, что самъ этотъ неспра-

ведливый и эгоистическій законъ установленъ по совѣту и настоянію тѣхъ же самыхъ казаковъ (или отцовъ ихъ), которые на дѣлѣ такъ великодушно имъ не пользуются. Мнѣ это сообщали сами почетные, богатые и пользующіеся общимъ довѣріемъ казаки, которые считаютъ правило о допущеніи къ жеребью тѣхъ только, которые имѣютъ свои собственныя рыболовныя снасти, – рѣшительно не примѣнимымъ на дѣлѣ, ибо возбудило бы слишкомъ сильное неудовольствіе. Впрочемъ статья 335 даетъ возможность всегда избѣгать этого примѣненія, если бы вздумали за нимъ слѣдить, не нарушая прямо закона. Она предоставляетъ казакамъ, неимѣющимъ большихъ снастей, право свободнаго рыболовства между жеребьевыми мѣстами, употребляя для сего мелкія снасти. Допущеніе къ участію въ ловѣ сижами и вентерями, за извѣстную приплату, можно поэтому считать, какъ бы добровольнымъ и для обѣихъ сторонъ выгоднымъ, замѣномъ права на выставку этихъ мелкихъ снастей, которыя могли бы помѣшать лову большими снастями. Конечно было бы гораздо лучше, если бы былъ вовсе отмѣненъ законъ, примѣненію котораго противится чувство народной справедливости.

Фарватеръ, оставляемый свободнымъ отъ рыболовства. О зимнемъ ловѣ надо еще замѣтить, что при выставкѣ ставныхъ снастей, вентерей и сижъ не только въ дачахъ Елисаветинской станицы, но и выше по Дону, 30 саженъ свободнаго отъ выставки снастей фарватера кажутся мнѣ слишкомъ малыми, и гораздо бы лучше держаться общепринятаго правила, чтобы треть рѣки оставалась свободною. Впрочемъ, такъ какъ зимній ловъ не имѣетъ никакого вліянія на размноженіе рыбъ, то установленіе фарватера для прохода рыбы вверхъ въ это время года, касающееся лишь внутреннихъ распорядковъ между различными станицами, могло бы быть предоставлено взаимному соглашенію между ними. Что же касается до верхней части Дона и его притоковъ, протекающихъ внѣ предѣловъ войска донскаго, то излишняя заботливость о пропускѣ туда рыбы изъ низовьевъ совершенно напрасна—такъ далеко она не поднимается.

Весенній ловъ. Весенній ловъ тѣмъ отличается отъ прочихъ, что на это время отмѣняется разграниченіе правъ на рыболовство по станичнымъ юртамъ, и какъ жители верхнихъ станицъ могутъ ловить внизу, такъ и наоборотъ. Это послѣднее разрѣшеніе конечно чисто номинальное, ибо какая же надобность отправляться на ловъ изъ мѣста болѣе рыбнаго въ менѣе рыбное; но и верхніе жители мало пользуются предоставленнымъ имъ правомъ на рыболовство въ нижнихъ частяхъ Дона, что зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ: 1) Время, на которое дается это разрѣшеніе, въ точности не обозначено. По закону оно должно продолжаться во время разлитія водъ, но ходъ рыбы въ Донъ начинается съ самаго вскрытія льда, когда разливъ въ низовьяхъ еще не замѣтенъ, притомъ съ Елисаветовки Донъ отъ весеннихъ разливовъ и вовсе не выходитъ изъ береговъ. 2) Такъ какъ разрѣшеніе свободнаго лова ограничено лишь краткимъ періодомъ, то для одного его не стоитъ заводить неводовъ, везти ихъ въ Елисаветовку или оставлять тамъ, и затѣмъ не употреблять въ теченіе всего года. 3) Ловъ выше Елисаветовки мало прибыленъ, ибо, какъ мы видѣли, сквозь ея пять непрестанно дѣйствующихъ тоней, не много проберется рыбы. Въ Елисаветовкѣ же при небольшомъ числѣ тоней и столь значительномъ числѣ участниковъ, что въ сутки и такъ очередь часто не успѣваетъ обходить кругомъ, приставать еще новымъ неводчикамъ также неудобно. Поэтому свобода весенняго рыболовства въ сущности ограничивается тѣмъ, что въ это время ловятъ плавными сѣтьми, которыми плаваютъ, какъ на пространствѣ Нижнепосольскаго ерика до Каланчинской косы, такъ и въ промежуткахъ между неводными тонями. Плавныя сѣти дѣлаются двухстѣнныя и не должны быть длиннѣе 50 и шире $2^1/_2$ саженъ.

*

Правило объ оставленіи фарватера въ 30 саженъ свободнымъ для безпрепятственнаго прохода рыбы относится и къ нимъ.

Сельдяной ловъ. Въ Дону, въ особенности же въ Мертвомъ Донцѣ, производится въ это время ловъ сельдей, для котораго допускается употребленіе оселедныхъ волокушъ съ болѣе мелкими очками, чѣмъ для лова вообще дозволенныя. Мѣра ячей въ общедозволенныхъ снастяхъ опредѣлена въ 2 ½ вершка, а въ приводѣ, т. е. въ болѣе мелкой сѣти, окружающей мотню на десять саженъ съ каждой стороны, въ 1 ½ вершка. Въ новомъ проектѣ донскаго рыболовства справедливо замѣчено, что эта мѣра совершенно неопредѣленна, ибо неизвѣстно, какъ ее считать, по окружности ли ячей, по сторонѣ квадрата или по діагонали; въ двухъ послѣднихъ случаяхъ ячеи будутъ уже слишкомъ велики, для ловимой въ Дону рыбы, въ первомъ же слишкомъ малы. Я считаю поэтому совершенно основательнымъ предположеніе проекта 1862 года, которымъ опредѣляется величина ячей: въ лѣтнее время 3 вершка въ окружности (¾ вершка въ сторонѣ), или такъ называемый двуперстникъ; въ зимнее, когда мелкой рыбы нѣтъ, 5 вершковъ въ окружности (1 ¼ въ сторонѣ), т. е. такъ называемый ладонникъ; ячеи же въ ¾ вершка въ сторонѣ дозволяются при подледномъ ловѣ только въ приводѣ. Во время сельдянаго лова, и новымъ проектомъ по необходимости допускаются гораздо болѣе частыя очки.

Запрещеніе нанимать иногородныхъ работниковъ изъ доли въ добычь. Объ отношеніи казаковъ-хозяевъ къ работникамъ на Дону говорить нечего, потому что здѣсь запрещено закономъ нанимать иногороднихъ рабочихъ не иначе какъ на срокъ, за опредѣленную плату. Столь употребительный вездѣ въ Россіи ловъ изъ за пая въ уловѣ здѣсь не допускается, и притомъ такъ строго, что за каждаго пайщика не изъ казацкаго сословія опредѣленъ штрафъ въ 7 р. 50 к. и, кромѣ того, провинившійся лишается права на рыбную промышленность. Трудно опредѣлить мысль, которою руководствовались при установленіи этого правила. Если при этомъ имѣлось въ виду сосредоточить выгоды отъ лова исключительно въ рукахъ казаковъ, то въ такомъ случаѣ надо бы было вообще запретить имѣть иногороднихъ рабочихъ, какъ это установлено на Уралѣ, гдѣ дѣйствительно одни казаки пользуются выгодами отъ рыболовства и притомъ съ возможною въ этомъ дѣлѣ уравнительностью. Но получаетъ ли работникъ опредѣленную плату, или пай изъ улова, не совершенно ли это все равно, когда опытъ и обычай устанавливаютъ какъ для величины заработной платы, такъ и для размѣра приходящейся на долю работниковъ части улова, такую среднюю норму, при которой оба эти вида вознагражденія за трудъ достигаютъ той же средней величины. Здѣсь скорѣе можно видѣть опять также покровительство болѣе достаточнымъ казакамъ, какъ и въ правилѣ давать жеребій лишь тѣмъ, которые имѣютъ снасти необходимыя для лова, ибо маломощный казакъ скорѣе рискнетъ завести свою рабочую артель, если плата ея будетъ пропорціональна улову, нежели когда придется уплатить ей уговорную цѣну, даже и въ томъ случаѣ, если ловъ ничего не принесетъ кромѣ убытковъ.

Ловъ въ притокахъ Дона. На рѣкахъ, впадающихъ въ Донъ, ловъ вообще незначителенъ и служитъ лишь для мѣстнаго продовольствія рыбою. И въ этихъ рѣкахъ существуетъ правило объ оставленіи свободнымъ отъ всякихъ снастей фарватера для прохода рыбы, но ширина его, въ нынѣ дѣйствующихъ постановленіяхъ, не опредѣлена, въ проектѣ же новыхъ правилъ полагается опредѣлить въ нихъ проходъ въ ⅓ ширины рѣки, что, какъ я уже замѣтилъ, было бы полезнымъ назначить общимъ правиломъ, какъ для Дона и всѣхъ его рукавовъ, такъ и для его притоковъ. Въ мертвомъ Донцѣ, который уже прочихъ донскихъ рукавовъ, ширина фарватера назначена въ 15 саженъ. Изъ лововъ,

производимыхъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Донъ заслуживаетъ вниманія только ловъ близъ устьевъ Манычa по злоупотребленію, которое здѣсь ввелось.

Перегораживаніе устьевъ Маныча. Отъ таянія снѣговъ и разлива рѣчекъ, впадающихъ въ манычскую ложбину, весною вода сильна въ ней прибываетъ и вмѣсто солонцеватой, какова она въ остальное время, становится прѣсною. Къ концу этого половодья Маныча наступаетъ разливъ Дона, вода котораго подпираетъ манычскую и, по причинѣ слабаго ската долины, заливается далеко вверхъ по ней, верстъ на семьдесятъ или даже болѣе. Такъ какъ Манычъ самый нижній изъ притоковъ Дона, то сюда доходитъ еще довольно много рыбы и она поднимается по немъ вверхъ. По манычской ложбинѣ, представляющей собою русло высохшаго морскаго пролива, много озеровидныхъ расширеній, поросшихъ тростникомъ и другими водяными травами, въ которыхъ рыбѣ удобно метать икру. Съ окончаніемъ донскаго разлива, вода въ Манычѣ быстро уменьшается и, по значительному содержанію соли въ почвѣ его ложбины, скоро солонѣетъ, дѣлается горьковатою и принимаетъ даже тяжелый запахъ; поэтому зашедшая въ него рыба возвращается уже къ іюню и даже къ концу мая въ Донъ, не только крупная, но даже и мелкая. Лишь по самымъ большимъ разливамъ, гдѣ есть мѣстный притокъ прѣсной воды, остаются сазаны, достигающіе иногда весьма значительной величины. Пока вода не пойдетъ на убыль, ловъ въ нижнемъ Манычѣ свободный, но какъ только подпоръ донской воды прекратится и теченіе Маныча приметъ свое обыкновенное направленіе, начинаютъ дѣлать у Нижнеманычской станицы запоръ поперегъ всей рѣки, чтобы перехватить возвращающуюся рыбу. Право дѣлать этотъ запоръ отдаетъ станица на откупъ. Въ настоящее время оно отдано за 100 руб. въ годъ, по контракту на 10 лѣтъ, одному изъ жителей станицы. Запоръ долженъ довольно прочно устраиваться, такъ какъ теченіе, особливо въ первое время, очень быстро. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ. Поперегъ рѣки вбиваютъ сваи или пали и къ каждой изъ нихъ подпорку, называемую подкосною, направленную косо по теченію. Поперегъ на воду кладутъ такъ называемыя паводни, образующія узенькій мостикъ—всего въ одно бревно. Къ паводню прислоняютъ плетни, т. е. растянутую на кольяхъ—называемыхъ смычными—сѣть, связанную изъ бичевокъ въ гусиное перо толщиною. Десять смычныхъ кольевъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго аршина на два, составляютъ плетень; плетни всѣ между собою связываются уже въ водѣ. Опускаются плетни съ лодокъ и устанавливаются водолазами. Напоромъ воды придавливаетъ ихъ къ палямъ. Дабы рыба не проскользала у дна черезъ этотъ запоръ, а также, чтобы она не ушла, если часть его разрушитъ напоромъ воды, что случается нерѣдко, нынѣшній откупщикъ вздумалъ устроить въ полуверстѣ выше другой запоръ, только изъ болѣе крупноячейной сѣти, который ослаблялъ бы напоръ воды и удерживалъ крупную рыбу. Когда вода спадетъ и теченіе ея уменьшится, этотъ верхній запоръ разбираютъ; главный же, т. е. нижній запоръ стоитъ до половины іюля, пока еще рыба есть. Ниже этого запора можно всякому ловить чѣмъ угодно, но выше только небольшими бреднями и ставушками для своего употребленія. Дабы вся рыба шла по манычскому руслу, запираютъ всѣ эрики, текущіе въ половодье изъ Маныча въ Донъ; а ту рыбу, которая заходитъ въ разливы, называемые здѣсь косами, сгоняютъ въ русло, ловятъ же передъ запоромъ неводами. Судаковъ и сазановъ оставляютъ отчасти живыми въ садкахъ, для продовольствія рыбою Новочеркаска, откуда пріѣзжаютъ за ними купцы, прочую же рыбу солятъ и продаютъ большею частью въ Ростовѣ или на линію.

Вредное вліяніе этого запиранія Маныча зависитъ отъ степени частости употребляемыхъ на это сѣтей. Если онѣ часты, то и молодая рыба, выведшаяся въ настоящемъ году, или остававшаяся въ ли-

манахъ отъ прошедшаго года, но не достигшая еще половой зрѣлости, перелавливается прежде, чѣмъ сама успѣетъ содѣйствовать размноженію своей породы. Въ этомъ случаѣ, въ отношеніи къ распложенію рыбы, результатъ будетъ такой же, какъ если бы рыба вовсе не заходила весною въ Манычъ для метанія икры, или вся перелавливалась еще на пути въ него. Если бы ячеи запора были рѣже, такъ что имъ останавливалась бы только крупная рыба, этого вреда конечно бы не было, но и въ этомъ случаѣ запиранія рѣки нельзя оправдать, потому что оно нарушаетъ равномѣрность распредѣленія рыбы между всѣми, живущими по Дону и имѣющими право пользоваться въ немъ рыбною ловлею. Если считается необходимымъ, чтобы низовые ловцы оставляли рыбѣ проходъ вверхъ, не для того только, чтобы она могла распложаться, въ каковомъ случаѣ правила о неперегораживаніи рѣкъ примѣнялись бы лишь къ одному времени хода ея въ рѣки для метанія икры, но также и для того, чтобы и верхніе жители ею пользовались; то само собою разумѣется, что того же могутъ требовать и низовые ловцы отъ верховыхъ. Но у Нижнеманычской станицы ячеи сѣтей нижняго запора имѣютъ не болѣе 1 вершка въ квадратѣ, и такъ какъ они заплываютъ сносимыми теченіемъ тиною, травою и разнымъ соромъ, то этого достаточно для непропущенія очень мелкихъ рыбъ. По откровенному выраженію самаго содержателя запора, у него ни одна рыбка не пройдетъ мимо его рукъ. Распространеніе и на Манычъ общаго правила, существующаго уже на Дону, по которому часть фарватера—и всего лучше въ одну треть ширины рѣки—должна оставаться свободною для прохода рыбы, тѣмъ легче привести въ исполненіе, что Нижнеманычская станица получаетъ весьма мало выгодъ—всего только сто рублей—изъ дозволенія перегораживать рѣку.

Три характеристическія черты донскаго рыболовства. Изъ представленнаго описанія донскаго лова и развитія руководящихъ имъ началъ съ достаточною, кажется, ясностью выказываются тѣ характеристическія черты, которыми опредѣляется отличіе донскаго рыболовства отъ производимаго въ прочихъ нашихъ рыбныхъ рѣкахъ, равно какъ и тотъ взглядъ, который сложился у казаковъ на потребности ихъ рыболовнаго промысла. Эти основныя характеристическія черты суть: 1) Раздѣленіе не только мелкихъ рѣкъ и озеръ, но и самаго Дона съ низовьями по станичнымъ юртамъ. 2) Запрещеніе лова въ рукавахъ Дона отъ самаго начала его развѣтвленія. 3) Понятіе, что оскудѣніе рыбы въ Дону происходитъ отъ лова въ куту залива на небольшомъ протяженіи передъ устьями Дона, и что ежели только его устранить, то разольется благоденствіе между донскими рыбопромышленниками. Первыя двѣ основныя черты, на которыхъ зиждется устройство донскаго промысла, не только не справедливы, но въ своемъ приложеніи положительно вредны, послѣдняя же, хотя и справедлива, но выказываетъ слишкомъ узкій взглядъ на причину оскудѣнія рыбы въ Дону, объясняемый тѣмъ, что въ жару своей постоянной борьбы съ жителями прибрежныхъ селеній ростовскаго уѣзда, казаки, кромѣ ихъ такъ называемаго хищническаго рыболовства, какъ бы ничего ни знать, ни видѣть не хотятъ. Разсмотримъ въ отдѣльности эти три основы донскаго рыбнаго хозяйства.

а) *Раздѣленіе рыболовныхъ водъ по станичнымъ юртамъ.* 1) *Присвоеніе лова въ низовьяхъ Дона отдѣльнымъ станицамъ.* Рыболовство въ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское и Азовское моря, имѣетъ характеръ совершенно особый отъ рыболовства во всѣхъ другихъ рѣкахъ. Мѣстная, постоянно живущая въ нихъ, рыба составляетъ лишь незначительную долю той, которая огромными массами стремится въ нихъ изъ обширныхъ пространствъ моря. Такъ какъ этотъ ходъ рыбы въ рѣки имѣетъ существеннѣйшее вліяніе на ея размноженіе, то морской ловъ долженъ былъ подвергаемъ различнаго рода ограниченіямъ,

смотря по мѣстнымъ условіямъ. Можетъ ли послѣ этого вся выгода, и отъ природной привилегіи, которою эти рѣки пользуются, и отъ искусственной поддержки ея законодательными мѣрами, сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ частныхъ лицъ или немногочисленнаго общества? Наше законодательство справедливо не признаетъ частнаго владѣнія моремъ и объявляетъ рыболовство въ немъ свободнымъ даже у самыхъ береговъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; оно ограничиваетъ даже право собственности надъ прибрежною полосою земли извѣстными повинностями въ пользу желающихъ заниматься морскимъ ловомъ. Но, что значитъ рыболовство на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ, даже сотенъ верстъ вдоль морскаго прибрежья съ рыболовствомъ въ узкой трубѣ рѣки выше раздѣленія ея на рукава, черезъ которую, какъ черезъ дефилеи, должна протискиваться рыба, собирающаяся съ пространства моря въ десятки тысячъ квадратныхъ верстъ? Между тѣмъ владѣніе рѣчными берегами даетъ несомнѣнное и закономъ признанное право на исключительный ловъ въ рѣкѣ. По счастію, это противорѣчіе, между неприкосновенностью правъ собственности и необходимымъ логическимъ выводомъ изъ характера естественнаго рыбнаго хозяйства нѣкоторыхъ изъ нашихъ рѣкъ и морей, на дѣлѣ совершенно устраняется установившимся порядкомъ владѣнія низовьями рыбнѣйшихъ изъ нашихъ рѣкъ. Уралъ и Кубань принадлежатъ многолюднымъ казацкимъ обществамъ. Кура составляетъ собственность государства и вноситъ въ доходы его безъ малаго 400.000 руб. Терекъ принадлежитъ частію казацкому же обществу, частію же казнѣ. Волга составляетъ правда исключеніе, но здѣсь дельта такъ обширна (нѣсколько десятковъ рукавовъ на пространствѣ около 200 верстъ съ запада на востокъ и 150 съ сѣвера на югъ), что пользованіе ею разбилось между многими большими и малыми частными владѣльцами, городскими и сельскими обществами, астраханскими казаками и наконецъ казною, которой принадлежитъ лучшая и большая половина дельты. Притомъ рѣка такъ громадна, рукава ея такъ широки, что, не смотря на напряженность тамошняго лова, прегражденіе хода рыбы вверхъ по рѣкѣ, въ такой мѣрѣ какъ на Дону, тамъ почти невозможно. По закону, основанному на Высочайшихъ грамотахъ, и донскому рыболовству усвоенъ характеръ общественный, но неправильное примѣненіе этого основнаго закона обратило почти все донское рыболовство въ собственность одной Елисаветинской станицы, населенной какими нибудь 3000 душъ.

Хотя данныя объ уловѣ рыбы, сообщаемыя войсковому начальству, не заслуживаютъ большаго вѣроятія, однако же все-таки можно по нимъ судить, на сколько ловъ въ низовыхъ станицахъ: Елисаветинской, Гниловской, Александровской, Аксайской, Старочеркаской и Нижнеманычской превосходитъ ловъ въ остальной части Дона, и въ частности на сколько между этими шестью станицами имѣетъ преимущество Елисаветинская. Въ 1852 году, напримѣръ, на 3,228,000 пудовъ бѣлой рыбы, означенной въ уловѣ шести низовыхъ станицъ, поймано во всѣхъ остальныхъ округахъ 62,000 пуд, т. е. менѣе $^{1}/_{50}$ доли. Самая выгодная для верхнихъ станицъ пропорція была въ 1865 году—67,800 пудъ бѣлой рыбы на 442,000 пудъ, но и она не болѣе $^{1}/_{7}$. За 1863 годъ имѣются у меня показанія отдѣльно по каждой изъ шести низовыхъ станицъ. Въ этомъ году изъ 328,566 пудовъ пойманной въ нихъ бѣлой рыбы на долю Елисаветинской станицы приходилось 230,500 пуд., т. е. $^{3}/_{4}$ всего количества. Если судить по этимъ даннымъ, то отъ $^{3}/_{5}$ до $^{3}/_{4}$ всего донскаго улова принадлежатъ одной Елисаветинской станицѣ. При этомъ надо замѣтить, что невѣрность данныхъ, на которыхъ сдѣланы эти выводы, не можетъ измѣнить ихъ общаго результата, ибо если количество показанныхъ рыбъ уменьшено, то всего болѣе въ Елисаветинской станицѣ, какъ по трудности какого бы то ни было контроля

при обширности рыболовства и большемъ числѣ промышленниковъ, такъ и по большому интересу именно этой станицы скрывать или уменьшать свои заловы.

Несправедливость такого порядка вещей еще болѣе бросается въ глаза, если обратить вниманіе на то, какимъ образомъ образовались Елисаветинская и двѣ слѣдующія за нею низовыя станицы, Гниловская и Александровская. «До 1760 года на всемъ пространствѣ донскихъ береговъ отъ Аксая внизъ до моря разсѣяны были однѣ только рыбачьи хижины, принадлежавшія казакамъ разныхъ станицъ. Время отъ времени поселенія эти умножались и получили названіе рыбачьихъ становъ, какъ-то Руговскій, Гнилой и Щучій или Казачій. Въ нихъ поселилось много малороссіянъ, пришедшихъ на Донъ; они сначала считались приписными за станицами, а впослѣдствіи обращены въ казаковъ. Когда умножилось число жителей въ сихъ станицахъ и были сооружены въ оныхъ церкви, то они переименованы станицами. Первый Роговскій станъ названъ станицею въ 1799 году; Гниловской вскорѣ послѣ него, а Щучій станъ названъ Елисаветинской станицею въ 1807 году» (*), а въ 1835 году произошло раздѣленіе рыболовныхъ водъ по станичнымъ юртамъ. Изъ этого видно, что самое образованіе Елисаветинской и двухъ другихъ станицъ произошло вслѣдствіе стариннаго права всѣхъ казаковъ пользоваться рыболовствомъ на всемъ протяженіи Дона, въ землѣ казаковъ, и что выходцы изъ всѣхъ станицъ воспользовались своимъ преобладающимъ вліяніемъ въ рыболовномъ отношеніи, чтобы монополизировать въ свою пользу все донское рыболовство. Стараніе донцовъ обратить часть залива въ заповѣдное пространство,—стараніе оправдываемое въ самомъ законѣ (ст. 337) необходимостью доставленія обильнаго рыбою довольствія не только донскому войску, но и тѣмъ губерніямъ, черезъ которыя протекаетъ Донъ и впадающія въ него рѣки, имѣло въ результатѣ лишь покровительство монополіи Елисаветинской станицы. Неужели это достаточная причина для того, чтобы лишать права на рыболовство 14,000 жителей ростовскаго уѣзда, живущихъ при донскихъ гирлахъ и по берегамъ запрещенной части залива? (**). Но, какъ мы вскорѣ покажемъ, безпрепятственный ходъ рыбы въ Донъ не можетъ быть обезпеченъ однимъ запрещеніемъ лова въ заливѣ, до границъ Армянскаго участка съ одной и до урочища Семибалокъ съ другой стороны, а требуетъ мѣръ несравненно болѣе обширныхъ, — обнимающихъ собою весь Таганрогскій заливъ, до косъ Долгой и Бѣлосарайской. Неужели же принять и эти мѣры при убѣжденіи, что онѣ послужатъ почти лишь въ исключительную пользу одной станицы? Мнѣ весьма пріятно, что въ этомъ отношеніи я вполнѣ могу раздѣлить взглядъ, выраженный комитетомъ, составившимъ новый проэктъ положенія о рыболовствѣ въ войскѣ донскомъ, — проэктъ, въ которомъ (ст. 8 пунктъ б) предполагается, кромѣ допущенія свободы рыболовства на всемъ пространствѣ Дона во время весенняго разлива, ввести ее во всякое время года, начиная отъ юрты Нижнеманычской станицы до

(*) Военно-статистическое обозрѣніе земли войска донскаго. Генеральнаго штаба полковника Штюрмера. Стр. 225.

(**) По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1861 году, жителей было:

	Муж. п.	Жен. п.	Итого.
Въ мѣстечкѣ Кагальникѣ	2,751	2,783	5,534
Въ хуторѣ Узякѣ	95	86	181
Въ хуторѣ Кругломъ	680	665	1,345
Въ посадѣ Азовскомъ	—	—	6,878
Всего	—	—	13,938

устьевъ, съ дозволеніемъ всѣмъ жителямъ войсковаго сословія имѣть въ сихъ мѣстностяхъ дома и рыбоспѣтные заводы. Но положеніе 1835 года не удовольствовалось и тѣмъ, что раздѣленіемъ рыболовныхъ водъ по станичнымъ юртамъ, такъ сказать, передало все рыболовство въ руки одной станицы, принеся ей въ жертву выгоды жителей верхнихъ станицъ; оно нашло средство также точно поступить и относительно поселковъ, лежащихъ по рукавамъ Дона ниже Елисаветинской станицы, именно чрезъ

б) *Сосредоточеніе лова выше раздѣленія Дона на рукава. 2) Запрещеніе лова въ рукавахъ Дона, послѣ его развѣтвленія.* Эта мѣра, существованію которой трудно повѣрить, не видя ея осуществленія на самомъ дѣлѣ, составляетъ предметъ 337 статьи положенія о благоустройствѣ въ казацкихъ селеніяхъ. Весьма понятно, что Елисаветинскіе рыбопромышленники, видя, что жители поселковъ Абуховскаго (866 душъ, при рукавѣ Каланча, близъ его отдѣленія отъ Дона), Рогоженскаго (56 душъ, при отдѣленіи Кутермы отъ Каланчи), Петровскаго (40 душъ, на самомъ Дону немного ниже Азова), Государевскаго (471 душа, еще ниже на Дону у самаго его развѣтвленія на гирла: Свиное, Кривое, Бирючье, Донское и Мереновое) и Синявки (453 души, близъ устья Мертваго Донца), занимаютъ въ отношеніи къ нимъ совершенно такое же положеніе, какое они сами относительно всѣхъ прочихъ, выше по Дону лежащихъ, станицъ, считали производимый ими ловъ для себя невыгоднымъ, а слѣдовательно и вообще вреднымъ. Но какимъ образомъ могли они убѣдить другихъ, что запрещеніе разбросаннаго лова вдоль многочисленныхъ рукавовъ, все протяженіе которыхъ составляетъ около 100 верстъ, и вслѣдствіе этого сосредоточеніе его въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ уже всѣ рукава сошлись въ одну трубу, можетъ способствовать проходу рыбы вверхъ, — это было бы рѣшительно непонятнымъ, если бы съ этимъ запрещеніемъ лова, даже для казаковъ, ниже развѣтвленія Дона, не соединялось подавно запрещеніе его въ участкахъ, состоящихъ въ дачахъ Азова, Петро-горовки, Кагальника, т. е. придонскихъ поселеній не казацкаго сословія, обловамъ которыхъ казаки привыкли приписывать всѣ свои невзгоды. Тѣмъ не менѣе удивительно, какъ ослѣпленіе могло дойти до того, что люди военные забыли, что самые важные стратегическіе пункты, гдѣ всего легче остановить, по разнымъ путямъ стремящагося непріятеля, суть тѣ именно, гдѣ эти пути сходятся, соединяются въ одну дорогу. Самый простой здравый смыслъ говоритъ, что тоже правило примѣняется и къ рыболовной стратегіи, — правило, которое очень хорошо понимали тѣ выходцы изъ разныхъ станицъ, которые избрали для своего поселенія и своихъ рыболовныхъ дѣйствій именно мѣстность Щучьяго стана,—повыше отдѣленія Каланчи отъ Дона. Если бы тѣ 120 неводовъ, которые даже въ лѣтнее время непрерывно выметываются и затягиваются на пяти елисаветинскихъ тоняхъ, размѣстились по всему пространству Дона, Каланчи, Кутермы, Егурчи, Переволоки и т. д., тоняхъ на тридцати или болѣе, то не очевидно ли, что три, четыре или пять ватагъ, занявшія одну изъ нихъ, должны бы были отдыхать значительную часть сутокъ, и тогда рыба имѣла бы время безпрепятственно проходить вверхъ. Тогда не было бы даже нужды выметывать слѣдующій неводъ, едва только началъ предшествующій заворачивать къ своему берегу, что теперь дѣлается по необходимости, даже безъ всякаго умысла перегораживать рѣку, единственно для того, чтобы многіе не оставались за очередью. Это справедливо до такой степени, что напримѣръ на Волгѣ одного правила, чтобы на тонѣ не было болѣе двухъ неводовъ, сочтено вполнѣ достаточнымъ для обезпеченія прохода рыбы вверхъ, не прибѣгая даже къ ограниченію длины неводовъ. Нынѣ сами Елисаветинскіе рыбаки весьма недовольны установленнымъ въ ихъ же исключительную пользу правиломъ, ибо стѣсненіе, происходящее отъ скученія 120 неводовъ

къ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ многихъ опытныхъ промышленниковъ, что крючная самоловная снасть не только въ морѣ, но и въ рѣкахъ ничего существенно вреднаго въ себѣ не заключаетъ, если только употребляется такъ, что не преграждаетъ всей ширины рѣки. Мысль о вредѣ крючьевъ есть не болѣе какъ предразсудокъ, который въ другихъ мѣстахъ относится къ инымъ снастямъ, такъ напримѣръ на Волгѣ падаетъ на ставныя сѣти. Такъ какъ однако нѣтъ особеннаго резона идти наперекоръ этому предразсудку, то это запрещеніе могло бы продолжать существовать, только не въ силу закона, а какъ частная мѣра, основанная на взаимномъ соглашеніи промышленниковъ, которые могли бы впослѣдствіи и сами ее отмѣнить, не прибѣгая къ разрѣшенію высшей законодательной власти. Пока это запрещеніе продолжало бы существовать въ водахъ, принадлежащихъ войску, ему конечно должны бы слѣдовать и тѣ прибрежные жители, которые не принадлежатъ къ казацкому сословію, и которые вообще должны руководствоваться тѣми же правилами, кои будутъ имѣть силу для большей части донскихъ водъ, ибо иначе различіе въ системахъ лова повело бы къ нескончаемымъ раздорамъ, ссорамъ и взаимнымъ жалобамъ, между казаками съ одной, а азовцами и кагальничанами съ другой стороны.

г) *Запрещеніе продажи крючковой снасти въ Ростовѣ.* Въ 3 отдѣленіи 2 главы проекта, озаглавленномъ «о балберочныхъ крючьяхъ» (ст. отъ 83 до 87), предположено совершенно запретить продажу этой снасти, не только на всемъ пространствѣ войска донскаго, но и въ прибрежныхъ мѣстахъ ростовскаго уѣзда и таганрогскаго градоначальства, возлагая надзоръ за исполненіемъ этого запрещенія какъ на мѣстныя власти, такъ и на войсковое начальство. Само собою разумѣется, что такое запрещеніе продажи этой снасти не можетъ быть допущено, потому что Ростовъ есть главное мѣсто продажи всѣхъ рыболовныхъ орудій вообще, не только для Дона и его окрестностей, но и для Азовскаго и даже для Чернаго морей, въ которыхъ, не смотря на толкованіе донцовъ, крючная снасть никогда не была запрещена.

д) *Запрещеніе ставить многоярусные вентеря* Въ статьѣ 32 запрещается постановка вентерей одинъ надъ другимъ и придѣлка къ нимъ крыльевъ. Нынѣ такого запрещенія не существуетъ, и если будетъ принято за правило, чтобъ треть рѣки оставалась свободною, особливо при дозволеніи рыболовства во всѣхъ рукавахъ Дона, что значительно уменьшитъ скученіе вентерей, сижъ, ставныхъ сѣтей и т. п., то въ этомъ ограниченіи, кажется мнѣ, также не будетъ предстоять надобности.

е) *Надзоръ за рыболовствомъ.* Вторая глава проекта (отдѣленіе 1 и 2, ст. 48—82) излагаетъ порядокъ надзора надъ рыболовствомъ. Я ничего не имѣю возразить противъ него, но думаю, что всѣ мѣры останутся недостаточными, если вообще сужденія о потребностяхъ рыболовства, которыя съ теченіемъ времени не могутъ не измѣняться, и управленіе имъ не будутъ возложены на особое собраніе, состоящее отъ выборныхъ представителей отъ лицъ спеціально въ дѣлѣ заинтересованныхъ и знакомыхъ съ нимъ, по примѣру учрежденія въ Астрахани рыбнаго комитета и правленія. Участвовать въ этомъ собраніи должны бы, кромѣ депутатовъ отъ казачьяго сословія, представители какъ Азова и Кагальника, такъ и прочихъ мѣстностей, лежащихъ по берегу Таганрогскаго залива,—такъ какъ такія только мѣры къ развитію донскаго рыболовства могутъ быть успѣшны, которыя будутъ имѣть въ виду рыболовство на всемъ пространствѣ залива. Я не считаю удобнымъ входить здѣсь же въ развитіе этой мысли, ибо это можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ на совѣщаніи особо назначенной съ этою цѣлію коммисіи, какъ это было сдѣлано въ Астрахани.

Относительно надзора замѣчу, что, дабы онъ былъ успѣшенъ, слѣдовало бы для лова на простран-

ствѣ всего Азовскаго моря, а слѣдовательно и Таганрогскаго залива, постановить правиломъ, чтобы каждая рыболовная лодка, выѣзжающая въ море, была снабжена, прибитымъ съ каждой стороны къ носу, ярлыкомъ съ номеромъ, какъ это введено на Каспійскомъ морѣ. Каждая лодка, выѣзжающая въ море для лова рыбы безъ ярлыка, должна бы считаться обловною и платить за это высокій штрафъ. Номеръ давалъ бы всегда возможность узнать ловящаго въ недозволенномъ мѣстѣ или въ недозволенное время, и не было бы надобности захватывать всякій разъ самаго обловщика. При этомъ можетъ быть можно бы было обойтись даже безъ пароходовъ, которые будутъ во всякомъ случаѣ стоить довольно дорого.

Перечень предлагаемыхъ экспедиціею мѣръ для развитія и правильнаго устройства донскаго рыболовства. Дабы яснѣе выставить на видъ тѣ мѣры, которыя изложены въ настоящемъ отчетѣ и, по мнѣнію экспедиціи, должны улучшить упадающее донское рыболовство, я ихъ здѣсь перечислю вкратцѣ:

1) Ввести въ низовьяхъ Дона, отъ юрта Нижнеманычской станицы, свободное рыболовство для всѣхъ лицъ казачьяго сословія; для прочихъ же придонскихъ жителей дозволить ловъ въ протекающихъ черезъ ихъ дачи частяхъ Дона и рукавовъ его.

2) Дозволить повсемѣстно ловъ по рукавамъ Дона ниже Посольскаго ерика.

3) Въ Таганрогскомъ заливѣ, т. е. на пространствѣ отъ косъ Долгой и Бѣлосарайской до устьевъ Дона, ловъ неводами затягиваемыми съ берега дозволяется во всякое время, не исключая изъ этого дозволенія и самаго кута или угла залива.

4) Ловъ посредствомъ снастей не затягиваемыхъ съ берега, а выставляемыхъ или плавающихъ въ морѣ, какъ-то самоловными и наживными крючьями, ставными и плавными сѣтьми, оставаясь вообще дозволеннымъ, запрещается внутри залива въ слѣдующіе сроки:

а) Отъ косъ Долгой и Бѣлосарайской до косъ Сазальницкой и Бѣглицкой — съ 1-го мая по 15-е іюня.

б) Отъ косъ Сазальницкой и Бѣглицкой до устьевъ Дона — съ 10-го мая по 20-е іюня.

в) Въ самомъ Дону вверхъ до устья рѣки Донца—съ 20-го мая по 1-е іюля.

5) Въ части залива, составляющей принадлежность войска донскаго, т. е. отъ урочища—съ лѣвой и отъ границы Армянскаго участка — съ правой стороны, ловъ всякаго рода снастями, за исключеніемъ лишь тяглыхъ неводовъ, дѣйствующихъ съ берега, запрещается во всякое время года.

6) Длину неводовъ опредѣлить въ двѣ трети ширины рѣки, въ мѣстѣ производства тяги (тони).

7) Наименьшее разстояніе между тонями, какъ по тому же берегу, такъ особливо по противоположнымъ берегамъ должно быть въ три версты.

Ширину свободнаго отъ рыболовства фарватера опредѣлить, для ставныхъ орудій лова, въ треть ширины рѣки.

9) При соблюденіи этого правила, всѣ прочія ограниченія въ употребленіи ставныхъ орудій лова должны считаться излишними.

Примѣчаніе. Даже употребленіе крючной самоловной снасти не возбраняется закономъ, однакоже, принимая во вниманіе существующее между казаками понятіе о вредномъ вліяніи этого рода лова, имъ предоставляется право запрещать эту снасть, въ силу взаимнаго соглашенія.

10) Всѣ рыболовныя лодки, принадлежащія какъ казакамъ, такъ и лицамъ другихъ сословій выѣзжающія для лова въ море, должны быть снабжены выдаваемыми имъ двумя ярлыками съ №, кото-

ченіе лова на 130 верстъ вдоль каждаго берега, заселеннаго рыбопромышленниками было бы крайне для нихъ стѣснительно и притомъ несправедливо, ибо это запрещеніе лова производилось бы съ цѣлью доставленія большихъ уловов и большаго удобства казакамъ, т. е. было бы повтореніемъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ той привилегіи, которая присвоена нынѣ Елисаветинской станицѣ. Каждый имѣетъ безъ сомнѣнія право пользоваться тѣми выгодами, которыя предоставляются ему положеніемъ и условіями его мѣстожительства; совершенно приносить ихъ въ жертву интересамъ другихъ лицъ нѣтъ никакого основанія. Иное дѣло, если эта жертва требуется общимъ благомъ, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ размноженіемъ рыбы. Но усиленный пропускъ рыбы въ рѣки съ этою послѣднею цѣлью необходимъ лишь весною. Поэтому въ примѣненіи къ Дону, кажется мнѣ, необходимо соблюденіе баkенной системы только въ весеннее время. При этомъ надо имѣть въ виду, что охраненіе устьевъ Дона преимущественно важно для красной рыбы и что, такъ какъ рыба снизу вверхъ поднимается постепенно, то срокъ прекращенія лова долженъ быть тѣмъ раньше, чѣмъ мѣсто ближе къ устью залива. И тутъ, какъ и вообще при запрещеніи лова на извѣстный срокъ, таковой назначается не во время самаго сильнаго хода рыбы, а къ концу его, такъ, чтобы по крайней мѣрѣ рыба послѣдняго входа могла безпрепятственно выметывать икру.

Правила для огражденія рыбы въ Донъ и метанія ею тамъ икры. Сообразно съ этими основаніями, ограниченія весенняго рыболовства въ Дону и въ Таганрогскомъ заливѣ могли бы быть формулированы такъ:

1) Въ Таганрогскомъ заливѣ, т. е. на пространствѣ отъ косъ Долгой и Бѣлосарайской до устьевъ Дона, ловъ неводами, затягиваемыми съ берега, дозволяется во всякое время, не исключая изъ этого дозволенія и самаго кута или угла залива.

2) Ловъ посредствомъ снастей незатягиваемыхъ съ берега, а выставляемыхъ, или плавающихъ въ морѣ, какъ-то: самоловными и наживными крючьями, ставными и плавными сѣтьми, оставаясь вообще дозволеннымъ, запрещается внутри залива въ слѣдующіе сроки:

а) Отъ косъ Долгой и Бѣлосарайской до косъ Сазальницкой и Бѣглицкой, съ 1 мая по 15 іюня.

б) Отъ косъ Сазальницкой и Бѣглицкой до устьевъ Дона, съ 10 мая по 20 іюня.

в) Въ самомъ Дону вверхъ до устья рѣки Донца, съ 20 мая по 1 іюля.

3) Въ части залива, составляющей принадлежность войска донскаго, т. е. отъ урочища — Семибалокъ съ лѣвой и отъ границы Армянскаго участка съ правой стороны, ловъ всякаго рода снастями, за исключеніемъ лишь тяглыхъ неводовъ, дѣйствующихъ съ берега, запрещается во всякое время года.

Этими ограниченіями проходъ рыбы въ Донъ, въ весеннее время, былъ бы достаточно огражденъ, равно какъ и размноженіе ея въ самомъ Дону. Жители же Азова и Кагальника, которымъ, сверхъ предполагаемаго въ проектѣ дозволенія ловить въ участкахъ Дона и его рукавовъ, протекающихъ въ ихъ дачахъ, былъ бы разрѣшенъ постоянный ловъ неводами съ берега залива наравнѣ съ прочими, поставились бы совершенно въ тоже положеніе, въ которомъ находятся и казаки.

Замѣчу при этомъ, что какъ кубанскіе казаки относительно запрещенія лова, начиная отъ Долгой косы, такъ и донскіе изъ Елисаветинской станицы, относительно Дона, находили весьма основательнымъ такое временное ограниченіе рыболовства, съ тою лишь разницею, что первые желали бы отодвинуть начало запрещенія лова съ Долгой косы на 10 мая, а послѣдніе запрещеніе лова въ Дону на 1 іюня.

Разборъ главнѣйшихъ измѣненій въ нынѣ дѣйствующихъ рыболовныхъ законахъ, предлагаемыхъ

новымъ проэктомъ донскаго рыболовства. Три только что разсмотрѣнныя правила: обращеніе нижнихъ частей Дона въ общее пользованіе казаковъ; дозволеніе лова во всѣхъ рукахъ и гирлахъ Дона, и запрещеніе лова въ Таганрогскомъ заливѣ и въ нижней части Дона въ извѣстные сроки, считаю я основаніемъ правильнаго рыболовства въ Дону. Одно изъ нихъ уже принято въ новомъ проектѣ положенія о рыболовствѣ въ войскѣ донскомъ; если бы и два остальныя были въ него введены, то проектъ этотъ—по моему мнѣнію—въ главномъ удовлетворялъ бы потребностямъ донскаго рыболовства, и мнѣ оставалось бы только сдѣлать частныя замѣчанія, относительно нѣкоторыхъ его статей. При семъ я вовсе не буду касаться внутреннихъ распорядковъ, относительно распредѣленія очереди и жеребья между казаками, такъ какъ они вообще согласны съ искони существующими обычаями.

а) *Соблюденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней.* Статьею 37 новаго проекта запрещается рыболовство въ воскресные и въ праздничные дни. Этимъ правиломъ, собственно говоря, придается только законная сила уже издавна существующему обычаю и поэтому могло бы казаться, что въ немъ нѣтъ нужды. Но опытъ показываетъ, что, при сильномъ ходѣ рыбы, многіе бываютъ склонны нарушать обычай, а примѣръ нѣкоторыхъ дѣйствуетъ на всѣхъ, такъ какъ никому не хочется уступить другому выгоды отъ лова, на который каждый имѣетъ одинаковое право. По этой же причинѣ, и на сельдяномъ рыболовствѣ въ Норвегіи сами промышленники просили обложить строгимъ штрафомъ того, кто сталъ бы ловить въ праздникъ. Рыболовство, особенно рѣчное, относительно соблюденія праздниковъ, совершенно противоположно всѣмъ прочимъ отраслямъ промышленности, въ которыхъ излишество праздниковъ справедливо считается обстоятельствомъ весьма неблагопріятнымъ. Здѣсь же можно прямо сказать, что чѣмъ больше праздниковъ, тѣмъ лучше, особливо, если они приходятся на весеннее время. Соблюденію весеннихъ праздниковъ, —особенно же Святой недѣли,—можетъ быть должно въ значительной степени приписать, что давній и усиленный ловъ на Уралѣ и на Волгѣ до сихъ поръ еще не обезрыбилъ этихъ рѣкъ. Пять дней (пятница и суббота Страстной и первые три дня Святой недѣли) совершеннаго прекращенія рыболовства, въ послѣдней трети марта или въ первыхъ двухъ третяхъ апрѣля, не могутъ не оказать благодѣтельнаго вліянія на размноженіе рыбы. По этимъ соображеніямъ, установляемое проэктомъ правило кажется мнѣ не только въ высшей степени полезнымъ для Дона, но заслуживающимъ всеобщаго подражанія. Но такъ какъ тутъ дорогъ и каждый лишній день, безпрепятственнаго пропуска рыбы; то хорошо бы присоединить къ пятницѣ и субботѣ страстной недѣли еще и четвергъ, такъ какъ и этотъ день считается не менѣе важнымъ праздникомъ.

б) *Дозволеніе смоленія снастей.* Въ статьяхъ отъ 25 до 29 опредѣляется, какія снасти дозволены и какія запрещены. Перемѣнъ противъ нынѣ дѣйствующихъ правилъ тутъ нѣтъ, только статьею 25 разрѣшается смоленіе снастей, которое, по рѣшительно непонятной причинѣ, доселѣ считается запрещеннымъ, какъ вредящее рыболовству.

в) *Усиленіе запрещенія крючковой снасти.* Въ статьѣ 29 запрещаются, между прочимъ, сообразно съ нынѣ существующими правилами, балберочныя крючья, причемъ это запрещеніе распространяется и на море, въ противность общему дозволенію ловить чѣмъ угодно въ открытомъ морѣ (ст. 565 Уст. о город. и сельск. хоз. Т. XII Св. Зак.). Это произвольное распространеніе частнаго ограниченія конечно не можетъ быть принято; но едва ли и самое запрещеніе крючнаго лова въ Дону законодательною мѣрою, внесенною въ сводъ законовъ, можетъ быть допущено, послѣ того какъ изслѣдованія надъ рыболовствомъ въ моряхъ и рѣкахъ Россіи привели экспедиціи, которымъ они были поручены,

на пяти тоняхъ, перевѣшиваетъ въ ихъ глазахъ всѣ выгоды отъ запрещенія лова ниже ихъ, тѣмъ болѣе, что они понимаютъ, что нельзя же удержать навсегда запрещенія лова для азовцевъ и кагальничанъ въ принадлежащихъ къ ихъ дачамъ участкахъ Дона. Они откровенно сознаются, что запрещеніе лова ниже Посольскаго ерика было сдѣлано подъ вліяніемъ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Наши старики, говорятъ они, думали, что вѣчно будетъ только 30 или 40 неводовъ ходить (*). Въ новомъ проектѣ предположено улучшеніе и въ этомъ отношеніи, именно полагается дозволить ловъ ниже Посольскаго ерика въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) По самому Дону (т. е. самому южному или лѣвому рукаву дельты), до отдѣленія отъ него гирла Свинаго, — казакамъ и азовцамъ въ участкахъ, принадлежащихъ къ ихъ дачамъ. 2) По Свиному гирлу — лѣвѣйшему изъ рукавовъ, съ его развѣтвленіями: гирлами Кагальницкимъ и обоими Каменниковыми, — собственно для жителей селенія Кагальницкаго и Узяка. 3) По всему Мертвому Донцу съ его развѣтвленіями: гирлами Межень городскимъ и Терновымъ и устьемъ ерика Лагутникова, — для казаковъ и жителей ростовскаго уѣзда, въ участкахъ имъ принадлежащихъ. Затѣмъ все бы еще оставались запрещенными: 1) по Дону всѣ гирла его ниже отдѣленія Свинаго и 2) Каланча и Кутерма съ ихъ развѣтвленіями ниже отдѣленія Кутермы отъ Каланчи. Такимъ образомъ большая часть дельты все-таки оставалась бы подъ запрещеніемъ и послѣ этого. Спрашивается, съ какою же цѣлью предлагается эта мѣра? Изъ того, что ловъ въ большей части гирлъ остается по прежнему запрещеннымъ, должно заключить, что распространеніе рыболовства на низовья рѣки считается, составителями проэкта, вреднымъ, и что, ежели, не смотря на то, они рѣшаются ослабить строгость прежняго закона, то единственно изъ уваженія къ жалобамъ жителей Елисаветовки, ниже ея лежащихъ казацкихъ хуторовъ и поселковъ, а также и къ справедливымъ домогательствамъ азовцевъ и кагальничанъ. И дѣйствительно, въ объясненіяхъ къ проэкту только эти резоны и выставлены. Если бы донское рыболовство процвѣтало, то такое ослабленіе въ охранительныхъ правилахъ еще могло бы быть допущено; но при упадкѣ его, въ которомъ на Дону никто не сомнѣвается, такое нарушеніе одной изъ охранительныхъ, по мнѣнію казаковъ, мѣръ нельзя не считать крайне непослѣдовательнымъ. Если же считать запрещеніе лова въ гирлахъ и развѣтвленіяхъ дельты не имѣющимъ никакого разумнаго основанія, какъ оно въ самомъ дѣлѣ и есть, и скорѣе препятствующимъ, чѣмъ содѣйствующимъ, проходу рыбы вверхъ; то въ такомъ случаѣ нѣтъ причины останавливаться на полумѣрѣ, а слѣдуетъ допустить ловъ по всѣмъ рукавамъ, на которые раздѣляется Донъ безъ исключенія, что я считаю и полезнымъ, и справедливымъ. При семъ надо замѣтить, что такое дозволеніе повсемѣстнаго лова рѣшительно необходимо, если будетъ утверждено правило свободы рыболовства въ низовьяхъ Дона, отъ юрта Нижнеманычской станицы, для всѣхъ лицъ войсковаго сословія, ибо иначе на ограниченномъ числѣ тоней наберется опять столько неводовъ, что ловъ будетъ происходить денно и ночно, или даже многіе будутъ, какъ и нынѣ, оставаться за очередью.

Нельзя съ достовѣрностью утверждать, чтобы одного разсѣянія неводовъ, скученныхъ теперь на пяти тоняхъ, было достаточно для того, чтобы довольно рыбы проходило вверхъ, но не зная какимъ образомъ распредѣлятся казаки по новымъ тонямъ, теперь было бы еще преждевременно принимать мѣры противъ, хотя и возможныхъ, но неизвѣстныхъ еще злоупотребленій въ будущемъ, такъ какъ по

(*) Въ 1841 году, напримѣръ, было въ Елисаветинской станицѣ лѣтомъ отъ 25 до 30 неводовъ и даже весною только 60.

различію ихъ и мѣры, направленныя противъ нихъ, также должны быть различны. Можетъ быть нужно будетъ ограничить число неводовъ на каждой тонѣ, или число разъ, которое каждый неводъ можетъ закидывать въ сутки, и т. п. Теперь же, кажется мнѣ, было бы полезнымъ положить только правило, чтобы тоня отъ тони, какъ по тому же самому берегу, такъ особливо съ противоположныхъ береговъ, не должны отстоять одна отъ другой ближе трехъ верстъ, а длину неводовъ ограничить двумя третями ширины рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится тяга.

в) *Запрещеніе рыболовства на взморьѣ.* 3) *Запрещеніе лова въ куту залива до урочища Семибалокъ съ лѣвой и до Армянскаго участка Ростовскаго уѣзда съ правой стороны залива.* Я выше замѣтилъ уже, что донцы, такъ строго настаивающіе на исполненіи этого правила лицами, непринадлежащими къ казацкому сословію, особенно же жителями Азова и Кагальника, и считающіе ловъ въ заливѣ хищническимъ, собственно говоря, не имѣютъ на это безспорнаго права, ибо хотя одна статья закона и объявляетъ часть Таганрогскаго залива, въ сказанныхъ границахъ собственностью донскаго войска и запрещаетъ въ ней всякій ловъ, за то другая, равносильная ей, статья предоставляетъ право на рыболовство въ ней всѣмъ прочимъ обывателямъ. Доколѣ эта послѣдняя статья (730 XII т. Св. зак. Устава о городс. и сельск. хоз.) не отмѣнена, нѣтъ основанія считать производящихъ рыболовство въ куту залива преступающими законъ; — но что статья эта должна быть отмѣнена, въ этомъ, по моему мнѣнію, не можетъ быть сомнѣнія. Только и этого строгаго исполненія запрещенія лова, на означенномъ пространствѣ, будетъ недостаточно для охраненія устьевъ Дона. Лучше всего это выказалось во время послѣдней моей поѣздки по взморью, лѣтомъ 1866 года. Ежели бы причина недостатка рыбы въ Дону заключалась именно въ ловѣ въ запрещенной части залива, то безъ сомнѣнія промышляющіе въ ней должны бы были налавливать много рыбы, которая и входила бы въ Донъ, если бы не перехватывалось на пути. Въ надеждѣ на эту рыбу, мы не взяли съ собою никакой провизіи. Мы встрѣчали множество лодокъ и прасольныхъ судовъ, скупающихъ рыбу, подъѣзжали болѣе чѣмъ къ десяти изъ нихъ и не могли достать не только красной, но даже и бѣлой рыбы на уху. Между тѣмъ съ нами были почетнѣйшіе и опытнѣйшіе казаки изъ Елисаветовки, которымъ дали бы рыбы, если бы она была; притомъ же они сами входили на суда и осматривали, въ самомъ ли дѣлѣ нѣтъ рыбы. Я обращалъ ихъ вниманіе на это обстоятельство, и многіе со мною согласились, что ежели не будетъ принято другихъ, болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, то и самый усиленный надзоръ за непроизводствомъ лова въ куту, хотя бы при помощи пароходовъ, которые намѣреваются завести, именно съ этою цѣлію,—мало помогутъ. Это запрещеніе лова въ кутѣ залива было бы достаточно только въ томъ случаѣ, если бы въ Дону попадалась только та рыба, которая живетъ на 400 квадратныхъ верстахъ запрещеннаго пространства; но такъ какъ это не такъ, и въ Донъ стремится рыба изъ значительной части моря, то обезпеченіе прохода ея въ рѣки должно распространяться на весь заливъ. Примѣръ Урала доказываетъ, что пропускъ рыбы въ рѣку лучше всего достигается посредствомъ такъ называемой бакенной системы, примѣненной уже и въ Волгѣ, — системы, по которой пространство моря передъ устьями рѣки на большое разстояніе — именно до тѣхъ поръ, гдѣ глубина становится уже значительною, — оставляется свободнымъ отъ лова во всякое время года, или по крайней мѣрѣ, когда море не покрыто льдомъ. Но ширина донской дельты такъ не велика, а заливъ, въ который вливаются ея рукава, такъ длиненъ, узокъ и мелокъ, что собственно тутъ достало бы мѣста для одного только бакеннаго промежутка, который долженъ бы простираться до косъ Долгой и Бѣлосарайской. Такое ограни-

рые прибиваются съ обѣихъ сторонъ носа лодки. Лодка, неимѣющая такого номера, считается обловною, и съ хозяина ея взыскивается штрафъ.

11) Для обсужденія измѣненій и дополненій, требуемыхъ развитіемъ рыболовнаго промысла въ Дону и въ Таганрогскомъ заливѣ, учреждается особый комитетъ изъ членовъ или представителей, какъ отъ занимающихся рыболовствомъ станицъ войска донскаго, такъ и отъ прочихъ рыболовныхъ селеній, расположенныхъ по берегу Дона и Таганрогскаго залива; комитетъ этотъ имѣетъ собираться ежегодно, или разъ въ нѣсколько лѣтъ.

12) Эти собранія членовъ избираютъ изъ себя нѣкоторыхъ лицъ, которымъ поручаютъ главный надзоръ надъ рыболовствомъ и завѣдываніе всѣми текущими по предмету его дѣлами, подобно тому, какъ земское собраніе избираетъ изъ среды своихъ членовъ земскую управу.

Всѣ статьи новаго проекта (при семъ прилагаемаго), неотмѣняемыя и неизмѣняемыя прямо или косвенно этими основными положеніями, могли бы, по мнѣнію экспедиціи, съ пользою для донскаго рыболовства быть приняты въ руководство, взамѣнъ нынѣ дѣйствующихъ правилъ.

Предложеніе наложенія пошлины на донское рыболовство. Въ заключеніе остается мнѣ высказать свое мнѣніе еще объ одномъ предметѣ. Въ слѣдующемъ отчетѣ, который будетъ имѣть своимъ предметомъ рыболовство въ Азовскомъ морѣ, въ мѣстахъ, непринадлежащихъ казацкимъ обществамъ, я представлю соображенія объ обложеніи права на производство рыбнаго промысла въ этомъ морѣ извѣстною пошлиною. Если мѣра эта будетъ одобрена и утверждена, то изо всѣхъ рыбныхъ ловель въ Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ и въ низовьяхъ, впадающихъ въ нихъ рѣкъ, — однѣ лишь воды, принадлежащія донскому войску, оставались бы свободными отъ всякой пошлины, что составляло бы безъ сомнѣнія несправедливую въ ихъ пользу привилегію, такъ какъ рыболовство въ нихъ находится совершенно въ тѣхъ же условіяхъ и производится столь же легкими и дешевыми способами, какъ и рыболовства кубанское, уральское и другія. Поэтому я полагалъ бы необходимымъ обложить и донское рыболовство, по примѣру кубанскаго и уральскаго, извѣстною пошлиною, которая какъ по размѣрамъ своимъ, такъ и по способу взиманія, могла бы быть сравнена съ тою, которую платятъ рыбопромышленники кубанскаго войска, съ тѣмъ, конечно, чтобы и эта пошлина обращалась въ войсковой доходъ. Конечно пошлина эта примѣнялась бы только къ низовьямъ Дона, т. е. къ той части его, рыболовство которой было бы представлено всему войску, такъ какъ только на этомъ пространствѣ производится оно съ торговою и промышленною цѣлью. Каспійскіе промышленники, уплачивающіе въ видѣ арендной и побилетной платы сотни тысячъ рублей въ казну съ своего промысла, имѣютъ, кажется мнѣ, справедливое основаніе жаловаться на безпошлинность лова въ Азовскомъ морѣ. Если однакоже азовскій промыселъ будетъ обложенъ извѣстною побилетною платою, то несправедливость исключенія въ пользу донскихъ промышленниковъ была бы для него еще чувствительнѣе, чѣмъ нынѣшняя привилегія азовскихъ ловцовъ передъ каспійскими, ибо, продавая продукты своего лова на тѣхъ же рынкахъ, гдѣ сбываютъ свою рыбу донцы, азовскіе промышленники были бы поставлены въ самое невыгодное положеніе. При обложеніи донскаго лова пошлиною встрѣчается однакоже затрудненіе въ томъ, какъ поступить, въ такомъ случаѣ, съ ловомъ по берегамъ міусскаго округа земли войска донскаго. По нынѣ дѣйствующему рыболовному положенію, участокъ моря, прилегающій къ этому берегу, не составляетъ собственности войска, а въ силу статей 350 и 357 Устава о благоустр. въ казач. селеніяхъ, даже всѣ посторонніе имѣютъ одинаковое право съ казаками устраивать на этомъ берегу свои рыболовныя

заведенія. По отношенію къ морскимъ водамъ, прилегающимъ къ дачамъ уральцевъ и кубанцевъ, а также относительно кута Таганрогскаго залива, я держался того мнѣнія, чтобы эти части моря были предоставлены въ исключительное владѣніе тѣхъ жителей, которымъ принадлежатъ низовья впадающихъ въ эти участки моря рѣкъ, видя въ этомъ лишь одно формальное, а не существенное нарушеніе принципа свободы моря, выкупающееся самыми положительными выгодами. Причины такого взгляда изложены въ отчетѣ о кубанскомъ рыболовствѣ, и потому здѣсь было бы излишне ихъ повторять. Но причины эти не имѣютъ примѣненія къ прибрежью міусскаго округа: 1) На пространствѣ его не впадаетъ въ море никакой значительной рѣки, рыболовство въ которой требовало бы единства, въ системѣ производства промысла съ прилежащимъ къ устьямъ ея участкомъ моря. 2) Заливъ противъ міусскаго берега такъ узокъ, что отдѣленіемъ значительной его части въ исключительное пользованіе казаковъ были бы нарушены интересы прочихъ рыбопромышленниковъ. 3) Эта часть моря со всѣхъ сторонъ окружена участками, въ которыхъ допускается закономъ вольный ловъ, безразлично для лицъ всѣхъ сословій,—слѣдовательно надо бы было обозначить границы участка, предоставляемаго казакамъ, какими нибудь знаками, и охраненіе этихъ границъ представило бы непреодолимыя трудности и повело бы къ нескончаемымъ распрямъ и ссорамъ. 4) Выдѣленіемъ участка Азовскаго моря въ исключительное пользованіе кубанскихъ казаковъ и участка Каспійскаго моря уральцамъ выгоды вольныхъ промышленниковъ стѣсняются только номинально, такъ какъ имъ нѣтъ не нужды, ни разсчета отправляться въ эти отдаленныя отъ мѣста ихъ жительства воды, имѣя обширное пространство для производства своего промысла по близости ихъ мѣста жительства, между тѣмъ, какъ выдѣленіе міусскаго участка вовсе не находится въ рукахъ казацкаго общества, а тѣхъ помѣщиковъ изъ донцовъ, имѣнія которыхъ лежатъ въ міусскомъ округѣ, въ которомъ находится всего одна только небольшая Ново-Николаевская станица.

Но если, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, нѣтъ основанія предоставлять въ исключительное пользованіе казаковъ участокъ моря, омывающій берега міусскаго округа,—чего, впрочемъ, и сами казаки не домагаются, то рождается вопросъ: куда должны обращаться сборы съ производимой въ немъ рыбной промышленности? въ общіе ли государственные доходы, или въ войсковую казну? Вопросъ этотъ кажется мнѣ разрѣшается различіемъ системъ пошлиннаго сбора, для рѣчнаго донскаго и для морскаго рыболовствъ, къ которому долженъ быть причисленъ и ловъ въ приміусскомъ участкѣ. Именно, при сосредоточеніи почти всего донскаго рыболовства въ рукахъ казаковъ, здѣсь можетъ быть введена пошлина съ тысячи или съ пуда рыбы, такъ какъ тутъ есть полная возможность счесть количество пойманной рыбы, съ достаточною вѣрностію. Для морскаго же лова эта метода рѣшительно не примѣнима, ибо морской ловецъ, имѣя возможность переходить съ мѣста на мѣсто, легко можетъ избѣгать контроля. Поэтому морской ловъ можетъ подлежать только побилетной платѣ съ лодки или съ невода, и плата эта должна быть вносима въ томъ мѣстѣ, гдѣ выдается билетъ. Если же положить, чтобы донское начальство выдавало билеты на морской ловъ только однимъ казакамъ, то, гдѣ бы эти послѣдніе ни ловили, собираемый съ нихъ побилетный сборъ, все-таки поступалъ бы въ войсковую казну, а сборъ съ вольныхъ промышленниковъ прочихъ сословій—въ общій государственный доходъ, и всѣ затрудненія были бы этимъ разрѣшены. Билеты и ярлыки, выдаваемые донцамъ, легко бы отличить цвѣтомъ отъ прочихъ билетовъ. Этою пошлиною доходъ войска усилился бы нѣсколькими десятками тысячъ рублей, безъ стѣсненія промышленниковъ, ибо, платятъ же кубанцы такую же пошлину, нисколько не отягощаясь и желая лишь того, чтобы она, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, снова не обратилась въ откупъ.

ТАБЛИЦА ДОНСКИХЪ УЛОВОВЪ

ГОДЫ.	КОЛИЧЕСТВО											
	I. По Кеппену „Statist. Reise“ (1822 года), и „Статистическое описаніе земли Войска Донскаго“ Штюрмера (1849 года).				II. По общимъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ въ Новочеркаскѣ.							
	Въ черкасскомъ округѣ.	Въ міусскомъ округѣ.	Въ прочихъ округахъ.	Всего.	Для низовыхъ станицъ и міусскаго округа.					Для прочихъ округовъ.	
					Кр. рыбы.	Икры.	Клею.	Бѣл. рыбы.	Сельдей.	Кр. рыбы.	Бѣл. рыбы.
	Пуды.				Пуды.	Пуды.	Пуды.	Штукъ.	Штукъ.		
1822. . . .	4,246,624	862,350	63,115	5,172,389	—	—	—	—	—	—	—
1837. . . .	—	—	—	—	11,212	2,193	—	46,660,700	—	—	—
1838. . . .	—	—	—	—	14,600	350	—	42,000,000	—	—	—
1839. . . .	—	—	—	—	26,000	515	18	20,000,000	—	—	—
1840. . . .	—	—	—	—	60,380	950	35	60,000,000	—	—	—
1841. . . .	—	—	—	—	49,000	895	13	24,000,000	—	—	—
1842. . . .	—	—	—	—	42,120	1,026	15	30,754,000	30,000,000	—	—
1843. . . .	—	—	—	—	66,836	1,632	21	52,000,000	7,000,000	—	—
1844. . . .	—	—	—	—	59,310	1,724$\frac{1}{2}$	19	62,500,000	9,000,000	—	—
1845. . . .	—	—	—	—	54,395	1,260	10	Пудовъ. 622,260	1,000,000	—	—
1846. . . .	—	—	—	—	34,129	848	9	481,033	8,724,000	—	—
1847. . . .	—	—	—	—	14,114	689	40$\frac{1}{4}$	979,000	3,723,000	—	—
1848. . . .	—	—	—	—	14,959	906	—	873,000	6,968,000	—	—
1849. . . .	904,372	68,800	80,784	—	—	—	—	—	—	—	—
1850. . . .	—	—	—	—	13,742	1,157	4	3,010,446	70,107,822	2,046	79,204
1851. . . .	—	—	—	—	21,408	1,473	—	1,729,298	99,000,000	—	—
1852. . . .	—	—	—	—	27,000	2,300	—	2,996,000	90,727,000	2,100	62,000
1853. . . .	—	—	—	—	25,000	2,152	48	1,556,000	93,635,000	2,000	33,000
1854. . . .	—	—	—	—	20,000	1,664	—	907,000	55,608,000	1,760	28,000
1855. . . .	—	—	—	—	14,420	1,023	—	562,000	51,000,000	1,400	67,800
1856. . . .	—	—	—	—	9,920	784	—	380,120	55,000,000	1,990	27,220
1857. . . .	—	—	—	—	12,640	766	—	492,000	65,130,000	1,310	15,900
1858. . . .	—	—	—	—	17,900	720	—	168,750	96,000,000	незначи	теленъ.
1859. . . .	—	—	—	—	14,500	800	—	232,000	50,000,000	1,860	11,160
1860. . . .	—	—	—	—	7,820	530	—	467,000	42,000,000	2,050	16,760
1861. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1862. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1863. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ПО ОФИЦІАЛЬНЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ.												
УЛОВОВЪ.											Цѣнность улововъ по общ. свѣдѣніямъ, извлеченнымъ въ Новочеркасскѣ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
III. По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ въ Елисаветовкѣ. Для низовыхъ станицъ.						IV. Разность между № III, и IV, которая должна бы показать количество улововъ въ міусскомъ округѣ.						
Кр. рыбы.	Икры.	Клею. Пуд.	Клею. Фун.	Бѣл. рыбы.	Сельдей.	Кр. рыбы.	Икры.	Клею. Пуд.	Клею. Фун.	Бѣл. рыбы.	Рубли.	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	—	Въ одномъ пер. донскомъ округѣ 35,750, слѣд. въ остальныхъ 27,665.
—	—	—		—	—	—	—	—		—	236,349	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	325,929	Количество красной рыбы вычислено съ прибавленіемъ къ оной вѣса балыка, считая что пудъ балыка приготовляется изъ 4 пудовъ рыбы.
—	—	—		—	—	—	—	—		—	290,957	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	326,804	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	253,474	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	638,522	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	345,923	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	360,000	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	371,360	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	532,817	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	360,600	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	370,000	
—	—	—		—	—	—	—	—		—	—	
3,292 1/4	220	4	8	2,994,535	70,107,822	10,450	937		8	15,911	526,000	Въ 1 донскомъ округѣ 44,233, въ остальныхъ 36,551 п.
4,730 1/2	216	4	1	1,691,471	99,000,000	16,677 1/2	1,257	— 4	1	37,827	803,000	
7,040 1/2	304	10	31	3,228,777	90,627,000	19,959 1/2	1,996	—10	31	—232,777	652,000	
6,023	172	9	34	1,517,110	93,596,110	18,977	1,980	+38	6	38,890	622,000	
4,856	164 1/2	8	11	868,459	55,480,000	15,144	1,499 1/2	— 8	11	38,541	220,000	
4,821 1/2	148 1/2	10	12	442,162	50,850,000	9,598 1/2	874 1/2	—10	12	119,838	270,000	
4,919 3/4	285	12	32	310,129	55,000,000	5,000 1/4	499	—12	32	69,991	266,000	
6,645 3/4	160 1/2	10	6	1,225,503	65,000,000	5,984 1/4	605 1/2	—10	6	—733,503	335,000	
17,916	723	96	—	168,751	56,000,000	— 16	— 8	—96	—	— 1	355,000	
7,453	117 1/4	9	20	162,428	50,000,000	7,047	683 3/4	— 9	20	69,572	301,500	
4,821	85 1/2	5	30	442,162	42,000,000	2,999	444 1/2	— 5	30	24,838	216,700	
10,425	—	—		319,475	9,851,000	—	—	—		—	—	
19,672	563 1/2	—		320,665	8,748,000	—	—	—		—	—	
21,700	222 3/4	—		328,566	7,130,000	—	—	—		—	—	

Таблица донскихъ уловов на основаніи афиціальныхъ свѣдѣній и критическая ихъ оцѣнка. Я бы желалъ представить и относительно донскаго рыболовства по возможности точныя статистическія данныя объ количествѣ улововъ, его цѣнности и т. д., но, къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются по этому предмету, слишкомъ не достовѣрны, какъ легко убѣдиться изъ прилагаемой на стр. 170—171 таблицы.

Если всмотрѣться въ числа этой таблицы, она представится намъ рядомъ несообразностей. За исключеніемъ одного лишь 1853 года, количества клея, добываемыя въ міусскомъ округѣ, оказываются величинами отрицательными. Въ 1858 году міусскій ловъ оказывается отрицательнымъ, какъ для красной рыбы и икры, такъ и для бѣлой рыбы. а въ 1852 и 1857 годахъ отрицательныя величины лова бѣлой рыбы въ міусскомъ округѣ доходятъ до 232 тыс. и до 733 тыс. пудъ, т. е. въ эти годы на столько ловилось рыбы больше въ однѣхъ низовыхъ станицахъ Дона, чѣмъ въ этихъ же низовыхъ съ присоединеніемъ къ нимъ міусскаго лова. Если даже допустимъ, что эти, уже слишкомъ грубыя, несообразности произошли какъ нибудь случайно, то все-таки и прочія числовыя показанія представляютъ не меньшія странности. Въ 1846 году 34,000 пудъ красной рыбы, 848 пудъ икры, 481,000 пудъ бѣлой рыбы и 8,700,000 сельдей дали 532,817 р., а въ 1850 году 13,742 пуда красной рыбы, 1,157 пудъ икры, 3,000,000 пудъ бѣлой рыбы и 70,000,000 сельдей дали только 526,000 руб. Исключимъ изъ обѣихъ суммъ цѣнность красной рыбы, икры и сельдей; для красной рыбы положимъ среднюю цѣну въ 2 руб. за пудъ, для икры въ 8 р., для сельдей примемъ 2 р. за тыс.; тогда цѣнность бѣлой рыбы составитъ въ первомъ году, долженъ былъ продаваться по 90 коп., а во второмъ по 11½ к. Есть ли въ этомъ какая нибудь сообразность? Если цѣна на рыбу въ такой мѣрѣ упадаетъ, съ увеличеніемъ улова, то для рыбопромышленниковъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого интереса въ томъ, чтобы рыбы стало изобильнѣе. Я выбралъ самый рѣзкій примѣръ, но и другіе годы представляютъ такія же невѣроятныя отношенія между количествомъ икры и пойманной красной рыбы представляютъ не меньшія противорѣчія. Въ 1837 году на 11,212 пудъ красной рыбы получено 2,193 пуда икры, т. е. на 5 пудовъ рыбы пудъ икры; а въ 1840 году на 60,380 пудъ рыбы только 950 пудъ, т. е. пудъ икры на 63 пуда рыбы. Еще страннѣе отношеніе между количествомъ икры красной рыбы въ низовьяхъ Дона и въ міусскомъ округѣ. Оставя въ сторонѣ 1858 годъ, дающій для міусскаго округа отрицательныя величины, видимъ, что въ 1853 году міусскій уловъ далъ 1 пудъ икры на 9½ пудовъ рыбы, а нижнедонской уловъ 1 пудъ икры на 35 пудовъ рыбы; а въ 1859 міумскій уловъ пудъ икры на 10 пудъ съ небольшимъ рыбы, а уловъ нижнедонской пудъ икры на 63 пуда рыбы. Такая разница въ столь близкихъ мѣстностяхъ и при главномъ ловѣ красной рыбы въ Дону въ весеннее время, когда она идетъ метать икру, рѣшительно необъяснима. На основаніи всего этого я прихожу къ тому заключенію, что изъ офиціальныхъ данныхъ, о количествѣ донскихъ улововъ нельзя составить себѣ о немъ ясныго понятія, не зная когда онъ преувеличенъ и когда уменьшенъ, какіе изъ продуктовъ лова и въ какіе годы показаны ближе къ истинѣ и какіе отъ нея болѣе отступаютъ. Самую громадную разность въ уловахъ, — отъ 5,172,000 пудъ съ 1822 до 186,000 пудовъ въ 1859 годахъ, — я нисколько не отрицая общаго уменьшенія лова въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ, не могу себѣ объяснить иначе, какъ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ вѣсъ рыбы опредѣленъ въ свѣжемъ видѣ, а во второмъ въ спѣтомъ, причемъ рыба теряетъ до ⅔ и даже до ¾ своего вѣса. Числа таблицы показываютъ только одно, что рыболовство донское вообще весьма значительно и что даже теперь, не смотря

на его упадокъ, оно все еще составляетъ промыселъ чрезвычайной важности, къ возстановленію котораго надо принять благовременныя мѣры.

ПРОЭКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О РЫБОЛОВСТВѢ ВЪ ВОЙСКѢ ДОНСКОМЪ.

Глава I.

ПРАВА И ПОРЯДОКЪ РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

Отдѣленіе 1-е.

Положенія общія.

1) Рыболовство на водахъ войска донскаго составляетъ общее право казаковъ.

2) Воды, принадлежащія войску, заключаются: 1) въ рѣкѣ Донѣ на всемъ его протяженіи отъ того мѣста, гдѣ оный втекаетъ въ войсковые предѣлы и во всѣхъ его гирлахъ или рукавахъ, которыми вливается онъ въ Азовское море; 2) въ морскомъ заливѣ правою его стороною отъ рукавовъ Дона до границы таганрогскаго градоначальства, а съ лѣвой до урочища Семибалокъ; 3) во всѣхъ рѣкахъ, рѣчкахъ, протокахъ, протекающихъ на пространствѣ войсковыхъ земель, и 4) во всѣхъ озерахъ, ерикахъ и протокахъ, на томъ же пространствѣ содержащихся.

3) Права войска на рыболовство во всѣхъ помянутыхъ водахъ опредѣляются свободою казаковъ производить оное не только для своего пропитанія, но и для промышленности.

4) Посему польза отъ рыболовства должна развиваться уравнительно на цѣлое войско.

5) Уравнительность сія состоитъ въ одинаковомъ правѣ каждаго казака производить рыбную ловлю и строить рыбоспѣтные заводы по правиламъ нижеизложеннымъ.

Отдѣленіе 2-е.

Права станицъ на рыболовство.

6) Всѣ рѣчки, рѣки, ерики, протоки и озера суть собственность станицъ, чрезъ юрты коихъ протекаютъ или въ юртахъ коихъ находятся.

7) Изъ сего изъемлются только тѣ воды, какъ составляющія необходимую въ продовольствіи рыбою потребность города Новохоперска, которыя находятся на правой сторонѣ Дона между онымъ городомъ и станицами: Аксайскою, Старочеркаскою, Маныческою, Багаевскою, Мелеховскою, Бесергѣневскою и Кривянскою.

8) Право на рыболовство въ Дону, принадлежащее собственно каждой станицѣ, опредѣляется юртовымъ ея довольствіемъ за нижеслѣдующими изъятіями:

а) Весною во время разлитія водъ предоставляется свобода каждому ловить рыбу, гдѣ и какъ дозволятъ ему собственные способы и мѣстные удобства. Казаки верхнихъ станицъ могутъ въ это время

производить рыбную ловлю въ юртахъ нижнихъ станицъ и обратно, но когда воды войдутъ въ свои берега, свобода сія прекращается.

б) Воды рѣки Дона, начиная отъ юрта Маноцкой станицы, на всемъ пространствѣ его теченія въ войсковыхъ предѣлахъ до моря, за исключеніехъ водъ запрещенныхъ (ст. 19) для рыболовства, предоставляются во всякое время для ловли рыбы всѣмъ жителямъ войсковаго сословія. При чемъ во всѣхъ сихъ мѣстностяхъ дозволяется рыболовамъ имѣть дома и рыбоспѣтные заводы.

9) Рыболовы другихъ станицъ въ такомъ случаѣ (ст. 8) становятся въ очередь съ мѣстными рыболовами и подчиняются распоряженіямъ мѣстнаго станичнаго правленія.

10) Въ рыболовствѣ участвуютъ всѣ, кто имѣетъ право на поземельныя довольствія; чиновники и духовенство казачьяго происхожденія имѣютъ равное съ казаками право на рыболовство и пользуются только тѣмъ, что имъ по жребію досталось.

11) Каждое семейство, нераздѣльно живущее, можетъ имѣть для рыбной ловли одинъ неводъ и одну волокушу.

12) Числу же прочихъ снастей, какъ то: сѣжъ, вентерей и сѣтей, не полагается никакого ограниченія, но можетъ каждый имѣть ихъ столько, сколько будетъ опредѣлено депутатскимъ сборомъ.

13) Распредѣленіе рыболовныхъ мѣстъ между различными снастями зависитъ отъ полныхъ общественныхъ сборовъ. Самая же раздача мѣстъ и очередей производится на депутатскомъ сборѣ посредствомъ жребія.

14) Получившій по жребію мѣсто пользуется имъ самъ, а продать или передать его какимъ либо образомъ можетъ только или своимъ станичникамъ, или хотя лицамъ и другихъ станицъ, но кои, согласно ст. 8 п. б., имѣютъ въ низовьяхъ Дона одинаковое право рыболовства съ мѣстными жителями. Кто же вопреки сему поступитъ, тотъ на будущее время лишается права на полученіе жеребья

15) Дабы въ разборѣ жеребовыхъ мѣстъ предупредить всякій безпорядокъ, поставляется правиломъ: 1) чтобы раздача жребіевъ происходила на депутатскомъ сборѣ по именному списку всѣхъ имѣющихъ на то право; 2) чтобы въ спискѣ тутъ же противъ имени каждаго отмѣчено было, получилъ ли онъ жребій, или почему обойденъ, и 3) чтобы назначеніе было утверждено приговоромъ сбора.

16) Станицамъ предоставляется свобода располагать изобилующими рыбою водами, въ юртахъ ихъ находящимися, по хозяйственному своему усмотрѣнію, утверждаемому приговорами полныхъ общественныхъ сборовъ.

17) Посему могутъ станицы, если находятъ для себя выгоднымъ, оставлять рыболовство въ тѣхъ водахъ для своего довольствія, уравнивая выгоду сію между всѣми станичниками такимъ образомъ, чтобы одинъ передъ другимъ нисколько не былъ обиженъ.

Примѣчаніе. Казаки, живущіе въ отдѣльныхъ отъ станицъ хуторахъ, имѣютъ равное въ томъ участіе.

18) Станицы могутъ свои рыбныя ловли или тѣ части оныхъ, которыя за собственнымъ ихъ удовлетвореніемъ будутъ оставаться излишними, отдавать узаконеннымъ порядкомъ съ торговъ на депутатскомъ сборѣ на откупъ, съ обращеніемъ откупной суммы въ общественный станичный доходъ. Право это однако не распространяется на рыбныя ловли въ низовьяхъ рѣки Дона, принадлежащія согласно ст. 8 п. б всѣмъ жителямъ войсковаго сословія.

Отдѣленіе 3-е.

Мѣста запрещенныя для рыболовства.

19) Для доставленія способовъ обильнаго довольствія рыбою жителямъ, обитающимъ по рѣкѣ Дону и другимъ впадающимъ въ него рѣкамъ, оставляются совершенно неприкосновенными на всякое время и отъ всякой рыболовной снасти и подвергаются строгому запрещенію:

1) Заливъ Азовскаго моря отъ гирлъ Дона и его рукавовъ справа до границъ таганрогскаго градоначальства, а съ лѣвой до урочища Семибалки.

2) Гирло собственно рѣки Дона съ гирлами Песчаннымъ, Кривымъ, Бирючьимъ, Лебяжьимъ, Мериновымъ и Перебоинымъ вверхъ до стрѣлки гирла Свинаго.

3) Гирла: Коланчинское по Кутеремскую стрѣлку, всѣ Егурьчинскія, Кутеремскія и Переволочное.

и 4) Фарватеръ рѣкъ: а) Дона и рукава его Коланчи на сорокъ саженъ въ поперечникѣ на всемъ протяженіи, какъ въ войсковыхъ границахъ, такъ и въ предѣлахъ ростовскаго уѣзда екатеринославской губерніи; б) Мертваго Донца, на пятнадцать саженъ, и в) въ прочихъ гирлахъ и рѣчкахъ, впадающихъ въ Донъ, не менѣе третьей части широты рѣки.

20) Бывшія доселѣ подъ запрещеніемъ воды ниже Посольскаго ерика по Дону до гирла Свинаго, а по Коланчѣ до стрѣлки Кутеремской, принадлежащія къ юрту Елисаветовской станицы, назначаются для рыболовства лицамъ казачьяго сословія войска донскаго, исключая тѣхъ мѣстъ рѣки Дона, протекающихъ въ границахъ селенія Петрогоровки и посада Азова, которыя назначаются для рыболовства жителямъ означенныхъ селенія и посада. Гирла Свиное, Кагальницкое и обоихъ Каменниковъ назначаются для рыболовства жителямъ селеній Кагальницкаго и Узяка. Гирло Лагутниковое, Мертвый Донецъ на всемъ протяженіи его, съ рукавами его Терновымъ и Меженьгородскимъ, назначаются для рыболовства жителямъ войсковаго сословія и ростовскаго уѣзда, послѣднимъ собственно въ ихъ земельныхъ границахъ.

21) Въ Азовскомъ морѣ, кромѣ запрещенной части его залива (ст. 19 п. 1), какъ жители войсковые, такъ и всѣ прочіе могутъ свободно производить дозволенными (ст. 25) отъ правительства снастями рыбную ловлю.

22) Фарватеръ рѣки Дона, его рукавовъ и притоковъ долженъ обозначаться лѣтомъ буями въ два ряда по обѣимъ сторонамъ и не ближе двадцати саженей одинъ отъ другаго. Верхній буй ставится на одной высотѣ съ началомъ тони (противу пятной), а прочіе внизъ по рѣкѣ, какъ придется по разстоянію. Противу тони должно быть въ одной линіи не менѣе шести буевъ. Гдѣ фарватеръ рѣки подходитъ къ берегу, тамъ буи ставятся въ одну линію и въ разстояніи отъ него на сорокъ саженей. На зиму же буи снимаются и фарватеръ обозначается постановленными на льду камышевыми маяками въ разстояніи одинъ отъ другаго по теченію рѣки въ 50 саженъ по обѣимъ сторонамъ фарватера на всемъ протяженіи сѣжей и вентерей.

23) Для отклоненія всякаго сомнѣнія черта, отдѣляющая (ст. 19 п. 1) запрещенную часть залива морскаго отъ самаго моря, обозначается зимою камышевыми вѣхами, постановленными на льду въ видимомъ другъ отъ друга разстояніи по всему протяженію, между урочищемъ Семибалокъ и границею таганрогскаго градоначальства. Лѣтомъ же эта линія должна обозначаться въ средней ея части буями на счетъ войска.

24) Обозначеніе фарватера рѣкъ буями (ст. 22) или камышевыми вѣхами лежитъ на обязанности обществъ станицъ или селеній и ихъ управленій. Постановка же камышевыхъ вѣхъ и буевъ на чертѣ морскаго залива (ст. 23) относится къ обязанностямъ начальника рыболовной команды.

Отдѣленіе 4-е.

Порядокъ рыболовства.

25) Рыболовныя снасти, дозволенныя для рыболовства, суть: невода, волокуши, вентеря, сѣтки, бредни и зимнія сѣжи. Всѣ эти снасти могутъ быть смоленыя.

26) Очки во всѣхъ вышеозначенныхъ снастяхъ должны быть величиною въ окружности не менѣе трехъ вершковъ, а въ одной сторонѣ не менѣе трехъ четвертей вершка, или такъ называемыя двуперстныя, за исключеніемъ: а) такъ называемыхъ оседедныхъ волокушъ, у которыхъ величина очковъ можетъ быть меньшихъ размѣровъ, и б) зимнихъ неводовъ, которыми производится ловля отъ Покрова чрезъ всю зиму до Пасхи, и въ которыхъ только среднія части, или такъ называемые приводы, на 10 саж. въ обѣ стороны отъ мотни и самая мотня могутъ имѣть двуперстныя очки, а остальныя крайнія части или крылья должны имѣть очки въ окружности не менѣе пяти вершковъ, а въ одной сторонѣ вершокъ съ четвертью или такъ называемый ладонникъ.

Примѣчаніе. Оседедныя волокуши употребляются только отъ Пасхи до Петрова дня.

27) Всѣ дозволенныя рыболовныя снасти (ст. 25) должны быть величиною: а) невода рѣчныя длиною по нижней посадкѣ въ 110 саж., а волокуши въ 80, да кромѣ того на вытяжку каната полагается въ неводахъ и волокушахъ 10 саж.; б) вентери не болѣе 5 аршинъ въ поперечникѣ; в) сѣтки длиною не болѣе 50 саж., а шириною не болѣе 5 аршинъ въ поперечникѣ; в) сѣтки длиною не болѣе 50 саж., а шириною не болѣе 5 арш., и г) сѣжнымъ запорамъ длина не полагается, но ставятся они отъ берега до фарватера

28) Рыболовъ, обличенный въ употребленіи снастей болѣе опредѣленной мѣры или съ меньшими очками (ст. 26 и 27), кромѣ лишенія снастей въ пользу станицы, подвергается по рѣшенію станичнаго суда денежному штрафу: въ первый разъ—15 р., во второй — 30, въ третій 45 р. и лишается права на рыболовство отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Половина означеннаго штрафа поступаетъ въ станичный доходъ, а другая въ пользу открывшаго злоупотребленіе.

29) Къ недозволеннымъ снастямъ принадлежатъ: перегородки, забойки, перебойки или перетяжки, въ особенности же балберочные крючья, которые запрещается употреблять во всемъ Азовскомъ морѣ.

30) Употреблявшіе недозволенные (ст. 29) снасти, кромѣ истребленія снастей, подвергаются по рѣшенію станичнаго суда денежнымъ штрафамъ: въ первый разъ — 50 р., во второй — 75, въ третій 100 руб. и лишаются права на рыболовство отъ одного года до трехъ лѣтъ. А если штрафа внести не въ состояніи, то подвергаются суду, какъ за воровство свыше 30 руб. Половина этого штрафа идетъ въ пользу доходовъ станицы, города или селенія, а другая тому, кто открылъ злоупотребленіе.

31) Невода и волокуши дѣйствуютъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, называемыхъ тонями, и въ употребленіи ихъ соблюдается строгая очередь, и при этомъ постановляется непремѣннымъ правиломъ тянуть невода не тотчасъ одинъ за другимъ, но чтобы съ притономъ передняго начиналъ слѣдующій и такъ далѣе.

32) Вентери равномѣрно дозволяются только на мѣстахъ для того назначенныхъ. Вентерь кромѣ того дозволяется ставить и между сѣжами, но только тѣмъ, кому сѣжи достались по жребію, или кѣмъ пріобрѣтены покупкою. Постановка вентерей одинъ надъ другимъ, а равно и придѣлка къ нимъ крыльевъ, строго запрещаются. Виновные въ этомъ подвергаются наказанію въ предъидущей 28 ст. означенному.

33) Сѣжи ставятся по обѣимъ сторонамъ фарватера. Длина сѣжныхъ запоровъ не опредѣляется, но во всякомъ случаѣ они не должны закрывать фарватера. При каждомъ сѣжномъ запорѣ полагается имѣть только одну мотню. Ставить же въ сѣжныхъ запорахъ вмѣсто мотней вентеря, такъ называемые ходовые, строго запрещается; виновные въ этомъ подвергаются наказанію въ предъидущей 30 ст. означенному.

34) Плавныя сѣтки могутъ дѣйствовать впереди неводовъ, но во всякомъ случаѣ при сплавленіи или при постановкѣ на якоряхъ, связывать ихъ по двѣ вмѣстѣ или ставить одну надъ другою строго запрещается. Виновные въ несоблюденіи этого наказываются согласно съ предъидущею 28 ст.

35) Рыболовы обязываются каждый на мѣстѣ производимой ими ловли съ точностью сохранять неприкосновенность фарватера на положенное въ ст. 19 разстояніе и отвѣтствуютъ за цѣлость маяковъ и буевъ, находящихся (ст. 22) на ихъ дистанціи. Въ противномъ случаѣ по рѣшенію станичнаго суда штрафуются 25 р. въ пользу станичныхъ доходовъ.

36) Поэтому поставляется въ непремѣнную обязанность станичному правленію рыболовнымъ довѣреннымъ, гдѣ есть они, обозначать фарватеръ рѣки на опредѣленныхъ мѣстахъ лѣтомъ буями, тотчасъ по вскрытіи рѣки, а зимою камышевыми вѣхами, прежде постановки сѣжъ и вентерей. За неисполненіе этого станичный атаманъ и довѣренные отвѣтствуютъ по рѣшенію станичнаго суда денежнымъ штрафомъ за каждыя сутки просрочки по 50 р. въ пользу войсковыхъ доходовъ.

37) Во всѣ воскресные и нѣкоторые праздничные дни рыболовство прекращается съ захожденіемъ солнца на самый праздникъ. Поступающіе вопреки этому подвергаются по рѣшенію станичнаго суда, кромѣ истребленія снастей, еще денежнымъ штрафамъ въ первый разъ — 50 руб., во второй 100 р. и въ третьей 150 р. и лишенію права на рыболовство отъ одного года до трехъ лѣтъ; снасти же, которыми производилась ловля, уничтожаются.

Примѣчаніе. Такіе праздники суть: 1 и 6 января, 2 февраля, 25 марта, 9 мая, 29 іюня, 6, 15, 26 и 29 августа, 8, 14 и 26 сентября, 1 и 22 октября, 21 ноября, 6, 25, 26 и 27 декабря, пятокъ и суббота Страстной, воскресеніе, понедѣльникъ и вторникъ Святой недѣли, Вознесенье, дни Св. Троицы и Духовъ и всѣ Воскресенья.

38) Для отклоненія всякаго недоразумѣнія по сему предмету поставляется въ обязанность станичнымъ правленіямъ: а) объявлять въ мѣстныхъ церквахъ по окончаніи литургіи чрезъ священника о праздникахъ, приходящихся на слѣдующей недѣли, и б) за часъ до захожденія солнца наканунѣ праздника выставлять на берегу рѣки на видномъ мѣстѣ флагъ для означенія прекращенія рыболовства и снимать его вечеромъ въ праздникъ при захожденіи солнца, какъ знакъ разрѣшенія.

39) Все время праздничнаго прекращенія лова зимою въ распорныхъ снастяхъ оставляются въ водѣ одни только сѣжные и вентерные запоры, а мотни и самые вентери вынимаются изъ рѣки на ледъ и оставляются на виду. За неисполненіе сего хозяева по рѣшенію станичнаго суда подвергаются денежному штрафу въ 25 р. въ пользу станичныхъ доходовъ.

Отдѣленіе 5-е.

О рыбоспѣтныхъ заводахъ.

40) Рыбоспѣтный заводъ есть то мѣсто, гдѣ рыба соленіемъ, сушеніемъ и провѣшиваніемъ приготовляется въ прокъ.

41) Каждому семейству нераздѣльно живущему дозволяется имѣть одинъ рыбоспѣтный заводъ.

42) Желающій вновь построить такой заводъ объявляетъ станичному правленію, съ показаніемъ, на сколько и какой мѣры солилъ рыбы и на какомъ мѣстѣ намѣренъ имѣть его.

43) Станичный атаманъ, по освидѣтельствованіи мѣста, избраннаго просителемъ подъ новый заводъ, сообщаетъ депутатскому сбору, который или дозволяетъ сію постройку или предоставляетъ ему другое способное мѣсто.

44) Для соблюденія въ станицахъ чистоты воздуха и опрятности, сохраняющихъ народное здравіе, необходимо наблюдать, чтобы посуда, въ которой весною и лѣтомъ просаливалась рыба, была къ 1 числу декабря опорожнена отъ тузлука (разсола) и чтобы мелкая рыба, икра и прочія внутренности опускались въ воду, а не разбрасывались бы на берегу или по заводу. Наблюденіе за этимъ поручается станичному атаману.

45) Если чиновникомъ, командированнымъ наказнымъ атаманомъ, открыто будетъ, что гдѣ либо въ заводѣ не соблюдается правило, установленное въ предъидущей 44 ст., тогда станичный атаманъ подвергается денежному штрафу въ 25 р., въ пользу войсковаго дохода.

46) Всѣ, занимающіеся рыболовствомъ въ открытомъ морѣ, имѣютъ право строить на берегахъ его временныя заведенія для сохраненія рыбы своей безъ всякой за то платы, и владѣльцы не должны имъ въ томъ препятствовать, особенно же установлять подъ предлогомъ береговаго права какіе либо денежные съ нихъ поборы.

47) Въ запрещенныхъ для рыболовства донскихъ гирлахъ не дозволяется имѣть ни временные, ни постоянные заводы. Запрещеніе это распространяется и на тѣ рыбоспѣтные заводы, которые помѣщаются на такъ называемыхъ прасольскихъ баркасахъ. Наблюденіе за этимъ относится къ обязанностямъ начальника рыболовной команды, который руководствуется въ этомъ нижеслѣдующею 80 статьею.

Глава II.

НАДЗОРЪ НАДЪ РЫБОЛОВСТВОМЪ.

Отдѣленіе 1-е.

Въ станичныхъ юртахъ

а) Самыми обществами.

48) Рыболовство въ станичныхъ юртахъ состоитъ подъ надзоромъ станичныхъ правленій и самыхъ обществъ.

49) Въ станицахъ, гдѣ рыболовство наиболѣе развито и составляетъ значительную отрасль про-

мышленности, для облегченія станичныхъ правленій, могутъ быть назначаемы депутатскими сборами особые по рыболовству довѣренные, въ качествѣ какое признано будетъ ими нужнымъ. Такіе довѣренные, состоя подъ главнымъ начальствомъ станичнаго правленія, суть ближайшіе блюстители порядка по рыболовству.

50) Обязанности станичнаго правленія и рыболовныхъ довѣренныхъ суть:

1) Правильное и своевременное обозначеніе фарватера рѣки лѣтомъ немедленно по вскрытіи льда буями, а зимою по льду камышевыми вѣхами до постановки сѣжъ и вентерей.

2) Надзоръ за употребленіемъ дозволенныхъ рыболовныхъ снастей на назначенныхъ мѣстахъ и вообще за исполненіемъ правилъ установленныхъ для рыболовства.

и 3) Надзоръ за тѣмъ, чтобы рыболовство прекращаемо было въ праздничные и воскресные дни повсемѣстно (ст. 37) и чтобы при этомъ наблюдаемо было правило (ст. 39) о выстановкѣ на льду снастей, вынутыхъ изъ воды.

51) Кромѣ того на непосредственной обязанности рыболовныхъ довѣренныхъ, но безъ всякаго участія станичнаго правленія, возлагается разбирать маловажные споры по рыболовству, требующіе немедленнаго разрѣшенія на мѣстѣ, напримѣръ: споры на тоняхъ за очередь, или по притѣсненію сосѣдомъ и т. п. Споры эти рѣшаются рыболовными довѣренными, или по крайней мѣрѣ однимъ изъ нихъ съ участіемъ по меньшей мѣрѣ двухъ постороннихъ спору лицъ. Такія рѣшенія исполняются безпрекословно, до кого они касаются. Если бы кто изъ сихъ послѣднихъ остался имъ недовольнымъ, тотъ, исполнивши напередъ рѣшеніе довѣренныхъ, можетъ впослѣдствіи принести на нихъ жалобу станичному суду.

52) Станичное правленіе и рыболовные довѣренные всѣхъ нарушителей правилъ о рыболовствѣ обязаны подвергать станичному суду; въ противномъ случаѣ сами подвергаются отвѣтственности какъ за злоупотребленія или упущенія по должности, согласно съ правилами, изложенными въ положеніи о станичномъ управленіи.

б) Станичными ревизорами.

53) Обществамъ станицъ: Манычской, Старочеркаской, Аксайской, Александровской, Гниловской и Елисаветовской присвояется право надзора за рыболовствомъ какъ во взаимныхъ ихъ юртахъ, такъ и на водахъ, предоставленныхъ жителямъ ростовскаго уѣзда, а равно и въ запрещенныхъ мѣстахъ.

54) Общества дѣйствуютъ въ такомъ случаѣ посредствомъ особыхъ ревизоровъ, назначаемыхъ на два года депутатскими сборами по два въ каждой изъ упомянутыхъ станицъ (ст. 53) изъ благонадежныхъ отставныхъ отъ службы гражданъ. Они утверждаются въ сей должности войсковымъ правленіемъ, отъ котораго они снабжаются при этомъ на званіе рыболовныхъ ревизоровъ билетами, возвращаемыми по назначеніи другихъ ревизоровъ правленію для уничтоженія. Содержаніе получаютъ они изъ станичныхъ доходовъ въ годъ по 75 р. каждый.

Примѣчаніе. Сумма, слѣдующая въ жалованье всѣмъ 14 ревизорамъ, разлагается войсковымъ правленіемъ на всѣ вышеименованныя станицы, сообразно доходамъ ихъ.

55) Обязанности рыболовныхъ ревизоровъ состоятъ въ частныхъ осмотрахъ всѣхъ водъ, порученныхъ ихъ надзору (ст. 53). Причемъ они должны руководствоваться правилами, изложенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

*

56) Назначеніе времени для осмотровъ предоставляется соглашенію самихъ ревизоровъ, — или распоряженію станичныхъ властей. Въ каждомъ объѣздѣ должно участвовать не менѣе шести ревизоровъ.

57) Вмѣстѣ съ ревизорами станичныя правленія могутъ посылать одного изъ помощниковъ станичнаго атамана или одного изъ рыболовныхъ довѣренныхъ, какъ непосредственнаго своего представителя; но въ такомъ случаѣ помощникъ атамана или довѣренный долженъ участвовать въ осмотрѣ какъ понятые отъ станицы.

58) Участвующіе въ объѣздѣ ревизоры должны выбирать одного изъ среды себя старшимъ для руководства объѣздомъ до возвращенія въ свои станицы.

59) При объѣздахъ ревизоры обязаны имѣть по два понятыхъ отъ тѣхъ обществъ, гдѣ производится осмотръ. Мѣстныя власти высылаютъ имъ понятыхъ безъ задержанія, по словесному ихъ требованію. Впрочемъ въ крайнихъ случаяхъ и при неимѣніи понятыхъ отъ того общества, гдѣ найдено будетъ злоупотребленіе, дѣйствія ревизоровъ не останавливаются и они могутъ ограничиваться имѣющимися у нихъ понятыми отъ другихъ мѣстъ, лишь бы только сихъ послѣднихъ было не менѣе шести человѣкъ.

60) Если ревизорами во время объѣзда усмотрѣно будетъ злоупотребленіе по рыболовству, тогда они обязаны за общимъ ихъ понятыхъ подписомъ составить актъ, въ которомъ бы подробно указаны были мѣсто и самый видъ злоупотребленія. Противузаконныя снасти представляются ревизорами подъ квитанціи ближайшему станичному правленію для освидѣтельствованія и немедленнаго уничтоженія при ревизорахъ. Лица, захваченныя ревизорами на самомъ злоупотребленіи или изобличенныя впослѣдствіи, подвергаются денежнымъ штрафамъ согласно предъидущимъ 28, 30, 32, 37 и 39 статьямъ, но съ тѣмъ различіемъ, что весь штрафъ поступаетъ въ пользу войска.

61) Если ревизорами не будетъ захваченъ виновный, тогда станичныя общества обязываются во всякомъ случаѣ открыть его въ шестинедѣльный срокъ, иначе должны быть по рѣшенію войсковаго правленія подвергнуты штрафу въ пользу войска: въ первый разъ — 100 р., во второй — 200 р., въ третій и послѣдующіе — 400 р. Если же общество подвергнется четыре раза штрафу въ продолженіе одного года, тогда общество лишается на одинъ годъ права па рыболовство. Штрафъ этотъ раскладывается депутатскимъ сборомъ на всѣхъ пользующихся рыболовными паями.

62) Послѣ каждаго объѣзда ревизоры обязаны донести своимъ станичнымъ правленіямъ о томъ, что ими открыто при осмотрѣ, съ представленіемъ квитанцій, выданныхъ имъ отъ мѣстныхъ властей (ст. 65) въ принятіи отъ нихъ снастей и людей, захваченныхъ на противозаконной ловлѣ.

63) Станичныя правленія по полученіи отъ ревизоровъ донесеній препровождаютъ ихъ войсковому правленію, которое принимаетъ мѣры сообразно съ обстоятельствами.

64) Злоупотребленіе, обнаруженное ревизорами, должно быть подтверждено впослѣдствіи, въ случаѣ надобности, присягою самихъ ревизоровъ и понятыхъ, бывшихъ съ ними, и тогда присяга эта вмѣстѣ съ актомъ, составленнымъ своевременно (ст. 60) ревизорами о злоупотребленіи, послужитъ совершеннымъ доказательствомъ дѣйствительности факта злоупотребленія.

Отдѣленіе 2-е.

Надзоръ за рыболовствомъ въ водахъ запрещенныхъ.

а) Рыболовною командою.

65) Надзоръ надъ запрещенными для рыболовства (ст. 19 п. 1, 2 и 3) водами поручается особому чиновнику по распоряженію войсковаго правленія съ наименованіемъ его смотрителемъ рыбныхъ

ловель, въ вѣдѣніе коего поручается особая команда, состоящая изъ опредѣленнаго штатомъ числа чиновъ войска. Смотритель, онъ же и начальникъ команды, состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ войсковаго правленія, обязанъ ему отчетностію по общимъ правиламъ.

Примѣчаніе. Вся переписка по надзору надъ рыболовствомъ сосредоточивается въ хозяйственной экспедиціи войсковаго правленія.

66) Смотритель рыбныхъ ловель производитъ разъѣзды на водахъ, ввѣренныхъ его надзору, лѣтомъ на двухъ пароходныхъ лодкахъ, въ 12 силъ каждая, которыми команда его снабжается отъ войска, а зимою по льду конными казаками его команды. Мѣстами расположенія команды назначаются хутора Государевскій, или Рогожинскій, или еще ближе къ морю, по усмотрѣнію наказнаго атамана.

67) Рыболовная команда получаетъ отъ войска денежное содержаніе, провіантъ и сухой фуражъ на строевыхъ лошадей въ продолженіе зимнихъ шести мѣсяцевъ.

68) Обязанности смотрителя рыбныхъ ловель состоятъ въ томъ, а) чтобы всѣ ввѣренныя его надзору запрещенныя воды (ст. 65) были всегда и во всякое время свободны отъ всякаго рода рыболовства, и б) чтобы на нихъ не были устраиваемы (ст. 47) постоянные или временные на баркасахъ рыбоспѣтные заводы.

69) Для достиженія этого смотритель обязанъ производить сколь возможно чаще осмотръ ввѣренной ему мѣстности. При этомъ должны быть не менѣе, какъ по два понятыхъ, отъ станицы Елисаветской, отъ посада Азова и отъ селенія Кагальницкаго.

70) Означенные въ предъидущей 69 статьѣ понятые должны постоянно находиться при рыболовной полиціи, чтобы быть всегда готовыми къ внезапному разъѣзду. Самовольная отлучка понятыхъ, или несвоевременная высылка ихъ обществами, не можетъ служить препятствіемъ для разъѣздовъ рыболовной команды. Содержатся они на счетъ своихъ обществъ, а помѣщаются вмѣстѣ съ командою.

71) Смотритель при своихъ разъѣздахъ во время зимы по льду, кромѣ находящихся при немъ понятыхъ (ст. 70), можетъ брать каждый разъ еще особыхъ понятыхъ отъ станицы Гниловской и отъ посада Азова по 15, а отъ станицы Елисаветовской и отъ селенія Кагальницкаго по 40 человѣкъ. Эти понятые, долженствующіе участвовать въ разъѣздахъ на своихъ лошадяхъ, вытребываются смотрителемъ рыбныхъ ловлей каждый разъ отъ мѣстныхъ станичныхъ и другихъ правленій особыми повѣстками. Если бы понятые не были высланы къ назначенному мѣсту и въ назначенное въ повѣсткѣ время, тогда виновныя въ этомъ мѣстныя власти подвергаются денежному штрафу за каждаго невысланнаго понятаго по 2 р. с. въ пользу войсковыхъ доходовъ. Всѣ эти понятые во время разъѣзда состоятъ въ распоряженіи начальника команды и дѣйствуютъ по его указаніямъ. По окончаніи, имъ выдается отъ начальника для каждаго общества отдѣльная квитанція.

Примѣчаніе. Такихъ общихъ разъѣздовъ можетъ быть за зиму не болѣе четырехъ разъ и каждый изъ нихъ долженъ продолжаться не болѣе сутокъ.

72) Если рыболовная команда при производствѣ разъѣзда встрѣтитъ со стороны хищниковъ сопротивленіе, а тѣмъ болѣе нападеніе, тогда предоставляется ей право для защиты себя употребить оружіе. При преслѣдованіи хищниковъ по морю команда можетъ по слѣдамъ ихъ входить въ селенія съ понятыми, находящимися при разъѣздѣ, для арестованія ихъ въ жилищахъ.

73) Въ случаѣ открытія разъѣздомъ запрещенной ловли составляется смотрителемъ рыбныхъ ловель

актъ, подписываемый и понятыми. Лица, захваченныя на хищницкой ловлѣ, арестуются и препровождаются въ черкасскій окружной судъ чрезъ елисаветовское станичное правленіе.

74) Каждое лицо, захваченное на рыболовствѣ въ запрещенныхъ мѣстахъ, подвергается приговоромъ черкасскаго окружнаго суда:

въ первый разъ денежному штрафу въ			25	р.
во второй »	»	»	» 50	»
въ третій и послѣдующіе	»	»	100	»

Если же денежнаго штрафа внести не въ состояніи, тогда денежный штрафъ замѣняется заключеніемъ въ тюрьму по общимъ государственнымъ законамъ.

75) Снасти, рыба, лодки, сани съ лошадьми и т. п. имущество, захваченное съ хищниками на запрещенной ловлѣ, продаются (исключая балберочныхъ крючьевъ и вообще снастей запрещенныхъ) съ аукціона въ Елисаветовской станицѣ по распоряженію смотрителя рыбныхъ ловель и при бытности станичнаго правленія. Балберочные же крючья и вообще всѣ запрещенныя снасти истребляются командою при понятыхъ, о чемъ составляется актъ за общимъ ихъ и начальника команды подписомъ.

76) Изъ денежныхъ штрафовъ и суммъ, выручаемыхъ за проданныя снасти, рыбу и имущество (ст. 74 и 75), поступаетъ одна половина въ войсковой доходъ, а другая выдается рыболовной командѣ и дѣлится между всѣми нижними чинами ея по взаимному ихъ соглашенію.

77) Смотритель рыбныхъ ловель не дозволяетъ, на всемъ пространствѣ запрещенныхъ водъ, устроивать на такъ называемыхъ прасольскихъ баркахъ временные рыбоспѣтные заводы. Съ виновными въ этомъ должно быть поступлено на основаніи предъидущихъ 74 и 75 ст.

78) Смотритель рыбныхъ ловель обязанъ вести каждодневный журналъ своихъ занятій, записывая его въ шнуровую книгу, выданную отъ войсковаго правленія. О каждомъ разъѣздѣ, которымъ открыта будетъ хищническая ловля, смотритель доноситъ войсковому правленію съ подробнымъ объясненіемъ результатовъ разъѣзда. Кромѣ того, при мѣсячныхъ срочныхъ рапортахъ онъ представляетъ войсковому правленію вѣдомость о дѣйствіяхъ рыболовной команды за послѣдній мѣсяцъ, по данной отъ него формѣ.

б) Станичными ревизорами.

79) Станичные рыболовные ревизоры въ осмотрахъ запрещенныхъ водъ, ввѣренныхъ попеченію рыболовной команды, руководствуются правилами, изложенными выше (ст. 56—60 и 62—64) и дѣйствуютъ тѣмъ же порядкомъ, но съ нижеслѣдующими исключеніями.

80) Захваченные станичными ревизорами въ запрещенныхъ водахъ хищники съ балберочными крючьями и другими запрещенными снастями передаются ими смотрителю рыбныхъ ловель: люди для препровожденія ихъ, согласно съ 73 ст., въ черкасскій окружной судъ; а запрещенныя снасти, согласно съ 75 ст., для истребленія. Нитяныя же снасти съ рыбою и лодками, какія были при нихъ, представляются ими подъ квитанцію ближайшему станичному правленію для немедленной продажи ихъ съ аукціона. Вырученныя деньги поступаютъ: одна половина въ войсковой доходъ, а другая отдается тогда же участвовавшимъ въ разъѣздѣ ревизорамъ и понятымъ.

81) За всякое, обнаруженное ревизорами въ запрещенныхъ водахъ, злоупотребленіе смотритель рыбныхъ ловель по опредѣленію войсковаго правленія подвергается денежному штрафу; въ первый разъ 100 р., во второй 200, въ третій удаляется отъ должности и предается суду.

82) Войсковой наказной атаманъ или войсковое правленіе обязаны, сколь возможно чаще, посылать состоящихъ при нихъ чиновниковъ для осмотра нижнихъ частей Дона и залива морскаго. Командуемый для этого чиновникъ обязанъ руководствоваться по возможности правилами, установленными для ревизорскихъ осмотровъ. Онъ можетъ даже брать съ собою станичныхъ ревизоровъ, или ограничиваться обыкновенными понятыми. О всякомъ злоупотребленіи составляется имъ актъ за общимъ его, ревизоровъ и понятыхъ подписомъ.

Отдѣленіе 3-е.

О балберочныхъ крючьяхъ.

83) Продажа балберочныхъ рыболовныхъ крючьевъ запрещается на всемъ пространствѣ войска донскаго и въ прибрежныхъ къ Азовскому морю мѣстахъ ростовскаго уѣзда екатеринославской губерніи и таганрогскаго градоначальства.

84) Наблюденіе надъ уничтоженіемъ торговли крючными снастями (ст. 83) возлагается на обязанность мѣстныхъ властей. Кромѣ того въ ростовскомъ уѣздѣ войсковое начальство можетъ учредить собственный свой надзоръ чрезъ смотрителя рыбныхъ ловель.

85) По дошедшимъ до смотрителя рыбныхъ ловель свѣдѣніямъ о продажѣ крючковыхъ снастей онъ имѣетъ право производить обыски, по крайней мѣрѣ при двухъ мѣстныхъ понятыхъ.

86) При обнаруженіи гдѣ либо крючковатой торговли, снасти арестуются и по составленіи смотрителемъ рыбныхъ ловель акта, за общимъ его и понятыхъ подписомъ, немедленно истребляются въ присутствіи понятыхъ.

Примѣчаніе. Чиновникъ, командируемый войсковымъ начальствомъ, въ подобныхъ случаяхъ руководствуется этою и предъидущею 85 статьею.

87) Виновный въ торговлѣ балберочными крючьями подвергается денежному штрафу: въ первый разъ 100 руб., во второй 200, въ третій 400 и т. д., удвоивая за каждый разъ штрафы. Штрафъ этотъ поступаетъ въ пользу войсковыхъ доходовъ.

Глава III.

ПРИМѢНЕНІЕ ПРАВИЛЪ О РЫБОЛОВСТВѢ КЪ РОСТОВСКОМУ УѢЗДУ.

88) Всѣ статьи сего положенія, опредѣляющія: запрещенныя и дозволенныя рыболовныя снасти, размѣръ сихъ послѣднихъ и очковъ ихъ, постановку снастей, а равно сохраненіе фарватера рѣки неприкосновеннымъ и означенія его буями и камышевыми вѣхами; соблюденіе воскресныхъ и праздничныхъ дней,—всѣ безъ изъятія обязательны и для жителей ростовскаго уѣзда.

89) Право обществъ ростовскаго уѣзда на рыболовство ограничивается только протекающими въ ихъ границахъ Дономъ и его рукавами и гирлами. Въ распредѣленіи же сихъ водъ руководствуются они мѣстными условіями или обычаями.

90) Ближайшій надзоръ за рыболовствомъ, подобно тому какъ и въ станицахъ, оставляется на

попеченіе и отвѣтственности самыхъ обществъ. Для повѣрки же точности исполненія самыми обществами правилъ, установленныхъ для рыболовства, дѣйствія станичныхъ ревизоровъ простираются и на воды ростовскаго уѣзда.

91) Для соблюденія правильнаго однообразія по рыболовству въ нижнихъ частяхъ Дона, высшій надзоръ за этимъ и въ ростовскомъ уѣздѣ поручается войсковому наказному атаману, который можетъ дѣйствовать по сему предмету или чрезъ особо командируемыхъ чиновниковъ, подобно тому какъ это установлено для войска, или чрезъ смотрителя рыбныхъ ловель, который въ такомъ случаѣ производитъ повѣрку рыболовства и въ селеніяхъ Петрогоровкѣ и Кагальницкомъ и въ посадѣ Азовѣ. Впрочемъ наказному атаману предоставляется право для той же цѣли, а равно для прекращенія торговли балберочными крючьями (ст. 83), помѣстить въ селеніи Кагальницкомъ часть рыболовной команды, которая дѣйствовала бы подъ непосредственнымъ распоряженіемъ смотрителя рыбныхъ ловель.

92) Жители ростовскаго уѣзда, виновные въ несоблюденіи правилъ для рыболовства, установленныхъ въ семъ положеніи, подвергаются такимъ же денежнымъ штрафамъ, какіе назначены для лицъ казачьяго сословія. Общества же селеній, посада или города подобно станичнымъ подвергаются только тогда денежному штрафу (ст. 61), когда не пожелаютъ открыть виновнаго.

93) Штрафныя деньги съ частныхъ лицъ взыскиваются въ пользу мѣстныхъ общественныхъ суммъ, а взыскиваемыя съ обществъ поступаютъ въ войсковой доходъ, на счетъ котораго содержится рыболовная команда.

94) Злоупотребленія по рыболовству, совершенныя на водахъ ростовскому уѣзду предоставленныхъ, подлежатъ сужденію мѣстныхъ волостныхъ, посадскихъ, городскихъ и уѣздныхъ судебныхъ мѣстъ ростовскаго уѣзда, а совершенныя жителями ростовскаго уѣзда на водахъ запрещенныхъ подлежатъ по мѣсту совершенія сужденію черкасскаго окружнаго суда.

ТРЕТІЙ ОТЧЕТЪ.

АЗОВСКОЕ МОРСКОЕ РЫБОЛОВСТВО.

Удобства азовскаго морскаго рыболовства сравнительно съ каспійскимъ. Мы видѣли въ первомъ отчетѣ, въ чемъ заключаются тѣ выгодныя условія, которыя даютъ небольшому азовскому бассейну возможность соперничать, въ рыболовномъ отношеніи, съ несравненно обширнѣйшими морями. Два изъ этихъ условій: мелководіе и малая соленость, вслѣдствіе которыхъ Азовское море ежегодно замерзаетъ на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ, составляютъ условія весьма невыгодныя, въ отношеніи къ судоходству. Еще одна невыгодная, для этого послѣдняго, особенность, заключающаяся въ образованіи его береговъ, составляетъ новое преимущество для производства рыбнаго промысла. Именно почти всѣ берега Азовскаго моря удлиняются въ песчаныя или ракушечныя, далеко вдающіяся въ море, косы, которыя еще продолжаются въ болѣе или менѣе обширныя песчаныя отмели. Судамъ надо далеко объѣзжать эти косы, почему и устроены на тѣхъ изъ нихъ, которыя лежатъ на пути торговаго мореплаванія, маяки, или по крайней мѣрѣ знаки. Но эти же самыя косы составляютъ въ высшей степени удобныя мѣста, какъ для рыболовства вообще, такъ въ особенности для тяги неводовъ. Море у этихъ косъ довольно мелко, для того, чтобы неводъ, длиною въ версту или немного болѣе, могъ хватать до дна, а между тѣмъ все еще достаточно воды, чтобы вытягивать его на берегъ; къ тому же и дно у такихъ косъ песчаное или ракушечное, такъ что нижняя подбора не загрузаетъ въ тину и рыбакамъ удобно входить въ воду для тяги. Почва косъ, обыкновенно твердая, представляетъ по большей части полого поднимающійся валъ, по которому и удобно тянуть, и можно раскидывать снасти, для сушки на сухомъ мѣстѣ, не опасаясь, чтобы ихъ залило или снесло водою, развѣ только въ необыкновенныя бури, въ рѣдкихъ случаяхъ которыхъ всегда можно принять предосторожности. Этотъ же возвышенный валъ даетъ возможность устраивать необходимыя заведенія для приготовленія рыбы и временныя жилища промышленникамъ, не опасаясь подмочки товара. Но косы представляютъ удобства, не для одного только неводнаго лова, а и для крючнаго тѣмъ, что занимающіеся имъ могутъ располагать свою снасть не далеко отъ мѣста, гдѣ имѣютъ свои временныя жилища и солильныя заведенія. Они могутъ ежедневно по два раза выѣзжать на переборку и выставку крючьевъ, привозить рыбу только что пойманную домой и затѣмъ, или вытаскивать свои лодки на песчаные берега, или оставлять ихъ въ небольшихъ бухточкахъ, которыми во многихъ мѣстахъ изобилуютъ косы.

Совершенно въ другомъ положеніи находятся, въ этомъ отношеніи, каспійскіе рыболовы. Тамъ

24

въ сѣверной части моря, гдѣ производится главный ловъ, берега по большой части до того низменны, что на нихъ не только нельзя устраивать жилищъ близко къ водѣ, но даже нельзя и сушить снасти иначе, какъ развѣсивъ ихъ на шесты или колья; для ватагъ же должно избирать изрѣдка разсѣянные бугры, или солить рыбу на большихъ судахъ, служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жилищемъ промышленниковъ, — какъ это дѣлается напримѣръ на Эмбѣ, гдѣ суда должны останавливаться въ десяти и болѣе верстахъ отъ берега, негостепріимнаго, не только по дикости его обитателей, но и по самымъ естественнымъ своимъ свойствамъ. Къ тому же море у такихъ береговъ уже слишкомъ мелко и дно его топко, такъ что тянуть неводами у такихъ береговъ невозможно, и собственно на Каспійскомъ морѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ заливовъ, неводовъ нигдѣ и не употребляютъ. Ловцы должны тамъ всегда отлучаться отъ своего дома, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько десятковъ верстъ, чтобы выставить свою снасть и столь же далеко ѣздить для сдачи пойманной рыбы на ватаги.—Изъ этого видно, какъ велико удобство, доставляемое косами азовскому рыбному промыслу, а нижеслѣдующія приблизительныя числовыя данныя показываютъ, какъ велико протяженіе ими занимаемое, сравнительно съ окружностью Азовскаго моря.

Общее протяженіе удобныхъ для рыболовства мѣстностей сравнительно съ величиною окружности Азовскаго моря. Въ занимающемъ насъ отношеніи, косы раздѣляются на два разряда. Однѣ вдаются въ море въ видѣ узкихъ полосъ, оба края которыхъ могутъ служить мѣстомъ жительства для промышленниковъ и производства рыбной ловли. Такихъ косъ насчитывается 14, именно: Ѳедотова, Обиточная, Бердянская, Бѣлосарайская, Кривая, Бѣглицкая, по сѣверному берегу моря и Таганрогскаго залива, Очаковская, Чембурская, Сазальницкая, Ейская, Долгая на южномъ берегу Таганрогскаго залива; Камышеватая на восточномъ берегу моря, и косы Чушка и Тузла, вдающія изъ Таманскаго полуострова въ Керченскій проливъ. Общая длина ихъ равняется приблизительно 190 верстамъ, а такъ какъ оба берега ихъ болѣе или менѣе удобны для лова, то это составляетъ 380 верстъ рыболовнаго протяженія. Другія косы отгораживаютъ собою лиманы, въ которыхъ, хотя и производится ловъ, но не морской, или вмѣстилища горько соленой воды, какъ Сивашъ, гдѣ рыба вовсе не можетъ жить. Сивашъ, какъ извѣстно, отдѣляется отъ моря Арабатскою Стрѣлкою, имѣющею 104 версты въ длину. Непрерывная же почти коса, отгораживающая отъ моря дельту Кубани съ ея лиманами, занимаетъ до 114 верстъ. Къ этого же рода косамъ надо еще причислить небольшія выпуклины низменнаго прибрежья, прислоненныя къ обрывистымъ берегамъ, которыя также называются косами, хотя собственно и не заслуживаютъ этого имени въ географическомъ отношеніи, но совершенно сходны съ ними по удобствамъ, представляемымъ ими для рыбной ловли. Такія косы, равно какъ и пересыпи, преграждающія входы въ существующіе еще, или въ отдѣльные отъ моря, лиманы, занимаютъ по сѣверному берегу моря около 73, а по южному или Керченскому около 49 верстъ, такъ что протяженіе косъ этого разряда составитъ около 370 верстъ, а вмѣстѣ съ прежними до 750 верстъ; между тѣмъ вся окружность Азовскаго моря, не слѣдуя изгибамъ вдающихся заливовъ (какъ-то: Ейскаго, Бейсугскаго и т. п.) и выдающихся косъ, составляетъ только съ небольшимъ 1000 верстъ. Но и возвышенные, обрывистые или крутые берега рѣдко гдѣ непосредственно обрываются въ море, какъ напримѣръ на пространствѣ между косами Камышеватою и Долгою, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около Бердянска, Таганрога и т. д.; обыкновенно между ними и поверхностью воды есть еще, болѣе или менѣе, широкій песчанный или песчано-ракушечный припай, который, если только не слишкомъ узокъ, столь же удобенъ для лова, какъ и настоящая коса.

Результаты, проистекающіе изъ удобства производства азовскаго морскаго лова, и слѣдствія ихъ. Изъ этого образованія береговъ Азовскаго моря вытекаютъ слѣдующіе два вывода, которые должны служить основаніемъ правильнаго хозяйственнаго устройства азовскаго рыболовства:

1) Пропорція рыбы, вылавливаемой въ самомъ Азовскомъ морѣ должна быть гораздо значительнѣе той, которая ловится въ близкомъ съ нимъ, по его естественнымъ условіямъ и по породамъ населяющихъ его рыбъ, Каспійскомъ, гдѣ сравнительно большее количество вылавливается въ рѣкахъ. Такъ не только лѣтній, но и зимній каспійскій морской промыселъ имѣетъ предметомъ своимъ почти исключительно красную рыбу,—тогда какъ въ Азовскомъ морѣ ловится, кромѣ того, огромное количество бѣлой рыбы, лѣтомъ неводами, а зимою сѣтками, особенно же судака, леща и тарани. Напримѣръ, въ 1863 году на Бѣлосарайской косѣ, въ половинѣ іюня, былъ превосходный ловъ бѣлой рыбы, такъ что въ одинъ неводъ затягивали отъ 20 до 30 возовъ, по 30 пудовъ кругомъ, чебака (леща) и сулы (судака), т. е. отъ 600 до 900 пудовъ. На Бѣлосарайской косѣ находится около 30 неводныхъ заводовъ. Неводъ закидывается по нѣскольку разъ въ день, а ходъ рыбы продолжается недѣли съ двѣ; поэтому можно полагать, что въ этой лишь мѣстности и притомъ не въ уловистое время было поймано никакъ не менѣе милліона штукъ рыбы. Въ 1863 году поймано, по частнымъ свѣдѣніямъ, въ міусскомъ округѣ до 30,000 пудовъ сома. Другіе примѣры удачнаго морскаго лова бѣлой рыбы — именно на Ясенской косѣ—были представлены въ отчетѣ о кубанскомъ рыболовствѣ. Зимой въ Таганрогскомъ заливѣ главный уловъ состоитъ изъ сулы, чебака и тарани.

2) Условія лова для азовскихъ морскихъ рыбопромышленниковъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ для каспійскихъ, ибо, если принять одинаковое изобиліе рыбы въ обоихъ бассейнахъ, азовскіе рыбопромышленники не имѣютъ надобности заводить большихъ, сравнительно дорого стоющихъ судовъ, а могутъ довольствоваться такими лодками, которыя соотвѣтствуютъ каспійскимъ черневымъ, и проживая, если не у своего дома, то вблизи жилыхъ мѣстъ, не нуждаются въ заготовленіи большаго количества провіанта и не принуждены жить на два дома. Къ этому надо еще прибавить, что азовская рыба, будучи жирнѣе каспійской, дороже цѣнится въ торговлѣ, что самые берега Азовскаго моря, болѣе заселенные и съ такими значительными городами, какъ Ростовъ, Таганрогъ, Ейскъ, Бердянскъ, Маріуполь, имѣющіе почти постоянное морское сообщеніе съ Одессой и отстоящіе не болѣе 400 верстъ отъ Харькова, имѣютъ и болѣе выгодный сбытъ, нежели отдаленныя прибрежья Каспійскаго моря.

Опасность оскудѣнія рыбнаго запаса; если не будетъ установлено раціональныхъ правилъ для рѣчнаго лова. Первое обстоятельство, (особенно, если къ большей доступности моря для рыбаковъ, къ большему, такъ сказать, числу точекъ соприкосновенія между рыбою, населяющею его, и снастями, служащими къ ея вылову, — присоединить еще въ десять разъ меньшую обширность Азовскаго моря, и большую узкость главныхъ его притоковъ), необходимо должно имѣть своимъ послѣдствіемъ гораздо значительнѣйшую опасность оскудѣнія рыбнаго запаса. Если до сихъ поръ оно замѣчается только въ Дону, то единственно потому, что рыболовство здѣсь еще недавно развилось и до сихъ поръ еще далеко не достигло той напряженности въ производствѣ промысла, какъ на Каспійскомъ морѣ. Этому послѣднему обстоятельству содѣйствовали многія причины, а именно: а) Заселеніе азовскихъ прибрежій различными народностями, не столь привычными и склонными къ рыболовству, какъ племя великорусское. б) Производство промысла, по большей части, не мѣстнымъ рыболовнымъ народонаселеніемъ, какъ въ Астрахани, а работниками-забродчиками изъ сосѣдственныхъ губерній, — преимущественно изъ мало-

россійскихъ, точно также какъ для косьбы и для жнитва. в) Плодородіе окрестной почвы и обширное торговое движеніе, доставляющія, какъ мѣстному, такъ и пришлому народонаселенію обильныя средства къ существованію и къ прибыльному труду, тогда какъ на Каспійскомъ морѣ рыболовство составляетъ единственный промыслъ. Но всѣ эти причины только временно отвлекаютъ многихъ отъ рыбнаго промысла, и съ увеличеніемъ, какъ мѣстнаго народонаселенія, такъ и пришельцовъ, особливо изъ мѣстъ, гдѣ уже развитъ рыбной промыслъ, количество ловцовъ и напряженность лова въ Азовскомъ морѣ должны достигнуть тѣхъ же, если не большихъ размѣровъ, чѣмъ въ Каспійскомъ. Теперь уже приволжскіе рыбаки, которымъ волго-донская желѣзная дорога облегчила путь къ Азовскому морю, начинаютъ къ нему стекаться и вводятъ здѣсь свою усиленную, болѣе искусную и прибыльную методу лова, которой не замедлятъ подражать и другіе.

Волжскіе ловцы на Азовскомъ морѣ. Причины, по которымъ многіе волжскіе ловцы начинаютъ приходить на Азовское море, вмѣсто того, чтобы спускаться по Волгѣ въ Каспійское, заключаются, по ихъ собственнымъ словамъ, въ слѣдующемъ:

а) По высшимъ цѣнамъ на рыбу и потому, что во многихъ мѣстахъ на Азовскомъ морѣ ловъ вольный, они получаютъ здѣсь вообще высшую плату, чѣмъ на Каспійскомъ морѣ, хотя и трудно сдѣлать опредѣленный сравнительный разсчетъ, ибо способъ разплаты въ обѣихъ мѣстностяхъ различный; на Каспійскомъ морѣ плата подряднымъ ловцамъ производится отдѣльно, для мяса съ мѣры рыбы, а для икры съ вѣса ея, тогда какъ на Азовскомъ платятъ разную цѣну за икряную и за яловую.

б) Въ Азовскомъ морѣ рыбы относительно больше, потому, можетъ быть, что ловцы болѣе разсѣяны.

в) По косамъ и берегамъ Азовскаго моря ловцы живутъ въ домахъ хозяевъ, которымъ поставляютъ рыбу, вмѣстѣ съ своими семействами, и не имѣютъ надобности долго отлучаться для выставки снастей.

Преимущества, которыми отличаются, такъ-называемые, астраханцы, передъ мѣстными рыболовами, заключаются въ томъ, что лодки, построенныя по образцу астраханскихъ кусовыхъ, легче и гораздо лучше идутъ подъ парусами. Поэтому для управленія ими бываетъ достаточно трехъ человѣкъ, которые и ѣздятъ на выставку снастей и на переборку въ такую погоду и при такомъ направленіи вѣтра, когда мѣстные ловцы на это не рѣшаются. Отъ этого происходитъ между прочимъ, то, что у астраханцевъ красная рыба, попавшаяся на крючья, рѣдко долго остается на нихъ, тогда какъ, при продолжительныхъ сильныхъ вѣтрахъ, она закачивается и засыпаетъ у ловцовъ, не столь искусно управляющихъ парусами. Веревки, употребляемыя астраханцами на крючья, тоньше, а потому ихъ снасть легче и дешевле стоитъ. Они имѣютъ и большую снаровку въ выкидкѣ и переборкѣ снасти; поэтому лодка съ тремя астраханцами легко справляется съ 20,000 крючьевъ, тогда какъ, на тоже количество удъ, надо по крайней мѣрѣ семь азовскихъ ловцовъ. Есть однакоже одно время въ году, когда тяжелые азовскіе баркасы, съ экипажемъ изъ семи человѣкъ, имѣютъ преимущество передъ астраханцами. Это бываетъ осенью, когда начинаетъ идти тонкій ледъ—шерехъ, ибо, при затруднительности дѣйствовать парусами, большее число весельщиковъ выгоднѣе. По этой причинѣ, также какъ и по старой привычкѣ, одинъ изъ значительнѣйшихъ азовскихъ промышленниковъ, недавно умершій бердянскій купецъ Кобозевъ, не употреблялъ на своихъ промыслахъ астраханцевъ, а чтобы лодки его не прорѣзывались тонкими льдинами, обивалъ ихъ бѣлою жестью. Тѣмъ не менѣе въ общемъ перевѣсъ остается на сторонѣ астраханцевъ, и не только они все въ большемъ и большемъ количествѣ стекаются на Азовское море, но и азовскіе ловцы начинаютъ подражать имъ въ устройствѣ лодокъ и снастей.

Рѣки Калміусъ и Міусъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ на Азовскомъ морѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо принять заблаговременно мѣры, противодѣйствующія оскудѣнію рыбнаго запаса. Такъ какъ всѣ породы азовской рыбы мечутъ икру въ рѣкахъ, то мѣры эти относятся собственно къ рѣчному лову, находящемуся въ рукахъ кубанскаго и донскаго войскъ и уже были въ подробности изложены въ отчетахъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ рыболовство въ водахъ кубанскихъ и донскихъ. Характеръ же азовскаго морскаго лова составляетъ лишь новую побудительную причину, заставляющую настаивать на крайней необходимости устройства всего азовскаго рыбнаго хозяйства, на основаніи общихъ, все море съ его притоками объемляющихъ, началахъ. Изъ меньшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, по ихъ вліянію на размноженіе рыбы, заслуживаютъ вниманія только Міусъ и Калміусъ. Эта послѣдняя въ нижней части своего теченія, именно у города Маріуполя, достаточно судоходна, чтобы небольшія суда могли въ нее входить. Эта судоходность устья и не допускаетъ, чтобы оно перегораживалось какими либо снастями. Но устье Міуса, который для размноженія рыбы гораздо важнѣе Калміуса, ибо заставляетъ выходъ изъ довольно обширнаго лимана, составляющаго выгодную мѣстность для метанія икры бѣлой рыбою,—весьма часто заграждается снастями. Даже красная рыба входитъ въ этотъ лиманъ и достигаетъ даже самой рѣки. Поэтому къ названному лиману слѣдовало бы примѣнить тѣже правила, которыя предложены экспедиціею, для охраненія входа въ менѣе значительные изъ кубанскихъ лимановъ, — правила, которыя составляютъ лишь небольшія измѣненія, нынѣ дѣйствующихъ, въ этомъ отношеніи, постановленій. Именно слѣдуетъ опредѣлить, чтобы не производился ловъ никакого рода снастями, какъ въ самомъ Міусскомъ гирлѣ, такъ и на пространствѣ въ одну версту въ каждую сторону отъ него и примѣрно на 7 верстъ въ глубь моря. Запрещеніе ловить вдоль берега на версту въ каждую сторону предохраняло бы устье отъ неводнаго лова; а запрещеніе лова на 7 верстъ въ глубь моря — отъ поставки сѣтей и крючной снасти. Такъ какъ лѣвый берегъ лимана и гирла его принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ, а правый казакамъ, то можно надѣяться, что взаимный надзоръ ихъ, другъ надъ другомъ, обезпечитъ исполненіе этого правила.

Обложеніе налогомъ азовскаго рыболовства. Второе обстоятельство, т. е. большая выгодность азовскаго лова сравнительно съ каспійскимъ, составляетъ, по мнѣнію экспедиціи, вполнѣ достаточное и справедливое основаніе къ тому, чтобы азовская рыбная промышленность была, подобно каспійской, обложена извѣстною пошлиною въ пользу казны. Эта пошлина требуется справедливостью, не только относительно каспійскихъ промышленниковъ, но и относительно войска кубанскаго, воды котораго несутъ на себѣ ежегодный налогъ, въ видѣ откупной платы, взимаемой съ Ачуевскаго участка и въ видѣ пошлины съ количества рыбы, улавливаемой въ прочихъ водахъ, почти въ 100,000 руб. Хотя обѣ эти суммы не поступаютъ въ государственное казначейство, онѣ тѣмъ не менѣе должны, кажется, въ сущности почитаться государственнымъ налогомъ, потому что идутъ на расходы по одной изъ составныхъ частей русской арміи, и, за неимѣніемъ этого мѣстнаго дохода, необходимые на нее расходы должны бы были удѣляться изъ общихъ государственныхъ источниковъ. Предлагаемая экспедиціею пошлина на азовскую рыбную промышленность, по стеченію особыхъ обстоятельствъ, не только не будетъ сочтена, занимающимся ею рыболовами, тяжестью на нихъ наложенною, но, напротивъ того, приметея ими, какъ истинное облегченіе и благодѣяніе. Служа признакомъ поступленія моря въ дѣйствительную собственность единственнаго законнаго его обладателя — государства, пошлина эта тѣмъ самымъ освободитъ промышленниковъ отъ противузаконныхъ поборовъ частныхъ лицъ и обществъ, которымъ принадлежатъ

берега и которыя, вопреки самому и прямому и положительному закону, не только берутъ съ нихъ, что кому вздумается, но даже налагаютъ, на свободный морской ловъ, совершенно произвольныя ограниченія.

Несоблюденіе закона о свободѣ морскаго лова. Хотя въ послѣднее время и было обращено вниманіе на то, чтобы какъ частныя лица, такъ и городскія и сельскія общества исполняли очень ясныя указанія закона касательно свободы морскаго рыболовства, какъ вообще въ моряхъ, омывающихъ предѣлы России (ст. 560, 561, 562 и 564 Св. зак. т. XII часть II), такъ въ особенности въ Азовскомъ морѣ (ст. 350 и 351 устава о благоустр. въ казачьихъ селеніяхъ того же XII т.); однако, объѣзжая лѣтомъ 1866 года вторично часть береговъ Азовскаго моря, я нашелъ, что злоупотребленія продолжались въ прежней силѣ; по словамъ мѣстныхъ полицейскихъ властей, имъ ничего не было извѣстно о подтвержденіяхъ точнѣйшаго наблюденія за исполненіемъ узаконеній, касающихся свободы морскаго рыболовства. Поэтому я считаю не безполезнымъ представить здѣсь нѣсколько главнѣйшихъ примѣровъ нарушенія свободы лова.

а) *На Сазальницкой косѣ.* На Сазальницкой косѣ, принадлежащей помѣщику Шобальскому, на ловцовъ, состоящихъ преимущественно изъ бывшихъ его крестьянъ, прямыхъ поборовъ никакихъ не полагается. Но съ завода прасола, т. е. купца, скупающаго у ловцовъ рыбу, (заводъ построенъ на косѣ), требуется плата, а прасолъ взимаетъ ее конечно съ рыбаковъ. Именно, они должны поставлять ему въ каждую добычу, т. е. въ весну и осень, по одному икряному осетру, съ каждыхъ семи человѣкъ, и по одному яловому осетру, или по одной икрянной севрюгѣ, съ каждыхъ пяти человѣкъ, что съ 50 баркасовъ, выходящихъ здѣсь въ море, обыкновенно съ семью человѣками ловцовъ на каждомъ, составитъ по цѣнамъ, по которымъ отдаютъ рыбу просоламъ, 2,300 руб. ас. или 656 руб. сер. въ годъ. Поборъ этотъ самъ по себѣ совершенно незначителенъ и гораздо меньше побилетной платы въ казну, которая, считая по 50 руб. сер. съ лодки, составила бы 2,500 р. с. Но не этимъ измѣряется его тягость. Помѣщикъ, условившись съ прасоломъ, ему одному только и дозволяетъ имѣть заводъ на косѣ. Поэтому ряда ловцовъ съ прасоломъ дѣлается здѣсь всею деревнею, и если бы кто даже бралъ сѣти, снасти и задатокъ не у него, все же непремѣнно обязанъ поставлять ему рыбу, по уговорной цѣнѣ. Не опасаясь уже конкуренціи со стороны прочихъ прасоловъ, онъ имѣетъ возможность платить ловцамъ гораздо меньшую цѣну, за доставляемую ими рыбу, нежели въ томъ случаѣ, когда продажа была бы не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ вольною. Слѣдующій разсчетъ показываетъ, сколько ловцы при этомъ теряютъ, Въ сосѣднихъ съ Сазальникомъ мѣстностяхъ на косѣ Ейской и въ міусскомъ округѣ икряннаго осетра сдаютъ прасоламъ по 1 руб. 50 коп. асс., яловаго осетра и севрюгу отъ 25 до 50 к. асс. дороже чѣмъ въ Сазальникѣ. Въ 1863 году, по собраннымъ на мѣстѣ частнымъ свѣдѣніямъ, приготовлено прасоломъ на Сазальницкой косѣ до 15,000 пудовъ соленой красной рыбы, до 1,500 балыковъ и до 3,000 пудъ икры, что вмѣстѣ составитъ около 20,000 пудовъ. По общему разсчету, здѣсь приходится на три части севрюги одна часть осетра, слѣдовательно около 15,000 пудовъ севрюги и около 5,000 пудъ осетра. Осетра можно положить кругомъ (съ икрою) въ одинъ пудъ, а севрюгу въ 20 фунтовъ; слѣдовательно, переводя приблизительно вѣсъ на число рыбъ, получимъ до 30,000 севрюги и до 5,000 штукъ осетра (количество бѣлугъ незначительно). Изъ того, что на 16,500 пудъ рыбы пришлось 3,000 п. икры, видно, что большая часть пойманной рыбы икрянная, ибо вѣсъ икры никакъ нельзя положить болѣе какъ въ $1/4$ вѣса тѣла. Но примемъ, что только половина рыбы была икрянная. Это

дастъ намъ, если считать по 1 р. 50 к. асс. съ каждаго изъ 2,500 икрянныхъ осетровъ, 3,750 р. асс. убытка: кромѣ того, если положить по 25 к. съ 15,000 икрянныхъ севрюгъ и съ 2,500 яловыхъ осетровъ, то еще получится 4,375 р. асс., а всего 8,125 р. асс. или 2,321 р. сер. убытка для сазальницкихъ ловцовъ, сравнительно съ тѣмъ, что они получили бы за свою рыбу, продавая ее по міусскимъ или ейскимъ цѣнамъ, вмѣсто того, чтобы непремѣнно поставлять одному привиллегированному прасолу. Присоединивъ сюда цѣну тѣхъ осетровъ и севрюгъ, которые они должны отдавать даромъ, мы получимъ на 50 лодокъ 2,977 руб. косвеннаго, неправильно взимаемаго, налога, т. е. по самому умѣренному разсчету на 477 р. болѣе, чѣмъ они платили бы въ казну, если бы должны были подобно каспійскимъ промышленникамъ вносить по 50 руб. съ лодки побилетной платы за право лова, если положить даже, что эта побилетная плата всею своею тяжестью ляжетъ на однихъ ловцовъ, не распредѣляясь нисколько на потребителей рыбы.

б) *На Чубурской косѣ.* На Чубурской косѣ оброкъ умѣренный, такъ какъ онъ составляетъ всего 1 руб. 20 коп. съ человѣка, по икрянному осетру съ баркаса и по яловому съ каюка. Зимою за землянку на косѣ берутъ по 17 р. съ землянки. Такъ какъ тутъ, ближе къ куту залива, собирается много прасоловъ, которымъ ловцы могутъ продавать наловленную имъ рыбу, то здѣсь устанавливается болѣе высокая цѣна.

в) *Въ Маріупольскомъ участкѣ.* Отъ устья Міуса до устья Калміуса ловъ производится собственно помѣщиками изъ казаковъ, земли которыхъ прилегаютъ къ морскому берегу. На Кривой косѣ ловятъ исключительно казаки, на другія же, особенно на Безимянную, допускаются и иногородніе. На Бѣлосарайской косѣ и вообще въ мѣстности, заселенной маріупольскими греками, ловъ находится въ рукахъ этихъ послѣднихъ. Слѣдуя, со всѣхъ сторонъ подаваемому, примѣру, даже новые болгарскіе поселенцы, равно какъ и государственные крестьяне, или запрещаютъ ловить съ береговъ ихъ дачъ, или требуютъ за это извѣстной платы. На Бердянской косѣ платятъ оброкъ въ пользу города.

г. *На Обиточной косѣ.* Обиточная коса, лежащая у заштатнаго города Ногайска, принадлежитъ графинѣ Толстой. На этой косѣ, которая простирается на 30 слишкомъ верстъ въ море и слѣдовательно составляетъ отъ 60 до 70 верстъ самаго удобнаго пространства, какъ для неводной тяги такъ и для крючнаго лова, не дозволяютъ ловить, ни бывшимъ крестьянамъ помѣщицы, ни постороннимъ лицамъ иначе, какъ по формально заключенному условію и за значительную плату. Въ бытность мою на этой косѣ, на самой ея оконечности находился заводъ одного рыбопромышленника, имѣвшаго только 30,000 крючьевъ, для лова которыми нужно никакъ не болѣе двухъ лодокъ. И за это онъ платилъ 600 р. въ годъ, т. е. по 300 руб. съ лодки или по 2 коп. съ крючка, что по крайней мѣрѣ въ 6 разъ дороже цѣны установленной побилетной платы въ Каспійскомъ морѣ. Чрезмѣрность этого требованія станетъ еще поразительнѣе, если принять во вниманіе, что треть крючьевъ должна постоянно находиться на берегу, для просушки снасти и точенія крючьевъ; съ 20,000 же крючьевъ въ морѣ управляется одна астраханская лодка, которая должна бы была поэтому платить здѣсь въ 12 разъ больше, нежели беретъ съ ловцовъ правительство за право годичнаго лова. Хозяинъ промысла не роптал, правда на то, что съ него брали такую большую сумму, потому что, по его толкованію, условіе, заключенное имъ съ помѣщичьею экономіею, давало ему право на исключительный ловъ, на всемъ протяженіи косы; неудовольствіе его состояло въ томъ, что ему на дѣлѣ не предоставлялось этой монополіи. На той же косѣ находился еще заводъ бердянскаго купца Кобозева, который платилъ за него 300 руб. въ годъ. Хотя

г. Кобозеву очень хорошо были извѣстны предоставляемыя ему законами права, за которыя онъ велъ даже процессъ, онъ выплачивалъ однако же эту сумму, такъ какъ не могъ же пріостановить своего промысла. На той же косѣ былъ и еще одинъ промышленникъ, который, понадѣявшись на законъ о свободѣ морскаго рыболовства, расположился съ своими снастями близь казармы береговой стражи. За это, такъ называемое, своеволіе, снасти его были отобраны, самъ онъ посаженъ въ острогъ и, послѣ выпуска изъ него, принужденъ заключить съ экономіею контрактъ, по которому обиточинская экономія дозволила ему производство крючнаго лова съ тѣмъ, чтобы онъ не смѣлъ выставлять въ море болѣе 5,000 крючьевъ, съ платою за каждый по 1 к. с. и подъ страхомъ штрафа въ 2 коп. съ каждаго крючка, который онъ осмѣлился бы выставить, сверхъ дозволеннаго числа въ морѣ, ловъ въ которомъ объявленъ въ двухъ мѣстахъ свода законовъ свободнымъ. Кромѣ аренды, обязался онъ еще доставлять въ экономію 3 пуда свѣжаго осетра. Этотъ противузаконный контрактъ, ограничивающій между прочимъ размѣры морскаго лова, нигдѣ конечно не засвидѣтельствованный, тѣмъ не менѣе однако же имѣлъ, и по сіе время вѣроятно имѣетъ, полную обязательную силу для промышленника.

д) *На Ѳедотовой косѣ.* На Ѳедотовой косѣ, которая хотя и принадлежитъ казнѣ, а не частному лицу, былъ также весьма любопытный случай примѣненія свободы морскаго рыболовства. Эта коса самая обширная на Азовскомъ морѣ, послѣ Арабатской, вмѣстѣ съ образующимъ продолженіе ея Бирючьимъ островомъ, составляетъ казенную оброчную статью, и сѣнокошеніе на ней отдается въ аренду, обыкновенно снимавшуюся богатымъ новороссійскимъ овцеводомъ, Фейеномъ. По причинѣ отдаленности ея и малонаселенности окрестныхъ мѣстъ, рыболовство на ней не производилось, пока въ 1844 году одинъ малороссіянинъ съ Кривой косы не перебрался на Ѳедотову и, добывъ себѣ старыхъ крючьевъ, не началъ тамъ лова, который, какъ говорятъ, въ первый же годъ доставилъ ему на 2,000 руб. сер. рыбы. Этотъ удачный опытъ обратилъ вниманіе Фейена, который также завелъ тутъ ловъ. Объ изобиліи здѣшней рыбы узналъ и бердянскій промышленникъ Кобозевъ. Зная, что, несмотря на законъ, его не допустятъ производить ловъ на косѣ и что во всякомъ случаѣ, пока тяжба будетъ длиться, рыба въ этой мѣстности пропадетъ, такъ какъ она появляется тамъ лишь временами, — Кобозевъ подалъ таврической палатѣ государственныхъ имуществъ проэктъ, въ которомъ представлялъ, что ею сданы въ оброкъ лишь сѣнокосы, а не рыболовство по берегу, на которомъ ничего не растетъ, и что казна можетъ получать значительную выгоду, отдавая въ арендное содержаніе принадлежащія ей морскія прибрежья, и удостовѣрялъ, что многіе охотно дадутъ по 1 р. за сажень берега. Это предложеніе было принято, и въ Мелитополѣ были назначены торги, на которые явились только Кобозевъ и еще кой-кто, такъ что лучшія, изобильнѣйшія мѣста были имъ взяты по 1 руб. и по 1 руб. 25 копѣекъ за сажень. Такимъ образомъ право на исключительный ловъ у береговъ Ѳедотовой косы перешло, за нѣсколько сотъ рублей, отъ Фейена къ Кобозеву. Фейенъ, не обращавшій большаго вниманія на рыболовство, заключилъ изъ дѣйствій Кобозева о выгодности предстоявшаго лова и вошелъ съ нимъ въ соглашеніе, на что тотъ охотно склонился, ибо добивался не монополіи, а возможности принимать участіе въ промыслѣ, который въ западной части моря, начиная отъ Бердянской косы, ему былъ обязанъ главнымъ своимъ развитіемъ. Кобозевъ и Фейенъ снарядили каждый по 75,000 крючьевъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ лодокъ, и на первый годъ поймали на 120,000 руб. асс. рыбы, т. е. почти по 1 руб. асс. на крючекъ. Это было въ 1851 году; въ 1852 году поймали они только на 10,000 руб. сер., въ 1853 году на 5,000 руб. сер., а позже уловы уменьшились до 1000 руб. сер. Получивъ

значительный барышъ, Кобозевъ оставилъ здѣшній ловъ, который въ настоящее время производится лишь весною въ самомъ незначительномъ количествѣ. Этотъ примѣръ показываетъ, что законъ о свободѣ азовскаго рыболовства, не смотря на то, что онъ опредѣлительнѣе и точнѣе выраженъ, чѣмъ для какаго-либо другаго изъ русскихъ морей, до изданія новаго положенія о каспійскомъ рыболовствѣ, впалъ въ совершенное забвеніе не только у частныхъ лицъ, но и у самыхъ правительственныхъ мѣстъ.

На Арабатской косѣ, сколько мнѣ извѣстно, никто не предъявляетъ притязаній, на право исключительнаго пользованія ловомъ, можетъ быть потому, что она очень длинна и сосѣднія съ нею части моря не очень рыбны. Здѣсь больше ловятъ хуторяне, живущіе на косѣ и занимающіеся скотоводствомъ и рыболовствомъ; впрочемъ наѣзжаютъ промышленники и изъ Геническа.

е) *Въ Керченскомъ проливѣ.* За то въ Керченскомъ проливѣ, гдѣ производится обширный ловъ сельдей и у береговъ котораго притомъ не много удобныхъ мѣстъ для неводной тяги, встрѣчаемъ мы опять самую отяготительную и противузаконную монополію. Хотя сельдяной ловъ составляетъ предметъ отдѣльнаго отчета, который можетъ быть представленъ лишь послѣ того, какъ экспедиція ознакомится съ ловомъ у восточныхъ береговъ Чернаго моря, однако вопросъ о свободѣ рыболовства можетъ быть разсмотрѣнъ теперь же и относительно этой важной отрасли рыбной промышленности.

Сельдь ловится здѣсь лишь у праваго крымскаго берега пролива. По характеру берега, тянуть неводами можно здѣсь только въ трехъ мѣстахъ: повыше Еникале, гдѣ коса, на которой тянутъ, принадлежитъ городу Керчи; въ заливѣ Камышъ-Бурунскомъ, составляющемъ собственность помѣщицы Оливы, и въ Элтыгенѣ, принадлежащемъ г. Гурьеву. Городъ отдаетъ свой берегъ въ откупное содержаніе, за которое, по торгамъ 1863 года, получалъ съ еврея Бѣгуна по 3,250 руб. сер.; а откупщикъ, не воспрещая никому лову, взимаетъ на свою пользу $^1/_6$ часть рыбы, которую и собираетъ при вытягиваніи каждаго невода. Хотя и это весьма стѣснительно для промышленниковъ, имѣющихъ несомнѣнное право на ловъ совершенно безплатный, однако они не только мирятся съ этимъ, но видятъ въ этомъ даже какой-то идеалъ свободы морскаго лова, сравнивая съ тѣмъ, что дѣлается въ Камышъ-Бурунѣ. Прежде, при откупѣ Назарова, и въ этой мѣстности, составляющей центръ керченскаго сельдянаго лова, промыслъ производился на этихъ же основаніяхъ. Нынѣ же, когда новый откупщикъ, харьковскій купецъ Сѣриковъ, главный рыбный торговецъ по Азовскому морю, и г. Посполитаки заплатили за откупъ 6,000 руб. сер., они находятъ уже невыгоднымъ для себя довольствоваться сборомъ шестой части улова, и потому ловятъ своими неводами и постороннихъ никого къ лову не допускаютъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что если море и вольное, то берегъ хозяйскій. Но когда промышленники, во избѣжаніе этого, хотятъ ловить съ борта судовъ и даже провозить рыбу моремъ, такъ какъ и пользованіе дорогой, пролегающей по землѣ помѣщицы, имъ воспрещается, то и этого имъ не дозволяютъ. Такимъ образомъ Камышъ-Бурунская бухта обратилась какъ бы въ частную собственность, а между тѣмъ въ этой бухтѣ ловится въ иные годы отъ 5 до 7 милліоновъ сельдей. Даже судамъ, останавливающимся вовсе не для рыболовства, запрещаютъ стоять въ бухтѣ. Этотъ противузаконный захватъ части моря тѣмъ стѣснительнѣе для рыбопромышленниковъ, что керченское сельдяное рыболовство, на всемъ протяженіи пролива, составляетъ такъ сказать одинъ промыслъ. Ловъ въ Еникале бываетъ хорошъ только въ началѣ осени, когда же пойдетъ шерехъ, т. е. тонкій ледъ, то сельдь, избѣгая его, уходитъ въ Камышъ-Бурунъ, который лежитъ уже за узкимъ мѣстомъ пролива, между Павловскою батареею и косою Тузлою, гдѣ отъ болѣе близкаго сосѣдства и сильнѣйшаго притока болѣе соленой

черноморской воды, море остается открытымъ въ теченіе всей зимы. Поэтому промышленники, при прекращеніи лова у Еникале, обращались въ Камышъ-Бурунъ. Ограничиваться однимъ еникальскимъ ловомъ имъ рѣшительно не возможно, потому что, при кратковременности его въ иные годы, для одного его слишкомъ убыточно бы было заводить снасти и вообще снаряжаться на ловъ. Съ другой стороны, и забродчики, работающіе на откупщиковъ, находятся въ самомъ стѣснительномъ положеніи. Огражденные отъ всякаго соперничества, откупщики платятъ имъ самую ничтожную цѣну. По общему азовскому обычаю, забродчики и на сельдяномъ ловѣ получаютъ половину заловленной рыбы, на Камышъ Бурунѣ же откупщикъ назначаетъ имъ произвольную цѣну, въ трое и въ четверо менѣе дѣйствительной,—именно въ 1863 и 1864 годахъ по 3 и 4 руб. съ тысячи, т. е. въ сущности по 1 р. 50 к. и по 2 р. Что касается до Элтыгеня, то тутъ откупщикъ собираетъ $^1/_6$ улова, какъ и въ Еникале.

Необходимость прекращенія вкравшихся злоупотребленій касательно свободы морскаго лова. Изъ этого обзора всѣхъ береговъ Азовскаго моря видно, что столь опредѣлительно выраженныя въ законѣ свобода рыболовства въ морѣ и свобода пристанища рыбаковъ у береговъ, хотя бы послѣдніе принадлежали и частнымъ владѣльцамъ, на дѣлѣ въ Азовскомъ морѣ вовсе не существуетъ, или существуетъ только тамъ, гдѣ мѣстность не благопріятствуетъ рыболовству. Вездѣ, гдѣ ловъ обѣщаетъ быть изобильнымъ, владѣльцы берега: частныя лица, городскія и сельскія общины, нашли средства ограничить эту свободу произвольными поборами, или даже обратить части моря совершенно въ свою собственность: а мѣстное начальство и не думаетъ противудѣйствовать этому явному нарушенію закона. Впослѣдствіе увидимъ, что и во многихъ мѣстахъ Чернаго моря дѣлается совершенно тоже самое. Уже теперь въ глазахъ мѣстныхъ властей этотъ порядокъ вещей есть какъ бы законный, но такое явное нарушеніе закона, такое посягательство на свободу моря, продлится нѣсколько десятковъ лѣтъ, то не явится ли нѣчто въ родѣ права давности, которое передастъ въ руки владѣльцевъ значительную часть Азовскаго моря, какъ оно передало въ концѣ прошедшаго столѣтія лучшія мѣста Каспійскаго, гдѣ основаніемъ къ завладѣнію послужило не иное что, какъ именно береговое право, мало по малу распространившееся и на самое море. Тогда пожалуй и тутъ потребуются 60 лѣтъ и десятокъ коммиссій, для искорененія незамѣтно водворившейся противузаконности.

Лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ противудѣйствовать этому было бы обложеніе всѣхъ, занимающихся рыболовствомъ въ Азовскомъ морѣ, извѣстною пошлиною, въ пользу государственной казны; пошлина эта служила бы въ глазахъ всѣхъ признакомъ принадлежности моря государству, а слѣдовательно и свободы каждаго производить на морѣ рыбный промыслъ, подъ единственнымъ условіемъ извѣстной платы за пользованіе этимъ правомъ. Такая пошлина обязывала бы всякое должностное лицо одновременно пещись о выгодахъ казны и о защитѣ промышленниковъ, противъ притѣсненія со стороны береговыхъ владѣльцевъ. Сама же пошлина, при умѣренныхъ размѣрахъ, ни для кого не была бы отяготительна, потому что, въ большинствѣ случаевъ, каждому промышленнику пришлось бы платить менѣе, нежели сколько онъ платитъ теперь, а между тѣмъ эта плата обезпечивала бы его отъ всякаго произвола. И это не есть предположеніе, лично мнѣ принадлежащее. Всѣ промышленники, съ которыми я имѣлъ только случай говорить объ этомъ предметѣ, удостовѣряли меня, что такой налогъ былъ бы ими принятъ за благодѣяніе. Само собою разумѣется, что установленію этого налога должно бы предшествовать болѣе точное установленіе правъ рыбопромышленниковъ на пользованіе берегами, безъ чего свобода моря всегда останется лишь пустымъ словомъ.

Опредѣленіе пространства берега, которое должно быть предоставлено въ свободное пользованіе всѣхъ, занимающихся морскимъ ловомъ. Въ этомъ отношеніи законъ недостаточно опредѣлителенъ. Именно онъ не опредѣляетъ, на какомъ разстояніи отъ воды пользованіе берегомъ для пристанища ловцовъ, сушки снастей, устройство солильныхъ и другихъ заведеній должно считаться для всѣхъ свободнымъ. Общее опредѣленія для этого и быть не можетъ, ибо оно должно сообразоваться съ спеціальнымъ характеромъ каждаго водоема, безъ чего или будетъ недостаточно для своей цѣли, или же слишкомъ стѣснительно для прибрежныхъ землевладѣльцевъ. Напримѣръ, въ сѣверной части Каспійскаго моря граница между сушью и моремъ (здѣсь совершенно прѣснымъ) такъ неопредѣленна, намывной берегъ такъ пологъ, что пространство, необходимое для рыболововъ, не могло быть здѣсь опредѣлено менѣе чѣмъ въ версту. Но это верстовое пространство пригодно не для однихъ лишь рыбныхъ промысловъ, — оно поросло тростникомъ, который, въ странѣ совершенно безлѣсной, имѣетъ огромную важность для покрышки крышъ, устройства мазанокъ, а главное для топлива. Поэтому даровое отчужденіе всего этого пространства отъ владѣльцевъ было, по справедливости, сочтено слишкомъ стѣснительнымъ для этихъ послѣднихъ, и правительство опредѣлило скупить его. Въ Азовскомъ морѣ, если строго держаться смысла закона, говорящаго: «что морскіе берега, хотя бы оные въ соединеніи были съ владѣльческими дачами, принадлежатъ всѣмъ вообще, рыболовствомъ въ открытомъ морѣ занимающимся, которые потому могутъ строить на тѣхъ берегахъ, для сохраненія рыбы своей временныя заведенія, и владѣльцы не должны имъ въ томъ препятствовать, особенно же установлять, подъ предлогомъ береговаго права, какіе либо денежные съ нихъ поборы», — пришлось бы признать берега эти на такое разстояніе отъ воды принадлежащими рыбопромышленникамъ, на какое они сами сочли бы для себя нужнымъ. Владѣльцы были бы при этомъ конечно ограждены тѣмъ, что самимъ рыболовамъ выгодно устраивать свои заведенія, какъ можно ближе къ морю, со всѣмъ тѣмъ однако же такое неограниченное право на распоряженіе владѣльческими берегами, должно по справедливости считаться чрезмѣрнымъ; самая чрезмѣрность этого права, можетъ быть, и составляетъ главную причину его совершенной недѣйствительности и ничтожности на практикѣ. Размѣръ повинности, налагаемой закономъ на владѣльцевъ береговъ въ пользу морскихъ ловцовъ, долженъ, кажется мнѣ, обусловливаться, съ одной стороны, достаточностью его для той цѣли, съ которою повинность установлена, съ другой же тѣмъ, чтобы онъ не превосходилъ дѣйствительной въ ней надобности, для обезпеченія свободнаго лова для всѣхъ желающихъ пользоваться морскимъ рыболовствомъ. Основаніемъ для соображеній объ этомъ предметѣ можетъ служить пространство берега, назначаемое для этой цѣли вдоль береговъ озеръ, опредѣленное статьею 564 Уст. о город. и сельск. хозяйствѣ въ 10 саженъ. Если такое пространство сочтено необходимымъ для озернаго рыболовства, то оно никоимъ образомъ не можетъ считаться достаточнымъ для рыболовства морскаго, какъ потому, что число и размѣры снастей, употребляемыхъ для этого послѣдняго, вообще больше, такъ и потому что значительность морскаго лова требуетъ и болѣе обширныхъ заведеній для храненія и приготовленія рыбы и для жилища болѣе многочисленныхъ работниковъ. Съ другой же стороны отчужденіе и болѣе широкой полосы, вдоль морскаго прибрежья, не принесетъ въ сущности большаго стѣсненія для прибрежныхъ владѣльцевъ. Большая сила волнъ и прибоя наметываетъ на берега моря гораздо болѣе значительные песчанныя насыпи и припаи вдоль береговъ моря, нежели вдоль береговъ озеръ. Эти песчаныя прибрежья, будучи подвержены обливу морскою водою и брызгамъ, не могутъ производить никакой растительности, такъ что на далекое разстояніе отъ воды представляютъ

совершенно обнаженную, песчаную или ракушечную поверхность, не могущую имѣть рѣшительно никакого другаго употребленія, кромѣ какъ служить пристанищемъ для рыбаковъ. У береговъ же озеръ, и самыя близкія къ водѣ ихъ пологости бываютъ покрыты прекрасною растительностію. Если бы поэтому положить, что морское прибрежье принадлежитъ въ свободное пользованіе всѣхъ занимающихся морскимъ рыболовствомъ на томъ пространствѣ, гдѣ оно совершенно обнажено отъ растительности; то этого, въ сущности совершенно для владѣльцевъ ненужнаго, пространства было бы вездѣ съ избыткомъ достаточно для потребностей рыбопромышлениковъ. Но такъ какъ такое опредѣленіе можетъ показаться недостаточно точнымъ и могущимъ вести къ спорамъ и недоразумѣніямъ, то лучше назначить, для пристанища рыбаковъ и устройства потребныхъ для нихъ заведеній, полосу въ 25 сажень шириною. Такая ширина полосы, отчуждаемой въ пользу морской рыбной промышленности, не можетъ считаться какимъ-либо новымъ стѣсненіемъ права собственности, потому что, 1) по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, это пространство вовсе не ограничено, опредѣленіе величины его предоставлено совершенно благоусмотрѣнію самихъ ловцовъ. 2) Назначаемое пространство, состоя изъ голаго песку или ракушника, пропитанныхъ соляными частями, не производитъ никакой растительности, и потому въ сущности, для прибрежныхъ владѣльцевъ совершенно безполезно. Они могутъ извлекать изъ нея выгоды не иначе, какъ преступая законъ, т. е. дѣлая воспрещенные денежные поборы, подъ предлогомъ береговаго права.

Сверхъ того, дабы ограничить налагаемую на прибрежную собственность повинность дѣйствительно необходимымъ для ловцовъ и дабы сдѣлать эту повинность какъ можно менѣе стѣснительною для владѣльцевъ, слѣдовало бы установить правило, что эта 25 саж. полоса выдѣляется только по касамъ и низменнымъ припаямъ, удобнымъ для производства рыболовства, на части же берега, оканчивающіяся крутымъ обрывомъ или спускомъ, выдѣленіе этой полосы не распространяется; также точно можно бы опредѣлить, что, гдѣ ширина низменнаго береговаго припая не достигаетъ 25-саженной ширины, тамъ береговую крючь должно считать границею свободной полосы. Такимъ образомъ всѣ части берега, могущія служить къ какому-либо полезному употребленію, кромѣ рыболовства, оставались бы въ полномъ распоряженіи ихъ владѣльцевъ.

Способъ взиманія и размѣръ предлагаемаго налога. Что касается способа взиманія пошлины съ рыболовства въ Азовскомъ морѣ, то конечно всего справедливѣе и безобиднѣе для промышленниковъ было бы обложить ею самые продукты лова, т. е. собирать извѣстную сумму съ тысячи или съ пуда рыбы каждаго сорта, сообразно его цѣнности, какъ это дѣлается въ землѣ кубанскаго войска. Но успѣшный надзоръ за взиманіемъ такой пошлины возможенъ только тамъ, гдѣ весь ловъ находится въ рукахъ одного сословія, составляющаго какъ бы промышленную компанію. Поэтому необходимость заставляетъ обратиться къ налогу на орудія лова. И тутъ можно бы достигнуть довольно уравнительной раскладки, если обложить извѣстною пошлиною каждый крючекъ и каждую сажень невода. Это было бы тѣмъ желательнѣе на Азовскомъ морѣ, что число крючьевъ, выставляемыхъ астраханцами, при томъ же числѣ лодокъ и рабочихъ, гораздо значительнѣе выставляемаго мѣстными азовскими ловцами. Но принимая во вниманіе трудность повѣрки числа крючьевъ, употребляемаго лодкою, и легкость, съ которою можно удлинить неводъ пришворкою новыхъ частей, я полагаю, что придется отказаться и отъ этого способа и, что нужно принять вошедшій въ употребленіе на Каспійскомъ морѣ, и состоящій въ обложеніи, какъ каждой крючной или сѣтной рыболовной лодки, такъ и каждаго невода извѣстною пошлиною, взимаемою при выдачѣ билета на право производства промысла и ярлыковъ съ №,

которые должны быть прибиваемы къ носовой части всякой лодки, выѣзжающей для рыболовства въ море. Эти билеты и ярлыки должны бы выдаваться уѣздными казначействами во всѣхъ городахъ, прилежащихъ къ Азовскому морю, какъ-то: въ Ейскѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ, Маріуполѣ, Бердянскѣ и Керчи, а если возможно, то и въ Геническѣ (вмѣсто Мелитополя). Нумерація билетовъ и ярлыковъ, выдаваемыхъ въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ, могла бы быть отдѣльная, въ каковомъ случаѣ эти билеты и ярлыки должны бы отличаться между собою цвѣтомъ, или же всѣ нумера могли бы составлять одинъ рядъ, но такъ, чтобы напримѣръ въ Ростовѣ выдавались № отъ 1 до 300, въ Таганрогѣ отъ 300 до 600 и т. д. Цѣна билетовъ, для крючнаго лова, должна бы быть таже самая, что и на Каспійскомъ морѣ внѣ баканныхъ линій; цѣна же неводнаго билета, въ виду чрезвычайныхъ удобствъ и выгодности азовскаго неводнаго лова, могла бы быть возвышена до 100 руб. Для сельдянаго она могла бы быть возвышена даже до 150 руб., потому что откупщикъ, снимающій въ Керчи на откупъ право собирать шестую часть улова, платитъ за это 3,250 руб. въ годъ, сельдяныхъ же неводовъ ходитъ на городской землѣ у Еникале отъ 15 до 20, такъ что, если даже принять, что откупщикъ не получаетъ никакой выгоды, все же сборъ его простирается отъ 160 до 217 р. съ невода, и такой сборъ находятъ промышленники для себя неотяготительнымъ, конечно по сравненію съ ловомъ камышъ-бурунскомъ. На первое время однако же, я думаю, что и для сельдянаго лова лучше ограничиться 100 руб. съ невода, чтобы болѣе легкою пошлиною содѣйствовать увеличенію числа промышленниковъ. Хотя и здѣсь говорю только объ Азовскомъ морѣ, однакоже не могу не присовокупить, что, въ случаѣ обложенія пошлиною керченскаго сельдянаго промысла, необходимо будетъ принять ту же мѣру и относительно сельдянаго лова ѳеодосійскаго, такъ какъ онъ находится совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и керченскій. Въ облегченіе же жителей Ѳеодосіи, можно бы было снять съ нихъ обязательство уплачивать по 24 руб. съ лодки, за ловъ рыбы и устрицъ, — такъ какъ, за единственнымъ исключеніемъ сельдянаго промысла, производимое тамъ рыболовство вовсе не такъ значительно и прибыльно, чтобы облагать его пошлиною, тѣмъ болѣе, что въ прочихъ частяхъ Чернаго моря пошлины съ рыболовства никакой не взимается.

Принятое на Каспійскомъ морѣ раздѣленіе выдаваемыхъ билетовъ на годовые, весенніе и осенніе, (оно допущено въ видахъ облегченія промышленниковъ), на Азовскомъ морѣ было бы весьма затруднительно, такъ какъ при разсѣянности лова трудно бы было учредить достаточно бдительный надзоръ за тѣмъ, чтобы ловцы, имѣющіе только полугодовые билеты, не производили по нимъ лова, по истеченіи срока ихъ. Но правило для зимняго лова, — правило по которому взявшій годовой билетъ пользуется имъ безплатно, а не имѣющій таковаго долженъ вносить по 20 р. за право на подледный ловъ, долженъ бы и здѣсь имѣть свое примѣненіе, такъ какъ этотъ чрезвычайно выгодный для ловцовъ промыслъ по причинѣ дорогой цѣны рыбы въ зимнее время, не могъ бы безъ несправедливости оставаться безплатнымъ, когда за относительно менѣе выгодный и требующій большихъ издержекъ лѣтній ловъ будетъ взимаема пошлина.

Надзоръ за непроизводствомъ безбилетнаго лова. Для надзора за тѣмъ, чтобы не производилось въ морѣ безпошлиннаго лова, кажется было бы достаточно двухъ смотрителей или ревизоровъ, изъ которыхъ одинъ наблюдалъ бы за пространствомъ берега отъ Керченскаго пролива до Маріуполя, а другой отъ Маріуполя вокругъ Таганрогскаго залива, до границъ владѣній кубанскаго казачьяго войска.

Хотя пространство, подлежащее вѣдѣнію каждаго смотрителя, простиралось бы на нѣсколько сотъ верстъ, однако тщательный надзоръ за нимъ не превышалъ бы средствъ добросовѣстнаго расторопнаго чиновника, потому что въ Азовскомъ морѣ лова въ открытомъ морѣ не производится, и чиновнику достаточно бы было, отъ времени до времени, объѣзжать по берегу порученное его надзору пространство, останавливаясь на заводахъ или станахъ, куда лодки ежедневно ворочаются, не оставаясь долго въ морѣ на якоряхъ. Сверхъ того, обязанность не допускать безпошлиннаго лова должна бы конечно лежать и на мѣстныхъ полицейскихъ властяхъ. Всего труднѣе было бы наблюдать за тѣмъ, чтобы не было безбилетнаго лова въ зимнее время, когда промышленники разсѣеваются по льду. Но этотъ ловъ сосредоточивается преимущественно внутри Таганрогскаго залива, куда на это время могли бы съѣзжаться оба смотрителя. Сверхъ того, для надзора за донскими промышленниками, которымъ билеты для вольнаго лова выдавались бы отъ войсковаго начальства, какъ это объяснено въ отчетѣ о донскомъ рыболовствѣ, необходимо бы и со стороны войска назначать одного смотрителя или ревизора. Въ зимнее время и этотъ войсковой ревизоръ долженъ бы помогать двумъ остальнымъ. Если бы имъ придать небольшую команду казаковъ, то, кажется, средствъ этихъ было бы достаточно для надзора за тѣмъ, чтобы не производилось безпошлиннаго лова и въ зимнее время. Наконецъ, подобно тому, какъ для тщательнаго надзора за волжскимъ и каспійскимъ рыболовствомъ признано полезнымъ учредить двоякій надзоръ, одинъ правительственный, а другой общественный,—и въ Азовскомъ морѣ могла бы кажется съ пользою быть примѣнена близкая къ тому мѣра. Разсѣянность азовскаго рыболовства вдоль всѣхъ береговъ его и то обстоятельство, что тѣ мѣстности, гдѣ размножается азовская рыба, т. е. Донъ и Кубань, находятся во владѣніи войскъ донскаго и кубанскаго, дѣлаетъ совершенно излишнимъ, для азовскаго лова, учрежденіе подобное астраханскому рыбному комитету, ибо ловъ въ морѣ можетъ производиться безъ всякихъ ограничительныхъ правилъ, съ единственнымъ лишь условіемъ уплаты пошлины. Но рыбная ловля составляетъ промыслъ весьма доходный, такъ что для него нисколько не было бы стѣснительно, если бы сверхъ налога государственнаго, онъ былъ бы еще обложенъ пошлиною въ пользу земства, напримѣръ въ размѣрѣ одной пятой доли перваго, т. е. по 10 руб. съ каждой лодки, и по 20 руб. съ невода. Такимъ образомъ и земство прилежащихъ къ морю уѣздовъ было бы заинтересовано въ томъ, чтобы налогъ съ рыбныхъ ловель собирался въ полномъ размѣрѣ, и оно нашло бы конечно съ своей стороны средства для контроля надъ правильностью производства сбора, — контроля, отъ котораго, какъ промышленникамъ, такъ и чиновникамъ правительства, было бы трудно что-либо скрыть.

Специальный обзоръ азовскаго рыболовства въ главнѣйшихъ мѣстностяхъ его производства. Собрать точныя свѣдѣнія, о количествѣ лодокъ и неводовъ, занимающихся въ настоящее время рыболовствомъ въ Азовскомъ морѣ, могутъ лишь мѣстныя полицейскія власти; но и эти свѣдѣнія не представили бы точнаго основанія для исчисленія размѣра дохода, который должна получить казна съ налога на азовское рыболовство, ибо съ установленіемъ дѣйствительной свободы рыболовства въ морѣ въ самомъ скоромъ времени увеличится число занимающихся этимъ промысломъ. Собранныя экспедиціею свѣдѣнія о числѣ лодокъ, количествѣ снастей и улововъ рыбы должны были, по самому характеру азовской промышленности, остаться отрывочными, и поэтому они могутъ служить лишь нѣкоторымъ масштабомъ для предположительной оцѣнки степени значительности этого сбора. Поэтому представляю собранныя мною разнородныя и отрывочныя статистическія данныя, отдѣльно для каждаго изъ значительнѣйшихъ мѣстъ для лова, и къ нимъ присоединяю важнѣйшія свѣдѣнія о способахъ лова, приго-

товленія продуктовъ, отношеній хозяевъ къ работникамъ и цѣнъ на рыбные товары, въ которыхъ замѣчаются нѣкоторыя особенности въ различныхъ мѣстностяхъ.

Обзоръ этотъ начну съ границъ владѣній кубанскаго войска.

а) *Ейскій участокъ.* На Ейской косѣ вообще на томъ 29-верстномъ участкѣ, который отошелъ отъ кубанскихъ казаковъ, ловъ довольно значителенъ, потому что, по словамъ казаковъ, уловъ на немъ не уступаетъ улову должинскому, но число лодокъ и неводовъ, здѣсь употребляемыхъ, мнѣ неизвѣстно. Разсчетъ хозяевъ съ работниками производится по паямъ, на основаніяхъ, въ подробности изложенныхъ при описаніи кубанскаго рыболовства. Прасоламъ сдаютъ рыбу, въ лѣтнее время, по уговорной цѣнѣ: икрянного осетра по 5 р. штуку, икряную севрюгу и холостаго осетра по 1 руб. 50 коп., икряную бѣлугу втрое противъ цѣны осетра, а вѣсовую рыбу, т. е. яловую (холостую) бѣлугу и севрюгу, отъ 50 до 70 коп. пудъ. Въ ейской мѣстности производится и зимній ловъ, какъ ставными сѣтями, такъ и крючьями. Первыми ловятъ преимущественно сулу и тарань. Зимній ловъ не достигаетъ еще здѣсь той значительности, какъ выше въ Таганрогскомъ заливѣ.

б) *Сазальницкая коса.* Объ отношеніяхъ здѣшнихъ промышленниковъ къ владѣльцу косы было сказано выше. Здѣсь выѣзжаютъ около 50 лодокъ крючныхъ ловцовъ. Неводнаго лова вовсе не производится, вѣроятно потому, что коса эта очень низменна и при низовыхъ вѣтрахъ вся затопляется водою, какъ это случилось въ мое посѣщеніе этой мѣстности. Послѣ такихъ наводненій, производится здѣсь довольно значительный ловъ сомовъ и сазановъ, зашедшихъ вмѣстѣ съ водою и по слитіи ея остающихся на мели по калдобинамъ и вообще низменнымъ мѣстамъ, долѣе остающимся подъ водою.

Сазальницкій ловъ раздѣляется на 4 періода: весенній до Николина дня; лѣтній или меженный, до Успенья; прасолъ или осенній, до замерзанія моря, и зимній или подледный. На весенній и прасольный ловы крестьяне заключаютъ контрактъ съ подрядчикомъ, всею деревнею, такъ что если бы кто и не забиралъ у него въ долгъ сѣти и снасти, все же непремѣнно обязанъ доставлять рыбу ему одному, по уговорной цѣнѣ. Причина этого была изложена выше. Цѣна эта составляетъ на икрянаго осетра 16 р. ас., на яловаго осетра и икряную севрюгу 5 р. ас., на икряную бѣлугу 60 р. ас. Эти цѣны относятся къ мѣрной рыбѣ. Для осетра мѣра эта принимается въ пять четвертей отъ глаза до третьей отъ хвоста боковой жучки (щитика). На вѣсовую рыбу (яловую бѣлугу и севрюгу) ряда 3 р. ас. за пудъ. Въ лѣтнее время ловъ обыкновенно ничтоженъ, — рыбы хватаетъ лишь на собственное употребленіе. Поэтому въ это время года ряды не бываетъ, и продажа, если бы поймалось достаточно, для нея вольная. Въ это время постороннихъ работниковъ не нанимаютъ, которыхъ вообще на Сазальникѣ мало, ибо всѣ крестьяне — сами ловцы, да и они по большей части расходятся на полевыя работы. Въ зимнее время ловъ также вольный. Онъ несравненно выгоднѣе для ловцевъ всѣхъ остальныхъ, потому что въ это время собирается на ледъ множество прасоловъ, и здѣсь, какъ и вообще на пространствѣ всего Таганрогскаго залива, образуется какъ бы ярмарка, гдѣ покупщики одинъ передъ другимъ наддаютъ цѣну. И здѣсь покупаютъ рыбу по глазъ, и цѣна возрастаетъ, смотря по величинѣ рыбы, но въ пропорціи сильнѣйшей, нежели увеличеніе въ длину. Икряная севрюга доходитъ, въ это время, до 10 р. ас., яловая отъ 70 к. до 1 руб. сер., осетръ икряный идетъ отъ 15 до 20 руб. сер., а икряная бѣлуга до 200 руб. ас. За подледнаго леща даютъ отъ 6 до 10 руб. сер. за сотню, но когда наберется много ловцовъ и уловъ большой, то цѣна эта упадаетъ до 4 и даже до 2 руб. сер. Сула бываетъ обыкновенно по 15 руб. сер. сотня, т. е. среднимъ числомъ втрое дороже

лѣтняго; если же принять во вниманіе, что рыба не требуетъ ни соли, ни расходовъ на приготовленіе, то можетъ быть и вчетверо. Такъ какъ на Сазальникѣ не употребляютъ неводовъ, то бѣлая рыба ловится въ достаточномъ количествѣ только зимою; весенняя же и просольная идетъ почти единственно для домашняго употребленія. Всего меньше попадается здѣсь сазана и сома (почти единственно во время упомянутыхъ наводненій), посему на нихъ и не бываетъ настоящей цѣны.

Для лова соединяются сазальницкіе крестьяне въ артели. Пойманную рыбу продаютъ сообща, а деньги дѣлятъ по паямъ, принимая за единицу 1,000 крючьевъ, вошедшихъ въ складчину. За баркасъ же даютъ хозяину его, съ каждой тысячи крючьевъ, по 2 руб. асс. Орудія лова — лѣтомъ крючья, а зимою и сѣтки. Первые ставятъ преимущественно по мелкимъ мѣстамъ недалеко отъ берега, такъ что при выгонныхъ вѣтрахъ приходится иногда перебирать пѣшкомъ; на глубинѣ же двухъ и трехъ саженей ловъ, говорятъ, уже плохой. Ячеи ставныхъ сѣтей различны, смотря по рыбѣ, для лова которой выставляются; длина ихъ обыкновенно въ 20 саженъ и ихъ ставятъ по 5 и 10 въ рядъ. Онѣ бываютъ обыкновенно трехъ-стѣнныя, что называютъ здѣсь съ порѣжью, т. е. двѣ наружныя стѣны крупноячейныя. Въ 1863 году на Сазальницкой косѣ, въ весеннее и осеннее время, прасолъ скупилъ до 15,000 пудовъ балыка и до 3,000 икры, т. е. по меньшей мѣрѣ на 70,000 руб. сер. Со стороны промышленниковъ ловъ считается хорошимъ, ежели онъ доставитъ по 1000 р. ас. на лодку.

в) *Старая Маргаритовка.* Въ сосѣднихъ съ Сазальницкою косою мѣстностяхъ, именно въ селеніяхъ Портъ-Катонѣ (Княжья Милость и Кругленькое тожъ), и Новой Маргаритовкѣ, существуютъ тѣже способы лова, рыболовные обычаи и цѣна на рыбу. Но въ Старой Маргаритовкѣ они уже нѣсколько мѣняются. Здѣсь участники въ ловѣ не дѣлятъ добычи по паямъ, принимая за единицу 1,000 крючьевъ, а каждый замѣчаетъ свою снасть и беретъ то, что на нее попалось; за баркасъ же также платятъ хозяину по 2 руб. асс. и по 50 коп. сер. Ряда съ прасоломъ производится здѣсь не цѣлою деревнею, а вольно, такъ что только тотъ поставляетъ ему рыбу, кто беретъ въ долгъ снасть. Если вступившій въ такое обязательство продастъ украдкой рыбу другому, то хозяинъ такому уже никогда взаймы ни денегъ, ни снастей, для приготовленія къ лову не дастъ; но если онъ не въ состояніи выплатить ему долга, вслѣдствіе недолововъ, то это не мѣшаетъ вѣрить ему впредь; — извѣстная и повсемѣстная тактика, посредствомъ которой скупщики рыбъ держатъ ловцовъ въ зависимости отъ себя. Ряда бываетъ здѣсь на весенній ловъ, межень и первую половину прасола, т. е. до 8 сентября: за икряннаго осетра 16 руб. асс., за яловаго осетра и икряную севрюгу 5 р. 50 к. асс.; во вторую половину прасола цѣна увеличивается: за икряннаго осетра до 5 руб. сер., а за яловаго и икряную севрюгу до 6 р. асс. На вѣсъ яловую севрюгу не продаютъ, а отдаютъ по 30 к. с. за штуку; на бѣлугу же ряды вовсе нѣтъ, а продаютъ всегда по вольной цѣнѣ, яловую съ вѣса, а икряную на глазъ. Главныя снасти лѣтомъ крючья, а зимою ставныя сѣти. И здѣсь самый доходный ловъ зимній. Мѣра красной рыбы таже, что и въ Сазальникѣ. Когда покажется шуга, т. е. первый ледъ, ряда прекращается, и многіе оставляютъ ловъ, опасаясь порчи снасти; также точно и въ меженное время скорая порча сѣтей и веревокъ составляетъ одну изъ причинъ, по которой многіе оставляютъ ловъ. Такъ какъ здѣшняя рыба скупается многими прасолами, то трудно узнать, сколько ловится рыбы именно въ этой мѣстности.

г) *Кутъ залива отъ Чубурской косы.* Начиная отъ Чубурской косы далѣе въ глубь залива, по причинѣ множества собирающихся сюда скупщиковъ рыбы, ряды съ прасолами не бываетъ; а всегда

продаютъ вольною цѣною, и потому цѣны болѣе измѣнчивы, хотя, среднимъ числомъ, онѣ и выше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ условливаются напередъ въ цѣнѣ. Осетръ, съ 20 руб. сер. зимою, падаетъ къ марту до 10 руб., а къ Троицѣ до 3 руб. сер. за штуку. Бѣлуга съ 3 руб. сер. пудъ зимою — до 50 коп. сер. пудъ лѣтомъ. Въ этой части моря различаютъ также четыре періода лова, но нѣсколько иначе ихъ разграничиваютъ. Именно весенній ловъ считаютъ до Троицы, межень, для бѣлой рыбы, отъ Троицы до Покрова, а для красной рыбы только до Успенья; время, остающееся до замерзанія моря, считаютъ осеннимъ ловомъ или прасоломъ. Наемъ рабочихъ происходитъ почти исключительно изъ добычи, т. е. изъ половиннаго улова, съ дѣлежомъ расходовъ на харчи пополамъ, между хозяиномъ и работниками.

По сѣверному берегу Таганрогскаго залива, въ границахъ Таганрогскаго градоначальства, полагаютъ, что цѣнность улововъ не превышаетъ 10,000 руб. сер. На зимній ловъ собираются сюда жители изъ деревень даже довольно удаленныхъ отъ берега, которые въ лѣтнемъ ловѣ никогда не участвуютъ. Такъ напримѣръ съ деревень, лежащихъ по Міусу, почти всѣ отправляются на ледъ и выручаютъ отъ 100 до 150 руб. сер. на сани. Тѣ, которые не имѣютъ своихъ лошадей, саней, снастей и провіанта, идутъ въ работники, за прокормъ и изъ пятой части улова.

Въ кутѣ залива отъ противулежащихъ косъ Чубурской и Бѣглицкой считаютъ средній уловъ въ 50,000 пудъ красной рыбы, 6,000 пудовъ икры и 100 пудовъ клею; причемъ количество севрюги относится къ количеству осетра какъ 3 : 1; бѣлуга же составляетъ по вѣсу $^1/_{10}$ долю севрюги. Цѣнность этого улова нельзя положить менѣе чѣмъ въ 160,000 р. с., а по пропорціи съ ловомъ на Сазальницкой косѣ, число лодокъ нельзя принять менѣе 120.

д) *Міусскій округъ.* Вдоль прибрежья міусскаго округа земли войска донскаго считается семь главныхъ заводовъ, принадлежащихъ донскимъ помѣщикамъ, кромѣ множества мелкихъ ловцовъ, изъ казаковъ, равно какъ и изъ иногороднихъ, которымъ на нѣкоторыхъ косахъ дозволяютъ ловить Астраханскіе ловцы рядятся поставлять рыбу: икрянаго осетра по 5 р., икрянную севрюги и яловаго осетра по 1 р. с. штуку, икрянную бѣлугу по 1 р. 50 к. с., яловую бѣлугу отъ 75 до до 80 к. с., а яловую севрюгу по 80 к. с. пудъ. Мѣстные ловцы, которые, по вышеизложеннымъ причинамъ, не могутъ соперничать съ астраханцами въ количествѣ улавливаемой на лодку рыбы, берутъ дороже, ибо астраханцевъ не достаточно, чтобы перебить у нихъ весь промыслъ. Астраханскіе ловцы (собственно волжскіе) берутся и зимнюю рыбу поставлять одному хозяину, но только безъ ряды, а съ торгу, по все же дешевле, чѣмъ при вольной продажѣ; — этимъ хотятъ они себѣ обезпечить сбытъ. Лѣтняя цѣна красной рыбѣ, по которой сбываютъ ее прасолы, измѣняется отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. пудъ. Лѣтній ловъ бѣлой рыбы здѣсь не великъ и производится всего 12 неводами. Цѣнность улововъ міусскаго округа оцѣниваютъ въ 400,000 р. асс., что заставляетъ предполагать на этомъ пространствѣ не менѣе 80 крючныхъ лодокъ. О значительности улововъ въ міусскомъ округѣ и въ кутѣ Таганрогскаго залива можно судить, по показанію ростовскаго купца Грибанова, скупающаго большую часть здѣшней рыбы. Весною 1863 года, въ теченіе двухъ самыхъ уловистыхъ недѣль, было привезено къ нему до 5,000 пудъ икры *). Здѣсь замѣчаютъ, что хорошіе уловы почти всегда соотвѣтствуютъ

---

*) Въ 1848 году, когда ему поставляли рыбу съ Должанской и Камышеватой косъ, было поймано въ одинъ уловъ, т. е. въ одно переборку снасти 1,600 икряныхъ осетровъ и 4,800 икряныхъ севрюгъ и яловыхъ осетровъ. Это напоминаетъ весенніе уловы на Акушѣ и Божьемъ Промыслѣ.

многоснѣжнымъ зимамъ, или господству верховыхъ вѣтровъ въ весеннее время, ибо оба эти обстоятельства усиливаютъ притокъ къ прѣсной воды, привлекающій красную рыбу.

e) *Участокъ маріупольскихъ грековъ и Бердянская коса.* Вдоль берега, находящагося во владѣніи маріупольскихъ грековъ, т. е. къ западу отъ рѣки Калміуса, до границъ Таврической губерніи (здѣсь лежитъ весьма уловистая Бѣлосарайская коса, морской берегъ которой извѣстенъ подъ именемъ Виноградной косы), находится 30 крючныхъ заводовъ, (въ томъ числѣ шесть большихъ балычныхъ), нѣкоторые изъ коихъ употребляютъ до 150,000 крючьевъ; на всѣхъ же заводахъ полагаютъ болѣе 1,000,000 крючьевъ. Если считать по 15,000 крючьевъ на лодку, то выходитъ, что на этомъ пространствѣ занято около 70 лодокъ крючнымъ ловомъ. Неводовъ ходитъ здѣсь сорокъ. Рыбу поставляютъ хозяевамъ по слѣдующей уговорной цѣнѣ: икряннаго осетра 4 р. 25 к. штуку, икрянную севрюгу по 1 р., вѣсовую рыбу по 50 к. пудъ. Сами же хозяева продаютъ икряннаго осетра 50 коп., икрянную севрюгу 40 к. и вѣсовую рыбу 30 к. и дороже. Въ весну 1864 года одинъ заводъ, имѣвшій 35,000 крючьевъ, заловилъ 400 штукъ икрянной севрюги, 35 икрянныхъ осетровъ, одну икрянную бѣлугу въ 12 п. вѣсомъ и 250 пудъ вѣсовой рыбы. Это даетъ намъ возможность составить разсчетъ, какъ общей цѣнности улова, такъ и выгодъ хозяина. Половина, приходящаяся на хозяйскую долю, составляетъ:

200 икрянныхъ севрюгъ по.	1 р. 40 к.	—280 р. — к.
$18^1/_2$ » осетровъ по. . . .	4 » 75 »	— 87 » 87 »
6 пудъ икряной белуги по. . . .	1 » 40 »	— 8 » 40 »
120 пудъ вѣсовой рыбы по. . . .	80 »	—100 » — »
	Итого	476 р. 27 к.

Разность продажной и уговорной цѣнъ, на забродческую половину, составляетъ:

на 200 икрянныхъ севрюгъ по	40 к.	—80 р.
» $18^1/_2$ икрянныхъ осетровъ по	50 »	— 9 » 25 к.
» 6 пудъ икры бѣлуги по	40 »	— 2 » 40 »
» 125 пудъ вѣсовой рыбы по	30 »	—37 » 50 »
	Итого	129 р. — к.

Всего же хозяйственнаго дохода	605 р. 42 »
На долю работниковъ останется	347 » 12 »
Цѣнность улова вообще	952 р. 54 к.

Тысяча кручьевъ со снастью, по таганрогскимъ цѣнамъ, стоитъ отъ 14 до 15 руб.; на весь заводъ составитъ около 500 руб. Стоимость лодки съ оснасткою нельзя опредѣлить выше 100 руб. Ежели на 35,000 крючьевъ положить двѣ лодки, то для заведенія крючнаго завода такихъ размѣровъ надо употребить до 700 руб. Считая по 10% получимъ 70 руб. ежегоднаго расхода. Ремонтъ лодки и крючьевъ состоитъ отъ 100 до 150 руб. Слѣдовательно вообще до 200 руб. ежегоднаго расхода. Харчи, состоящія лишь изъ муки и пшена, увеличиваютъ его еще рублей на 50, такъ что чистаго дохода останется около 700 руб.; 100 руб. пошлины за годовой билетъ—составитъ такимъ образомъ не болѣе $^1/_7$ доли чистаго дохода. Но и этотъ разсчетъ еще значительно, можетъ быть вдвое, преувеличенъ.

Доходъ вычисленъ только съ весенняго рыболовства, а годовой билетъ долженъ давать право и на осенній на прибыльный зимній ловы. Кромѣ того, валовой доходъ въ 950 р. опредѣленъ по улову, который былъ вѣроятно ниже средняго. Если 35,000 крючьевъ добыли на 952 руб. 54 к. рыбы, то на 1,000,000 должно бы получить ея на 27,214 руб., но по свѣдѣніямъ, доставленнымъ бердянскимъ купцомъ Кобозевымъ, главнымъ рыбнымъ промышленникомъ въ этой мѣстности, среднимъ числомъ, добывается въ маріупольскомъ участкѣ весною и осенью на 55,000 руб. красной рыбы и ея продуктовъ, т. е. слишкомъ вдвое противъ вычисленнаго мною, на основаніи принятаго для расчета залова. На томъ же заводѣ, въ 1860 году, при 27,000 крючьяхъ, пай каждаго изъ восьми забродчиковъ составилъ 80 р. сер.; такъ какъ въ этомъ году рыба поставлялась хозяину безъ ряды, а почемъ продается, то это составитъ уже 1,280 р. валоваго дохода, не смотря на то, что число крючьевъ было меньше (на цѣлую четверть). Изъ этого видно, что предлагаемый налогъ въ 50 р. съ крючной лодки долженъ считаться весьма умѣреннымъ. Употребляемый нынѣ способъ ряды съ забродчиками считается хозяевами маловыгоднымъ, и потому многіе стараются нанимать астраханцевъ, съ которыми и заключаютъ слѣдующія условія. Имъ поставляетъ хозяинъ снасть по 25 руб. за 1000 крючьевъ (на 35,000 слѣдовательно на 875 руб., по этой номинальной цѣнѣ) въ долгъ, уплачиваемый рыбою, по уговорной цѣнѣ, по которой они должны доставлять тому же хозяину и весь переловъ. Подобныя же условія заключаютъ хозяева съ своими работниками и на Бердянской косѣ, смотря потому, подряжаютъ ли астраханцевъ, или забродчиковъ мѣстныхъ и приходящихъ изъ малороссійскихъ губерній. На этой косѣ 12 крючныхъ заводовъ, съ такимъ же числомъ лодокъ, и 23 невода. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. Кобозевымъ, цѣнность улововъ, получаемыхъ, начиная отъ маріупольскаго участка до Бердянской косы включительно, составляетъ 75,000 руб. для красной рыбы и 175,000 для бѣлой рыбы, всего 250,000 руб., изъ которыхъ 104,000 приходится на Бѣлосарайскую косу (съ Виноградной), 90,000 на Бердянскую и 56,000 на прочія мѣстности, лежащія, какъ между устьями Калміуса и Бѣлосарайскою косою, такъ и между этою послѣднею и Бердянскою.

ж) *Косы Обиточная и Ѳедотова.* Какъ великъ уловъ на Обиточной косѣ, мнѣ неизвѣстно. По причинѣ стѣсненій тамошняго лова, на ней было только три крючныхъ завода, не болѣе какъ съ пятью лодками, и не было ни одного неводнаго. На Ѳедотовой косѣ, въ настоящее время, ловъ также не великъ. Въ этихъ мѣстностяхъ приготовляютъ въ лѣтнее время особый, низкаго качества сортъ икры, называемый постромою, подобный астраханской ястычной. Жировую икру, т. е. еще неразвившуюся и окруженную большимъ количествомъ жира, которую нельзя пробить (отдѣлить зерна икры), опускаютъ цѣликомъ въ ястыкѣ въ тузлукъ. Она продается лишь на мѣстѣ копѣекъ по 5 фунтъ.

Въ западной части моря, гдѣ ледъ не стоитъ постоянно, а часто разносится, подледный ловъ весьма убыточенъ, потому что вмѣстѣ со льдомъ уноситъ и снасть. Противъ этого придумали способъ установки крючьевъ, при которомъ они не находились бы въ сообщеніи со льдомъ. Порядки крючной снасти утверждаютъ на кольяхъ, вбиваемыхъ чрезъ проруби въ дно, и около нихъ ставятъ отдѣльно знакъ, указывающій на мѣсто, гдѣ расположена снасть. Знакъ этотъ состоитъ изъ длиннаго шеста, привязаннаго веревкою къ вбитому въ дно колу. Шестъ, не будучи утвержденъ неподвижно, безпрестанно качается и потому не примерзаетъ ко льду. Когда льдину относитъ, шестъ проскальзываетъ подъ ледъ, который и проносится надъ нимъ, послѣ чего знакъ опять выходитъ на поверхность и ука-

*

зываетъ мѣсто снасти. На переборку ѣздятъ только послѣ относа льда, попавшаяся же рыба остается въ холодной водѣ до мѣсяца живою, потому что не закачивается, какъ въ спокойной водѣ подъ льдомъ.

з) *Арабатская коса и сѣверный берегъ Керченскаго полуострова.* На Арабатской косѣ, ловъ въ 1866 году, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, занималъ 8 заводовъ съ 11 лодками. Начиная отъ Керченскаго пролива до начала Арабатской косы четыре рыболовныхъ мѣстности: 1) Еникале, гдѣ кромѣ сельдянаго лова, производится и крючной ловъ красной рыбы мелкими промышленниками, имѣющими отъ 5,000 до 10,000 крючьевъ. Этимъ ловомъ занимается до шести лодокъ. 2) Чайгуне, гдѣ до 20,000 крючьевъ. 3) Казантипъ Сѣрикова. Это самый значительный заводъ для лова красной рыбы на всемъ Азовскомъ морѣ, послѣ Ачуева. Здѣсь устроены то же ледники, по здѣшнему холодники, для соленія рыбы и икры. По словамъ прикащика Сѣрикова, налавливается у нихъ кругомъ до 15,000 пудъ рыбы. Въ теченіе только осени 1863 г. поймали въ Казантипѣ до 4,500 пудъ красной рыбы. Сѣриковъ— харьковскій купецъ, главный торговецъ рыбою на Азовскомъ морѣ; кромѣ рыбы собственнаго приготовленія, онъ много скупаетъ ея. Въ 1857 году было у него до 60,000 пудъ рыбы, до 25,000 пудовъ икры и до 800 пудъ клея. Слѣдовательно не менѣе какъ на сумму отъ 400,000 до 500,000 руб. сер. Количество клея, скупленное имъ, представляетъ собою весь уловъ Азовскаго моря, который слѣдовательно равняется $1/4$ или $1/5$ каспійскаго улова, но сюда надо еще прибавить всю зимнюю рыбу, изъ которой клей не вырѣзается. 4) Китень, гдѣ находится значительный заводъ Барабаша. Сколько во всѣхъ этихъ заводахъ лодокъ, мнѣ неизвѣстно.

Вліяніе крючной снасти на качество балыка и вообще мнимая вредность этого орудія лова. Сѣверный берегъ Керченскаго полуострова и южная часть Арабатской косы славятся приготовленіемъ самаго лучшаго балыка, безъ сомнѣнія потому, что къ здѣшнимъ берегамъ рыба подходитъ очень рано, и уже въ мартѣ, когда еще довольно холодно, можно заняться приготовленіемъ этого продукта. Описывать способъ приготовленія балыковъ я здѣсь не стану, потому что вкратцѣ представилъ его уже въ другомъ мѣстѣ, въ подробности же будетъ оно изложено при техническомъ описаніи Азовскаго и Черноморскаго рыболовствъ. Но здѣсь надо коснуться вліянія крючнаго лова на качество балыка, приготовляемаго изъ пойманной этою снастью рыбы, такъ какъ это составляетъ одинъ изъ доводовъ, приводимыхъ противниками крючной снасти, въ доказательство ея вредности. Какъ въ отчетахъ о кубанскомъ и донскомъ рыболовствахъ, такъ и въ настоящемъ отчетѣ, я при разныхъ случаяхъ нѣсколько разъ говорилъ уже объ этомъ спорномъ предметѣ; считаю однако же не лишнимъ еще разъ возвратиться къ нему, чтобы разсмотрѣть его въ цѣломъ, со всѣхъ сторонъ. Всѣ доводы, противъ допущенія крючнаго лова, сводятся къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ:

1) Крючная самоловная снасть препятствуетъ ходу рыбы.

2) Срывающаяся съ крючьевъ рыба погибаетъ и такимъ образомъ пропадаетъ безъ пользы для человѣка.

3) Рыба, пойманная на крючки, закачивается, во время волненія, и или должна быть выбрасываема, или же если, по алчности промышленниковъ, солится, то составляетъ продуктъ дурнаго качества, даже вредный для здоровья.

4) Ранки, оставляемыя крючьями на рыбѣ, портятъ приготовляемый изъ нея балыкъ.

Крючная снасть ловитъ рыбу, слѣдственно несомнѣнно препятствуетъ ея ходу, а потому это возраженіе примѣняется ко всякому орудію лова безъ исключенія, и изъ сего слѣдуетъ только, что и

крючьями, точно также какъ сѣтьми, вентерями, неводами не должно перегораживать рѣкъ, гирлъ, проливовъ и т. п. Притомъ очевидно, что порядки крючьевъ, даже если выставлять ихъ въ нѣсколько ярусовъ, не могутъ въ такой мѣрѣ перегораживать водовмѣстилища, какъ это дѣлаютъ хватающія отъ дна до поверхности, сѣтяныя снасти различныхъ наименованій. Я уже упоминалъ, что астраханскіе ловцы противились допущенію ставныхъ сѣтей въ баканныхъ линіяхъ передъ устьями Волги; также точно промышленники близъ Міусскаго лимана увѣряютъ, что крючья, которыми заставляютъ его гирло, не вредятъ входу въ него рыбы, а опасаются только ставныхъ сѣтей.

Мнѣніе о томъ, что срывающаяся съ крючьевъ рыба обыкновенно умираетъ, опровергнуто уже г. академикомъ Бэромъ (*). Если это и случается, то чрезвычайно рѣдко. Членамъ, какъ каспійской, такъ и азовской экспедицій, чрезвычайно рѣдко случалось видѣть выкинутыхъ на берегъ мертвыхъ рыбъ осетровыхъ породъ, и напротивъ того весьма часто попадаются эти рыбы, съ совершенно зажившими ранами отъ крючьевъ, съ которыхъ имъ удавалось прежде сорваться. Въ Азовскомъ морѣ была между прочимъ поймана бѣлуга съ крючкомъ въ тѣлѣ, наружная часть котораго чрезвычайно потонѣла отъ ржавчины, тогда какъ находившаяся въ тѣлѣ рыбы, предохраненная жиромъ отъ дѣйствія воды и воздуха, была совершенно какъ новая.

Закачиваніе рыбы на крючьяхъ дѣйствительно случается, если она долго остается на нихъ въ теплое лѣтнее время, потому что бури мѣшаютъ выѣзжать на переборку. Замѣчательно однакоже, это возраженіе, почти неизвѣстное на Каспійскомъ морѣ, употребляется лишь на Азовскомъ, что должно приписать худшему устройству азовскихъ лодокъ и малой опытности здѣшнихъ ловцовъ управляться съ парусами, такъ что они не отправляются на переборку тогда, когда астраханскіе рыбаки не задумываются выѣзжать въ море. Примѣръ приходящихъ съ Волги промышленниковъ начинаетъ уже дѣйствовать и на здѣшнихъ ловцовъ. Если будетъ принято предлагаемое установленіе пошлины съ каждой морской лодки, то нѣтъ сомнѣнія, что оно еще болѣе побудитъ ихъ слѣдовать примѣру астраханцевъ, которые выставляютъ на одну лодку, съ меньшимъ числомъ рабочихъ, гораздо большее число крючьевъ, тогда и это неудобство, представляемое крючьями, въ значительной степени уменьшится.

Справедливо также, что большее число ранъ вредитъ качеству балыка. Но на балыкъ идетъ лишь небольшая часть пойманной рыбы, такъ что всегда есть возможность выбрать такую, которая имѣетъ не много ранъ, или, что еще лучше, у которой раны пришлись не на ту часть тѣла, изъ которой приготовляется балыкъ. Притомъ та рыба, которая ловится сѣтьми или неводами, получаетъ ранки отъ багровъ, которыми ее зацѣпляютъ, чтобы втащить въ лодку, такъ какъ иначе трудно справиться съ такими большими рыбами, какъ осетры. Эти ранки точно также, какъ и тѣ, которыя происходятъ отъ крючной снасти, должны быть непремѣнно вырѣзываемы, и тогда, вредя виду, нисколько не вредятъ качеству балыка. Это небольшое неудобство не можетъ конечно идти въ сравненіе съ тѣми излишними расходами, которые потребовало бы краснодовье, если бы допущены были, для морскаго лова, лишь одни невода и ставныя сѣти. Самое количество ловимой рыбы при этомъ значительно уменьшилось бы.

Къ этимъ четыремъ доказательствамъ, приводимымъ противъ крючнаго лова, я прибавлю еще пятое и шестое, которыя и составляютъ истинную причину неблагосклонности, оказываемой этой снасти тѣми промышленниками, которые, какъ донцы и уральцы, имѣя въ своемъ владѣніи рѣки, куда рыба

(*) Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи. Томъ II, стр. 209.

стремится изъ моря, весьма естественно желаютъ усилить рѣчной ловъ, насчетъ морскаго. Крючная составляетъ единственное прибыльное орудіе лова красной рыбы въ морѣ, и крючною же снастью всего удобнѣе производить потаенный ловъ въ запрещенныхъ мѣстахъ. Если замѣтить на берегу то мѣсто, гдѣ расположена снасть, то ее можно оставить безъ всякаго наружнаго знака и вынуть въ удобное время, чего нельзя дѣлать съ сѣтками, которыя доходятъ до самой поверхности воды и потому легко могутъ быть замѣчены всякимъ. Это послѣднее свойство крючной снасти въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно можетъ давать поводъ къ злоупотребленіямъ, но противудѣйствовать этому можно и должно лишь болѣе тщательнымъ надзоромъ, а не совершеннымъ запрещеніемъ самаго удобнаго орудія для лова красной рыбы.

Нѣкоторыя особенности лова на Арабатской косѣ. На Арабатской косѣ и по Азовскому берегу Керченскаго полуострова, весенній ловъ начинается съ очищеніемъ береговъ отъ льда, что въ разные годы случается въ различное время, обыкновенно же съ начала марта. Дабы не пропустить самаго начала весенняго лова, нанимаютъ на него работниковъ и приготовляются къ промыслу съ самаго Рождества. Весенняя путина продолжается до Троицына дня. Лѣтомъ здѣсь почти не ловятъ; осенній же ловъ начинается съ половины сентября и продолжается до начала декабря. Здѣсь употребляютъ два сорта крючной снасти, извѣстные подъ именемъ балберочной, или грузовой, и астраханки, или шматовой. Разница между ними заключается въ томъ, что на балберочную навязываютъ, черезъ каждые три или четыре крючка, по парѣ балберокъ, а черезъ сто крючьевъ — вмѣсто грузила — камень. На шматовой же навязываютъ, черезъ каждые 14 или 15 крючьевъ, по цѣлому пучку балберокъ отъ 7 до 10 штукъ, нанизанныхъ на веревочное кольцо, грузила же вовсе не употребляютъ. Выгоды этого устройства заключаются въ томъ, что если поймается рыба, то она огружаетъ шматъ и поэтому видно, есть ли рыба на снасти и нужно ли ее перебирать, чего на балберочной нельзя замѣтить, пока не вытянутъ снасти, которая вся загружена, хотя бы и не было на ней рыбы, 4,000 крючьевъ называютъ здѣсь ставкою. Первую ставку выставляютъ, отъѣхавъ отъ берега версты двѣ, и располагаютъ ее непрерывною линіею; отъѣхавъ еще версты двѣ въ глубь ставятъ вторую ставку, и т. д. Работниковъ, какъ обыкновенно, нанимаютъ изъ полу. Если хозяинъ самъ за кормщика, то онъ также получаетъ пай изъ забродчиской половины. Иногда хозяинъ держитъ еще одного работника, — по большой части мальчика, за опредѣленную плату, и въ такомъ случаѣ беретъ себѣ и его пай.

Общее число лодокъ и неводовъ въ Азовскомъ морѣ и приблизительное опредѣленіе дохода съ налога на Азовское морское рыболовство.

Изъ приведенныхъ отрывочныхъ статистическихъ свѣдѣній можно, за неимѣніемъ болѣе точныхъ, составить себѣ приблизительное понятіе, какъ о числѣ лодокъ и неводовъ, занимающихся ловомъ въ Азовскомъ морѣ, такъ и о количествѣ добываемой изъ него рыбы.

На Сазальницкой косѣ насчитываютъ до 50 крючныхъ лодокъ; въ кутѣ залива, начиная отъ косъ Чубурской и Бѣглицкой, по вѣроятному соображенію, не менѣе 120; вдоль прибрежья міусскаго округа около 80; въ маріупольскомъ округѣ не менѣе 70; на косахъ Бердянской и Обиточной 17 лодокъ; на Арбатской 11; итого около 350 лодокъ. Если прибавить сюда весьма рыбныя мѣстности: одну вдоль сѣвернаго берега Керченскаго полуострова, а другую отъ границы владѣній кубанскаго казачьяго войска до Сазальницкой косы, гдѣ находятся двѣ Ейскихъ косы и промежутокъ между косами Сальницкою и Чубурскою, то общее число крючныхъ лодокъ въ Азовскомъ морѣ нельзя принять

менѣе 500. Число неводовъ извѣстно въ точности только отъ устья рѣки Міуса до Бердянской косы включительно, а именно: 12 въ міусскомъ округѣ, 40 въ маріупольскомъ и 23 на Бердянской косѣ. Къ этому числу можно прибавить по крайней мѣрѣ 40 неводовъ, занимающихся сельдянымъ ловомъ въ Керченскомъ проливѣ, что составитъ вмѣстѣ 115 неводовъ; но здѣсь не перечислены невода, дѣйствующіе на Ейскихъ косахъ и большей части Таганрогскаго залива; такъ что не опасаясь преувеличенія можно принять въ Азовскомъ морѣ по крайней мѣрѣ 150 неводовъ. Такимъ образомъ налогъ, въ 100 руб. съ невода и въ 50 руб. съ крючной лодки, доставилъ бы по меньшей мѣрѣ 40,000 руб. въ годъ. Но надо еще принять во вниманіе, что на зимній ловъ собирается много такихъ промышленниковъ, которые не принимаютъ участія въ лѣтнемъ ловѣ и которые поэтому должны будутъ брать билеты на зимній ловъ, а также и то, что съ обезпеченіемъ промышленниковъ, отъ произвола береговыхъ владѣльцевъ, число ловцовъ во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ нынѣ мало занимаются рыболовствомъ, значительно увеличится, такъ что доходъ, отъ предлагаемаго налога, едвали составитъ менѣе 50,000 р.

Общее опредѣленіе цѣнности улова, доставляемаго Азовскимъ моремъ и его притоками. Мѣстности, изъ которыхъ имѣются свѣдѣнія о цѣнностяхъ улововъ, именно: Сазальницкая коса, кутъ Таганрогскаго залива и пространство отъ устья Міуса до Бердянской косы, доставляютъ красной и бѣлой рыбы въ одно лѣтнее время почти на 600,000 руб. (Сазальницкая коса 70,000, кутъ залива 160,000, міусской округъ 115,000, маріупольскій округъ и Бердянская коса 250,000 р.). Если присоединить сюда уловъ тѣхъ мѣстностей, о которыхъ не имѣется даже приблизительныхъ свѣдѣній, то показанную сумму смѣло можно увеличить до 800,000 р. Что эта оцѣнка ниже дѣйствительной, можно заключить изъ слѣдующаго соображенія. По отзывамъ промышленниковъ кубанскаго войска, Ейская коса, отошедшая отъ казаковъ къ городу Ейску, по уловамъ своимъ не уступаетъ косамъ Долгой и Камышеватой. Эти же двѣ косы, судя по собранному съ нихъ въ 1863 и 1864 годахъ акцизу, который равняется приблизительно $^1/_{15}$ цѣнности улововъ, доставили одна на 106,000, а другая на 80,000 руб. рыбы и рыбныхъ продуктовъ. Поэтому цѣнность одного ейскаго лова нельзя опредѣлить менѣе, чѣмъ въ 90,000 руб., что болѣе чѣмъ вѣроятно, если гораздо меньшая Сазальницкая коса доставляетъ на 70,000 руб. рыбы. Ловъ вдоль Азовскаго берега Керченскаго полуострова едвали можетъ быть оцѣненъ меньше этого. Участокъ между Сазальницкою и Чубурскою косою, Арбатская, Обиточная и Ѳедотова косы должны также доставлять на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей рыбы. Но и въ эти 800,000 руб. входитъ почти лишь одна цѣна красной рыбы, такъ какъ бѣлая принята въ разсчетъ лишь въ показаніи Кобозева, который оцѣниваетъ лѣтній уловъ бѣлой рыбы въ маріупольскомъ участкѣ и на Бердянской косѣ въ 175,000 руб. Судя поэтому, по крайней мѣрѣ 200,000 руб. надо прибавить на цѣнность лѣтняго улова бѣлой рыбы въ прочихъ частяхъ моря. Чтобы опредѣлить всю цѣнность азовскаго улова надо бы присоединить къ полученному нами 1,000,000 руб. еще цѣнность зимняго лова, который, по высокой цѣнѣ рыбы въ это время, долженъ быть весьма значителенъ. Въ основаніе нашихъ вычисленій мы можемъ положить свѣдѣнія о вывозѣ рыбы зимою изъ Ростова, который составлялъ:

Названіе рыбъ.		Зимою съ 1861 на 1862 годъ.	Съ 1862 на 1863.	Съ 1863 на 1864.
		П	у д	ы.
Бѣлуги.	около	2,000	2,000	4,000
Осетра.	»	1,000	1,000	3,000

Названіе рыбъ.		Зимою съ 1861 на 1862 годъ.	Съ 1862 на 1863.	Съ 1863 на 1864.
		П у	д	ы.
Севрюги.	около	6,000	8,000	5,000
Стерляди	»	15,000	15,000	10,000
Итого красной рыбы.	около	24,000	26,000	22,000
Леща.	около	250,000	300,000	650,000
Судака.	»	200,000	100,000	200,000
Тарани.	»	350,000	200,000	300,000
Итого бѣлой рыбы. .	около	800,000	600,000	1,150,000

Для перевода этого, на вѣсъ означеннаго, количества на рубли, мы можемъ употребить слѣдующія данныя. Зимняя цѣна рыбы, по самому умѣренному разсчету, составляетъ для бѣлуги, севрюги и стерляди 3 руб. пудъ, для осетра 10 руб. штука, для леща отъ 6 до 10 руб. сотня, для судака 15 руб. сотня, для тарани 10 руб. тысяча. Вѣсъ осетра можно положить кругомъ въ 1 пудъ; вѣсъ зимняго леща полагается около 100 пудъ, судака около 150, а тарани около 20 пудъ — тысяча. Такъ какъ количество леща болѣе всего мѣняется въ различные годы, то примемъ цѣну его въ годъ наиболѣе изобильный (съ 1863 на 1864) въ 6 руб. сотня — въ наименѣе изобильный (съ 1861 на 1862) въ 10 руб., а въ годъ средняго изобилія (съ 1862 на 1863) въ 8 р. На основаніи этихъ данныхъ получимъ слѣдующую таблицу цѣнности вывоза зимней рыбы изъ Ростова:

Названіе рыбъ.		Съ 1861 на 1862.	Съ 1862 на 1863.	Съ 1863 на 1864.
		Р у	б	л и.
Бѣлуги	на	6,000	6,000	12,000
Осетра.	»	10,000	10,000	30,000
Севрюги	»	18,000	24,000	15,000
Стерляди.	»	45,000	45,000	30,000
Итого красной рыбы. .	на	79,000	85,000	87,000
Леща	на	250,000	240,000	39,000
Судака.	»	200,000	100,000	200,000
Тарани	»	175,000	100,000	150,000
Итого бѣлой рыбы. . .	на	625,000	440,000	740,000
Всего.	на	704,000	525,000	827,000

Это составитъ среднимъ числомъ въ годъ на 685,000 руб. рыбнаго товару. Къ этому надо еще прибавить, по меньшей мѣрѣ, около 2,000 пудовъ свѣжей икры по 20 руб. пудъ, такъ что средній вывозъ продуктовъ зимняго лова изъ Ростова нельзя опредѣлить менѣе, какъ въ 720,000 р. Что тутъ нѣтъ преувеличенія, это показываетъ еще слѣдующее соображеніе. По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ ростовскихъ торговцевъ, зимняя торговля рыбою продолжается около $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, т. е. 75 дней. Во все это время отправляется среднимъ числомъ до 500 одноконныхъ подводъ въ сутки, съ грузомъ въ 25 пудовъ на лошадь; принимая среднюю цѣнность рыбнаго товара, по мѣстнымъ цѣнамъ, менѣе рубля

пудъ, мы все таки получимъ 700,000 р. для 37,000 возовъ. Правда, не все это количество рыбы получается изъ моря, а нѣкоторая часть идетъ съ Дона и съ Черноморья. Но въ Черноморьѣ зимній ловъ невеликъ и, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, значительная часть зимней рыбы идетъ оттуда прямо на линію, а также въ Одессу. Въ Дону зимній ловъ также не слишкомъ великъ. Съ другой же стороны, не вся зимняя рыба идетъ черезъ Ростовъ, а часть ея отправляется и изъ Бердянска и изъ Маріуполя, такъ что можно принять, что одно вознаграждаетъ другое. Къ цѣнности азовскаго улова надо еще присоединить цѣнность керченскихъ сельдей, которыхъ добывается отъ 5 до 10,000,000 штукъ цѣною отъ 15 до 18 руб. тысяча, что слѣдовательно также составитъ не менѣе 100,000 руб.

И такъ, весь азовскій уловъ, если не считать ни продуктовъ всего кубанскаго рыболовства, ни продуктовъ донскаго рѣчнаго лова, нельзя опредѣлить менѣе, какъ въ 1,800,000 р. с. Кубанскій уловъ опредѣлили мы по двумъ годамъ весьма посредственнаго лова въ 900,000 р. с.; менѣе этого нельзя также принять и для лова донскаго. Эти соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что Азовское море доставляетъ рыбы и рыбныхъ продуктовъ на сумму отъ 3,500,000 до 4,000,000 руб. сер., т. е. около $^2/_5$ каспійскаго улова и $^1/_5$ улова доставляемаго какъ внѣшними, такъ и внутренними водами европейской Россіи и Кавказа.

Мелкіе промыслы собственно морскихъ рыбъ и животныхъ въ западной части моря. Кромѣ прѣсноводныхъ рыбъ, составляющихъ, такъ сказать, коренное населеніе Азовскаго моря, поднимающихся въ рѣки для размноженія и возвращающихся обратно въ море, — въ него заходятъ еще чисто морскія породы изъ Черанго моря и также составляютъ предметы промысловъ, хотя и незначительныхъ. Таковы нѣкоторые виды кефали, морской котъ (Trigon pastinaca) и, изъ морскихъ млекопитающихъ, двѣ породы дельфина Phocaena communis и Delphinus delphis, извѣстныя подъ именемъ морскихъ свиней, отъ издаваемаго ими звука, похожаго на свиное хрюканье. Эти морскія породы держатся только близь Керченскаго пролива и въ западной, болѣе соленой, части моря до Геническа.

а) *Ловъ дельфиновъ.* Дельфины попадаются отчасти въ невода вмѣстѣ съ сельдями, отчасти нарочно ловятся, сдѣланными изъ бичевокъ, ставными сѣтями. Съ нихъ снимаютъ лишь сало, продаваемое отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. пудъ. Его везутъ большею частью въ Одессу, гдѣ очищаютъ для горѣнія въ лампахъ, болѣе же для маяковъ. Съ недавнаго времени стали употреблять на эти послѣдніе минеральное масло, дающее болѣе яркій свѣтъ. Промыселъ дельфиновъ, не только въ Азовскомъ морѣ, куда они заходятъ случайно, гонясь за рыбою, но даже и въ Черномъ, гдѣ ихъ очень много, никогда не бываетъ значителенъ.

б) *Ловъ морскихъ котовъ.* Ловъ котовъ производится лѣтомъ преимущественно съ косы Тузлы, и болѣе съ черноморскаго, чѣмъ съ азовскаго, берега ея. Изъ этихъ котовъ, которые достигаютъ 15 ф. вѣса, берутъ только одну печенку, для вытапливанія изъ нея жира точно такимъ же образомъ, какъ онъ вытапливается изъ тресковой печенки на мурманскомъ берегу. У одного промышленника было выдѣлано до 400 пудовъ этого жира, идущаго на тоже употребленіе, какъ и дельфинный, и стоющаго 2 р. 50 к. пудъ. Въ неводъ коты попадаютъ вмѣстѣ съ другою рыбою, до самой Долгой косы, гдѣ ихъ вытягиваютъ по нѣскольку десятковъ въ каждую тоню. Получаемый изъ нихъ жиръ употребляютъ для домашнихъ нуждъ. Говорятъ, что нельзя ихъ затянуть очень много разомъ, потому что тогда они ложатся на дно, опускаютъ неводъ и уходятъ черезъ верхнюю подбору. Когда ихъ скопляется много,

они колятъ другъ друга своими огромными хвостовыми шипами, такъ что вода окрашивается въ этомъ мѣстѣ ихъ кровью.

в) *Ловъ кефали.* Около Геническа ловятъ мелкую кефаль (Mugil saliens) и лобановъ (Mugil cephalus). Мелкую обыкновенно маринуютъ, а лобановъ коптятъ, продавая по 1 руб. 50 к. десятокъ. Копченыя онѣ чрезвычайно вкусны, но составляютъ лишь исключительно мѣстный продуктъ. Ловомъ и приготовленіемъ этихъ рыбъ занимается преимущественно геническій житель Кобелянскій, имѣющій также свой заводъ на Арабатской косѣ, на которомъ приготовляются отличные балыки.

Общіе результаты изслѣдованія азовскаго морскаго лова, перечисленіе предложенныхъ мѣръ. Въ этомъ отчетѣ, заканчивающемъ изслѣдованія экспедиціи въ Азовскомъ морѣ, мнѣ не представилось случая предложить какія либо мѣры, собственно для развитія промысла. Все, что можно извлекать изъ моря, извлекается изъ него. Однако же азовскій ловъ нельзя еще назвать чрезмѣрнымъ, и если рѣчное рыболовство въ двухъ главныхъ притокахъ моря, а также неразрывно связанный съ донскимъ рыболовствомъ ловъ въ Таганрогскомъ заливѣ, будутъ устроены на правильныхъ основаніяхъ, изложенныхъ въ отчетахъ о кубанскомъ и донскомъ рыболовствахъ, то и въ будущемъ нечего опасаться за судьбу азовской рыбной промышленности, не смотря на малую обширность водоема, составляющаго ея поприще. Также точно и приготовленіе продуктовъ должно считать удовлетворительнымъ, и хотя здѣшніе икра и клей хуже астраханскихъ, зато приготовленіе балыка болѣе усовершенствованно и самое соленіе рыбы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, лучше чѣмъ на Каспійскомъ морѣ, хотя тутъ и нѣтъ ледниковъ. Поэтому всѣ предложенія, сдѣланныя въ этомъ отчетѣ, клонятся только къ тому, чтобы обезпечить всѣмъ, желающимъ заниматься ловомъ въ Азовскомъ морѣ, ту свободу, которую предоставляетъ этой промышленности законъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открыть и для казны новую отрасль дохода, черезъ введеніе налога на право производства морскаго рыбнаго промысла, — налога, который, кромѣ другихъ причинъ, требуется самою справедливостью къ интересамъ каспійской и кубанской рыбной промышленности.

Въ заключеніе повторяю эти предложенія:

1) Полосу, назначаемую для пристанища ловцовъ и устройства временныхъ заведеній, необходимыхъ для жилья промышленниковъ, для приготовленія и сохраненія рыбы, которая должна оставаться свободною отъ всѣхъ поборовъ со стороны береговыхъ владѣльцевъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и городскихъ и сельскихъ обществъ, опредѣлить въ 25 саженъ шириною, вдоль всѣхъ косъ и другихъ низменныхъ частей морскаго прибрежья.

2) Выдѣленіе свободной полосы, въ общее для всѣхъ рыбопромышленниковъ пользованіе, не распространяется на возвышенныя части берега, оканчивающіяся кручью или обрывомъ; тамъ же, гдѣ низменное прибрежье не достигаетъ 25 саженъ въ ширину, свободную полосу ограничить только этою низменностью.

3) Всякій, желающій участвовать въ морскомъ ловѣ, долженъ брать, для каждой лодки, билетъ на право производить рыболовство. Вмѣстѣ съ билетомъ выдаются на каждую лодку по два ярлыка съ №, которые прибиваются къ носовой части, съ каждой стороны лодки.

Примѣчаніе. Это же правило распространяется и на сельдяной ловъ въ Ѳеодосійскомъ заливѣ.

4) Билеты и ярлыки выдаются въ каждомъ изъ портовыхъ городовъ Азовскаго моря, въ Геническѣ и въ Ново-Николаевской станицѣ міусскаго округа и въ Ѳеодосіи; но даютъ право на ловъ

безразлично во всѣхъ представляемыхъ въ общее пользованіе частяхъ Азовскаго моря и Өедосійскомъ заливѣ.

Примѣчаніе. Нумерація билетовъ должна быть отдѣльная, для каждаго мѣста, изъ котораго выдаются билеты, и сверхъ № должна быть назначена на нихъ начальная буква города, изъ котораго они выданы. Напримѣръ Р. 100 (100 № билета, выданнаго изъ Ростова), К. 1000 (тысячный №, выданный изъ Керчи).

5) Билеты на лѣтній ловъ выдаются только годовые, которые даютъ право и на безплатное производство зимняго лова. Они стоютъ для крючной лодки 50 р., а для невода 100 р. Неимѣющій годоваго билета долженъ брать особый билетъ на зимній ловъ, платя за него 20 руб.

6) Для надзора за непроизводствомъ безбилетнаго лова, назначаются два смотрителя, изъ которыхъ въ лѣтнее время одинъ надзираетъ за пространствомъ отъ Керченскаго пролива до Маріуполя, а другой отъ Маріуполя вокругъ Таганрогскаго залива, до границы владѣній кубанскаго войска.

Примѣчаніе. Донское войско назначаетъ особаго смотрителя за ловомъ вдоль береговъ міусскаго округа.

7) Въ зимнее время всѣ смотрители присутствуютъ тамъ, гдѣ производится главное подледное рыболовство, на которое промышленники выѣзжаютъ въ море на саняхъ; въ помощь имъ назначается, для той же цѣли, команда казаковъ отъ донскаго войска.

8) Земству уѣздовъ, граничащихъ съ Азовскимъ моремъ, предоставляется право облагать, какъ крючныя лодки, такъ и невода пошлиною въ свою пользу, которая однако же не должна превышать $1/5$ доли той, которая будетъ взиматься въ пользу казны.

9) Для надзора, какъ за сборомъ этой пошлины, такъ и вообще за непроизводствомъ безбилетнаго лова, земства прибрежныхъ уѣздовъ учреждаютъ и съ своей стороны наблюденіе въ томъ видѣ, какой сами сочтутъ наиболѣе дѣйствительнымъ и полезнымъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТЧЕТЪ.

СЕЛЬДЯНОЙ ЛОВЪ.

Хотя главный ловъ сельдей, обитающихъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, производится въ проливѣ, соединяющемъ оба эти бассейна, и описаніе его могло бы поэтому войти въ составъ первыхъ отчетовъ имѣвшихъ своимъ предметомъ азовское рыболовство, я счелъ однако же необходимымъ отдѣлить сельдяной промыслъ отъ прочихъ азовскихъ рыбныхъ промысловъ, потому что азовская, или, какъ ее обыкновенно называютъ, керченская сельдь, держится попеременно, то въ Черномъ, то въ Азовскомъ морѣ. Сверхъ того, такъ какъ эта порода сельдей заходитъ въ Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ и Дунай и составляетъ предметъ довольно значительнаго промысла въ юговосточномъ углу Чернаго моря, — то естественная исторія ея и основанный на ней порядокъ лова, въ различныхъ мѣстностяхъ, могли быть выяснены только послѣ обзора какъ всего Азовскаго, такъ и всѣхъ береговъ Чернаго моря.

Рыбы, составляющія обширное семейство сельдей, за небольшими исключеніями, принадлежатъ къ чисто морскимъ породамъ, которыя проводятъ свою жизнь въ соленой водѣ, не заходя въ рѣки даже для метанія икры. Виды, составляющіе въ европейскихъ моряхъ исключенія изъ этого общаго правила, были отдѣлены Кювье въ особый родъ, извѣстный въ зоологической системѣ подъ именемъ Alosa, за отличительный признакъ котораго онъ принялъ выемку или углубленіе въ верхней челюсти, въ которую входитъ соотвѣтствующая ей выпуклость нижней челюсти. Къ этому отличительному признаку присоединяются еще пилообразно-зубчатый брюшной край тѣла и особенность въ цвѣторасположеніи, заключающаяся въ родѣ черныхъ круглыхъ пятенъ, начинающихся отъ жаберной крышечки. Всѣ эти признаки встрѣчаются и у нашихъ черноморскихъ и каспійскихъ сельдей, что вмѣстѣ съ инстинктомъ, побуждающимъ ихъ подниматься въ рѣки, побудило г. академика Бэра причислить каспійскую сельдь, извѣстную подъ именемъ бѣшенки, къ роду Alosa. Онъ предпочелъ такимъ образомъ эту совокупность признаковъ характеристикѣ, взятой отъ присутствія или отсутствія мелкихъ зубовъ на челюстяхъ, языкѣ и различныхъ костяхъ, составляющихъ небо, которую Валансіенъ, сотрудникъ и продолжитель Кювье, по изданію сочиненія о естественной исторіи рыбъ, принялъ за основаніе при раздѣленіи многочисленныхъ видовъ сельдянаго семейства на роды,—характеристикѣ, по которой каспійская и черноморская сельдь должна бы быть причислена къ роду Clupea, куда принадлежитъ и настоящая сѣверная сельдь; между тѣмъ какъ не только образъ жизни, но и наружный видъ приближаетъ ихъ

къ алозамъ, поднимающимся по рѣкамъ западной Европы для метанія икры, подобно нашимъ бѣшенкѣ и керченской сельди. Это сходство наружнаго вида таково, что самъ Валансіенъ относитъ каспійскую селедку, основываясь на изображеніи ея, представленномъ г. Эйхвальдомъ (Fauna caspiocaucasia tab. XXXII f. 1) къ роду Alosa, не смотря на то, что въ описаніи положительно сказано, что изображенная рыба имѣетъ зубы на внутреннихъ частяхъ рта. Также точно предполагаетъ онъ, что черноморская и каспійская рыба, названная Палласомъ Clupea picharpus, принадлежитъ къ роду Alosa, тогда какъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Палласъ разумѣлъ подъ этимъ названіемъ именно астраханскую бѣшенку и керченскую сельдь, совершенно правильно принимаемыхъ имъ за одну и туже породу, и отличаемыхъ только какъ разновидности весьма несущественными признаками, и которыя обѣ имѣютъ зубы на внутреннихъ частяхъ рта. Что касается до сходства въ образѣ жизни нашей каспійской сельди и алозы, извѣстной на Рейнѣ подъ именемъ майской рыбы Maifisch, то, читая описаніе составленное еще въ половинѣ XVII вѣка нѣкоимъ страсбургскимъ жителемъ Бельднеромъ (цитированное въ его «Susswasserfische von Mitteleuropa»), по которому «алоза собирается на поверхности воды, причемъ ихъ спинной плавникъ торчитъ наружу, и они производятъ такой шумъ, какъ будто бы цѣлое стадо свиней вошло въ воду», думаешь слышать разсказы нашихъ волжскихъ рыболововъ про бѣшеную рыбу. Если къ этому сходству какъ наружныхъ зоологическихъ признаковъ, такъ и привычекъ, сближающихъ сельдь нашихъ южныхъ морей съ европейскою алозою, присоединить непостоянство признака присутствія или отсутствія мелкихъ зубчиковъ на различныхъ костяхъ рта у рыбъ сельдянаго семейства, (непостоянство, замѣчаемое, по наблюденіямъ знаменитаго шведскаго натуралиста Нильсона, при сравненіи разныхъ экземпляровъ, несомнѣнно принадлежащихъ одному и тому же виду); то придемъ къ заключенію, что г. академикъ Бэръ имѣлъ полное основаніе причислить каспійскую сельдь къ алозамъ, т. е. къ той группѣ сельдянаго семейства нашихъ климатовъ, которая поднимается въ рѣки для метанія икры, не смотря на то, что это противорѣчитъ принятому Валансіеномъ дѣленію этихъ рыбъ.

Палласъ и вслѣдъ за нимъ большая часть натуралистовъ считаютъ черноморскую и каспійскую сельдь за одну породу; только г. Эйхвальдъ отличаетъ ихъ, называя одну Clupea pontica, а другую Clupea caspica, но ни въ его описаніи, ни въ самой природѣ я не могу отыскать никакого признака, который давалъ бы право различать ихъ, какъ особые виды. Правда, что изображенія, представленныя г. Эйхвальдомъ на таблицѣ XXXII его сочиненія, весьма различны между собою; но различіе это касается лишь числа черныхъ пятенъ и общей формы тѣла, которое у каспійской селедки изображено очень короткимъ и съ весьма выпуклымъ дугообразно выдающимся, очертаніемъ брюха. Относительно числа пятенъ замѣчу, что и между черноморскими сельдями попадались мнѣ нерѣдко экземпляры съ большимъ числомъ ихъ, и наоборотъ между каспійскими такіе, у которыхъ ихъ было немного, и онѣ были трудно отличимы. Короткая же форма каспійской сельди и сравнительно большая величина головы зависятъ отъ того, что оригиналомъ рисунку служилъ молодой экземпляръ, подобныхъ которому можно во множествѣ встрѣтить и между керченскими сельдями, именно при началѣ лова, въ концѣ сентября и началѣ октября. Выпуклое очертаніе брюха этихъ селедокъ заставило даже дать имъ названіе пузанковъ. Съ другой стороны, большинство каспійскихъ сельдей во время ихъ лова въ Волгѣ имѣетъ такую же удлиненную форму тѣла, какая на рисункѣ г. Эйхвальда, присвоена черноморскимъ сельдямъ.

Такимъ образомъ я полагаю, что каспійская и черноморская или азовская сельдь составляютъ одну породу, одинъ зоологическій видъ, по совокупности своихъ признаковъ гораздо ближе подходящій

къ западноевропейскимъ алозамъ, живущимъ между прочимъ и въ Средиземномъ морѣ, чѣмъ къ настоящимъ сельдямъ, обитающимъ лишь въ Сѣверномъ и Атлантическомъ океанѣ.

Обращаюсь теперь къ изложенію образа жизни азовской и черноморской сельди, т. е. ея переходовъ изъ однаго моря въ другое и изъ морей въ рѣки, — переходовъ, на которыхъ основаны различные ловы ея въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи, какъ сейчасъ увидимъ, замѣчаются нѣкоторыя различія между сельдями понтійскою съ одной стороны и каспійскою съ другой; но и эти различія—чисто внѣшнія и случайныя, зависящія единственно отъ топографическихъ условій обоихъ бассейновъ.

Начнемъ съ осени, какъ такого времени года, когда производится самый знаменитый сельдяной ловъ здѣшней мѣстности.

Въ первой трети сентября начинаетъ появляться сельдь въ Керченскомъ проливѣ, сначала у Азовскаго входа въ него, повыше Еникале, преимущественно у Опасной косы, верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ этого города, а уже послѣ южнѣе Керчи въ Камышъ-Бурунской бухтѣ и въ урочищѣ Эльтыгенѣ. Первая сельдь извѣстна подъ именемъ снѣтковой, потому что гоняется за стаями снѣтковъ, подъ которыми здѣсь разумѣютъ небольшую морскую рыбу Atherina hepsetus, а также хамсу, т. е. анчоусовъ. Снѣтковая сельдь меньше ростомъ, очень жирна, вкусна и такъ нѣжна, что дурно сохраняется въ соли, конечно при здѣшнемъ небрежномъ способѣ соленія. Этому, кромѣ нѣжности рыбы, содѣйствуетъ безъ сомнѣнія и господствующая здѣсь еще, въ началѣ осени, теплая погода. Въ 1863 году было поймано снѣтковой сельди до полумилліона штукъ. Съ половины октября начинаетъ появляться сортъ сельди, называемый пузанкомъ, который, будучи крупнѣе снѣтковой, однако не достигаетъ еще величины мѣрной селедки. Рыбаки обыкновенно считаютъ пузанка за особую породу, и на первый взглядъ мнѣніе ихъ можетъ показаться основательнымъ, потому что наружнымъ очертаніемъ пузанокъ значительно отличается отъ формы мѣрной сельди, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ оба рисунка XXXII таблицы въ сочиніи г. Эйхвальда «Fauna caspiocaucasia», изъ которыхъ № 1, названный каспійскою сельдью, есть ничто иное какъ пузанокъ. Но это рѣзкое, на первый взглядъ, различіе зависитъ лишь отъ большей ширины (вышины) тѣла, сравнительно съ его длиною, отъ выпуклости очертанія брюха и отъ сравнительно большей головы. Но все это не болѣе какъ временныя отличія, сглаживающіяся по мѣрѣ удлиненія рыбы. По этому между пузанками и настоящею сельдью существуетъ рядъ постепенныхъ переходовъ.

Пузанокъ столь же жиренъ, вкусенъ и нѣженъ, какъ и снѣтковая сельдь, и въ свѣжепросольномъ видѣ составляетъ деликатное кушанье. Онъ лучше сохраняется въ соли,—безъ сомнѣнія, по причинѣ болѣе поздняго времени лова. Ежели бы пузанка вычищать, солить и укладывать въ боченки съ голландскою тщательностью, то я ни мало не сомнѣваюсь, что онъ могъ бы соперничать съ лучшими голландскими сельдями.

Исключительный ходъ пузанка длится не долго, скоро появляется и крупная сельдь, которая и идетъ до тѣхъ поръ, пока начнетъ показываться тонкій ледъ, называемый шерохомъ, т. е. болѣе или менѣе густая масса несмерзшихся еще ледяныхъ кристаловъ. Послѣ этого въ сѣверной части пролива сельдь проподаетъ, но въ Камышъ-Бурунской бухтѣ, гдѣ вода солонѣе и слѣдовательно позднѣе замерзаетъ, а въ иные годы и вовсе льда не показывается, сельдь держится долѣе—иногда въ продолженіи всей зимы. Должно замѣтить, что сельдь какъ бы неохотно оставляетъ Азовское море, потому что

стаи ея не проходятъ черезъ проливъ, съ тѣмъ только чтобы подвигаться далѣе, а остаются долгое время по близости его, и часто возвращаются въ него обратно, такъ что наиболѣе изобильные уловы, по замѣчаніямъ камышъ-бурунскихъ рыбаковъ, бываютъ именно во время этихъ обратныхъ ходовъ ея, когда послѣ продолжительныхъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, начинаютъ дуть нагонные южные и югозападные вѣтра, временно пересиливающіе постоянное теченіе, направленное изъ Азовскаго моря въ Черное. Въ этихъ случаяхъ сельдь какъ бы пользуется возможностью возвратиться въ Азовское море, при посредствѣ теплаго и соленаго теченія, прогоняющаго ледъ. Это продолжительное пребываніе сельдей въ части Чернаго моря, прилежащей къ устью Керченскаго пролива, послужило даже основаніемъ къ мнѣнію, весьма распространенному между керченскими сельдными промышленниками, малознакомыми съ появленіемъ сельдей въ огромныхъ массахъ по заливамъ и бухтамъ кавказскаго прибрежья, что сельдь вообще держится въ продолженіи зимы у входа въ Азовское море, и только, такъ сказать, случайно, небольшими косяками идетъ далѣе на югъ. Это подтверждаютъ они тѣмъ, что со вскрытіемъ льда сельдь тотчасъ же возвращается въ Азовское море. Мнѣніе это не основательно и составляетъ преувеличеніе, справедливаго впрочемъ и вѣрно подмѣченнаго, факта.

Выходящая изъ Азовскаго моря сельдь, съ замерзаніемъ его, частью направляется къ западу вдоль крымскаго берега до Ѳеодосіи, но далѣе Ѳеодоссійскаго залива въ этомъ направленіи не идетъ такъ что на южномъ берегу Крыма она уже совершенно неизвѣстна. Въ Ѳеодосіи ловъ начинается около половины ноября и продолжается всю зиму. Большая часть сельдей направляется однако къ юговостоку и идетъ вдоль кавказскихъ береговъ, заходя въ Анапѣ, въ бухты новороссійскую, пицундскую, болѣе же всего въ сухумскую. Въ довольно значительномъ количествѣ заходитъ она еще далѣе на югъ до Батума, посѣщая тамошнюю бухту; но вдоль малоазіятскаго берега сельди идетъ уже мало и лишь въ небольшомъ количествѣ доходитъ она иногда до Трапезунда, за которымъ она уже по анатолійскому берегу неизвѣстна. Въ сухумской бухтѣ начинаютъ появляться сельди съ половины декабря, но въ небольшемъ еще количествѣ, главный же ловъ происходитъ въ январѣ и февралѣ. Сельди появляются внезапно, большими стаями, между появленіемъ которыхъ бываетъ обыкновенно промежутокъ отъ одной до двухъ недѣль. Въ мартѣ сельди уже совершенно и разомъ исчезаютъ изъ Сухума. Тоже самое должно замѣтить и о прочихъ бухтахъ кавказскаго берега и о Батумѣ, съ тою лишь разницею, что чѣмъ сѣвернѣе мѣстность, тѣмъ ранѣе появляются въ ней сельди.

Въ мартѣ начинаетъ возвращаться сельдь въ Азовское море. Въ это время бываетъ она чрезвычайно худа. Худобу эту приписываютъ недостатку корма въ Черномъ морѣ, что отчасти и справедливо, ибо, какъ объ этомъ подробнѣе будетъ сказать въ своемъ мѣстѣ, въ тѣ годы, когда не бываетъ хамсы, въ немъ немного пищи для рыбы, за исключеніемъ той, которая подобно камбалѣ, держится у самаго дна и питается живущими на днѣ червями и вообще мелкими морскими животными. Однако же эта голодность Чернаго моря не только не единственная, но даже и не главная причина исхудалости возвращающихся весною сельдей, ибо въ тѣ годы, когда ловъ ихъ продолжается всю зиму въ Камышъ-Бурунѣ и Эльтыгенѣ, эта, остающаяся на мѣстѣ, рыба также начинаетъ замѣтно худѣть въ январѣ, а особливо къ февралю мѣсяцу, — безъ сомнѣнія потому, что, подобно всѣмъ рыбамъ, и сельдь, передъ, приближеніемъ времени метанія икры, меньше начинаетъ ѣсть. Такъ и въ Норвегіи весенняя сельдь ловимая во время приближенія ея къ берегамъ для метанія икры, значительно худѣе осенней.

Весенняя сельдь быстро проходитъ черезъ Керченскій проливъ, мало тамъ ловится и уходитъ въ

Азовское море. Внутри Азовскаго моря рыболовство не производится и потому нельзя сказать, какъ быстро продолжаетъ она путь свой къ Таганрогскому заливу и къ Дону, гдѣ мечетъ икру. Въ Кубань со всѣми его развѣтвленiями сельдь не заходитъ вовсе. Вдоль Арабатской косы также не ловится она въ весеннее время. Но уже со второй половины марта и въ большемъ количествѣ съ апрѣля начинаетъ она ловиться у Долгой косы и далѣе по лиманамъ и косамъ Таганрогскаго залива, слѣдуя тому же порядку, какъ при проходѣ черезъ Керченскiй проливъ, т. е. сначала идетъ мелкая (молодая), а потомъ болѣе крупная сельдь. У устьевъ Дона показывается сельдь не ранѣе мая и ловится здѣсь не долѣе мѣсяца. Въ Донъ поднимается она преимущественно по слабо текущему сѣверному рукаву, извѣстному подъ именемъ Мертваго Донца, гдѣ главный ловъ ея происходитъ по окончанiи весенняго хода прочей бѣлой рыбы.

Сельдь мечетъ икру не только въ Дону, но и по лиманамъ и вдающимся въ косы мелкимъ бухтамъ всего Таганрогскаго залива, какъ я имѣлъ случай убѣдиться на косѣ Кривой, гдѣ въ небольшихъ лиманчикахъ находилъ, въ началѣ iюля, во множествѣ небольшихъ селедочекъ не болѣе $^1/_3$ вершка въ длину. При этомъ надо замѣтить, что наиболѣе крупная сельдь мало входитъ въ Донъ а мечетъ икру въ почти прѣсной водѣ Таганрогскаго залива, что совершенно сообразно, какъ съ замѣчанiемъ, сдѣланнымъ г. академикомъ Бэромъ, что и въ Волгѣ бѣшенка поднимается по рукавамъ имѣющимъ болѣе слабое теченiе, такъ и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ Дону избираетъ она для своего хода преимущественно слабо текущiй Мертвый Донецъ. Изъ этого можно заключить, что рыба эта для метанiя икры нуждается болѣе въ прѣсной, чѣмъ въ текущей водѣ.

На Дону отличаютъ по величинѣ четыре разряда сельдей: пластунецъ, 1000 штукъ котораго вѣсятъ отъ 20 до 25 фунтовъ въ соленомъ видѣ; пузанокъ вѣсящiй отъ $1^1/_2$ до 2 пудовъ, тачковая сельдь до $3^1/_2$ пудовъ и мѣрная отъ 5 до 6 пудовъ. Кромѣ этого попадается еще буркунецъ и бѣшакъ, не уступающiй въ величинѣ крупной керченской сельди; но онъ мало идетъ въ Донъ, хотя и несправедливо показанiе нѣкоторыхъ рыбаковъ, что его вовсе нѣтъ въ Дону. Рѣдкость крупной сельди въ Дону зависитъ, какъ оттого, что она мечетъ икру, не доходя до него, такъ и потому, что вообще ея много вылавливается во время двукратнаго ея прохода черезъ проливъ и по бухтамъ Чернаго моря, такъ что ихъ должно мало возвращаться въ прилегающую къ Дону мѣстность. Крупный сортъ донскихъ сельдей— такъ называемая мѣрная, вѣсящая до 5 пудовъ въ тысячѣ—успѣваетъ вѣроятно выростать и отъѣдаться къ осени до величины мѣрной керченской сельди, которая кругомъ вѣситъ болѣе 7 пудовъ въ тысячѣ, что даетъ менѣе 8 золотниковъ прироста на каждую рыбу. Болѣе крупныя сельди, вѣсящiя до 9 и 10 пудовъ въ соленомъ видѣ, извѣстныя подъ именемъ залома,—и въ Керчи не часто попадаются. Самая возможность распредѣлять въ торговлѣ донскiя сельдина 4 или даже на 5 разрядовъ, которые не соединены между собою постепенными переходами, указываетъ уже на то, что каждый изъ этихъ разрядовъ состоитъ изъ погодковъ. Мы видѣли, что сельдяные мальки, найденные на Кривой косѣ въ началѣ iюля и безъ сомнѣнiя выведшiеся полтора или много что два мѣсяца тому назадъ, имѣли около $^1/_3$ вершка въ длину. Такихъ рыбокъ по анологiи съ кубенскимъ сущемъ (см. VI т. «Изслѣд.» стр. 81) должно приходится около 400 на фунтъ. При быстромъ ростѣ рыбы вообще, и въ особенности молодой, весьма вѣроятно, что къ будущей веснѣ она выростаетъ до величины пластунца, коихъ приходится около 50 штукъ на фунтъ, слѣдовательно увеличивается въ 8 разъ. Принявъ пластунца за однолѣтковъ, донской пузанокъ (котораго не должно смѣшивать съ керченскимъ) будетъ двухлѣткомъ,

т. е. онъ увеличился на второй годъ — втрое или вчетверо. Отъѣвшись и набравшись жира, этотъ пузанокъ составляетъ вѣроятно къ осени тотъ сортъ, который извѣстенъ въ керченскомъ ловѣ подъ именемъ снѣтковой сельди. Трехлѣтки составляютъ донскую тачковую сельдь, выросшую изъ пузанковъ при среднемъ увеличенiи въ два раза. Она обращается къ осени въ керченскаго пузанка, который къ веснѣ, ставъ четырехлѣткомъ, получаетъ на Дону названiе мѣрной сельди. Увеличившаяся въ теченiе четвертаго года въ полтора раза мѣрная донская сельдь становится къ осени мѣрною керченскою сельдью, сравнительно небольшое число которой, избѣжавъ направленнаго преимущественно противъ нея лова, становится на Дону и въ Таганрогскомъ заливѣ буркунцомъ или бѣшакомъ, а по возвращенiи въ проливъ получаетъ названiе залома. Все это конечно только предположенiе. Но положительные опыты, по самой сущности дѣла, тутъ рѣшительно невозможны, изложенное предположенiе совершенно удовлетворительно объясняетъ тѣ различiя, которыя замѣчаются въ величинѣ донскихъ и керченскихъ сельдей, и совершенно сообразно съ ходомъ, которому слѣдуетъ ростъ рыбъ.

Перiодическое весеннее движенiе сельдей въ Таганрогскiй заливъ и въ Донъ на прѣсную воду, для метанiя икры, понятно само по себѣ, или точнѣе сказать, подходя подъ одну категорiю со множествомъ подобныхъ явленiй, издавна извѣстныхъ въ жизни многихъ рыбъ, не удивляетъ насъ, и потому кажется понятнымъ. Но что же заставляетъ сельдь какъ бы нехотя покидать Азовское море, входить въ Черное, доходить до юговосточнаго угла его и опять возвращаться къ началу весны въ Керченскiй проливъ? Причиною этого выселенiя сельдей изъ Азовскаго моря не можетъ быть метанiе икры, ибо мы видѣли, что для этого идетъ она въ Донъ и Таганрогскiй заливъ, да и вообще неизвѣстно примѣра, за единственнымъ исключенiемъ угря, чтобы рыба шла для своего размноженiя изъ воды болѣе прѣсной въ болѣе соленую. Къ тому же во время осенняго керченскаго лова яичники сельдей совершенно пусты, и въ нихъ на простой глазъ незамѣтно даже зародышей икрянокъ; во время зимняго лова въ Сухумѣ, тамошними промышленниками также замѣчено, что сельдь никогда не имѣетъ ни икры, ни молокъ, да и въ мартѣ, при обратномъ проходѣ рыбы черезъ Керченскiй проливъ въ Азовское море, икра у ней еще не вполнѣ развита. Керченскiе рыбаки полагаютъ, что сельдь боится льда и, избѣгая его, уходитъ на болѣе соленую, немерзнущую воду Чернаго моря. Эту боязнь сельдей встрѣтиться со льдомъ подтверждаютъ они общеизвѣстнымъ керченскимъ промышленникамъ примѣромъ, что когда однажды (года, какъ обыкновенно, рыбаки не могли мнѣ въ точности указать) шерехъ внезапно появился у Камышъ-Буруна, гдѣ тогда было много сельдей, то вся стая ихъ бросилась къ берегу, такъ что до 2,000,000 штукъ осталось на суши. Рыбаки опасались брать ихъ и солить, думая, что на рыбу напала какая нибудь повальная болѣзнь. Принимая во вниманiе какъ этотъ разсказъ, въ справедливости котораго не имѣю ни малѣйшей причины сомнѣваться, а также: постепенный переходъ сельди изъ Еникале къ Камышъ-Буруну, по мѣрѣ замерзанiя Азовскаго моря, продолжающiйся всю зиму ловъ сельдей въ Камышъ - Бурунской бухтѣ въ теплыя зимы, болѣе сильный ловъ сельдей въ Ѳеодосiи и въ Сухумѣ въ холодныя зимы, — я полагаю, что вообще объясненiе рыбаковъ совершенно основательно, но, что для полноты его, къ нему надо прибавить еще нѣкоторыя черты. Именно проходъ сельдей черезъ Керченскiй проливъ начинается еще до половины сентября; слѣдовательно, причина, побуждающая ихъ покидать Азовское море, не можетъ въ это время года заключаться въ стремленiи избѣжать льда, а по всей вѣроятности должна быть приписана вообще охлажденiю воды, которое для Азовскаго моря должно наступать гораздо ранѣе, чѣмъ для Чернаго,

не только по его болѣе сѣверному положенію, но и по малой глубинѣ. Это же болѣе раннее охлажденіе Азовскаго моря должно оказывать свое дѣйствіе и на другія породы морскихъ рыбъ, заходящихъ въ Азовское море изъ Чернаго, а въ томъ числѣ и на такъ называемыхъ снѣтковъ, за которыми сельдь гоняется. Поэтому охлажденіе Азовскаго моря не только заставляетъ сельдей искать воды съ болѣе высокою температурою, но дѣйствуетъ на нихъ еще и посредственно, лишая ихъ пищи и принуждая гнаться за нею въ Черное море. Что въ температурѣ воды заключается та главная причина, которая обусловливаетъ собою переселеніе сельдей, подверждается еще, какъ кажется мнѣ, тѣмъ, что рыба, войдя въ Черное море, не расходится по всему пространству его, а плыветъ почти прямо на югъ и, дойдя до Батума, далѣе на западъ не идетъ. Сельдь какъ бы стремится достигнуть наивозможно кратчайшимъ путемъ мѣста съ болѣе высокою температурою воды. Обратное передвиженіе сельди въ Азовское море подходитъ уже подъ общее правило, по которому большая часть рыбъ, мечущихъ икру въ рѣкахъ, идутъ, при наступленіи этого времени года, на прѣсную воду.

Сравнивая годичный кругъ эмиграцій понтійской сельди съ тѣмъ, что извѣстно объ этомъ предметѣ относительно астраханской бѣшенки, мы встрѣчаемъ, по видимому, значительныя отличія въ образѣ жизни этихъ рыбъ, какъ будто подтверждающія устанавливаемое между ними, нѣкоторыми зоологами, видовое различіе. Въ самомъ дѣлѣ бѣшенка появляется въ первой трети апрѣля близь устьевъ Волги, поднимается по этой рѣкѣ да Самары и выше и, выметавъ икру, возвращается, или лучше сказать сносится теченіемъ назадъ въ море, гдѣ исчезаетъ до будущей весны, не составляя нигдѣ предмета лова въ послѣднюю половину лѣта, осенью и зимою; напротивъ, главнѣйшій ловъ понтійской сельди бываетъ не весною и не въ Дону, а осенью и у морскихъ береговъ. Какъ ни значительно это различіе, на первый взглядъ, оно однако вполнѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что сѣверная часть Каспійскаго моря, которая, и по своей глубинѣ, и по малосолености воды, находится въ совершенно такомъ же отношеніи къ остальному пространству Каспійскаго моря, какъ Азовское къ Черному, не раздѣляется однако же отъ него сужденіемъ подобнымъ Керченскому проливу, а, напротивъ того, незамѣтно въ него переходитъ всею своею шириною. Бѣшенка, выйдя изъ Волги, разсѣевается по обширному пространству сѣверной трети Каспійскаго бассейна, гдѣ въ лѣтнее время также точно не составляетъ предмета лова и остается незамѣченною какъ и керченская, или вообще понтійская сельдь въ Азовскомъ морѣ, послѣ ея выхода изъ Дона и Таганрогскаго залива. Но эта послѣдняя, побуждаемая холодомъ и замерзаніемъ Азовскаго моря, для перехода въ болѣе теплое Черное море, должна пройти сквозь узкія дефилеи Керченскаго пролива, гдѣ по необходимости скучивается и тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе прибрежныхъ жителей и вызываетъ ихъ на ловъ. Напротивъ того, переходъ каспійской сельди изъ холодной, замерзающей, почти прѣсной и мелкой части моря — въ болѣе теплую, соленую и глубокую можетъ происходить постепенно и незамѣтно во всю ширину моря безъ всякаго, обращающаго на себя вниманія промышленниковъ, скученія въ густыя стаи или косяки. Хотя въ южной части Каспійскаго моря и не производится никакого лова сельдей, но указаніе г. Эйхвальда, что каспійская сельдь водится преимущественно въ южной части моря, хотя и ошибочное, можетъ однакоже служить доказательствомъ, что рыба эта встрѣчается тамъ по временамъ въ довольно значительныхъ количествахъ. И такъ все различіе въ образѣ жизни каспійской и черноморской сельди и въ характерѣ основанныхъ на немъ рыбныхъ промысловъ сводится единственно къ различію въ очертаніи береговъ бассейновъ Каспійскаго и восточной части Черноморско-Азовскаго.

Но и это различіе сглаживается, если перейдемъ къ западной части Чернаго моря. Здѣсь сѣверный уголъ его, принимающій въ себя на небольшомъ пространствѣ четыре большихъ рѣки: Дунай, Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ, свойствами своими нѣсколько уподобляется сѣверной части Каспійскаго моря и морю Азовскому. Море здѣсь мельче, вода прѣснѣе и мутнѣе, и зимою эта часть моря почти всегда замерзаетъ на значительное отъ берега разстояніе. Во всѣ три названныя рѣки идетъ весною сельдь, но, возвратясь изъ нихъ въ море, она здѣсь также точно разсѣевается и не составляетъ предмета лова лѣтомъ и осенью, какъ и въ Каспійскомъ морѣ; но на зиму удаляются сельди и изъ западной части моря въ болѣе теплые края и въ февралѣ и мартѣ ловятся въ довольномъ нзначительномъ количествѣ въ Босфорѣ и прилежащей къ нему части Мраморнаго моря, вовсе не встрѣчаясь въ нихъ въ прочія времена года, точно также, какъ въ Сухумѣ и въ Батумѣ.

Сходство въ ежегодныхъ эмиграціяхъ каспійской и черноморской сельди не ограничивается этимъ, а распространяется еще и на рѣки, въ которыя эта рыба поднимается для метанія икры. Въ обоихъ моряхъ идетъ сельдь только въ сѣверные ихъ притоки: въ Каспійскомъ морѣ въ Волгу, а въ Черномъ и Азовскомъ въ Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ и Дунай, совершенно избѣгая южныхъ притоковъ этихъ морей: Сифидрудъ, Куру, Терекъ, Ріонъ и Кубань, хотя эти рѣки лежатъ на пути ея изъ южныхъ частей обоихъ морей въ сѣвернѣйшіе ихъ протоки. Чтобы найти объясненіе этому явленію, намъ ничего не остается какъ сравнить между собою свойства тѣхъ рѣкъ, которыхъ сельдь избѣгаетъ, съ тѣми, въ которыя она поднимается, и если въ одномъ изъ этихъ разрядовъ рѣки найдутся общія свойства, не встрѣчающіяся въ другомъ, то можно, съ большею вѣроятностью, принять, что въ этихъ отличительныхъ свойствахъ и заключается именно та причина, которая привлекаетъ или отгоняетъ стаи сельдей. Такое сравненіе покажетъ намъ, что Сифидрудъ, Кура, Ріонъ и Кубань, въ которыя сельдь не идетъ, имѣютъ то общее свойство, что у самаго впаденія сохраняютъ еще значительную быстроту, чего не представляютъ ни Волга, ни Донъ, ни Днѣпръ, ни Днѣстръ, ни Дунай, а мы видѣли выше, что даже въ медленно текущихъ Волгѣ и Донѣ сельдь избираетъ рукава съ наименьшимъ стремленіемъ воды. Слѣдовательно, въ быстротѣ большей части южныхъ притоковъ морей Каспійскаго и Чернаго, мы находимъ достаточную причину, препятствующую сельдямъ входить въ эти рѣки. Однако причина эта не единственная. Терекъ, по крайней мѣрѣ, сѣверный рукавъ его, протекающій черезъ Черный-Рынокъ, имѣетъ теченіе довольно медленное, но зато онъ, подобно прочимъ южнымъ притокамъ обоихъ морей, имѣетъ чрезвычайно мутную воду, тогда какъ вода сѣверныхъ притоковъ несравненно чище даже во время половодья. Весьма вѣроятно, что эта мутность воды также препятствуетъ входу сельдей.

Но сельдь не идетъ также въ Уралъ, который по сѣверному положенію и по своей умѣренной быстротѣ и по степени мутности воды совершенно сходенъ съ Волгою и съ сѣверными притоками Азовскаго и Чернаго морей. Для объясненія отсутствія сельдей въ Уралѣ, кажется мнѣ, нужно принять во вниманіе слѣдующія два обстоятельства:

1) Переходъ изъ соленой воды моря — въ прѣсную воду Волги, Дона, Днѣпра, Днѣстра совершенно постепененъ. Этимъ посредствующимъ звеномъ служитъ, для Волги, обширное пространство верстъ 300 въ ширину и по крайней мѣрѣ на 100 въ длину, которое занято почти совершенно прѣсною водою. Такъ какъ на такомъ разстояніи и при такомъ обширномъ разливѣ, волжское теченіе становится вовсе нечувствительнымъ, то и смѣшеніе этой прѣсной воды съ соленою совершенно постепенно, не представляетъ рѣзкой грани между морскою и рѣчною водою, ясно видимой для глаза, какъ

при впаденіи большей части другихъ рѣкъ. Керченскій проливъ, Азовское море и Таганрогскій заливъ представляютъ еще болѣе постепенный переходъ между соленою морскою и прѣсною рѣчною водою, чѣмъ при устьяхъ Волги. Наконецъ, упомянутый мною болѣе прѣсный сѣверозападный уголъ Чернаго моря играетъ ту же роль по отношенію къ Днѣпру, Бугу, Днѣстру и Дунаю. Напротивъ того, какъ для южныхъ притоковъ, разсматриваемыхъ нами морей, такъ и для Урала такой постепенности не существуетъ и весьма возможно, что быстрая перемѣна въ свойствахъ воды отпугиваетъ сельдь. Хотя я и не могу прямо утверждать, чтобы быстрый переходъ отъ соленой воды въ прѣсную, и наоборотъ, былъ вреденъ именно для сельдей, но для нѣкоторыхъ другихъ рыбъ вредное вліяніе было неоднократно наблюдаемо. Именно рыбаки изъ Анапы сказывали мнѣ, что изъ протекающей тамъ рѣки заплываютъ иногда сазаны въ море. Отъ дѣйствія непривычной имъ соленой воды глаза у нихъ мутятся и они слѣпнутъ. У крымскихъ береговъ случилось поймать большаго судака, который былъ доставленъ мнѣ еще живымъ. Глаза его были совершенно мутны, и такъ какъ это былъ единственный признакъ, отличавшій его отъ обыкновеннаго рѣчнаго судака, то я полагаю, что съ нимъ случилось тоже, что и съ анапскими сазанами (*).

2) Рыбѣ, идущей изъ южной части Каспійскаго моря, почти невозможно попасть въ Уралъ, не заплывъ во вдающійся далеко въ море прѣсноводный разливъ Волги; почувствовавъ же прѣсную воду, она должна слѣдовать тому направленію, въ которомъ эта прѣсность увеличивается, ибо инстинктъ гонитъ ее въ рѣку; такой рыбѣ поэтому весьма трудно попасть въ Уралъ подъ вліяніемъ привлекающей ее волжской воды. Только той рыбѣ удобно попадать въ Уралъ, которая живетъ въ восточномъ заливѣ Каспійскаго моря, съ юга ограничиваемомъ Мангишлакскимъ полуостровомъ; но это пространство почти все замерзаетъ, и слѣдовательно сельдь на зиму въ немъ оставаться не можетъ.

Если не каждая въ отдѣльности, то совокупность изложенныхъ здѣсь причинъ: быстрота и мутность южныхъ притоковъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, рѣзкость перехода отъ соленой къ прѣсной водѣ, какъ въ этихъ притокахъ, такъ и въ Уралѣ, и наконецъ топографическое положеніе той части моря, въ которую впадаетъ Уралъ, объясняютъ, кажется мнѣ, довольно удовлетворительно, почему каспійская и черноморская сельдь идетъ только въ Волгу, Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ и Дунай, а не въ прочіе притоки нашихъ двухъ южныхъ морей.

Обращаюсь теперь къ описанію тѣхъ промысловъ, предметомъ которыхъ служитъ азовская и черноморская сельдь. Начинаю съ важнѣйшаго изъ нихъ, производящагося осенью въ Керченскомъ проливѣ.

Уже въ отчетѣ объ азовскомъ морскомъ рыболовствѣ я въ подробности указалъ на тѣ стѣсненія, которыя терпятъ промышленники со стороны береговыхъ владѣльцевъ Камышъ-Буруна и Эльтыгена и на принадлежащей городу Керчи мѣстности у Еникале, и потому къ этому предмету здѣсь возвращаться не буду.

Почти исключительное орудіе здѣшняго лова составляетъ неводъ. Только у самой крѣпости Еникале ловятъ и ставными сѣтьми, связанными изъ очень тонкой пряжи, съ камнями на нижней подборѣ и съ балберами на верхней. Въ такую сѣтку, имѣющую не болѣе 3 аршинъ въ вышину съ ячеями

(*) По моему мнѣнію, весьма вѣроятно, что морской судакъ (Lucioperca marina) есть дѣйствительно ничто иное, какъ обыкновенный судакъ, зашедшій изъ рѣкъ и лимановъ въ соленую морскую воду, какъ, по словамъ Палласа, это утверждаютъ рыбаки.

въ 1 вершокъ въ сторонѣ отъ узла до узла, попадаетъ отъ 200 до 300 штукъ сельдей. Ловящіе этими сѣтками, какъ не пользующіеся берегомъ, ничего не платятъ въ керченскую думу, и если бы этотъ ловъ распространился, то они могли бы сдѣлаться совершенно независимыми отъ береговыхъ владѣльцевъ. Въ Норвегіи ловъ сельдей ставными сѣтьми въ послѣднее время значительно превзошелъ неводной ловъ, не смотря на громадныя количества рыбы, затягиваемыя тамъ иногда въ одинъ неводъ. Такая выгодность сѣтнаго лова въ Норвегіи основана на томъ, что захожденіе сельдей въ бухты, входъ въ которыя можно запереть, составляетъ тамъ явленіе, котораго приходится иногда по долгу ждать, тогда какъ ловъ сѣтьми постоянный, и поэтому, хотя отдѣльные заловы ими и далеко не представляютъ такихъ блестящихъ результатовъ, какъ отдѣльные заловы неводами, однако же въ общей сложности — сѣти получаютъ безспорное преимущество. Но мѣстность Керченскаго пролива и порядокъ хода сельдей, тѣснящихся всегда къ крымскому берегу, обезпечиваютъ здѣсь постоянство неводныхъ залововъ, такъ что неводъ всегда сохранитъ здѣсь преимущество передъ ставною сѣтью, имѣющею на своей сторонѣ лишь одну дешевизну первоначальнаго устройства.

Сельдяные невода имѣютъ отъ 120 до 500 саженъ въ длину и отъ $5^1/_2$ до 6 въ ширину или въ вышину. Въ Камышъ-Бурунѣ есть невода, доходящіе до 650 саж. въ длину, и меньшіе чѣмъ въ 500 саженъ не употребляются. На верхнюю подбору надѣты поддерживающія неводъ балберки, а на нижней или вовсе нѣтъ грузилъ, или только рѣдкія свинцовыя таши. Къ каждому крылу привязываютъ посредствомъ клячей, т. е. распорныхъ кольевъ, длинныя веревки, связанныя изъ частей, называемыхъ концами, по 75 саж. каждый. Конецъ въ концу привязывается петлею, такъ что каждый изъ нихъ легко отвязать по минованіи въ немъ надобности. Такихъ концовъ навязываютъ, смотря по величинѣ невода, къ пятному крылу (остающемуся на берегу) по 2, по 3 и по 4, а къ бѣжному не менѣе 9 и до 12. Другихъ особенностей сельдяной неводъ не имѣетъ. У каждаго невода артель рабочихъ состоитъ отъ 10 до 25 человѣкъ и находится подъ начальствомъ такъ называемаго атамана. Высыпаетъ, т. е. выметываетъ, неводъ всегда самъ атаманъ, который невода самъ не тянетъ, а только наблюдаетъ за правильностью производства тяги, требующей особой снаровки и разныхъ предосторожностей, которыя будутъ въ подробности изложены въ техническомъ отчетѣ объ азовскомъ и черноморскомъ рыболовствѣ. Неводные заловы простираются до 300,000 штукъ сельдей, что случалось, впрочемъ, только въ Камышъ-Бурунѣ, гдѣ въ такомъ случаѣ выборка сельдей изъ невода продолжалась отъ утренней зари почти въ теченіе цѣлаго дня. Но такіе заловы рѣдкость, и при посѣщеніяхъ керченскаго лова членами экспедиціи ни разу не случалось, чтобы затянули болѣе 400,000 штукъ за одинъ разъ. Такъ какъ сельдь идетъ густыми стаями, то въ неводъ рѣдко попадаютъ вмѣстѣ съ нею и другія рыбы, но иногда залавливаютъ и красную рыбу, бычковъ, а особливо тарань и рыбцовъ. Каждый неводъ долженъ имѣть достаточное пространство для тяги, которое при длинныхъ неводахъ и значительномъ числѣ привязанныхъ къ нимъ концовъ, должно быть довольно значительно, и море передъ нимъ должно быть очищено отъ всего могущаго препятствовать ходу невода. Такія удобныя для тяги мѣста называются салами. У Еникале, гдѣ много желающихъ ловить, такихъ саловъ болѣе двадцати. Когда соберется много неводныхъ артелей, то происходитъ тѣснота; сосѣдніе невода не соблюдаютъ очереди и закидываются внутрь другаго невода, т. е. въ то пространство моря, которое онъ долженъ захватывать при высыпкѣ и тягѣ, что конечно подаетъ поводъ къ безпорядкамъ, ссорамъ и дракамъ. Въ Камышъ-Бурунѣ, гдѣ теперь откупщики не дозволяютъ ловить изъ-за уплаты частью залова, очищено всего че-

тыре невода, что считается достаточнымъ для здѣшняго лова, ибо полагаютъ, что къ тому только времени, когда выберутъ изъ невода рыбу, успѣетъ на томъ же мѣстѣ собраться довольно рыбы для новой тяги. Впрочемъ если расчистить бухту отъ днищъ затонувшихъ въ ней въ разныя времена судовъ, то оказалось бы достаточно мѣста для гораздо большаго числа неводовъ.

Сельдяной ловъ всегда начинается у Еникале на Опасной косѣ и только позднею осенью переходитъ рыба въ Камышъ-Бурунъ, куда переходили бы и ловцы, если бы откупщики имъ въ томъ не препятствовали. Это обстоятельство составляетъ главный вредъ противузаконнаго присвоенія Камышъ-Бурунской бухты владѣтелями ея береговъ, ибо не только хозяева еникальскихъ неводовъ терпятъ убытки, не имѣя возможности слѣдить за передвиженіемъ рыбы, но и забродчики, приходящіе большею частью изъ малороссійскихъ губерній, собственно для производства сельдянаго рыболовства, остаются безъ заработковъ въ глухую осень и въ началѣ зимы, когда рыба оставляетъ часть пролива.

Устройство рыболовныхъ артелей и наемъ ихъ почти одинаковый съ существующими на этотъ предметъ обычаями и на прочихъ азовскихъ промыслахъ. Хозяинъ поставляетъ лодку и неводъ и старается пріискать опытнаго рыбака-атамана, которому могъ бы поручить управленіе всѣмъ ловомъ. Уже атаманъ подбираетъ рабочихъ въ артель и распоряжается всѣмъ ходомъ лова и посоломъ рыбы, даже въ присутствіи самаго хозяина. Обыкновенно доля забродчиковъ заключается въ половинѣ всего улова, которая раздѣляется на ровные паи между ними; атаманъ получаетъ одинаковый пай съ рабочими, но сверхъ сего получаетъ онъ такой же пай и изъ хозяйской половины; ежели же атаманъ очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ, такъ что хозяинъ принужденъ дорожить имъ, то получаетъ отъ него по два и даже по три такихъ пая. Шестая доля, идущая въ пользу откупщика, выдѣляется до раздѣла между хозяиномъ и работниками; расходы же на соль и харчи дѣлятся между ними попаламъ. На нѣкоторыхъ заводахъ нанимаютъ работниковъ за постоянную цѣну съ тысячи рыбы, именно на заводѣ г. Шмидта платили въ 1863 году по 4 р. 10 коп. за тысячу мѣрной сельди, имѣющей четыре вершка отъ глаза до начала хвостоваго плавника и по 2 р. за тысячу недомѣрка. Изъ этой приходящейся работникамъ платы вычитается уже только половина стоимости харчей. Въ Камышъ-Бурунѣ, гдѣ ловъ сосредоточенъ въ рукахъ одного хозяина, плата рабочимъ гораздо менѣе выгодна. Хотя и тутъ половина рыбы считается забродческою, но хозяинъ предоставляетъ себѣ исключительное право скупать эту половину, назначая за нее произвольную цѣну, именно по 4 и даже по 3 р. за тысячу мѣрной сельди, а за мелкую только по 1 р. 20 к., такъ что работники получаютъ слишкомъ въ половину менѣе, чѣмъ напр. у г. Шмидта въ Еникале. На такія условія работники идутъ конечно изъ нужды, и это обстоятельство составляетъ не маловажную долю того вреда, который причиняется керченской сельдяной промышленности противузаконнымъ присвоеніемъ береговыми владѣльцами исключительнаго права на морской ловъ. Какъ не велика доля, приходящаяся на каждаго работника за нѣсколько-мѣсячный тяжелый трудъ, можно видѣть изъ слѣдующаго расчета. Въ 1863 году было поймано въ Камышъ-Бурунѣ до декабря мѣсяца, послѣ чего въ холодную зиму этого года вся сельдь уже перешла въ Черное море, 900,000 мѣрной и 200,000 мелкой сельди, 450,000 мѣрной по 3 р. 50 к. и 100,000 мелкой по 1 р. 20 к. составятъ 1,675 руб.; такъ какъ работниковъ было до 100 человѣкъ, то на каждаго приходится менѣе чѣмъ по 17 р., изъ чего надо еще вычесть половину стоимости харчей, такъ что на работника придется не болѣе какъ по 3 или по 4 р. въ мѣсяцъ.

Въ Камышъ-Бурунѣ устроены какъ постоянныя жилища для забродчиковъ, такъ и строенія для

посола сельдей; но у Еникале, вдоль Опасной косы, строятся по большей части только временные шалаши для пристанища забродчиковъ во время лова, прикрытые камышемъ или землею, а иногда только старыми парусами. Каждая неводная артель имѣетъ свой шалашъ и къ каждому изъ нихъ придѣлана четырехъугольная загородка изъ камышу въ родѣ дворика, въ которомъ забродчики варятъ себѣ пищу. Постоянныхъ домовъ здѣсь только три, которые принадлежатъ бывшему откупщику Назарову и теперь имѣющему здѣсь свой неводъ. Для посола сельдей употребляютъ высокіе четвероугольные лари, представляющіе въ разрѣзѣ форму трапеціи. Въ большіе входитъ до 70,000 сельдей; небольшія же количества солятъ въ бочкахъ. Соленіе керченскихъ сельдей дѣлается безъ всякаго старанія, самымъ простымъ способомъ. Въ чаны или въ бочки наливаютъ тузлукъ, въ который и бросаютъ безъ всякаго порядка, не вычистивъ и не вынувъ изъ нихъ предварительно внутренностей, а только разсортировавъ по величинѣ на два разряда — мѣрныхъ и немѣрныхъ, причисляя къ этимъ послѣднимъ всѣхъ сельдей, неимѣющихъ четырехъ вершковъ отъ глаза до начала хвостоваго плавника. Самыхъ крупныхъ сельдей — залова, доходящихъ до шести вершковъ, по небольшому количеству ихъ, не отдѣляютъ отъ мѣрныхъ. Отъ времени до времени пересыпаютъ эти неправильные слои солью, полагая отъ $2^1/_2$ до 3 пудовъ соли на тысячу мѣрныхъ сельдей. Дорожа мѣстомъ, не даютъ рыбѣ достаточно просолѣть, и дней черезъ двѣнадцать уже вынимаютъ и наваливаютъ на покрытые рогожами воза, пріѣхавшихъ за сельдями, скупщиковъ. Такъ какъ большіе чаны рѣдко случается наполнить однодневнымъ уловомъ, то и въ одномъ чану находятся не въ одинаковой степени просолившіяся сельди. Въ возы укладываютъ ихъ рядами, брюшками къ верху, всегда въ одномъ и томъ же направленіи Но такъ какъ головы толще хвостовъ, то на хвосты каждаго слоя накладываютъ по одному поперечному ряду сельдей, чтобы сравнять вышину головъ. Каждый слой пересыпаютъ солью, чтобы сельди досолѣли дорогой.

Въ тузлукъ, изъ котораго вынули сельдей, сейчасъ же бросаютъ свѣжихъ, и только уже вынувъ изъ чана нѣсколько перемѣнъ сельдей, сливаютъ тузлукъ въ бочки, даютъ отстояться отъ песку и другихъ нечистотъ, послѣ чего опять вливаютъ его въ солила, придерживаясь, какъ и въ Астрахани, того мнѣнія, что будто бы старый тузлукъ крѣпче и что въ немъ сельди скорѣе просаливаются. Отчасти это и справедливо, потому что при укладкѣ въ него каждой перемѣны сельдей, пересыпаютъ ихъ новою солью, которая съ излишкомъ замѣщаетъ ту соль, которую эти сельди въ себя каждый разъ впитываютъ. Тѣмъ не менѣе неоднократное употребленіе стараго тузлука, насыщающагося кровяными и слизистыми частицами, не можетъ не имѣть дурнаго вліянія на качество сельдей.

Количество сельдей, накладываемое на тѣлегу, различно, какъ по величинѣ рыбы, такъ и по числу запряженныхъ лошадей. На одноконную телѣгу кладутъ не болѣе трехъ тысячъ штукъ, на тройку же обыкновенно 7,000 штукъ и 500 штукъ лишнихъ на растрату. Это составитъ съ небольшимъ 50 пудовъ на возъ; нѣкоторые же исправные извощики берутъ и до 70 пудовъ. Извощики, забирающіе сельдь, не нарочно пріѣзжаютъ за нею, а берутъ ее какъ обратную кладь на возвратномъ пути изъ Крыма, куда привозятъ разный товаръ. Обыкновенная цѣна съ пуда сельдей до Харькова составляетъ отъ 75 до 90 коп. Сельдь везется всегда по Арабатской косѣ, такъ какъ здѣсь не только ближе, но и дорога гораздо лучше, чѣмъ черезъ Перекопъ. Главный сбытъ сельдей — въ новороссійскихъ, малороссійскихъ, юго-западныхъ и отчасти въ курской и орловской губерніяхъ; и не смотря на плохое качество сельдей, сбытъ ихъ совершенно обезпеченъ, какъ можно заключить изъ возростающей на нихъ цѣны. Еще на памяти нынѣшнихъ промышленниковъ цѣлый одноконный возъ продавался по 7 и 8 р., нынче же

обыкновенная цѣна имъ отъ 17 до 18 р. за тысячу мѣрныхъ сельдей, такъ что въ какихъ нибудь двацать или двадцать пять лѣтъ, сельди вздорожали въ шесть разъ. За недомѣрокъ даютъ отъ 5 до 6 р. за тысячу.

Въ уловистые годы налавливаютъ въ Камышъ-Бурунѣ отъ пяти до семи милліоновъ штукъ, въ Еникале до 2,500,000 и въ Эльтыгенѣ до 500,000, и того отъ восьми до десяти милліоновъ штукъ. Въ Ѳеодосіи въ холодныя зимы также налавливаютъ до 1,500,000 штукъ, но уловистые годы въ проливѣ почти никогда не совпадаютъ съ таковыми же въ Ѳеодосіи, такъ что десять милліоновъ штукъ должно считать за высшій уловъ сельдей у береговъ Крыма, — уловъ, цѣнность котораго составитъ приблизительно отъ 100,000 до 150,000 р. Въ 1863 году при весьма посредственномъ уловѣ было наловлено въ первую, впрочемъ самую уловистую, половину лова до 1,200,000 штукъ въ Еникале, до 1,100,000 въ Камышъ Бурунѣ и до 300,000 въ Эльтыгенѣ; всего до 2,600,000 штукъ сельдей.

Дурное соленіе превосходныхъ, по своимъ природнымъ качествамъ, керченскихъ сельдей давно уже обращало на себя вниманіе правительства. Съ цѣлью ввести улучшенные способы соленія два раза были приглашаемы иностранные мастера. Именно въ 1833 году былъ приглашенъ голландецъ Вей, который, осмотрѣвъ наши сельди, нашелъ ихъ неуступающими голландскимъ, хотя, по моему мнѣнію, между ними не можетъ быть никакого сравненія, такъ какъ онѣ принадлежатъ совершенно къ другой породѣ, нежели голландскія сельди. Соль, добываемую въ окрестностяхъ Керчи, Вей призналъ также достаточно хорошею для приготовленія нашихъ сельдей по голландскому способу. Такъ какъ сдѣланный Веемъ опытъ въ маломъ видѣ совершенно удался, то была составлена инструкція для соленія сельдей по голландскому способу, а для наблюденія за исполненіемъ этихъ правилъ былъ учрежденъ родъ комитета изъ шести керченскихъ гражданъ, подъ предсѣдательствомъ керченскаго градоначальника, которому вмѣнены были въ обязанность наблюденіе за ловомъ и приготовленіемъ сельдей, удостовѣреніе въ качествахъ и представленіе отличившихся промышленниковъ къ награжденію медалями и похвальными листами. Но всѣ эти мѣры, пришедшія уже давно въ совершенное забвеніе, имѣли только тотъ результатъ, что и теперь есть въ Керчи нѣсколько лицъ, умѣющихъ весьма искусно приготовлять сельдей различными способами для домашняго употребленія, по частнымъ заказамъ, или для представленія значительнымъ особамъ образчиковъ мѣстнаго искусства.

Вѣроятно неудача этой попытки ввести, требующее такой тщательности, голландское соленіе и заставила тогдашняго новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, такъ много заботившагося о промышленномъ развитіи управляемаго имъ края, выписать двухъ корнваллійскихъ рыбаковъ, для указанія болѣе простаго и легкаго способа оленія, употребляемаго въ Корнваллисѣ для приготовленія ловимой въ огромныхъ количествахъ у береговъ этой страны породы сельдей, извѣстной подъ именемъ пильчардовъ. Выборъ для этой цѣли корнваллійцевъ основывался, безъ сомнѣнія, на ошибочномъ мнѣніи, основывавшемся впрочемъ на авторитетѣ Палласа, что сельди, ловимыя въ керченскомъ проливѣ и въ сѣверныхъ притокахъ Чернаго и Азовскаго морей, принадлежатъ къ породѣ пильчардовъ, которые суть ничто иное какъ крупная разновидность сардинокъ. Особенности корнваллійскаго способа заключаются въ слѣдующемъ. Вынувъ жабры и внутренности изъ пойманной рыбы, точно также какъ и для соленія голландскимъ способомъ, кладутъ ее на подстилкахъ на землю кучами въ аршинъ вышиною, пересыпая слои солью. Еще лучше, если вмѣсто кучъ укладывать ихъ въ большіе чаны. Оставивъ ихъ въ этомъ положеніи хорошенько просолѣть въ теченіе двухъ, много двухъ съ половиною недѣль,

ихъ промываютъ въ двухъ водахъ и затѣмъ накладываютъ въ бочки рядами; послѣ чего, прежде закупориванія бочекъ, наваливаютъ на нихъ большой грузъ, заставляющій вытекать изъ пильчардовъ не только излишній разсолъ, но и много жира, собираемаго отдѣльно. Это выдѣленіе жира посредствомъ давленія изъ пильчардовъ, равно какъ и изъ французскихъ сардинокъ, (*) необходимо для того, что иначе эта нѣжная и чрезвычайно жирная рыба очень скоро бы испортилась. Но такъ какъ наша сельдь вовсе не принадлежитъ къ породѣ пильчардовъ или сардинокъ, то такое выдавливаніе жира, кажется мнѣ, совершенно излишнимъ и могло бы примѣняться развѣ только къ пазункамъ и къ такъ называемой снѣтковой сельди, отличающимся жирностью и нѣжностью и про которыя говорятъ, что обыкновенное соленіе ихъ худо сохраняетъ.

Корнваллійскому способу соленія обучались не только керченскіе рыбаки, но, по распоряженію донскаго войсковаго начальства, въ 1837 году, было отправлено въ Крымъ шесть человѣкъ казаковъ для изученія этого способа. Въ 1839 году воротились они домой, гдѣ и устроили два заведенія въ юртахъ Елисаветинской и Гниловской станицъ, для посола сельдей улучшеннымъ способомъ, которому обучали и другихъ, такъ что приготовленіе извѣстнаго количества сельдей корнваллійскимъ способомъ сдѣлалось какъ бы обязанностью каждаго завода, занимавшагося сельдянымъ ловомъ. Вотъ результаты этихъ усилій завести и на Дону улучшенное соленіе сельдей:

Въ 1839 году на двухъ заводахъ учениковъ и на 27 частныхъ заводахъ приготовлено къ новому способу до 40,000 штукъ сельдей въ 184 боченкахъ, т. е. съ небольшимъ по 200 сельдей въ боченкѣ и по 1,400 сельдей на заведенье. Продавались онѣ отъ 55 до 70 р. асс. тысяча, тогда какъ простыя крупныя сельди цѣнились въ 15 и 20 р. асс. Въ 1840 году было приготовлено по корнваллійскому способу 41,000 штукъ сельдей въ 215 боченкахъ. Продавались онѣ до 70 р. асс. тысяча; простыя же крупныя сельди не дороже 15 р. асс. Въ 1841 году на двухъ ученическихъ заводахъ приготовлено 15,200 штукъ сельдей, а на 17 другихъ заводахъ до 20,000 штукъ; слѣдовательно по 1,850 штукъ на заведеніе. Продавались онѣ отъ 50 до 70 р. асс. тысяча. Въ 1843 году (за 1842 не досталъ свѣдѣній) на заводахъ учениковъ приготовлено 17,000 и на 143 частныхъ заводахъ 166,000, итого 183,000 штукъ сельдей, т. е. почти по 1,300 штукъ на заведеніе. Продавались отъ 11 р. 43 к. с. до 12 р. 55 к. с. за тысячу. Въ 1844 году приготовлено по корнваллійскому способу до 70,000 сельдей, которыя продавались отъ 6 до 13 р. с. за тысячу. Въ 1845 году приготовлено 25,000 сельдей. Въ 1846 году, когда этотъ заводимый промыселъ достигъ высшей точки своего развитія, было приготовлено 246,250 штукъ сельдей, продававшихся отъ 13 р. до 14 р. с. тысяча. Въ 1847 году приготовлено сельдей только 19,900 штукъ, продававшихся отъ 9 до 10 р. за тысячу, изъ чего должно заключить, что усиленное приготовленіе ихъ въ прошедшемъ году значительно перевѣсило потребность въ нихъ, такъ что цѣна упала и приготовленіемъ занимались лишь на заводахъ самихъ учениковъ. Въ 1848 году приготовлено только 14,500 штукъ, которыя продавались отъ 7 до 10 руб. тысяча. Послѣ 1848 года всѣ извѣстія о приготовленіи сельдей корнваллійскимъ способомъ прекращаются, а нынѣ какъ на Дону, такъ и въ Керчи, исчезла даже почти всякая память о корнваллійсскомъ способѣ соленія сельдей. Какъ ничтожно было количество сельдей, приготовляемыхъ улучшеннымъ спосо-

(*) Здѣсь разумѣются соленыя сардинки, а не тѣ, которыя заливаются въ жестяныхъ ящикахъ прованскимъ масломъ.

бомъ, объ этомъ можно всего лучше судить изъ сопоставленія общаго числа ловившихся на Дону сельдей съ числомъ тѣхъ, которыя приготовлялись корнваллійскимъ способомъ:

Годы.	Число пойманныхъ сельдей.	Число пригот. корнвал. спос.
1843 . . .	7,000,000	183,000
1844 . . .	9,000,000	70,000
1845 . . .	1,000,000	25,000
1846 . . .	8,724,000	246,250
1847 . . .	3,823,000	19,900
1848 . . .	6,968,000	14,500

Изъ этой таблички видно, что пропорція сельдей, приготовлявшихся улучшеннымъ способомъ, относительно общаго ихъ улова измѣнялась отъ $^1/_{35}$ (въ 1846 году) до $^1/_{481}$ въ 1848 году.

Въ чемъ же заключается причина неудачныхъ стараній правительства завести на Дону и въ Керчи улучшенный способъ приготовленія сельдей? Въ основаніи принятыхъ правительствомъ мѣръ лежала та мысль, что дурное приготовленіе сельдей зависитъ, если и не исключительно, то главнѣйше отъ неумѣнія ихъ хорошо солить; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности несовершенство ихъ приготовленія основано на соотвѣтствіи качествъ этого продукта съ неприхотливыми потребностями ихъ потребителей, или другими словами заключается въ условіяхъ ихъ сбыта. Анилизируя способы, употребляемые шотландцами, французами и въ особенности голландцами, для приготовленія лучшихъ сортовъ сельдей, мы видимъ, что степень ихъ совершенства зависитъ отъ болѣе или менѣе тщательнаго выполненія слѣдующихъ четырехъ условій: 1) Приступать къ соленію сельдей какъ можно скорѣе послѣ того, какъ онѣ вынуты изъ воды. 2) Прежде соленія вырывать у сельдей жабры и кишечный каналъ. 3) Подвергать сельди непремѣнно одному или еще лучше двумъ предварительнымъ посоламъ и перекладкамъ. 4) При окончательной, второй или третьей, перекладкѣ, послѣ промывки сельдей въ разсолѣ, укладывать ихъ рядами съ большою тщательностью и непремѣнно брюшкомъ къ верху, какъ можно сильнѣе прижимая рыбу къ рыбѣ и надавливая слой на слой. Аккуратное исполненіе этихъ четырехъ условій, при хорошемъ качествѣ соли, обезпечиваетъ за голландскими сельдями ихъ вездѣ признанное превосходство. Во Франціи не соблюдаютъ съ такою точностью перваго и послѣдняго правилъ и потому французскія сельди гораздо хуже голландскихъ. Въ Норвегіи изъ всѣхъ этихъ правилъ исполняютъ только, по большей части, второе, и тамошнія сельди еще хуже. Наши керченскія сельди, собственно говоря, подвергаются лишь той операціи, которая въ Голландіи считается первымъ грубымъ предварительнымъ посоломъ и то еще безъ предшествующаго ему вычищенія отъ жабръ и внутренностей. Хотя столь же тщательное выполненіе всѣхъ условій хорошаго соленія, какое существуетъ въ Голландіи, можетъ быть достигнуто только долговременною, вошедшею такъ сказать въ плоть и кровь, привычкою, — однако нѣкоторое приближеніе къ нему, не составляя большой трудности, значительно улучшило бы качество керченскихъ сельдей и поставило бы ихъ на ряду съ французскими или шотландскими, а потому не только было бы непремѣнно усвоено нашими промышленниками отъ ихъ голландскихъ и корнвалійсскихъ учителей, если бы только это могло обѣщать имъ какую-либо выгоду; по всѣмъ вѣроятностямъ, улучшенное соленіе было бы достигнуто и собственными усиліями нашихъ промышленниковъ, безъ всякихъ постороннихъ указаній, еслибы условія сбыта сколько-нибудь вызывали и поощряли къ этимъ усовер-

шенствованіямъ. Почти въ той же мѣстности, гдѣ ловится керченская сельдь, именно вдоль сѣвернаго берега керченскаго полуострова и на Арабатской косѣ, приготовляются лучшіе въ мірѣ балыки, а соленіе и провѣшиваніе балыка требуютъ несравненно большихъ вниманія, искусства и снаровки, чѣмъ самое лучшее соленіе сельдей, которое можетъ производиться, при нѣкоторомъ навыкѣ и аккуратности, такъ сказать совершенно машинально, тогда какъ для балыка нужно соразмѣрять количество соли и время лежанія въ соли, вымочки, провѣшиванія на солнцѣ и въ тѣни — какъ съ качествомъ рыбы, такъ и съ погодою. Но на хорошій балыкъ въ теченіе долгаго времени существовалъ обезпеченный сбытъ и всегда были покупщики, которые разцѣнивали его достоинства. Напротивъ того потребность въ хорошихъ сельдяхъ у насъ очень не велика. Къ сожалѣнію, я не имѣю подъ руками новѣйшихъ свѣдѣній о количествѣ привозимыхъ къ намъ голландскихъ сельдей; но въ тотъ именно періодъ, когда правительство старалось поощрять улучшенное приготовленіе керченскихъ и донскихъ сельдей, по статистическому обозрѣнію внѣшней торговли г. Небольсина, было привозимо въ Россію, въ пятилѣтіе отъ 1842 по 1846 годъ, среднимъ числомъ на 68,060 р. с. голландскихъ сельдей ежегодно и это ничтожное количество расходилось, безъ сомнѣнія, преимущественно въ обѣихъ столицахъ. Пошлина съ бочки голландскихъ сельдей составляла съ 1844 года 2 р. 85 к. Какъ велика бочка привозимыхъ въ Россію изъ Голландіи сельдей, мнѣ не извѣстно, но изъ описаній видно, что обыкновенно размѣръ ихъ таковъ, что въ нихъ входитъ около семи пудовъ сельдей. Это составило бы 40 к. пошлины на пудъ. Если предположить, что издержки лова и приготовленія сельдей въ Керчи тѣ же что и въ Голландіи (гдѣ однако же, надо прибавить, ловъ вольный и безпошлинный), то эти 40 к. съ пуда не могутъ вознаградить за провозъ до Москвы, который обходится отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ пуда. Слѣдовательно, если бы даже наши керченскіе промышленники сразу достигли голландскаго совершенства въ приготовленіи сельдей, то и тогда не могли бы соперничать съ голландскими сельдями на московскомъ, а тѣмъ менѣе на петербургскомъ рынкахъ. Если принять во вниманіе ничтожность потребности въ голландскихъ сельдяхъ, издержки провоза, значительно превышающія таможенную пошлину, которая могла бы обезпечить сбытъ нашихъ сельдей, а главное невозможность въ скоромъ времени усвоить себѣ пріемы и тщательность, необходимыя для приготовленія сельдей, могущихъ соперничать съ голландскими; то сдѣлается непонятнымъ, что керченскія и донскія, на голландскій манеръ приготовленныя, сельди не могли имѣть обезпеченнаго сбыта.

Подобнаго же рода соображенія покажутъ намъ, что керченскимъ сельдямъ было также мало вѣроятности вступить въ соперничество съ иностранными сельдями средняго качества, каковы напримѣръ шотландскія, ибо если имъ и легче было бы достигнуть той степени достоинства, которою отличаются эти послѣднія, то за то условія доставки этого сорта въ Москву и Петербургъ были еще невыгоднѣе по причинѣ еще меньшей пошлины взимаемой съ сельдей, привозимыхъ изъ Великобританіи, которая съ 1841 года была уменьшена до 1 р. 30 к. съ бочки. Потребность же на этихъ сельдей была столь же незначительна, какъ и на голландскихъ, ибо въ пятилѣтіе отъ 1841 по 1846 годъ ихъ привозилось кругомъ не болѣе какъ на 66,785 р. ежегодно.

Этими соображеніями я не хочу доказывать, чтобы улучшенное приготовленіе черноморскихъ сельдей было совершенно невозможно. Оно, безъ значительнаго возвышенія пошлины на голландскія и шотландскія сельди, невозможно лишь въ большихъ размѣрахъ; нѣкоторая же часть керченскихъ и донскихъ уловов въ нѣсколько сотъ тысячъ или даже въ милліонъ сельдей, приготовляемая улучшеннымъ

способомъ, вѣроятно нашла бы себѣ сбытъ въ главныхъ городахъ новороссійскаго и малороссійскаго края, и причину неудачи правительственныхъ усилій, даже и въ этихъ скромныхъ размѣрахъ, должно искать въ самой организаціи, какъ керченскаго, такъ и донскаго рыболовствъ. Промышленники, занимающіеся ими, обладаютъ лишь весьма небольшими капиталами, или даже вовсе ихъ не имѣютъ, и деньги, необходимыя на заведеніе лодокъ и неводовъ, покупку провизіи и т. п., занимаютъ подъ тяжелыми условіями. Вести дѣло могутъ они поэтому не иначе, какъ при условіи немедленнаго сбыта своего товара, по мѣрѣ улова рыбы. Они не могли бы даже дожидаться окончанія всего періода сельдянаго лова, ибо это потребовало бы отъ нихъ, кромѣ лишнихъ затратъ на посуду и помѣщеніе соленыхъ сельдей, еще свободнаго капитала на уплату цѣнности половинной доли улова, принадлежащей забродчикамъ, которые ужъ никоимъ образомъ не могли бы дожидаться неизвѣстнаго срока распродажи приготовленныхъ улучшеннымъ способомъ сельдей, которая, по причинѣ незначительной въ нихъ потребности въ большихъ центрахъ новороссійскаго и малороссійскаго края, могла бы производиться неиначе какъ весьма постепенно и медленно. Кромѣ того, такъ какъ невозможно разсчитывать, чтобы весь уловъ могъ сбываться въ видѣ сельдей высокаго сорта, то какимъ образомъ могъ бы каждый хозяинъ невода опредѣлить ту долю улова, которую слѣдовало бы ему приготовить по голландскому или корнваллійскому способамъ, безъ опасенія, что она останется у него на рукахъ? Наконецъ, въ Керчи нѣтъ постояннаго рыболовнаго населенія, а забродчики состоятъ изъ пришлаго народа изъ разныхъ частей южной Россіи, временно приходящаго для заработковъ, точно также какъ косари и жнецы. Эти люди слѣдовательно, которые ежегодно мѣняются, не могутъ получить необходимой для хорошаго соленія опытности, да безпрерывно занятые ловомъ, они не имѣютъ на это и времени, и хозяевамъ слѣдовательно надо бы, кромѣ рыболовной артели, содержать еще особыхъ постоянныхъ солельщиковъ, что значительно увеличило бы ихъ расходы. Всѣ эти препятствія могли бы устраниться только однимъ способомъ:—заведеніемъ особыхъ солилень, хозяева которыхъ скупали бы свѣжихъ сельдей у рыболововъ, занимались исключительно приготовленіемъ ихъ разными способами, и, будучи людьми съ капиталомъ, могли бы выжидать удобнаго времени для сбыта своихъ продуктовъ. Такое раздѣленіе лова рыбы отъ ея приготовленія существуетъ вездѣ, гдѣ только это послѣднее достигло нѣкоторой степени совершенства, не только за границей, но и у насъ. Такъ ватаги на нижней Волгѣ суть въ полномъ смыслѣ солильныя заведенія, устроенныя для приготовленія рыбы, куда она свозится ловцами. Вся разница этихъ ватагъ отъ солильныхъ заведеній, въ томъ видѣ, какъ онѣ напримѣръ устроены въ Норвегіи, заключалась лишь въ томъ, что владѣльцы ватагъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и владѣльцами рыболовныхъ водъ, куда допускали, такъ называемыхъ, оброчныхъ ловцовъ, лишь подъ извѣстными болѣе или менѣе отяготительными условіями, состоявшими, какъ въ непремѣнномъ обязательствѣ продавать рыбу исключительно одному владѣльцу водъ, такъ и въ произвольно назначаемой на эту рыбу цѣнѣ. Но и это несущественное различіе должно исчезнуть, или даже уже и исчезло, съ возстановленіемъ свободы морскаго лова на Каспійскомъ морѣ.

Конечно, правительство не можетъ принять на себя заботъ объ устройствѣ солильныхъ заведеній въ Керчи, но я думаю, что слѣдующая мѣра могла бы повести къ водворенію улучшеннаго соленія нѣкоторой части улова керченскихъ сельдей. Камышъ-Бурунская бухта находится въ настоящее время на откупу у гг. Сѣрикова и Посполитаки за 6,000 р. сер. Г. Сѣриковъ имѣетъ значительныя рыболовныя заведенія въ Казантинѣ на сѣверномъ берегу Керченскаго полуострова и кромѣ этого онъ самый

значительный покупщикъ рыбы на всемъ Азовскомъ морѣ, и имѣлъ бы поэтому полную возможность завести улучшенное соленіе сельдей, если бы могъ надѣяться получить отъ этого какую-нибудь выгоду. Выгоду эту легко было бы доставить ему или другому, хотя бы и менѣе значительному капиталисту, который пожелалъ бы взяться за это дѣло. Откупщики находятъ выгоднымъ для себя платить 6,000 р. за право исключительнаго лова въ Камышъ-Бурунской бухтѣ; съ возстановленіемъ законной свободы морскаго рыболовства, эта привелегія должна отъ нихъ отойти, и весьма вѣроятно, что они, или другіе промышленники, охотно согласятся принять на себя обязательство приготовленія извѣстнаго количества сельдей по голландскому или вообще по улучшенному способу—за предоставленіе имъ исключительнаго права производить ловъ въ какой-либо выгодной мѣстности Керченскаго пролива. Если бы избрать для этого Камышъ-Бурунъ, то въ согласіи промышленниковъ на это обязательство едва ли можно сомнѣваться, ибо потребный для сего излишекъ расходовъ никоимъ образомъ не могъ бы составить суммы нынѣ платимой за это право гг. Сѣриковымъ и Посполитаки. Но я полагаю, что предоставленіе, на извѣстный срокъ, Камышъ-Бурунской бухты въ чье-либо исключительное пользованіе имѣло бы большія неудобства, ибо чрезвычайно стѣснило бы вольныхъ сельдяныхъ промышленниковъ, которые, какъ изложено выше, могутъ съ выгодою заниматься сельдянымъ ловомъ въ томъ только случаѣ, если, по оставленіи сельдями мѣстности у Еникале, они будутъ имѣть возможность продолжать свой промыслъ глубокою осенью и въ началѣ зимы въ Камышъ Бурунской бухтѣ. Поэтому слѣдовало бы, по моему мнѣнію, дать право на исключительное пользованіе, безъ всякой платы съ невода, на значительный—напримѣръ на двѣнадцати-лѣтній срокъ, въ бухтѣ Эльтыгенской, подъ условіемъ ежегоднаго приготовленія по голландскому способу 150,000 или 200,000 сельдей, упакованныхъ въ хорошіе дубовые или буковые боченки. Взявшій на этихъ условіяхъ Эльтыгенскую бухту уже самъ долженъ былъ бы озаботиться о пріисканіи опытныхъ солельщиковъ, для чего, какъ мнѣ кажется, не предстояло бы надобности обращаться въ Голландію, такъ какъ и теперь есть въ Керчи опытные солельщики, умѣющіе приготовлять сельди превосходнаго качества, но не имѣющіе занятій. Эти 150,000 или 200,000 сельдей должны бы быть свидѣтельствуемы знающими дѣло экспертами и къ боченкамъ прилагаемы штемпель промышленника и свидѣтельство эксперта или браковщика. Если въ теченіе двѣнадцати лѣтъ будетъ приготовляться, хотя и небольшое количество хорошихъ сельдей, то можно надѣяться, что въ южной Россіи ознакомятся съ ихъ достоинствомъ и что черезъ это откроется на нихъ постоянный сбытъ, что необходимо обнаружится въ томъ обстоятельствѣ, что эльтыгенскій арендаторъ самъ начнетъ приготовлять большее, противъ условленнаго съ правительствомъ, количество сельдей улучшеннымъ способомъ. Въ случаѣ неисполненія эльтыгенскимъ арендаторомъ принятыхъ имъ на себя условій, онъ долженъ бы конечно подвергаться довольно значительному штрафу. Это дѣлаемое мною предложеніе заслуживаетъ, кажется, вниманія, потому что не налагаетъ на правительство никакихъ издержекъ, а только временно лишаетъ его незначительной части будущаго, не получаемаго имъ еще дохода, а съ тѣмъ вмѣстѣ нисколько не стѣсняетъ вольнаго промысла. Ежели бы однако оказалось, что промышленники не сочтутъ эльтыгенскаго лова довольно значительнымъ, что бы изъ-за права исключительнаго пользованія имъ подвергаться убытку, могущему произойти отъ недостатка сбыта улучшеннымъ способомъ приготовленныхъ сельдей, то небольшое денежное пожертвованіе со стороны правительства, напримѣръ 5 р. приплаты на каждую тысячу, улучшеннымъ способомъ приготовленныхъ, сельдей, кажется мнѣ, предпочтительнѣе отдачи Камышъ-Бурунской бухты, вмѣсто Эльтыгенской, въ такое исключительное пользованіе. Эта приплата

составила бы впрочемъ лишь нѣкоторую часть того дохода, который сталъ бы поступать въ казну отъ пошлины съ сельдяныхъ неводовъ въ Еникале, Камышъ-Бурунѣ и Ѳеодосіи.

О ловѣ и приготовленіи сельдей въ другихъ мѣстностяхъ я упомяну только вкратцѣ, потому что они представляютъ мало особенностей.

Ловъ въ Дону, какъ видно изъ таблицы, представленной въ отчетѣ о донскомъ рыболовствѣ, по числу ловимыхъ сельдей гораздо значительнѣе, нежели въ Керченскомъ проливѣ, но донская сельдь не только меньше и легче керченской, но, будучи ловима во время метанія икры, не столь вкусна и жирна и потому гораздо дешевле цѣнится. Среднія цѣны были выставлены выше. Само собою разумѣется, что онѣ чрезвычайно измѣняются по величинѣ сельдей. Такъ въ 1863 году продавали мѣрную сельдь отъ 6 до 12 р. за тысячу (въ Керчи въ томъ же году до 17 и 18 р.), полумѣрную отъ 2 до 4 р. (въ Керчи отъ 6 до 8 р.), пузанокъ же и пластунецъ отъ 75 к. до 1 р. 50 к. Что касается до пропорціи, въ которой ловятся эти различные сорты сельдей, то объ ней можно судить изъ слѣдующаго показанія одного промышленника: въ Азовѣ наловлено весною 1863 года до 15,000 пазунковъ и пластунцовъ, 20,000 тачковой или полумѣрной сельди и не болѣе 8,000 мѣрной.

Въ Дону производится ловъ особыми оселедными неводами, отличающимися отъ обыкновенныхъ неводовъ болѣе мелкими ячеями, которые допускаются только для этого лова. Въ отчетѣ о донскомъ рыболовствѣ я выразилъ совершенное согласіе съ мнѣніемъ новаго проэкта правилъ для донскаго рыболовства, по которому наименьшая величина ячей, для снастей употребляемыхъ въ лѣтнее время, назначена въ $^{3}/_{4}$ вершка въ сторонѣ, а для зимнихъ снастей въ $1^{1}/_{4}$ вершка въ сторонѣ. Но относительно величины ячей въ оселедныхъ неводахъ не установлено ни въ нынѣ дѣйствующемъ положеніи, ни въ новомъ проэктѣ никакой мѣры, и допускаются ячеи того размѣра, который издавна введенъ употребленіемъ. Между тѣмъ этими неводами залавливается между прочимъ сельдь столь малаго размѣра, что въ тысячѣ штукахъ ея оказывается не болѣе полупуда вѣса. Цѣна такой мелкой селедки совершенно ничтожна, и если бы ей давали вѣростать по крайней мѣрѣ до величины пузанка (имѣющаго уже икру), или еще лучше до величины тачковой сельди, то этимъ было бы обезпечено размноженіе этой столь важной породы. Поэтому я полагалъ бы, чтобы и для оселедныхъ неводовъ воспретить ячеи менѣе чѣмъ въ $^{1}/_{2}$ вершка въ сторонѣ для крыльевъ и менѣе чѣмъ въ $^{1}/_{3}$ вершка для привода.

По лиманамъ и берегамъ Таганрогскаго залива, какъ напримѣръ въ Ейскомъ лиманѣ, у косъ Сазальницкой и Кривой, близъ селеній Портъ-Котонъ и Маргаритовки, ловъ сельдей производится преимущественно особаго рода ставными сѣтками, имѣющими обыкновенно 25 саж. въ длину съ ячеями, соотвѣтствующими мелкости рыбы. Этотъ ловъ производится впрочемъ больше для домашняго употребленія, чѣмъ для продажи, и только у селенія Кагальницкаго налавливаютъ для продажи около 100,000 штукъ ежегодно.

Зимній ловъ по нѣкоторымъ бухтамъ Кавказскаго берега особенно же у Сухума могъ бы получить довольно значительное развитіе, если бы тамъ было достаточно привыкшее къ рыбному промыслу народонаселеніе. Въ настоящее же время сухумскій ловъ производится исключительно турками, пріѣзжающими сюда на кочермахъ съ береговъ Анатоліи еще ранѣе появленія сельдей, именно съ октября мѣсяца и остающимися до мая, потому что занимаются не только сельдянымъ ловомъ, но также и ловомъ кефали, камбалы, хамсы и другихъ морскихъ рыбъ, имѣющихъ меньшее промышленное значеніе. Сельдь ловятъ они небольшими распорными неводами, посредствомъ двухъ лодокъ, которыя, выметавъ неводъ, съѣзжаются,

окруживъ имъ извѣстное пространство моря, и—ставъ на якорь, вытягиваютъ сельдь въ кочерму. Турки употребляютъ также наметную сѣть столь употребительную, какъ въ Босфорѣ и вообще у турецкихъ береговъ, такъ и у насъ въ Балаклавѣ. Наметомъ впрочемъ ловятъ болѣе хамсу и кефаль, а не сельдей.

Въ началѣ сельдянаго лова сельдь скупается нашими какъ живущими въ Сухумѣ промышленниками, такъ и пріѣзжающими изъ Поти, гдѣ сельдь не подходитъ къ берегамъ. Они солятъ ихъ не только для мѣстнаго употребленія, но даже отправляютъ въ Одессу. Посолъ сельдей здѣсь нѣсколько лучше, чѣмъ въ Керченскомъ проливѣ, потому что, хотя и здѣсь не вычищаютъ изъ нихъ жабръ и внутренностей, но по крайней мѣрѣ употребляютъ двойную перекладку. Въ первый разъ кладутъ ихъ въ сороковыя бочки неправильными слоями, пересыпая каждый слой достаточнымъ количествомъ соли, и оставивъ ихъ просолѣть въ бочкахъ недѣли двѣ или три, вынимаютъ изъ нихъ сельдей, очищаютъ ихъ руками отъ слизи и нечистотъ, не промывая однако же въ новомъ разсолѣ, какъ слѣдовало бы дѣлать, и укладываютъ въ новыя бочки слоями столь же неправильными какъ и въ первый разъ. Мѣстные жители, заготовляющіе сельдей въ довольно большомъ количествѣ, для собственнаго употребленія тщательно укладываютъ ихъ рядами не брюшками, а хребтами вверхъ, что въ этомъ случаѣ не имѣетъ неудобствъ, потому что и они сельдей не вычищаютъ отъ внутренностей; а расположеніе сельдей брюшками къ верху, при соленіи голландскимъ способомъ, необходимо для того, чтобы разсолъ проникалъ чрезъ отверстіе, изъ котораго вырваны жабры и кишки, безъ чего во внутренности, не пропитанной соленымъ растворомъ, могла бы завестись гниль. Какъ ни мало усовершенствованіе, замѣчаемое въ соленіи сухумскихъ сельдей, сравнительно съ керченскими,— его все-таки должно приписать тому обстоятельству, что ловъ рыбы и соленіе ея не сосредоточены здѣсь въ однѣхъ рукахъ, почему солельщики, не смущаемые страхомъ упустить ловъ, могутъ обращать свое вниманіе на болѣе тщательное приготовленіе сельдей.

Когда турки удовлетворятъ потребности мѣстныхъ солельщиковъ, они и сами солятъ свои заловы прямо въ кочермахъ, нерѣдко наполняя весь трюмъ, имѣющій въ большихъ кочермахъ до сажени глубины, боченками съ сельдями. Эти сельди, равно какъ и батумскія, расходятся по Малой Азіи.

Для мѣстнаго употребленія приготовляютъ въ Сухумѣ и копченыя сельди въ мелкихъ коптильняхъ и просто въ трубахъ духановъ.

Причина, по которой ловлею у абхазскаго берега занимаются исключительно турки, зависитъ, какъ отъ недостатка мѣстнаго народонаселенія, такъ еще въ большей степени отъ того, что до послѣдняго времени только турки могли совершенно безопасно входить въ сношенія съ туземцами, русскимъ же всегда предстояла опасность быть ограбленнымъ или взятымъ въ плѣнъ.

За ловъ, которымъ пользуются турецкіе подданные у нашихъ береговъ, они ничего не платятъ, что кажется мнѣ неправильнымъ, ибо хотя по нашимъ основнымъ законамъ морское рыболовство должно быть совершенно свободнымъ, однако эта свобода можетъ очевидно относиться только до русскихъ подданныхъ, а не иностранцевъ. Такъ напримѣръ въ Норвегіи, гдѣ рыболовство съ нѣкотораго времени также совершенно вольное, русскимъ не дозволяется однако же ловить на десятиверстномъ разстояніи отъ берега безъ особаго разрѣшенія, выдаваемаго неиначе, какъ подъ извѣстными закономъ опредѣленными условіями. Также точно и у насъ на Мурманскомъ берегу не позволяется ловить норвежцамъ, на извѣстномъ разстояніи отъ берега. Хотя по причинѣ недостатка въ своихъ промышленникахъ вдоль кавказскаго прибрежья, нѣтъ еще пока основанія воспрещать турецкимъ подданнымъ рыболовства,

вблизи самыхъ береговъ и даже въ бухтахъ, но мнѣ кажется, что за это дозволеніе должна бы взиматься съ нихъ нѣкоторая пошлина, которая могла бы идти на увеличеніе средствъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ производится ловъ турками, преимущественно же въ Сухумѣ, подобно тому какъ пошлина, собираемая съ торговыхъ судовъ, идетъ въ доходъ торговыхъ городовъ. Пошлина эта послужила бы, кажется мнѣ, нѣкоторымъ пособіемъ для устройства бѣднаго средствами Сухума.

Что касается до днѣпровскаго лова сельдей, то онъ незначителенъ, какъ потому, что въ Днѣпръ поднимается гораздо меньше сельдей, чѣмъ въ Азовское море и Донъ, такъ и потому что сельдь начинаетъ входить въ Днѣпръ около половины мая, когда ловъ прочей рыбы въ этой рѣкѣ уже почти прекращается; продолжать же его для однѣхъ сельдей не стоитъ по причинѣ соперничества донскихъ и керченскихъ сельдей, изъ которыхъ послѣднія гораздо лучшаго качества, а первыя отличаются своею дешевизною. Такъ одинъ промышленникъ изъ селенія Британы, лежащаго верстахъ въ двадцати ниже Каховки, поймалъ за весну 1865 года небольшимъ стосаженнымъ неводомъ до 60,000 штукъ сельдей, но не могъ сбыть ихъ съ выгодой для себя. На тугой сбытъ днѣпровскихъ сельдей, какъ кажется, всего болѣе имѣетъ вліяніе странный, нигдѣ не употребительный способъ приготовленія ихъ, состоящій въ распластываніи рыбы по брюху, какъ это дѣлается для тарани и другихъ рыбъ изъ семейства сазановидныхъ. Отъ этого вытекаетъ весь жиръ изъ селедки, имѣющій гораздо болѣе нѣжное мясо, нежели означенныя породы; она дѣлается сухою и теряетъ всѣ качества, которыя требуются даже отъ самыхъ посредственныхъ сельдей. Мелкихъ сельдей солятъ впрочемъ и здѣсь, не распластывая и не чистя, какъ и на Дону.

Въ заключеніе повторю вкратцѣ мѣры, предлагаемыя экспедиціею для развитія сельдянаго рыболовствс въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

1) Осуществить на дѣлѣ давно значущуюся уже въ законѣ свободу сельдянаго лова въ Керченскомъ проливѣ.

2) Въ замѣнъ денежныхъ и иныхъ поборовъ, взимаемыхъ съ промышленниковъ частными лицами и городскими обществами, установить сборъ съ невода въ пользу государственной казны. Эти двѣ мѣры были подробно развиты въ отчетѣ объ азовскомъ морскомъ рыболовствѣ.

Изъ выраженнаго предъидущими статьями правила, сдѣлать исключеніе, для лова въ Эльтыгенѣ, отдавъ его на десять или на двѣнадцать лѣтъ въ исключительное пользованіе промышленника, который за даруемую ему льготу, принялъ бы на себя обязательство приготовлять ежегодно отъ 150,000 до 200.000 сельдей по голландскому или вообще по улучшенному способу въ хорошихъ дубовыхъ или буковыхъ боченкахъ, на которые налагались бы штемпеля, какъ приготовившаго ихъ промышленника, такъ и свидѣтельствовавшаго ихъ эксперта или браковщика.

Примѣчаніе. Если бы не оказалось охотниковъ получить на этихъ условіяхъ право на исключительный ловъ въ Эльтыгенѣ, то можно бы назначить эльтыгенскому арендатору еще нѣкоторое пособіе, или поощрительную премію, состоящую въ приплатѣ казною извѣстной суммы, на каждую тысячу изготовленныхъ имъ по голландскому способу сельдей.

4) Въ видахъ обезпеченія размноженія сельдей опредѣлить для рѣки Дона, гдѣ онѣ преимущественно мечутъ икру, наименьшій размѣръ ячей въ такъ-называемыхъ оселедныхъ неводахъ для крыльевъ въ ½ вершка, а для привода въ ⅓ вершк. въ сторонѣ.

5) Назначить извѣстный сборъ съ турецкихъ судовъ, занимающихся ловомъ сельдей и другой рыбы у русскихъ береговъ ближе десяти верстъ отъ берега, обративъ его въ пользу тѣхъ городовъ и вообще прибрежныхъ мѣстъ, гдѣ этотъ ловъ производится. Взиманіе этой пошлины могло бы быть поручено мѣстнымъ начальствамъ этихъ городовъ, что избавило бы отъ всякихъ поэтому предмету расходовъ. Что касается до размѣра этой пошлины, то онъ можетъ быть опредѣленъ лишь по совѣщаніи съ мѣстными властями, въ особенности же съ начальствомъ города Сухума, бухта котораго составляетъ главное и почти исключительное мѣсто турецкаго лова у русскихъ береговъ.

ПЯТЫЙ ОТЧЕТЪ.

ДНѢПРОВСКОЕ И ДНѢСТРОВСКОЕ РЫБОЛОВСТВО.

Независимость рѣчнаго лова отъ морскаго въ Черномъ морѣ и его притокахъ. Въ первыхъ четырехъ отчетахъ представлены описанія рыболовства въ Азовскомъ морѣ и сельдянаго промысла, имѣющаго своимъ предметомъ рыбу, совершающую правильныя эмиграціи изъ Азовскаго моря въ Черное и изъ Чернаго въ Азовское. Теперь слѣдуетъ перейти къ изложенію результатовъ, добытыхъ экспедиціею при изслѣдованіяхъ рыбнаго промысла, какъ въ самомъ бассейнѣ Чернаго моря, такъ и въ впадающихъ въ него рѣкахъ. Изъ отчотовъ объ азовскомъ рыболовствѣ видна та тѣсная связь, которая соединяетъ это море съ впадающими въ него рѣками, по отношенію къ рыболовству, такъ что тамошнее морское и рѣчное рыбное хозяйство составляетъ одно неразрывное цѣлое, для раціональнаго устройства котораго необходимо принимать во вниманіе, въ одинаковой степени, условія, какъ рѣчнаго, такъ и морскаго промысловъ.

Напротивъ того, рѣки и море почти не имѣютъ никакого другъ на друга взаимодѣйствія, въ рыболовномъ отношеніи, въ черноморскомъ бассейнѣ. Причина этого явленія заключается въ довольно значительной солености воды послѣдняго, въ противуположность прѣсной водѣ Азовскаго моря. Рыбы, населяющія Черное море, принадлежатъ поэтому почти исключительно къ чисто морскимъ породамъ, не могущимъ даже временно входить въ рѣки; также точно и рѣчныя рыбы развѣ только случайно заходятъ въ море.

Красная рыба живетъ въ изобиліи лишь въ болѣе прѣсныхъ частяхъ Чернаго моря. Кромѣ черноморскихъ сельдей, идущихъ въ небольшомъ количествѣ въ Днѣпръ, Днѣстръ и Дунай, только еще осетровыя породы составляютъ исключеніе изъ правила, но и эти послѣднія не удаляются много изъ устьевъ рѣкъ или ихъ лимановъ. У крымскихъ береговъ осетръ, бѣлуга, севрюга почти совершенно неизвѣстны. Въ теченіе нѣкоторыхъ мѣсяцевъ 1864 и 1865 годовъ я нанималъ опытнаго рыбака, изъ балаклавскихъ грековъ, для которыхъ рыболовство составляетъ почти исключительный промыселъ, дабы имѣть средство ознакомиться со всѣми породами рыбъ, живущихъ у крымскихъ береговъ, — и только одинъ разъ попалась намъ въ сѣти небольшая бѣлуга, совершенно исхудалая. Не только самъ рыбакъ не зналъ, что это была за рыба, но и прочіе балаклавскіе рыбаки, на основаніи его разсказовъ, заключили, что пойманная рыба была не бѣлуга, а большая порода семги. Года съ два тому назадъ

стала показываться зимою, во время хода хамсы, (анчаусовъ), предъ устьемъ Балаклавской бухты — въ небольшомъ количествѣ красная рыба, такъ что по нѣсколько штукъ ея попадалось ежедневно въ сѣти. Въ февралѣ нынѣшняго года, въ бытность мою въ Балаклавѣ для наблюденія за производившимся тамъ значительнымъ ловомъ хамсы, меня изумили предложеніемъ представить севрюгу слишкомъ въ три пуда вѣсомъ. Обыкновенная величина ея не превосходитъ полупуда, и я только слышалъ, что когда-то была поймана въ Каспійскомъ морѣ севрюга въ три пуда. Эта мнимая громадная севрюга оказалась небольшою бѣлугою. Если люди, занимающіеся всю свою жизнь рыболовствомъ, въ самой изобильной рыбою части Крыма, не умѣютъ даже отличать породъ красной рыбы, то это неопровержимо доказываетъ необыкновенную рѣдкость ихъ въ этой части моря.

Изъ распросовъ рыбаковъ, занимающихся морскимъ ловомъ красной рыбы вдоль береговъ херсонской губерніи, я убѣдился, что и тамъ рыба эта держится по близости устьевъ лимановъ Днѣпровскаго и Днѣстровскаго, а потому къ востоку отъ острова Тендры ее уже мало промышляютъ. Совершенно согласны съ этимъ и свѣдѣнія, собранныя г. профессоромъ Кесслеромъ, во время его зоологическаго путешествія вдоль сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. «Въ морѣ распространяется красная рыба», говоритъ онъ, «кругомъ устья лимана (Днѣпровскаго) верстъ на сорокъ, до острова Тендры, а можетъ быть и нѣсколько далѣе». Тоже самое относится къ кавказскому и анатолійскому берегамъ моря, гдѣ также рыба ловится лишь не вдалекѣ отъ устьевъ большихъ рѣкъ: Хопи, Раіона, Чороха, Кизиль-Ирмака и Ешиль-Ирмака. Въ самомъ Константинополѣ, гдѣ рыбный рынокъ отличается изобиліемъ и разнообразіемъ рыбъ, мнѣ ни разу не случалось видѣть бѣлуги, осетра или севрюги. Изъ всего этого я заключаю, что наши красныя рыбы, составляя полупрѣсноводныя породы, живутъ, въ нѣсколько значительномъ количествѣ, лишь недалеко отъ устьевъ рѣкъ, уменьшающихъ, на нѣкоторое разстояніе, нормальную соленость моря массою, вливаемой ими, прѣсной воды. Поэтому и количество улововъ этихъ рыбъ, въ различныхъ мѣстностяхъ Чернаго моря, пропорціонально массѣ, вливаемой рѣками, прѣсной воды. Всего болѣе красной рыбы у устьевъ Дуная, потомъ въ сосѣдствѣ Днѣпровскаго лимана, и уже въ гораздо меньшемъ количествѣ вблизи Ріона, Днѣстра и малоазіатскихъ рѣкъ.

Ежели, за этими немногими исключеніями, всѣ прочія породы рыбъ не спускаются изъ рѣкъ въ море и не поднимаются изъ моря въ рѣки; то мы можемъ разсматривать рѣчное рыболовство, въ главныхъ притокахъ Чернаго моря, совершенно независимо отъ морскаго лова. Поэтому я начну и описаніе рыбной промышленности черноморскаго бассейна съ двухъ главныхъ притоковъ его, протекающихъ въ предѣлахъ Россіи: Днѣпра и Днѣстра.

Сравнительная бѣдность рыбою Днѣпра и Днѣстра. Посѣтивъ низовья этихъ рѣкъ послѣ притоковъ Каспійскаго и Азовскаго морей, я былъ пораженъ относительно бѣдностью производимаго въ нихъ рыбнаго промысла. Въ особенности относится это къ Днѣпру, котораго величина и выгодныя условія дельты, (раздѣляющейся на множество рукавовъ и ериковъ и заключающей въ себѣ множество лимановъ и озеръ, находящихся въ постоянномъ или, по крайней мѣрѣ, во временномъ соединеніи съ этими протоками, во время весеннихъ разливовъ), заставляли предполагать несравненно большее изобиліе рыбъ. При неимѣніи сколько нибудь точныхъ статистическихъ данныхъ о величинѣ днѣпровскаго улова, которыя могли бы служить для сравненія его съ уловами болѣе изобильныхъ рыбою рѣкъ, — сопоставленія нѣкоторыхъ фактовъ будетъ достаточно, чтобы охарактеризовать степень рыбнаго богатства Днѣпра, сравнительно съ Волгою и Курою. Весною 1854 г., во время посѣщенія г. академи-

*

Бэромъ нѣкоторыхъ волжскихъ ватагъ, прикащики ихъ, на вопросъ: хорошо ли ловится рыба, — жаловались съ комическимъ отчаяніемъ на то, что вобла ихъ совершенно одолѣваетъ, т. е. что изъ-за массы этой рыбы, стаями поднимающейся вверхъ по Волгѣ и считаемой ими нестоющею лова, они не могли заниматься ловомъ болѣе цѣнныхъ рыбъ. На Курѣ, обиліе севрюгъ и осетровъ заставляетъ до того пренебрегать даже этою цѣнною рыбою, что головы и хвосты ихъ отрубаются и бросаются подъ плотъ, на съѣденіе сомамъ, кишащимъ тутъ въ невѣроятномъ множествѣ. Одинъ промышленникъ предлагалъ управлявшему рыбными ловлями на Божьемъ Промыслѣ 1000 р. сер. за право собирать только то, что они мечутъ въ воду подъ плотъ, далъ бы и больше, — но управляющему промысломъ выгода эта показалась столь ничтожною, что не сталъ даже разговаривать съ предлагавшимъ ему, такъ сказать, совершенно даромъ тысячу рублей. Въ противуположность этой расточительности случилось мнѣ видѣть на Днѣпрѣ совершенно другое обращеніе съ остатками, получающимися при чисткѣ самыхъ малоцѣнныхъ рыбъ, — обращеніе несравненно благоразумнѣйшее, конечно, но не говорящее въ пользу изобилія рыбы въ этой рѣкѣ. На острову Днѣпра близь селенія таврической губерніи Казачьи Лагери стоялъ обозъ чумаковъ, скупавшихъ рыбу по мѣрѣ ея лова, солившихъ и укладывавшихъ ее въ воза. Чумаки не только тщательно собирали икру самыхъ мелкихъ и малоцѣнныхъ породъ, каковы: клепецъ, сеньга, густера, красноперка, но наполняли цѣлые мѣшки крошечными плавательными пузырями ихъ. Пузыри эти собирались конечно не для выдѣлки изъ нихъ клея, а на приварокъ къ кашѣ и борщу, для приданія имъ нѣкотораго рыбнаго вкуса. Мѣшки съ этими пузырьками везли за нѣсколько сотъ верстъ въ каневскій уѣздъ кіевской губерніи, слѣдовательно тоже на Днѣпръ. Гдѣ такіе продукты собираются, везутся за нѣсколько сотъ верстъ и имѣютъ сбытъ, тамъ конечно не велико должно быть изобиліе въ рыбѣ.

Подобное же разочарованіе испыталъ я при посѣщеніи — послѣ Волги, Куры и Урала — славившихся изобиліемъ рыбы рѣкъ архангельской губерніи, и въ особенности Печоры. Тамъ я считалъ возможнымъ объяснить себѣ эту относительную бѣдность суровымъ климатомъ, менѣе выгоднымъ расположеніемъ дельтъ, недостаточнымъ притокомъ питательныхъ веществъ. Всѣ эти объясненія рѣшительно неприложимы къ Днѣпру, Днѣстру и въ особенности къ Дунаю, гдѣ ловъ рыбы сравнительно также не очень значителенъ, ибо климатическія и мѣстныя условія ихъ не только не менѣе, но даже болѣе выгодны, нежели тѣ, въ которыхъ находятся многіе, изобилующіе рыбою притоки Каспійскаго и Азовскаго морей, какъ напримѣръ: Уралъ, Кура и даже Донъ.

Причины бѣдности рыбою. Причины этого различія въ рыбномъ богатствѣ рѣкъ, очень близкихъ по ихъ климатическимъ и топографическимъ условіямъ, разсмотрѣны съ достаточною подробностію въ статьѣ, написанной по поводу парижской всемірной выставки, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на рыболовство въ Россіи». Поэтому я ограничусь здѣсь указаніемъ на общій выводъ, къ которому я тамъ пришелъ и заключающійся въ томъ, что только тѣ рѣки могутъ считаться богатыми рыбою, съ промышленной и торговой точки зрѣнія, которыя вливаются въ бассейны съ прѣсною или почти прѣсною водою. Какъ бы рѣка ни была сама по себѣ значительна, пространство занимаемое ею все-таки не довольно велико, для того, чтобы пропитывать такое количество рыбы, которое могло бы, за удовлетвореніемъ мѣстнымъ потребностей, составлять предметъ значительнаго вывоза въ страны удаленныя отъ мѣстъ лова. Это возможно только тамъ, гдѣ въ извѣстныя времена года, преимущественно весною и осенью, входятъ въ рѣки стаи рыбы, живущія въ остальное время на обширномъ пространствѣ озера

или моря, вода котораго по своимъ свойствамъ довольно близка къ рѣчной для того, чтобы въ нихъ могли жить тѣже прѣсноводные виды. Рѣки Днѣстръ и Днѣпръ занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. Хотя онѣ вливаются въ море уже слишкомъ соленое, для того, чтобы въ немъ могли жить судаки, сомы, щуки и породы сазановидныхъ рыбъ, изъ которыхъ главнѣйше состоитъ рыбное населеніе нашихъ рѣкъ, однако соединеніе этихъ рѣкъ съ этимъ моремъ не непосредственное: онѣ вливаются въ лиманы, т. е. морскіе заливы, отгороженные отъ моря косами и соединенные съ нимъ лишь узкими проливами. Значительная масса прѣсной воды, вливающаяся въ почти совершенно отгороженный отъ моря заливъ, обращаетъ его въ почти прѣсноводный бассейнъ, не смотря на соединеніе съ моремъ. Поэтому лиманы Днѣпровскій и Днѣстровскій занимаютъ по отношенію къ впадающимъ въ нихъ рѣкамъ такое же мѣсто, какое занимаютъ: все Азовское море по отношенію къ Дону и Кубани, и сѣверная треть Каспійскаго моря по отношенію къ Волгѣ и Уралу, т. е. составляютъ резервуары, гдѣ рыба проводитъ большую часть своей жизни и откуда она поднимается въ рѣки, для метанія икры. Очевидно, что, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, изобиліе рыбы должно быть пропорціонально обширности этихъ резервуаровъ. Но рыбный резервуаръ Волги и Урала, т. е. сѣверная, почти прѣсноводная часть Каспійскаго моря, откуда поднимается рыба для метанія икры въ означенныя рѣки и откуда она потомъ возвращается, занимаетъ не менѣе 1500 □ миль; резервуаръ Кубани и Дона, т. е. Азовское море, около 600 □ миль, тогда какъ Днѣпровскій лиманъ имѣетъ не болѣе 15, а Днѣстровскій не болѣе 5 или 6 квадратныхъ миль. Изъ этого становится понятнымъ, почему такая значительная рѣка, какъ Днѣстръ, не можетъ соперничать въ рыбномъ богатствѣ съ небольшимъ Кубенскимъ озеромъ, а Днѣпръ много уступаетъ въ этомъ отношеніи Пейпусу. Эти рѣки превосходятъ однако же своею рыбностью такія, которыя непосредственно вливаются въ соленое море, какъ напримѣръ Ріонъ или даже Сѣверная Двина. Ежели мы проведемъ это сравненіе нѣсколько далѣе, то маловыгодность условій, въ которыхъ находятся Днѣпръ и Днѣстръ, и вообще главнѣйшія условія рыбности рѣкъ сдѣлаются еще яснѣе.

Сравненіе мѣстныхъ условій Днѣпра и Днѣстра съ тѣми, въ которыхъ находятся болѣе богатые рыбою притоны. Самыя изобильныя рыбою рѣки: каковы Волга и Кубань, представляютъ три вполнѣ развитыя системы, или такъ сказать три звена водныхъ бассейновъ, по которымъ совершается ежегодный кругооборотъ тѣхъ переселеній, которому слѣдуютъ ловимыя въ нихъ рыбы: 1) Обширный почти прѣсноводный водоемъ, по которому разсѣвается рыба и отыскиваетъ на пространствѣ его себѣ пищу, въ теченіе большей части года. 2) Промежуточная формація лимановъ или ильменей, гдѣ большая часть такъ называемой у насъ бѣлой или частиковой рыбы мечетъ икру, и гдѣ самая удобная мѣстность для вывода, защиты и прокормленія мальковъ; и наконецъ: 3) Сами рѣки съ ихъ развѣтвленіями, куда поднимаются для метанія икры красная рыба и нѣкоторыя породы бѣлой, какъ напримѣръ донская и астраханская сельдь. Эти рѣки кромѣ того сносятъ съ обширныхъ пространствъ, ими орошаемыхъ, огромное количество органическихъ веществъ, которыми каждый годъ такъ сказать удобряютъ свои ильмени, лиманы и самое море.

Другія рѣки, какъ напримѣръ Донъ и Уралъ, вливаясь подобно первымъ въ обширные, почти прѣсноводные водоемы, служащіе резервуарами для рыбъ, поднимающихся по нимъ, — представляютъ однако же малоразвитое промежуточное звено лимановъ или ильменей, гдѣ рыба могла бы выплаживаться. Эти рѣки могутъ быть также весьма рыбными, но представляютъ ту невыгоду, что при

нѣкоторомъ развитіи рыболовства — выловъ въ нихъ рыбы происходитъ въ несравненно большой пропорціи, нежели ежегодный приростъ. Онѣ болѣе берутъ изъ общаго запаса рыбы, чѣмъ сколько ему возвращаютъ. Съ развитіемъ рыболовства какъ въ нихъ, такъ еще болѣе въ сосѣднихъ рѣкахъ, замѣчается въ уловахъ ихъ гораздо сильнѣйшее оскуденіе, чѣмъ въ рѣкахъ перваго разряда, ибо богатство ихъ промысловъ зависитъ главнѣйше отъ избытка рыбной производительности другихъ мѣстностей. Такъ рыболовство сильно оскудѣло въ Уралѣ, послѣ развитія волжскаго лова, и еще сильнѣе въ Дону вслѣдъ за усиленіемъ лова въ Черноморіи, т. е. въ дельтѣ Кубани, почему и говорятъ, принимая слѣдствіе за причину, что рыба, и преимущественно тарань, покинула Донъ и обратилась въ Кубань. Для предупрежденія все возрастающаго оскудѣнія рыбъ въ этихъ рѣкахъ, чисто мѣстныя средства должны оказаться недостаточными, и истинной пользы можно ожидать только отъ такихъ мѣръ, которыя обнимали бы собою весь водоемъ, служащій общимъ резервуаромъ рыбы для всѣхъ впадающихъ въ него рѣкъ. На это обстоятельство, относительно Дона, было неоднократно мною указываемо въ предъидущихъ отчетахъ.

Рѣкамъ, подобно Днѣпру и Днѣсту образующимъ предъ впаденіемъ болѣе или менѣе обширные лиманы, которые въ свою очередь соединяются съ соленымъ моремъ, недостаетъ перваго и главнаго звена въ означенной системѣ водоемовъ, или—выражаясь точнѣе—общій резервуаръ рыбы совпадаетъ здѣсь съ тѣми промежуточными водовмѣстилищами, которыя предназначены для расположенія ея. Днѣпровскій и Днѣстровскій лиманы составляютъ вмѣстѣ и общій резервуаръ, въ которомъ проводитъ рыба большую часть своей жизни, и ту мѣстность, гдѣ значительная часть ея мечетъ икру. Даже большій изъ нихъ, Днѣпровскій, размѣрами своими уступаетъ совокупности тѣхъ озеровидныхъ расширеній, которыя наполняютъ собою дельты Волги и Кубани, и гдѣ преимущественно мечетъ икру каспійская и азовская рыба. Впрочемъ если ближе вникнуть въ топографическія условія Днѣпровскаго и Днѣстровскаго лимановъ, то и въ нихъ — особенно въ первомъ — можно отличить части болѣе приспособленныя къ метанію икры, къ выводу и воспитанію мальковъ, и другія, гдѣ преимущественно держится взрослая рыба въ остальное время года. Южная часть Днѣпровскаго лимана, ограничиваемая песчаными скопленіями, продолжающимися въ Кинбурнскую косу, гораздо мелководнѣе остальной части лимана, гдѣ глубина не менѣе 18 футъ, мѣстами же заходитъ за сорокъ. Южную мелководную часть лимана ограничиваетъ рядъ отмелей, продолжающихся до самаго устья лимана въ море. Эти отмели обязаны безъ сомнѣнія своимъ происхожденіемъ нейтрализаціи теченія, вслѣдствіе столкновенія двухъ главныхъ рукавовъ Днѣпра: южнаго—Конки, образующаго два гирла Збурьевское и Среднее, и сѣвернаго—собственнаго Днѣпра, раздѣляющагося на нѣсколько гирлъ, изъ которыхъ главныя: Бѣлогрудово по которому слѣдуетъ фарватеръ, Старый Днѣпръ, Домаха, Ольховое, Летвиново и Рвачъ. Восточная оконечность меньшей южной части лимана, отгороженной отмелями, оконечность лежащая между лѣвымъ таврическимъ берегомъ и вдавшеюся въ лиманъ частью дельты, — носитъ названіе Збурьевскаго лимана. Какъ этотъ Збурьевскій уголъ или кутъ лимана, такъ и вся мелководная южная часть его, усѣяны островками и кустами камыша, которымъ заросли отмѣли. Они-то, совокупно съ тѣми озерками, которыя лежатъ уже внутри острововъ дельты, и составляютъ, по этому, не успѣвшія еще выполниться днѣпровскими наносами части нѣкогда далѣе къ востоку простиравшагося морскаго залива, и составляютъ ту мѣстность, гдѣ большая часть рыбы, идущей вверхъ по Днѣпру, мечетъ икру, и гдѣ мальки проводятъ первый періодъ своей жизни. Мѣстность эта и безъ того довольно обширная, значительно увеличивается весною, когда Днѣпръ заливаетъ всѣ такъ называемые плавни, т. е. низменныя острова дельты, ибо

тогда самыя незначительныя углубленія и низменности, заливаемыя водою, представляютъ рыбѣ тѣ же удобства, для метанія икры, какъ и постоянные лиманы и озера.

Если бы обширность водовмѣстилищъ, съ выгоднымъ расположеніемъ для размноженія рыбы, составляли единственное или даже только главное условіе рыбнаго богатства рѣкъ, то Днѣпръ далеко превосходилъ бы въ этомъ отношеніи и Донъ и Уралъ, дельты которыхъ лишены лимановъ, какъ внутреннихъ, такъ и наружныхъ, но въ которыя тѣмъ не менѣе тѣснится огромное количество рыбы, выведшейся, по большей части, въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, болѣе для сего удобныхъ, чѣмъ низовья самыхъ этихъ рѣкъ.

Лиманъ Днѣстровскій, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, представляетъ совершенно тѣже условія, что и Днѣпровскій. Отмели, лежащія къ сѣверу отъ вдающагося въ лиманъ Аккерманскаго мыса; Горогольскій заливъ, совершенно соотвѣтствующій Збурьевскому и занимающій уголъ между херсонскимъ берегомъ лимана и вдавшеюся въ него дельтою Днѣстра; къ сѣверу отъ Калаглейской косы, и наконецъ подобный же кутъ къ западу отъ вдавшейся дельты,—представляютъ по ихъ отмелости, мѣста удобныя для расположенія рыбы. Что касается до внутреннихъ озеръ или лимановъ дельты, то они несравненно менѣе развиты въ днѣстровскихъ, чѣмъ въ днѣпровскихъ плавняхъ Между ними заслуживаетъ вниманія только одно Бѣляевское озеро. Самъ Днѣстръ вливается въ лиманъ, только однимъ гирломъ, пересѣкающимъ во всю длину, вдавшуюся въ лиманъ, часть дельты. Кромѣ того у начала этой вдавшейся части дельты есть еще устье одного протока, извѣстнаго подъ именемъ Таранчука, который въ настоящее время имѣетъ сообщеніе съ Днѣстромъ только во время половодья.

Распредѣленіе рѣкъ на 4 разряда по степени ихъ рыбности. Это сравненіе Днѣпра и Днѣстра съ притоками Каспійскаго и Азовскаго морей объясняетъ, кажется мнѣ, совершенно удовлетворительно различіе, замѣчаемое въ степени ихъ рыбности. Вообще же, на основаніи степени солености, а также глубины тѣхъ бассейновъ, въ которые вливаются рѣки, и характера ихъ устьевъ, можно раздѣлить рѣки на четыре разряда, которые будутъ соотвѣтствовать степени ихъ богатства, что даетъ возможность почти безошибочно заключить, по нѣкоторымъ физическимъ и топографическимъ условіямъ низовьевъ рѣкъ и принимающихъ ихъ морей, о значеніи ихъ въ рыбопромышленномъ отношеніи.

Къ первому разряду принадлежатъ тѣ рѣки, которыя, вливаясь въ малосоленыя моря или части морей, образуютъ дельты со множествомъ наружныхъ заливовъ и внутреннихъ озеръ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ лимановъ и ильменей. Таковы въ особенности Волга и Кубань.

Ко второму относятся рѣки, тоже впадающія въ малосоленые или прѣсноводные бассейны, но не представляющія въ низовьяхъ своихъ обширныхъ и мелкихъ озеровидныхъ расширеній. Таковы Донъ, Уралъ и Кура. Только рѣки этихъ двухъ разрядовъ могутъ быть поприщемъ обширнаго рыболовнаго промысла, имѣющаго не мѣстное только, а общее государственное значеніе. Большія рѣки этихъ двухъ разрядовъ находятся только въ предѣлахъ Россіи, и потому только въ Россіи и существуетъ рѣчной ловъ въ громадныхъ размѣрахъ, могущій соперничать съ самыми обширными морскими промыслами. Хотя, какъ было объяснено выше, рѣки втораго разряда и уступаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣкамъ перваго разряда, однако преимущество этихъ послѣднихъ не распространяется на рыбъ мечущихъ икру въ самомъ руслѣ рѣкъ, каковы всѣ осетровыя породы, относительно которыхъ рѣки втораго разряда нерѣдко могутъ даже имѣть преимущество предъ рѣками перваго разряда.

Къ рѣкамъ третьей категоріи будутъ относиться тѣ, которыя вливаясь въ соленыя моря, образуютъ

однакоже, прежде своего соединенія съ моремъ, посредствующее звено внѣшнихъ лимановъ или ильменей, какъ Днѣпръ и Днѣстръ, или внутреннихъ, какъ Дунай, которые служатъ вмѣстѣ и резервуаромъ для рѣчныхъ рыбъ, откуда онѣ поднимаются въ рѣки, и мѣстомъ расположенія, для значительной доли ихъ.

Наконецъ къ четвертому разряду будутъ относиться тѣ рѣки, которыя вливаются въ соленое и глубокое море безъ посредства полупрѣсноводныхъ заливовъ или лимановъ и не образуютъ предъ своими устьями значительныхъ озеровидныхъ расширеній. Таковы Ріонъ, Сѣверная Двина, Мезень, Онега и многія европейскія рѣки. Рѣки этихъ двухъ разрядовъ, особенно же послѣдняго, не могутъ быть очень рыбными, за единственнымъ исключеніемъ того рѣдкаго случая, если въ нихъ поднимаются рыбы чисто морскаго характера, каковы семга и алоза.

Поэтому кажется мнѣ, что ко всѣмъ повѣствованіямъ о бывшемъ нѣкогда необыкновенномъ изобиліи рыбъ въ рѣкахъ западной Европы должно примѣнять совершенно иной масштабъ, нежели тотъ, которымъ мы привыкли измѣрять рыбное богатство нашихъ Волги, Дона, Урала и Кубани. Онѣ были рыбны, по отношенію къ мѣстному прирѣчному небольшему населенію; въ этомъ смыслѣ могутъ, напримѣръ, быть низваны рыбными и наши сѣверныя рѣки. Слѣдовательно и надежды на обрыбненіе этихъ рѣкъ, посредствомъ ли благоразумныхъ охранительныхъ полицейскихъ мѣръ, или путемъ такъ называемаго искусственнаго оплодотворенія, даже въ случаѣ полной удачи предпринятыхъ съ этою цѣлью опытовъ, должны быть приведены къ весьма скромнымъ границамъ. Съ другой стороны должно считать совершенно преувеличеннымъ страхъ, что когда нибудь наши, изобилующія рыбою рѣки оскудѣютъ до той же степени, какъ и западноевропейскія рѣки, которыя никогда очень рыбными не были и быть не могли. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы не нужно обращать никакого вниманія на истребительные способы лова и разныя злоупотребленія, которыя могутъ если не истребить, то все же въ значительной мѣрѣ истощить наши рыбныя богатства; а такъ какъ для большей части народонаселенія Россіи источникъ рыбнаго продовольствія заключается въ рѣчномъ, а не въ морскомъ рыболовствѣ, то и нѣкоторое оскудѣніе нашихъ рыбныхъ богатствъ было бы для насъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ почти совершенное истощеніе рѣкъ западной Европы, которая всегда продовольствовалась рыбою главнѣйше изъ морей, омывающихъ ея берега, или и изъ отдаленныхъ частей Атлантическаго океана.

Послѣ этого общаго сравнительнаго взгляда, дающаго мѣрило для оцѣнки значенія, которое имѣетъ рыболовство въ Днѣпрѣ и въ Днѣстрѣ, и объясняющаго причины, по которымъ эти значительныя рѣки не могутъ равняться по изобилію рыбы съ притоками морей Каспійскаго и Азовскаго, я перехожу къ описанію рыбнаго промысла, производимаго въ этихъ рѣкахъ и въ ихъ лиманахъ — начиная съ Днѣстра.

Ловъ днѣстровскій, раздѣленіе его на рѣчной и морской. Ловъ рыбы въ днѣстровсковскомъ лиманѣ рѣзко раздѣляется на два совершенно отдѣльныхъ промысла, — на ловъ прѣсноводной, собственно лиманской и рѣчной рыбы, производимый на пространствѣ почти всѣхъ береговъ лимана, и на ловъ морской рыбы у югозападнаго берега его на косѣ, отдѣляющей лиманъ отъ Шоболотскаго озера, которое заключаетъ въ себѣ воду одинаковой или даже нѣсколько большей солености, нежели морская. Хотя этотъ послѣдній ловъ и производится въ лиманѣ, но онъ служитъ поприщемъ его лишь по причинамъ совершенно случайнымъ, какъ увидимъ ниже.

Ловъ рѣчной рыбы сосредоточивается преимущественно въ двухъ мѣстностяхъ: съ херсонской стороны у песчанной косы, лежащей немного къ сѣверу отъ селенія Калаглеи; а съ бессарабской—въ заливѣ, образуемомъ, вдавшеюся въ видѣ языка въ лиманъ, днѣстровскою дельтою и бессарабскимъ берегомъ до плавней, занимающихъ уголъ, образуемый Аккерманскимъ мысомъ.

Прѣсноводныя рыбы, составляющія предметъ днѣстровскаго лова. Ловимыя въ лиманѣ рыбы принадлежатъ къ обыкновеннымъ рѣчнымъ породамъ Южной Россіи. Главнѣйшія изъ нихъ суть: лещъ (Abramis Brama), коробъ или сазанъ (Cyprinus carpio и C. hungaricus), судакъ (Lucioperca vulgaris) окунь (Perca fluviatilis), рыбецъ (Abramis Vimba), густера (Abramis Blicca), синецъ (Abramis ballerus), чехонь (Pelecus cultratus), красноперка (Leuciscus rutilus), вырезубъ (Leuciscus Friesii), бѣлизна (Aspius rapax), сомъ (Silurus glanis) и щука (Esox lucius). Сверхъ того въ лиманѣ попадаются породы красной рыбы, изъ которыхъ севрюга носитъ здѣсь названіе пестрюги, а стерлядь, ловимая въ небольшомъ количествѣ—чечуги. Въ небольшомъ количествѣ поднимается изъ моря сельдь (Clupea или Alosa pontica) и тюлька (Clupea cultriventris), которой довольно много ловится зимою. Породы красной рыбы и сельдей заходятъ иногда изъ моря. Что же касается до прочей рыбы, то однѣ изъ нихъ чисторѣчныя, другія же болѣе живутъ въ лиманѣ; но раздѣлить ихъ, какъ дѣлаетъ г. профессоръ Кесслеръ, на рѣчныя и лиманныя, я не считаю возможнымъ, такъ какъ и тѣ, которыхъ онъ причисляетъ къ лиманнымъ рыбамъ, хотя и мечутъ отчасти икру въ самомъ лиманѣ, однако же поднимаются для этого и въ Днѣстръ, точно также какъ и въ другія рѣки, напримѣръ въ Днѣпръ и Донъ; таковы чехонь, рыбецъ, густера и другія. Лучшія изъ этихъ рыбъ осетровыя породы, судаки, коропъ и лещъ ловятся въ небольшомъ количествѣ, а самый обильный предметъ лова составляютъ малоцѣнныя мелкія рыбы изъ родовъ Leuciscus и Abramis, идущія впрочемъ не на мѣстное только употребленіе, а развозимыя въ бѣдную рыбою югозападную Россію.

Должны ли примѣняться къ лиманамъ правила рѣчнаго или морскаго и озернаго рыболовства? Всѣ рыбныя ловли днѣстровскаго лимана отдаются въ откупное содержаніе или помѣщиками, или какъ мірскія оброчныя статьи, такъ какъ значительнѣйшая часть берега лимана принадлежитъ городскимъ или сельскимъ обществамъ, и только небольшое пространство отведено для бессарабскаго архіерея. Отдача лиманскихъ водъ въ откупное содержаніе имѣетъ мѣсто и на днѣпровскомъ лиманѣ. Въ обоихъ случаяхъ законность такого образа дѣйствій подлежитъ, кажется мнѣ, большому сомнѣнію, ибо противорѣчитъ основному положенію нашего рыболовнаго законодательства, по которому не только море и его части, но и озера, не состоящія внутри одной дачи, частному владѣнію не подлежатъ. Что же такое лиманъ? По происхожденію своему лиманъ есть морской заливъ, отгороженный отъ моря, на значительной части своего протяженія, песчаною косою, образовавшеюся вслѣдствіе взаимодѣйствія морскаго и рѣчнаго теченій, и опрѣснѣвшій отъ значительной массы воды, вливаемой въ него впадающею рѣкою. На этомъ основаніи лиманы, подобные днѣстровскому и днѣпровскому, должны бы считаться частями моря и слѣдовательно подлежатъ свободѣ, установленной нашимъ законодательствомъ для морскаго лова. Но такое основаніе можетъ по справедливости казаться слишкомъ теоретическимъ, для утвержденія на немъ правилъ пользованія водами, которыя должны безъ сомнѣнія носить на себѣ чисто практическій характеръ. Но если и не считать лимановъ морскими заливами, то все-таки придется отнести ихъ къ разряду озеръ. Ежели наше законодательство признаетъ рыболовство въ большихъ озерахъ вольнымъ, то дѣлаетъ это очевидно на томъ основаніи, что считаетъ несправедливымъ пріуро-

чивать обширныя водныя пространства, на которыхъ довольно мѣста для многихъ рыбопромышленниковъ, къ окружающей ихъ прибрежной полосѣ. Дабы это выключеніе большихъ озеръ изъ частной или общественной собственности не оставалось въ большей части случаевъ номинальнымъ, установлена законами особая повинность, по которой береговые владѣльцы обязаны оставлять десятисаженную прибрежную полосу, для пристанища ловцовъ и для обсушки снастей (XII т. Св. Зак. Уст. о город. и сельск. хоз. ст. 562 и 563). Между лиманами и озерами нѣтъ въ этомъ отношеніи рѣшительно никакой разницы, или, лучше сказать, существующая между ними разница — именно соединеніе съ моремъ — неминуемо ведетъ къ тому заключенію, что если законъ признаетъ свободу озернаго лова, то эта свобода относится еще въ сильнѣйшей степени къ лиманамъ. Впаденіе въ лиманъ болѣе или менѣе значительной рѣки, которая можетъ составлять предметъ частной собственности, нисколько не измѣняетъ этого заключенія; ибо хотя и можно утверждать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что лиманъ есть значительное расширеніе рѣчнаго русла, которое ослабило его теченіе, то это же самое относится и ко всякому озеру, принимающему въ себя одну или нѣсколько рѣкъ. Если впаденіе Волхова, Сяси, Ояти въ Ладожское озеро, или Мсты, Шелони, Ловати въ Ильмень не измѣняетъ ихъ озернаго характера и не составляетъ причины, по которой рыболовство въ этихъ обширныхъ водовмѣстилищахъ должно бы составлять исключительное право ихъ прибрежныхъ владѣльцевъ, то очевидно, что тоже самое относится къ соединеннымъ съ моремъ и принимающимъ въ себя Днѣпръ и Днѣстръ прѣсноводнымъ озерамъ, извѣстнымъ подъ именемъ днѣпровскаго и днѣстровскаго лимановъ.

Самыя условія, на которыхъ отдаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лиманскія воды на откупъ, показываютъ, что при составленіи ихъ имѣлись въ виду правила установленныя для озернаго лова. Такъ калаглейскія рыбныя воды отдаются на откупъ, подъ видомъ отдачи въ арендное содержаніе десятисаженнаго пространства вдоль берега, съ обязательствомъ для откупщика никакими другими выгодами, кромѣ этого десятисаженнаго пространства, не пользоваться. Эта десятисаженная полоса очевидно заимствована изъ 563 ст. XII т. Св. Зак. при помощи весьма страннаго перетолкованія смысла ея. Именно, эта полоса и изъемлется изъ полной собственности владѣльцевъ прибрежныхъ земель и передается въ общее пользованіе всѣхъ занимающихся рыболовствомъ. Здѣсь же обращается въ средство для ограниченія свободы рыболовства именно то, что по смыслу закона должно его обезпечивать!

Такъ какъ рыболовство въ лиманѣ представляетъ довольно значительныя выгоды, то казна, сельскія и городскія общества могутъ конечно извлекать изъ нихъ нѣкоторый доходъ; но для этого нѣтъ надобности подчинять узаконенную свободу лова произволу откупщика, а можно бы облагать различныя снасти извѣстными налогами отчасти въ пользу казны, отчасти же въ пользу обществъ, на что никто не могъ и не сталъ бы жаловаться; между тѣмъ какъ стѣсняющій свободу промысла откупъ, находящійся почти въ рукахъ евреевъ, возбуждаетъ общее неудовольствіе рыболовнаго населенія. И въ самомъ дѣлѣ, условія отдачи рыболовныхъ водъ въ откупное содержаніе всегда стѣснительны тѣмъ, что ставятъ ловцовъ въ совершенную зависимость отъ арендатора, подчиняютъ ихъ его произволу.

Условія отдачи лиманныхъ водъ въ оброчное содержаніе и хозяйственное устройство лова. а) *На херсонской сторонѣ лимана.* Въ Калаглеѣ оброко-содержателю предоставляется право имѣть число неводовъ, по своему усмотрѣнію, собственныхъ, или по условію съ другими. Этимъ дается ему слѣдовательно полная воля не дозволять никому постороннему ловить въ водахъ, которыя онъ почитаетъ своими, или дозволить это подъ тѣми условіями, какія ему заблагоразсудится установить. Единствен-

ное ограниченіе его правъ заключается въ дозволеніи каждому жителю селенія ловить рыбу, для домашняго употребленія, мелкими снастями, а раковъ даже и на продажу. На дѣлѣ откупщикъ, какъ человѣкъ не очень богатый, предпочитаетъ получать, не сопряженный съ рискомъ и расходами, доходъ, и потому дозволяетъ ловить всѣмъ желающимъ съ уплатою ему $^1/_{10}$ части улова добытаго распорными или такъ называемыми здѣсь внутренними неводами, и $^1/_8$ части улова добытаго грядовыми, т. е. вытягиваемыми на берегъ неводами. Свою часть беретъ откупщикъ не рыбою, какъ это дѣлается напримѣръ при керченскомъ сольдяномъ ловѣ, а деньгами послѣ продажи. Кромѣ того, что при этомъ способѣ взиманія откупщикъ не имѣетъ нужды тратиться на посуду, соль и работниковъ, онъ имѣетъ и особую причину предпочитать полученіе своей доли деньгами, а не рыбою, заключающуюся въ установленномъ здѣсь обычаями способѣ раздѣла добычи между хозяевами и ихъ работниками. Весь уловъ продаетъ всегда атаманъ по какой хочетъ цѣнѣ. Изъ вырученной суммы выдѣляется стоимость харчей и откупщикова часть безъ всякихъ вычетовъ. Остальное дѣлится пополамъ между хозяиномъ, которому принадлежатъ лодка и снасть, и работниками. Атаманъ получаетъ изъ части приходящейся на долю забродчиковъ, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, лямщиковъ, одинаковый съ прочими работниками пай, но ему идетъ еще два такихъ же пая изъ хозяйской половины. Если бы откупщикъ получалъ свою десятую или восьмую часть рыбою, то ему конечно не было бы никакого основанія вмѣшиваться въ продажу остальной рыбы. Но получая свою часть деньгами изъ валовой выручки, онъ имѣетъ основаніе предполагать, что атаманъ продешевилъ рыбу, или скрылъ настоящую цѣну, по которой ее продалъ; поэтому нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали калаглейскіе откупщики присвоивать себѣ право участвовать во всѣхъ продажахъ рыбы, такъ что кому бы рыба ни была продана, купившій ее имѣетъ право лишь на третью часть проданнаго, другая треть по той же цѣнѣ принадлежитъ откупщику, а третья хозяину. Если рыба продана дорого, то откупщикъ уступаетъ тутъ же и свою часть покупщику остальныхъ частей; если продажа состоялась дешевая, то онъ оставляетъ рыбу за собою и потомъ пользуется значительнымъ барышомъ при перепродажѣ доставшейся ему третьей части. Очевидно, что при такомъ порядкѣ номинально дешевая продажа рыбы находится въ интересѣ, какъ откупщика и хозяина, такъ и купцовъ, которымъ не можетъ быть никакой конкуренціи. Ея нѣтъ и между покупщиками остальной трети, ибо покупающіе рыбу поступаютъ точно такъ, какъ барышники при покупкѣ лошадей. Условившись въ цѣнѣ съ атаманомъ, мечутъ они между собою жребій, и только тотъ, кому онъ выпадетъ, имѣетъ право оставить рыбу за собою. Такой покупатель часто передаетъ свое право другому за небольшой барышъ; но эта дальнѣйшая конкуренція между покупщиками не приноситъ уже никакихъ выгодъ рыбакамъ. Изъ этого видно, что умѣренный повидимому сборъ откупщика, $^1/_{10}$ или $^1/_8$ доля цѣнности улова, на дѣлѣ гораздо значительнѣе, вслѣдствіе искусственнаго удешевленія цѣнъ, происходящаго отъ стачки между покупателями рыбъ, хозяевами неводовъ и откупщикомъ.

Положеніе рыбопромышленниковъ, какъ хозяевъ, такъ и работниковъ, занимающихся ловомъ распорными или такъ называемыми внутренними неводами, значительно ухудшается еще тѣмъ, что уплата $^1/_{10}$ доли калаглейскому откупщику не даетъ имъ еще права повсемѣстнаго лова на всемъ пространствѣ лимана, ибо не одна Калаглея отдаетъ на откупъ свои воды, подъ видомъ береговой полосы земли, необходимой для пристанища рыбаковъ и сушки неводовъ. Если кто ловитъ рыбу въ водахъ, считающихся бессарабскими, или принадлежащими нѣмецкой колоніи Францфельдъ, лежащей у вершины Горогольскаго залива, т. е. въ водахъ, противулежащихъ ихъ дачамъ, тотъ долженъ платить и тамошнимъ

откупщикамъ или обществамъ десятую долю улова, не освобождаясь отъ уплаты своему откупщику, во владѣнія котораго привозится рыба для раздѣлки. Одинъ беретъ за воду, а другой за берегъ, такъ что рыбакамъ приходится отдавать ⅕ долю валовой цѣнности ихъ улововъ. Во избѣжаніе споровъ и нескончаемыхъ претензій разныхъ откупщиковъ калаглейскіе рыбаки, ловящіе распорными неводами, уговорились съ откупщиками бессарабской стороны платить имъ, вмѣсто десятины—по 40 р. съ каждаго невода. Очевидно, что если рыбаки считаютъ для себя выгоднымъ платить 40 р. вмѣсто десятины, взымаемой съ нихъ лишь за ту рыбу, которую они ловятъ не у своихъ береговъ, то, при объявленіи лова свободнымъ, каждая неводная артель охотно заплатила бы по 50 и болѣе рублей съ невода за право безпрепятственнаго лова на пространствѣ всего лимана и совершенно свободной продажи рыбы. Часть этого сбора могла бы идти въ пользу обществъ, а часть въ государственный доходъ. Эта плата откупщикамъ или обществамъ другихъ водъ, взимаемая лишь съ ловящихъ распорными неводами, составляетъ одну изъ причинъ, по которой они платятъ только десятую долю цѣнности улова калаглейскому откупщику, вмѣсто восьмой, собираемой съ ловящихъ градовыми неводами. Другая причина уменьшеннаго сбора съ распорныхъ неводовъ заключается въ томъ, что ловъ ими обходится дороже, чѣмъ береговыми, ибо требуетъ двухъ лодокъ, болѣе исправной снасти и большаго числа рабочихъ.

б) *На бессарабской сторонѣ лимана.* На бессарабской сторонѣ лимана главныя рыболовныя воды извѣстны подъ названіемъ: паланскихъ, ганкишлинскихъ и гуророщинскихъ по имени селеній, лежащихъ на краю днѣстровскихъ плавней, близъ залива, образуемаго вдавшеюся въ лиманъ дельтою Днѣстра. Нижняя часть теченія Днѣстра и притокъ Таранчукъ причисляются къ этимъ же водамъ, которыя не занимаютъ однако же непрерывнаго пространства вдоль берега лимана, а прерываются участкомъ архіерейскихъ водъ, лежащихъ у Рогулинской косы. Эти послѣднія воды также отдаются на откупъ еврею за 700 или 800 р. И здѣсь самъ откупщикъ ловомъ не занимается, а имѣетъ право собирать $^1/_{10}$ долю улова, которую онъ на дѣлѣ увеличиваетъ до $^1/_6$, и также какъ въ Калаглеѣ вмѣшивается въ продажу рыбы, удерживая за собою право покупки нѣкоторой части ея. Паланксія, ганкишлинскія и гуророщинскія воды составляютъ въ настоящее время казенную оброчную статью, за которую жители селеній Паланки, Ганкишлы и Гуророщи должны платить, начиная съ 1866 года по 1051 р. 5 к., а въ послѣдующіе за тѣмъ три года по 1156 р. 15½ к. въ годъ. Эта сумма взымается по семейно со всѣхъ жителей этихъ деревень, которые получаютъ за то право ловить рыбу небольшими снастями: удочками, волоками, т. е. бреднями, и такъ называемыми орьями, тербучками и котцами. *Орьи* суть сѣтяные мѣшки въ родѣ волжскихъ поѣздухъ, уральскихъ ярыгъ, или употребительныхъ по рѣкамъ впадающимъ въ Бѣлое море, особливо же въ Поноѣ,—поѣздовъ, которые бросаютъ съ лодокъ и тянутъ по дну. *Тербучки* состоятъ изъ сѣтянаго полукруглаго мѣшка, насаженнаго на шестъ или рукоятку. Подъѣхавъ на лодкѣ къ берегу, гдѣ есть подмывъ, или близь котораго растутъ кусты, одинъ упираетъ тербучекъ въ дно, а два другихъ поддерживаютъ лодку на мѣстѣ и шестомъ пугаютъ рыбу, которая съ испугу бросается въ разставленную ловушку. *Котцы* представляютъ родъ вентерей, изъ камышу или дранокъ, на подобіе тѣхъ, о которыхъ было говорено при описаніи кубанскаго рыболовства. Изъ этихъ снастей орьи и тербучки употребляются только въ текущей водѣ, и притомъ орьи исключительно въ Днѣстрѣ, такъ какъ Таранчукъ слишкомъ заваленъ всякимъ соромъ чтобы можно было тянуть орьи по дну его.

Жители трехъ упомянутыхъ селеній по большей части занимаются ловомъ рыбы означенными снастями лишь для собственнаго употребленія; только немногіе изъ нихъ ловятъ и на продажу. Такъ

какъ, при одинаковой платѣ въ казну, они имѣютъ больше выгодъ сравнительно съ остальными, то должны жертвовать что нибудь въ пользу церкви, по условію съ обществомъ. Употребленіе же неводовъ, которыми добывается несравненно болѣе значительное количество рыбы, допускается не иначе, какъ за извѣстную плату въ общество; и подъ этимъ условіемъ неводнымъ ловомъ могутъ пользоваться, какъ жители трехъ селеній, къ которымъ приписаны воды, такъ и посторонніе. Такія условія пользованія водами конечно гораздо предпочтительнѣе условій откупа, а по отношенію къ Таранчуку и днѣстровскому участку, противъ него ничего даже нельзя возразить; касательно же лимана, гдѣ ловъ долженъ быть совершенно свободенъ на всемъ его пространствѣ, безъ всякаго отношенія къ тому, кому принадлежатъ берега его, необходимо введеніе вольнаго лова подъ условіемъ извѣстной платы съ каждаго рода снастей сообразно съ доставляемыми ими уловами.

Съ 1863 по 1866 годъ паланскія, ганкишлинскія и гуророщинскія воды также отдавались казною на откупъ, именно за 1001 р.; съ 1857 по 1863 г. пользовались ими общества безплатно, до этого же сами общества взимали съ рыбопромышленниковъ по 450 р. въ годъ, которыя обращались въ мірской капиталъ. За паланскими, ганкишлинскими и гуророщинскими водами берегъ лимана и рыболовство принадлежатъ двумъ бессарабскимъ помѣщикамъ Хоперскому и Волхонскому, а далѣе идутъ воды Турлакскаго посада и города Аккермана. Въ южной части лимана, гдѣ нѣтъ пригодныхъ для неводной тяги косъ, и берега круты, или даже обрывисты, — лова въ значительныхъ размѣрахъ не производится. Внутри днѣстровскихъ плавней есть, какъ я уже упоминалъ, одинъ довольно значительный лиманъ Бѣляевскій, лежащій въ 5 верстахъ выше селенія Маяки и соединяющійся съ Днѣстромъ широкимъ, но очень короткимъ гирломъ. За право лова въ этомъ лиманѣ собираетъ общество села Бѣляевки, въ дачахъ котораго онъ находился, денежный сборъ, составляющій отъ 150 до 200 р. въ годъ. Во время моего посѣщенія этой мѣстности, въ лиманѣ ловили двумя неводами, доставлявшими, какъ мнѣ сказывали, рыбы на сумму отъ 500 до 800 р. въ годъ.

Употребительнѣйшія орудія лова въ Днѣстрѣ и въ его лиманѣ. Главное орудіе лова, какъ въ Днѣстровскомъ лиманѣ, такъ и въ Днѣстрѣ, составляетъ неводъ. Обыкновенная длина распорныхъ неводовъ около 300, а грядовыхъ до 600 саженъ. Рѣчные невода конечно гораздо короче. Въ Днѣстрѣ употребляютъ также ставныя сѣти, дѣйствующія и какъ плавныя, одинъ конецъ которыхъ плыветъ вмѣстѣ съ лодкою, а другой тянутъ съ берега. Сѣтьми нерѣдко перегораживаютъ всю рѣку, платя за это незначительныя суммы владѣльцамъ обоихъ береговъ. Вентеря здѣсь мало употребительны. Крючной снасти, по незначительности красной рыбы, также немного; однако же жалуются на то, что ими заставляютъ устья Днѣстра. Еще жалуются на коты, выставляемыя въ ерикахъ, которые нарочно прорѣзываютъ чрезъ узкую и нѣсколько болѣе возвышенную гряду, окаймляющую теченіе Днѣстра и отдѣляющую его отъ болѣе низменныхъ плавней. Весною, при спадѣ водъ, эта болѣе возвышенная гряда обсыхаетъ ранѣе, и рыба, чрезъ ерики возвращаясь изъ плавней въ рѣку, попадаетъ въ коты. Объ этомъ орудіи лова я буду имѣть случай въ подробности изложить мое мнѣніе, говоря о ловѣ въ Днѣпрѣ, гдѣ оно всего больше употребляется и гдѣ возбуждаетъ во многихъ сильнѣйшее негодованіе.

Вліяніе на ловъ рыбы, приписываемое пароходамъ. Отыскивая причины оскудѣнія лова, который никогда и не былъ очень значительнымъ, жалуются конечно и на ходящіе по Днѣстру пароходы; но вредъ ими причиняемый видятъ главнѣйше не въ томъ, что они распугиваютъ рыбу, а въ томъ, что нарываютъ на днѣ бугры и ямы якорями, которые тянутся по дну еще нѣсколько времени послѣ того,

какъ ихъ бросятъ. Отъ этого нижняя подбора неводовъ не можетъ плотно прилегать къ избороржденному дну и рыба, особенно же хитрые сазаны (короны), ускользаетъ изъ рукъ ловцовъ. Если это и справедливо, то днѣстровскимъ пароходамъ должно бы приписать роль не уничтожителей, а охранителей рыбнаго запаса этой рѣки.

Времена изобильнѣйшаго лова и способы сбыта рыбы. Изобиліе лова въ лиманѣ весьма различно; оно болѣе зависитъ отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, нежели отъ времени года, какъ это и должно быть, потому что въ лиманъ рыба ни откуда не идетъ, а постоянно въ немъ живетъ, такъ что нѣтъ періодовъ ея появленія и исчезновенія. Съ другой стороны въ лиманѣ вовсе нѣтъ мѣстъ значительной глубины, куда бы она по временамъ могла скрываться. Наибольшая глубина нигдѣ не превышаетъ 9 футъ, и потому неводной ловъ возможенъ на всемъ его пространствѣ. Всего труднѣе поймать ее, когда она входитъ въ камышъ для метанія икры, что для здѣшнихъ породъ бываетъ отъ апрѣля до іюня мѣсяца. Наибольшіе уловы случаются, по замѣчанію рыбаковъ, во время тихой погоды преимущественно осенью и также вскорѣ послѣ ледохода.

Ежели Днѣстровскій лиманъ и низовья Днѣстра нельзя причислить къ мѣстностямъ очень рыбнымъ, то — взамѣнъ того — условія сбыта пойманной въ нихъ рыбы чрезвычайно выгодны, вслѣдствіе близкаго сосѣдства Одессы, Кишинева и безрыбнаго югозападнаго края Россіи. Большая часть здѣшней рыбы продается свѣжею, и только выгодность этого сбыта свѣжей рыбы заставила придумать способы привозить ее свѣжею не только до Одессы, отстоящей на какія-нибудь 40 верстъ, а даже до Кишинева за 120 слишкомъ верстъ. Для этого имѣютъ у Калаглеи и въ другихъ рыболовныхъ мѣстахъ ледники. Пойманную рыбу опускаютъ въ смѣсь воды со льдомъ, чтобы она тамъ окоченѣла, и сейчасъ же накладываютъ на воза, пересыпая слой рыбы корзиною или двумя измельченнаго льда. Солятъ рыбы немного въ архіерейскихъ и въ калаглейскихъ водахъ. Этимъ занимаются преимущественно евреи и отчасти русскіе, скупающіе рыбу свѣжею. Главный сбытъ ея въ Балтѣ и Кишиневѣ. Цѣны на свѣжую рыбу въ Одессѣ весьма различны, завися отъ количества ея привоза, степени свѣжести и отъ цѣнъ на мясо, такъ что иногда за 100 короповъ отъ $1/2$ фунта до 3 фунт. вѣсомъ, даютъ не болѣе 50 к. с. Но вообще цѣна на свѣжую рыбу хорошая, и потому-то даже жители тѣхъ деревень, которыя имѣютъ свои рыбныя ловли, предпочитаютъ продавать рыбу собственнаго улова, а для своего употребленія, преимущественно во время косовицы, покупаютъ болѣе дешевую донскую тарань, подъ именемъ которой здѣсь понимаютъ вообще всю тарань, привозимую съ Азовскаго моря, гдѣ бы она ни была поймана, въ Дону-ли, въ Кубани или въ самомъ морѣ.

Ловъ морской рыбы въ Днѣстровскомъ лиманѣ, или ловъ въ такъ-называемыхъ Шаболотскихъ ерикахъ. Совершенно особымъ характеромъ отличается ловъ, производимый въ такъ-называемыхъ шабскихъ водахъ, т. е. въ юго-западномъ углу Днѣстровскаго лимана, на косѣ отдѣляющей лиманъ отъ Шаболотскаго озера, которое безъ сомнѣнія нѣкогда составляло одно цѣлое съ этими лиманами. Въ настоящее время это — отдѣльное озеро, имѣющее около 15 верстъ въ длину параллельно морскому берегу, отъ котораго отдѣляется узкою косою, и не болѣе 3 верстъ въ ширину. Коса, отдѣляюшая озеро отъ лимана, имѣетъ около версты въ ширину. Такимъ образомъ Шаболотское озеро не имѣетъ никакого естественнаго соединенія ни съ моремъ, ни съ лиманомъ. Вода озера соленая и даже нѣсколько солонѣе морской, а ежели бы преграды, отдѣляющія его отъ моря и лимана, не прерывались, то она несомнѣнно обратилась бы въ самосадочное озеро, подобно къ югу отъ него лежащимъ озерамъ Шаганы

и Алибей. Но узкая коса, отдѣляющая море отъ озера, прорывается во время бурь, и по этимъ прорывамъ заходитъ туда разная морская рыба, преимущественно же кефаль. Но эти случайныя сообщенія быстро засыпаются, и зашедшая въ озеро рыба непремѣнно бы гибла отъ слишкомъ соленой воды. Этотъ случайный заходъ рыбы вѣроятно и подалъ первоначальный поводъ воспользоваться озеромъ, для рыбной ловли, такъ сказать, обратить его въ обширный садокъ, изъ котораго можно бы было вылавливать рыбу въ самое удобное время. Для этого стоило только прокопать постоянные каналы, которыми рыба могла бы заходить въ озеро; но соединеніе это должно было быть не съ моремъ, а съ лиманомъ, какъ потому что съ моря всякій бурунъ засыпалъ бы прорытые каналы, такъ и потому что, при непосредственномъ соединеніи съ моремъ, испареніе, концентрируя втекающую въ озеро воду, обращало бы ее въ рапу, въ которой рыба не могла бы жить. Поэтому, еще во времена турецкаго владычества существовали три канала или ерика, соединяющихъ озеро съ лиманомъ. Но только лѣтъ около пятидесяти тому назадъ, слѣдовательно въ первое время присоединенія Бессарабіи къ Россіи, шаболотскій ловъ получилъ свое полное развитіе. Между озеромъ и лиманомъ было прокопано до 200 ериковъ или канавъ въ $1\frac{1}{2}$ или 2 сажени шириною и около сажени глубиною. Всякая морская рыба, преимущественно кефаль мелкаго сорта (Mugel saliens), а также анчаусы и обыкновенная камбала (Platessa lusca), входящая въ лиманъ, въ южной части котораго вода соленая, заходитъ ериками въ озеро, въ мелкой и теплой водѣ котораго находитъ изобильную пищу. Въ теченіе всего лѣта кефаль живетъ въ озерѣ, выростаетъ и жирѣетъ въ немъ; осенью же, съ охлажденіемъ воды, стремится обратно въ лиманъ и въ море. Если бы кефаль осталась въ озерѣ на зиму, то такъ какъ оно замерзаетъ и притомъ очень мелко, то она вся бы тамъ погибла. Ерики доставляютъ ей единственный путь для выхода изъ озера. Ихъ обращаютъ поэтому какъ бы въ вентеря, или точнѣе въ коты, которыми вылавливаютъ до чиста всю возвращающуюся по нимъ кефаль.

Устройство ериковъ, засореніе ими Шаболотскаго озера. Смотря по ширинѣ косы, которую прорѣзываютъ ерики, длина ихъ измѣняется отъ полуверсты до версты. Прорытые какъ кому вздумалось, они не совершенно параллельны между собою; иногда ерики проходятъ отъ озера до лимана совершенно отдѣльно другъ отъ друга, иногда же они соединяются по два и по три въ одно общее устье со стороны озера, или со стороны лимана. Ширина ихъ измѣняется отъ 2 до 4 аршинъ, а глубина не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ арш. Промежутки между ними обыкновенно не шире 2 саженъ, то есть сколько нужно для безпрепятственнаго вдоль ихъ прохода и для выгрузки попавшейся рыбы. Эти промежутки имѣютъ видъ невысокихъ валовъ, образовавшихся отъ выкладываемой изъ ериковъ земли. Черезъ всѣ ерики проходитъ дорога, и черезъ каждый перекинутъ поэтому мостикъ. Все вмѣстѣ представляетъ совершенно особый, довольно оригинальный видъ.

Каждую весну ерики прочищаются, для безпрепятственнаго прохода рыбы въ озеро, и эта прочистка повторяется осенью. Безъ этихъ работъ устья ериковъ скоро бы заносились иломъ, и сообщеніе по нимъ бы прекратилось. И теперь не всѣ ерики поддерживаются, — изъ 200 слишкомъ канавокъ, слѣды которыхъ еще видны, только 94 содержатся въ годномъ для рыболовства состояніи. Это уменьшеніе числа ериковъ приписываютъ обыкновенно уменьшенію улововъ, по которому издержки, нужныя на поддержаніе ериковъ, не окупаются выручаемыми отъ нихъ доходами. Но это объясненіе едва-ли справедливо. Оставлены лишь тѣ ерики, которые занимаютъ сѣверную часть косы, или перешейка, и оставлены потому, что ихъ нужно бы было удлинить на нѣсколько сотъ саженъ, или даже на версту

для того, чтобы они впадали въ достаточно глубокую для хода рыбы часть озера. Сѣверовосточный уголъ его частью уже занесенъ и занесенъ иломъ и заросъ тростникомъ, такъ что перешеекъ сталъ тутъ гораздо шире прежняго, частью же значительно обмелѣлъ. Причина этого засоренія озера заключается безъ сомнѣнія въ прокопаніи ериковъ. Послѣ того, какъ морскіе вѣтры нагонятъ много воды въ лиманъ, она, по прекращеніи вѣтра, съ большею силою обращается назадъ, и, встрѣтивъ открытые каналы, ведущіе въ озеро, устремляется по нимъ, неся съ собою большое количество мути, поднятой волненіемъ со дна мелкаго лимана. Съ прекращеніемъ теченія въ озерѣ, муть эта осаждается и постепенно выполняетъ его.

Надо еще замѣтить, что если общее число, какъ поддерживаемыхъ, такъ и заброшенныхъ ериковъ, и простирается до 200, то едва-ли были они когда всѣ одновременно въ дѣйствіи. По крайней мѣрѣ изъ описанія дунайскихъ рыбныхъ ловель, къ числу которыхъ были причислены и такъ называемыя шабскія воды, составленнаго генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Семякинымъ по порученію тогдашняго новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, видно, что въ 1843 году было всего только 85 ериковъ, изъ коихъ не болѣе половины поддерживались хозяевами ихъ въ должной исправности, потому что ловъ въ нихъ не возвращалъ издержекъ на содержаніе ериковъ и мостовъ, устройство гардъ и уплату откупщику четвертой части улововъ. Хозяева ериковъ объявили при этомъ, что они принуждены будутъ забросить и остальные ерики, если откупщикъ будетъ имѣть право требовать съ нихъ четвертую долю улова.

Ловъ въ ерикахъ начинается не ранѣе сентября. Для этого устраиваютъ двое воротъ, одни за другими, съ озерной стороны канавокъ. Каждыя ворота состоятъ изъ двухъ камышевыхъ стѣнокъ, сходящихся между собою подъ тупымъ угломъ, обращеннымъ вершиною къ лиману. Рыба, гонимая холодомъ изъ озера, можетъ довольно свободно протѣсниться сквозь ворота, но обратно уйти не можетъ. Ближе къ лиманскому концу канавки дѣлаютъ еще третьи ворота, и въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи совершенно перегораживаютъ ерикъ камышевою же стѣнкою. Пространство между этими воротами и стѣнкою образуетъ какъ бы бочку вентеря, откуда для рыбы нѣтъ уже никакого выхода. Ее отсюда вылавливаютъ сачками и бросаютъ въ вырытые въ промежуткѣ между двумя ериками небольшіе садки. Эти камышевые ворота и стѣнки извѣстны подъ именемъ гардъ.

Пойманную кефаль хозяева ериковъ, по большей части не богатые мѣщане Шабскаго посада, сами обыкновенно не солятъ, а продаютъ скупщикамъ, мелкую отъ 8 до 10, а крупную отъ 15 до 18 р. за тысячу. Иногда попадается при этомъ ловѣ кефаль очень крупная, извѣстная подъ именемъ габы или гавы. Это не болѣе взрослая кефаль обыкновеннаго сорта, а совершенно другая порода, гораздо въ меньшемъ количествѣ встрѣчающаяся въ Черномъ морѣ (Mugil chelo). Она заходитъ въ Шаболотское озеро не ериками изъ лимана, а прямо изъ моря, при прорывахъ морской косы. Ее продаютъ отъ 20 до 24 р. сер. за сотню.

Исторія шаболотскаго лова и отдача его въ откупное содержаніе. Шабскія рыбныя ловли, заключающіяся: въ части Днѣстровскаго лимана, отъ границъ колоніи Шаба до Цареградскаго гирла, правою стороною лимана до половины ширины его; въ Шаболотскомъ озерѣ; въ ерикахъ находящихся между этимъ озеромъ и лиманомъ, и въ участкѣ морскаго берега отъ Цареградскаго гирла до новой государственной границы, на протяженіи 35 верстъ, отдаются бессарабскою палатою государственныхъ имуществъ въ оброчное содержаніе одесскому купцу Фельдштейну на 6 лѣтъ съ 1863 по 1869 годъ

за 1,000 р. с. въ годъ. Эта отдача въ откупное содержаніе не только лиманскихъ, но даже и морскихъ рыбныхъ ловель, вопреки утвержденной закономъ свободы морскаго рыболовства, основана на обычаѣ незамѣтно утвердившемся, со времени присоединенія къ Россіи устьевъ Дуная. Морскія воды вдоль бессарабской границы были неправильно причислены къ дунайскимъ рѣчнымъ рыбнымъ ловлямъ, и вмѣстѣ съ ними стали отдаваться на откупъ. До восточной войны за всѣ эти воды казна получала 22,000 рублей сер., а откупщикъ отдавалъ уже отъ себя шабскія воды за 1,000 р. с. Съ 1859 же года по 1862 отдавались онѣ на откупъ отдѣльно за 3,090 р. с. Хотя по здѣшнему обычаю откупщикъ самъ не занимался ловомъ, а допускалъ къ нему всѣхъ желающихъ, за уплату ему извѣстной доли уловов, жалобы на притѣсненія откупщиковъ были постоянныя. Графъ Воронцовъ принялъ ихъ во вниманіе, и съ 1834 въ откупные контракты было включено условіе, чтобы откупщикъ не смѣлъ требовать отъ хозяевъ ериковъ болѣе $^1/_{10}$ и въ крайнемъ случаѣ $^1/_8$ доли улова. Но и это ограниченіе правъ откупщиковъ мало по малу пришло въ забвеніе, такъ что въ нынѣ дѣйствующемъ контрактѣ откупщику предоставлено право, какъ самому заниматься ловомъ, такъ и заключать условія съ другими промышленниками по своему произволу, безъ всякаго вмѣшательства управленія государственными имуществами въ его распоряженія. Единственныя условія, которыя онъ обязанъ соблюдать при ловѣ рыбы, заключаются: 1) Въ выпускѣ обратно въ воду мелкой рыбы, что конечно никогда не исполняется и въ чемъ, при существующемъ здѣсь способѣ лова, нѣтъ ни малѣйшей надобности. 2) Въ запрещеніи рыболовства внутри Шаболотскаго озера ранѣе 25 сентября. Это послѣднее ограниченіе существенно необходимо, но оно остается совершенно недѣйствительнымъ, потому что срокъ, въ который дозволяется начинать шаболотскій ловъ, назначенъ слишкомъ ранній. Шаболотское озеро само по себѣ никакой рыбы не содержитъ, да и та, которая входитъ въ него черезъ ерики, въ немъ не распложается. Только ерики и дѣлаютъ его годнымъ для временнаго пребыванія въ немъ рыбы, доставленіемъ ему постояннаго притока прѣсной или слабо-соленой воды изъ Днѣстровскаго лимана. Очевидно, что тѣ, которые прокопали эти ерики и ежегодною очисткою поддерживаютъ ихъ проточность, должны пользоваться главными выгодами, ихъ трудами созданной, отрасли промышленности. Но ежели допустить ловъ въ озерѣ во время обратнаго хода изъ него рыбы въ лиманъ или ранѣе этого срока; то хозяева ериковъ должны будутъ лишиться всякаго вознагражденія за свои труды, потому что, въ узкомъ и не глубокомъ Шаболотскомъ озерѣ, очень легко вылавливать большую часть вошедшей въ него рыбы неводами или разнаго рода ставными орудіями лова, не допуская ее до прихода въ ерики. Поэтому хозяева ериковъ, вмѣстѣ съ жалобами на излишніе поборы содержателей водъ, всегда домогались запрещенія лова въ озерѣ ранѣе срока обратнаго прохода кефали черезъ ерики. Принимая во вниманія эти жалобы бессарабская казенная палата предписала въ концѣ 1833 года аккерманскому земскому начальнику, вмѣстѣ съ уѣзднымъ прокуроромъ, произвести дознаніе на мѣстѣ и представить свои соображенія о ловѣ въ Шаболотскихъ ерикахъ. Подобное же изслѣдованіе было произведено въ 1834 году штабсъ-капитаномъ Семякинымъ, по порученію новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. Вслѣдствіе донесеній ихъ, ловъ рыбы въ Шаболотскомъ озерѣ ранѣе 1 ноября былъ запрещенъ. Но и это правило также, какъ и запрещеніе содержателямъ водъ собирать болѣе $^1/_{10}$ или $^1/_8$ доли улова съ хозяевъ ериковъ, одинаково пришло въ забвеніе. Хотя въ настоящее время откупщикъ и не занимается самъ ловомъ въ Шаболотскомъ озерѣ, право его производитъ въ немъ ловъ, начиная съ 25 сентября, ставитъ хозяевъ ериковъ въ полнѣйшую отъ него зависимость. Если они не соглашаются на условія,

кажущіяся имъ стѣснительными, откупщикъ угрожаетъ имъ, что самъ начнетъ ловить въ озерѣ, или пустить туда ловцовъ, что лишило бы хозяевъ ериковъ всякаго улова.

Шаболотскій ловъ долженъ быть свободный, какъ и вообще лиманное рыболовство. Въ настоящее время жители Шабскаго посада, въ дачахъ которыхъ находятся ерики, хлопочутъ о возвращеніи въ полное ихъ распоряженіе водъ, прилегающихъ къ берегамъ ихъ дачъ, основывая свои притязанія на томъ, что пока Шаба причислялась къ городу Аккерману, то и воды имъ принадлежали и отдавались обществомъ въ откупное содержаніе; что съ поступленіемъ шабскихъ жителей въ 1838 года въ государственные крестьяне, рыбныя ловли ихъ были включены въ число казенныхъ оброчныхъ статей, а съ исключеніемъ въ 1842 году изъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, — съ принадлежащими шабскому обществу землями, должны бы быть возвращены ему и воды, чего сдѣлано не было. Эти основанія совершенно не вѣрны, потому что изъ контрактовъ, по которымъ были отдаваемы дунайскія воды въ откупное содержаніе до 1834 года, и изъ описанія ихъ штабсъ-капитаномъ Семякинымъ видно, что воды шабской дистанціи, вмѣстѣ съ прочими, отдавались на откупъ до и послѣ 1834 года. Но если несправедливы притязанія шабскихъ жителей на исключительное владѣніе какъ лиманскими, такъ и морскими водами, прилегающими къ ихъ дачамъ, то общій смыслъ нашего рыболовнаго законодательства несомнѣнно требуетъ, чтобы и эти воды наравнѣ съ прочими морскими и лиманскими водами были исключены изъ числа казенныхъ оброчныхъ статей и предоставлены въ свободное для всѣхъ пользованіе. Такое устройство шабскаго рыболовства, освободивъ рыбопромышленниковъ отъ стѣсненій со стороны откупщика, не только не уменьшило бы казеннаго дохода, но онъ могъ бы даже еще нѣсколько увеличиться. Ежегодная плата по 10 р. съ ерика доставила бы уже казнѣ, безъ всякаго стѣсненія промышленниковъ, почти ту же сумму, какую она нынче получаетъ отъ отдачи въ оброчное содержаніе всего шабскаго участка, т. е. сверхъ ериковъ еще 35 верстное протяженіе морскаго берега и значительной доли лимана. Побилетная за право неводнаго лова на этомъ пространствѣ плата доставила бы также, безъ сомнѣнія, нѣсколько сотенъ рублей.

Вліяніе шаболотскаго лова на уменьшеніе кефали и мѣры къ правильному устройству этого лова. Относительно лова кефали въ ерикахъ предстоитъ намъ разсмотрѣть еще одно обстоятельство: не влечетъ ли за собою этотъ промыслъ, вылавливающій всю рыбу, заходящую въ Шаболотское озеро, уменьшеніе кефали, если не вообще въ Черномъ морѣ, то по крайней мѣрѣ въ сѣверозападной части его? Статистическія данныя о количествѣ улововъ въ разныя времена, по ихъ неполнотѣ и неточности, не могутъ служить къ рѣшенію этого вопроса. По словамъ промышленниковъ, во время самой дорогой откупной платы въ 3,090 р., съ 1859 по 1862 годъ, налавливалось отъ 500 до 700 тысячъ штукъ кефали въ годъ, но въ ближайшее къ намъ время, по свѣдѣніямъ собраннымъ отъ тѣхъ же промышленниковъ, было тоже поймано въ 1865 году до 700, въ 1864 до 400, а въ 1863 до 500 тысячъ штукъ. Жалуются только на то, что нынче кефаль стала гораздо мельче, такъ что вмѣсто 15 и 18 р., выручаемыхъ прежде за 1,000 кефали, нынче, по причинѣ ея мелкости, даютъ только отъ 9 до 10 р. Мы должны слѣдовательно, для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, обратиться къ общимъ соображеніямъ.

Ловъ кефали въ сѣверо-западной части моря нельзя назвать значительнымъ, и такъ какъ рыба эта мечетъ икру въ самомъ морѣ, хотя и приближается для этого къ берегамъ, то трудно было бы себѣ представить, чтобы выловъ той части ея, которая заходитъ въ Шаболотское озеро, дабы кормиться

тамъ въ теченіе лѣта, могъ имѣть существенное вліяніе на уменьшеніе общаго запаса ея, если бы въ озеро не входила преимущественно рыба молодая, не метавшая еще ни разу икры, и которая слѣдовательно вылавливается прежде, чѣмъ успѣла съ своей стороны содѣйствовать поддержанію породы. Такимъ образомъ ловъ въ ерикахъ долженъ быть частью отнесенъ къ лову мальковъ, и если бы имѣлъ своимъ предметомъ прѣсноводную рыбу, то безъ сомнѣнія долженъ бы быть запрещенъ, или по крайней мѣрѣ весьма сильно ограниченъ. Но по отношенію къ рыбѣ морской, размноженіе которой обезпечено самою обширностью пространства, въ которомъ оно происходитъ, достаточно будетъ мѣръ несравненно менѣе строгихъ. Г. професоръ Клессеръ, во время посѣщенія береговъ Чернаго моря, главнѣйше съ цѣлью изученія живущихъ въ немъ породъ рыбъ, уже обратилъ на это вниманіе и совѣтуетъ на каждые пять или на шесть ериковъ оставлять одинъ свободнымъ, для обратнаго прохода кефали въ море, или же прекращать ловъ ея въ опредѣленный срокъ — еще до окончанія обратнаго хода ея. Кромѣ этихъ двухъ мѣръ можно бы еще, для достиженія той же цѣли, постановить правило, чтобы въ камышевыхъ стѣнкахъ, преграждающихъ выходъ изъ ериковъ въ лиманъ, оставлялись воротца, которыя должны бы отворяться въ извѣстные дни, напримѣръ по воскресеньямъ и праздникамъ. Изъ этихъ трехъ возможныхъ мѣръ каждая имѣетъ свои неудобства. Оставленіе нѣкотораго числа ериковъ свободными для прохода рыбы казалось бы всего лучше достигаетъ своей цѣли, но требуетъ тщательнаго надзора за тѣмъ, чтобы и эти, не только безполезные, но съ близорукой точки зрѣнія промышленниковъ, даже вредные для нихъ ерики, не только ничѣмъ бы тайно не заставлялись, но и столь же тщательно очищались, какъ и тѣ, которые предназначены служить ловушкою для рыбы. Отвореніе воротцевъ въ извѣстные дни также точно требовало бы надзора, котораго въ большинствѣ случаевъ легко бы избѣгать. Всякое назначеніе срока для начала лова, нѣсколько позже начала обратнаго хода рыбы, или назначеніе срока, для прекращенія лова нѣсколько ранѣе окончанія хода ея, имѣла бы то неудобство, что въ разные годы результаты этой мѣры были бы весьма не равномѣрны. Въ одинъ годъ давалась бы возможность слишкомъ большому числу рыбы безпрепятственно уходитъ въ море, къ ущербу ловцовъ, въ другой же годъ, при позднемъ началѣ или раннемъ окончаніи хода кефали, вся рыба могла бы быть вылавливаема начисто, не смотря на установленіе ограничительныхъ сроковъ. Со всѣмъ тѣмъ я полагаю, что послѣдняя мѣра все-таки наиболѣе практична и удобоисполнима, такъ какъ наблюденіе за нею гораздо легче. Я бы полагалъ предоставлять каждый годъ, на выборъ общества хозяевъ ериковъ: или начинать ловъ (т. е. запирать ерики) не ранѣе 15-го сентября, съ правомъ продолжать его до прекращенія хода кефали, или же, начавъ ранѣе, оканчивать (т. е. отпирать ерики) не позже 20-го октября. Собственно говоря не было бы даже надобности въ каждогодномъ постановленіи приговора обществомъ рыболововъ, а можно бы предоставить всякому желающему — или начинать ловъ, когда ему угодно, но за то непремѣнно оканчивать его къ 20 октября; или же начинать его не ранѣе 15-го сентября, но за то продолжать безсрочно; но такая разновременность лова въ разныхъ ерикахъ затруднила бы надзоръ. Такимъ образомъ справедливое и раціональное устройство шаболотскаго лова требовало бы, по мнѣнію экспедиціи, слѣдующихъ мѣръ:

1) Прекратить отдачу на откупъ шаболотскихъ водъ, не только морскихъ, но и лиманныхъ. Исполнить это было бы тѣмъ легче, что по нынѣ дѣйствующему контракту откупщикъ обязанъ выдѣлить всѣ или потребную часть водъ изъ откупа, по разсчету не требуя вознагражденія, если бы воды понадобились на государственную надобность, на надѣленіе крестьянъ или Высочайшее пожалованіе.

2) Въ замѣнъ части улова нынѣ платимой оброкосодержателю, назначить въ пользу казны 10 рублевый сборъ съ каждаго дѣйствующаго ерика. Сборъ этой пошлины могъ бы производиться въ облегченіе промышленниковъ, по окончаніи лова, съ тѣмъ чтобы неуплатившій ее лишался права участвовать въ ериковомъ ловѣ, до взнесенія своей недоимки.

3) Содержаніе мостовъ и дороги черезъ ерики оставить, какъ нынѣ, за обществомъ хозяевъ ериковъ.

4) Ловъ въ Шаболотскомъ озерѣ, какими бы ни было снастями, кромѣ удочки и малаго бредня, для собственнаго употребленія прибрежныхъ жителей, воспретить съ 1-го апрѣля по 1-е ноября.

5) Предоставить на выборъ промышленниковъ право или начинать ловъ не ранѣе 15-го сентября безъ опредѣленнаго срока для его окончанія, или же оканчивать его къ 20-му октября, начиная съ самаго начала выхода кефали изъ озера въ лиманъ.

Общая цѣнность улововъ въ шаболотскихъ ерикахъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ о количествахъ и цѣнностяхъ улововъ, измѣняется отъ 4,000 до 12,000 р. с. Такъ какъ около $^1/_4$ улова беретъ себѣ откупщикъ, а $^1/_6$ доля улова приходится по существующимъ здѣсь правиламъ дѣлежа добычи на долю работниковъ, трудъ которыхъ, состоящій лишь въ выниманіи рыбы изъ западни, въ которую она попалась, весьма не великъ; то общій доходъ всѣхъ хозяевъ ериковъ составитъ отъ 2,500 до 7,500 р. въ годъ, или отъ 27 до 80 р. на каждаго хозяина ерика. При собираніи десятирублевой пошлины прямо съ хозяевъ ериковъ, доходъ ихъ при такихъ же уловахъ и цѣнахъ на рыбу измѣнялся бы отъ 25 до 96 р. въ годъ.

Приблизительная оцѣнка цѣнности днѣстровскаго улова. Весь уловъ днѣстровскаго лимана, включая въ него и шаболотскій ловъ кефали и рыбные промыслы въ низовьяхъ Днѣстра, по словамъ скупщиковъ тамошней рыбы можетъ простираться на сумму отъ 60,000 до 80,000 р. с.

Днѣпровскій ловъ и его подраздѣленія. Днѣпровскій ловъ по большей обширности лимана, служащаго резервуаромъ для рыбы, поднимающейся въ Днѣпръ, по значительной величинѣ самой рѣки и по развитію ея дельты, конечно гораздо изобильнѣе днѣстровскаго; но все же и онъ служитъ только къ снабженію свѣжею рыбою большихъ городовъ, лежащихъ на Днѣпрѣ и въ его сосѣдствѣ: Николаева, Херсони, Одессы, и только отчасти участвуетъ въ продовольствіи соленою рыбою выше по Днѣпру лежащихъ частей херсонской и кіевской губерній и губерніи подольской, куда главное количество рыбы все-таки доставляется съ Азовскаго моря, Дона и Кубани.

Днѣпровскій ловъ раздѣляется на три отдѣльныя рыболовства, отличающіяся, преимущественно употребляемыми орудіями лова, такъ и временемъ производства его, именно: на ловъ въ главныхъ притокахъ Днѣпра; на ловъ въ плавняхъ по лиманамъ, озерамъ и ерикамъ пересѣкающимъ ихъ, и на ловъ въ лиманѣ. Рѣчное днѣпровское рыболовство производится главнѣйше весною отъ ледохода до замерзанія рѣки. Ловъ по плавнямъ производится также преимущественно въ весеннее время, когда многія породы поднявшейся въ Днѣпръ рыбы, избѣгая быстраго теченія расходятся по озерамъ и заливнымъ мѣстамъ, для метанія икры. Зашедшая въ озера рыба остается въ нихъ впрочемъ и на лѣто; въ это же время заходятъ въ нихъ разные сорты короповъ, поэтому въ лѣтнее время, вообще наименѣе выгодное для рыболовства, не лиманный, а озерный ловъ составляетъ почти единственный источникъ свѣжей рыбы, для окружающихъ мѣстностей. Главное орудіе этого лова составляютъ такъ называемыя коты. Наконецъ ловъ въ самомъ лиманѣ производится главнѣйшимъ образомъ позднею осенью

и зимою, ибо тутъ собирается болѣе всего рыбы на зимовку. Вылавливаютъ ее преимущественно неводами, но употребляютъ также сѣтки и отчасти самоловную снасть.

Вліяніе нѣкоторыхъ способовъ и орудій лова, употребительныхъ на Днѣпрѣ. Подробное описаніе мѣстности по низовьямъ Днѣпра, ея выгодъ и невыгодъ въ рыболовномъ отношеніи, составило бы большею частью повтореніе того, что было уже сказано при изслѣдованіяхъ рыболовства въ другихъ болѣе обильныхъ рыбою рѣкахъ, поэтому я ограничусь тѣмъ общимъ очеркомъ днѣпровской мѣстности, который уже представленъ въ началѣ отчета при общемъ взглядѣ на днѣпровское и днѣстровское рыболовства. Входить въ большія подробности кажется мнѣ тѣмъ болѣе излишнимъ, что описаніе лимана и днѣпровскихъ плавней, а также вліяніе мѣстныхъ условій на удобство распложенія и жизни рыбъ, подробно изложены въ статьѣ г. Середы «Очерки рыболовства на Днѣпрѣ и Днѣпровскомъ лиманѣ», помѣщенной въ 1-й части «Трудовъ херсонскаго губернскаго статистическаго комитета» (стр. 109—150). Статья эта отличается вообще близкимъ знакомствомъ съ описываемымъ предметомъ и почти всегда вѣрнымъ на него взглядомъ. При описаніи днѣпровскаго рыболовства, я преимущественно займусь особенностями употребительныхъ здѣсь орудій и способовъ лова, причемъ долженъ буду коснуться, съ нѣкоторою подробностью, вліянія нѣкоторыхъ изъ нихъ на предполагаемое уменьшеніе рыбы, такъ какъ это уже обратило на себя вниманіе мѣстныхъ властей и служитъ предметомъ разныхъ распоряженій, клонящихся къ охраненію рыбы. Эти снасти, заслуживающія вниманія по своимъ особенностямъ, или потому, что считаются вредными для рыболовства, суть: самоловная снасть, гребли, бовтильная сѣть и коты.

а) *Самоловная снасть; ограниченія въ употребленіи ея введенныя распоряженіями мѣстныхъ властей; предложенія экспедиціи.* Самоловная снасть употребляется въ днѣпровской мѣстности не въ очень значительномъ количествѣ. Однако же неясность статей закона, которыми ограничивается употребленіе крючьевъ, возбуждала и здѣсь нѣсколько разъ вопросъ о томъ, гдѣ они должны быть запрещаемы. Прежде всего возникло сомнѣніе, считать ли лиманы, которыми оканчиваются всѣ главнѣйшія рѣки, впадающія въ Черное море вдоль береговъ херсонской губерніи, частями моря или частями рѣкъ, по отношенію къ рыболовству, т. е. допустить ли производство рыбной ловли въ нихъ всякими снастями, какъ то дозволено въ моряхъ, — или же запретить употребленіе тѣхъ снастей, которыя запрещены въ рѣкахъ. Херсонское губернское правленіе приняло этотъ послѣдній взглядъ и запретило употребленіе самоловной снасти въ днѣпровскомъ и бугскомъ лиманахъ, и мнѣніе это было утверждено сенатомъ. Вслѣдъ за этимъ одесскіе купцы Акимовъ, Сафроновъ и Эльзеповъ обратились въ херсонское губернское правленіе съ вопросомъ о томъ, можно ли производить ловъ рыбы крючьями въ открытомъ морѣ и на какомъ разстояніи отъ устьевъ рѣкъ. Такъ какъ на это послѣднее обстоятельство въ законѣ нѣтъ опредѣлительнаго рѣшенія, то было собрано общее засѣданіе всѣхъ херсонскихъ палатъ, которое примѣнительно 603 ст. XII т. Св. Зак., въ которой собственно говорится о разграниченіи водъ уральскихъ казаковъ, постановило: дозволить ловъ въ морѣ всякими снастями, не ближе какъ въ 5 верстномъ разстояніи отъ берега тамъ, гдѣ вливается въ него рѣка, принимая за устье рѣки выходъ изъ лимановъ въ море, ибо въ самихъ лиманахъ ловъ самоловною снастью былъ еще прежде запрещенъ постановленіемъ губернскаго правленія. Для осуществленія этой мѣры, было опредѣлено поставить по обоимъ берегамъ устьевъ рѣкъ или лимановъ прочные каменные или деревянные столбы такой вышины, чтобы они не могли быть видимы съ моря далѣе 5 верстъ. Такимъ образомъ

рыболовы, отправляясь съ берега, не должны бы были ловить рыбы крючною снастью на всемъ томъ только пространствѣ, на коемъ означенные столбы будутъ видимы. Для Днѣпровско-бугскаго лимана конечными точками были признаны оконечности косъ кинбурнской и очаковской, для Днѣстровскаго — Овидіополь и Аккерманъ, а для Березанскаго — островъ, лежащій передъ устьемъ сего лимана въ море. Постановленіе это, которое не было впрочемъ приведено въ исполненіе, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя невѣрности и практическія неудобства. Неизвѣстно почему, за мѣсто впаденія Днѣстровскаго лимана въ море приняты Аккерманъ и Овидіополь — вмѣсто гирлъ Очаковскаго и Цареградскаго, тогда какъ пятиверстное разстояніе отъ Аккермана и Овидіополя падаетъ еще внутри лимана. Весьма затруднительно также для ловцовъ руководствоваться закроемъ, устроенныхъ на берегу, столбовъ, въ туманное или ночное время. Для огражденія входа красной рыбы въ лиманы, по моему мнѣнію, было бы достаточно запретить крючной ловъ близь устьевъ Днѣпровскаго и Березанскаго лимановъ въ четвероугольникѣ, ограничиваемомъ оконечностями косъ Очаковской, Кинбурнской, правой Березанской и островомъ Березанью; для лимана же днѣстровскаго — двухверстнымъ разстояніемъ влѣво отъ Очаковскаго и вправо отъ Цареградскаго гирлъ его, въ промежуткѣ между этими гирлами, вглубь же моря на закрой обыкновенной рыболовной лодки, служащей для выметки крючковой снасти. Всего важнѣе запрещеніе крючнаго лова близь острова Березани, ибо тутъ есть каменистая гряда, освѣжаемая притокомъ прѣсной воды изъ рѣчки Березани. Во время метанія икры красною рыбою на этой мѣстности случалось въ иные годы налавливать до 1,000 пудовъ осетровъ и севрюгъ. Что касается до крючнаго лова въ самихъ лиманахъ, то онъ долженъ быть вообще дозволенъ, такъ какъ крючная самоловная снасть, сама по себѣ, по крайней мѣрѣ столь же безвредная, какъ и всякія сѣтныя орудія лова, если она не преграждаетъ хода рыбѣ. Поэтому въ Днѣпровскомъ лиманѣ можно бы ограничиться запрещеніемъ производить крючной ловъ передъ самыми устьями Днѣпра, т. е. въ углу залива отъ мыса Станислава съ правой, до Янушева острова съ лѣвой стороны, и то только съ 1-го апрѣля по 1-е іюня. Мѣру эту, болѣе легкую, нежели предложенная экспедиціею для лова передъ гирлами донскими и въ Таганрогскомъ заливѣ, считаю я достаточною, потому что: 1) Днѣпровскій лиманъ гораздо глубже Таганрогскаго залива, такъ что въ немъ труднѣе преградить ходъ рыбѣ. 2) Крючной ловъ вообще на Днѣпрѣ слабо развитъ. 3) Въ самомъ лиманѣ и именно въ той части его, гдѣ предполагается запретить весенній крючной ловъ, есть мѣста удобныя для метанія икры красною рыбою, именно: каменистая гряда, вдающаяся въ лиманъ между Станиславомъ и Глубокою Пристанью, которая омывается теченіемъ прѣсной воды во время днѣпровскаго половодья. Само собою разумѣется, что и по Днѣпру съ его развѣтвленіями можетъ быть дозволенъ крючной ловъ, съ тѣмъ, чтобы средняя треть рѣки оставалась всегда свободною, какъ отъ этой, такъ и вообще отъ всякаго рода ставныхъ снастей. Относительно Днѣстра слѣдовало бы, какъ предложено для внутреннихъ гирлъ кубанскихъ лимановъ, запретить всякое рыболовство на $1\frac{1}{2}$ версты въ обѣ стороны отъ его устья и на столько же вглубь лимана во всякое время года, потому что весь лиманъ очень мелокъ и въ немъ весьма употребительны распорные невода, которыми можно вылавливать рыбу, стремящуюся въ Днѣстръ.

б) *Коты, устройство ихъ.* Въ отношеніи къ днѣпровскому лову гораздо важнѣе вопросъ о вліяніи на уменьшеніе рыбы такъ называемыхъ котъ, потому что тутъ идетъ дѣло не о незначительномъ красноловьѣ, а о породахъ рыбы изъ семейства сазановидныхъ, которыя составляютъ главное богатство здѣшняго рыболовства. Котами, въ мѣстностяхъ окружающихъ Черное и Азовское моря, называютъ

вообще всякій снарядъ изъ дранокъ или камыша, вбиваемыхъ прямо въ дно, или образующихъ родъ ящика, который можетъ быть вынимаемъ цѣликомъ изъ воды. Рыба можетъ удобно входить посредствомъ узкаго отверстія въ этотъ рѣшетчатый ящикъ, но обратный выходъ оттуда ей затруднителенъ. Слѣдовательно — по способу лова рыбы — кота совершенно уподобляется вентерю, съ тою лишь разницею, что стѣнки ея состоятъ не изъ сѣти, а изъ камышевой или деревянной рѣшетки; отъ сплетаемыхъ же изъ ивовыхъ прутьевъ вершъ она ничѣмъ существеннымъ не отличается. Одно уже это опредѣленіе коты, или указанія ее настоящаго мѣста въ общей системѣ рыболовныхъ снарядовъ, ясно показываетъ, что коты никакой спеціальной, только имъ присущей вредности не заключаютъ, и что, раздѣляя свойства вентерей или даже вообще ставныхъ орудій лова, онѣ могутъ приносить вредъ не иначе, какъ или совершеннымъ перегораживаніемъ протоковъ, или слишкомъ мелкими промежутками въ ихъ рѣшетчатыхъ стѣнкахъ, могущими задерживать мелкую рыбу. Въ нѣкоторыхъ притокахъ Кубани употребляются коты, состоящія изъ толстыхъ жердей, укрѣпленныхъ въ брусья, составляющихъ какъ-бы скелетъ большаго ящика. Я уже высказалъ мое мнѣніе о совершенной безвредности этого снаряда, выставляемаго въ самомъ руслѣ рѣкъ, если крылья его оставляютъ по крайней мѣрѣ третью часть рѣки свободною для прохода рыбы. Днѣпровскія коты дѣлаются изъ тростника такимъ образомъ, что къ прямолинейной стѣнкѣ, называемой гардою, различной длины — не превышающей однако 20 или 30 саженъ—прикрѣпляется различной формы клѣтка, въ которую рыба можетъ попадать черезъ узкія отверстія, называемыя устинками, открывающимися съ обѣихъ сторонъ гарды, такъ что въ клѣтку можетъ войти рыба, идущая и по теченію и противъ него. Эти клѣтки также съуживаются въ устинку къ одному изъ концовъ, который окружается, собственно такъ-называемою, котою, сдѣланною изъ дранокъ, откуда уже нѣтъ инаго выхода какъ черезъ ту же устинку, которою входитъ рыба изъ клѣтки. Устинки устроены такъ, что онѣ раздаются при напорѣ рыбы извнѣ, но не пропускаютъ уже обратно рыбу нѣсколько крупную. Мелкая рыба, вошедшая въ коту, можетъ выйти изъ нея черезъ промежутки между дранками собственной коты, между камышинками клѣтки, которыя по гибкости своей всегда раздаются, и наконецъ черезъ самыя устинки. Такой снарядъ конечно не могъ бы выдержать напора воды въ главныхъ рукавахъ Днѣпра, и потому онъ выставляется въ стоячей или въ слабо текущей водѣ, въ озерахъ или лиманахъ разсѣянныхъ по плавнямъ, въ протокахъ соединяющихъ ихъ между собою и съ рукавами Днѣпра, и въ маленькихъ ерикахъ, впадающихъ въ эти же озера. Нѣкоторые ерики и узкіе протоки совершенно ими перегораживаются, какъ я имѣлъ самъ случай видѣть въ плавняхъ таврическаго берега Днѣпра, близь селенія Казачьи Лагери. Такое загражденіе протоковъ конечно не должно быть дозволяемо ни котами, ни иными какими либо снастями. Но по большей части коты только приставляются къ одному берегу озера или протоки, и въ такомъ случаѣ должны считаться совершенно безвредными. Употребленіе котъ на Днѣпрѣ не очень давнее; по словамъ старыхъ рыбаковъ, онѣ занесены сюда съ Дуная русскими выходцами, нѣкоторые изъ коихъ поселились въ низовьяхъ Днѣпра, во время турецкой войны 1828 и 1829 годовъ.

Споръ о вредѣ или безвредности котъ; запрещеніе употребленія ихъ въ 1853 году. По общему мнѣнію рыбаковъ, занимающихся ловомъ въ лиманѣ и въ главныхъ рукавахъ Днѣпра, коты — орудіе лова въ высшей степени вредное, въ несмѣтномъ множествѣ губящее рыбу. Вслѣдствіе жалобъ, принесенныхъ нѣкоторыми промышленниками, на вредъ причиняемый котами, херсонское губернское правленіе запретило ихъ употребленіе въ 1853 году, причисливъ ихъ къ числу запрещенныхъ закономъ — зако-

ловъ. Запрещеніе это по большей части не было соблюдаемо, и по новой жалобѣ владѣльцевъ рыболовныхъ участковъ, лежащихъ выше Херсони, назначена была въ 1858 году коммиссія для освидѣтельствованія котъ и опредѣленія рода снастей, къ которому онѣ принадлежатъ. Коммиссія нашла, что коты принадлежатъ къ числу вредныхъ снастей, запрещенныхъ закономъ, что онѣ устраиваются промышленниками на всѣхъ вообще притокахъ, въ ерикахъ, при входѣ и выходѣ въ озера, такъ что рыба, въ особенности въ весеннее время, заходитъ туда въ огромномъ количествѣ и, не имѣя выхода, принуждена бываетъ тамъ же въ котахъ метать икру; отчего гибнетъ не только рыба, но и самые зародыши истребляются въ несмѣтномъ количествѣ. Крайне вредное вліяніе котъ обнаружилось въ замѣтномъ уменьшеніи рыбы и въ чрезвычайномъ возвышеніи цѣнъ на нее.

Такое мнѣніе коммиссіи, состоящей изъ лицъ очень мало знакомыхъ съ условіями рыбной промышленности и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніяхъ, должно было весьма естественно образоваться, когда они увидѣли бьющуюся въ котахъ рыбу и выпущенную ею на днѣ ея икру. Это же присутствіе икры внутри котъ служитъ и для народной молвы главнымъ поводомъ къ гоненію на эту снасть. Но немного надо размышленія на то, чтобы понять, что для размноженія рыбы совершенно все равно, будетъ ли рыба затянута неводомъ и икра изъ нея вынута, сварена или посолена, или же попадется рыба въ ловушку, и стараясь изъ нея высвободиться, выбьетъ икру въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она не можетъ оплодотвориться и развиться. Собственно говоря, всѣ доводы коммиссіи относятся въ сущности вовсе не къ котамъ, а къ весеннему лову вообще, и если бы запрещеніе употреблять коты дѣйствительно строго и повсемѣстно соблюдалось, но если бы ерики, входы и выходы изъ озеръ и т. п. заставлялись въ весеннее время вмѣсто котъ вентерями, вершами, или ставными сѣтками, или же рыба изъ нихъ вылавливалась безпрестанно дѣйствующими неводами, бреднями и волокушами, то для размноженія рыбы конечно не произошло бы ни малѣйшей пользы. Г. профессоръ Кесслеръ, посѣщавшій между прочимъ и днѣпровскія плавни, лѣтомъ 1858 года, также раздѣляетъ общее мнѣніе о вредѣ котъ, конечно главнѣйше по тому обстоятельству, что въ настоящее время онѣ составляютъ наиболѣе употребительное орудіе лова въ весеннее время въ плавняхъ, т. е. на самыхъ мѣстахъ метанія икры большинствомъ днѣпровскихъ рыбъ. Впрочемъ онъ приводитъ и еще одно обстоятельство, говорящее противъ употребленія этого снаряда. «Коты», говоритъ онъ, «устраиваются весною во время нереста рыбъ, но потомъ не снимаются въ продолженіе всего лѣта. Сначала хозяева осматриваютъ свои коты ежедневно и вычерпываютъ изъ нихъ зашедшую туда рыбу, но потомъ обыкновенно рѣже къ нимъ навѣдываются, или совсѣмъ ихъ бросаютъ. Такимъ образомъ нерѣдко множество рыбы гибнетъ совершенно даромъ». Само собою разумѣется, что проведя лишь короткое время въ днѣпровскихъ плавняхъ г. профессоръ Кесслеръ не имѣлъ возможности удостовѣриться въ справедливости этого послѣдняго обвиненія, а привелъ его на основаніи сообщенныхъ ему свѣдѣній. Я не отрицаю, чтобы когда-нибудь не оставлялись коты безъ надзора и не погибало въ нихъ нѣсколькихъ рыбъ; но никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы оставленіе рыболовныхъ снарядовъ въ мѣстности, гдѣ рыба имѣетъ такую цѣнность, что собираютъ даже плавательные пузыри самыхъ мелкихъ породъ, какъ напримѣръ синьцовъ, густеры, красноперки и т. п., составляло не только общее обыкновеніе, но даже и часто случающееся исключеніе. Я видѣлъ осенью, когда ловъ неводами и другими сѣтными снастями становится уже гораздо изобильнѣе лѣтняго, что коты, расположенныя на самыхъ мелкихъ ерикахъ, постоянно посѣщались ихъ хозяевами. Тѣмъ тщательнѣе должны они осматривать ихъ лѣтомъ, когда коты составляютъ

почти единственный источникъ свѣжей рыбы. Такое пренебреженіе къ рыбѣ было бы понятно на Волгѣ, гдѣ мальчишки вылавливаютъ чушкамъ, т. е. на кормъ свиней, сотни крупныхъ лещей лохмотьями бредня, но на Днѣпрѣ оно рѣшительно немыслимо.

Безвредность котъ, на вредъ весенняго рыболовства на пространствѣ днѣпровской плавни. Коты нашли себѣ однако ревностную защиту, въ упомянутой уже мною, прекрасной статьѣ г. Середы «Очерки рыболовства на Днѣпрѣ и Днѣпровскомъ лиманѣ». Херсонскій житель, опытный и страстный рыболовъ, г. Середа имѣлъ полную возможность ознакомиться съ характеромъ плавеннаго рыболовства. Вотъ что говоритъ онъ о мнимомъ оставленіи котъ, безъ выборки изъ нихъ рыбы въ лѣтнее время: «Поводомъ къ такому обвиненію вѣроятно послужило то, что лѣтомъ—въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, въ камышѣ, можно видѣть небольшой снарядъ, не имѣющій повидимому хозяина. Такая небольшая кота обыкновенно устраивается хозяиномъ, который откупилъ возвышенную гряду или часть острова, съ цѣлью косить тамъ траву, или сѣять огородные овощи. Пока онъ остается на грядѣ, кота необходима ему, для доставленія здоровой пищи. Но если онъ бросаетъ гряду, то изъ снаряда вынимаетъ собственную коту, какъ вещь въ своемъ родѣ цѣнную для него. Камышевыя же рѣшетки дѣйствительно оставляются *иногда* на всегда или временно; навсегда по негодности ихъ для дальнѣйшаго употребленія, а временно, если онъ намѣренъ еще возвратиться къ нимъ. Во всякомъ случаѣ снарядъ безъ главнѣйшей части своей — собственно коты — не можетъ удержать ни одной рыбы. Что же касается до рыбаковъ, промышляющихъ котами, то вовсе нельзя предполагать въ нихъ обезпечности и нерадѣнія въ такомъ дѣлѣ, которое доставляетъ имъ насущный хлѣбъ.» Далѣе г. Середа совершенно основательно объясняетъ болѣе рѣдкое посѣщеніе котъ въ лѣтнее время, до двухъ только разъ въ недѣлю, уменьшеніемъ входящей въ нихъ рыбы, которая, не будучи уже такъ скучена какъ весною, можетъ оставаться въ котѣ живою въ теченіе нѣсколькихъ дней, какъ въ садкѣ. Значеніе, которое имѣетъ рыба, ловимая котами въ лѣтнее время для продовольствія Херсона, также весьма основательно разбирается г. Середою. Въ лѣтнее время неводной и сѣтный ловъ, по большей части, прекращается, и въ рыбѣ ощущается недостатокъ; тогда шепетильники обращаются къ котамъ, откупая обыкновенно весь лѣтній уловъ ихъ рублей за 20 или за 30. «Наканунѣ постныхъ дней,» говоритъ онъ, «можно кромѣ того видѣть десятки шаландщиковъ (хозяевъ небольшихъ плоскодонныхъ лодокъ — шаландъ), которые отправляются въ разные концы плавней, нерѣдко верстъ за 30 и болѣе. Они покупаютъ у котниковъ рыбу, и, пользуясь ночною прохладою, доставляютъ ее на городской рынокъ. Изъ всего этого слѣдуетъ», продолжаетъ г. Середа, и я вполнѣ согласенъ съ его выводомъ, «что рыбѣ не даютъ возможности гибнуть въ котахъ, по той естественной причинѣ, что она можетъ доставить кое-какіе барыши многимъ бѣднякамъ.»

Существуетъ еще одно обвиненіе противъ котъ что онѣ засоряютъ ерики, отъ того что осенью предъ замерзаніемъ рѣкъ, хозяева, вынувъ собственно коту, нерѣдко оставляютъ въ водѣ камышевую рѣшетку, клѣтки и гарды, если, по небольшимъ размѣрамъ или ветхости, они не придаютъ имъ никакой цѣны. Эти камышевыя стѣнки, сломанныя, перепутанныя зимними вьюгами, сносятся весеннимъ теченіемъ, запружаютъ и засоряютъ ерики. Такая небрежность конечно не должна быть терпима, и коты должны быть непремѣнно вынимаемы изъ воды, прежде наступленія зимы; но изъ-за этого не запретить же вообще употребленія удобнаго и дешеваго снаряда.

Но ежели коты сами по себѣ ничуть не вреднѣе всѣхъ прочихъ ставныхъ орудій лова, можно-ли

считать безвреднымъ и самый весенній ловъ на пространствѣ днѣпровскихъ плавней, для котораго онъ служитъ главнымъ орудіемъ. Г. Середа старается доказать и это, утверждая, что количество рыбы, вылавливаемой котами въ весеннее время, не такъ значительно, какъ обыкновенно предполагаютъ, и что икра, выбиваемая попавшимися въ коту рыбами, если и не вся, то по крайней мѣрѣ въ значительномъ количествѣ, оплодотворяется и развивается. Это послѣднее мнѣніе совершенно невѣрно, и основано на неправильномъ примѣненіи вывода, сдѣланнаго г. академикомъ Бэромъ изъ факта, подмѣченнаго имъ на Гокчинскомъ озерѣ. Г. Бэръ говоритъ (Изслѣд. о рыб. Т. II стр. 129 и 130): «Въ притовахъ озера Гокчи мѣста лова таковы, что онѣ же могутъ быть употреблены почти безъ всякихъ издержекъ для такъ-называемаго искусственнаго оплодотворенія рыбы. Часто даже на этихъ мѣстахъ происходитъ оплодотвореніе случайно, само собою, именно потому, что ловъ производится въ самый періодъ метанія икры. Мы нашли недалеко отъ берега, на глубинѣ нѣсколькихъ дюймовъ икрянки въ полномъ развитіи. Рыба конечно не выметывала добровольно на этомъ мѣстѣ икры, ибо тамъ не было довольно воды, чтобы прикрыть ихъ. Очевидно, что при выниманіи пойманныхъ рыбъ одновременно попали сюда зрѣлыя икрянки и молоки. Такъ какъ для обезпеченія размноженія рыбы на будущее время здѣсь нужно лишь выдавливать зрѣлыя, свободно вытекающія икру и молоки изъ тѣхъ только рыбъ, которыя и безъ того уже пойманы, то безъ всякаго опасенія можно еще усилить теперь употребительные способы лова.» Доказавъ предварительно, что скопляющаяся въ котахъ икра не сгниваетъ, ибо коты не испускаютъ изъ себя дурнаго запаха свойственнаго гніющей рыбѣ или икрѣ, и что съ другой стороны, по окончаніи нереста, въ котахъ вовсе не оказывается икры, г. Середа заключаетъ, на основаніи, приведеннаго г. академикомъ Бэромъ, факта, что въ котахъ должно видѣть «не гибельный для икры снарядъ, а скорѣе въ нѣторой степени искусственный разсадникъ, поддерживающій обиліе бѣлой рыбы въ отдаленнѣйшихъ частяхъ плавней.» Что иногда, при стеченіи рѣдкихъ обстоятельствъ, часть икры, выбитой пойманными въ котѣ рыбными самками, можетъ современно быть облита молоками въ нее же попавшихся самцовъ; что такая оплодотворенная икра, при стеченіи ряда другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ разослаться по дну, гдѣ нибудь въ уголку снаряда, прикрѣпиться къ былинкахъ растущимъ на днѣ коты водяныхъ травъ, или къ самымъ камышевымъ стѣнкамъ ея, и такимъ образомъ достигнуть того, что изъ нея вылупятся мальки и проскользнувъ черезъ рѣшетку, благополучно выйдутъ на просторъ,—это случайность, возможности которой никакъ нельзя отвергать. Но если бы размноженіе рыбы было предоставлено только случайностямъ, подобнымъ развитію мальковъ изъ выметанной въ котахъ икры, или изъ икры гокчинскихъ форелей, вытекшей и смѣшавшейся съ молоками, послѣ того, какъ рыбы были уже вынуты изъ воды, то конечно и гокчинскій и днѣпровскій ловы скоро бы прекратились. Дѣло въ томъ, что икрянки въ состояніи проникаться оплодотворяющими ихъ молоками только весьма короткое время, послѣ того какъ она попала изъ тѣла рыбы въ воду. При естественномъ оплодотвореніи, это своевременное прикосновеніе малокъ съ икрою обезпечивается самимъ инстинктомъ распложающихся рыбъ; при оплодотвореніи искусственномъ, объ этомъ заботится человѣкъ; при оплодотвореніи же случайномъ, такая своевременность смѣшенія икры съ молоками можетъ имѣть мѣсто только какъ рѣдкое исключеніе. Этого мало. Для развитія даже оплодотворенной икры необходимо, чтобы она не была скучена и обливалась свѣжею насыщенною воздухомъ водою. Въ котахъ же икра конечно скучивается, иначе она и не обратила бы на себя ничьего вниманія. Но если икра въ котахъ не сгниваетъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ не развивается, то могутъ спро-

сить, куда же она дѣвается? Отчасти вѣроятно уносится теченіемъ сквозь промежутки рѣшетокъ и устенки, въ негодномъ уже для развитія состояніи; большею же частью поѣдается рыбками, могущими проскользнуть сквозь отверстія котъ, раками, водяными жуками, водяными птицами, которыя, по замѣчанію г. Кесслера, заплывъ въ коты, иногда не могутъ изъ нихъ высвободиться; всего же болѣе,—въ несмѣтномъ множествѣ кишащими въ плавняхъ лятушками. Если за всѣмъ тѣмъ, какъ замѣчаетъ г. Середа, рыба есть даже и въ тѣхъ озерахъ, устья которыхъ на глухо перегораживаются котами, то это легче всего объяснить тѣмъ, что въ сильныя половодья, отъ времени до времени случающіяся, можетъ заходить рыба и въ такія запертыя озера Вообще большія воды составляютъ, по замѣчанію, сдѣланному г. академикомъ Бэромъ, одно изъ сильнѣйшихъ охранительныхъ средствъ, которыми природа противодѣйствуетъ излишнему вылову. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сильныхъ полноводій бываютъ на Волгѣ огромные уловы. Необыкновенно сильный ловъ 1861 г., когда было поймано только на нижней Волгѣ до 45,000,000 судаковъ и слишкомъ 20,000,000 лещей, кажется мнѣ зависѣлъ отъ сильнаго поводья 1856 года. Если это замѣчаніе вѣрно, то черезъ 4 или 5 лѣтъ долженъ быть на Волгѣ опять очень сильный уловъ. Не одно весеннее, но также и осеннее водополье имѣетъ полезное вліяніе на увеличеніе рыбнаго запаса. Имъ прорываются многія озера, въ которыхъ рыба остается запертою, и гдѣ, по ограниченности мѣста, она не можетъ расплодиться далѣе нѣкоторой весьма тѣсной границы. Такъ сказать выпущенная на волю этими прорывами, она расходится по всѣмъ рукавамъ Днѣпра, частью попадаетъ въ руки ловцовъ, но частью содѣйствуетъ безъ сомнѣнія и къ общему размноженію рыбы. Осенью 1865 г. были такіе прорывы нѣкоторыхъ озеръ, и рыбками было замѣчено появленіе большаго количества коропа, преимущественно молодаго.

Но велико-ли количество икры, пропадающей въ котахъ, или лучше сказать велико-ли число икряныхъ рыбъ, попадающихъ весною въ коты? Г. Середа приводитъ слѣдующій приблизительный разсчетъ, для доказательства, что число ихъ не очень значительно. Принявъ доходъ хозяина 70 котъ въ 600 р. сер или въ 100 возовъ рыбы въ теченіи $2^1/_2$ весеннихъ мѣсяцевъ, онъ выводитъ, что на каждый день придется кругомъ не болѣе $^1/_{32}$ воза или 5 рыбъ на каждую коту. Разсчетъ этотъ кажется мнѣ невѣрнымъ, потому что въ такомъ случаѣ на возъ пришлось бы только 160 рыбъ, а такъ какъ въ возѣ рыбы нельзя принять менѣе 20 пудовъ, то средній вѣсъ пойманныхъ котами рыбъ составилъ бы около 5 фунтовъ штука. Но въ коты попадаютъ не только коропы, а еще чаще мелкія рыбы, какъ напримѣръ: густера, клепецъ, красноперка, тарань и т. д., поэтому мнѣ кажется, что этотъ средній вѣсъ вдвое или втрое преувеличенъ, такъ что среднее число ежедневно попадающихъ въ каждую коту рыбъ едва ли можно принять менѣе 10 или даже 15. Но примемъ 5 рыбъ. На 70 котъ это составитъ 350 рыбъ въ сутки. На всемъ пространствѣ плавней едва-ли можно принять менѣе ста заводовъ, по 70 котъ въ каждомъ, или пропорціональное число меньшихъ заводовъ, т. е. около 7000 дѣйствующихъ котъ. Это дало бы намъ 35,000 штукъ рыбъ ежедневно ловимыхъ этими снарядами, а въ $2^1/_2$ весеннихъ мѣсяца болѣе $2^1/_2$ милліоновъ рыбъ. Если бы $^2/_5$ этого числа рыбъ, т. е. то количество ихъ, которое попадаетъ въ коты въ теченіе одного мѣсяца, могло свободно распложаться въ плавняхъ, которыя составляютъ для нихъ самыя лучшія мѣста метанія икры и, что очень важно, которыхъ они уже достигли, то размноженіе рыбы въ днѣпровской мѣстности было бы вполнѣ обезпечено, и Днѣпръ съ его рукавами, его лиманъ и озера плавней заключали бы въ себѣ столько рыбы, сколько можетъ прокормиться на ихъ пространствѣ. Основываясь на этомъ разсчетѣ, данныя для котораго представилъ

самъ г. Середа, я полагаю, что запрещеніе не котъ конечно, а плавеннаго рыболовства вообще въ теченіе одного весенняго мѣсяца, именно съ 10 апрѣля по 10 мая, принесло бы огромную пользу днѣпровскому рыбному хозяйству.

Мнѣніе, высказанное г. академикомъ Бэромъ: что положеніе, заключающееся во всѣхъ нынѣшнихъ руководствахъ къ полицейскому праву, по которому не должно ловить рыбъ во время метанія икры, несправедливо, такъ какъ дѣло состоитъ лишь въ томъ, чтобы достаточное количество рыбы имѣло возможность доходить до мѣстъ удобныхъ для метанія икры, — нисколько не противорѣчитъ необходимости ограничивать весеннее рыболовство различнымъ образомъ, принимая во вниманіе условія мѣстности и другія соображенія. Ловъ рыбы въ плавняхъ, т. е. на самыхъ мѣстахъ метанія икры, и составляетъ именно недопущеніе достаточнаго количества рыбы до мѣстъ удобныхъ для метанія икры. Если же ловъ останется по прежнему дозволеннымъ въ лиманѣ и въ главныхъ притокахъ Днѣпра, то весеннее рыболовство не будетъ запрещено вообще; самая значительная доля, вошедшей въ Днѣпръ рыбы будетъ поймана, но та часть ея, которая, не смотря на этотъ ловъ, уже достигла мѣстъ метанія икры, или по крайней мѣрѣ очень приблизилась къ нимъ, будетъ имѣть возможность безпрепятственно распложаться. Хотя ни въ одной мѣстности изъ посѣщенныхъ экспедиціями для изслѣдованія рыболовства, весенній ловъ запрещенъ не былъ, почти вездѣ однако же приняты или предложены ограниченія его, сообразныя съ мѣстными условіями. Низовья трехъ рѣкъ Волги, Дона и Кубани доставляютъ въ Россіи главный запасъ бѣлой или частиковой рыбы. Очевидно, что опасность уменьшенія ея обратно пропорціональна обширности водоема, изъ котораго эти рыбы поднимаются въ рѣки для метанія икры, величинѣ и трудностямъ доступа тѣхъ ильменей и вообще разливовъ, гдѣ онѣ распложаются. Обширность волжской дельты и относительно малое развитіе лова по волжскимъ ильменямъ казалось бы достаточно обезпечивали размноженіе тамошней рыбы, но энергія, съ которою производится тамъ ловъ на большихъ проточныхъ рукавахъ, все-таки заставила прибѣгнуть и тамъ къ запрещенію лова по разливамъ и ильменямъ въ теченіе апрѣля мѣсяца. Въ дельтѣ Дона внутренніе лиманы очень мало развиты, и метаніе икры породами бѣлой рыбы происходитъ главнѣйше на мѣстности, поросшей водяными травами, передъ устьями гирлъ этой рѣки, гдѣ ловъ, по своей затруднительности, вовсе не производится; поэтому ограниченіе весенняго рыболовства здѣсь и не сочтено нужнымъ. На Кубани огромность и развѣтвленность тамошнихъ лимановъ, а также заповѣдныя мѣста, охраненіе которыхъ вполнѣ обезпечено строгостью казацкой дисциплины и стародавними обычаями, сдѣлали ненужнымъ запрещеніе лова бѣлой рыбы въ извѣстное время года. Вмѣсто запрещеннаго времени, установлено здѣсь запрещенное пространство. Въ Днѣпрѣ, гдѣ пространство плавней менѣе значительно, чѣмъ на Кубани и на Волгѣ, гдѣ плавенный ловъ очень развитъ, а главное, гдѣ резервуаръ рыбы, поднимающейся по рѣкѣ, гораздо меньше, чѣмъ сѣверная часть Каспійскаго и Азовскаго моря, существенно необходима таже мѣра, которая принята уже на Волгѣ.

Запрещеніе весенняго плавеннаго рыболовства не можетъ быть замѣнено болѣе строгими ограниченіями въ лиманѣ и въ главныхъ рукавахъ Днѣпра. Но не выгоднѣе ли бы было ограничить на Днѣпрѣ сѣтяной ловъ, производимый по главнымъ его рукавамъ, чѣмъ запрещать хотя бы и на одинъ мѣсяцъ ловъ въ плавняхъ, такъ какъ этотъ послѣдній производится преимущественно самою бѣдною частью промышленниковъ. Не говоря уже о томъ, что за разнообразными постановленіями, которыя должны бы служить къ этому ограниченію лова въ большихъ протокахъ, ихъ гирлахъ и въ самомъ

лиманѣ, гораздо труднѣе наблюдать, чѣмъ за опредѣленнымъ запрещеніемъ не ловить въ плавняхъ въ продолженіе одного мѣсяца,—ограниченіе лова, которое лишило-бы промышленниковъ Днѣпра и лимана такого же количества рыбы, какого лишатся котники и другія лица, занимающіяся ловомъ по плавнямъ, отъ одномѣсячнаго запрещенія лова,—не можетъ произвести одинаково полезнаго дѣйствія, по слѣдующимъ причинамъ: 1) часть рыбы, которая вслѣдствіе этихъ ограниченій избѣгла бы вылова въ низовьяхъ Днѣпра, прошла бы вверхъ, гдѣ мѣста метанія икры не такъ удобны, какъ въ низовыхъ плавняхъ. 2) Часть той рыбы, которая прошла бы въ плавни, вмѣсто того, чтобы выметать тамъ икру, сдѣлалась бы добычею котниковъ и другихъ плавенныхъ ловцовъ. Главное же: 3) Притокъ большаго количества рыбы въ плавни, при ограниченіи лова въ самыхъ рукавахъ Днѣпра, усилилъ бы плавенный ловъ, и какъ это обыкновенно бываетъ, усилилъ бы даже его въ сильнѣйшей степени, нежели на сколько усилился бы притокъ рыбы въ плавни, такъ что излишекъ пропуска ея въ плавни остался бы по меньшей мѣрѣ безъ пользы для размноженія рыбы. Къ этому надо прибавить, что запрещеніе лова по озерамъ, лиманамъ, ерикамъ и рукавамъ плавней въ теченіе одного мѣсяца, въ послѣднемъ результатѣ, вовсе не уменьшитъ выгодъ плавеннаго рыболовства, а только перемѣститъ эти выгоды съ весны на лѣто и осень. Въ началѣ мая рыба, зашедшая въ разливы днѣпровской дельты, еще не возвращается въ рѣку, а слѣдовательно и послѣ этого времени можетъ быть вылавливаема тѣми же котами, устройство которыхъ позволяетъ ловить, какъ ту рыбу, которая спускается по протокамъ, такъ и ту, которая по нимъ поднимается. Преимущественный ловъ этой послѣдней рыбы представилъ бы ту выгоду, что онъ происходилъ бы уже послѣ того, какъ она выметала икру не въ котахъ, а на полномъ просторѣ, а также и то, что было бы больше рыбы въ лѣтнее время, когда въ ней болѣе всего нуждаются и когда она дороже.

Время запрещенія плавеннаго лова, съ 10 апрѣля по 10 мая, соображено еще съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Весенній ловъ въ Днѣпрѣ и его рукавахъ начинается въ мартѣ или въ апрѣлѣ и продолжается до начала мая. Уже къ концу апрѣля вода становится столь быстрою, что неводный ловъ дѣлается затруднительнымъ. Хозяева или арендаторы промысловъ должны поэтому непремѣнно принанимать къ своимъ рѣчнымъ участкамъ — озера лежащія въ плавняхъ, куда могли бы переносить свой ловъ съ прекращеніемъ рѣчнаго, безъ чего на одинъ кратковременный днѣпровскій весенній ловъ трудно найти артели работниковъ, приходящихъ обыкновенно издалека.

Ограниченіе способа употребленія котъ. Если весенній ловъ въ днѣпровскихъ плавняхъ будетъ запрещенъ въ теченіе одного мѣсяца, то ловъ котами въ остальное время года можетъ оставаться дозволеннымъ, съ единственнымъ ограниченіемъ, общимъ для всѣхъ ставныхъ орудій лова, чтобы треть занимаемаго ими водовмѣстилища всегда оставалась свободною, для безпрепятственнаго прохода рыбы. Хотя размноженіе большей части породъ рыбъ будетъ уже достаточно обезпечено воспрещеніемъ весенняго плавеннаго рыболовства, но это ограниченіе для выставки котъ въ остальное время года необходимо сохранить, какъ потому, что нѣкоторыя породы рыбъ мечутъ икру въ болѣе позднее время года, такъ и для того, чтобы обезпечить справедливое распредѣленіе рыбы между разными промышленниками не дозволяя никому запирать рыбу въ водовмѣстилищахъ, соединяющихся съ другими узкими протоками, и тѣмъ обращать ее въ свою исключительную собственность, еще прежде ея поимки.

Я такъ распространился о котахъ потому, что съ ними связанъ вопросъ о главной охранительной мѣрѣ днѣпровскаго рыболовства.

в) Ботвильная сѣть. Въ Днѣпровскомъ лиманѣ по отмелямъ, составляющимъ продолженіе островов, раздѣляющихъ днѣпровскіе рукава, и вдоль южнаго берега его производится ловъ такъ-называемыми ботвильными сѣтями. Это двухстѣнная ставная сѣть, имѣющая отъ 30 до 50 саженъ длины. Одна стѣна ея имѣетъ ячеи въ 1 вершокъ, а другая въ 4 и въ 5 вершковъ въ сторонѣ, отъ узла до узла. Въ эти сѣти, разставленныя между кустами высокорослыхъ водяныхъ травъ, загоняютъ рыбу крикомъ и шумомъ, производимымъ ударами объ лодку веслами или стябломъ (родъ корыта, въ которое складывается сѣть) и объ воду шестомъ, имѣющимъ на концѣ коническую пустоту. Шестъ этотъ называется ботвнею. Шумъ этотъ говорятъ очень громокъ, и, при большомъ числѣ производящихъ его ловцовъ, слышенъ на далекое разстояніе. Шумъ при производствѣ рыбной ловли вообще считается вреднымъ, ибо распугиваетъ рыбу; на этомъ основаніи запрещена, напримѣръ, на Каспійскомъ морѣ, гонка тюленя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по близости существуютъ рыбные промыслы. Особливо же вреденъ шумъ во время метанія рыбою икры. Ботвильный ловъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ происходитъ уже лѣтомъ, когда большая часть рыбъ окончила метаніе икры. Хотя поэтому онъ и не имѣетъ вліянія на уменьшеніе рыбнаго запаса, онъ долженъ однако же все-таки быть запрещенъ, потому что отпугиваетъ рыбу отъ тѣхъ мѣстъ, куда она безъ этого могла бы зайти.

г) Гребли и хватки. Изъ способовъ лова, безвредность употребленія которыхъ также подлежитъ сомнѣнію, надо еще упомянуть о гребляхъ. Они придуманы исключительно для лова рыбца (Leuciscus Vimba) и основаны на наблюденіи особенностей въ метаніи икры этою рыбою. Рыбецъ мечетъ икру по каменистымъ грядамъ въ самомъ руслѣ рѣкъ, на довольно быстро текущей водѣ. Гребли ничто иное какъ искуственно устроенныя каменныя гряды, для привлеченія на нихъ рыбцовъ и вылова ихъ разостланною тамъ сѣтью. У крутаго берега, гдѣ глубина достигаетъ 3 саж. и куда слѣдовательно прибиваетъ теченіе, наваливаютъ груду камней въ видѣ маленькаго мыса, вдающагося на сажень или на полторы въ глубь рѣки. Дабы эту кучу не размыло теченіемъ, по концамъ ея вбиваютъ нѣсколько тонкихъ свай и переплетаютъ ихъ хворостомъ. Устройство гребли на глубокомъ мѣстѣ подрываемомъ теченіемъ стоитъ не дешево; если цѣнить собственный трудъ рыбака и его семейства, то конечно не дешевле 50 р. На греблю разстилаютъ во время половодья сѣть, называемую хваткою. Человѣкъ караулитъ за нею, и когда рыбецъ соберется на каменную кучу, чтобы метать на ней икру, онъ приподнимаетъ сѣтку и рыба въ ней остается. Гребли болѣе употребительны на правой херсонской сторонѣ Днѣпра и его рукавовъ, подъ возвышеннымъ берегомъ, и оттуда занесены онѣ и на таврическій берегъ. Въ половодье налавливаютъ одною греблею въ Конкѣ отъ 500 до 2.000 штукъ рыбца, на херсонской же сторонѣ, куда рыбецъ болѣе идетъ, до 4 и 5 тысячъ штукъ. Этотъ способъ можетъ показаться вреднымъ, потому что вылавливаетъ рыбу, притомъ довольно цѣнную, именно во время метанія ею икры. Но если принять въ соображеніе, что гребли доставляютъ рыбцу искуственныя удобства для метанія икры, и что при поднятіи сѣтки, что дѣлается не ранѣе, чѣмъ значительное число его соберется на греблю, — часть его успѣваетъ почти всегда уже выметать икру, то мы придемъ къ заключенію, что вредъ греблей по крайней мѣрѣ уравновѣшивается ихъ пользою. Выловъ рыбы, успѣвшей уже выметать икру, хотя бы выловъ былъ до-чиста, долженъ считаться безвреднымъ; особенность же лова греблями и хватками и заключается именно въ томъ, что ловъ слѣдуетъ непосредственно за выметаніемъ икры, если и не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторою частью рыбца, въ мѣстѣ совершенно принаровленномъ къ тому, чтобы эта икра могла хорошо развиться.

д) Самодеры. Наблюденіе за нравами рыбы привело на Днѣпрѣ къ устройству еще одного видоизмѣненія крючковой снасти, для лова короповъ и сомовъ. Рыбаки знаютъ, что близь крутыхъ мѣстъ, гдѣ берегъ подмытъ и въ глубокихъ ямахъ, коропы и сомы собираются зимовать. Къ такимъ мѣстамъ передъ заморозками подплываютъ на лодкахъ, или подходятъ уже по тонкому льду, и опускаютъ веревку съ грузиломъ, къ которой прикрѣплены три большія уды безъ наживки, называемую самодеромъ. Удами поддѣвается рыба, скопившаяся въ густую стаю, какъ багромъ, и такимъ образомъ наваливаютъ по нѣскольку сотень штукъ самой крупной рыбы, доходящей до двухъ пудовъ вѣсомъ. Съ такими рыбами много надо возиться, прежде чѣмъ успѣютъ ихъ вытащить въ лодку, надо то подтягивать, то опускать уду, утомляя рыбу, иначе она перерветъ веревку.

е) Ловъ сазана въ ерикахъ. Еще слѣдующій, чрезвычайно интересный способъ лова коропа, свидѣтельствующій о наблюдательности здѣшнихъ рыбаковъ, привожу со словъ г. Середы. «Весною, какъ извѣстно, коропы ищутъ мелкихъ и закрытыхъ мѣстъ. Этой привычкой ихъ особенно пользуются жители таврическаго берега, гдѣ находятся небольшія озерки, соединенныя съ главнымъ бассейномъ узкими ериками, по большей части искуственными. Во время хода короповъ, стараются охранять такіе ерики и самыя озера отъ всякаго шума; а чтобы имѣть возможность слѣдить за появленіемъ короповъ, предварительно вбиваютъ въ дно ерика нѣсколько тростинокъ, располагая ихъ рядомъ поперегъ ерика, вершка на два одну отъ другой. Одинъ изъ рыбаковъ постоянно наблюдаетъ здѣсь и по движенію тростинокъ узнаетъ, когда коропъ пройдетъ по ерику въ озеро. Утверждаютъ, что сначала всегда приходитъ одинъ и не болѣе трехъ короповъ, какъ будто съ цѣлью развѣдать объ удобствахъ, представляемыхъ озеромъ, и убѣдиться въ безопасности мѣста. Когда замѣтятъ появленіе такихъ соглядатаевъ, то больше всего заботятся о соблюденіи тишины, потому что коропъ, по мнѣнію рыбаковъ, осторожнѣе и смышленѣе всѣхъ рыбъ (*). Если соглядатаи, спокойно осмотрѣвъ озеро, снова возвратятся и выйдутъ изъ озера, тогда ждутъ цѣлаго стада и приготовляются запереть ерикъ. Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ этого появляется множество короповъ, которые внезапно опрокидываютъ тростники и наполняютъ собою ерикъ, стремясь въ озеро. Давъ имъ время пройти въ него, перегораживаютъ ерикъ прочной стѣной, и потомъ вываливаютъ всѣхъ зашедшихъ туда короповъ.»

(*) Коропъ вообще пользуется у днѣпровскихъ рыболововъ славою умнѣйшей рыбы; онъ, говорятъ, даже и въ коты нейдетъ иначе, какъ во время сильныхъ вѣтровъ, когда прячется въ разные закоулки,—«у куты хватается», какъ говорятъ малороссіяне. Эту репутацію коропа и я могу подтвердить всѣмъ, что мнѣ случалось видѣть и слышать объ немъ на Волгѣ, Уралѣ, Кубани и Дону. Коропа или сазана всего труднѣе удержать въ садкахъ или забитыхъ озерахъ и ерикахъ. Собственно противъ него устилаютъ дно камнями и кульками набитыми землею у тѣхъ заколовъ, которыми обращаютъ уральскія котлубани и старицы—въ садки для вылова осенью рыбы, зашедшей туда весною. Эту репутацію раздѣляетъ впрочемъ съ коропомъ или сазаномъ—еще сомъ. По разсказамъ очевидцевъ, сомъ подплываетъ къ склонившимся надъ водою деревьямъ, и ловкимъ ударомъ хвоста сбиваетъ гнѣзда, чтобы проглотить упавшихъ въ воду молодыхъ птицъ. Мнѣ случилось однажды ѣхать изъ Царицына въ Сарепту въ прорѣзи, т. е. въ лодкѣ съ продиравленными стѣнками, въ которой перевозятъ живую рыбу и которая поддерживается на водѣ только кормовою и носовою частью, въ которыхъ не продѣлано дыръ, какъ бы на пузыряхъ. Въ прорѣзи было нѣсколько десятковъ севрюгъ, осетровъ и сомовъ. Севрюги и осетры преспокойно плавали въ пловучемъ садкѣ, но сомы безпрестанно подплывали къ той части садка, которая не была прикрыта сверху досками, выставляли изъ воды голову и искали случая перекинуться черезъ низкій бортъ лодки. Нѣсколько разъ прогоняли мы ихъ ударами по головѣ, но самый большой сомъ, воспользовавшись тѣмъ, что мы всѣ какъ-то заглядѣлись, все-таки успѣлъ выскочить изъ лодки въ рѣку.

Эти способы лова, основанные на наблюденіи жизни и нравовъ рыбъ, какъ и вообще всѣ хитро придуманныя ловушки, дѣлая честь наблюдательности и изобрѣтательности промышленниковъ, доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ мѣстности, гдѣ они употребляются, количество рыбы не слишкомъ велико. Гдѣ рыба тѣснится огромными массами, какъ на Волгѣ или Кубани, тамъ нѣтъ ни времени, ни надобности подмѣчать особенности въ привычкахъ разныхъ рыбъ;—ихъ просто вычерпываютъ неводами, предоставляя дилеттантамъ рыболовства борьбу ума съ инстинктомъ рыбъ. Въ такихъ мѣстахъ впрочемъ и нѣтъ рыболововъ-охотниковъ, а есть только рыболовы-промышленники.

Условіе отдачи на откупъ рыбныхъ ловель собственно въ Днѣпрѣ и его рукавахъ. Такъ какъ берега Днѣпра, лимана и плавни большею частью принадлежатъ частнымъ лицамъ, или составляютъ оброчныя статьи, то ловъ въ нихъ почти вездѣ отдается въ арендное содержаніе на весьма различныхъ условіяхъ. Чтобы дать понятіе о нихъ, я приведу нѣсколько примѣровъ. По Днѣпру и его рукавамъ рыболовство вообще не очень значительно, и владѣльцы береговъ отдаютъ свои тони рублей отъ 150 до 200 въ годъ. Арендаторъ самъ обыкновенно занимается рыболовствомъ и пускаетъ постороннихъ ловить въ своемъ участкѣ только мелкими снастями, гребіями, котами, бреднями; неводной же ловъ предоставляетъ себѣ. Такъ напримѣръ у селенія Казачьи Лагери, гдѣ лѣвый берегъ Конки принадлежитъ государственнымъ крестьянамъ, а плавни помѣщику, воды откупаетъ одинъ рыбопромышленникъ, который платитъ помѣщику 170 р. а обществу крестьянъ 100 р. въ годъ. На снимаемомъ пространствѣ держитъ онъ 4 невода, по одному на Конкѣ и на Днѣпрѣ и 2 на озерѣ; за ерики, запираемые котами, беретъ онъ по 5 р., а за греблю отъ 2 до 3 руб. въ годъ. Воды близъ селенія Каховки отдаются всего за 150 р. Карбунскій монастырь, находящійся близь селенія Британы, вовсе не беретъ аренды за свои воды, выговоривши себѣ лишь столько рыбы, сколько потребуется на продовольствіе братіи.

Иногда впрочемъ и на Днѣпрѣ случаются значительные заловы. Разсказываютъ случай, что на херсонской сторонѣ Днѣпра близь селенія Тягинки, затянули въ ноябрѣ мѣсяцѣ передъ заморозками въ одну тоню на 4.000 р. рыбы; но это лишь исключенія, которыя по самой ихъ рѣдкости остаются въ народной памяти. Лиманный ловъ вообще значительнѣе днѣпровскаго, но и здѣсь по заведенному обычаю, точно такъ какъ и на Днѣстровскомъ лиманѣ, арендаторъ не пользуется правомъ исключительнаго лова, часто самъ даже имъ вовсе не занимается; если же и занимается, то всетаки дозволяетъ ловить и другимъ, за извѣстную плату или долю въ уловѣ. Способы сбора этой пошлины деньгами или рыбою весьма различны по мѣстностямъ, времени года и снастямъ, которыми производится ловъ. Такъ селеніе Збурьевка, лежащее близь самаго устья Конки, имѣетъ двѣ рыболовныя дачи: Днѣпровская Ставка и такъ называемый кутъ или Збурьевскій лиманъ, отрогъ большаго лимана. Первая отдается съ 1863 по 1869 годъ на откупъ за 160 р. съ полнымъ правомъ откупщика ловить какъ онъ хочетъ. Жители выговариваютъ себѣ лишь право ловить въ ней рыбу маленькими бреднями, въ 3 или 4 сажени длиною, для домашняго употребленія. За ловомъ въ этой дачѣ они не гонятся, такъ какъ она удалена отъ нихъ и противуположный берегъ помѣщичій.

Условія отдачи рыбныхъ ловель на лиманѣ. Збурьевскій же лиманъ отдавался на откупъ съ 1858 года по 1864 за 92 р. 40 к., а съ 1864 по 1870 за 105 р. Здѣсь всѣ крестьяне имѣютъ право тянуть невода наравнѣ съ откупщикомъ, платя лишь десятую копѣйку съ той цѣны, по которой атаманъ продаетъ рыбу въ первыя руки, а не съ той, по которой продаетъ ее хозяинъ невода, имѣю-

щій право оставлять рыбу за собою. Какъ велика эта разница можно видѣть изъ продажи вышеприведеннаго, необыкновеннаго по своему изобилію, залова близь Тягинки. Хозяинъ невода, который былъ вмѣстѣ содержателемъ водъ, продалъ свой уловъ за 4000 р., но пользуясь своимъ правомъ купилъ тоню у своихъ работниковъ всего за 2000 р, и такъ какъ, по существующему здѣсь способу дѣлежа добычи, половина принадлежитъ хозяину, то заплатилъ имъ только 1000 р. Съ ловящихъ ставными сѣтками беретъ откупщикъ не долею улова, а по 5 р. съ каждаго каюка. За ловъ маленькими бреднями и рогелями, особою треугольною сѣтью, употребляемою для лова раковъ, не должно ничего брать. Зимою въ Збурьевскомъ лиманѣ происходитъ неводной ловъ на 14 тоняхъ, которыя распредѣляются между всѣми хозяевами неводовъ по жеребью, разъ на всю зиму, при чемъ откупщикъ не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ прочими промышленниками. Только если кто либо оставитъ свою тоню, по невыгодности ли ея, или по другимъ причинамъ, то ему дается 3 или 4 дня льготы, послѣ чего или самъ откупщикъ занимаетъ эти мѣста, или отдаетъ кому либо другому. Десятую часть улова платятъ ему и съ зимняго лова. Иногда впрочемъ соглашаются хозяева не метать жеребья, а ловить всякому, гдѣ кто каждый день себѣ мѣсто захватитъ. Этому распорядку подчиняется и откупщикъ.

Условія откупа нѣсколько сложнѣе въ лежащемъ ниже по лиману селеніи Рыбальшѣ. Откупщикъ платитъ въ экономію 3.000 р.; прежде же платилъ 4.000 р. Льготныхъ условій для крестьянъ никакихъ нѣтъ, т. е. они не пользуются никакимъ даровымъ ловомъ. Главный промыслъ, какъ и вообще на лиманѣ, происходитъ здѣсь зимою, потому что въ весеннее время неводами на лиманѣ тянуть нельзя, ибо сильнымъ теченіемъ приподнимаетъ ихъ къ верху, употреблять же грузила, которыя погружали бы неводъ, не позволяетъ илистое топкое дно лимана. Съ невода бралъ прежде откупщикъ десятую рыбу, санки съ рыбою и 2 осетра для экономіи; съ зимы же 1864 на 1865 годъ перемѣнили эти условія, предоставляя выбору хозяевъ неводовъ платить $^1/_7$ часть улова, или 170 руб. въ годъ. Ежели бы кто пожелалъ ловить внѣ доставшихся по очереди мѣстъ, на такъ называемыя полюбки, съ того берутъ 50 р. съ тони, т. е. съ каждой проруби вновь сдѣланной, хотя бы на ней пришлось всего одинъ разъ вытянуть неводъ. Сѣтчики въ зимнее время должны отдавать третью рыбу, въ осеннее же время платятъ съ дуба, т. е. съ лодки, на которой ставятъ и перебираютъ ставныя сѣти, имѣющія обыкновенно 30 саженъ въ длину,—2 р. 50 к., если на немъ два человѣка, и 5 р. если четыре. Этимъ пріобрѣтается право на ловъ со Спасова дня (1 августа) до Покрова (1 октября), съ Покрова по Филиппово заговѣнье (14 ноября) дѣлается новый уговоръ на тѣхъ же условіяхъ. При этомъ рыбу должны продавать сѣтные ловцы непремѣнно откупщику; лѣтніе же неводные могутъ продавать свои уловы кому хотятъ, ибо въ теплое время сбытъ ея труденъ. Откупщикъ даетъ за крупную рыбу: чечугу (стерлядь), пестругу (севрюгу), судака, большаго коропа, щуку и крупнаго леща 60 и 65 к. за пудъ, за остальную рыбу 30 и 35 к., тогда какъ первую можно бы было продать на сторону по 80 к. и даже по 1 руб. пудъ.

Ниже Рыбальши у начала Кинбурнской косы лежитъ селеніе Бузовое, гдѣ берегъ лимана принадлежитъ нѣмецкимъ колонистамъ, овцеводамъ Шмиту и Шреду. У нихъ 4 завода, изъ которыхъ на одномъ неводъ тянется отъ самой экономіи. Ловъ бываетъ лишь во время зимы. Другой отдается на откупъ за 200 р., мѣстность не позволяетъ здѣсь употреблять невода, и откупщикъ пускаетъ ловить сѣтчиковъ. Два другіе завода—неводные, гдѣ, какъ и на первомъ, тянутъ только зимою; они отдаются въ арендное содержаніе по 60 р. каждый. За имѣніемъ Шмита и Шреда идутъ на небольшое про-

странство архіерейскія воды, главный участокъ которыхъ идетъ вдоль лиманной стороны самой оконечности Кинбурнской косы. На нихъ пускаютъ ловить всѣхъ желающихъ за десятую часть суммы, выручаемой отъ продажи рыбы. Между обоими архіерейскими участками простираются верстъ на 30 воды Любенковой, которыя отдаются на откупъ за 400 р. Теперешній откупщикъ ихъ имѣетъ три своихъ невода, а право ловить сѣтками передаетъ нѣсколькимъ артелямъ за 200 р. въ годъ. Хотя за морской ловъ съ Кинбурнской косы и ничего не платится, однако же стрѣлка ея, начиная отъ крѣпости, такъ узка, что не было бы мѣста для просушки двухъ отдѣльныхъ неводовъ морскаго и лиманнаго, поэтому тѣ же промышленники ловятъ и въ морѣ и въ лиманѣ, платя за архіерейскія воды 10% съ цѣнности лиманскихъ уловов.

Условія хозяевъ съ работниками. Условія хозяевъ съ работниками на Днѣпрѣ тѣже, что и на Днѣстрѣ и вообще на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Съ неводнаго лова получаетъ работничья артель половину улова, продажу производитъ атаманъ, но хозяинъ по большей части выговариваетъ себѣ право скупать всю рыбу. При ловѣ ставными сѣтками, гдѣ и число работниковъ меньше и работа легче, получаютъ работники только третью часть, съ котъ же только шестую. Доля работниковъ дѣлится между ними поровну, а атаманъ получаетъ сверхъ того еще одинъ или два пая отъ хозяина. Если не самъ хозяинъ невода откупаетъ воды, то плата откупщику взимается до выдѣленія части работниковъ, или другими словами хозяинъ и работники вносятъ ее пополамъ; харчи также половинные.

Особенности въ сбытѣ и приготовленіи рыбы. Приготовленіе и сбытъ рыбы имѣютъ на Днѣпрѣ также нѣкоторыя свои особенности. Довольно значительная часть рыбы продается свѣжею, не только зимняго, но и лѣтняго уловов; ибо лѣтомъ рыбы не много и въ ней нуждаются въ сосѣднихъ городахъ; весенняя же, осенняя и то, что не разойдется въ свѣжемъ видѣ лѣтомъ, солится. Сами рыболовы рѣдко занимаются соленіемъ рыбы, ее покупаютъ обыкновенно чумаки, которые развозятъ ее частью въ Крымъ, большею же частью въ югозападныя губерніи. Покупка рыбы идетъ или на глазъ прямо изъ невода, или на ведра казенной мѣры. Для этого вымѣряютъ водою бочки или шапляки (обрѣзы), въ которыхъ солятъ рыбу, накладываютъ ихъ рыбою, пересыпая слои солью, нагнетаютъ, даютъ ей дня три или четыре осѣдать, дополняютъ рыбою, и только послѣ этого считаютъ, сколько продано рыбы, по числу ведеръ вмѣщающихся въ бочкѣ. При этомъ раздѣляютъ рыбу на различные сорты по величинѣ ея. Самая крупная называется *крошень*, къ которому причисляютъ: сома, кропа, судака, леща, вырѣзуба и бѣлизну; за тѣмъ слѣдуетъ *плотка*: подлещикъ, крупный синецъ, клепецъ, рыбецъ и мелкія рыбы перваго сорта; за плоткою слѣдуетъ *отымнякъ* или *выскребокъ*, къ которому относятъ: красноперку, окуня, мелкую синьгу, мелкаго клепца и т. п. Отымнякъ подраздѣляютъ иногда еще на два сорта: *полуплотку* и *собственно отымнякъ*, къ которому относятъ уже самыхъ мелкихъ окуньковъ, плотвичекъ, однимъ словомъ такую рыбу, которую не стоитъ везти въ даль. Крошень продается отъ 80 к. до 1 р. за ведро, плотка отъ 50 до 60 к., а отымякъ отъ 35 до 40 к.

Чумаки, покупающіе рыбу, собираются артелями изъ нѣсколькихъ хозяевъ, имѣющихъ по одному, по два, по три воза; артели располагаются лагеремъ около мѣстъ, гдѣ происходитъ ловъ, и по мѣрѣ улова сортируютъ и солятъ купленную рыбу въ бочки; мелочь же солятъ прямо въ фуры, предназначая ее или на собственное употребленіе дома и во время дороги, или на распродажу по мелочамъ по городамъ и селамъ, черезъ которые будутъ проѣзжать. Иногда платятъ разныя цѣны не по означеннымъ только сортамъ, но и по породамъ рыбы. Замѣчательно, что за щуку платятъ обыкновенно до-

роже, нежели за коропа, который и на Азовскомъ морѣ и на Волгѣ цѣнится гораздо дороже. Это происходитъ отъ того, что днѣпровская рыба везется большею частью въ еврейскую сторону. Евреи, какъ извѣстно, болѣе всего цѣнятъ щуку, которая составляетъ почти необходимую принадлежность всякаго шабаша. Только если нѣтъ чумаковъ, солятъ рыбу, которую нельзя сбыть въ свѣжемъ видѣ, сами ловцы. Эту рыбу скупаютъ обыкновенно евреи. Главный покупатель ея одинъ балтскій еврей, который объѣзжаетъ два раза въ годъ, въ маѣ и въ октябрѣ, всю нижнюю часть Днѣпра, отъ Никополя до устья лимана. Эта рыба продается: крошень на вѣсъ обыкновенно по 1 р. 20 к. пудъ, а плотка счетомъ отъ 10 до 11 р. тысяча; двѣ тысячи полуплотки идетъ за тысячу плотки; отымнякъ же не покупается, а расходуется по окрестнымъ деревнямъ, рубля по 4 за тысячу.

Такъ такъ рыбаки, поджидая чумаковъ, нерѣдко оставляютъ пойманную рыбу не соленою по нѣскольку дней, то она начинаетъ портиться; но на это, и вообще на качество рыбы, мало обращаютъ вниманія,—была бы только солона, потому что въ мѣстахъ ея сбыта соль дорога, и самую сильно соленую рыбу употребляютъ въ приправу къ кушаньямъ. Крупную рыбу, крошень и плотку, передъ соленіемъ или просто распластываютъ, или отбиваютъ еще балыкъ, какъ на Кубани; отымнякъ же, очистивъ отъ внутренностей, кладутъ въ бочки, не распластывая. На бочку употребляютъ до 3½ пудовъ соли. Икру, молоки и даже рыбьи пузыри солятъ отдѣльно въ мѣшкахъ. Чумаки сами занимаются чисткою и соленіемъ рыбы; ловцы же или скупщики евреи нанимаютъ женщинъ, которымъ платятъ по 70 к. съ тысячи крошня и по 40 съ плотки.

Ловъ тюльки въ Бугѣ. Въ Бугскомъ лиманѣ до Николаева и выше производится въ зимнее время, начиная съ октября мѣсяца, значительный ловъ мелкой породы сельдей, извѣстной подъ именемъ тюльки (Alosa cultriventris). Эта рыба обыкновенно солится въ небольшихъ боченкахъ, тѣмъ же способомъ какъ и керченская сельдь, съ тою разницею, что посолъ происходитъ прямо въ боченки, а не въ большіе лари, и что невычищеніе внутренностей по мелкости рыбы не вредитъ ея качеству. Въ небольшомъ количествѣ для мѣстнаго употребленія солятъ тюльку съ перцомъ и лавровымъ листомъ, на подобіе ревельскихъ килекъ, только не съ такимъ искуствомъ. Подробности лова и приготовленія этой рыбы будутъ описаны въ техническомъ отдѣлѣ отчета черноморскаго и азовскаго рыболовствъ.

Ловъ раковъ въ Алешкахъ. Кромѣ рыбы, какъ въ Днѣпрѣ, такъ и въ Днѣстрѣ, водится и ловится много раковъ. Болѣе всего занимаются ловомъ ихъ въ городѣ Алешкахъ. Одна женщина, продавая по копейкѣ сотню, зарабатываетъ до 50 к. въ сутки. Вычищенныя шейки и клешни крупныхъ раковъ здѣсь сушатъ въ печахъ и продаютъ отъ 8 до 12 р. за пудъ.

Общая цѣнность днѣпровскихъ улововъ. Общую цѣнность днѣпровскаго улова, по словамъ скупщиковъ рыбы, можно оцѣнить приблизительно до 250.000 и даже до 300.000 руб. сер. Но такая значительная сумма выручается лишь потому, что средняя цѣна рыбы здѣсь вдвое выше, чѣмъ на Кубани, на Дону и на Волгѣ, гдѣ цѣну крупной рыбы можно положить кругомъ въ 50 к. пудъ, тогда какъ на Днѣпрѣ она доходитъ до рубля и до 1 р. 20 к. Рыболовство это слѣдовательно довольно значительно для того, чтобы обратить на него вниманіе и принять заблаговременно мѣры къ правильному его устройству и къ предотвращенію оскуденія рыбы въ мѣстности, гдѣ существуютъ значительные центры народонаселенія. Мѣры эти должны быть однако же по возможности просты, такъ чтобы соблюденіе ихъ достаточно обезпечивалось немногосложнымъ надзоромъ. По моему мнѣнію, онѣ могли бы ограничиваться слѣдующимъ:

Мѣры къ устройству днѣпровскаго и днѣстровскаго рыболовства. 1) Рыболовство въ лиманахъ Днѣпровскомъ и Днѣстровскомъ должно быть, на основаніи нашего рыболовнаго законодательства, вольнымъ, т. е. нужно, чтобы имъ могъ заниматься каждый желающій, безъ всякой платы береговымъ владѣльцамъ, будутъ ли то частныя лица, городскія или сельскія общества. Эта свобода рыболовства должна распространяться и на ловъ въ ерикахъ, прокопанныхъ между Днѣпровскимъ лиманомъ и Шаболотскимъ озеромъ.

2) Довольно значительные барыши, получаемые съ лиманнаго рыболовства, и простота его производства дозволяютъ установить съ него пошлину въ пользу казны. Годовая плата въ 75 р. съ невода, въ 3 р. съ ставной сѣтки и въ 10 р. съ шаболотскаго ерика не можетъ быть отяготительна для промышленниковъ, такъ какъ они уплачиваютъ нынѣ гораздо значительнѣйшія суммы деньгами или долями улововъ откупщикамъ различныхъ участковъ, отъ которыхъ терпятъ сверхъ того разнаго рода стѣсненія, при продажѣ пойманной ими рыбы.

3) Въ видахъ охраненія бѣлой рыбы отъ излишняго вылова и доставленія ей возможности безпрепятственнаго размноженія, должно запретить производство весенняго рыболовства съ 10 апрѣля по 10 мая, какими бы то ни было снастями, въ нижнихъ частяхъ днѣпровскихъ и днѣстровскихъ плавней, т. е. по лиманамъ, озерамъ, ерикамъ и протокамъ, лежащимъ въ дельтахъ этихъ рѣкъ: для Днѣпра ниже Берислава и Каховки, для Днѣстра же ниже селенія Тудорова. Ловъ въ лиманахъ, въ самыхъ рѣкахъ Днѣпрѣ, Бугѣ и Днѣстрѣ, равно какъ и въ главныхъ рукавахъ, на которые они подраздѣляются, остается дозволеннымъ во всякое время года.

4) Для охраненія безпрепятственнаго входа красной рыбы въ рѣки: Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ и лиманы ихъ, запрещается въ слѣдующихъ мѣстахъ употребленіе крючной снасти: а) При входѣ въ Днѣпровскій лиманъ на пространствѣ между островомъ Березанью и оконечностями косъ: лѣвой Березанской, Очаковской и Кинбурнской. б) Передъ гирлами Днѣпра въ кутѣ или въ углу Днѣпровскаго лимана до мыса Станислава съ правой и до острова Янушева съ лѣвой стороны. в) У входовъ въ Днѣстровскій лиманъ на двѣ версты влѣво отъ Цареградскаго, а вправо отъ Очаковскаго гирла, въ промежуткѣ между обоими гирлами и въ глубь моря на закрой обыкновенныхъ рыбачьихъ лодокъ, съ которыхъ производится переборка снастей. г) Передъ устьями Днѣстра въ лиманъ на $1^1/_2$ версты отъ него вправо, влѣво и въ глубь лимана.

5) Запрещается ловъ рыбы посредствомъ загона ея въ сѣти шумомъ, крикомъ и битьемъ объ воду такъ называемою бовтнею.

6) Дабы не лишить хозяевъ ериковъ, соединяющихъ Днѣпровскій лиманъ съ Шаболотскимъ озеромъ, выгодъ отъ лова, обязаннаго своимъ происхожденіемъ прокопанію и содержанію въ исправности этихъ канавокъ, запрещается производство всякаго рыболовства внутри Шаболотскаго озера съ 1 апрѣля по 1 ноября.

7) Въ предотвращеніе излишняго вылова кефали, заходящей въ лѣтнее время въ Шаболотское озеро,—промышляющіе ловомъ въ такъ называемыхъ ерикахъ, соединяющихъ это озеро съ Днѣстровскимъ лиманомъ, обязаны ежегодно объявлять передъ началомъ лова, т. е къ 1 сентябрю: желаютъ ли они начать ловъ не ранѣе 15 сентября, въ каковомъ случаѣ могутъ продолжать оный до самаго прекращенія хода кефали изъ озера въ лиманъ, или же намѣреваются начать его ранѣе, въ каковомъ случаѣ должны прекращать его къ 20 октября.

8) Въ Днѣпровскомъ и Днѣстровскомъ лиманахъ, въ рѣкахъ Днѣпрѣ, Бугѣ и Днѣстрѣ и въ плавняхъ, образуемыхъ этими рѣками, передъ впаденіемъ ихъ, дозволяется употребленіе всякаго рода орудій лова, не исключая крючной самоловной снасти и котъ, во всякомъ мѣстѣ и во всякое время года, кромѣ ограниченій, постановленныхъ въ предъидущихъ статьяхъ (отъ 3 до 7 включительно), съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

а) Всѣ ставныя орудія лова: самоловная крючная снасть, ставныя сѣти, вентеря, коты могутъ занимать собою лишь двѣ трети ширины того протока или вообще того водовмѣстилища, въ которомъ онѣ выставляются.

б) Невода, вытягиваемые на берегъ, не должны имѣть болѣе $^2/_3$ ширины рѣки, протока или озера въ томъ мѣстѣ, гдѣ они вытягиваются.

в) Распорные невода передъ устьями Днѣпра и Днѣстра не могутъ употребляться на томъ пространствѣ, въ которомъ запрещено употребленіе крючной самоловной снасти.

Для наблюденія за исполненіемъ этихъ правилъ, я полагалъ бы, сверхъ общаго полицейскаго надзора, назначить одного старшаго и двухъ младшихъ смотрителей съ тѣмъ же содержаніемъ, какое назначено смотрителямъ въ низовьяхъ Волги. За неимѣніемъ особаго управленія, которое завѣдывало бы днѣпровскими и днѣстровскими рыбными промыслами, старшій смотритель долженъ бы быть подчиненъ херсонскому управленію государственными имуществами, какъ ближайшему къ мѣсту главнаго производства лова. Младшіе смотрителя, одному изъ которыхъ спеціально поручалось бы наблюденіе за днѣстровскимъ ловомъ, должны находиться въ подчиненіи у старшаго смотрителя и считаться его помощниками. Управленію херсонскими государственными имуществами могла бы быть поручена выдача билетовъ на обложенный пошлиною ловъ въ лиманахъ, а смотрителямъ—наблюденіе за непроизводствомъ безбилетнаго лова.

Въ послѣднемъ отчетѣ, который будетъ имѣть своимъ предметомъ морское рыболовство вдоль всѣхъ береговъ Чернаго моря, я предложу обложеніе пошлиною какъ неводовъ, которыми ловятъ скумбрію или баламута, такъ и заводовъ, устроенныхъ для лова той же скумбріи и кефали. Здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что наблюденіе за непроизводствомъ безбилетнаго лова вдоль береговъ бессарабской области, херсонской губерніи и днѣпровскаго уѣзда таврической губерніи могло бы быть поручено тѣмъ же днѣпровскимъ и днѣстровскимъ смотрителямъ.

ШЕСТОЙ ОТЧЕТЪ.

ЧЕРНОМОРСКОЕ РЫБОЛОВСТВО.

1) МОРСКОЙ ЛОВЪ.

Послѣ описанія рыболовства, производимаго въ рѣкахъ, впадающихъ, въ нашихъ предѣлахъ, въ Черное море, должно обратиться къ самому черноморскому бассейну. Съ нѣкоторою подробностью я буду говорить о тѣхъ рыбныхъ промыслахъ, которые производятся вдоль нашихъ береговъ; свѣдѣнія же, почерпнутыя мною, при объѣздѣ турецкихъ береговъ Чернаго моря, послужатъ большею частію только для объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ образѣ жизни населяющихъ его рыбъ, — обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на время и способы нашего черноморскаго лова, такъ какъ самое рыболовство вдоль анатолійскаго берега весьма незначительно. При этомъ обзорѣ черноморскаго рыбнаго лова, я буду имѣть случай изложить и немногое, относящееся до лова въ нашихъ кавказскихъ рѣкахъ и преимущественно въ Ріонѣ, такъ какъ, по незначительности своей, это рѣчное рыболовство не можетъ составить предмета особаго отчета.

Что же касается до рыболовства въ Дунаѣ, то хотя въ настоящее время оно и не имѣетъ для насъ большаго интереса, потому что мы не можемъ принять какихъ либо, къ развитію его служащихъ, мѣръ, — однако самая важность его доставляетъ ему уже большое право на наше вниманіе, и потому я думаю удѣлить ему нѣсколько болѣе мѣста.

Незначительность рыболовства въ Черномъ морѣ сравнительно съ прочими морями. Если сравнить Черное море относительно рыбнаго богатства съ прочими нашими морями, то оно займетъ безъ сомнѣнія послѣднее мѣсто въ ряду ихъ. Не смотря на число видовъ рыбъ, населяющихъ разныя водовмѣстилища и служащихъ какъ въ пищу человѣка, такъ и на удовлетвореніе другихъ его нуждъ, значительно превосходящее число полезныхъ для человѣка видовъ изъ всѣхъ прочихъ классовъ животнаго царства, — всемірно-промышленное значеніе имѣютъ, собственно говоря, только двѣ морскія рыбы: сельдь и треска, уловы которыхъ превосходятъ, безъ всякаго сомнѣнія, по количеству и по цѣнности, уловы всѣхъ прочихъ морскихъ рыбъ вмѣстѣ взятыхъ. Съ этими двумя породами морскихъ рыбъ могутъ соперничать, въ промышленной важности, только нѣкоторые виды прѣсноводныхъ рыбъ, живущихъ въ слабосоленыхъ внутреннихъ моряхъ Россіи и въ рѣкахъ въ нихъ впадающихъ, какъ-то: судакъ, лещь, тарань и каспійская сельдь.

Къ нимъ присоединяются еще породы осетровыхъ рыбъ, если принимать во вниманіе, не столько количество, сколько цѣнность доставляемыхъ ими продуктовъ.

На огромное значенie этихъ прѣсноводныхъ и полупрѣсноводныхъ рыбъ было указано мною въ статьѣ: «Взглядъ на рыболовство въ Россiи», на которую и ссылаюсь въ настоящемъ случаѣ.

Такъ какъ Черное море слишкомъ солено для того чтобы въ немъ могли жить только что упомянутыя прѣсноводныя рыбы, такъ какъ, съ другой стороны, въ немъ нѣтъ ни трески, ни настоящихъ сельдей, то это уже показываетъ, что производимое въ немъ рыболовство не можетъ имѣть первостепенной важности.

И въ этомъ отношенiи, какъ и вообще по своему бiологическому характеру, Черное море составляетъ часть бассейна Средиземнаго моря, которое, не смотря на чрезвычайное разнообразiе населяющихъ его рыбъ, занимаетъ въ рыбной промышленности весьма второстепенное мѣсто.

Перечень породъ черноморскихъ рыбъ, составляющихъ предметъ болѣе или менѣе важнаго лова. Меньшая соленость Чернаго моря сравнительно съ Средиземнымъ, составляетъ главную причину того, что фауна его далеко не столь *разнообразна*, какъ въ этомъ послѣднемъ; со всѣмъ тѣмъ однако же, изъ всѣхъ внутреннихъ морей Россiи, оно представляетъ самое разнообразное населенiе. Не упоминая о рыбахъ, не употребляемыхъ въ пользу человѣка, по ихъ мелкости, или по другимъ причинамъ, ни о тѣхъ, которыя хотя и употребляются, но по своей чрезвычайной рѣдкости, не имѣютъ никакого значенiя,—насчитывается все еще отъ 50 до 60 породъ, составляющихъ предметъ болѣе или менѣе значительнаго лова. Я перечислю ихъ здѣсь съ нѣкоторыми объ нихъ замѣчанiями.

1) *Lucioperca marina* (Cuv.)—морской судакъ. Не составляетъ, по моему мнѣнiю, особой породы. Это обыкновенный рѣчной судакъ, заплывшiй изъ рѣкъ или изъ Азовскаго моря въ Черное, гдѣ, отъ несвойственной ему солености воды, глаза его мутятся и онъ слѣпнетъ, подобно тому, какъ это замѣчено рыбаками въ Анапѣ относительно коропа или сазана.

2) *Serranus Scirba* (Cuv.)—попадается изрѣдка вмѣстѣ въ другими рыбами у крымскихъ береговъ.

3) *Uranos copus scaber* (L.)—довольно часто ловится вмѣстѣ съ другими рыбами и смѣшивается неопытными рыбаками съ еще болѣе обыкновеннымъ морскимъ ершомъ, съ которымъ имѣетъ нѣкоторое наружное сходство.

4) *Mullus barbatus* (L.)—султанка или барбулька. Самая вкусная изъ всѣхъ черноморскихъ рыбъ; ловится по временамъ въ большомъ количествѣ въ Балаклавѣ, Θеодосiи и Ялтѣ. Въ сѣверной части моря, напримѣръ у Одессы, попадается рѣдко.

Другой видъ этого рода *Mullus surmuletus*, который гораздо крупнѣе барбульки, уже очень обыкновененъ въ Мраморномъ морѣ и Босфорѣ и попадается часто во всѣхъ гостиницахъ Константинополя, какъ самое лакомое рыбное блюдо.

Въ Черное море онъ заходитъ не иначе, какъ случайно, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, также точно какъ напримѣръ и мечь рыба (*Xiphuis gladius* L.), которая разъ была поймана даже въ Азовскомъ морѣ.

5) *Trigla hyrax* (Pall.)—летучая рыба, по гречески хелидонопсеръ. Рѣдко ловится въ Балаклавѣ и у крымскихъ береговъ; почитается чрезвычайно вкусною и дорогою рыбою, такъ что если она попадется балаклавскимъ грекамъ, то они мечутъ жребiй, кому она должна достаться.

Репутацiи этой рыбы, думаю я, много содѣйствуетъ красота ея формъ и красокъ.

6) *Scorpoena porcus* (L.)—морской ершъ. Едва ли не самая обыкновенная рыба, изъ постоянно живущихъ около береговъ Крыма и несобирающихся большими стаями.

7) *Corvina nigra* (Cuv.).

8) *Umbrina vulgaris* (Cuv.) — греки называютъ ее мелакопомъ. Она достигаетъ до пуда и болѣе вѣсомъ, но такихъ размѣровъ рѣдко попадается.

9) *Sargus annularis* (Cuv.)—морской карась; по своей плоскости имѣетъ отдаленнее сходство съ карасемъ.

10) *Smaris chryselis* (Cuv.)—смарида или морской окунь, довольно обыкновенная, вкусная и красивая рыба.

11) *Scomber scombrus* (L.)—скумбрія, балаламутъ или макрель. Подъ первымъ именемъ извѣстна она между греками въ Балаклавѣ и вообще у береговъ Крыма, баламутомъ же называютъ ее русскіе ловцы въ сѣверозападной части моря. Рыба эта составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ черноморскаго лова.

12) *Pelamys sarda* (Cuv.)—лакерда или пеламида достигаетъ до аршина въ длину, но въ Черномъ морѣ ловится не въ большомъ количествѣ. Извѣстная же въ торговлѣ, въ городахъ южной Россіи, соленая, разрѣзанная на куски, рыба, привозимая изъ Греціи, есть тунецъ (*Thynnus vulgaris*), который если и заходитъ въ Черное, то только случайно и какъ рѣдкое исключеніе.

13) *Caranx trachurus* (Jac.) — ставрида, довольно обыкновенна въ балаклавской бухтѣ.

14) *Temnodon saltator* (Cuv.)—луфарь. Одиночно попадается съ другими рыбами, какъ въ балаклавской бухтѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Крыма.

15) *Mugil cpehalus* (Cuv.)—лобанъ, большая очень вкусная рыба, достигающая 12 фунтовъ вѣса, не часто однако же попадающаяся. Гораздо обыкновеннѣе прочіе виды рода Mugil.

16) *M. Chela* (Cuv.), 17) *M. auratus* (Risso) 18) *M. Saliens* (Risso). Они такъ схожи между собою, что смѣшиваются рыбаками, которые то понимаютъ ихъ всѣхъ подъ общимъ именемъ кефали, то различаютъ сингиль, ларичъ, кефаль, придавая эти названія или дѣйствительно различнымъ видамъ, или же различнымъ возрастамъ одного и того же вида. Эти три породы въ совокупности составляютъ не менѣе важный предметъ лова, чѣмъ скумбрія. Самая обыкновенная изъ нихъ кажется Mugil saliens.

19) *Atherina hepsetus* (L.) и 20 *A. pontica* (Eichu.)—песочный снѣтокъ. Въ балаклавской бухтѣ очень обыкновененъ. Сушеная въ вольномъ духу или маринованная эта рыба очень нѣжна и вкусна.

21) *Labrus prosostictеr* (Pall). Одна изъ красивѣйшихъ рыбъ Чернаго моря, по яркости и расположенію окрашивающихъ ее цвѣтовъ. Она изрѣдка попадается у крымскихъ береговъ, вмѣстѣ съ другими рыбами, ловимыми удочками или мережками.

22) *Belone rostrata* (Faber)—морская щука, длинная, тонкая рыба, серебристаго розоватаго цвѣта, съ зелеными костями. Попадаетъ въ сѣти иногда въ довольно большихъ количествахъ, но безвкусна и мало цѣнится даже простымъ народомъ.

23) *Clupеa pontica* (Eichw.)—керченская сельдь. Она принадлежитъ болѣе къ Азовскому, чѣмъ къ Черному морю, ибо въ первомъ производится главнѣйшій ловъ ея, и тамъ же мечетъ она икру. Ловъ ея составилъ предметъ особаго отчета, и потому теперь объ ней говорить не буду.

24) *Clupea cultriventris* (Nord.)—тюлька. Скорѣе рѣчная или лиманная рыба, чѣмъ морская, такъ какъ главный ловъ ея производится въ бугскомъ лиманѣ, около Николаева.

25) *Clupea delicatula* (Nord.) сарделька, которую не должно смѣшивать съ настоящею сардинкою. Эта послѣдняя, въ довольно значительномъ количествѣ ловимая въ Мраморномъ морѣ и Босфорѣ, только случайно и единично заходитъ въ Черное море. Одинъ экземпляръ ея попался и мнѣ въ балаклавской бухтѣ. Что касается до сардельки, то она имѣетъ довольно значительное мѣстное употребленіе осенью и зимою въ Одессѣ; въ другихъ же мѣстахъ Чернаго моря, сколько мнѣ извѣстно, не составляетъ предмета лова.

26) *Englaulis encrasicholus* (Cuv.)—хамса или анчоусъ. Безъ сомнѣнія самая изобильная въ Черномъ морѣ рыба, какъ это замѣчено уже Палласомъ. Тѣмъ удивительнѣе кажется, что авторъ понтійской фауны, извѣстный профессоръ Нордманъ, говоритъ про эту рыбу: «ее ловятъ въ Крыму и въ окрестностяхъ Одессы, но рѣдко въ большомъ количествѣ». Это объясняется только тѣмъ, что путешествія, какъ зоологическія, такъ и другія, дѣлаются обыкновенно лѣтомъ, когда дѣйствительно хамсы у крымскихъ береговъ не бываетъ вовсе.

27) *Gadus euxinus* (Nord)—единственная порода трески извѣстная въ Черномъ морѣ, но ни по величинѣ своей, ни по количеству, она не представляетъ важности въ промышленномъ отношеніи, также какъ и другая рыба трескового семейства.

28) *Motella tricirrata* (Nilss.)—морской налимъ.

29) *Platesa luscus* (Pall.)—мелкая камбала. Ловится въ Балаклавѣ въ небольшомъ количествѣ, а также въ днѣпровскомъ лиманѣ.

30) *Soba nasuta* (Pall.) ловится въ небольшомъ количествѣ у Одессы и около Балаклавы.

31) *Rhombus macoticus* (Pall.)—большая камбала. Какъ и всѣ камбалы, эта рыба мѣстная, не совершающая большихъ миграцій или передвиженій. Ловится у береговъ Крыма въ большомъ количествѣ, начиная съ марта мѣсяца. Хамса привлекаетъ ее, и при раннемъ появленіи этой послѣдней и камбала начинаетъ въ иные годы ловиться съ января. Эта превосходная рыба, извѣстная гастрономамъ подъ французскимъ названіемъ *turbot*, хотя принадлежитъ къ другому виду, нежели ловимая по берегамъ Атлантическаго океана, но столь же вкусна и жирна. Въ маѣ мечетъ она икру. Къ этому времени худѣетъ, мясо ея теряетъ свои превосходныя качества и потому ее перестаютъ ловить. Въ консервахъ могла бы развозиться и составить предметъ довольно значительнаго промысла, но просто соленая теряетъ всѣ свои превосходныя качества.

32) *Acipenser huso* (L.)—бѣлуга; 33) *Guldenstädtii* (Brandt)—осетръ; 34) *A. Schypa* (Guld.)—шипъ, и 35) *A. stellatus* (Pall.)—севрюга. Эти рыбы живутъ въ Черномъ морѣ только по близости устьевъ значительныхъ рѣкъ: Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Кубани, Ріона, Чореха, Ешиль и Кизилъ-Ирмака; въ прочіе части моря лишь изрѣдка заходятъ, гоняясь за хамсою и другими рыбами.

Къ этимъ рыбамъ нужно еще прибавить лапину *Crenilabrus Lapina* (Cuv.) и шесть, семь видовъ этого же рода, извѣстныхъ подъ именемъ зеленушекъ, по яркости окрашивающихъ ихъ цвѣтовъ. Онѣ ловятся единично удочками и мережками, вдоль всѣхъ береговъ Крыма, и весьма рѣдко у Одессы и вообще въ сѣверозападномъ углу моря.

Еще большее разнообразіе видовъ представляетъ родъ *Gobius* — бычки, которые въ изобиліи ловятся вдоль всѣхъ береговъ Чернаго моря. Они населяютъ прибрежья, держась между камнями и травами. Ихъ ловятъ также удочками, мережками и подъемными сѣтями, около Одессы, въ весьма значи-

тельномъ числѣ, для мѣстнаго употребленія. Маринованные, жаренные и въ ухѣ они очень вкусны. Морскихъ породъ бычковъ, не составляющихъ особенной рѣдкости, насчитывается болѣе дюжины.

Наконецъ въ числѣ, имѣющихъ промышленное значеніе, рыбъ, хотя и употребляемыхъ въ пищу, надо упомянуть морскаго кота (*Trigon postinaca* Cuv.), о которомъ я уже говорилъ, при описаніи морскаго азовскаго рыболовства.

Замѣчанія о передвиженіяхъ и образѣ жизни главныхъ, въ промышленномъ отношеніи, породъ черноморскихъ рыбъ. Такимъ образомъ безъ малаго 60 видовъ рыбъ составляютъ предметъ черноморскаго рыболовства; но изъ этого числа только три породы встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что придаютъ ему промышленный и торговый характеръ, это: скумбрія (баламутъ или макрель), кефаль и хамса, которыя совершаютъ болѣе или менѣе правильныя путешествія вдоль береговъ Чернаго моря, посѣщая разные пункты его въ разное время и на разные сроки. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ породъ, еще двѣ рыбы: султанка и большая камбала имѣютъ довольно значительное мѣстное употребленіе.

Изъ этихъ рыбъ, первыя три считаются совершающими болѣе или менѣе правильныя миграціи вдоль береговъ Чернаго моря. Мнѣніе это основано на періодическомъ появленіи и исчезновеніи этихъ рыбъ въ различныхъ мѣстахъ берега. Но эти появленія совершаются вовсе не въ такой простой послѣдовательности, чтобы изъ нея можно было вывести порядокъ, въ которомъ онѣ подвигаются въ извѣстномъ направленіи, а потомъ возвращаются назадъ. Перемѣны мѣстъ, замѣчаемыя у рыбъ, подводятся подъ три разряда причинъ: отыскиваніе ими удобныхъ мѣстъ для метанія икры; измѣненія въ температурѣ воды, заставляющія ихъ избѣгать то слишкомъ холодной, то слишкомъ теплой воды, и наконецъ отыскиваніе пищи. Эти причины такъ сказать перекрещиваются, и только тамъ легко бываетъ отнести замѣчаемыя передвиженія рыбъ къ одной изъ назначенныхъ побудительныхъ причинъ, гдѣ различія между условіями, которыхъ ищутъ или избѣгаютъ рыбы, выдаются весьма рѣзко. Такъ напримѣръ, если рыбы перемѣняютъ, для метанія икры, стоячую воду морей или озеръ на текучую воду рѣкъ, то періодическій ходъ ихъ, съ этою цѣлью въ рѣки, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Подобный же примѣръ представляютъ азовскія сельди, которыя къ осени уходятъ изъ мелкаго, а потому скоро холодѣющаго, а наконецъ совершенно замерзающаго, Азовскаго моря въ болѣе теплое Черное море, и возвращаются въ первое уже весною для метанія икры въ наиболѣе прѣсной части его и въ самомъ Дону.

Передвиженія черноморскихъ рыбъ далеко не запечатлѣны такимъ рѣзкимъ характеромъ. Про скумбрію и кефаль кажется можно, съ нѣкоторою достовѣрностью, утверждать, что въ извѣстныя времена года, онѣ двигаются съ запада на востокъ, а потомъ обращаются назадъ; но едвали можно себѣ представить это движеніе такъ, чтобы одна или нѣсколько стай этихъ рыбъ постоянно передвигались въ извѣстномъ направленіи и потомъ столь же правильно возвращались назадъ. Неправильность, замѣчаемая въ ихъ появленіи, то тамъ, то здѣсь, кажется мнѣ, гораздо легче объясняется тѣмъ, что въ извѣстное время года рыбы эти оставляютъ глубину, приближаются къ берегамъ, слѣдуютъ въ теченіи нѣкотораго времени вдоль ихъ, но вовсе не оплываютъ всю длину ихъ, а снова удаляются на глубину, и такимъ образомъ теряются изъ вида рыбаковъ, которые по всему Черному морю занимаются, безъ исключенія, однимъ прибрежнымъ ловомъ. Поступательный харатеръ этого движенія гораздо яснѣе выражается въ скумбріи, менѣе въ кефали, которая то приплываетъ къ берегамъ, то

отплываетъ отъ нихъ, безъ замѣтной разности во времени ея появленія у различныхъ пунктовъ берега. Еще съ большимъ правомъ можно утверждать, что таковъ именно характеръ появленія хамсы.

Какова бы ни была причина этого передвиженія кефали, хамсы и нѣкоторыхъ другихъ рыбъ, какъ напримѣръ султанки, явленія, имъ представляемыя, еще значительно усложняются тѣмъ, что эти рыбы, послѣ того какъ онѣ уже удалятся отъ береговъ, продолжаютъ еще заходить зимою косяками въ балаклавскую бухту, вѣроятно, чтобы укрыться, въ ея тихихъ и невозмутимыхъ водахъ, отъ зимнихъ бурь и непогодъ. Это захожденіе въ балаклавскую бухту зимою необходимо совершенно устранить, при разсмотрѣніи вопроса объ общемъ передвиженіи тѣхъ рыбъ Чернаго моря, которыхъ можно назвать кочующими. Вотъ вкратцѣ тѣ факты, которые можно было извлечь изъ наблюденій рыбаковъ надъ періодическими передвиженіями скучивающихся стадами рыбъ: скумбріи, кефали и хамсы.

Не должно думать, чтобы скумбрія, кефаль, а еще того менѣе хамса, заходили временно въ Черное море и, пробывъ въ немъ нѣкоторое время, удалялись снова въ Архипелагъ, чрезъ Босфоръ и Дарданеллы. Это явствуетъ изъ того, что время, когда эти рыбы исчезаютъ изъ окрестностей Босфора, вовсе не соотвѣтствуетъ тому, когда онѣ появляются у береговъ Чернаго моря. Лѣтомъ, къ концу іюля и началу августа, скумбрія и кефаль перестаютъ ловиться въ Босфорѣ; у береговъ же Крыма скумбрія появляется уже въ мартѣ, но въ большомъ количествѣ съ мая, когда выметываетъ икру, и когда ловъ ея начинается и въ сѣверозападномъ углу моря въ окрестностяхъ Одессѣ, Днѣстра и Днѣпра. Она въ это время подвигается съ западной въ восточную часть моря, а около августа начинается уже обратное ея движеніе, и ловъ ея продолжается въ теченіи всей осени до ноября, когда она пропадаетъ и, какъ рѣдкость только, случается поймать ее иногда у крымскихъ береговъ; а около дня Дмитрія Солунскаго начинаетъ она въ изобиліи ловиться у Константинополя, гдѣ держится въ теченіи всей зимы и весны. На ходъ ея, по замѣчанію балаклавскихъ грековъ, имѣютъ вліяніе вѣтры; именно низовые западные вѣтры, холодящіе воду (*), препятствуютъ ходу ея на востокъ, — она возвращается въ это время назадъ. Это можетъ служить доказательствомъ тому, что температура воды имѣетъ вліяніе на передвиженіе скумбріи. Но обратный ходъ ея неудержимъ никакими погодами.

Кефаль также покидаетъ окресности Босфора въ половинѣ лѣта, и около того же времени, какъ и скумбрія, снова тамъ появляется. Но въ зимнее время держится она, кромѣ Босфора, и у береговъ Крыма, гдѣ въ большомъ количествѣ ловится въ балаклавской бухтѣ и у береговъ Кавказа; только въ сѣверозападной болѣе холодной, у береговъ замерзающей на дозвольно значительное разстояніе, части моря — ея нѣтъ въ это время года. Весною въ мартѣ начинаетъ она появляться и тамъ, какъ

(*) Вліяніе вѣтровъ на температуру воды Чернаго моря весьма замѣчательно. Лѣтомъ, когда температура воды доходитъ до 21° Реомюра, сильный западный вѣтеръ менѣе чѣмъ въ сутки понижаетъ ее иногда до 14 и 13 градусовъ. Въ этомъ я самъ неоднократно убѣждался. Объяснить это явленіе, кажется мнѣ, можно слѣдующимъ образомъ. Изъ Азовскаго моря, которое, по его мелкости, сильно нагрѣвается, вода, какъ извѣстно, течетъ въ Черное, и восточные вѣтры способствуютъ этому теченію. Эта теплая и притомъ менѣе соленая вода, какъ болѣе легкая, разливается тонкимъ слоемъ на поверхности болѣе холодной воды Чернаго моря; западные вѣтры, оттѣсняя поверхностный слой — такъ сказать обнажаютъ болѣе холодную черноморскую воду. Для того, чтобы удостовѣриться въ справедливости этаго объясненія, нужно бы имѣть наблюденія съ разныхъ мѣстъ прибрежья Чернаго моря и въ разныя времена года, надъ вѣтрами и температурою воды.

*

напримѣръ у сѣверозападнаго угла Крыма въ Тарханкутѣ и въ Шихларѣ, и потому лишь не составляетъ предмета лова, что въ это время бываетъ худа. Въ теченіи весны и начала лѣта, кефаль вообще рѣдко подходитъ къ берегамъ, а держится на глубинѣ, съ августу же идетъ на мелкія мѣста метать икру, что, по замѣчаніямъ балаклавскихъ рыбаковъ, дѣлаетъ на небольшой глубинѣ, избирая дно покрытое мелкими камушками. Съ этого времени и начинается настоящій ея ловъ. Въ сѣверной части онъ оканчивается ранѣе, ибо въ тарханкутскихъ заводахъ къ началу октября ловъ большею частью прекращается, и уже съ половины сентября кефаль рѣдко бываетъ съ икрою, тогда какъ вдоль южнаго берега Крыма ловъ длится до ноября.

Что касается до хамсы, то она вообще рѣдко встрѣчается въ сѣверной части моря. Появляется она въ одно и тоже время, именно зимою, въ Константинополѣ, у береговъ Крыма, Малой Азіи и Закавказья; лѣтомъ же пропадаетъ у всѣхъ береговъ, вѣроятно скрываясь въ глубинахъ моря.

Изъ всего изложеннаго здѣсь, о времени появленія трехъ главныхъ, въ промышленномъ отношеніи рыбъ Чернаго моря, можно кажется заключить, что оно зависитъ не отъ передвиженія рыбы изъ Средиземнаго моря въ Черное и обратно, а отъ приближенія и удаленія ихъ отъ береговъ, какъ въ Босфорѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ черноморскаго прибрежья. Во многихъ случаяхъ, это приближеніе и удаленіе зависятъ отъ измѣненій въ температурѣ воды. Въ самое холодное время и кефаль, и скумбрія оставляютъ сѣверозападный уголъ моря, точно также какъ сельдь покидаетъ Азовское море; при этомъ кефаль зимуетъ какъ у Босфора, такъ и у береговъ Крыма и Закавказья, гдѣ турки ловятъ ее вмѣстѣ съ другою рыбою, съ октября по май; скумбрія же уходитъ въ глубь. Въ теплое время года, именно около августа, кефаль подходитъ къ берегамъ, чтобы метать икру; но правильнаго поступательнаго движенія, въ какомъ либо направленіи, трудно замѣтить въ ея передвиженіяхъ. Относительно скумбріи напротивъ того замѣчается болѣе правильности; съ марта идетъ она вверхъ, т. е. съ запада на востокъ, и около мая мечетъ икру, послѣ чего въ іюнѣ и іюлѣ начинаетъ возвращаться, сообразно чему и ловъ ея производится съ мая и до ноября. Она движется открытымъ моремъ, придерживаясь однако же береговъ, но не заходя въ загибы и углубленія берега. Такъ напримѣръ въ Шихларъ, лежащій уже довольно глубоко въ киркенитскомъ заливѣ, очень рѣдко заходитъ скумбрія; тогда какъ въ тарханкутскихъ заводахъ, лежащихъ на мысу, при входѣ въ заливъ, ежегодно бываетъ на нее ловъ.

Нравы хамсы очень странны. Мечетъ она икру въ маѣ, бываетъ тогда худа и потому не ловится. Въ зимнее же время появляется она огромными массами у крымскихъ, кавказскихъ и анатолійскихъ береговъ, однако же не каждый годъ; такъ въ 1866 году ея у береговъ Крыма вовсе не было, въ 1867 было много, какъ у Крыма, такъ и у береговъ Малой Азіи, преимущественно около Керасунда и Самсуна. Появляется она обыкновенно у югозападнаго берега Крыма и стоитъ на мѣстѣ, то удаляясь немного, то приближаясь къ берегу. Замѣчаютъ, что ежели она появляется позже, въ февралѣ, то стоитъ дольше; при раннемъ же появленіи скорѣе расходится, и чѣмъ долѣе она стоитъ, тѣмъ болѣе стѣсняется и скучивается. Кромѣ приближенія и удаленія отъ береговъ, она еще нѣсколько разъ въ сутки то поднимается на поверхность, то отпускается въ глубь. Когда она поднимается па поверхность моря, то балаклавскіе греки говорятъ, что хамса кормитъ собою птицу, которая стаями надъ нею летаетъ. Постоявъ нѣсколько времени передъ входомъ въ балаклавскую бухту, куда съѣзжаются ловцы съ разныхъ мѣстъ, хамса подвигается далѣе вдоль южнаго берега, въ столь же огромныхъ массахъ.

Тоже замѣчается въ сухумской бухтѣ, у Батума и особенно у Керасунда, куда изъ Трапезунда, Самсуна и другихъ мѣстъ съѣзжается до 60-ти лодокъ на ея ловъ.

Для какой цѣли скучивается такимъ образомъ хамса, сказать трудно. Балаклавскіе греки разсказываютъ, по этому случаю, что хамса питается своею чешуею, падающею съ нея при скученіи, ибо кромѣ этой чешуи ничего не находятъ у ней въ желудкѣ, а постепенное скучиваніе ея объясняется тѣмъ, что начиная худѣть, она все болѣе скучивается, дабы треніемъ рыбы объ рыбу падало болѣе чешуи. Поводъ къ такому странному мнѣнію подало то, что у хамсы, какъ и у всѣхъ сельдяныхъ породъ, чешуя очень легко спадаетъ, и что конечно хамса глотаетъ всѣ мелкія частички плавающія въ водѣ, а въ томъ числѣ и свою чешую, которая трудно переваривается въ желудкѣ и потому находится въ немъ, когда тѣ мелкія животныя, которыми она дѣйствительно питается, обращаются въ питательный сокъ и становятся незамѣтными.

Кромѣ птицъ гоняются за стадами хамсы большія рыбы, всего же болѣе дельфины. Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ тысячи эти животныхъ, напавъ на стаю хамсы, плывутъ въ одномъ направленіи, безпрестанно кувыркаясь, пока не доплывутъ до выдающагося мыса, образующаго границу какой-либо бухты, послѣ чего возвращаются назадъ, повторяя въ теченіи нѣсколькихъ часовъ этотъ маневръ. Если въ морѣ много хамсы, то дельфины не приближаются къ берегу, въ противномъ же случаѣ, тѣснятъ стаи ея къ берегу и заставляютъ бросаться въ бухты и въ углубленія берега. Бывали случаи, что балаклавская бухта, имѣющая очень узкій входъ, совершенно переполнялась этою рыбою. Самый замѣчательный примѣръ этого рода былъ въ 1859 году, когда изобиліе хамсы, зашедшей въ бухту, вмѣсто благодѣянія природы — обратилось въ настоящее народное бѣдствіе. Отъ натиска сзади, зашедшая въ бухту, хамса не могла возвратиться назадъ. Весь заливъ, имѣющій болѣе версты въ длину и около 100 саженъ въ ширину, до того переполнился рыбою, что не было видно воды. Отъ такого скученія, она вся задохлась, и задушила всю прочую рыбу, которая выскакивала на берегъ; морскіе раки также выползали вонъ изъ воды. Отъ гніенія этой рыбы распространилось такое зловоніе, что серебро въ шкафахъ и масляннныя картины (съ бѣлилами) совершенно почернѣли. Изъ угла бухты, гдѣ она очень мелка, заставляли выгребать хамсу и уносить въ мѣшкахъ. Ее зарывали въ землю, нѣкоторые удобряли поля, но все это не могло уменьшить зловонія. Въ началѣ, бывшія въ бухтѣ турецкія суда начерпали себѣ корзинами нѣсколько тысячъ пудовъ, но греки ея не ловили, такъ какъ дохлой рыбы никто брать не хотѣлъ. Невыносимый запахъ продолжался съ годъ въ окрестностяхъ Балаклавы, и рыба совершенно исчезла изъ бухты. На другой годъ лѣтомъ можно было видѣть съ набережной, устроенной здѣсь англичанами, въ тихую погоду, цѣлыя кучи дохлой рыбы на днѣ—лежавшія точно скирды. По словамъ жителей тутъ погибли милліоны пудовъ хамсы. Въ малыхъ размѣрахъ повторилось это и въ февралѣ 1867 года.

Порядокъ описанія разныхъ отраслей черноморскаго рыболовства. Перечисливъ важныя въ промышленномъ отношеніи рыбы Чернаго моря и изложивъ тѣ обстоятельства изъ ихъ образа жизни, которыя имѣютъ вліяніе на время и способы лова ихъ, я приступаю къ описанію самаго рыбнаго промысла. — Ловъ каждой изъ главныхъ породъ черноморскихъ рыбъ производится отдѣльно особыми способами и снарядами въ извѣстное время года и для каждой рыбы въ особыхъ мѣстностяхъ; почему и должно разсматривать отдѣльно ловъ кефали, скумбріи и хамсы или анчаусовъ. Только одна балаклавская бухта составляетъ исключеніе изъ этого правила. Здѣсь ловъ имѣетъ своимъ предметомъ всѣхъ

главнѣйшихъ, въ промышленномъ отношеніи, рыбъ Чернаго моря и производится круглый годъ, за исключеніемъ развѣ однихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда хотя и ловятъ рыбу, но только для мѣстнаго употребленія. Съ этой главной рыболовной мѣстности, гдѣ рыболовство наиболѣе сосредоточено и составляетъ постоянный промыслъ ея жителей, я и начну свое описаніе; послѣ этого перейду къ описанію лова кефали, скумбріи, хамсы и красной рыбы, а затѣмъ рѣчнаго лова въ Закавказьѣ, въ Анатоліи и на Дунаѣ.

Ловъ въ балаклавской бухтѣ и въ морѣ предъ устьемъ ея. Балаклавская бухта врѣзывается въ крутую, почти вертикальную, стѣну, которою, начиная отъ мыса Ая, обрываются въ море таврическія горы. Этотъ заливъ есть горное ущелье, открывающееся съ одной стороны въ море, а съ другой въ долину, простирающуюся у подножья возвышенности Херсонеса Таврическаго, — ущелье, дно котораго ниже морскаго уровня и потому наполнено морскою водою. Это ущелье дѣлаетъ три заворота, подъ тупыми углами, такъ что изъ глубины его вовсе не видно моря, и заливъ кажется озеромъ, поверхность котораго едва покрывается рябью, въ самыя сильныя бури. Крутые берега такъ близко подходятъ къ водѣ, что по берегу нѣтъ даже тропинки, по которой можно бы было пробраться къ морю. Только съ лѣваго берега задней части бухты возвышенность на столько отступаетъ отъ воды, что тутъ могъ быть построенъ городокъ, тянущійся узкою полосою. Эта часть лѣваго берега окаймлена деревянною пристанью, построенною англичанами во время восточной войны; но чрезъ 12 лѣтъ послѣ своего построенія она приходитъ уже въ совершенное разрушеніе, какъ отъ того, что сваи, на которыхъ она утверждена, протачиваются корабельнымъ червемъ (Teredo navalis), какъ и отъ того, что поддержка этаго сооруженія не подъ силу бѣдному городку.

Бухта, при устьѣ ея въ море имѣетъ около 17 саженъ глубины и постепенно мелѣетъ къ своему куту, гдѣ такъ мелко, что и на маленькой лодкѣ нельзя проѣхать. Это мелкое пространство обозначается кольями для того, чтобы во время лова лодки туда не заходили. Понятно, что такая бухта служитъ убѣжищемъ рыбѣ, преимущественно мелкой и не живущей на большой глубинѣ, во время зимнихъ бурь и непогодъ; сюда тѣснится рыба во время своего хода болшими стаями или косяками вдоль береговъ Крыма, особливо ища спасенія отъ преслѣдующихъ ее дельфиновъ.

Бухта эта, болѣе похожая на внутреннее озеро, нежели на морской заливъ, находилась въ исключительномъ пользованіи гречечкаго балаклавскаго баталіона. Съ уничтоженіемъ балаклавскаго баталіона, послѣ крымской войны, оставшимся жителямъ Балаклавы дано знать приказомъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, отъ 15 ноября 1859 года, о Высочайшемъ повелѣніи—наименовать мѣстечко Балаклаву заштатнымъ городомъ, обществу коего, имѣющему составиться изъ желающихъ лицъ всякаго состоянія, предоставить пользованіе бухтою. Общество это состоитъ однако же и по сіе время изъ тѣхъ грековъ, которые составляли прежній баталіонъ. Хотя это право балаклавскаго общества на исключительное пользованіе бухтою и составляетъ изъятіе изъ общаго закона о свободѣ морскаго лова, оно не представляетъ однако же на практикѣ никакихъ неудобствъ, такъ какъ балаклавская бухта можетъ почитаться какъ бы внутреннимъ бассейномъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ дачами одного владѣльца. Участіе посторонныхъ лицъ въ рыболовствѣ, въ столь замкнутомъ тѣсномъ пространствѣ, неминуемо повело бы къ разнаго рода замѣшательствамъ. Къ тому же при маломъ развитіи рыболовства у береговъ Крыма, да и вообще въ Черномъ морѣ, нѣтъ и лицъ, которые изъявляли бы притязанія на рыболовство въ балаклавской бухтѣ. Что касается до лова въ морѣ, передъ входомъ въ

бухту, то онъ производится всѣми желающими, на тѣхъ же точно основаніяхъ, какъ и въ прочихъ частяхъ моря.

Но если мѣстныя и временныя обстоятельства оправдываютъ предоставленіе балаклавской бухты въ пользованіе жителей Балаклавы, то конечно это исключеніе изъ общихъ правилъ можетъ быть признано полезнымъ подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы выгоды отъ лова распредѣлялись между ними по возможности равномѣрно, тѣмъ болѣе, что другихъ средствъ къ пропитанію имѣютъ они весьма мало, ибо 1,500 десятинъ, отведенныхъ городу, расположены большею частію въ гористой мѣстности, и состоятъ изъ каменистой почвы, мало удобной даже для пастбищъ. Между тѣмъ балаклавская бухта отдавалась отъ думы на откупъ, снимавшійся нѣкоторыми изъ балаклавскихъ же жителей, которые такимъ образомъ одни сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ выгоды отъ лова. Наибольшая сумма, которую платили откупщики, составляла 1,250 р. въ годъ; получили же они барыша на каждый изъ двухъ паевъ въ первый годъ до 6,000 р., во второй до 10,000, а въ третій до 5,000 р. Такъ какъ третья часть улова шла на долю забродчиковъ, то въ эти годы весь доходъ съ бухты можетъ быть опредѣленъ въ 18,000 р., въ 30,000 р. и въ 15,000 р., или среднимъ числомъ въ 21,000 р., не считая откупной суммы, стоимости и ремонта снастей. Изъ этого дохода только третья часть приходилась на небольшое число балаклавцевъ, принимавшихъ участіе въ ловѣ, какъ работники откупщиковъ.

Въ 1863 году, когда я въ первый разъ посѣтилъ Балаклаву, откупъ уже не существовалъ, ловъ былъ свободный для всѣхъ членовъ общества; въ доходъ же думы отчислялась десятая часть выручаемой за пойманную рыбу цѣны, причемъ дума получала, правда, меньше прежняго отъ 300 до 450 р., какъ потому, что контроль надъ уловами производился тщательно, такъ главнѣйше потому, что наступилъ рядъ неуловистыхъ годовъ; но за то жители извлекли несравненно болѣе пользы изъ дарованной имъ льготы. Самые богатые и вліятельные изъ балаклавскихъ грековъ сами добиваются вновь учрежденія откупа, желая монополизировать ловъ въ бухтѣ, ко вреду остальнаго общества.

Организація лова, т. е. способы пользованія рыбнымъ богатствомъ, доставляемымъ бухтою, различна, смотря по породѣ рыбъ, преимущественно посѣщающихъ бухту въ разныя времена года, и по употребляемымъ для сего снастямъ. Посему мы и будемъ разсматривать всѣ эти предметы въ совокупрости, расположивъ наше описаніе по временамъ года.

Самый главный ловъ въ балаклавской бухтѣ производится зимою, куда въ это время набирается много рыбы. Предметъ его главнѣйше составляютъ: кефаль—мелкая порода, преимущественно Mugil saliens, султанка и хамса. Главный ловъ производится наметами. Ловъ этимъ орудіемъ почитается общественно собственностью и производится слѣдующимъ образомъ.

Отъ всѣхъ участниковъ, которыхъ бываетъ до 150 человѣкъ, избирается главный атаманъ или распорядитель лова. Этотъ атаманъ въ работѣ не участвуетъ, а только надъ всѣмъ наблюдаетъ, за что и получаетъ два пая изъ общаго улова. Кромѣ главнаго атамана выбираются еще: казначей, продавецъ и помощникъ его. Казначей хранитъ вырученныя за продажу рыбы деньги, до раздѣла ихъ между всѣми участниками; продавецъ одинъ только имѣетъ право продавать рыбу, какъ гуртомъ, такъ и по мелочамъ; но цѣну, которая мѣняется, смотря по изобилію улововъ и числу съѣхавшихся покупателей, назначаетъ главный атаманъ; казначей и продавецъ получаютъ по два пая, а помощникъ продавца $1\frac{1}{2}$ пая. Весь уловъ и вырученная за него сумма записываютъ въ особыя шнуровыя книги, изъ которыхъ одна у казначея, а другая у члена отъ ратуши, дабы онъ могъ слѣдить за правильностью поступленія де-

сятины. Впрочемъ и каждый изъ участниковъ можетъ завести у себя такую же книгу, если желаетъ контролировать, вѣрно ли должностныя лица ведутъ счетъ уловамъ и выручкѣ.

Кромѣ этотъ должностныхъ лицъ, выбирается еще караульщикъ бухты, который обязанъ стрѣлять птицъ, поѣдающихъ и пугающихъ рыбу. Эти же караульщики стрѣляютъ дельфиновъ, когда они входятъ въ бухту и тѣмъ распугиваютъ ее и загоняютъ на мель въ самой вершинѣ залива, гдѣ даже на мелко сидящихъ лодкахъ нельзя проѣхать. Но внѣ бухты дельфиновъ не стрѣляютъ, ибо они весьма полезны тѣмъ, что загоняютъ въ нее рыбу. Впрочемъ дельфины иногда приносятъ вредъ ловцамъ тѣмъ, что разрываютъ и перепутываютъ выставляемыя въ морѣ сѣти. Караульщикъ получаетъ за свой трудъ 4 пая, но за то онъ долженъ на свой счетъ запасаться порохомъ и дробью.

Бъ Балаклавѣ вообще очень заботятся о доставленіи спокойствія рыбѣ, зашедшей въ бухту, въ родѣ того, какъ это дѣлается на Уралѣ. Такъ замѣчаютъ, на сколько въ глубь бухты зашла рыба, и выше этого мѣста не дозволяютъ даже ѣздить на лодкѣ, чтобы не спугнуть ее и не заставить уйти обратно въ море.

Для самаго производства лова, выбираютъ нѣсколько рыболовныхъ атамановъ, изъ самыхъ искусныхъ ловцовъ, и къ каждому изъ нихъ причисляютъ по три работника. Во время моего посѣщенія Балаклавы такихъ атамановъ было 17. Каждую ночь, по очереди, выѣзжаетъ по одному атаману на ловъ. Каждый атаманъ долженъ имѣть лодку и два намета, за что получаетъ два пая, и кромѣ того еще по 2 или $1\frac{1}{2}$ пая за свой трудъ, что назначается отъ общества, смотря по искусству атамана. Каждый работникъ получаетъ по паю. Если у атамана нѣтъ своей лодки и наметовъ, то онъ беретъ ихъ у другихъ, которые и получаютъ за нихъ паи, да атаманъ приплачиваетъ еще имъ $\frac{1}{2}$ пая изъ своей доли.

На берегу бухты устроенъ особый сарай, гдѣ очередные атаманъ и ловцы ожидаютъ времени отправленія на ловъ. Въ сараѣ раскладываютъ огонь, и сюда собираются, кромѣ ихъ, не только должностныя лица, но множество посторонныхъ, такъ что сарай обращается въ родъ клуба, гдѣ между разговорами ожидаютъ результата лова. Атаманъ съ своими работниками нѣсколько разъ въ ночь объѣзжаетъ тѣ мѣста, гдѣ удобно выметывать наметъ, выгружаетъ рыбу и, подождавъ нѣсколько, чтобы дать время рыбѣ снова собраться, отправляется во второй и третій разы. Самое удобное время для лова безмѣсячная ночь; поэтому если мѣсяцъ свѣтитъ съ вечера, то пережидаютъ, когда онъ сядетъ; если же онъ восходитъ поздно, то съ восходомъ его оканчивается уже ловъ. Наметъ, которымъ этотъ ловъ производится, будетъ подробно описанъ въ технической части отчёта, здѣсь же, чтобы дать общее понятіе объ этомъ главнѣйшемъ орудіи черноморскаго лова, опишу его только въ нѣсколькихъ словахъ. Это — сѣтяной кругъ, сажени въ четыре (маховыхъ) въ діаметрѣ; въ центрѣ онъ собранъ и завязанъ веревкою, а въ окружности усаженъ небольшими свинцовыми грузилами. По этой окружности также обходитъ веревка. Ячеи уменьшаются отъ окружности къ центру.

Такіе большіе наметы употребляются только балаклавскими греками. Татары же на южномъ берегу имѣютъ наметы не болѣе какъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саженъ въ діаметрѣ.

Въ собранномъ видѣ наметъ виситъ черезъ плечо, и долженъ при метаніи однимъ размахомъ развернуться и лечь на воду всею своею поверхностью. Тяжесть грузилъ заставляетъ его опускаться до дна, и онъ прикрываетъ собою всю рыбу, которая случится въ томъ мѣстѣ гдѣ наброшенъ наметъ. Рыба конечно могла бы спастись въ стороны, но испуганная она бросается вверхъ и скучивается

подъ сѣтью. Когда наметъ дошелъ до дна, выметавшій вытягиваетъ его за нижнюю веревку, такъ что весь наметъ оборачивается, и постепенно выпускаютъ изъ него рыбу въ лодку. Для того, чтобы ловъ этотъ былъ удаченъ, необходимо, чтобы рыба ходила стаями и наметъ выбрасывался не ранѣе, чѣмъ встрѣтится такая стая. Впрочемъ, татары и русскіе на южномъ берегу, выбрасывая наметъ съ камней или съ берега, захватываютъ этимъ манеромъ и отдѣльныхъ рыбъ. При насъ въ Балаклавѣ въ восемь накидокъ поймали только 1500 штукъ кефали, а во всю ночь только 6000, но случается захватывать въ одну накидку до 20,000 кефалей. Возвращаясь съ лова, атаманъ идетъ грѣться и отдыхать въ сарай, оставляя рыбу въ лодкѣ, и уже послѣ того ее принимаютъ, считаютъ и выгружаютъ. Зимняя кефаль и султанка продаются свѣжими и отвозятся выѣзжающими скупщиками, рѣдко самими балаклавцами, въ Севастополь, Симферополь, Бахчисарай, Ялту и даже въ Карасу-Базаръ. Обыкновенная цѣна на кефаль измѣняется отъ 4 до 5 р. за тысячу, султанка же дешевле 5 руб. никогда не продается. Цѣна зависитъ какъ отъ числа наѣхавшихъ покупателей, такъ и отъ количества имѣющейся въ готовности рыбы. Поэтому, при маломъ числѣ покупщиковъ, главный атаманъ, чтобы не уронить цѣны, не позволяетъ выѣзжать въ ночь болѣе какъ одной лодкѣ, въ случаяхъ же большаго пріѣзда покупателей назначаетъ двухъ или даже нѣсколькихъ рыболовныхъ атамановъ на ночь.

Дѣлежъ добычи производится послѣ продажи рыбы, деньгами, нѣсколько разъ въ зиму. Зимніе уловы кефали и султанки весьма не равномѣрны и зависятъ отъ того, сколько рыбы загонится въ бухту погодами. Въ иные годы налавливали одной кефали до 4.000,000 штукъ, на 16 или на 20 тысячъ рублей; въ другой же, какъ напримѣръ, въ зиму съ 1863 на 1864 годъ, поймали ея не болѣе какъ на 1000 рублей. Благопріятными погодами считаются, когда дуютъ западные и южные вѣтры, при восточныхъ же и сѣверныхъ даже не выѣзжаютъ на ловъ. Поэтому уловы бываютъ изобильны въ теплыя зимы; неуловистая зима съ 1863 на 1864 годъ, которая была необыкновенно холодна, вполнѣ подтвердила это замѣчаніе.

Сверхъ лова наметами, въ продолженіи всей зимы идетъ довольно значительный ловъ мережками, который хотя и бываетъ во всякое время года, но только зимою и позднею осенью доставляетъ рыбу на продажу. Ловъ мережками производитъ каждый для себя, и въ устройствѣ его нѣтъ никакихъ особенностей. Не описывая балаклавскихъ мережекъ, которыя имѣютъ нѣкоторое отличіе, замѣчу только, что онѣ дѣлаются объ одномъ крылѣ, которое разгораживаетъ входъ въ нее, или такъ называемое устье и первое горло, на двѣ части: этимъ крыломъ прикрѣпляется мережка къ камнямъ или сваямъ, на которыхъ утверждена, устроенная англичанами во время войны, балаклавская пристань.

Мережки ставятъ съ вечера, около времени захожденія солнца, а вынимаютъ изъ воды на лодки утромъ. Рыбу вытрясаютъ, развязавъ сзади сѣть, а самую мережку до вечера оставляютъ на берегу сохнуть. Если рыба хорошо ловится, оставляютъ мережку на томъ же мѣстѣ, при дурномъ же уловѣ переставляютъ въ другое. Для уравненія шансовъ улова, нѣсколько товарищей составляютъ одну артель и дѣлятъ свои уловы поровну. Всякій можетъ выставить неограниченное число мережекъ, и многіе имѣютъ ихъ по нѣскольку. Вмѣстѣ съ кефалью, какъ наметами, такъ и мережками, ловится и султанка, которая могла бы въ маринованномъ видѣ составить довольно дорогой предметъ отпуска, и разъ одинъ одесскій купецъ вывезъ ея до 30,000 штукъ.

Ловъ передъ бухтою въ открытомъ морѣ, какъ само собою разумѣется, совершенно свободенъ и не обложенъ никакою пошлиною. Въ зимнее время выставляютъ тутъ подольники, т. е. ряды ярусовъ

или веревокъ, до 200 саженъ длиною, къ которымъ, на разстояніи сажени другъ отъ друга, привязаны болѣе тонкія веревочки съ мѣдными крючками, наживляемыми кусками рыбы. Этихъ крючковъ выходитъ до 120 штукъ изъ фунта мѣдной проволоки.

Подольники выставляютъ отъ берега прямо въ море, обозначая концы пробочными поплавками. Перебираютъ ихъ по утрамъ, при хорошей погодѣ — отъ берега въ глубь моря, а при волненіи и вѣтрѣ въ обратномъ направленіи. Такими подольниками ловятъ большихъ камбалъ (Rhombus maeoticus). Въ концѣ осени и въ началѣ зимы ловятъ еще кефаль на раковъ, — особаго рода удочкою, о трехъ или четырехъ концахъ, привязанныхъ къ общей веревкѣ, прикрѣпленной къ палкѣ.

Въ тѣ годы, когда появляется хамса у входа въ балаклавскую бухту, производится главный ловъ ея, какъ балаклавскими греками, такъ и посторонними ловцами, пріѣзжающими туда изъ Ялты и другихъ мѣстъ южнаго берега. Такъ въ январѣ и февралѣ 1867 года занимались тамъ ловомъ 14 балаклавскихъ и 3 ялтинскихъ лодокъ. Хамса при первомъ появленіи стояла версты 4 отъ входа въ бухту, потомъ начала приближаться и тутъ собственно начался ловъ. Въ бухту она долго не шла, потому что въ морѣ было много хамсы, и дельфины, имѣя достаточно пищи, не тѣснили и не гнали ее. Подойдетъ саженъ на 50, простоитъ часа два и опять удалится; только въ февралѣ она наполнила бухту, и частью тамъ задохлась, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше. Главный ловъ хамсы производится наметами. Въ началѣ, когда она еще не очень скучена, на ловъ выѣзжаютъ только ночью, потому что она расходится, какъ только на нее накинутъ сѣть; но когда очень скучится, то не только ночью, но и днемъ ловятъ ее наметами. Можно даже, въ то время, когда хамса поднимается на верхъ птицу кормить, какъ говорятъ балаклавцы, ловить распорными неводами съ двухъ лодокъ. Бываетъ, что хамса стоитъ такъ густо, что наметъ не можетъ дойти до дна, останавливаемый скучившеюся рыбою. Замѣтивъ это, вытягиваютъ наметъ и конечно много залавливаютъ. Такъ въ 1867 году ловили въ сутки отъ 20 до 50 пудовъ, а нѣкоторымъ удавалось въ одну накидку вытягивать 50 пудовъ, причемъ конечно наметъ надо опоражнивать только мало по малу. При меньшемъ количествѣ рыбы допускаютъ наметъ до дна, хотя бы ловъ происходилъ на 30 или 40-саженной глубинѣ. Когда узнаютъ, что въ Балаклавѣ ловится много хамсы, наѣзжаютъ за нею покупатели изъ Севастополя, Бахчисарая, Симферополя и другихъ мѣстъ, и при изобиліи покупаютъ ее отъ 30 до 50 коп. пудъ. Свѣжую хамсу употребляютъ жареную и въ ухѣ, большею же частью солятъ, не отрывая головокъ и валя въ перемежку съ большимъ или меньшимъ количествомъ соли, смотря потому на сколько времени имѣютъ въ виду её сохранить.

Въ зимнее же время производится, передъ входомъ въ балаклавскую бухту, небольшой ловъ красной рыбы, осетровъ, севрюги и бѣлуги, привлекаемыхъ сюда хамсою вѣроятно изъ части моря, прилежащей къ устью днѣпровскаго лимана. Ловъ красной рыбы производится мѣдными наживленными крючьями, навязанными въ двухъ саженномъ разстояніи другъ отъ друга на веревки, длиною отъ 500 до 700 маховыхъ саженъ, которыя выставляются линіями въ морѣ. Слѣдовательно, это тѣже подольники, которые употребляются и для камбалъ, только съ большими крючками. Замѣчаютъ, что осетръ идетъ преимущественно на наживку изъ хамсы, на кефаль же мало берется. Бѣлуга хватаетъ все. Во время лова хамсы, налавливаютъ въ Балаклавѣ отъ 15 до 20 штукъ красной рыбы, которую продаютъ въ свѣжемъ видѣ, копѣекъ по 15 фунтъ. Эта красная рыба бываетъ жирна и вкусна.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, а иногда и ранѣе, какъ передъ балаклавскою бухтою, такъ и въ Ялтѣ, начи-

нается ловъ большой камбалы, ставными сѣтьми съ весьма крупными ячеями, имѣющими по 4 вершка вдоль по ниткѣ. Такая сѣть бываетъ до $2^1/_2$ маховыхъ саженъ въ вышину и выставляется длинными рядами, отъ 200 до 500 саженъ, счаливаемыми изъ нѣсколькихъ сѣтей. Пряжа, изъ которой она дѣлается, очень тонка. На нижней подборѣ навѣшаны грузила, а на верхней плавки. Для обозначенія мѣста сѣтей, прикрѣпляются по концамъ линіи боченки; эти сѣти выставляются въ морѣ на большой глубинѣ, и камбала въ нихъ застрѣваетъ. Не рѣдко рвутся они въ клочки дельфинами, но, по своей крупноячейности и тонинѣ пряжи, сѣть эта не дорога. Въ зимнее время онѣ не употребляются для лова камбалъ, потому что ихъ трудно просушивать, хотя ими всего удобнѣе ловить эту рыбу.

Лѣтомъ въ балаклавской бухтѣ производится только ловъ мережами, исключительно почти для пропитанія самихъ жителей, пойманная рыба только изрѣдка возится въ Севастополь. Но съ іюля начинаютъ устроивать заводъ для лова макрели. Эти заводы совершенно особенной формы и употребляются въ большомъ числѣ въ Босфорѣ; но въ Россіи намъ нигдѣ не случалось ихъ видѣть, кромѣ Балаклавы. Я здѣсь постараюсь дать объ нихъ только самое краткое понятіе, ибо точно описать ихъ безъ чертежа очень трудно.

Въ балаклавской бухтѣ дѣлаются два такихъ завода, близь устья или выхода въ море. Общая форма завода — прямоугольникъ, обращенный короткими сторонами къ берегамъ бухты (правому и лѣвому), а длинными къ куту и устью ея. Для краткости назову ближайшій къ правому берегу (около котораго устроены заводы), короткій край — внутреннимъ, противуположный ему — наружнымъ, а оба длинные бока, смотря потому въ какую сторону они обращены, кутовымъ и морскимъ Главная составная часть завода состоитъ изъ сѣтянаго полотна растянутаго на кольяхъ такимъ образомъ, что начиная отъ наружнаго края приблизительно до двухъ третей или трехъ четвертей длины, оба бока его (кутовый и морской) и самый наружный край приподняты выше поверхности воды. Само полотно отъ этихъ трехъ линій прикрѣпленія спускается въ видѣ четвероугольнаго ящика въ воду; а вдоль четвертой стороны, параллельной берегу, на двухъ же третяхъ или трехъ четвертяхъ всей своей длины также приподнимается къ верху, но примѣрно на аршинъ или около того до поверхности не доходитъ; съ этого мѣста остальная часть полотна полого опускается до самаго дна въ видѣ косаго пола или наклонной плоскости. Слѣдовательно, четвертый внутренній край полотна лежитъ по дну, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ скалы образующей берегъ и параллельно ему. По той линіи, по которой сѣтяное полотно приподнято, недоходя около аршина до поверхности воды, къ нему отъ бока до бока (кутоваго и морскаго) пришворено сѣтяное же полотно, приподнимающееся въ видѣ наклонной плоскости косо вверхъ, по направленію къ наружному краю, и дойдя почти до поверхности воды, еще на какой нибудь аршинъ растягивается параллельно на поверхности воды. Край, которымъ оканчивается эта крышечка, не доходитъ до наружнаго края нижняго, т. е. главнаго сѣтянаго полотна еще на нѣсколько саженъ. Такимъ образомъ образуется мѣшокъ, состоящій изъ двухъ сѣтяныхъ полотенъ, изъ которыхъ нижнее образуетъ дно и три стороны приподнятыя выше поверхности воды, четвертая же сторона состоитъ частью изъ этого же полотна, не доходящаго приблизительно на аршинъ до поверхности, и изъ другаго полотна, составляющаго какъ бы крышку. Отверстіе мѣшка во всю ширину завода находится между краемъ горизонтальной части крышки и наружнымъ краемъ нижняго полотна. Этотъ мѣшокъ расположенъ въ нѣкоторомъ разстояніи (въ саженяхъ 3 или 4) отъ берега и соединяется съ нимъ вертикальною сѣтяною стѣной или крыломъ, которое составляетъ продолженіе направленія морскаго (обра-

щеннаго къ выходу въ море) бока мѣшка, такъ что проливецъ между мѣшкомъ и берегомъ совершенно перегораживается этимъ крыломъ, отъ дна до поверхности воды. Сообразно ходу скумбріи, оба завода устроены у праваго берега бухты, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Войдя въ бухту, скумбрія обплываетъ ее по лѣвому берегу и возвращается правымъ. Войдя въ проливецъ между мѣшкомъ и берегомъ, она натыкается на преграждающее ей путь крыло, поворачиваетъ на лѣво, плыветъ вдоль сѣтяной наклонной плоскости, находящейся еще внѣ мѣшка и образуемой сначала нижнимъ полотномъ, а потомъ крышечкою; огнетаетъ собою и такъ сказать проскальзываетъ по горизонтальной части крышечки и попадаетъ въ мѣшокъ. Выходу изъ мѣшка препятствуетъ ей, почти у самой поверхности лежащій, внутренній край этой горизонтальной части крышечки, черезъ который ей надо бы было перескочить, чтобы выйдти вонъ изъ мѣшка, что кефаль, выпрыгивающая изъ воды, непремѣнно бы и сдѣлала; но скумбрія, не имѣющая этой привычки, остается внутри мѣшка, откуда и вычерпывается сачками въ лодку, или высыпается приподнятіемъ сѣтянаго дна. Всѣ части завода укрѣплены толстыми веревками, какъ къ скалѣ берега, такъ и шестамъ, вертикально стоящимъ въ водѣ, на тяжелыхъ камняхъ. Такое укрѣпленіе нужно, потому что въ наружную часть бухты заходитъ сильная морская зыбь.

Оба завода стоютъ рублей около 600. Всѣ, желающіе участвовать въ ловѣ посредствомъ ихъ, складываются поровну, и за это получаютъ по паю изъ улова. Дабы доставить нѣсколькимъ грекамъ, которые не въ состояніи дать денегъ на устройство заводовъ, возможность участвовать въ этомъ ловѣ, соблюдается правило, что тѣ, которые давали деньги, не могутъ участвовать въ немъ личнымъ трудомъ, — и эти послѣдніе, наблюдающіе за исправностью заводовъ, входомъ рыбы, выгребающіе ее изъ мѣшка и т. п., получаютъ также по паю. Ловъ заводами бываетъ очень выгоденъ, но весьма не вѣренъ, ибо зависитъ отъ случайности захода рыбы въ бухту. Такъ въ 1864 году въ оба завода попало только 15,000 штукъ, а въ 1866 году въ заводъ, устроенный далѣе внутрь бухты, попало 60,000, въ наружный же 300,000 штукъ. Почти все это количество зашло въ три пріема, и въ однѣ сутки два раза выпоражнивали изъ мѣшка тысячъ по сту. Свѣжею продавали ее по 10 и 11 руб. тысячу, такъ что выручили за скумбрію до 4,000 руб. Тѣ, которые взяли свою часть рыбою и посолили ее, продавали потомъ въ Симферополѣ по 14 р., а сберегшіе до зимы по 18 и 20 р. тысячу. Въ нѣкоторые годы вынимаютъ и до полумилліона штукъ скумбріи.

Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени ловятъ въ Балаклавѣ и кефаль, какъ въ бухтѣ, такъ и въ морѣ, при входѣ въ нее. Кефаль, которую не могутъ на мѣстѣ продать, коптятъ; но такъ какъ этотъ способъ приготовленія кефали мало употребителенъ въ Балаклавѣ, то я буду говорить объ немъ при описаніи кефальнаго лова въ другихъ мѣстахъ черноморскаго прибрежья.

Точно опредѣлить цѣнность балаклавскихъ улововъ не возможно, но изъ сказаннаго видно, что въ хорошіе годы они могутъ достигать до 30 и даже до 40 тысячъ рублей; но за то бываютъ неуловистые годы, когда, кромѣ рыбы употребленной въ пищу, продадутъ едва на 6 или на 7 тысячъ рублей. Относительно балаклавскаго лова надо замѣтить ту особенность, что здѣсь, при ловѣ, нѣтъ ни хозяевъ, ни работниковъ, потому что всѣ имѣютъ одинаковое право на ловъ, а орудія лова — за исключеніемъ заводовъ — такъ мало цѣнны, что всякій имѣетъ возможность самостоятельно въ немъ участвовать. Поэтому, для охраненія этого выгоднаго для всего балаклавскаго общества и вполнѣ справедливаго

устройства, слѣдовало бы запретить навсегда отдачу рыболовства въ бухтѣ на откупъ, дозволивъ городу взимать не болѣе $^{1}/_{10}$ улововъ. Но съ другой стороны справедливость требуетъ, чтобы и балаклавское рыболовство, какъ доходный промыслъ, облагалось въ пользу земства.

Ловъ кефали у береговъ Крыма. Ловъ кефали, кромѣ описаннаго въ предъидущемъ отчетѣ лова въ Шабалотскомъ озерѣ, близъ устья Днѣстровскаго лимана, и въ Балаклавской бухтѣ производится въ значительныхъ размѣрахъ только вдоль береговъ Крыма. Производится онъ или особаго устройства заводами, или рѣже рогожами, распорными неводами и наметами. Заводы эти устроиваются обыкновенно въ бухтахъ, или по крайней мѣрѣ въ нѣсколько защищенныхъ выдавшимся мысомъ мѣстахъ. Главные изъ нихъ находятся въ Шихларѣ, Утлешѣ и Чародаѣ близь Тарханкутскаго мыса, на крымскомъ берегу Киркенитскаго залива, отдѣляющаго этотъ полуостровъ отъ материковой части таврической губерніи, около Евпаторіи, въ Ласпи (между Балаклавою и началомъ южнаго берега), въ Ялтѣ близь Судака, въ Козѣ (между Судакомъ и Ѳеодосіей) и въ Ѳеодосіи.

Устройство кефальнаго завода очень просто и состоитъ въ слѣдующемъ: Сѣтяное квадратное или прямоугольное полотно, саженъ въ 20 въ сторонѣ, разстилается по дну или прикрѣпляется къ сваямъ такъ, чтобы три стороны поднимались надъ водою, а четвертая, съ которой ожидаютъ рыбу, была опущена подъ воду. У двухъ угловъ, ближайшихъ къ берегу, устроиваютъ изъ вбитыхъ въ дно, перекрещивающихся между собою, трехъ или четырехъ свай — козлы, на которыхъ настилаютъ помостъ. На этомъ помостѣ укрѣпляютъ по вороту и по буточкѣ, изъ которыхъ сторожатъ за ходомъ рыбы. Когда стая кефали заплыветъ на сѣть, то воротомъ поднимаютъ четвертую, опущенную подъ воду, сторону сѣти, чрезъ которую зашла рыба, а потомъ приподнимаютъ и всю сѣть и вычерпываютъ попавшуюся въ нее рыбу. Между этими заводами замѣчается только та разница, что сторожевые козлы или прислонены къ берегу, или болѣе или менѣе удалены отъ него. Замѣчательныя особенности представляетъ одинъ Утлешскій заводъ, по южную сторону Тарханкутскаго мыса. Заводъ расположенъ въ небольшой бухтѣ, съ обрывистыми, почти вертикальными каменными берегами, въ которыхъ высѣчены ступеньки для спуска къ водѣ. Весь берегъ изрытъ пещерами, изъ которыхъ однѣ открываются въ уровнѣ воды и залиты ею, другія же гораздо выше и служатъ сараями, куда, во время бури, или на зиму вытягиваютъ лодки и снасти. Маленькія пещерки въ одномъ изъ уступовъ берега служатъ жилищемъ для работниковъ. Но наибольшую пользу извлекли на Утлешскомъ заводѣ изъ сквозной пещеры или тунеля, проходящаго сквозь оконечность мыса, ограничивающаго съ лѣвой стороны бухту. Этотъ природный тунель имѣетъ 43 сажени въ длину и 4 сажени 2 вершка въ вышину отъ поверхности воды до вершины свода, который самъ имѣетъ 5 саженъ 4 вершка толщины. Вода въ этомъ тунелѣ довольно глубока. Таскать рыбу, пойманную на заводѣ, по крутой извилистой лѣстницѣ, высѣченной въ вертикальной стѣнѣ, было чрезвычайно затруднительно. Поэтому пробили въ сводѣ тунеля круглое сквозное отверстіе, или колодезь, и надъ нимъ устроили воротъ, которымъ и вытягиваютъ корзины или мѣшки съ рыбою, подвозимыя на лодкѣ подъ отверстіе свода. Эта же замѣчательная мѣстность представляетъ примѣръ необыкновенной силы волнъ даже въ такомъ маленькомъ морѣ какъ Черное. На самомъ концѣ мыска, прорытаго тунелемъ и обрывающагося вертикальною стѣною съ небольшимъ въ 9 саженъ вышиною, стоитъ каменный домикъ, сложенный, какъ большая часть построекъ въ Крыму, на глинѣ. Во время ужасной бури 22-го ноября 1861 года, которая силою своею превосходила даже бурю 2-го ноября 1854 года, во время севастопольской осады, отъ удара волнъ о берегъ сдѣлался такой

сильный бурунъ, что не только обливало водою этотъ домикъ, но разрушило всю переднюю его стѣну, обращенную къ морю.

На всѣхъ крымскихъ заводахъ ловъ кефали производится въ теченіи августа, сентября и октября, когда эта рыба приближается къ берегамъ, для метанія икры. Во время весенняго приближенія кефали къ берегамъ, ее не ловятъ, по причинѣ худобы, и даже заводы устанавливаются только къ августу мѣсяцу. За право устроивать эти заводы платятъ владѣльцамъ берега извѣстную арендную плату, которая простирается въ Шихларѣ, принадлежащемъ князю Воронцову, до 260 р., въ Утлешѣ, принадлежащемъ г. Попову, 350 р., въ Чародаѣ, также г. Попову, 100 р., въ прочихъ заводахъ платятъ еще менѣе значительныя суммы. Такая плата незаконна въ томъ только случаѣ, если заводъ занимаетъ не болѣе 10 саженъ берега; но такъ какъ почти вездѣ у завода есть и коптильни, которыя не возможно устроить на низменныхъ припаяхъ, преимущественно состоящихъ изъ песка, ракушъ и мелкихъ камешковъ и которыя занимаютъ болѣе 10 или даже 25 саженъ, (какъ предположено для береговой полосы, въ отчетѣ объ азовскомъ рыболовствѣ) то плату эту должно считать арендою за землю, не входящую въ прибрежную полосу, выдѣляемую вдоль морей и большихъ озеръ, для свободнаго пристанища ловцовъ.

Уловъ кефали на заводахъ, какъ зависящій отъ случайности приближенія къ нимъ стай этой рыбы, въ разные годы бываетъ весьма различенъ. Такъ въ трехъ тарханкутскихъ заводахъ случается, что въ хорошій годъ налавливаютъ 100,000 крупной (сингиля) и по 300,000 мелкой кефали (ларича). Въ 1864 году поймали не болѣе 200 тысячъ ларича и только 35,000 сингиля. Въ Утлешѣ въ томъ же году, съ половины августа по октябрь, когда окончился ловъ, поймано было до 400,000 ларича, но за то только 15,000 сингиля, да еще 20,000 штукъ скумбріи, въ Чарадаѣ же всего только 100,000 ларича. На ялтинскомъ заводѣ, въ теченіи одного сентября мѣсяца 1864 года поймано до 120,000 штукъ кефали. Общій уловъ этой рыбы по всѣмъ берегамъ Крыма можно положить въ хорошій годъ отъ 3 до 4 милліоновъ штукъ, что, смотря по цѣнамъ и крупности рыбы, составитъ отъ 15,000 до 25,000 рублей. Самой крупной кефали — лобана (Mugil Cephalus Cuv.) ловятъ гораздо меньше; на шихларскомъ заводѣ, напримѣръ, не болѣе 5000 штукъ въ годъ.

Ловъ производится на всѣхъ заводахъ работниками греками и малоросами, изъ извѣстной доли въ уловѣ. Именно всѣ снасти, лодки и устройство завода дѣлаются на хозяйскій счетъ, харчи идутъ пополамъ между хозяиномъ и работниками, а за тѣмъ рыба дѣлится по поламъ, и половину, принадлежащую работникамъ, обыкновенно скупаетъ самъ же хозяинъ, который уже потомъ продаетъ ее въ свою пользу свѣжею, или солитъ и коптитъ. Работники получаютъ изъ своей половины не ровныя доли; такъ новобранцы и неискусные изъ нихъ получаютъ по 1 паю, лучшіе же по $1\frac{1}{4}$, по $1\frac{1}{2}$ и даже по 2 пая, а атаманъ имѣетъ 4 пая. Поэтому назначается больше паевъ, чѣмъ сколько работниковъ. Такъ напримѣръ, въ Шихларѣ на 13 или 14 человѣкъ рабочихъ дѣлаютъ 25 паевъ.

Пойманную кефаль солятъ, не вычищая внутренностей, и это тѣмъ непріятнѣе, что у ней мѣшокъ, похожій на птичій зобъ, всегда набитъ черною массою отъ растительной пищи, которою эта рыба питается. Въ соленомъ видѣ кефаль мало продаютъ, а обыкновенно еще коптятъ. Для этого вымачиваютъ ее въ морской водѣ, обыкновенно около полусутокъ; но ежели она долго лежала въ соли, то и вымочка бываетъ продолжительнѣе. Вынувъ изъ воды, связываютъ рыбы попарно хвостами и даютъ дня два или три провянуть, прежде чѣмъ начать коптить. Коптильни состоятъ изъ сараевъ, въ

земляномъ полу которыхъ выкапываютъ въ разныхъ мѣстахъ до 15 и болѣе ямъ, въ которыя накладываютъ то топливо, медленнымъ горѣніемъ котораго должна прокапчиваться рыба. На тарханкутскихъ заводахъ, гдѣ приготовляется лучшая кефаль, употребляютъ для этого смѣсь мякины и перебитой соломы (которая всегда образуется при употребительномъ въ южной Россіи способѣ молотьбы — волами) съ отрубями. Копченіе продолжается отъ недѣли до 10 дней, причемъ огонь поддерживаютъ только съ вечера до утра, а днемъ даютъ рыбѣ остывать, чтобы не слишкомъ много вытекло изъ нея жира, и чтобы она, не слишкомъ высохнувъ, сохраняла свои полноту и красивый видъ. Цѣна крупной копченой кефали (сингиля) отъ 10 до 11 р. сотня, а мелкой (ларича) 5 и 6 рублей.

Всѣ виды кефали составляютъ самое любимое кушанье грековъ, и дѣйствительно лобаны отличаются нѣжностью и превосходнымъ вкусомъ; чтоже касается до мелкой кефали, то для непривычнаго она нѣсколько отзывается ворванью. Кромѣ самой рыбы, чрезвычайно цѣнится греками и вообще жителями береговъ Чернаго моря кефалья икра. Для этого вынимаютъ ее изъ рыбы; въ тѣхъ мѣшочкахъ или ястыкахъ (яичникахъ), въ которыхъ она заключена, пересыпаютъ ихъ солью и сушатъ на солнцѣ, нѣсколько разъ переворачивая и вновь посыпая солью. Въ Константинополѣ охотно даютъ за приготовленную такимъ образомъ икру лобановъ по 3 р. за фунтъ, да и въ Крыму дешевле 2 р. фунта, т. е. гораздо дороже осетровой икры,—купить ее нельзя. Икра мелкой кефали продается дешевле, но все же не менѣе 1 р. или 1 р. 50 к. фунтъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ заводовъ, ловятъ кефаль наметами, преимущественно же рогоженными неводами. Изъ хорошихъ циновокъ сшиваютъ полосу въ 1 аршинъ или 1 ¼ аршина шириною, оба края которой загибаются къ верху на вершокъ въ вышину, и снаружи образовавшагося ребра протягивается веревка, чтобы загибъ держался. Черезъ это рогоженная полоса, саженъ въ 50 длиною, принимаетъ видъ узкой, длинной и весьма мелкой коробки.

Въ темныя безлунныя ночи выкидываютъ, или правильнѣе разстилаютъ, этотъ неводъ на поверхности воды, или отъ берега въ глубь моря, или же съ двухъ лодокъ въ разныхъ направленіяхъ. Неводъ выкидываютъ только тогда, когда по всплескамъ замѣтятъ приближеніе стаи кефали, которая, видя темную полосу въ водѣ, старается черезъ нее перепрыгнуть, но попадаетъ въ плоскую рогоженную коробку, откуда уже не можетъ выскочить. Изъ этого видно, что это, дѣлаемое изъ циновокъ орудіе, ни по устройству своему, ни по способу производства имъ лова, не заслуживаетъ названія невода, отличительный признакъ котораго состоитъ въ томъ, что имъ окружаютъ рыбу, и вытягиваютъ ее на берегъ или на лодку; неводомъ же его называютъ только потому, что его какъ неводъ выкидываютъ съ лодки. Скорѣе же можно его назвать лежачею плавною или ставною сѣтью. Рогоженными же неводами ловятъ кефаль и около Сухума. Турки, пріѣзжающіе сюда для сельдянаго лова, съ октября по май, коптятъ здѣсь и кефаль въ особо для сего устроенныхъ маленькихъ коптильняхъ, мѣстные же жители просто въ духанахъ, для домашняго употребленія и мѣстной продажи. Султанки бываетъ мало у кавказскихъ береговъ.

Ловъ скумбріи въ сѣверо-западной части моря. Другая изъ ловимыхъ, въ значительныхъ количествахъ, рыбъ Чернаго моря есть скумбрія, макрель или баламутъ. Мы видѣли уже, что спеціально для лова ея устраиваются балаклавскіе заводы; кромѣ того попадается она и въ только что описанные кефальные заводы, иногда по нѣскольку десятковъ тысячъ, и даже болѣе ста тысячъ штукъ. Такъ напримѣръ, по свидѣтельству г. профессора Кесслера, на одномъ заводѣ близъ Судака наловили въ

изобильный годъ въ одну осень до 250 тысячъ штукъ скумбріи. Но главный ловъ этой рыбы производится не у крымскихъ береговъ, а въ сѣверо-западномъ углу моря, начиная отъ устьевъ Дуная до входа въ Киркеницкій заливъ, по песчанымъ косамъ, которыми изобилуетъ эта часть морскаго прибрежья, гдѣ вливаются три главные притока Чернаго моря.

Въ предѣлахъ бессарабской области, отъ новой границы съ Молдавіею до Цареградскаго устья Днѣпровскаго Лимана, по косамъ отдѣляющимъ внутреннія озера или лиманы находятся 4 баламутныхъ завода. Это пространство отдается казною, въ противность законовъ о свободѣ морскаго лова, на откупъ за 1000 р. Откупщикъ, по общему обычаю здѣшняго края, беретъ съ ловцовъ по одной осьмой доли улова въ свою пользу. На острову, раздѣляющемъ выходъ изъ днѣпровскаго лимана на два устья, 1 заводъ, который также отдается на откупъ. Начиная отъ лѣваго берега днѣпровскаго лимана, въ предѣлахъ херсонской и таврической губерній, прибрежныя мѣста, принадлежащія казнѣ, на откупъ не отдаются; здѣсь до Одессы считается 11 заводовъ, на Одесской пересыпи 9, на Дофинской 1, на Григорьевскомъ 3, въ урочищѣ Сычевскомъ 1, на Телигулѣ 4, на Каробашѣ 2 и до Березани еще 2, на морской сторонѣ Кинбурнской косы до крѣпости 6, отъ крѣпости до оконечности косы 11, на Тендрѣ отъ 15 до 30 заводовъ, смотря по году, ибо, при неуловѣ въ другихъ мѣстахъ, оттуда стекаются промышленники сюда. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ сѣверо-западнаго берега Чернаго моря насчитывается отъ 69 до 84 баламутныхъ заводовъ. Удобныхъ мѣстъ для лова баламута еще много къ востоку отъ Тендры, на промежуткѣ раздѣляющемъ эту косу, или рядъ островов, отъ косы Джаралагачской, и на самой этой косѣ. Но все это пространство, какъ и сама Тендра, принадлежитъ г. Васалю, который за ловъ на Тендрѣ беретъ съ промышленниковъ по 30 рублей съ мѣста, будто бы за камышъ и бурьянъ, которые они употребляютъ на топливо; прежде брали только 7 руб. 50 к. На Джаралагачѣ и на промежуткѣ между обѣими косами экономія Васаля даже совершенно запрещаетъ не только ловить, но и приставать къ берегу. Очевидно, что сборъ за камышъ есть только предлогъ, ибо на 30 руб. промышленники никоимъ образомъ сжечь его не могутъ, употребляя только на вареніе пищи, тѣмъ болѣе, что тѣже 30 руб. берутъ и съ тѣхъ ловцовъ, которые останавливаются на косѣ только на нѣсколько дней, отправляясь на нее въ случаѣ дурнаго лова на Кинбурнской косѣ. Такъ во время моего посѣщенія этихъ мѣстностей забрали у одного еврея на 70 р. пойманнаго имъ баламута за то, что онъ не заплатилъ въ прошедшемъ году 30 р., когда остановился на нѣсколько лишь дней на Тендрѣ.

Эти незаконные поборы съ ловцовъ и произвольныя запрещенія приставать къ берегу должны быть непремѣнно прекращены, тѣмъ болѣе, что ловцы занимаютъ совершенно безплодное песчаное прибрежье, и если отмѣрить не болѣе 20 саженъ отъ заплесковъ, при самой сильной водѣ, то на этомъ пространствѣ ловцы могутъ найти и необходимую для нихъ прѣсную воду; а для помѣщенія ихъ, состоящаго изъ простаго шалаша, и 10 саженъ было бы большею частію достаточно Но для установленія свободы морскаго рыболовства, по косамъ Чернаго моря, было бы еще недостаточно освободить ловцовъ отъ поборовъ, взимаемыхъ съ нихъ владѣльцами; ибо здѣсь установилась еще особаго рода монополія, отъ которой терпятъ бѣднѣйшіе промышленники. Лучшія и выгоднѣйшія для лова мѣста, лежащія на самой оконечности косъ: на Кинбурнской, начиная отъ крѣпости, а на Тендрѣ отъ маяка, занимаютъ нѣкоторые самые богатые и вліятельные промышленники, какъ постоянную свою собственность, тогда какъ въ законѣ сказано, что свободная прибрежная полоса предназначается только для временнаго

пристанища ловцовъ. Чтобы обезпечить свои мѣста отъ занятія другими ловцами, эти промышленники оставляютъ свои шалаши на зиму, такъ какъ они не имѣютъ почти никакой стоимости, и хотя зимними бурями ихъ совершенно размечетъ, — оставшіеся столбы почитаются достаточнымъ знакомъ, для обезпеченія того, что то мѣсто, гдѣ они стоятъ, уже занято. Для устраненія этого злоупотребленія, слѣдовало бы раздавать мѣста на оконечностяхъ Кинбурнской и Тендринской косъ по жеребью. Для тяги неводовъ, достаточно здѣсь 200 саженъ вдоль берега. Такихъ участковъ 6 или 7 на Кинбурнской косѣ и 8 на Тендрѣ. Для распредѣленія ихъ по жеребью, промышленники могли бы собираться къ 1 мая въ Очаковъ, — какъ въ ближайшее мѣсто, и здѣсь метать жеребьи о томъ, кому достанутся, на все время наступающаго лова до самой зимы, эти лучшіе участки. При этомъ слѣдовало бы наблюдать, чтобы промышленникъ могъ получить не болѣе одного участка и чтобы получившій его напримѣръ на Кинбурнской косѣ не имѣлъ бы права на жеребьевой участокъ на Тендрѣ. Во избѣжаніе подлоговъ надо, чтобы каждый мечущій жребій представлялъ свидѣтельство, что онъ дѣйствительно имѣетъ промысловую артель, а не подставное лице, и не составляетъ нераздѣльнаго семейства съ другимъ, мечущимъ жребій, промышленникомъ. На Тендрѣ, — въ уваженіе правъ владѣльца, — могло бы быть предоставлено экономіи одно мѣсто, по выбору, на которомъ она имѣла бы право производить сама ловъ, ежели пожелаетъ. Въ прочихъ частяхъ косъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ пространствѣ, нѣтъ надобности въ жеребьевомъ распредѣленіи мѣстъ. Оно даже было бы вредно, потому что въ этихъ, менѣе уловистыхъ мѣстахъ, предстоитъ часто нужда переходить съ мѣста на мѣсто. Надо впрочемъ прибавить, что иногда на заднихъ мѣстахъ болѣе налавливаютъ, чѣмъ на оконечностяхъ косъ; но вообще передніе ловцы имѣютъ большое преимущество, состоящее въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ имъ первымъ приходится встрѣчать подходящую стаю. Въ сочиненіи г. Кеслера — «Путешествіе съ зоологическою цѣлью къ сѣверному берегу Чернаго моря и въ Крымъ» — приведенъ интересный примѣръ обильнаго залова баламута на Кинбурнской косѣ, именно въ заднихъ мѣстахъ, тогда какъ передніе поймали гораздо меньше. Но причина такого удачнаго лова заключается въ распорядительности и находчивости артельнаго атамана, между тѣмъ какъ передовыя артели не успѣли во время приготовиться къ лову (см. ст. 95—98).

Ловъ баламута по косамъ производится обыкновенными морскими неводами, закидываемыми на лодкѣ, начиная съ берега, куда неводъ и вытягивается. При этомъ наблюдается только, чтобы неводъ хваталъ до самой поверхности воды, ибо стаи баламута плаваютъ на верху. Неводъ бываетъ не выше 3 или 4 маховыхъ саженъ, поэтому ловить имъ на глуби нельзя. Обыкновенно закидываютъ его не далѣе полуверсты отъ берега. Длина невода около 200, рѣдко до 300 саженъ; но по причинѣ мелкоячейности онъ стоитъ не дешево—до 300 р. Ячеи эти однако же не столь часты, чтобы могла попадаться въ неводъ хамса, за которою баламутъ гоняется.

Стаи баламута начинаютъ появляться около половины мая, и ловъ продолжается до половины октября. Лѣтній ловъ рѣдко бываетъ такъ изобиленъ, какъ осенній, да осенній баламутъ и гораздо жирнѣе, и притомъ лучше просаливается въ не столь жаркое время. Поэтому цѣна соленаго баламута тѣмъ дороже, чѣмъ позднѣе время года: начинаясь отъ 3 и 4 р. въ маѣ, она возрастаетъ до 7 руб. въ іюнѣ, до 15 въ августѣ и сентябрѣ, а въ иные годы въ сентябрѣ и октябрѣ доходитъ даже до 20 р. за тысячу. Ловъ баламута производится лишь при вѣтрахъ, дующихъ съ берега, ибо онъ, по замѣчанію рыбаковъ, приближается къ берегамъ только противъ вѣтра Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черно-

морскаго берега — около Одессы — ловцы поджидаютъ стаи баламута съ особо устроенныхъ вышекъ, какъ это дѣлалось еще въ древности, во времена греческихъ колоній. Но на косахъ Кинбурнской и Тендринской вышекъ нѣтъ, и приближеніе баламута замѣчаютъ по стаямъ птицъ, которыя кружатся надъ нимъ и хватаютъ какъ хамсу и сардельки, за которыми онъ гоняется, такъ и самаго баламута. Въ изобильные годы, при удачѣ, захватываютъ въ одинъ неводъ до 100,000 шт. разомъ. Величина баламута бываетъ весьма различна. Самаго мелкаго, котораго называютъ чирусомъ, входитъ въ бочку въ 1 аршинъ вышиною и 11 вершковъ въ діаметрѣ у дна, отъ 4000 до 5000 штукъ; средняго чибрика до 3000, самаго же крупнаго отъ 1100 до 1400 штукъ. Кругомъ считаютъ, что около половины налавливаемаго количества бываетъ крупнаго и половина мелкаго.

Рабочая артель состоитъ обыкновенно изъ 15 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и кухаря, приготовляющаго пищу. Дѣлежъ добычи производится на общемъ основаніи — половина хозяину, а половина работникамъ; атаманъ получаетъ лишній пай отъ хозяина; харчи и соль пополамъ. Но при этомъ дѣлежѣ бываетъ много злоупотребленій; именно хозяева ставятъ соль въ 1 р. с. за пудъ, харчи цѣнятъ дороже дѣйствительнаго, а главное — оставляютъ за собою рыбу по произвольной дешевой цѣнѣ, тогда какъ, по настоящему, рыбу должно продавать купцамъ по вольной цѣнѣ, а если хозяинъ желаетъ оставить ее за собою, то долженъ давать ту же цѣну, какъ и купцы, за половину доставшуюся работникамъ. Уничтожить этого рода злоупотребленія чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что хозяева лова обыкновенно бываютъ евреи. Единственнымъ средствомъ для этого, кажется мнѣ, можетъ быть только судъ по совѣсти у мировыхъ судей, которые должны бы внушать работникамъ, чтобы они заключали съ хозяевами правильные контракты, съ обозначеніемъ всѣхъ условій артельнаго дѣлежа.

Соленіе баламута производится довольно тщательно. Жабры и внутренности у нихъ вырываютъ, какъ у голландскихъ сельдей, потомъ кладутъ въ шапликъ, т. е. обрѣзъ, и, перемѣшавъ съ солью, оставляютъ на нѣкоторое время. Рыбу считаютъ готовою, когда она окрѣпнетъ въ соли до того, что если взять ее за хвостъ и держать къ верху, то она стоитъ и не гнется. Послѣ этого укладываютъ ее тщательно въ боченки брюшкомъ вверхъ и нѣсколько наискось рядами, рядъ головами въ одну сторону, другой въ другую; а слѣдующіе два ряда такимъ же образомъ въ перекрестъ съ первыми и т. д. Лѣтомъ кладутъ до 2 пудовъ соли въ шаплики на тысячу, а при перекладкѣ рядами въ боченки употребляютъ еще 1 $1/2$ пуда, на пересыпку, оставляя въ шапликахъ не долѣе трехъ дней; осенью же оставляютъ до 6 дней и кладутъ до 3 пудовъ соли, потому что хотя въ это время года и холоднѣе, но за то рыба жирнѣе и крупнѣе, и на пересыпку держатъ только отъ 3 до 5 фунтовъ самой мелкой соли. Боченки наклоняютъ, чтобы дать сжечь жиру, отъ излишества котораго рыба портится и который продается отдѣльно. Удивительно, почему завелось такое тщательное соленіе баламута, тогда какъ, не смотря на всѣ старанія бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора князя Воронцова, улучшеніе соленія керченскихъ сельдей не могло привиться. Я думаю, что это зависитъ отъ того, что на сельдей и такъ сбытъ хорошъ, тогда какъ на скумбрію, при менѣе тщательномъ приготовленіи, не нашлось бы охотниковъ, ибо эта рыба, не смотря на репутацію, которою она пользуется заграницею, ни въ свѣжемъ, ни въ соленомъ видѣ не отличается хорошимъ вкусомъ, и во всякомъ случаѣ уступаетъ сельдямъ самаго посредственнаго качества и приготовленія. Покупщики обыкновенно являются на самыя мѣста лова. Купцы, а частью и сами хозяева, свозятъ баламутъ въ лѣтнее время въ Одессу; другое мѣсто склада составляютъ лежащія близь Днѣпровскаго лимана имѣнія графа Кушелева-Безбородко, Парутино

и Анчекраки, откуда уже онъ разводится далѣе въ Херсонъ, на ярмарку въ Вознесенскъ, въ Елисаветградъ, и даже въ Кіевъ, гдѣ баламутъ извѣстенъ подъ именемъ кинбурнскихъ сельдей. Весь ловъ баламута въ сѣверо-западной части Чернаго моря можно приблизительно положить отъ 5 до 8 милліоновъ штукъ, цѣною отъ 50 до 100,000 рублей.

Ловъ хамсы у береговъ Крыма и Анатоліи. Третья порода, водящаяся въ большомъ количествѣ въ Чорномъ морѣ. — хамса, у русскихъ береговъ, нигдѣ кромѣ Балаклавы, въ сколько нибудь значительномъ количествѣ не ловится, хотя она и появляется огромными массами почти вездѣ у южнаго берега. Ее такъ мало ловятъ потому, что почти нигдѣ кромѣ Ялты нѣтъ лодокъ. Поэтому когда хамса удалится изъ окрестностей Балаклавы и направится вдоль берега далѣе на востокъ, то только балаклавскіе греки провожаютъ ее и, вмѣстѣ съ немногими ялтинскими рыбаками, продолжаютъ ловить. Не смотря на этотъ незначительный ловъ, цѣна на хамсу на южномъ берегу бываетъ еще дешевле, чѣмъ въ Балаклавѣ, ибо здѣсь нѣтъ на нее другихъ покупателей, кромѣ мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ также немногіе приготовляютъ ее въ большомъ количествѣ въ прокъ. Когда при изобиліи хамсы, какъ напримѣръ въ 1865 и 1867 годахъ, татары достанутъ себѣ лодку и, сдѣлавъ нужные для нихъ запасы, не знаютъ куда имъ дѣвать лишнюю хамсу, они продаютъ ее по 20 и даже по 15 к. пудъ.

Гораздо значительнѣе ловъ хамсы въ Сухумъ-Кале и у береговъ Малой Азіи, преимущественно у Керасунда и Самсуна, гдѣ ее ловятъ какъ накидными сѣтями, такъ еще болѣе распорными неводами съ двухъ лодокъ. Въ зимнее время, при появленіи хамсы, съѣзжаются къ Керасунду изъ Трапезунда и другихъ мѣстъ до 60 лодокъ. Хамсу солятъ самымъ простымъ способомъ, не отрывая головокъ, какъ и въ Крыму, для собственнаго употребленія и для продажи вдоль малоазіатскаго берега. Но иногда вывозятъ ее за предѣлы Чернаго моря. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ грекъ получилъ большой барышъ отъ хамсы, вывезенной имъ въ Смирну, на острова и прибрежья Архипелага. Когда зимою и весною 1867 года снова появилась хамса и на южномъ берегу Чернаго моря въ огромныхъ количествахъ, то ее очень много наловили и приготовили, надѣясь также выгодно сбыть; но по большей части осталась она не распроданною вездѣ, куда ее не возили, ибо въ Архипелагѣ и своей было бездна, а въ Марсели не покупали анчаусовъ съ неоторванными головами, такъ какъ большое количество желчи, заключающееся въ этой рыбѣ, придаетъ ей непріятную горечь, если не отрывать передъ солненіемъ, вмѣстѣ съ головами и другими внутренностями, и желчнаго пузыря. Въ 1867 г. ловили до 40,000 окъ, т. е. до 3000 пудовъ хамсы въ ночь; но не смотря на такіе значительные уловы, цѣна ея у анатолійскаго берега не была дешевле, чѣмъ въ Крыму; именно свѣжую продавали въ Керасундѣ по $12^1/_2$ к. пудъ, съ посоломъ же и боченками обходилась она по 65 к. пудъ (30 паръ око). Въ Марсели надѣялись продать по 70 франковъ 100 килограммовъ, что составитъ по 2 р. 80 к. пудъ; но надежды эти, какъ сказано выше, не сбылись.

Изъ сравненія лова трехъ многочисленныхъ рыбъ Чернаго моря кефали, скумбріи и хамсы, видно, что эта послѣдняя имѣетъ наименьшее значеніе, такъ какъ она составляетъ только предметъ мѣстнаго и то весьма незначительнаго употребленія. Между тѣмъ изобиліе ея, легкость лова, превосходныя качества самой рыбы, необыкновенно вкусной даже при самомъ несовершенномъ приготовленіи, должны бы сдѣлать изъ этой рыбы главный предметъ черноморскаго рыболовства. Къ этимъ достоинствамъ хамсы присоединяется еще и то, что ее можно и легко солить для скораго употребленія, и заготовлять въ прокъ на очень долгое время, круто соля, причемъ она дѣлается годна въ пищу не ранѣе какъ черезъ

*

годъ, но за то не портится ни при какихъ жарахъ. Одна лишь случайность непоявленія хамсы у береговъ, такъ что въ иной годъ ея вовсе не бываетъ, составляетъ неудобство, повидимому противодѣйствующее большому распространенію ея лова. Но, по словамъ рыбаковъ, она только не всякій годъ приближается къ берегамъ, далѣе же въ морѣ всегда бываетъ въ изобиліи, такъ что, употребляя для лова ея распорные невода, а еще лучше мелкоячейныя ставныя сѣти, можно бы добывать ее въ довольно большихъ количествахъ и въ тѣ годы, когда она къ берегамъ не приближается. Примѣръ керасундскихъ ловцовъ показываетъ, что хамса можетъ иногда доставлять значительныя выгоды промышленникамъ, даже и въ Турціи, гдѣ для успѣшнаго сбыта ея существуетъ то важное препятствіе, что тамъ приходится везти хамсу въ такія мѣстности, около которыхъ она водится въ изобиліи,—слѣдовательно надо, чтобы хорошему лову у анатолійскихъ береговъ соотвѣтствовалъ неудачный ловъ въ Архипелагѣ; тогда какъ у насъ всегда существуетъ огромная потребность на дешевую соленую рыбу, какъ это доказывается обширнымъ сбытомъ въ соленомъ видѣ такихъ дурныхъ рыбъ, какъ тарань, чехонь, синецъ и т. п. Примѣръ введенія въ общее употребленіе рыбы, прежде неупотребительной, видѣли мы въ недавнее время на астраханской селедкѣ, или бѣшенкѣ, не смотря на то, что противъ нея существовалъ *народный предразсудокъ*, такъ что небольшое количество ея, прежде расходившееся, шло подъ презрительнымъ именемъ мордовскаго товара. Хамса имѣетъ въ этомъ отношеніи большое преимущество, такъ какъ противъ нея нѣтъ не только никакого предразсудка, но всѣ, которые знаютъ ее, какъ крымскіе старожилы татары и русскіе, такъ и вновь пріѣзжающіе изъ всѣхъ классовъ населенія, чрезвычайно охотно ѣдятъ ее. Все это можетъ служить ручательствомъ, что соленая хамса очень скоро пришлась бы по вкусу народонаселенія внутри Россіи, особенно въ безрыбныхъ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Черному морю, въ Новороссіи, Малороссіи и юго-западныхъ губерніяхъ.

Чтобы расширить такимъ образомъ сбытъ хамсы и увеличить въ нѣсколько разъ ея ловъ, нужно бы только ознакомить съ этою рыбою внутреннія губерніи, гдѣ она совершенно неизвѣстна, и предпріимчивый человѣкъ легко могъ бы это сдѣлать, если бы, имѣя нѣкоторый капиталъ, сталъ скупать свѣжую хамсу у ловцовъ и занялся соленіемъ ея самымъ простымъ, нынѣ употребительнымъ на южномъ берегу, способомъ. Опасаться недостатка сбыта нельзя, даже и на первое время, потому что хамса нашла бы себѣ обширный сбытъ даже между однимъ крымскимъ населеніемъ, если бы оно имѣло возможность покупать эту рыбу исподволь, по мѣрѣ надобности въ ней, такъ какъ небогатый крестьянинъ, особенно же татаринъ, не привыкъ, да и не въ состояніи, дѣлать для себя запасъ. Выше мы видѣли, на примѣрѣ кефали ловимой въ балаклавской бухтѣ, что главный атаманъ заботится не о возможно большемъ заловѣ рыбы, когда ея много, а о томъ, чтобы цѣна на нее не упала, и потому соображаетъ ловъ съ числомъ наѣхавшихъ покупщиковъ. Очевидно, что при такомъ разсчетѣ много упускается рыбы. При существующихъ условіяхъ сбыта, можно пожалуй назвать разсчетъ этотъ и правильнымъ; но если бы заготовлять рыбу въ прокъ, не разсчитывая на непосредственный сбытъ, то само собою разумѣется, что количество вылавливаемой рыбы, также какъ и доходъ отъ рыболовства, въ нѣсколько разъ увеличился бы. Все это относится еще въ сильнѣйшей степени къ хамсѣ, по причинѣ случайности и кратковременности ея появленій. Упустивъ случай много наловить ея, по недостатку въ покупателяхъ, — упущеннаго уже наверстать нельзя. Разговаривая съ рыбаками, я часто давалъ имъ совѣтъ употреблять вмѣсто наметовъ ставныя сѣти, которыя они могли бы выставлять гораздо дальше въ морѣ и перебирать въ удобное время, что избавило бы ихъ отъ той зависимости, въ которой они находятся

отъ случийностей приближенія хамсы къ самымъ берегамъ. На это мнѣ всегда отвѣчали: «зачѣмъ намъ это дѣлать; когда и наметомъ въ два, три раза, мы захватимъ столько, сколько намъ нужно, а если у насъ слишкомъ много будетъ рыбы, то и дѣвать ее некуда». Если бы хамса ловилась по немногу въ теченіи всего года, то она расходилась бы въ значительномъ количествѣ, но при кратковременномъ изобильномъ ловѣ, она не находитъ себѣ покупщиковъ. Это неудобство можетъ быть устранено только устройствомъ солильныхъ заведеній, которыя, скупая хамсу разомъ, сколько бы ея ни ловилось, продавали бы исподволь по мѣрѣ требованій на нее. Хамса въ этомъ отношеніи можетъ быть совершенно уподоблена сороцкимъ сельдямъ или астраханской бѣшенкѣ, которыя тоже разомъ появляются огромными массами. Но ловцы сельдей имѣютъ то преимущество, что сельди появляются зимою, когда и рыба можетъ долго сохраняться и удобства сообщеній привлекаютъ покупателей изъ дальнихъ мѣстъ вологодской и олонецкой губерній. Бѣшенка въ прежнее время также точно упускалась бы безъ лова, какъ теперъ хамса, если бы не нашлось для нея другаго употребленія, хотя и весьма невыгоднаго — топленіемъ на жиръ. Все это измѣнилось, когда начали бѣшенку солить, ибо съ этихъ поръ она составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей нижне-волжской рыбной промышленности. Одинъ предпріимчивый человѣкъ, или небольшая компанія, можетъ сдѣлать тоже самое и для черноморскаго рыболовства заведеніемъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ солильни для хамсы. Такое заведеніе, довольствуясь сначала мѣстнымъ крымскимъ сбытомъ, могло бы смѣло разсчитывать, что при нѣкоторой дѣятельности со стороны его хозяевъ, сбытъ этотъ въ скоромъ бы времени расширился.

Кромѣ приготовленія дешеваго товара простымъ соленіемъ, изъ хамсы можно бы дѣлать и другое употребленіе, соля ее какъ французскіе анчаусы, или какъ ревельскія кильки, или заливая провансимъ масломъ, какъ сардинки. Но для этого необходимо практически изучить эти способы приготовленія и заниматься этимъ вмѣстѣ съ простымъ соленіемъ хамсы, потому что на обширный сбытъ этихъ консервовъ трудно разсчитывать въ началѣ. Я нѣсколько разъ пробовалъ приготовлять хамсу въ маленькихъ боченкахъ, слѣдуя описанію французскаго способа, и хотя выходили анчаусы довольно хорошаго вкуса, но все же они не могли сравниться съ тѣми французскими анчаусами, которые находятся въ продажѣ. Въ маслѣ могли бы приготовляться, кромѣ хамсы, еще султанка и камбала, которыя въ этомъ видѣ привозятся къ намъ изъ-за границы.

При быстромъ сообщеніи съ столицами, которое открылось съ проведеніемъ одесско-кіевской желѣзной дороги, и маринованная султанка, не могущая долго сохраняться, могла бы тоже получить довольно значительное распространеніе.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о ловѣ красной рыбы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чернаго моря и въ Ріонѣ, и затѣмъ перейти къ краткому описанію дунайскаго рыболовства, составлявшаго нѣкогда довольно значительную отрасль русской рыбной промышленности, производимой и теперь русскими же, перешедшими въ подданство румынскихъ княжествъ.

Ловъ красной рыбы у Анапы и къ востоку отъ устья Днѣпра. Влѣво отъ устья Днѣпровскаго лимана, до входа въ Киркенитскій заливъ, и въ самомъ этомъ заливѣ, отъ притока прѣсной воды изъ Днѣпра и небольшой глубины моря, соленость его уменьшается. Тоже самое встрѣчается и въ сѣверо-восточномъ углу, вслѣдствіе притока слабосоленой воды изъ Азовскаго моря и изъ Черноморскаго устья Кубани. Въ обоихъ этихъ мѣстностяхъ встрѣчается довольно много бѣлуги, которую и ловятъ здѣсь особеннымъ образомъ, основаннымъ на особенности въ образѣ ея жизни, именно на болѣзни, которой

онѣ подвергаются въ лѣтнее время. Къ жабрамъ бѣлугъ присасываются въ это время чужеядныя животныя, изъ отдѣла ракообразныхъ. Въ это время года, при вѣтрянной погодѣ, бѣлуга, раскрывъ жабры, плаваетъ по волнамъ, на самой поверхности воды, чтобы сильнымъ теченіемъ, проходящимъ сквозь жабры, освободиться отъ паразитовъ. Такую бѣлугу называютъ сонною, хотя она жива и не спитъ, а только плыветъ по поверхности воды, на подобіе уснувшей рыбы. Ловцы преслѣдуютъ ее на лодкахъ, стараясь попасть въ рыбу особаго рода острогой, называемой сандолью (тоже самое, что астраханская сандовь). Это трезубецъ, зубки котораго укрѣплены на поперечной перекладинѣ, къ которой придѣлана рукоятка рюмкою, какъ на желѣзныхъ лопатахъ или заступахъ. Въ эту рюмку вставляется, не очень плотно, древко съ желѣзнымъ кольцомъ на противоположной оконечности, называемое сандолищемъ. Къ зубцамъ придѣланы подвижныя зубрины, или лучше сказать клапаны, на шарнирахъ, могущія дѣлать четверть оборота снизу вверхъ. У двухъ крайнихъ зубцовъ и у средняго клапаны дѣлаются всегда съ разныхъ сторонъ, — если у первыхъ съ передней, то у послѣднихъ съ задней, или на оборотъ. Посредствомъ петли зацѣпляется за средній зубецъ веревка саженъ въ 50 или 60 длиною, которая сначала идетъ вдоль древка и продѣвается въ кольцо, такъ чтобы рука, держащая сандовь, охватывала вмѣстѣ древко и веревку. Для этого лова или охоты, избирается ясная и вѣтряная погода. Лодка идетъ на греблѣ, а атаманъ, съ сандовью въ рукахъ, стоитъ на носу, слѣдя за плывущею по волнамъ, на поверхности воды, бѣлугою и указывая кормщику, куда онъ долженъ держать, чтобы не упускать бѣлугу изъ виду, знаками, потому что, дабы не испугать бѣлуги, ловъ этотъ требуетъ совершенной тишины; даже уключины веселъ смазываютъ саломъ. Сама сандовь служитъ для подачи условныхъ сигналовъ. Если атаманъ держитъ ее горизонтально, двигая понемногу впередъ, это значитъ, что править надо прямо въ догоню за бѣлугою; если рыба уклоняется вправо или влѣво, то въ ту же сторону поворачиваетъ атаманъ свой трезубецъ и туда же правитъ кормчій. Если рыба уходитъ подъ воду, то сандовь опускается трезубцемъ внизъ и гребцы перестаютъ грести, ожидая появленія рыбы па поверхность. Какъ только она всплыветъ, атаманъ поднимаетъ сандовь и т. д. Когда удается подплыть сажени на двѣ къ бѣлугѣ, атаманъ съ силою бросаетъ въ нее сандовью, зубцы впиваются въ тѣло и обратно выскочить не могутъ, потому что зазубрины, или клапаны, раскроются. При этомъ древко выскакиваетъ изъ рукоятки трезубца и, падая въ воду, плаваетъ на веревкѣ продѣтой сквозь его кольцо. Рыба уходитъ ко дну и ей наддаютъ веревку, ибо если, уходя внизъ, она сильно рванетъ, то трезубецъ можетъ вырваться изъ ея тѣла, такъ какъ кожа у бѣлуги очень тонка. Когда она ослабѣетъ, то быстро поднимается на поверхность, и ее подхватываютъ баграми, у которыхъ оконечность крючка расплюснута лопаточкой, чтобы онъ не могъ выскочить при сильныхъ движеніяхъ бьющейся бѣлуги. Затѣмъ глушатъ ее по головѣ деревянною колотушкою, называемой байбашомъ.

Занимающіеся этимъ ловомъ кубанскіе казаки, между черноморскимъ устьемъ Кубани, такъ называемымъ Бугазскимъ гирломъ, и Анапою, не терпятъ никакихъ стѣсненій; но бѣлужникамъ, ловящимъ между Тендрою и крымскими берегами, во-первыхъ, не позволяютъ приставать къ Джаралагонской косѣ и къ промежуточному пространству между нею и Тендрою, о чемъ было говорено выше, а во-вторыхъ, промыслъ ихъ стѣсняется карантинными постановленіями, примѣняемыми къ нимъ, какъ мнѣ кажется, безъ достаточнаго основанія.

Съ морскихъ ловцовъ западной части моря въ херсонской и таврической губерніяхъ, какъ съ баламутниковъ, такъ и съ бѣлужниковъ, снимаютъ присягу въ томъ, что они не будутъ сообщаться

ни съ какимъ судномъ въ морѣ, не будутъ трогать мертвыхъ тѣлъ, или плавающихъ въ водѣ и выброшенныхъ на берегъ вещей, а обо всемъ встрѣченномъ ими доносить карантинному начальству. Прежде приводили къ присягѣ всѣхъ работниковъ, а теперь только однихъ атамановъ. Хотя давно уже не было въ Турціи чумы, однако, противъ этихъ мѣръ предосторожности я ничего съ своей стороны возразить не имѣю. Но этого мало, промышленникамъ не позволяютъ удаляться въ море далѣе 3 верстъ отъ берега, и прежде сажали даже на лодки солдатъ—гвардіоновъ, какъ ихъ называютъ промышленники, для наблюденія. Занимающимся ловомъ баламута нѣтъ и надобности удаляться далѣе полуверсты, или въ рѣдкихъ случаяхъ далѣе версты отъ берега; но бѣлужникамъ необходимо идти туда, куда завлечетъ ихъ рыба. Въ Киркенитскомъ заливѣ, напримѣръ, ловцамъ изъ днѣпровскаго уѣзда, ѣздящимъ за водящеюся тутъ красною рыбою, пограничная стража не позволяетъ приставать къ крымскимъ берегамъ, хотя оба берега принадлежатъ къ одной даже губерніи. Эти стѣсненія много вредятъ не одному только бѣлужьему лову, но и вообще развитію морскаго рыболовства, которое можетъ принять болѣе значительные размѣры только тогда, когда ловцы станутъ отыскивать рыбу въ открытомъ морѣ, стараясь тамъ еще встрѣтить стаи ея. Такая осторожность была понятна въ то время, когда чума часто посѣщала Турцію, но теперь, кажется мнѣ, эти правила могли бы быть отмѣнены и вводимы вновь лишь въ томъ случаѣ, если того потребуютъ неблагопріятныя санитарныя условія въ предѣлахъ Турціи. Пограничная стража, вдоль крымскаго берега Киркенитскаго залива, присвоила себѣ еще право запрещать сборъ перьевъ лебедей и другихъ водяныхъ птицъ, въ довольно большомъ количествѣ валяющихся на берегу, дѣлая изъ сбора ихъ какую-то привиллегію въ свою пользу, вѣроятно подъ тѣмъ предлогомъ, что ловцамъ запрещено прикасаться къ предметамъ, выбрасываемымъ моремъ на берегъ, что конечно никакимъ образомъ не можетъ относиться до птичьихъ перьевъ.

Ріонское рыболовство. Изъ рѣкъ впадающихъ въ Черное море, въ предѣлахъ Россіи, кромѣ Днѣпра и Днѣстра производится довольно значительный ловъ красной рыбы и обыкновенныхъ рѣчныхъ породъ бѣлой рыбы въ одномъ только Ріонѣ.

Немного выше Поти Ріонъ раздѣляется на два рукава, которыми и впадаетъ теперь въ Черное море. Но въ небольшомъ разстояніи отъ главнаго лѣваго или южнаго рукава его, на которомъ стоитъ городъ, находится довольно обширное прѣсноводное озеро, извѣстное подъ именемъ Палеостома, составляющее настоящій лиманъ Ріона, который, какъ показываетъ самое названіе, былъ въ древности если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ устьемъ этой рѣки. Это озеро соединено въ настоящее время съ Ріономъ двумя протоками или ериками, изъ коихъ одинъ отдѣляется отъ рѣки въ нѣсколькихъ верстахъ выше города, а другой въ самомъ городѣ. Кромѣ того, Палеостомъ соединяется вытекающею изъ него рѣчкою, которая вѣроятно и составляла древнее устье, непосредственно съ моремъ. Рѣчка передъ впаденіемъ своимъ образовала косу, которая, все болѣе и болѣе удлинняясь влѣво, произвела странное явленіе—рѣчки текущей на большомъ протяженіи между озеромъ и моремъ, отдѣляясь отъ того и отъ другаго весьма узкою полосою земли. Теченіе въ этой рѣчкѣ весьма медленное и при морскихъ вѣтрахъ, какъ къ ней, такъ и въ Палеостомѣ, вода дѣлается солонцеватою. Въ іюлѣ вода въ озерѣ зацвѣтаетъ, т. е. покрывается лемнами и загниваетъ, что и составляетъ главную причину знаменитыхъ понтійскихъ лихорадокъ. Рыба въ это время вся удаляется изъ озера въ море и возвращается не ранѣе осени, октября или ноября. Самъ Ріонъ и небольшое пространство взморья передъ его впаденіемъ, прѣсноватая и мутная вода котораго отдѣляется рѣзкою чертою отъ чистой,

прозрачной и соленой морской воды, составляютъ поприще довольно значительнаго красноловья, а въ озерѣ Палеостомѣ производится обильный ловъ короповъ (сазановъ), сомовъ, судаковъ и лещей.

Ловъ красной рыбы въ Ріонѣ отъ устья до 3 версты выше города, а также и морской ловъ обложены особаго рода пошлиною. Именно право продажи свѣжей рыбы въ Поти, откуда бы она ни приходила, изъ рѣки, изъ моря или изъ Палеостома, отдается на откупъ за 200 руб.; а откупщикъ, арендующій это право, взимаетъ съ рыбы, продаваемой въ городѣ, по 40 коп. съ штуки красной, не взирая на величину, и по 20 коп. съ пуда бѣлой рыбы. Очевидно, что эта странняя пошлина есть между прочимъ и косвенный налогъ на морское рыболовство. Съ другой стороны этотъ налогъ, будучи весьма стѣснительнымъ для жителей, ибо сильно поднимаетъ цѣну на рыбу, которая могла бы служить дешевою пищею для бѣднаго класса населенія, приноситъ самую ничтожную выгоду. По этой отчасти причинѣ, свѣжая рыба въ Поти довольно дорога, не смотря на то, что ея было бы съ излишкомъ достаточно для мѣстнаго употребленія. Пудъ осетра и севрюги стоитъ отъ 4 до 5 р., шипа отъ 3 р. 50 к. до 4 р., судака 10 к. око (1 р. 30 к. пудъ), коропа (сазана) 15 к. око (2 р. пудъ), сома 8 к. око (1 р. 7 к. пудъ), леща отъ 5 до 10 к. око (65 к. до 1 р. 30 к. пудъ), смотря по величинѣ. Выше по Ріону красноловьемъ занимаются скопцы, которые прежде сюда ссылались и составляли рабочій баталіонъ.

Въ февралѣ начинаетъ идти бѣлуга, но въ весьма небольшомъ еще количествѣ, даже въ мартѣ еще мало лова; съ апрѣля идетъ шипъ и севрюга, а около половины мая появляется осетръ. Икру выметываетъ осетръ еще позднѣе, не ранѣе іюня. Здѣшнимъ ловцамъ очень хорошо извѣстно, что метаніе икры красною рыбою бываетъ по каменистымъ мѣстамъ, которыхъ нѣтъ въ низовьяхъ Ріона, но уже начинаютъ встрѣчаться въ 3-хъ верстахъ ниже Орпири, выше же этого города все пойдетъ каменистое дно. Тутъ-то случается ловить осетровъ въ то время, когда у нихъ свободно вытекаетъ икра, такъ что нерѣдко икряные осетры, которыхъ держатъ въ водѣ на куканѣ (веревкѣ продѣваемой сквозь жабры), дня черезъ два оказываются холостыми. Въ Ріонѣ случалось также ловить мелкоячейными бреднями самыхъ крошечныхъ осетриковъ. Позднее метаніе икры красною рыбою въ Ріонѣ объясняется тѣми же причинами, что и въ Курѣ,— именно: притокомъ холодной воды, отъ тающихъ въ горахъ снѣговъ.

Ловъ въ Ріонѣ производится исключительно крючьями. Единицею крючковой снасти считается здѣсь перетяга въ 70 крючьевъ, расположенныхъ на разстояніи 12 вершковъ одинъ отъ другаго.

Крючья ставятъ поперегъ рѣки, но на 25 саженъ отъ каждаго берега на веревкѣ нѣтъ крючьевъ, такъ что двухъ перетягъ обыкновенно бываетъ достаточно, чтобы перетянуть рѣку снастью. Но такъ какъ пространство занятое крючьями равняется, въ этомъ случаѣ, оставляемымъ отъ каждаго берега свободнымъ мѣстамъ, для прохода рыбы, то снасть эта не представляетъ никакого препятствія для прохожденія рыбы вверхъ. Впрочемъ и здѣсь позволяютъ себѣ забивать устье крючьями. Для прекращенія этого злоупотребленія слѣдовало бы и для Ріона принять за общее правило, что $^1/_3$ рѣки должна непремѣнно оставаться свободною отъ всякаго рода ставныхъ орудій лова. Для наблюденія за исполненіемъ этого правила, сами ловцы могли бы избирать изъ себя одного или двухъ старшинъ. На взморьѣ, гдѣ глубина, версты на двѣ слишкомъ, не превышаетъ 8 саженъ, также ловятъ крючьями выставляемыми болѣе длинными рядами или порядками. По мѣстному обычаю начинаютъ здѣсь выстав-

лять крючья съ 9 марта. Но скопцы этому не слѣдуютъ, а ставятъ свои снасти, когда замутится вода, т. е. потечетъ съ горъ, ибо на мутную воду преимущественно стремится красная рыба.

Опредѣлить количество красной рыбы можно только приблизительно, по числу выставляемыхъ снастей, которыхъ насчитываютъ до 40,000 крючьевъ, именно: 20,000 въ устьяхъ Ріона и въ окрестностяхъ Поти, 15,000 у скопцовъ, выше по Ріону до Орпири, и до 5,000 на взморьѣ. Всѣхъ ловцовъ считается до 400 человѣкъ. На 5,000 крючьевъ считаютъ около 30 пудовъ икры, а такъ какъ здѣсь изъ трехъ рыбъ одна икряная, и икра составляетъ $^1/_5$ часть вѣса икряной рыбы, то ее можно принять за $^1/_{15}$ общаго вѣса рыбы. По этому расчету средній ріонскій уловъ можно считать въ 250 пудовъ икры и въ 3,750, или отъ 3 до 4 тысячъ пудовъ рыбы. Икру и рыбу, кромѣ Поти, везутъ продавать въ Кутаисъ, Зугдиди, Озургеты и Сухумъ. Съ открытіемъ желѣзной дороги откроется этимъ продуктамъ обширный сбытъ въ Тифлисъ, куда теперь они доставляются болѣе съ Куры.

Кромѣ Ріона красная рыба ловится въ Хопи, въ Ингурѣ, но въ меньшемъ количествѣ. Прежде всѣ эти воды съ Ріономъ и озеромъ Палеостомомъ отдавались мингрельскими князьями на откупъ за 2,000 р.; теперь же мѣста эти отданы отдѣльно на откупъ разнымъ лицамъ. Также точно и князь Гуріэль отдаетъ на откупъ всѣ берега Гуріи, и исключительное право рубки лѣса на его земляхъ за 250 р.

Ловъ въ озерѣ Полеостомѣ. Въ Палеостомѣ ловъ находится теперь на откупу у Колосовскаго за 1,000 р. въ годъ. Прежде же мингрельцы ловили въ немъ рыбу сами и платили князьямъ 600 р. И здѣсь, по общему обычаю, какъ Закавказья, такъ и южной Россіи вообще, откупщикъ не пользуется исключительнымъ правомъ лова, а взимаетъ лишь извѣстную пошлину съ тѣхъ, кого пускаетъ ловить. Поэтому ловятъ все тѣже мингрельцы, которые отдаютъ откупщику $^1/_3$ своихъ улововъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ идутъ изъ моря въ Палеостомъ: коропъ, сомъ, судакъ, лещъ и изрѣдка, случайно севрюга—крупная кефаль (лабанъ Mugil cephalus Cuv.). Къ этому времени собирается до 250 человѣкъ мингрельцевъ на 8 парахъ каюковъ, съ небольшимъ неводомъ, саженъ въ сто маховыхъ, на каждомъ. На каждомъ каюкѣ 16 рабочихъ, изъ коихъ, при ловѣ, три остаются на берегу, одинъ для приготовленія кушанья на артель и двое запасныхъ.

Невода эти употребляютъ какъ распорные, вытягивая на лодки, потому что берега топкіе и болотистые. Закинувъ неводъ и окруживъ имъ извѣстное пространство, сводятъ концы и здѣсь вбиваютъ по тонкой сваѣ, или просто по колу въ руку толщиной, къ которымъ привязываютъ каюки. Неводъ тянутъ на перекрестъ, причемъ нижнюю подбору огнетаютъ грузиломъ особаго устройства, состоящимъ изъ шеста съ придѣланною къ нему обоими концами желѣзною дугою. Подбору заставляютъ проходитъ подъ угломъ, образуемымъ выкуплостью дуги и самимъ древкомъ, въ которое она утверждена. Нижній заостренный конецъ шеста втыкаютъ для этого въ дно. Это необходимо дѣлать, потому что здѣшніе невода, по вязкости грунта, не имѣютъ ташъ или грузилъ. Зимою рыба лежитъ неподвижно и ее бьютъ острогой. Къ Пасхѣ, мингрельцы прекращаютъ ловъ, уходя домой заниматься своими хозяйственными работами. Послѣ Пасхи ловъ могъ бы производиться тѣмъ успѣшнѣе, что рыба подходитъ къ берегамъ метать икру и ее можно тянуть простымъ неводомъ на берегъ, расчистивъ для этого мѣсто и укрѣпивъ берегъ. Самъ откупщикъ устроилъ съ этою цѣлью собственный неводъ, но его сожгли, какъ говорятъ, мингрельцы, для того, чтобы имъ однимъ ловить. Но въ 1867 году, одинъ русскій сталъ заниматься этимъ ловомъ, производя его до самаго ухода рыбы въ озеро. Онъ отдаетъ

за это откупщику четвертую часть своихъ улововъ. Работники у него наняты по 6 р. въ мѣсяцъ. Рыба продается почти вся въ свѣжемъ видѣ въ Поти, а ту, что неуспѣли продать въ теченіи дня, солятъ просто на полу лавки, перекладывая каждый слой рыбы рогожами. Изъ этого видно, что палеостомское рыболовство, какъ по способамъ и количеству лова, такъ и по приготовленію рыбы, находится въ самомъ первобытномъ состояніи. Заведя большіе невода и устроивъ на берегу удобныя для того мѣста, можно бы вылавливать въ нѣсколько разъ больше рыбы, но въ такомъ случаѣ пришлось бы устроить и солильни, ибо свѣжей некуда было бы сбывать.

Ловъ красной и бѣлой рыбы въ окрестностяхъ Самсуна. На малоазіатскомъ берегу сколько нибудь значительный ловъ красной и бѣлой рѣчной рыбы производится лишь въ окрестностяхъ Самсуна, по обѣ стороны котораго впадаютъ въ море двѣ значительныя рѣки: Кизилъ-Ирмакъ и Ешиль-Ирмакъ, образующія передъ устьями своими значительные лиманы. Красную рыбу, именно осетра и шипа, которые достигаютъ здѣсь до 5 и даже до 9 пудовъ вѣса, ловятъ въ морѣ круглый годъ. Въ концѣ мая и началѣ іюня шипъ и осетръ мечутъ икру. Хотя здѣсь и дѣлаютъ икру, но весьма дурнаго качества, увѣряя, что ее нельзя иначе приготовить, какъ положивъ, послѣ вынутія изъ рыбы, на нѣкоторое время въ тузлукъ, чтобы дать ей окрѣпнуть, послѣ чего уже протираютъ, складываютъ въ шерстяные мѣшки и даютъ стекать. Икра, такимъ образомъ получаемая, полузернистая, но очень соленая. Это происходитъ вѣроятно отъ того, что рыбу ловятъ въ то время, когда икра у ней, уже совершенно созрѣвъ, или даже перезрѣвъ, сдѣлалась жидкою, ибо въ Астрахани размягшую лѣтнюю икру приготовляютъ точно такимъ же образомъ. Совсѣмъ тѣмъ, икра эта въ Самсунѣ дорога, до 1 р. 15 к. око, т. е. слишкомъ 15 р. пудъ, тогда какъ этого сорта икра въ Астрахани продается не дороже 6 или 8 р. Зато самая рыба чрезвычайно дешева, менѣе копѣйки фунтъ ($2\frac{1}{2}$ к. око).

Въ лиманахъ ловится болѣе всего коропъ и судакъ, сома же и леща вовсе нѣтъ. Ловъ производятъ трехстѣнною сѣтью, съ весьма крупными ячеями въ обѣихъ наружныхъ сѣтяхъ, а во внутренней съ мелкими, чтобы рыба могла въ нихъ застрѣвать. Лиманнымъ ловомъ занимаются почти исключительно русскіе — некрасовцы и жители устьевъ Дуная, извѣстные здѣсь подъ именемъ казаковъ. Они нерѣдко пріѣзжаютъ сюда на простыхъ рыбачьихъ лодкахъ.

2) *Дунайское рыболовство.*

Изъ всѣхъ рыбныхъ ловель Чернаго моря и рѣкъ въ него вливающихся, самыя обширныя, безъ сомнѣнія, тѣ, которыя производятся въ низовьяхъ Дуная, въ морѣ передъ его устьями и въ лиманахъ или озерахъ, которые соединяются ериками съ Дунаемъ и составляютъ рядъ удлиненныхъ параллельныхъ между собою водныхъ бассейновъ, главные изъ которыхъ суть лиманы: Кагульскій, Елпухскій и Котлобугскій. Значительная часть этой рыболовной мѣстности отошла по парижскому трактату отъ Россіи къ Молдавіи и Турціи; но такъ какъ дунайскія рыбныя ловли довольно значительны сами по себѣ, и производятся отчасти людьми русскаго происхожденія, недавно еще бывшими русскими подданными, то я считаю не лишнимъ войти объ нихъ въ нѣкоторыя подробности, тѣмъ болѣе, что права, которыми пользуются вилковцы (одни изъ главныхъ рыбопромышленниковъ этого края), основываются на тѣхъ льготахъ, которыя были дарованы еще русскимъ правительствомъ, заступничеству котораго они и теперь, главнымъ образомъ, обязаны сохраненіемъ своихъ правъ, въ которыхъ терпѣли со стороны турецкаго правительства большія стѣсненія, въ первое время послѣ своего отдѣленія отъ Россіи.

Исторія рыболовства въ части Бессарабіи, отошедшей отъ Россіи къ Молдавіи. Всѣ рыбныя ловли въ бывшемъ измаиловскомъ градоначальствѣ и аккерманскомъ уѣздѣ, т. е. по низовьямъ Дуная до днѣстровскаго лимана, отдавались, при русскомъ правительствѣ, на откупъ, или самимъ жителямъ прибрежнихъ мѣстъ, занимавшимся рыболовствомъ, или постороннимъ лицамъ. Но эта отдача на откупъ заключалась лишь въ дозволеніи откупщику собирать извѣстную долю съ улововъ, а не въ исключительномъ правѣ на ловъ, въ откупленныхъ имъ водахъ. Такъ съ 1 января 1831 года по 1 января 1834 года рыбныя ловли къ сѣверу отъ Килійскаго гирла Дуная, раздѣленныя на 7 участковъ или дистанцій: вилковскую, килійскую, галилештскую, фурманскую, китайскую и шабскую (*) отдавались на откупъ за 9.495 р. асс. (2.712 р. 89 к. сер.), въ томъ числѣ около $^3/_4$ всей суммы — 7.300 р. асс. — приходилось на долю вилковцевъ, которые сами взяли свой участокъ на откупъ. Право откупщиковъ заключалось во взиманіи $^1/_8$ части рыбы, вылавливаемой неводами, и $^1/_4$ — вылавливаемой котами. Крючной же ловъ, на основаніи общихъ законовъ, считался совершенно запрещеннымъ, хотя, конечно, это запрещеніе никогда не соблюдалось. На 1834 годъ также воды были отданы за 6.246 р. асс. (1784 р. 57 к. сер.), а на 1835 годъ — за 6.580 р. асс. (1.957 р. 14 к. с). Съ 1 іюля 1836 по 1 января 1839 года эти воды, съ присоединеніемъ къ нимъ пространства, между Килійскимъ и Сулинскимъ гирлами, составляющаго острова Четалъ и Лети, отданы были за 6,825 р. асс. (1,950 р. с.). Но эти воды не заключали въ себѣ всей области дунайскаго рыболовства. ибо Георгіевскій островъ, между Сулинскимъ и самымъ южнымъ Георгіевскимъ гирлами, отдавался особо на откупъ, съ 1 іюня 1836 года по 1 января 1839 года, за 5,700 р. асс. (1,628 р. 56 к. с.), такъ что за послѣдніе три года, съ дунайскаго рыболовства получалось казною 3,578 р. 57 к. с. До 1841 года эти воды, какъ-то Георгіевскій островъ, острова Лети и Чаталъ и остальныя дунайскія и часть днѣстровскихъ водъ, отдавались отдѣльно. Въ концѣ 1840 года суражскій купецъ Широковъ предложилъ правительству гораздо значительнѣйшую сумму, чѣмъ до тѣхъ поръ имъ получавшаяся, если дунайскія воды будутъ ему отданы на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ отдавались участки казенныхъ водъ на Волгѣ и въ другихъ мѣстахъ, т. е. съ правомъ исключительнаго въ нихъ лова. Онъ желалъ заключить условіе на 6 лѣтъ, обѣщаясь устроить, по берегамъ моря и Дуная, заводы для ловли и соленія рыбы, по примѣру существующихъ въ астраханской губерніи. Торги состоялись въ пользу Широкова — за 4,342 р. $85^5/_7$ к. с. 28 октября 1840 года утвержденъ сенатомъ, заключенный съ нимъ, контрактъ, коимъ дозволялось откупщику, вмѣсто взиманія десятины съ рыбопромышленниковъ, предлагать имъ произвольныя условія, а въ случаѣ несогласія на нихъ, запрещать имъ ловъ рыбы. Широковъ потребовалъ съ рыбаковъ третьей доли улововъ и сверхъ того воспретилъ вольную продажу остальной рыбы, требуя, чтобы она доставлялась въ его конторы, гдѣ давалъ произвольную цѣну. Сверхъ сего, Широковъ предъявилъ еще то странное требованіе, «чтобы каждый рыбопромышленникъ занимался постоянно и безотлучно, въ теченіи всего времени, когда Дунай не покрытъ льдомъ, ловлею рыбы. Этимъ контрактомъ отдавались Широкову только воды до Килійскаго гирла; острова же Четалъ и Лети, между Килійскимъ и Сулинскимъ гирлами, были взяты имъ на откупъ только съ 10 марта 1842 года, съ платежамъ въ годъ 2.503 р. с., такъ что всего Широковъ пла-

---

(*) Эта послѣдняя состояла въ Шаболотскомъ озерѣ, ерикахъ соединяющихъ его съ Днѣстровскимъ лиманомъ и въ правомъ берегѣ южной части этого послѣдняго лимана. (См. описаніе днѣстровскаго рыболовства).

*

тилъ въ казну 6.845 р. $85^5/_7$ к. сер. Жители Вилкова, Килiи и другихъ прибрежныхъ мѣстъ пришли отъ этого въ разоренie, такъ что многie должны были бросить прежнiя свои занятiя. Между тѣмъ городъ Килiя пользовался до 1835 года, какъ своею собственностью, значительнымъ пространствомъ дунайскихъ ловель, десятина съ которыхъ отдавалась городомъ на откупъ въ свою пользу. По неимѣнiю однакоже документовъ на право владѣнiя прибрежными землями, большая часть этихъ водъ была отобрана отъ Килiи, по распоряженiю графа Канкрина, 29 iюня 1836 года, и городу оставлено было лишь въ собственность пространство въ 400 саженъ длиною, прилегающее къ городской выгонной землѣ. Это послѣднее обстоятельство подало, вѣроятно, вилковцамъ, народу чрезвычайно тонкому и смышленному въ сохраненiи и прiобрѣтенiи для себя выгодъ, мысль какимъ образомъ утвердить за собою право на рыбныя ловли, о чемъ они стали еще сильнѣе хлопотать со времени откупа Широкова, отъ котораго всего болѣе они пострадали. Вилковцы почти всѣ перешли въ купцы и мѣщане и стали хлопотать о переименованiи ихъ селенiя въ посадъ, что и воспослѣдовало по указу 1840 года. Въ качествѣ посадскихъ жителей, имъ не было надобности въ пахатной землѣ, и они предложили возвратить въ казну оставшiяся у нихъ излишнiя земли, въ количествѣ 3,853 десятинъ, лежащiя въ 30 верстахъ отъ Вилкова, а взамѣнъ ихъ просили о надѣленiи выгономъ, съ тѣмъ конечно, чтобы и тѣ воды, которыя окажутся въ границахъ ихъ земли, на основанiи 625 ст. XII т. св. зак. и по примѣру городовъ Измаила и Килiи, были отданы имъ въ собственность.

Новороссiйскiй генералъ-губернаторъ съ своей стороны подкрѣпилъ ходатайство вилковцевъ тѣми соображенiями: 1) что они имѣютъ единственное свое пропитанie отъ рыбныхъ ловель; 2) что въ 1828 году, во время войны съ Турцiею, они перевозили наши войска черезъ Дунай и теперь перевозятъ пограничную стражу безъ вознагражденiя; 3) что зная всѣ мѣстности Дуная, оказываютъ пособie входящимъ въ него кораблямъ; 4) что издержки на эти предметы, если правительство приметъ на свой счетъ, превзойдутъ излишекъ дохода, который получится съ откупа, за полное предоставленie ему вилковскихъ водъ. Сенатъ, согласно мнѣнiя новороссiйскаго генералъ губернатора и министра внутренрихъ дѣлъ, рѣшилъ предоставить вилковцамъ рыбныя ловли, на пространствѣ ихъ земель, по окончанiя срока содержанiя Широкова. Въ число этихъ мѣстъ вошли не только прилегавшая къ посаду часть Дуная, но и всѣ гирла, на которыя развѣтляется Килiйскiй рукавъ, какъ-то: собственно Килiйское, Стамбульское, Очаковское, Анкудиново, Песчаное, Крымское, Попово, Новое или Южное, протокъ Кубанка, гирло Боковое, Суденное и протокъ Бѣлгородскiй. Указъ сената былъ обнародованъ 14 декабря 1844 года, а актъ объ отводѣ выгонной земли былъ совершенъ 19 iюня 1846 года. Земля должна была поступить въ ихъ владѣнie съ начала 1847 года. Пока продолжался откупъ Широкова жителямъ Вилкова и селенiя Сулинскаго предоставлены были рыбныя ловли на Георгiевскомъ островѣ, не входившемъ въ число откупныхъ водъ.

Однако Вилковцы, получивъ свои выгонныя земли, не получили вмѣстѣ съ нею прилегавшихъ къ ней водъ, вѣроятно по хлопотамъ Широкова, и по сомнѣнiю въ ихъ правахъ со стороны министерства государственныхъ имуществъ; въ 1847 году были произведены новые торги на всѣ дунайскiя воды до Сулинскаго гирла. Воды эти не остались, однако же, за Широковымъ, а взяты были опять на 6 лѣтъ, по 1 января 1863 года, каменецъ-подольскимъ 3-й гильдiи купцомъ евреемъ Крайзомъ за 20,000 р. с. Георгiевскiя же воды были отдаваемы отдѣльно съ 1849 года по 1854 годъ за 5,050 р. с.; съ 1853 по 1858 годъ дунайскiя воды, кромѣ Георгiевскаго острова, были отданы на откупъ

одесскому 3 гильдіи купцу еврею Гедульду за тѣже 20,000 руб. Такимъ образомъ, въ послѣднее время передъ восточной войною, дунайскія воды, отъ южнаго Георгіевскаго гирла и вдоль бессарабскаго берега до устья Днѣстровскаго лимана, отдавались за 25,050 р. с. Въ вознагражденіе вилковцевъ, имъ предоставлено было съ 1854 года на пять лѣтъ (до 1859 года, когда они должны были вступить во владѣніи водами, прилегающими къ ихъ землямъ) безоброчное пользованіе Георгіевскими островомъ и гирломъ.

Все это измѣнено было результатами восточной войны, по которымъ принадлежавшія Россіи низовья Дуная, съ частью Бессарабіи, отошли къ Молдавіи. Молдавское правительство обязалось притомъ сохранить всѣ права жителей. «Молдавское правительство», говорится въ прокламаціи къ жителямъ части Бессарабіи, отошедшей къ Молдавіи, обнародованной 4 февраля 1857 года, «не только не коснется правъ, которыми пользовались вы понынѣ, подъ правленіемъ Россійской имперіи, но сверхъ всего поставитъ себѣ долгомъ почитать привиллегіи и права, вами пріобрѣтенныя, и сдѣлать васъ участниками въ преимуществахъ, которыя могутъ обѣщать вамъ княжества».

По несчастію, правительство княжествъ, если бы и желало исполнять свои обѣщанія, оказалось въ невозможности сдѣлать это, относительно вилковцевъ, потому что острова дунайскихъ гирлъ, отъ самаго сѣвернаго протока ихъ, извѣстнаго подъ именемъ Гусинаго Дуная, на которомъ расположено Вилково, и до Георгіевскаго гирла, отошли въ дѣйствительности не къ Молдавіи, а къ Турціи, хотя на всѣхъ картахъ доселѣ обозначаются принадлежащими Молдавіи: какимъ образомъ это могло произойти, мнѣ извѣстно только по мѣстнымъ слухамъ. Причина этого, говоритъ, была измѣна тогдашняго молдавскаго каймакана, который будто бы намѣренно не занялъ молдавскими постами дунайскихъ острововъ, допустивъ это сдѣлать туркамъ, которые, при пристрастномъ расположеніи къ нимъ западныхъ державъ, въ послѣдствіи удержали сдѣланный ими захватъ.

Такимъ образомъ, вся мѣстность, на которой вилковцы производили свой ловъ, очутилась въ рукахъ Турціи и турецкое правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы извлечь какъ можно болѣе изъ него доходовъ Оно назначило, съ цѣны ловимой рыбы, 20% пошлины, извѣстной подъ именемъ вамы, и кромѣ того 12% пошлины другаго наименованія—темрюха, собираемой при вызовѣ рыбы изъ турецкихъ владѣній. При этомъ всю рыбу перевѣшивали турецкіе чиновники, на правомъ берегу Гусинаго Дуная, противъ самаго Вилкова, и назначали ей произвольную цѣну. Молдавское правительство взимало съ своей стороны 5% ввозной пошлины съ рыбы, привозимой съ правой турецкой стороны Гусинаго Дуная, въ Вилково; а при вызовѣ соленой рыбы изъ предѣловъ Молдавіи еще 5% вывозной пошлины. Наконецъ, правительство княжествъ, полагая, что вилковскія воды составляли, во время принадлежности ихъ Россіи, казенную собственность, отдало, съ прочими принадлежавшими прежде русскому правительству водами, нѣкоему Кара-Васильеву на откупъ, съ правомъ взиманія 1/10 доли улововъ въ свою пользу. Такимъ образомъ большая часть рыбы, ловимой вилковцами, платила 52 процента пошлины, въ томъ числѣ — 32% турецкому, а 20% молдавскому правительствамъ, и только та часть, которая потреблялась внутри Молдавіи, или вывозилась свѣжею въ Россію, платила 5% меньше. Наконецъ, та рыба, которая шла прямо изъ Турціи въ Сербію, не проходя черезъ молдавскую территорію, оплачивалась 40%, потому что при ввозѣ въ Сербію взымалось еще 8%.

По сознанію самаго турецкаго правительства, доходы его съ вилковскихъ ловель простирались до 6,000 червонцевъ. Сейчасъ мы увидимъ, что десятина, платимая молдавскому откупщику, состав-

ляла около 7,500 р. въ годъ. Положивъ, что 5% ввозная и такая же вывозная пошлины составляютъ половину этой сумму, такъ какъ не вся рыба ввозилась въ предѣлы Молдавіи и не вся вывозилась изъ нея въ соленомъ видѣ, найдемъ, что вся сумма, уплачиваемая вилковцами, въ видѣ различныхъ пошлинъ, не могла быть менѣе 30,000 р. с., т. е. значительно превосходила сумму, получавшуюся русскимъ правительствомъ со всѣхъ водъ Георгіевскаго гирла Дуная, до устья Днѣстровскаго лимана.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ рыболовство становилось невозможнымъ. Вилковцы начали поэтому хлопотать объ облегченіи ихъ участи. Имъ скоро удалось убѣдить правительство княжествъ, что вилковскія воды были признаны еще русскимъ правительствомъ частною ихъ собственностью, и что поэтому онѣ не подлежатъ 10% сбору откупщика Кара-Васильева. Въ новомъ контрактѣ, заключенномъ съ Кара-Васильевыхъ, въ 1858 году, правительство княжествъ обязало его не взимать десятины съ вилковцевъ, а въ вознагражденіе за это присоединило къ откупаемымъ имъ водамъ нѣсколько лимановъ. Но Кара-Васильевъ продолжалъ свои сборы незаконнымъ образомъ въ теченіи 1858 и 1859 годовъ, коихъ набралъ 15,300 р. Эту сумму вилковцы стараются получить съ него; на то же, что переплачено ими самому молдавскому правительству въ теченіе 1857 года, они претензіи не имѣютъ.

Гораздо труднѣе было вилковцамъ избавиться отъ тяжестей, наложенныхъ на нихъ турецкимъ правительствомъ. Съ этою цѣлью, избравъ, по русскому обычаю, ходаковъ, они обратились къ русскому генеральному консулу въ Бухарестѣ Офенбергу, бывшему коммиссаромъ при европейской дунайской коммисіи. Ходатайство ихъ было уважено, и коммисія, за исключеніемъ лишь турецкаго коммиссара, приняла единогласно слѣдующее рѣшеніе:

1) *Относительно Высокой Порты* (*).

a) «Полное освобожденіе рыбаковъ, какъ отъ десятины (вамы), такъ и отъ вывозной пошлины (темрюка), для всѣхъ произведеній, добываемыхъ въ границахъ общественныхъ рыбныхъ ловель Вилкова».

b) «Установленіе ежегодной платы, въ замѣнъ всѣхъ податей и таможеныхъ сборовъ, съ рыбы, ловимой жителями этой общины, въ сосѣдственныхъ турецкихъ водахъ, внѣ предѣловъ имъ уступленныхъ.» (Т. е. внѣ предѣловъ водъ, признанныхъ въ предъидущемъ параграфѣ общественными вилковскими рыбными ловлями).

c) «Признаніе правъ жителей Вилкова на рубку лѣса, для топлива, и необходимаго для нихъ камыша на островахъ дельты Килійскаго рукава.»

(*) *Vis à vis de la Sublime Porte.*

a) «Franchise complète assurée aux pêcheurs, tant sous le rapport de la dime (vama), que des droits d'exportation (temriouk) pour tout les produits recueillis dans les limites de la pêcherie communale de Vilkovo».

b) «Fixation d'une redevance annuelle, remplaçant tous les impôts et droits des douanes, sur le poisson pêché par les habitants de cette commune, dans les eaux turques avoisinantes, en dehors des limites de leurs concéssions».

c) «Reconnaissance des droits des haditants de Vilkovo, de couper dans les îles du delta de la Kilia, le bois de chauffage et es roseaux nécéssaires à leur usage».

2) *Vis à vis du gouvernement Moldave.*

a) «Exemption du droit d'importation pous les produits de la pêche, éxercée par les habitants de Vilkovo».

b) «Egalité parfaite entre le traitement appliqué à cette commune, sous le rapport des taxes intérieures de toute nature, et des droits de transit et d'exportation — et le régime en vigueur dans les autres parties de la Moldavie, et notament abolition complète du monopole concédé pour la vente du poisson.

2) *Относительно молдавскаго правительства.*

а) «Освобожденіе отъ ввозной пошлины съ продуктовъ рыболовства, производимаго жителями Вилкова».

b) «Полное приравненіе правъ этой общины, въ отношеніи всякаго рода внутреннихъ налоговъ, транзитныхъ и вывозныхъ пошлинъ, съ правами дѣйствующими въ другихъ частяхъ Молдавіи,—и именно совершенное уничтоженіе монополіи, данной на продажу рыбы.»

Ежегодную плату, о которой говорится во второмъ пунктѣ рѣшенія коммиссіи относительно Турціи, коммисія опредѣлила въ 1,500 червонцевъ. Но турецкое правительство признало европейскую дунайскую коммисію не компетентною въ этомъ дѣлѣ. Съ того времени, какъ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ назначенъ генералъ Игнатьевъ, наше посольство приняло горячее участіе въ облегченіи участи нашихъ земляковъ. Кромѣ сего, они обращались съ своими просьбами и къ прочимъ посольствамъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Этими усиліями достигли вилковцы того, что турецкое правительство наконецъ согласилось взимать съ нихъ, вмѣсто разныхъ пошлинъ, 2.000 червонцевъ (вмѣсто 1,500 опредѣленныхъ коммисіею) ежегодной пошлины и 1% темрюка съ вывозной рыбы, въ теченіи 5 лѣтъ, съ обѣщаніемъ, впрочемъ словеснымъ только, продолжать тотъ же сборъ и по истеченіи пятилѣтняго срока. Фирманъ объ этомъ послѣдовалъ только 1-го марта 1865 года, но по 1-ое сентября продолжали взимать съ вильковцевъ прежнюю пошлину, и о возвратѣ лишнихъ денегъ, съ нихъ собранныхъ, какъ и объ уменьшеніи платимой ими оброчной суммы до 1,500 червонцевъ, они продолжаютъ хлопотать.

Съ ввоза соленой рыбы, съ турецкаго берега въ Вилково, молдавское правительство не только продолжаетъ взимать пошлину, но еще увеличило ее съ 5 на 7½%. Но такъ какъ съ ввоза свѣжей рыбы пошлины нѣтъ, то это не приноситъ никакого ущерба вилковцамъ, потому что въ Турціи соль обходится не дешевле 1 р. пудъ по причинѣ большой пошлины на нее наложенной, такъ что солить рыбу на турецкомъ берегу нѣтъ никакого расчета. Въ Галацѣ не взимаютъ казенной пошлины даже и съ соленой рыбы, а только 3 ока (*) со 100 въ пользу города.

Сборъ пошлины вилковцами турецкому правительству. 2,000 червонцевъ, которые вилковцы должны уплачивать турецкому правительству, собираютъ они слѣдующимъ образомъ. На первый годъ поручили они сборъ одному греку, положивъ, что каждый долженъ платить 15% съ цѣны наловленной имъ рыбы по слѣдующей таксѣ:

Бѣлуга и осетръ	1 р.	40 к.	пудъ
Головизна (бѣлужья башка)	—	60 »	»
Икра бѣлужья	11 р.	— »	»
Икра осетровая	6 р.	— »	»
Сомъ и коропъ	—	80 »	»
Йипракъ и шаранъ (**)	—	34 »	»
Отбой (мелкій шаранъ)		20 »	»

(*) Око = 3 фунтамъ.

(*) Йипракъ мелкій сомъ. Шаранъ особый видъ коропа или сазана, который меньше обыкновеннаго сазана — Dyprinus hungaricus.

Полуотбой (еще мельче шаранъ). . . .	—	10 к. пудъ
Сельди крупныя.	2 р.	сотня.
» мелкія	2 р.	тысяча.

За свой трудъ грекъ получалъ 15 червонцевъ жалованья въ мѣсяцъ. Онъ собралъ до 3,000 червонцевъ и излишекъ противъ 2,000, которые слѣдовало уплатить турецкому правительству, возвратилъ обществу. Въ 1866 году сборъ отданъ былъ двумъ вилковцамъ, которые стали собирать не деньгами, а рыбою, а сами должны были приготовлять и продавать ее. Выгоды и убытки отъ сбора принимали они на себя. Оказался значительный убытокъ, по причинѣ упадка цѣны на рыбу, которую, въ тогдашнее холерное время, почти совершенно перестали употреблять въ пищу. Бѣлугу, которая оцѣнивалась въ 1 р. 40 к. пудъ, едва могли продать по 70 к. Принявшие на себя сборъ не могли выдержать убытка, не смотря на свое обѣщаніе, и общество должно было взять его на свой счетъ, занявъ у одного еврея не достававшую сумму, которому на слѣдующій годъ и отданъ былъ сборъ. Въ надеждѣ на большіе барыши онъ не только простилъ обществу долгъ, но еще далъ ему 50 червонцевъ, и въ убыткѣ навѣрно не остался. Клей не включается въ предметы обложенные сборомъ, ибо вилковцы положили жертвовать его на устраиваемую ими старообрядческую церковь. Его собралось до 40 пудовъ; но такъ какъ онъ сборный и худо приготовляется, то онъ продается не дороже 1 р. 20 к. или 1 р. 50 к. за фунтъ.

Рыболовство въ Турціи. Прочія дунайскія воды, отъ Рущука до впаденія Сулинскаго и Георгіевскаго рукавовъ, также какъ и всѣ обширные лиманы, лежащіе на правомъ берегу Дуная, турецкое правительство отдаетъ на откупъ, предоставляющій откупщику право взиманія вамы въ 15% съ улавливаемой рыбы. За этотъ откупъ откупщикъ платилъ въ 1867 г. 12,000 червонцевъ. Прежде бралось 20%, но съ облегченіемъ вилковцевъ послѣдовало такое же и для занимающихся рыболовствомъ въ другихъ водахъ. Кромѣ сего само правительство взимаетъ 8% съ рыбы при вывозѣ ея изъ складовъ (темрюкъ), такъ что рыба обложена по закону 23%, но въ дѣйствительности налогъ этотъ гораздо выше, потому что откупщикъ собираетъ болѣе 15%, а главное потому, что соль обложена чрезвычайно высокою пошлиною, въ 140 піастровъ со 100 окъ ($7\frac{1}{2}$ пудовъ), чтосоставитъ болѣе 1 р. съ пуда. Всѣ эти сборы и пошлины чрезвычайно увеличиваютъ цѣны на рыбу, которыя, говоря вообще, очень высоки, если нѣтъ какихъ либо особливыхъ случайныхъ причинъ ее удешевляющихъ, какъ напримѣръ холера 1866 года, когда запрещено было употреблять въ пищу соленую рыбу. Такъ въ Сербіи обыкновенно продается 100 окъ бѣлужины и сомовины по 10 червонцевъ (4 руб. пудъ), осетрины 6 червонцевъ (2 р. 40 к. пудъ), а севрюжины 4 червонца (1 р. 60 к. пудъ).

Воды по берегамъ Чернаго моря къ сѣверу отъ вилковскихъ, отошедшія къ Молдавіи по парижскому трактату, отдаются правительствомъ княжествъ за 200 червонцевъ на откупъ, также не съ правомъ исключительнаго лова, а только сбора десятины.

Замѣчаніе о ходѣ красной рыбы въ Дунаѣ и способы лова ея. Относительно хода красной рыбы и метанія ею икры въ Дунаѣ, замѣчаютъ, что весною, т. е. до метанія икры, рыба идетъ главнѣйше Георгіевскимъ гирломъ, а также Сулинскимъ; Килійскимъ же гирломъ выходитъ преимущественно лѣтомъ, въ жаркое время, слѣдовательно уже не для метанія икры, а для питанія дунайскою рыбою. Въ Дунаѣ и на взморьѣ, передъ его устьями, очень мало севрюги, такъ что она едвали составляетъ $\frac{1}{10}$ ловимой здѣсь красной рыбы. Число ловимыхъ осетровъ равняется числу бѣлугъ, но по вѣсу они со-

ставляютъ не болѣе $1/5$ общаго количества вылавливаемой красной рыбы, такъ что главная дунайская рыба—бѣлуга, обстоятельство не встрѣчающееся ни въ одной изъ рѣкъ впадающихъ въ Каспійское, Азовское и Черное моря, въ которыхъ преобладаютъ или севрюга, или осетръ. Самыя большія изъ попадающихся здѣсь бѣлугъ не превосходятъ вѣсомъ 24-хъ пудовъ. Красная рыба, и преимущественно бѣлуга, зимуетъ въ Дунаѣ, и въ концѣ апрѣля, около Георгіева дня, начинаетъ уже ловиться покатная бѣлуга, т. е. уже выметавшая икру, и ловъ этотъ продолжается въ теченіе всего мая. Это та рыба, которая вошла еще лѣтомъ прошлаго года въ рѣку съ молодою жировою икрою. Въ сентябрѣ, по замѣчанію рыбаковъ, икра значительно выростаетъ, а въ ноябрѣ достигаетъ уже своей настоящей величины и почти полной зрѣлости. Та же бѣлуга, которая провела зиму въ морѣ, поднимается въ Дунай (преимущественно Георгіевскимъ гирломъ) со взломомъ льда и удобныхъ для метанія икры мѣстъ достигаетъ конечно уже гораздо позже той, которая зимовала въ рѣкѣ. Поэтому въ концѣ апрѣля встрѣчаются въ Дунаѣ покатная, выметавшая икру, рыба и идущая еще метать ее.

Въ Вилковѣ и вообще на Дунаѣ ловъ начинается, какъ въ морѣ, такъ и въ рѣкѣ, со вскрытіемъ льда и продолжается до замерзанія Дуная, около начала декабря. Зимою же, по причинѣ ненадежности льда, никакого рыболовства не производится ни въ рѣкѣ, ни въ морѣ, а только въ лиманахъ (о ловѣ въ которыхъ сказано будетъ ниже). Во время откупа Широва, пробовали впрочемъ ловить крючьями и зимою подо льдомъ, но безуспѣшно. Надо бы въ сильныя зимы попробовать ловить подледными неводами, ибо если рыба лежитъ въ ямахъ, то не проснется, чтобы попадать на крючья. Въ это время и аханы были бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣйствительнѣе крючьевъ. Вилковцы ловятъ красную рыбу почти исключительно крючковою снастью. 30 или 35 крючьевъ составляютъ длинникъ, три длинника—перетягу. Снасть устанавливаютъ на чипчикахъ, по астраханскому способу. Это введено здѣсь Широковымъ, который выписывалъ опытныхъ ловцовъ изъ Астрахани и этимъ принесъ большую пользу здѣшнему рыболовству. Прежде крючной ловъ производился такъ называемыми долдонами, отличавшимися главнѣйше тѣмъ, что крючки были гораздо больше и сидѣли на длинныхъ поводкахъ въ 1 аршинъ 6 вершковъ длиною, разстояніе между которыми было болѣе аршина. Хребтина долдоны лежала на днѣ, а крючки были обращены вверхъ, поддерживаясь въ этомъ направленіи балберами. Хребтина въ 20 поводковъ называлась предметомъ; два перемета составляли метище; а два метища ставку. Два перемета одного метища связывались вмѣстѣ, и по концамъ его привязывалось по камню, вмѣсто якоря, и по пучку куги (Iuncus) для обозначенія мѣста. Два метища выставлялись рядомъ, и два внутреннихъ сосѣднихъ пучка и камня назывались стычными, а два крайнихъ полевыми. Снасть эта была слѣдовательно подвижная, и по перемѣнѣ въ положеніи пучковъ узнавали, что рыба поймалась на крючки. Снасть разставлялась поперекъ всего Дуная, а на взморьѣ передъ устьями, линіями, даже до 5 верстъ длиною. Иногда вся линія была одного хозяина; иногда же состояла изъ частей, принадлежавшихъ разнымъ хозяевамъ. Когда начали ловить астраханскими крючьями, всѣ смѣялись надъ затѣей Широкова, думая, что чипчикъ (небольшой, вбиваемый въ дно, колушекъ, къ которому прикрѣплена хребтина) не удержитъ снасти, и что крючки слишкомъ малы и тонки для здѣшней рыбы. Однако удобство, легкость и большее число крючьевъ на одинаковомъ пространствѣ вскорѣ заставили всѣхъ принять на Дунаѣ новую снасть, которую и теперь получаютъ изъ Россіи, черезъ Ростовъ на Дону. Иногда употребляютъ здѣсь и двустѣнную крючковую снасть, въ которой поочередно одинъ крючокъ виситъ внизъ, а другой съ балберою торчитъ вверхъ. Въ выставкѣ снасти не придерживаются здѣсь никакихъ правилъ, жеребья нѣтъ, и

всякій наровитъ выставить свою снасть ниже сосѣда, когда рыба поднимается вверхъ, и выше, когда она спускается. Дунай перебиваютъ снастями съ берега на берегъ. Такой безпорядочный, ничѣмъ неограниченный, ловъ долженъ бы, казалось, скоро привести къ оскудѣнію рыбы, тѣмъ болѣе, что здѣсь она далеко не въ такомъ изобиліи, какъ въ низовьяхъ Волги, Куры, Кубани или Дона. Однако же никакого уменьшенія въ рыбѣ здѣсь не замѣчается, ни по словамъ промышленниковъ, которые такъ склонны видѣть настоящее въ худшемъ, а прошедшее въ лучшемъ свѣтѣ, и которые здѣсь не имѣли ни малѣйшаго основанія скрывать или извращать передо мною истину; ни по нѣкоторымъ положительнымъ даннымъ, которыя сообщу ниже. По видимому, это могло бы служить доказательствомъ противъ необходимости принимать какія либо ограничительныя мѣры относительно рыболовства; но вникнувъ въ условія нижнедунайскаго лова, легко открыть причину этого единственнаго въ своемъ родѣ явленія. Изъ трехъ главныхъ рукавовъ, на которые раздѣляется Дунай передъ своимъ впаденіемъ въ морѣ: Килійскаго, Сулинскаго и Георгіевскаго, ловъ производится только въ двухъ крайнихъ, въ среднемъ же, Сулинскомъ, гирлѣ, по обширному въ немъ судоходству, лова красной рыбы, который на Дунаѣ производится исключительно крючьями, не существуетъ. Кромѣ этого, и въ Килійскомъ рукавѣ усиленный ловъ производится только въ вилковскихъ водахъ; выше же, до самаго соединенія этого рукава съ Георгіевскимъ въ общее русло Дуная, рыболовство весьма незначительно. Наконецъ мы видѣли, что бѣлуга, заходящая въ Дунай лѣтомъ и осенью, зимуетъ въ немъ и весною успѣваетъ безпрепятственно выметывать икру, такъ какъ вверху мало занимаются красноловьемъ. Эта рыба попадается на крючья низовыхъ ловцовъ уже покатною, т. е. выметавшею икру, и самая значительность количества ловимой покатной рыбы показываетъ, что много рыбы успѣваетъ выметывать икру. Эти особенности въ условіяхъ дунайскаго рыболовства позволяютъ намъ извлечь изъ нихъ два слѣдствія, имѣющихъ большую важность по отношенію къ рыболовному законодательству: 1) здѣсь находимъ мы подтвержденіе на опытѣ, въ обширныхъ размѣрахъ, хотя и не преднамѣренно произведенномъ, положенія, высказаннаго г. академикомъ Бэромъ, что нечего опасаться оскудѣнія рыбы въ обширномъ водоемѣ, если только не преграждаютъ ей прохода къ мѣстамъ, удобнымъ для метанія икры, какъ бы усиленно, впрочемъ, ни производился ловъ ея. 2) Примѣръ Сулинскаго гирла, которымъ главнѣйше проходитъ красная рыба, поддерживающая изобиліе своихъ породъ въ Дунаѣ, показываетъ, что не только парусное судоходство, но даже и пароходство, по крайней мѣрѣ въ широкихъ рѣкахъ, не вредитъ размноженію рыбы, хотя, конечно, оно можетъ препятствовать производству нѣкоторыхъ весьма выгодныхъ способовъ лова, въ родѣ уральскихъ багренья и плавни, волжской громки, основанныхъ на лежаніи или отдыхѣ рыбы въ спокойныхъ водахъ, гдѣ ее ничто не тревожитъ.

Кромѣ крючьевъ, на Дунаѣ употребляются, для лова бѣлой рыбы: вентеря, выставляемые въ лиманахъ, рукавахъ и протокахъ; плавныя сельдяныя сѣти, одинъ конецъ которыхъ держатъ въ лодкѣ, а другой свободно плыветъ съ пучкомъ куги; трехстѣнная плавная сѣть, оба конца которой держатъ въ лодкахъ, плывущихъ по теченію, и узкіе невода, которыми ловятъ на взморьѣ у самыхъ береговъ или у островокъ по мелямъ. Трехстѣнныя сѣти имѣютъ около 20 саженъ въ длину, и ихъ счаливаютъ обыкновенно по четыре вмѣстѣ. Онѣ называются тягольными сѣтями. Невода, съ ячеями въ 1 вершокъ отъ узла до узла, имѣютъ не болѣе 1 сажени въ вершину и отъ 120 до 160 саженъ въ длину. Подборы ихъ очень тонки; верхняя съ плавками, а нижняя безъ грузилъ. Такой неводъ или волокушу, называемую черепчею, тянутъ не болѣе 4 человѣкъ.

Икра на Дунаѣ приготовляется трехъ сортовъ: зернистая, паюсная и соломурная, которая соотвѣтствуетъ астраханской жаркой икрѣ и также полузернистой икрѣ, которая приготовляется въ Самсунѣ изъ рыбы, ловимой въ Кизилъ и Ешиль-Ирмакѣ. Соломурная икра приготовляется опущеніемъ ястыковъ въ крѣпкій разсолъ, дабы икрянки окрѣпли, прежде протиранья. Хоть она и очень солона, держится однако же хуже паюсной, сдавливаніе которой, уменьшая доступъ воздуха внутрь массы и выжимая бѣлковинныя части, служитъ къ ея сохраненію. Зернистая икра протирается здѣсь не въ разсолъ, а въ пустой сосудъ, и потомъ уже смѣшивается съ солью. Вообще она не довольно тщательно протирается и потому гораздо худшаго достоинства, не только въ сравненіи съ астраханскою, но даже и съ азовскою. Бѣлужья икра цѣнится здѣсь почти вдвое дороже осетровой, тогда какъ въ Россіи цѣна на оба сорта почти одинакова.

Разсчетъ съ работниками производится здѣсь сообразно обычному, господствующему во всей южной Россіи, исполу. Сами рыбаки обыкновенно рыбы не приготовляютъ, а продаютъ свѣжею на солильные заводы, называемые здѣсь кирханами. Не болѣе 4 хозяевъ рыболововъ въ Вилковѣ имѣютъ свои собственные кирханы.

Количество улововъ въ вилковскихъ водахъ. Относительно количества рыбы, ловимой въ настоящее время въ вилковскихъ водахъ, можно имѣть довольно точныя свѣдѣнія, такъ какъ всей улавливаемой рыбѣ дѣлается учетъ сборщиками вамы для турецкаго правительства. Въ 1866 году было поймано рыбы:

Бѣлуги и осетра	27,207 п.	27 ф.
Головизны	3,462 »	9 »
Икры бѣлужьей	1,664 »	
» осетровой	261 »	13 »
» шиповой	40 »	
Сома и коропа	538 »	33 »
Йипрака и шарапа	7,414 »	15 »
Отбоя	7,154 »	14 »
Полуотбоя	2,187 »	36 »
Сельдей крупныхъ	137,000 штукъ	
» мелкихъ	30,000 »	

И того красной рыбы и ея продуктовъ . . . . . . 32,634 п. 36 ф.
Бѣлой рыбы . . . . 17,295 п. 18 ф. и 167,000 шт.

По отчету Широкова за 1843 годъ, помѣщенному въ «Ж. М. Вн. Дѣлъ», было поймано:

Бѣлуги	25,797 пудъ.
Осетра	3,177 »
Севрюги	396 »
Стерляди	82 »
Сома	2,221 »
Коропа	901,736 » (*)

(*) Вѣроятно не пудовъ, а штукъ, потому что далѣе все количество проданной рыбы опредѣляется въ 290,000 пуд. Если изъ этого вѣса вычесть вѣсъ прочей рыбы, то на коропа осталось бы 243,727 пудовъ.

Мелкой рыбы	14,600	пудъ.
Сельдей	222,877	штукъ.

Изъ этой рыбы было приготовлено:

Икры бѣлужьей и осетровой . .	5,287	пудъ.
Вязиги.	50	»
Клею	61	»
Жиру рыбьяго до	500	пудовъ.

Сравнивая обѣ таблицы, мы замѣчаемъ, что количество красной рыбы, пойманной въ оба года, почти одинаково. Нѣсколько большее количество клея, 23 года тому назадъ, объясняется большею тщательностью собиранія его, ибо теперь, при продажѣ рыбы въ свѣжемъ видѣ, клея вовсе не выдираютъ. Что касается до почти втрое большаго количества икры, добытой при Широковѣ съ того же количества рыбы, то не должно упускать изъ виду, что въ рукахъ Широкова съ 1842 года былъ ловъ и на островахъ Четали и Лети, а слѣдовательно и въ Сулинскомъ гирлѣ, которымъ икряная рыба главнѣйше проходитъ вверхъ, тогда какъ Килійскимъ гирломъ болѣе идетъ лѣтняя жировая рыба. Въ то время судоходства по нижнему Дунаю, по причинѣ засоренія гирлъ, еще почти вовсе не происходило, и потому въ Сулинскомъ рукавѣ можно было безпрепятственно производить ловъ. Поэтому Широковъ могъ обращать гораздо болѣе вниманія на ранній весенній ловъ, когда рыба идетъ вверхъ метать икру, тогда какъ вилковцы должны довольствоваться ловомъ въ рѣкѣ покатной рыбы. Наконецъ, можетъ быть, что въ 1843 году шло особенно много икряной рыбы, какъ это иногда случается. Что касается до несравненно большаго количества бѣлой рыбы, то она была поймана не въ Дунаѣ, а въ остальныхъ шести дистанціяхъ, взятыхъ Широковымъ на откупъ, вмѣстѣ съ вилковскою, въ которыхъ находится много, изобилующихъ бѣлою рыбою, лимановъ.

Ловъ въ лиманахъ лѣваго берега Дуная. Лиманы, соединяющіеся съ Дунаемъ посредствомъ ериковъ, населяются рыбою изъ Дуная, и потому прочищеніе этихъ естественныхъ соединительныхъ каналовъ и прорытіе искусственныхъ составляютъ главное условіе изобилія въ нихъ рыбы. Въ этомъ отношеніи эти лиманы имѣютъ сходство съ кубанскими. Уменьшеніе рыболовства и получавшейся съ него русскимъ правительствомъ откупной суммы, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, обратили на себя вниманіе новороссійскаго генералъ губернатора, который изслѣдованіе этого дѣла поручилъ капитану генеральнаго штаба Семякину, который весьма основательно обратилъ вниманіе на оскудѣніе притока прѣсной воды въ лиманы. Жабріанскій лиманъ, говоритъ онъ, постоянно снабжался прежде водою изъ Дуная, черезъ множество ручьевъ или ериковъ, которые и были ежегодно расчищаемы жителями селеній; но когда эти селенія отошли въ аккерманскій уѣздъ, а городъ Килія и селеніе Вилково поступили въ измаильское градоначальство, то часть лимановъ равно поступили въ непосредственное владѣніе города Киліи, и жители города, не имѣя надобности въ водахъ лимана, ибо могли пользоваться текущею водою изъ Дуная, перестали обращать вниманіе на главнѣйшіе ерики, снабжавшіе лиманъ водою, отъ чего они засорились. Къ тому же засуха и мелководіе Дуная въ 1833 году совершенно прекратили всякій притокъ воды изъ Дуная, а лиманъ черезъ это постепенно высыхалъ. Такимъ же образомъ обмелѣлъ вслѣдствіе засухи 1833 года и другой лиманъ—Китайскій, и рыба въ немъ почти совершенно уничтожилась; но когда въ 1834 году онъ нѣсколько наполнился, при половодьи Дуная, то съ этимъ вмѣстѣ взошла и рыба. Соотвѣтственно

этому, Семякинъ совѣтывалъ дозволить жителямъ селеній Жабріаны, Галилешти и Карачковки расчистить нѣсколько ериковъ, для наполненія Жабріанскаго лимана водою.

Я не могу не воспользоваться этимъ новымъ фактическимъ доказательствомъ важности поддержанія сообщенія между лиманами и рѣкою, изъ которой они питаются водою, въ рыболовномъ отношеніи, дабы снова обратить вниманіе министерства на настоятельнѣйшую надобность, какъ можно скорѣе приступить къ устройству кубанскаго рыболовства на основаніяхъ, изложенныхъ во второмъ отчетѣ моемъ «О рыболовствѣ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ», такъ какъ тамъ дѣло идетъ не о поддержаніи изобилія рыбы въ одномъ какомъ-либо лиманѣ, а о предотвращеніи оскуденія рыбы въ цѣломъ Азовскомъ морѣ, съ системою впадающихъ въ него рѣкъ.

Относительно дунайскихъ лимановъ я долженъ замѣтить, что по видимому сообщенія ихъ съ рѣкою находятся въ настоящее время въ довольно исправномъ состояніи, такъ какъ къ этому побуждаетъ личная выгода самихъ ловцовъ. Проѣзжая по берегу Дуная, отъ Измаила до Вилкова, мнѣ приходилось переѣзжать по узенькимъ мостикамъ безчисленное число ериковъ, проводящихъ воду изъ Дуная въ лиманы. Въ этихъ ерикахъ ставятъ промышленники коты и такимъ образомъ перехватываютъ рыбу, которая хочетъ возвратиться изъ лимана въ Дунай, въ чемъ нѣтъ никакого вреда. За то по этимъ расчищеннымъ ерикамъ, весною не запертымъ, въ изобиліи проходитъ рыба въ лиманы, гдѣ и размножается.

Перегородки, которыми запираются ерики послѣ входа рыбы, бываютъ изъ камыша и называются гардами. Въ большихъ протокахъ это настоящія забойки, въ которыя вставляются вентери или коты, чтобы перехватывать рыбу, идущую обратно въ Дунай. Главная рыба въ лиманахъ: шаранъ (Cyprinus hungaricus) и коропъ; довольно много судака; есть щука и лини, леща же мало. Красная рыба заходитъ въ нихъ только случайно.

Лиманы принадлежатъ тѣмъ городамъ или селеніямъ, на землѣ которыхъ находятся, и отдаются ими на откупъ на разныхъ основаніяхъ. Самый значительный ловъ производится: въ лиманахъ Елпухскомъ и соединенномъ съ нимъ Покровскомъ, которые лежатъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Измаила. Главная часть ихъ принадлежитъ болгарской колоніи Болградъ, а остальная—селу Покровкѣ и городу Измаилу. Болградъ отдаетъ свою часть на откупъ за 3000 червонцевъ. Самъ откупщикъ ловитъ 8 неводами на такъ называемой Большой косѣ, а на другой косѣ, называемой Малой, пускаетъ ловить постороннихъ, отдающихъ ему за это четвертую часть своихъ уловов, которую должны сами приготовить и посолить. Покровцы ловятъ сами двумя неводами; а городская часть снимается откупщиками, ловящими также двумя неводами. Всего на лиманахъ Елпухскомъ и Покровскомъ ходитъ 18 неводовъ. Хозяева держатъ по 15 рабочихъ на неводъ, изъ которыхъ одинъ,—кухарь или поваръ, въ ловѣ не участвуетъ а только готовитъ пищу. Уловъ, на общемъ основаніи, дѣлится пополамъ между хозяиномъ и рабочею артелью, но въ дѣйствительности дѣлежъ этотъ только номинальный, ибо хозяева берутъ себѣ всю рыбу, за которую платятъ напередъ условленную цѣну, гораздо ниже продажной. Такъ, во время осенняго и зимняго подледнаго лова, производимаго въ лиманахъ въ обширныхъ размѣрахъ, платятъ хозяева за половину, принадлежащую работникамъ отъ 4 до 5 р. с. (въ уступленной Молдавіи части Бессарабіи счетъ постоянно ведется на русскія деньги) за 100 окъ (отъ 53 до 65 к. за пудъ); сами же продаютъ это количество не дешевле 3 червонцевъ (1 р. 20 к. пудъ). Лѣтомъ платится работникамъ не дороже 3 р. за 100 окъ.

Въ 1867 году, въ нѣкоторыхъ артеляхъ пришлось на брата по 100 р. выручки. Считая среднимъ числомъ по 4 р. за 100 окъ, это соотвѣтствуетъ 7,700 фунтамъ на брата, или 225,000 фунтамъ на неводъ; а на всѣ 18 неводовъ—4,050,000 фунтамъ, или съ небольшимъ 100,000 пудамъ; но такъ какъ 100 р. на брата составляютъ высшую, а не среднюю выручку, то общій уловъ въ Елухскомъ и Покровскомъ лиманахъ нельзя опредѣлить выше 60 или 70 тысячъ пудовъ.

Приблизительное исчисленіе цѣнности уловов въ низовьяхъ Дуная. Судя по значительности этихъ лимановъ, на всѣ остальные лиманы по молдавской сторонѣ Дуная можно положить не болѣе этого количества, такъ что весь лиманный ловъ доставляетъ можетъ быть около 150,000 пудовъ рыбы, приблизительно тысячъ на сто рублей въ годъ. Вилковскій ловъ можно опредѣлить приблизительно въ 70,000 р., какъ оказывается, если помножить количество уловов за 1866 годъ на таксу, по которой опредѣлена цѣна на рыбу, для взиманія турецкой вамы.

Бѣлуги и осетра было добыто на	38,091	руб.
Головизны	2,077	»
Икры бѣлужьей	18,304	»
» осетровой	1,568	»
Клею	2,400	»
Сома и коропа	432	»
Йипрака и шарапа	2,522	»
Отбоя	1,430	»
Полуотбоя	219	»
Крупныхъ сельдей	2,740	»
Мелкихъ	60	»
	69,843	руб.

Ловъ въ Дунаѣ (кромѣ вилковскаго участка) и въ лиманахъ на турецкомъ берегу этой рѣки отдается, какъ мы видѣли, на откупъ за 12,000 червонцевъ, съ правомъ взимать 15% съ уловов. Если бы поэтому откупщикъ не имѣлъ никакого барыша отъ своего откупа, а ограничивался бы дѣйствительно 15% улова, то доходъ съ этихъ промысловъ составлялъ бы около 240.000 р. Я думаю, что его и можно приблизительно положить въ 250.000 р. или немногимъ больше, принимая въ соображеніе, что откупщикъ, безъ сомнѣнія, не довольствуется сборомъ опредѣленной ему закономъ части. Такимъ образомъ цѣнность всего улова въ низовьяхъ Дуная, начиная отъ Рущука, на взморьѣ передъ его устьями, въ лиманахъ праваго и лѣваго береговъ и внутри дельты, опредѣлится приблизительно 420.000 и никакъ не болѣе 45,0000 р. с. Если принять въ разсчетъ величину рѣки, обширность образуемыхъ ею лимановъ и дорогую цѣну на рыбу, ловъ этотъ окажется относительно незначительнымъ, ибо цѣнность уловов въ такихъ ничтожныхъ сравнительно, рѣчкахъ, какъ Кубань и Уралъ, превосходитъ отъ двухъ до трехъ разъ цѣнность дунайскаго рыболовства, не смотря на гораздо дешевую цѣну на рыбу—особенно бѣлую.

Предложенія для развитія черноморскаго рыболовства. Изъ представленнаго описанія рыбныхъ промысловъ въ Черномъ морѣ и въ рѣкахъ, въ него впадающихъ, видно, что не только они сравнительно незначительны, но что и очень мало можно сдѣлать для усиленія ихъ, какъ потому, что запасъ

рыбы въ Черномъ морѣ вообще не великъ, такъ и потому, что прибрежное населенiе значительной части береговъ Чернаго моря имѣетъ весьма мало привычки и склонности къ занятiямъ рыболовствомъ. Для этого достаточно указать на неимѣнiе даже лодокъ въ большей части прибрежныхъ деревень Крыма. Поэтому все, что можетъ сдѣлать правительство, для поднятiя черноморскихъ рыбныхъ промысловъ, состоитъ, почти исключительно, въ устраненiи тѣхъ стѣсненiй, которымъ подвергаются нѣкоторые изъ этихъ промысловъ.

1) Балаклавская бухта не должна быть отдаваема на откупъ, и городское управленiе должно довольствоваться $1/10$ и никакъ не болѣе $1/8$ доли улова.

2) Свобода морскаго рыболовства должна быть наблюдаема съ тою же строгостью въ Черномъ морѣ, какъ въ прочихъ моряхъ Россiи. Посему: а) отдача правительствомъ морскаго рыболовства на откупъ, вдоль береговъ Бессарабiи, должна быть прекращена; б) поборы частныхъ лицъ съ ловцовъ, пристающихъ къ принадлежащихъ имъ берегамъ для производства рыбной ловли, должны быть воспрещены; в) съ этою цѣлью должно быть назначено пространство берега для свободнаго пристанища ловцовъ, сушки рыболовныхъ снастей и устройства временныхъ заведенiй для жилища промышленниковъ и приготовленiя рыбы. Основанiя для опредѣленiя величины этихъ пространствъ изложены мною въ отчетѣ объ азовскомъ морскомъ рыболовствѣ, и потому нѣтъ надобности еще разъ повторять ихъ.

3) Когда нѣтъ въ Турцiи чумы или другихъ заразительныхъ болѣзней, требующихъ строгаго соблюденiя карантинныхъ мѣръ, рыбакамъ должна быть дана полная свобода удаляться отъ береговъ на произвольное разстоянiе; въ особенности должны быть прекращены стѣсненiя въ посѣщенiи крымскаго берега Киркенитскаго залива съ береговъ днѣпровскаго уѣзда, а также и въ собранiи ими птичьихъ перьевъ по берегамъ.

4) Въ отчетѣ объ азовскомъ морскомъ рыболовствѣ предложено мною установленiе пошлины съ занимающихся рыболовствомъ въ этотъ морѣ. Слабое развитiе черноморскаго рыболовства составляетъ, кажется мнѣ, причину, по которой оно могло быть освобождено отъ этого сбора, тѣмъ болѣе, что сумма, которая могла бы черезъ это собираться, была бы весьма ничтожна.

5) Изъ всѣхъ рыбныхъ промысловъ на Черномъ морѣ значительному развитiю подлежитъ только ловъ хамсы; поэтому, если бы нашелся желающiй заняться ловомъ этой рыбы и приготовленiемъ ея въ большихъ размѣрахъ, то денежное пособiе отъ правительства, въ видѣ безпроцентной ссуды на нѣсколько лѣтъ, могло бы ускорить и значительно подвинуть впередъ это дѣло.

6) Нѣкоторую важность могло бы также имѣть приготовленiе анчаусовъ, тюльки, сардельки, султанки и камбалы на манеръ сардинки и другими способами, употребительными во Францiи и Англiи, для заготовленiе рыбы въ прокъ въ герметически запаянныхъ ящичкахъ. Посему полезно было бы поручитв кому нибудь изученiе этихъ способовъ приготовленiя на мѣстахъ. Мнѣ кажется, что весьма удобно было бы поручить это г. Соломону, который уже посланъ министерствомъ за границу и преимуществено во Францiю, для изученiя винодѣлiя. Такъ какъ, по возвращенiи изъ-за границы, г. Соломонъ будетъ жить въ Крыму, то онъ своими совѣтами могъ бы быть полезнымъ тѣмъ, которые пожелали бы заняться этимъ дѣломъ. Ему даже могло бы быть вмѣнено въ обязанность приготовить нѣсколько ящиковъ различныхъ рыбныхъ консервовъ, которые, будучи отправлены на промышленныя выставки въ Петербургѣ или въ Москвѣ, могли бы ознакомить русскую публику съ этими произведенiями Чернаго моря.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

